

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАЖДАНИНЪ

5

12/2021

В НОМЕРЕ

Мастер

Станислав Минаков

Поэзия

*Борис Свердлов**Людмила Клёнова**Андрей Кулюкин**Вероника Сенькина**Мария Знобищева*

Проза

*Тима Ковальских**Максим Жуков**Алёна Белоусенко**Дмитрий Тарасенко*

Фантастика и мистика

Василий Звягинцев

Драматургия

Юрий Табачников

Память

*Юлия Друнина**Александр Лихолёт**Андрей Власов**Владимир Сорочкин*

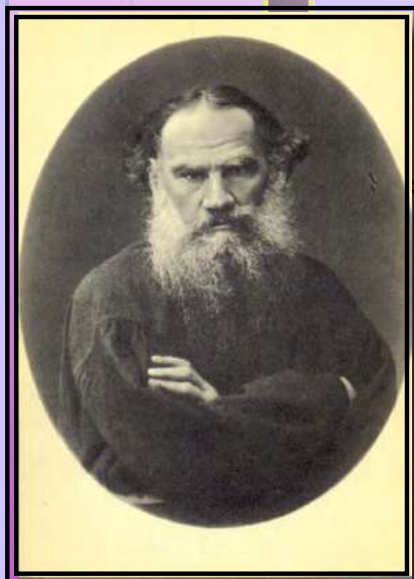
Литературная критика

Поэтическая мозаика 10+

Прощание с Г.С.Ростовским**ПУБЛИЦИСТИКА**Анатолий Воронин – *Талибан*Александр Проханов – *Не топором, а пинцетом*Юрий Поляков – *Мы сами растеряли нашу Победу*Рафаэль Басыров – *Этот праздник со слезами на глазах*Юджин Велос – *Волшебная фраза наоборот*Анна Кирьянова – *О фантасте Александре Беляеве*Юрий Антонов – *Российская литература теряет читателей*Владимир Ильин – *Певец родного края***ЭКСКЛЮЗИВ****Специально для альманаха «Гражданинъ»**

Сверхострая полемика с элементами экзистенциального конфликта между Романом Тихоновым и Арсением Ксешинским на тему литературной критики

АНОНСЫ

Обращение к юношеству

Сегодня это суперактуально!

Неудобный гений

*Сергей
Торцев*

**Лев
Николаевич
Толстой**

Прощание

Трагическая утрата

Геннадий Сергеевич Ростовский
1946 - 2021

МАСТЕР

Станислав Минаков

Современная проза

*Тима
Ковальских*

*Максим
Жуков*

*Алёна
Белоусенко*

*Дмитрий
Тарасенко*

Еще раз об идеологии, морали и цензуре

ответ Виктору Астраханцеву

Леонид Кутырёв Трапезников

Современная поэзия

Драматургия

Антиутопия

Станция «Ч»

*Борис
Свердлов*

*Людмила
Клёнова*

*Мария
Знобищева*

*Вероника
Сенькина*

*Андрей
Кулюкин*

*Юрий
Табачников*

Литературная публицистика

*Юджин
Велос*

**Волшебная
фраза
наоборот**

*Анна
Кирьянова*

**О фантасте
Александре
Беляеве**

*Юрий
Антонов*

**Российская
литература
теряет читателей**

*Василий
Звягинцев*

Когда нас в бой пошлет
товарищ Сталин...

Фантастика

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

*Александр
Проханов*

**Не топором,
а пинцетом**

*Юрий
Поляков*

**Мы сами растеряли
нашу Победу**

*Рафаэль
Басыров*

**Этот праздник,
со слезами на глазах**

**Историческая
публицистика**

ТАЛИБАН

Анатолий Воронин

Вернисаж

Александр Северный

*Арсений
Кешинский*

ЭКСКЛЮЗИВ

**Специально для литературного
альманаха «Гражданинъ»**

*Роман
Тихонов*

**Сверхострая полемика с элементами
экзистенциального конфликта между
Романом Тихоновым и Арсением Кешинским
на тему литературной критики**

**Очерки жизни
Певец родного края
Владимир Ильин**

ПАМЯТЬ

Культура

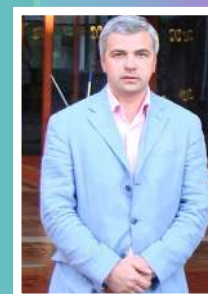
Серпом по...

О вампирско-пионерском сериале «Пищевлок»

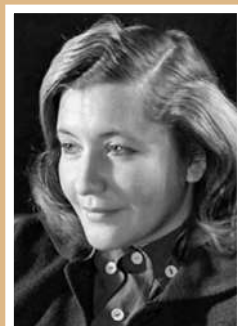
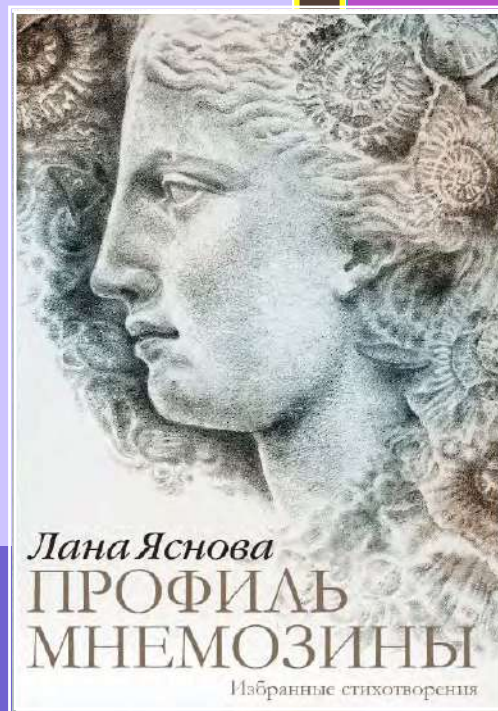

Александр Токарев

Андрей Тарковский без глянца

Александр Макеев

Юлия Друнина

Товарищ Юлия

Геннадий Ростовский

Андрей Власов

Горюн русской поэзии

Лариса Калинина

Владимир Сорочкин

Памяти Владимира Сорочкина

Валерия Салтанова

Александр Лихолёт

Трудный путь к небу

Светлана Лихолёт

Лана Яснова

Презентация книги

И только музыка гудит во всю шумелиную октаву...

Валерия Салтанова

Литературная критика прозы, поэзии и драматургии, опубликованных в альманахе

Поэзия

*Геннадий
Ростовский*

*Тамерлан
Техов*

*Надя
Делаланд*

*Светлана
Скорик*

*Ирина
Соляная*

Фантастика

*Геннадий
Ростовский*

Проза

*Вероника
Астрова*

*Максим
Жуков*

*Юрий
Юзов*

*Наталья
Сергеева*

Мозаика

*Роман
Тихонов*

*Арсений
Кшешинский*

Драматургия

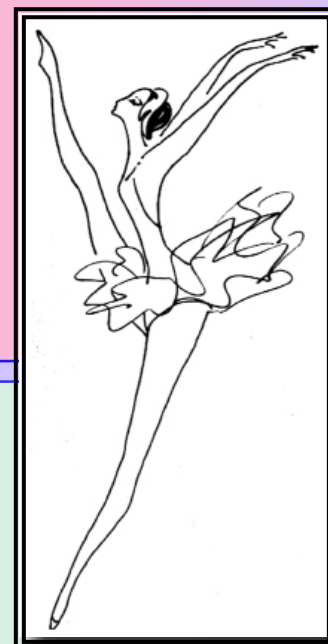
*Наталья
Сергеева*

Искусство

**Надежда
Рушева**

Светлана Астрикова-Макаренко

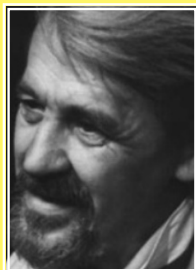
ПОЧТА

*Отзывы, критика, мнения,
предложения, благодарности*

МОЗАИКА

Литературная Игра ассоциаций ТиС

Владимир
Безладнов

Виктор
Карпушин

Андрей
Данильсон

Евгений
Харитонов

Александр
Рыжков

Владимир
Родионов

Надя
Гуреева

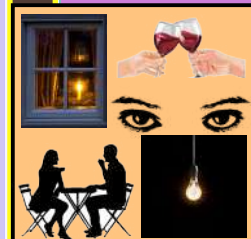
Лана
Юрина

Геннадий
Васильев

Вячеслав
Кислицын

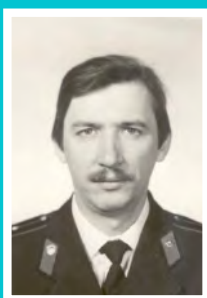

Юмор

Александр
Росляков

Лев Толстой
как зеркало

Евгений
Татарников

Разговор с
молдавским
радио

П а р о д и и

Юрий
Фрагорский
(Птицелов)

Информация

СОДЕРЖАНИЕ

интерактивная навигация

Альманах №5

Прощание с Г.С.Ростовским

Трагическая утрата..... 16

Шеф-редактор

Еще раз об идеологии морали и цензуре

Л.А.Кутырёв Трапезников.....26

Контекст

Верьте себе

Л.Н.Толстой.....33

Неудобный гений

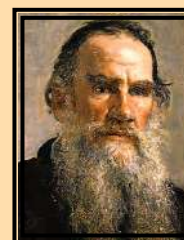
Сергей Горцев.....35

Комментарии в ответ на письмо Сергея Горцева.....39

О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай»

Александр Куприн..... 45

Цитаты из Льва Толстого..... 46

Мастер

Служение Родине

Станислав Минаков.....49

Поэзия

<i>Я пишу о родине моей</i> Борис Свердлов.....	67
<i>Постигаю любви науку</i> Людмила Клёнова.....	74
<i>Прячу сердце и прячусь от всех</i> Мария Знобищева.....	80
<i>Увы и ах, реальность такова</i> Вероника Сенькина.....	88
<i>Кленовый сок воспоминаний</i> Андрей Кулюкин.....	93

Проза

<i>Триптих «Герои»</i> Тима Ковальских.....	101
<i>Побег от дьяволов Кармадона</i> Максим Жуков.....	111
<i>Преодоление миражей</i> Алёна Белоусенко.....	115
<i>Легенды Крыма</i> Дмитрий Тарасенко.....	128

Эксклюзив

<i>Поединок литкритиков (не без иронии)</i> <i>Эксперимент</i>	141
---	-----

Публицистика историческая

<i>Талибан</i> Анатолий Воронин.....	151
--------------------------------------	-----

Публицистика политическая

<i>Не топором, а пинцетом</i> <i>Александр Проханов</i>	157
<i>Мы сами растеряли нашу Победу</i> <i>Юрий Поляков</i>	159
<i>Этот праздник, со слезами на глазах</i> <i>Рафаэль Басыров</i>	161

Публицистика литературная

<i>Волшебная фраза наоборот</i> <i>Юджин Велос</i>	165
<i>О фантасте Александре Беляеве</i> <i>Анна Кирьянова</i>	173
<i>Российская литература теряет читателей</i> <i>Юрий Антонов</i>	175

Очерки жизни

<i>Певец родного края</i> Владимир Ильин.....	179
---	-----

Мозаика*Бабья слабость и несгибаемость*

Владимир Безладнов..... 187

И сказочка ещё не началась

Виктор Карпушин..... 188

Весна пришла по таящим снегам

Андрей Данильсон..... 189

Впитали горечь алые рябины

Евгений Харитонов..... 190

Повсюду железные двери

Александр Рыжков..... 191

На древней липе птички пересуды

Владимир Родионов..... 192

Брести по свету первого холста

Надя Гуреева..... 193

И я начинаю жить

Лана Юрина..... 194

И долгое дрожание строки

Геннадий Васильев..... 195

А поутру с тобой воскреснуть

Вячеслав Кислицын..... 196

Вернисаж

Александр Северный..... 197

Драматургия*Станция «Ч»*

Юрий Табачников..... 201

Фантастика*Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...*

Василий Звягинцев..... 211

Память*Товарищ Юлия*

Геннадий Ростовский..... 235

Поэзия совести

Юлия Друнина..... 240

<i>Трудный путь к небу</i>	
Светлана Лихолёт.....	245
<i>Мой Александр Лихолёт</i>	
Леонид Кутырёв Трапезников.....	250
<i>Поэзия смыслов</i>	
Александр Лихолёт.....	253

<i>Утрата. Владимир Сорочкин.....</i>	260
<i>Памяти Владимира Сорочкина</i>	
Валерия Салтанова.....	261
<i>Тьмы не существует...</i>	
Владимир Сорочкин.....	263
<i>Мой друг, ушедший в мир теней</i>	
Валерия Салтанова.....	266

<i>Горюч русской поэзии</i>	
Лариса Калинина.....	267
<i>Жизнь возвратится, будто бумеранг</i>	
Андрей Власов.....	273

Книги

<i>Профиль Мнемозины Лана Яснова</i>	283
<i>И только музыка гудит во всю шмелиную октаву...</i>	
Валерия Салтанова.....	284
<i>Все чувства и краски нужны человеческой душе...</i>	
Лана Яснова.....	286

Литкритика

<i>С избытком дано человеку...</i>	
Геннадий Ростовский.....	289
<i>Небеса нараспашку</i>	
Ирина Соляная.....	291
<i>Осенний пейзаж как способ видения мира</i>	
Тамерлан Техов.....	293
<i>Алхимия слова и музыки</i>	
Надя Делаланд.....	296
<i>По лунному мосту воспоминаний</i>	
Светлана Скорик.....	299
<i>Размышляя о прочитанном</i>	
Геннадий Ростовский.....	302
<i>Добрые рассказы</i>	
Наталья Сергеева.....	307
<i>Беречь души, а не лечить?</i>	

Максим Жуков.....	309
<i>Очарованный Крымом</i>	
Юрий Юзов.....	311
<i>Интересно и необычно</i>	
Вероника Астрова.....	316
<i>Драматургия Юрия Табачникова</i>	
Наталья Сергеева.....	317
<i>Разгадывая загадки поэзии</i>	
Арсений Ксешинский.....	319
<i>Время сортировать камни</i>	
Роман Тихонов.....	325

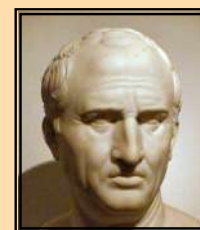
Искусство

<i>Надежда Рушева. Легкость гения</i>	
Светлана Астрикова Макаренко.....	335

Культура

<i>Серпом по...</i>	
Александр Токарев.....	345
<i>Андрей Тарковский без глянца</i>	
Александр Макеев.....	347

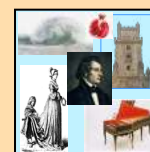
Ха-ха-ха

<i>Разговор с молдавским радио</i>	
Евгений Татарников.....	357
<i>Лев Толстой как зеркало</i>	
Александр Росляков.....	361
<i>Пародии</i>	
Юрий Фрагорийский (Птицелов).....	364

Игры (литературные)

<i>Игра ассоциаций ТИС</i>	371
----------------------------------	-----

Почта

<i>Отзывы читателей о №4</i>	375
------------------------------------	-----

Наши авторы

<i>Кто есть кто?</i>	379
----------------------------	-----

ГражданинЪ

Творческие работы принимаются к рассмотрению на предмет публикации в альманахе «Гражданинъ» по адресу:

1grazhdanin@mail.ru

Арт-студия «Web-Retro»

принимает заказы по дизайну и вёрстке книг, сборников, журналов, альманахов, брошюр для издания в бумажном и электронном виде.

Цена договорная, минимальная.

Эл.почта: ich-p2@yandex.ru

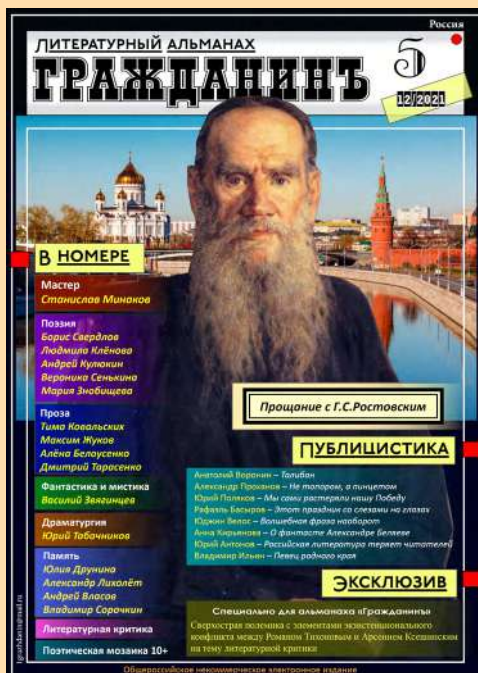
Соцсети, где располагаются группы литературного альманаха «Гражданинъ», можно найти на задней стороне обложки – стр.390

Скачать или читать предыдущие номера литературного альманаха «Гражданинъ» – смотрите заднюю сторону обложки на стр.390

Коллажи в альманахе созданы из картин и фотографий, найденных в общедоступном Интернете

Фотография фона лицевой и задней сторон обложки взята из общедоступного Интернета

Картина на лицевой стороне обложки – Портрет Л. Н. Толстого работы Николая Ярошенко

Общероссийское некоммерческое электронное издание – Литературный альманах «Гражданинъ» ©
Объем: 390 страниц с иллюстрациями.
Публикуется и распространяется бесплатно.
Почта для рукописей – 1grazhdanin@mail.ru
Номер подписан к публикации 20.12.2021

Литературный альманах
ГРАЖДАНИНЪ
приглашает рекламодателей
к взаимовыгодному сотрудничеству

На все материалы, опубликованные в альманахе «Гражданинъ», редакцией получены личные согласия авторов

Редакция литературного альманаха ГРАЖДАНИНЪ благодарит всех авторов, публикующихся на страницах нашего издания, за бескорыстную поддержку и согласие на безвозмездные публикации в нашем альманахе

Приглашаем профессиональных писателей, поэтов, публицистов и литературных критиков к сотрудничеству в альманахе.

Наша почта:
1grazhdanin@mail.ru

Уважаемые коллеги! Приглашаем профессиональных литераторов для работы в Редакции альманаха. Почта по вакансиям 1grazhdanin@mail.ru

Почта альманаха уже пополняется письмами от читателей. Наиболее интересные и значимые письма мы публикуем на страницах альманаха. Вы можете отправлять свои письма на почту 1grazhdanin@mail.ru

Дорогие читатели! Мы заинтересованы в улучшении нашего альманаха и будем рады вашим отзывам и предложениям, которые обязательно учтем в работе над следующими номерами. Наша почта – 1grazhdanin@mail.ru

Учредители альманаха Редакционная коллегия

*Лев Вьюжин, Рустам Карим,
Леонид Кутырёв-Трапезников,
Юрий Фрагорийский (Птицелов)*

Геннадий Ростовский

*Лев Вьюжин,
Леонид Кутырёв-Трапезников,
Евгений Чупров,*

Геннадий Ростовский

Редакция

Шеф-редактор

Леонид Кутырёв-Трапезников

1-ый зам шеф-редактора

Геннадий Ростовский

Завотделом поэзии

Евгений Чупров

Завотделом прозы

Завотделом публицистики

Завотделом критики

Завотделом культуры и искусства

Ответственный секретарь

Наталья Сергеева

В коллектив Редакции альманаха с января 2022 года войдут несколько новых сотрудников. 6 номер альманаха будет готовить расширенная Редакция.

Идеи дизайна альманаха
Автор сайтов
ЛИТПОЭТОН и ГРАЖДАНИНЪ
Лев Вьюжин

Иллюстратор
Татьяна Андреева

Создание образа и вёрстка альманаха
Арт-студия «Web-Retro» при участии фото-мастерской «Имидж-Чудо»

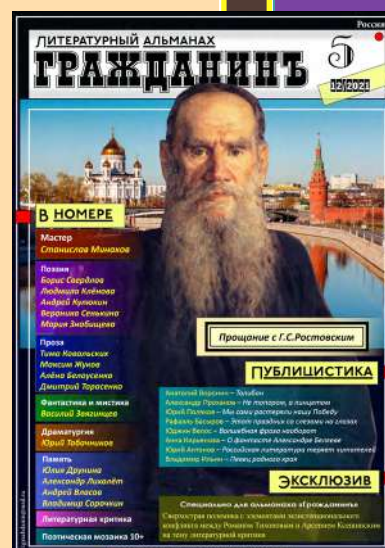
Фотоэффекты
Фотомастерская «Имидж-Чудо»

Уважаемые читатели и авторы нашего альманаха!
С 21 декабря 2021 года открывается подписка на
Литературный альманах «Гражданинъ» –
общероссийское некоммерческое электронное издание.

При оформлении подписки Вам будут высылаться
все пять номеров альманаха,
а с №6 каждый последующий.

Почта для подписки:

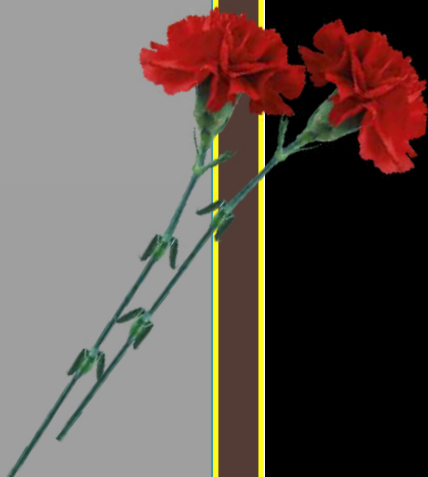
grazh-rochta@mail.ru

Редакция
альманаха
ГРАЖДАНИНЪ

Прощание

Трагическая утрата

Геннадий Сергеевич Ростовский
1946 - 2021

Прощай, дорогой мой друг и товарищ!

Это тяжкая утрата для родных и близких Геннадия Сергеевича.
Я соболезную им, и вся наша редакция соболезнует им...

Именно здесь в альманахе мы стали друзьями. Геннадий Сергеевич любил наш альманах и часто спрашивал меня, не устал ли я от этой работы... Нет, отвечал я, мы с тобой ещё выпустим много номеров. Он успокаивался. Вел переговоры и набирал материалы уже на 6 номер. И с нетерпением ждал, когда же выйдет 5 номер?

По сути, на нём держалось всё содержание нашего альманаха, через него проходило огромное количество авторов и литературных материалов.

Геннадий держал в руках все нити и связи альманаха...

Он верил -- наш альманах нужен России.

Он написал мне 14 ноября 2021 года:

– А если я скоро умру — то что?

Потом добавлял:

– Надеюсь ещё несколько лет прожить.

Он выходил на связь последний раз 17 ноября.

С 18 ноября Геннадия Сергеевича уже не было в Интернете.

Я ему постоянно звонил в эти дни, но телефон молчал.

Сердце заполняла тревога и страшное предчувствие...

Мы искали его везде, где только было возможно.

И потом пришло сообщение от его сына...

И в одночасье всё рухнуло.

Он работал на даче, готовя свой любимый сад к зиме... Потом уезжал домой и работал над альманахом...

В декабре он должен был прибыть в военный санаторий под Москвой – подлечиться и отдохнуть. Не получилось.

Для многих уход Геннадия Сергеевича Ростовского стал тяжелейшей утратой.

Для альманаха «Гражданинъ» его уход из жизни – это невосполнимая потеря, настоящая трагедия, катастрофа...

Редакция благодарна его сыну Андрею, который передал нам материалы подготовленные отцом для публикаций в шестом номере. Они обязательно появятся, и Геннадий Сергеевич снова будет с нами...

Он летел по жизни, как большая сильная птица. Так и улетел, скрывшись за облаками в неведомый нам мир.

Прощай, дорогой мой друг и товарищ!

От лица всей Редакции литературного альманаха «Гражданинъ»

Шеф-редактор альманаха

Леонид Кутырёв-Трапезников

Слово прощания

Опубликовано 21.11.2021 автором Родное слово

Ушёл из жизни известный астраханский поэт и публицист Геннадий Сергеевич Ростовский. Член Союза писателей России, автор многих книг стихотворений и очерков, огромного количества публикаций в периодических изданиях, лауреат литературной премии имени Михаила Луконина, он в нынешнем году отметил своё 75-летие. Издав первый поэтический сборник сразу после окончания Астраханского педагогического института, поэт посвятил жизнь службе в армии, выйдя в отставку в чине полковника. Город ракетчиков Знаменск стал его судьбой и любовью. Ему он посвятил не только многие стихи, но и документальную прозу. Г.С. Ростовский был автором слов многих песен, в том числе, и гимна Знаменска, редактором газеты «Диалог». Геннадий Сергеевич был настоящим гражданином своего Отечества, патриотом, не принимающим нравов новейшего времени с тягой ко вседозволенности, с размытостью духовно-нравственных принципов и традиций. Он страстно боролся за то, чтобы в обществе царили правда и справедливость. Многие произведения Ростовского остро социальны и направлены против разрушителей устоев нашего общего дома – России. В последние годы он много сил и энергии отдал выпуску всероссийского альманаха «Гражданинъ», привлекая для участия в нём многих литераторов страны, в том числе, и астраханских поэтов, прозаиков, публицистов. Геннадий Сергеевич был и душой, и организатором этого очень интересного периодического издания. Смерть не дала осуществиться многим его творческим замыслам. Но и то, что он оставил после себя на земле, занимает и будет занимать достойное место в сердцах читателей, в памяти всех честных людей.

«Иных уж нет, а те – далече.

И ты не вечен под луной.

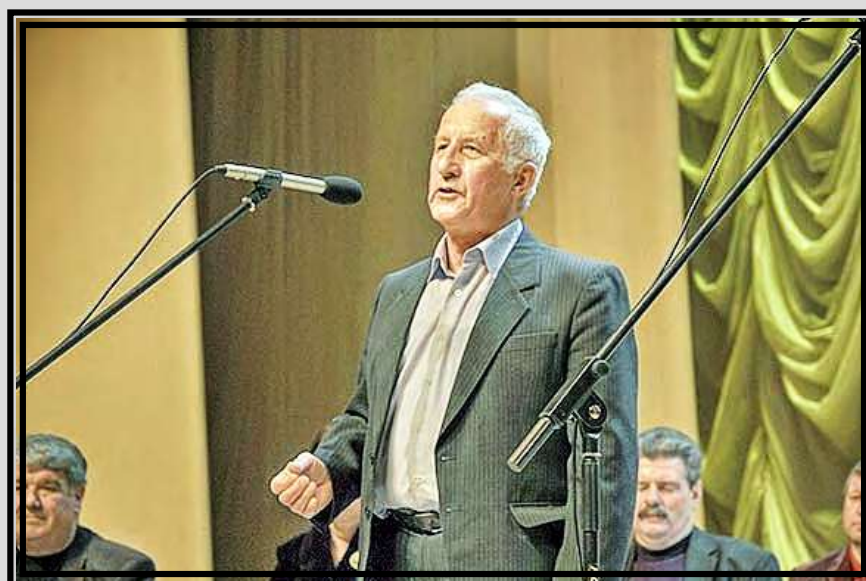
Спешу оставить, человеке,

Свой добрый след в судьбе иной».

Эти строки много лет вели по жизни незабвенного поэта и гражданина.

Да будет след, оставленный в душах современников Геннадием Сергеевичем Ростовским, глубоким и светлым.

Правление Астраханского регионального отделения Союза писателей России.

Геннадий Сергеевич Ростовский

Поэты умирают молодыми

* * *

Поэты умирают молодыми.
Кто на дуэли гибнет, кто в петле.
А те, что живы – с юных лет седые.
Не волосы, так души их в золе.

Судьба меня хранила и вела,
Чтоб не сломался я и не загинул.
Ни спиться, ни свихнуться не дала
И ни досрочно этот мир покинуть.

Но под золою – угли золотые.
То – детства продолжающийся свет.
Поэты умирают молодыми,
Пусть и доживши до преклонных лет.

Но жизнь-то продолжается покуда.
Что будет завтра – знать мне не дано.
Я лишь надеюсь, что не выпит кубок
До дна, в котором чудное вино!

1987 г.

Уходим

Октябрьский денёк, грязно-серый, заплаканный,
Тосклив, как хозяином брошенный пёс.
Стесняясь пожухлой рванины с заплатками,
Он прячет за шарфик сопливый свой нос.

Потери, потери, сплошные потери!
Им нет и, наверно, не будет конца.
Одна за другой закрываются двери,
Калитки и ставни, глаза и сердца.

Уходят, в туманной дали растворяясь,
Безмолвные тени любимых людей,
В одних фотоснимках моих оставаясь,
В одной только памяти грустной моей.

Ложились когда-то легко на бумажку
Слова, а теперь им мешает кадык.
Была нараспашку душа из рубашки,
Застёгнут теперь до конца воротник.

Что делать! – идёт к завершению песня.
Надеюсь, фальшивых в ней не было нот.
Наверно, и мне вслед за вами, ровесники,
Пора собираться в далёкий поход.

Уходим, мотор изнашив и обшивку.
Уходим, как в море уходит баркас.
Пусть в заводях белые звёзды кувшинок
Жемчужной слезою помянут всех нас.

Но всё ж нас оплакивать слишком не надо.
Всему в этом мире приходит черёд.
Закончится дождик, пойдут снегопады,
А там и весна за окном запоёт.

Пусть юность цветёт и гремит дискотеками
И счастье сияет на детском лице,
Пусть жизнь исполняет не Моцарта реквием –
Чайковского праздничный Первый концерт.

Вроде бы умом ещё не тронулся...

Вроде бы умом ещё не тронулся,
Словно лёд по мартовской воде,
Но, чего коснусь, к чему притронусь я
Взглядом: всё не так и все – не те!

Посмотрю на яблонь цвет весенний –
То не цвет, а белых яблонь дым.
Шепчет в ухо мне Сергей Есенин:
«Ты не будешь больше молодым».

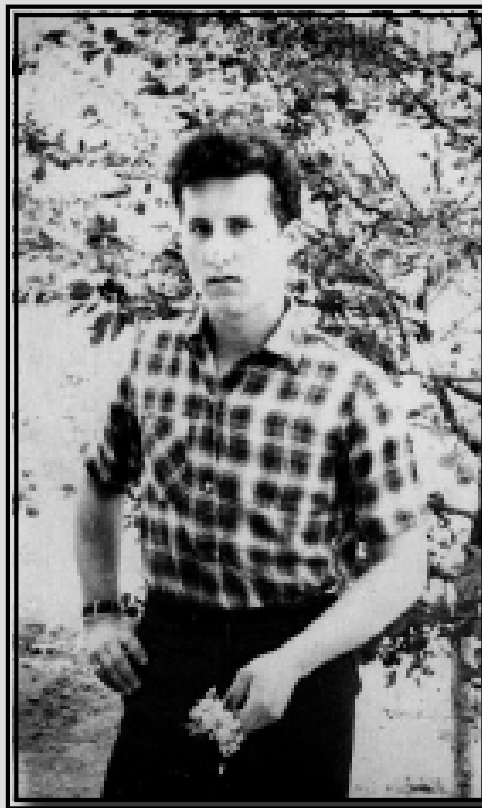
На рассвете бледно-марганцовом
Встречу зайца. Свистну – не догнать!
Он, скакнув из сборника Рубцова,
Прыснет в лес Мазая вспоминать.

Залюбуюсь Волгою туманной -
Тут же померещится всерьёз:
Тот баркас - Рембо корабль пьяный,
Чайка та - Бодлера альбатрос.

Встречу ту, что всех была желанней –
В тот же миг вскипят и мозг, и кровь,
Завихрится смерч воспоминаний,
Противоречивых чувств и слов.
И: «я не унижусь пред тобою»...
И: «я встретил Вас, и всё былое»...

Облако в штанах плывёт по небу.
Незнакомки профиль в полумгле.
Камень держит нищий вместо хлеба.
А свеча сгорает на столе...

2005г.

Прекрасен наш союз!

Уже октябрь. Ещё не отряхают
Свою листву деревья во дворе.
Но в парках клёны рдяно полыхают,
И степи ранним утром в серебре.

Ещё не ощущается предзимье.
Но бабье лето всё-таки прошло.
Бедой и счастьем полнятся корзины.
По-крупному – нам всё же повезло.

Ещё душа прекрасному подвластна.
Ещё седлаем песенных коней.
Но дни рожденья празднуем с опаской.
Их много ли осталось, этих дней?

Богатств не накопили стопудовых.
Не лезем вверх, к сиянию лампас.

Им власть дана, а нам даётся слово.
Так пусть пребудет слово после нас.

Подняв бокал над сыром и котлетой,
Не ощущая лет прожитых груз,
Я восклицаю следом за поэтом:
-Друзья мои, прекрасен наш союз!

Постскриптум:

В конце застолья всё-таки огрузнув,
Почуяв, что домой давно пора,
Я пожелаю здравствовать и Музам,
И разуму. Особенно - с утра...

Соболезнования

Татьяна Дробжева:

Ах! Геннадий Сергеевич! Мой замечательный товарищ и наставник... Именно он привлек меня к сотрудничеству в Альманахе «Гражданин», где была опубликована моя критическая статья на творчество московской поэтессы Анны Токаревой. Для меня это было честью! Последняя запись в переписке в Одноклассниках — 11 ноября, где Геннадий Сергеевич радовался хорошей погоде, так как собирался укрывать виноград на зиму... Сколько жизненной энергии, сколько планов на будущее... И все это рухнуло в один миг!.. Каких прекрасных людей мы потеряли за последнее время, и вот — Ростовский... Вечная память Великому Мастеру Слова! Соболезнование родным, близким и друзьям!

Борис Свердлов:

На прошлой неделе мы обсуждали с ним мою публикацию стихов в журнале «Гражданин» И вот пришло страшное известие о кончине! Геннадий Сергеевич, мир праху твоему и Вечная Память! Очень горько!

Александр Уколов:

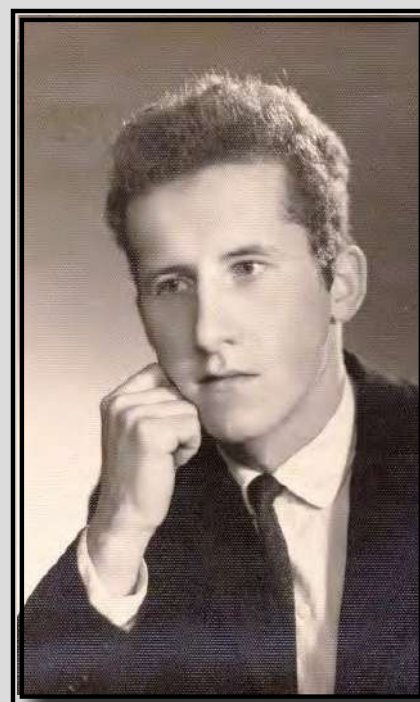
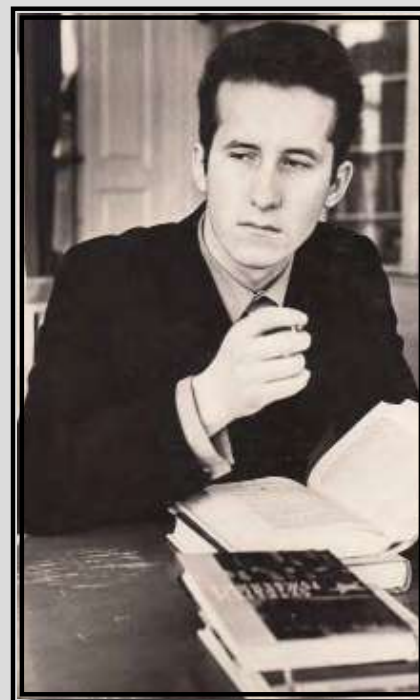
Только что дошло трагическое известие о Геннадии Ростовском. Сначала не поверилось, а потом новость ошеломила своей безжалостной реальностью. Ведь кажется недавно через «Родное слово» мы вспоминали с ним нашу юность, «литературные истоки», ушедших земляков-поэтов. Я тогда напомнил, что поэты живы, пока есть хоть один отзывчивый читатель. Литературное наследие Геннадия Ростовского отражает целую эпоху своего поколения от романтизма шестидесятых до технократии современности, и поэтому оно уникально, ценно и будет востребовано. Но сколько бы он еще написал! Уходят настоящие люди, настоящие поэты, и с каждой потерей на душе становится больше и сиротливее, все ближе холодок потустороннего. Царствие Небесное, Геннадий Сергеевич! Спасибо за то, что был рядом, за искренность и благородство чувств, за пример служения идеалам любви, долга и правды

Дина Немировская:

Раздавлена этим жутким известием. Совсем недавно переписывались... Прощай, Друг и земляк!.. Вечная тебе память...

Павел Потлов:

Это очень большая потеря для литературы, скорблю.

Наталья Сергеева:

Светлая память удивительному, талантливому, настоящему Человеку. Нам будет его очень не хватать.
Ответственный секретарь литературного альманаха «Гражданин»

Павел Данич:

Мой замполит, лучший! Служили вместе в управлении вч 29139, мы одногодки, после увольнения много раз общались по электронке, книги свои на прочтение посылал – класс!!! Родной Кап-Яр, Знаменск, полигон, людей исследовал и т. д., чем оставил память о себе, сослуживцам и потомкам! Жаль рано ушел, просто рано. Соболезную близким по поводу кончины Геннадия, будем помнить!

Надежда Булова (РЕМИЗОВА):

Ушёл из жизни мой однокурсник Геночка Ростовский, но не из памяти. Царствие Небесное рабу Божию Геннадию, Вечная память и Вечный покой. Скорблю. Соболезную родным и близким всем сердцем.

О.Флярковская:

Огромное горе! Невосполнимая потеря для сайта. Сколько добра сделал человек, беззаветный труженик! Сколько сборников составил, конкурсов организовал и провёл! Отличный поэт, человек достойный и на редкость скромный...

Скорблю. Меня лично связывали с ним очень добрые и уважительные отношения...
Вечная память.

Лев Фадеев:

Вечная память!

Спасибо Галина, что так достойно отметила эту потерю.

Очень достойный Человек и автор. Своё мнение, своя позиция. И главное, что Геннадий Ростовский всегда был на своём месте. И сейчас чувствуется, что это место пусто. Заменить его невозможно.

Моя памятная свеча.

Виолетта Баша:

Какая утрата. Больно...

Геннадия я заметила еще в 2008 году и присудила его стихотворению «Когда отблестят парады», там есть еще слово про щемящую тишину, первое место. Это был первый конкурс сайта к 9 мая 2008. А потом... он ушел с сайта. Вспоминала это стихотворение и стала его искать. Нашла на сайте Общелит. Написала просьбу вернуться. А аккаунт молчит. Ответил он не сразу, то ли редко туда заходил, то ли думал. Но вернулся и постепенно вошел в состав редколлегии, дальше стал зам. глав. реда сайта. Много работал. Честный, прямолинейный, порой строгий по военному, товарищ полковник.

Уважала его всегда. Был момент, когда я сильно с ним поссорилась. Именно из-за пустяка – его командного тона. Он мне поручил написать статью для «Гражданина» о прозе одного из наших авторов. А я решила, что мне поручать нельзя, надо меня просить. Какой пустяк. Он, видимо, не тратил время на такие. А я, как девушка трепетная..., отказалась. Обида. А потом искала возможность помириться. Прошло время, и Лео Сильвио мне помог, передал мои искренние извинения за этот отказ и резкие слова.

А потом, совсем недавно, пришло от Гены письмо с приглашением посетить тему на форуме, где я заступалась за нашего президента, а автор написал клевету на Путина. Туда пришел Геннадий, не мог пройти мимо такого. И они беседовали о том, какой нужен форум с нашими руководителями Альбертом. И про журнал Гражданинъ. Я была очень рада тому, что Гена мне написал и это значило, что прощена. Пришла и поддержала его. Потому что Гражданинъ – это тоже наши авторы, нашей любимой избушки.

Это было несколько дней назад.

И тут... такое известие.

Все, что я написала сейчас, от души – хочу сказать, что человек был честный, говорил правду в лицо, служил литературе беззаветно и России нашей...

Светлая тебе память, товарищ полковник. Поэт. Гражданин.

У меня позавчера был сердечный приступ. Врач хотела силой по скорой в больницу отправив. Я отказалась, подписав документ о том, что снимаю ответственность с доктора, сейчас балансирую и выкарабкиваюсь.

Но теперь, когда нас, защитников России, стало на одного бойца меньше, буду работать за двоих. Ты брал на себя много, большую нагрузку...

Поэт и Полковник России.

Уважала, уважаю и буду помнить...

Краткая биография

Геннадий Сергеевич Ростовский

Место и время рождения: г. Астрахань, 8 апреля 1946 года.

Образование – высшее. Полковник в отставке.

Член Союза писателей России. Лауреат литературной премии имени Михаила Луконина, победитель Всероссийского конкурса «Твои, Россия, сыновья!»

Изданы книги:

«Зал ожидания». Из серии «Первая книжка поэта». Волгоград, 1968 г.

«Над ночным полигоном». Стихи. г. Ленинск Волгоградской обл., 2002г.

«Ты не забудешь». Стихи. Астрахань, Астраханское отделение Союза писателей России, 2003г.

«НЛО над Капустиным Яром». Стихи. Волгоград, 2004г.

«Область любви». Стихи. Волгоград, 2005г.

«От «Беркута» до «Триумфа», документально-исторические очерки, Волгоград, 2006г.

«Капустин Яр: село, город, полигон», книга документально-исторических очерков. Волгоград, 2006г.

«Василий Иванович Вознюк: человек-легенда», биографический очерк (к 100-летию со дня рождения). Волгоград, 2006г.

«Музыка души», стихи, г. Ленинск Волгоградской обл., 2007г.

«Листая жизни календарь», г. Ленинск Волгоградской обл., 2008г.

«РВСН начинались в Капьяре». Публицистика. г. Ленинск Волгоградской обл., 2009г.

«Пока живу - жива надежда», стихи, г. Астрахань, Астраханское отделение Союза писателей России, 2010г.

«День минувший, день сегодняшний», книга воспоминаний, г. Ленинск Волгоградской области, 2013г, 100 экз.

«Были и небылицы полигона». 2015 год, 300 экз.

Изданы и другие книги.

От редакции

Материалы из творчества Геннадия Сергеевича Ростовского
читайте в 6 номере альманаха «Гражданинъ»

Шеф-редактор

Еще раз об идеологии, морали и цензуре

Ответ Виктору Астраханцеву

**Леонид
Кутырëв-
Трапезников**

Геннадий Сергеевич Ростовский незадолго до своей смерти передал мне письмо Виктора Астраханцева и попросил меня обязательно ответить.

Сегодня я выполняю просьбу моего дорогого друга и товарища по альманаху...

Приветствую Вас, господин Астраханцев!

Ваше письмо опубликовано в этом номере в рубрике «Почта» на страницах 376-377 в том виде, в каком я получил его от Г.С.Ростовского. Надеюсь, что разночтений у нас не будет.

Понятно, что я отвечаю не столько Вам лично, сколько многим людям с похожими на Ваши взглядами и убеждениями. Кстати, никаких иллюзий у меня нет относительно возможности что-либо доказать или объяснить. Но сейчас давайте разбираться по порядку.

1) Литература не может существовать вне идеологии

Вот Вы пишете, что «воинственный характер вступительной статьи Леонида вызвал оторопь».

Я не понимаю, почему Вас так поразил воинственный характер моих высказываний?

Да, воинственный, я не отрицаю этого. Больше скажу. Моя речь в той статье была не просто воинственной, а еще яростной и непримиримой. И это было правильно!

Почему?

Сообщаю общеизвестную информацию, если Вы её не знаете, конечно.

Мы сегодня живём не в мирной, спокойной и стабильной цивилизации. Россия на грани горячей войны, а холодная или гибридная раскручивается всё сильнее и сильнее. Внешнее окружение, особенно, Западное откровенно враждебно к нашей стране и грозит нам самыми страшными карами вплоть до ядерных ударов по России. И не просто грозит, но и многое делает, чтобы расколоть нашу мирную жизнь. В сущности, нас хотят уничтожить.

Разве это не так?

Это именно так.

Мы сегодня живём не в дистиллированном российском обществе, не в мирной, спокойной и стабильной обстановке. Нет, внутри нашей страны немало людей, партий и организаций имеют очень сильное, даже слишком сильное желание раскатать государство, привести к революции и, в конечном счёте, разрушить его.

Разве это не так?

Это именно так.

И после того, как Вы всё это узнали от меня, у Вас вновь появляется оторопь от воинственного характера моих слов?

А как мне нужно говорить, если речь идёт о смертоносном противостоянии с врагами моей Родины, ненавистниками России и патологическими русофобами?

Мои слова и должны нести в себе безжалостный огонь уничтожения негодяев.

Однако не будем тормозить на «воинственности».

Идём дальше.

Вот Вы зацепились за мои слова: «Литература не может существовать вне идеологии». И приводите свои аргументы:

«А какая идеология была у Гоголя, Чехова, Фета, Есенина?»

На этом остановимся, чтобы ответить очень подробно.

Что такое идеология?

Возьмём самое простое и краткое определение.

Идеология – совокупность принципов, взглядов, понятий, традиций, которые выражают интересы человека, социальной группы, общества, государства.

У каждого человека, в том числе, у творческих людей всегда существует своя идеология – это совокупность принципов, взглядов, понятий, традиций, выражающих интересы этого человека.

У всех есть своя идеология, человек не существует вне или без идеологии.

И не говорите мне, что у Вас нет идеологии!

У Вас есть мировоззрение, мироощущение, миропонимание? Наконец, у Вас есть свои принципы, взгляды, понятия, традиции, выражающие Ваши интересы?

Обязательно есть! А это значит, что у Вас есть своя идеология.

Вот и у перечисленных Вами писателей и поэтов (Гоголя, Чехова, Фета, Есенина) была своя идеология. Какая именно?

Она отражена в их творчестве.

Надо проанализировать творчество этих писателей и поэтов, чтобы выявить у каждого из них свою идеологию.

Но главное, априори – эта идеология есть.

Далее о более важном.

Большинство населения нашей страны прошло через катастрофический развал Советского Союза. По злой воле в «святые девятности» случились отказ от идеологии и последующее уничтожение привычного общественного уклада. Конечно, никакого отказа от прежней идеологии не было – её просто подменили, обманули народ, солгали и смошенничали. Нам подбросили либерально-западную идеологию. Её не называли открыто, но она вошла в наше общество и застолбила за собой место на 30 с лишним лет, изливая свою ядовитую слюну в наш народ и, особенно, в молодёжь, всегда слабо понимающую такие понятия, как разложение и растление.

Сейчас понятно, для чего пришедшие тогда к власти «либералы-западники» даже закрепили якобы отказ от идеологии в статье Конституции 1993 года – для интеграции в «цивилизованный» мир в качестве бензоколонки и ресурсной базы для удовлетворения потребностей Западного мира. А вот думать о том, кто мы и для чего на этой земле, в чем наши корни, – не нужно и даже вредно. Это касалось всех сфер, в том числе, культуры, искусства и образования.

И против нас работала идеология!

Чужая идеология. Чуждая нам и нашему миру.

Вопрос звучит не так:

– Зачем нам идеология?

Вопрос звучит так:

– Зачем нам чужая идеология?

Вы, господин Астраханцев, – наверное, яркий пример того человека, у которого душа понимает это, а разум отрицает.

Все «новшества» в культуре, искусстве и образовании стали отражением ужасной трагедии 91-го года. Государство Вами воспринимается как очевидное зло и враг в развитии культуры, искусства и образования. Это известный штамп от нашей интеллигенции.

Вами само понятие «идеология» ассоциируется только с государством, которое диктует эту идеологию сверху. А вот подумать над тем, что идеология может прийти к нам снизу – из народа, Вы не хотите? Но сегодня на наших глазах происходит именно такое явление.

Как Вы думаете, откуда у нас, помимо всего прочего, такие большие проблемы в культуре, искусстве и образовании?

Вот-вот, как раз от навязанной и подброшенной нам либерально-западной идеологии, которой у нас вроде и нет, так как нет в Конституции. А она есть.

Вы видите суслика?

Нет.

Вот и я не вижу.

А он есть!

Далее.

Вот Вы, господин Астраханцев, пишете:

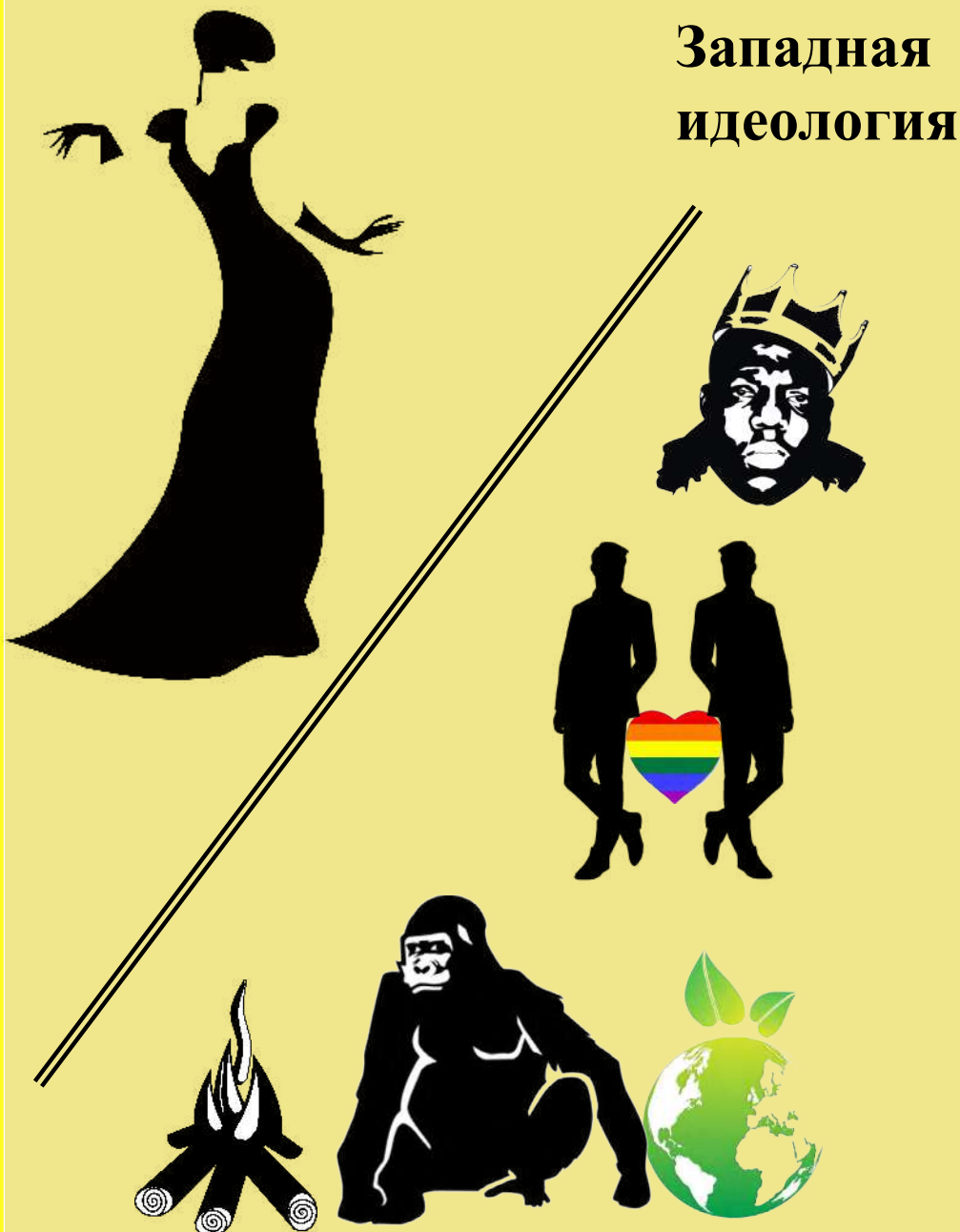
«А стихи, написанные ради самой поэзии, а тысячи стихов о любви, о закатах и рассветах, о красоте своей земли? Их тоже нет? В каких формулах она ими изложена?»

Ответ очень прост.

А можно ли написать что-либо о поэзии, о любви, о закатах и рассветах, о красоте земли без своего **отношения** ко всему этому, не включая своё мировоззрение, миропонимание, мироощущение, не опираясь на свои принципы, взгляды, понятия, традиции?

Нет, нельзя. Не получится.

А если нельзя, то значит – в нашем **отношении** к поэзии, к любви, к рассветам и закатам, ко всей красоте земли работает наша идеология!

Западная идеология

Ответить господину Астраханцеву поможет мне один из самых лирических поэтов России. Сохранилась статья С.Есенина «Быт и искусство», напечатанная впервые в журнале «Знамя» (М., 1921, май, № 9, стб. 78–82) с подзаголовком «Отрывок из книги „Словесные орнаменты“»

Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада. Собратья мои увлеклись зрительной фигуральностью словесной формы, им кажется, что слова и образ — это уже все. Но да простят мои собратья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерьезный, так можно говорить об искусстве поверхностных напечатлений, об искусстве декоративном, но отнюдь не о том настоящем строгом искусстве, которое есть значное служение выявления внутренних потребностей разума.

У собратьев моих нет чувства Родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и не согласованно все. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния.

И ещё позволю себе цитату – ставшие классикой строки С.Есенина:

Но и тогда
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».

Что это перед нами?
Идеология в чистом виде.
И как же это хорошо!

Для уничтожения чужой нам идеологии западного мира и замены её на нашу отечественную консервативно-патриотическую идеологию, а такую задачу ставит перед собой альманах «Гражданинъ», надо формулировать, развивать и пропагандировать взгляды, понятия и традиции которыми жива Россия (Российская империя, СССР, Российская Федерация) от истоков до сегодняшнего дня.

2) Литература не может существовать вне морали

Вот Вы, господин Астраханцев, пишете:

«А разве Иудушка Головлев, Печорин, герои «Бесов» – это носители высокой морали?»

Простейшие вещи приходится объяснять Вам, господин Астраханцев.

Можно еще вспомнить басни Крылова и сказки Салтыкова-Щедрина.

Литературный герой – не есть обязательно положительный образ. Иначе пришлось бы писать книги только про жизнь ангелов. Настоящая литература, как и другие виды искусства, показывает множество человеческих образов и их характеров, различные грани человеческой души, всевозможные варианты поведения героев в той или иной ситуации. Демонстрируя отрицательных персонажей, безнравственных и беспринципных людей, литература раскрывает их сущность.

Мы видим добро и зло, правду и ложь, красоту и грязь. И мы ведь ко всему этому должны как-то относиться? Вот с этого момента мы начинаем ощущать на себе воздействие морали.

Но какой морали?

Либерально-западная идеология несёт нам свою мораль.

Ту, которая сегодня окружает всех нас.

Вам она нравится?

Из определения морали можно сделать очень чёткие выводы.

Итак.

Мораль (от лат. moralitas – относящийся к нраву, характеру, складу души, привычкам; и лат. mores — нравы, обычаи, мода, поведение) – форма общественного сознания, в которой находят свое отражение взгляды и представления, нормы и оценки поведения отдельных индивидов, социальных групп и общества в целом.

Западная мораль

Всё, что здесь перечисляется, относится к мировоззрению, миропониманию, мироощущению человека, а это всё опосредованно выводит нас на идеологию.

Какая идеология, такая и мораль.

Какая идеология у человека, такая у человека и мораль.

Какая идеология у общества, такая у общества и мораль.

Вот сегодня в России вроде нет идеологии – значит, вроде нет и морали.

И мы это можем наблюдать во всей наглядности и очевидности вокруг себя. Что сегодня творится в сферах культуры, искусства и образования, в средствах массовой информации и на телевидении?

Однако повторяюсь: у нас в стране есть идеология – либерально-западная.

Вот и мораль у нас отсюда – либерально-западная.

Западный мир сегодня показывает примеры того, к чему приводит вседозволенность и отсутствие морали, в том числе разложение религиозных институтов.

Размывание нравственных ценностей и попытка переноса идей «общества потребления» на российскую почву ведутся уже много лет. К сожалению, этот вирус поразил некоторую часть общества. И люди при выборе – Родина или колбаса – выбирают колбасу. А дальше будет только хуже, точнее, ужаснее...

Либеральная эволюция

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ
ВЗГЛЯДЫ

СМЕНА
ОРИЕНТАЦИИ

СМЕНА
ПОЛА

СМЕНА
ВИДА

3) Литература не может существовать вне цензуры

Цензура существует с незапамятных времен.

Это «система надзора за содержанием и распространением информации, печатной продукции, музыкальных и сценических произведений, произведений изобразительного искусства, кино- и фото произведений, передач радио и телевидения, веб-сайтов и порталов, в некоторых случаях частной переписки для ограничения либо недопущения распространения идей и сведений, признаваемых властями нежелательными. Цензурой называют также органы светской или духовной власти, которые осуществляют такой контроль». Однако, как известно, Конституцией Российской Федерации цензура запрещена – статья 29 (часть 5)[16][17].

А вот в здоровой части общества все больше растёт понимание, что во всех сферах культуры требуется серьёзный контроль. Смыслы «свободы», которые пытаются нам, как через окна Овертона, впихнуть, внедрить в сознание граждан России, направлены на разложение основ общества и, главное, растление молодёжи.

Слишком большая свобода приводит к появлению серебрянниковых, моргенштернов, богомоловых, собчачек, бузовых и прочего мусора в искусстве и культуре. А мутные потоки дилетантства и графомании в литературе?

И я не стану спорить с господинов Астраханцевым, который пишет:

«Участники телепередач щеголяют английским, канал «Культура» заполняет экран второсортными зарубежными фильмами и спектаклями, долгими сериями передач об истории и географии зарубежных стран. Одна из самых популярных передач на российском телевидении – «Голос» превращена в пропаганду зарубежной музыки, исполняемой на английском языке.

Разговорный язык при активном воздействии радио и телевидения заполняется англицизмами – словами чужого для мелодики и артикуляции русского произношения. В инете открыта масса сайтов поощряющих и пропагандирующих внедрение англицизмов в русский язык. Следующим шагом надо ожидать требование о переходе нашего языка на латинский алфавит?

Вот где нужна цензура – в сохранении русского языка!

И если бы новый альманах обосновал и организовал движение за чистоту и сохранение русского языка, это было лучшим проявлением реального патриотизма».

А разве мы в своем альманахе этого не делаем? Делаем!

Альманах «Гражданинъ» отбирает и популяризирует лучшие образцы литературы. И это, кстати, мы делаем не только из любви к русскому языку, но и по цензурным соображениям, исходя из нашей идеологии и морали.

А вот на массовых «литературных» сайтах со свободной регистрацией нет цензуры. И там царит мусорная литература, правят бал бездарности. Процветают дилетантство и графомания.

Кстати, господин Астраханцев, на Западе существует жесточайшая цензура – мышь не проскочит с инородным мнением. Там очень хорошо понимают её значение. Так почему же нам отказываться от цензуры?

Западная цензура

Вот Вы, господин Астраханцев, говоря о моём отношении к цензуре, бросили нелепые упрёки.

1. «Этот тезис мне кажется саморекламой собственной крутизны».

Зачем же свои домыслы использовать в качестве ярлыка?

Вы же меня совсем не знаете.

Однако отвечаю.

Я не занимаюсь саморекламой.

Я не только утверждаю и пропагандирую необходимость идеологии, морали и цензуры в нашей стране, но и делаю.

В нашем альманахе существует самая настоящая цензура!

Мы не пропускаем на наши страницы бездарность, графоманство, низкопробные и порнографические тексты.

Мы не публикуем по цензурным соображениям тексты, где есть русофобия, либерально-западная идеология с её уродливыми ценностями, человеконенавистничество и толерантность к извращениям западного мира.

Наверное, поэтому наш альманах являет собой пример литературного качества, идеологической и нравственной чистоты.

И нам помогает добиться такого результата – цензура!

2. «Так нет, надо перед кем-то спину согнуть, свою преданность показать?»

Зачем же опять свои домыслы использовать в качестве нелепого утверждения?

Вот Вы, господин Астраханцев, против того, чтобы у нас была идеология и поддерживаете запрет цензуры. А ведь как раз наша Власть это тоже поддерживает, даже в Конституции это закрепила.

Но я-то выступаю против этого! Иными словами, я выступаю за то, чтобы у нас в стране была идеология, и я выступаю за введение цензуры. И эти мои действия направлены против того, что утверждает у нас наша Власть, то есть я действую против Власти.

А вот Вы, господин Астраханцев, как раз поддерживаете нашу Власть, ибо Вы вместе с Властью выступаете за отсутствие в стране идеологии и против цензуры.

Вопрос. Так кто же из нас гнёт спину и преданность Власти показывает?

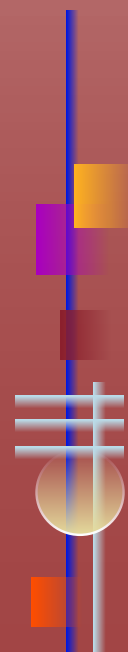
PS

Вот формула нашего успешного будущего.

Исходя из неподлежащего сомнению закона, что главное для нас – это РОДИНА, в России нужно иметь свою отечественную идеологию. Это обязательно должна быть КОНСЕРВАТИВНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ. Именно эта идеология установит у нас в стране нормы и правила общественной жизни, т.е. во весь голос заявит о себе и проявит себя КОНСЕРВАТИВНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ.

А защищать и ограждать наши идеологию и мораль от разрушения и влияния западных «интересантов» должна государственная ЦЕНЗУРА.

Л. Кутырёв – М. Трапезников

КОНТЕКСТ

Владимир Маковский (1846 – 1920)
В сельской школе

Великий старец

Верьте себе

Обращение к юношеству

Суперактуально!

Верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки, когда впервые поднимаются в душе вашей вопросы: кто я такое, зачем живу я и зачем живут все окружающие меня люди? И главный, самый волнительный вопрос, так ли живу я и все окружающие меня люди? Верьте себе и тогда, когда те ответы, которые представляются вам на эти вопросы, будут несогласны с теми, которые были внушены вам в детстве, будут несогласны и с той жизнью, в которой вы найдете себя живущими вместе со всеми людьми, окружающими вас. Не бойтесь этого разногласия; напротив, знайте, что в этом разногласии вашем со всем окружающим выразилось **самое лучшее, что есть в вас, – то божественное начало, проявление которого в жизни составляет не только главный, но единственный смысл нашего существования.** Верьте тогда не себе, известной личности, – Ване, Пете, Лизе, Маше, сыну, дочери царя, министра или рабочего, купца или крестьянина, а себе, тому вечному, разумному и благому началу, которое живет в каждом из нас и которое в первый раз пробудилось в вас и задало вам эти важнейшие в мире вопросы и ищет и требует их разрешения. Не верьте тогда людям, которые с снисходительной улыбкой скажут вам, что и они когда-то искали ответов на эти вопросы, но не нашли, потому что нельзя найти иных, кроме тех, которые приняты всеми.

NB!

Не верьте этому, а верьте только себе, и не бойтесь несогласия со взглядами и мыслями людей, окружающих вас, если только несогласные с ними ответы ваши на представляющиеся вам вопросы основаны не на ваших личных желаниях, а на желании исполнить назначение своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала вас в жизнь. Верьте себе, особенно когда ответы, представляющиеся вам, подтверждаются теми вечными началами мудрости людской, выраженной во всех религиозных учениях и в наиболее близком вам учении Христа в его высшем духовном значении.

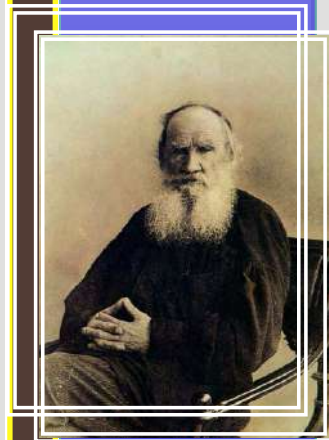
*!! +
Principle*

Помню, как я, когда мне было 15 лет, переживал это время, как вдруг я пробудился от детской покорности чужим взглядам, в которой жил до тех пор, и в первый раз понял, что мне надо жить самому, самому избирать путь, самому отвечать за свою жизнь перед тем началом, которое дало мне ее. **Помню, что я тогда, хотя и смутно, но глубоко чувствовал, что главная цель моей жизни это то, чтобы быть хорошим, в смысле евангельском, в смысле самоотречения и любви.** Помню, что я тогда же попытался жить так, но это продолжалось недолго. **Я не поверил себе, а поверил всей той внушительной, самоуверенной, торжествующей мудрости людской, которая внушалась мне сознательно и бессознательно всем окружающим. И мое первое побуждение заменилось очень определенными, хотя и разнообразными желаниями успеха перед людьми, быть знатным, ученым, прославленным, богатым, сильным, то есть таким, которого бы не я сам, но люди считали хорошим.**

NB!

!-

Я не поверил себе тогда, и только после многих десятков лет, потраченных на достижение мирских целей, которых я или не достиг или которых достиг и увидел бесполезность, тщету, а часто и вред их, я понял, что то самое, что я знал 60 лет тому назад и чему не поверил тогда, и может и должно быть единственной разумной целью усилий всякого человека.

*Лев
Николаевич
Толстой*

А какую иною, более радостною для себя и более полезной людям могла бы быть моя жизнь, если бы я тогда, когда голос истины, бога, в первый раз заговорил в не подвергшейся еще соблазнам душе моей, поверил бы этому голосу и отдался бы ему?

NB!

Да, милые юноши, искренно, самостоятельно, не под влиянием внешнего внушения, а самостоятельно и искренно пробудившиеся к сознанию всей важности своей жизни, да, не верьте людям, которые будут говорить вам, что ваши стремления только неисполнимые мечты молодости, что и они так же мечтали и стремились, но что жизнь скоро показала им, что она имеет свои требования и что надо не фантазировать о том, какая бы могла быть наша жизнь, а стараться наилучшим образом согласовать свои поступки с жизнью существующего общества и стараться только о том, чтобы быть полезным членом этого общества.

? sic

Не верьте и тому особенно усилившемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека – это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время общества, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию. Не верьте этому; цель эта ничтожна перед целью проявления в себе того божественного начала, которое заложено в душе вашей. И цель эта ложна, если она допускает отступления от начала добра, заложенного в душе вашей.

!-

Не верьте этому. Не верьте тому, что осуществление добра и истины невозможно в душе вашей. Такое осуществление добра и истины не только невозможно в душе вашей, но вся жизнь, и ваша, и всех людей, только в одном этом, и только это осуществление в каждом человеке ведет не только к лучшему переустройству общества, но и ко всему тому благу человечества, которое предназначено ему и которое осуществляется только личными усилиями каждого отдельного человека.

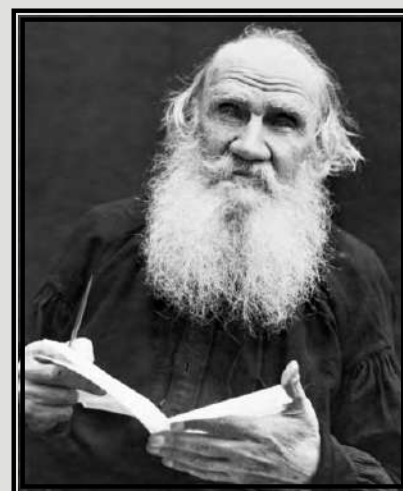
NB!

Да, верьте себе, когда в душе вашей будут говорить не желание превзойти других людей, отличиться от других, быть могущественным, знаменитым, прославленным, быть спасителем людей, избавителем их от вредного устройства жизни (такие желания часто подменяют желание добра), а верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться, потому что в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас, подобное ему, начало, жить по-божьи, как говорят мужики.

Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе бога, и вы сделаете всё, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира.

Principle
!!+

Ищите царствия божия и правды его, а остальное приложится вам. Да, верьте себе в то великой важности время, когда в первый раз загорится в вашей душе свет сознания своего божественного происхождения. Не тушите этот свет, а всеми силами берегите его и давайте ему разгореться. В этом одном, в разгорании этого света – единственный великий и радостный смысл жизни всякого человека.

Неудобный гений

Размышления читателя и отклики на его статью

Говорить о Толстом неизмеримо трудно. Много ли значит мое мнение, если перед «великим старцем» благоговейно склоняли головы Бунин и Чехов, Ганди и Хемингуэй, Блок и Тургенев, Горький и Цвейг и еще миллионы в России и за границей?

К сожалению, сегодня творчество Толстого почти забыто, о нем судят лишь по романам «Война и мир» и «Анна Каренина». Отчасти потому, что на их основе созданы действительно хорошие кинофильмы. Нет-нет да появляются статейки, в которых некие «эстеты» смакуют тему ухода Толстого из семьи в последние дни жизни. Жалки в своей дремучести те, кто пытается принизить роль писателя в связи с его «отлучением» от православной церкви...

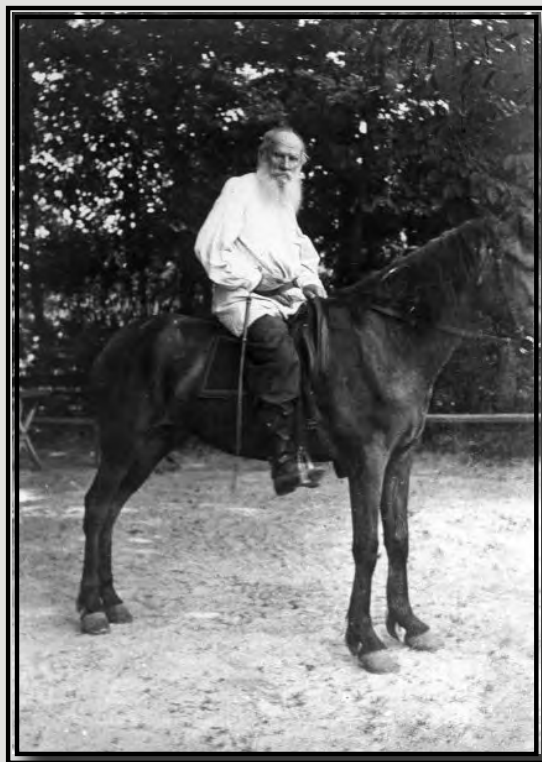
Для меня же очевидно, что личность графа Л.Толстого неизмеримо более масштабна, чем то, что мы слышим о нем в наше смутное время. Он не только великий писатель, заставивший мир заговорить о феномене русской литературы, но и крупнейший мыслитель, сумевший обобщить различные течения в мировой философии. Он и великий практик, много сделавший для воплощения в жизнь своих идей.

Так сложилось, что о последних тридцати (!) годах жизни Льва Николаевича мы знаем особенно мало. В школьных учебниках это время туманно называлось «духовными исканиями» с намеками на то, что Толстой «заблуждался». И это было забавно читать – великий Толстой «заблуждался», а безликие авторы статей, получается, шли верной дорогой?! На самом деле эти тридцать лет – наиболее продуктивное время в жизни писателя. Именно в это время он серьезно увлекается трудами Сократа, Платона, Конфуция, Руссо, Паскаля, Шопенгауэра, называя их лучшими умами человечества. Именно в это время он становится

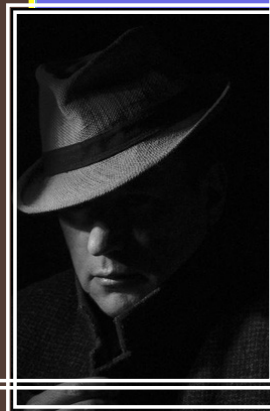
для многих людей на Земле в один ряд со своим кумирами.

Лев Толстой не вписывается в рамки основных общественно-политических формаций и идеологических течений. В годы Советской власти четко отделяли его литературную деятельность от «религиозных заблуждений». В статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» В.И.Ленин отмечал гениальность литературного творчества писателя и вред его религиозных взглядов. (К сожалению, в этой работе 38-летнего будущего вождя революции присутствуют недопустимо грубые выражения по отношению к человеку, отмечавшему в это время свое 80-летие). В СССР издавалось много книг Льва Николаевича, но лишь один раз и крайне ограниченным тиражом выпустили все 90 (!) томов его произведений. Массовый читатель имел доступ лишь к 22-томному Собранию.

Говоря о Толстом, обычно не упоминали о его отношении к социалистам-революционерам. Между тем великий гуманист считал преступными их призывы к новому общественному порядку, не зная всех последствий этого перехода. Толстой был убежден, что без улучшения прежде всего внутреннего мира человека всякое общественное переустройство ни к чему хорошему не приведет.

Лев Толстой верхом на Зорьке, 1903 г

Сергей
Горцев

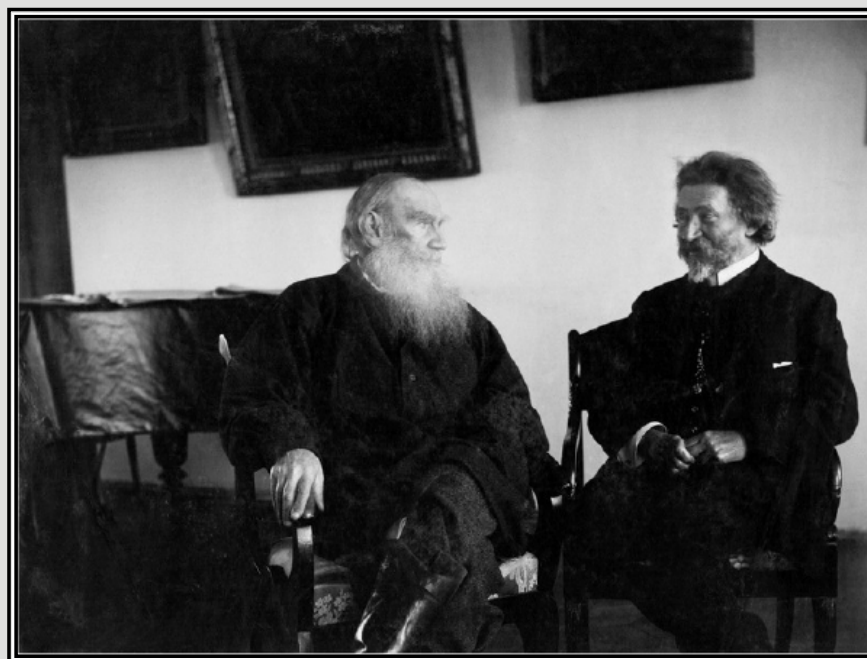

Лев Толстой и Антон Чехов в Гаспре,
12 сентября 1901 г

«Не Россию надо спасать, а то, что в миллион миллионов раз дороже – свою душу!» – призывал он.

Наивно думать, что в нынешнее время перехода к капиталистическим отношениям взгляды Толстого могут быть восприняты и поняты. Наивно потому, что краеугольным камнем мировоззрения Л.Толстого является неприятие всех видов частной собственности, и особенно собственности на землю. Именно введение частной собственности он считал одной из причин всех бед человечества и нарушением основных христианских Заповедей. (Так и слышу сквозь годы его возглас: «Что же вы делаете?!»)

Сегодня, когда у кое-кого присутствует ностальгия по дореволюционным временам, нелишне вспомнить о том, с каким возмущением и болью описывал Лев Николаевич положение дел в царской России, о его отношении к самодержавию как полностью отжившей системе правления, достойной лишь африканских племен.

Лев Толстой и Илья Репин,
17 – 18 декабря 1908 г

Лев Толстой и Максим Горький,
8 октября 1900 г

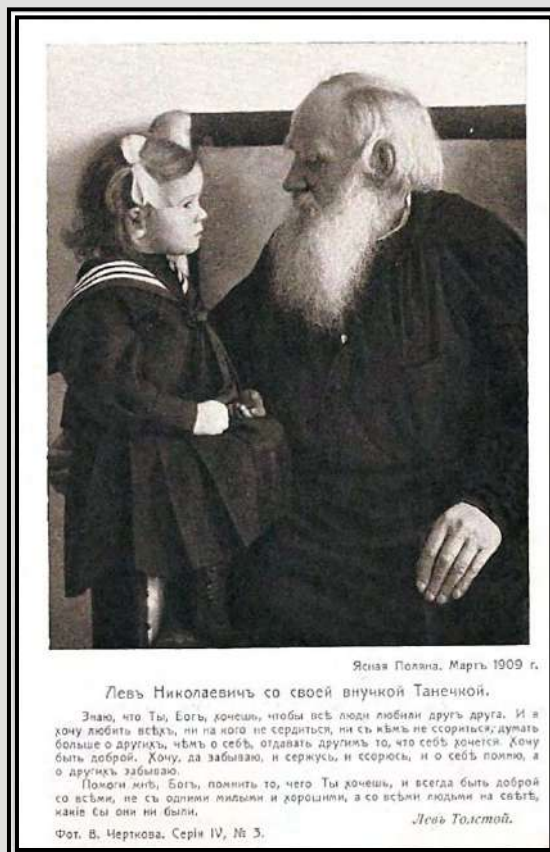
Никто не говорит сегодня о преследованиях сторонников и последователей учения Льва Николаевича царским режимом. А ведь дело дошло до того, что автор самой подробной биографии Толстого П.Бирюков вынужден был писать ее, живя за границей. Практически все добровольные помощники великого писателя подвергались арестам и гонениям. Из-за жесткой цензуры многие произведения писателя, написанные в последние годы жизни, в полном варианте публиковались лишь за пределами России.

Важно, что взгляды Толстого находили понимание у значительной части населения страны. Многие видели в его учении единственное спасение для терпящей бедствие России. Максим Горький так оценил значение личности писателя: «Не зная Толстого, нельзя считать себя знающим свою страну, нельзя считать себя культурным человеком».

Думается, именно рост популярности, в том числе среди верующих (особенно после выхода романа «Воскресение» и после того как писатель сыграл важную роль в спасении секты «духоборов» и переселении их в Канаду), привел к конфликту с Синодом православной церкви, закончившимся странным «отлучением» графа Толстого.

Вопреки ожиданиям, «отлучение» привело к резкому повышению общественного внимания к писателю и к увеличению числа сомневающихся в правоте официальной церкви.

До сих пор считается, что нравственный тезис Льва Николаевича о «непротивлении злу» насильем сомнителен и неприменим во многих случаях. Я тоже так думал до тех пор, пока не прочитал знаменитое «Письмо Эрнсту Кросби»

Ясная Поляна. Мартъ 1909 г.

Левъ Николаевичъ со своей внучкой Танечкой.

Знаю, что Ты, Богъ, хочешь, чтобы всѣ люди любили другъ друга. И я хочу любить всѣхъ, ни на кого не сердиться, ни съ кѣмъ не ссориться; думать больше о другихъ, чѣмъ о себѣ, отдавать другимъ то, что себѣ хочешь. Хочу быть доброй, Хочу, да забываю, и серджусь, и ссорюсь, и о себѣ помню, а о другихъ забываю.

Помоги мнѣ, Богъ, помнить то, чего Ты хочешь, и всегда быть доброй со всѣми, не съ одними милыми и хорошими, а со всѣми людьми на себѣ, какіе бы они ни были.

Левъ Толстой.

Фот. В. Чертова. Серія IV, № 3.

(1896). В нем Толстой убедительно доказал действенность и справедливость своей христианской позиции, закрепленной в Евангелии. Найдите и прочитайте.

Напомню, что именно перу Толстого принадлежит гениальная работа под названием «Четвероевангелие», в которой писатель объединил и объяснил многие положения Нового Завета.

Никто в мировой литературе столь глубоко не проникал в суть взаимоотношений мужчины и женщины, мужа и жены, как это сделал Л.Н. Толстой в своих знаменитых произведениях «Крейцера соната», «Отец Сергей» и «Воскресение». Более того, «Крейцера соната» заставила многих коренным образом пересмотреть свой взгляд на супружеские отношения и на институт брака в целом. Соблазны плоти, половой любви – самые опасные соблазны человека, считал Толстой.

Если бы знал Лев Николаевич, какое пиршество устроили в наши дни низменные инстинкты, как с помощью телевидения и особенно интернета разврат вошел в каждую семью и обрушился, сметая все на своем пути, на души нашей молодежи!

Сегодня немодно вспоминать о громадной просветительской деятельности Толстого, о его участии в строительстве школ, бесплатных столовых (около четырехсот!) для бедняков в голод 1892–1893 годов, о его роли в борьбе с пьянством. Между тем в 80-х годах XIX века Лев Николаевич Толстой решительно отказался от таких вредных привычек, как курение и алкоголь, и даже организовал «Согласие против пьянства» – своеобразный прообраз «обществ трезвости». Насколько же и сегодня, когда страна вновь спивается, актуальны слова Толстого:

«И богатым, и бедным представляется, что веселым нельзя иначе быть, как пьяным или полупьяным, представляется, что при всяком важном случае жизни: похоронах, свадьбе, крестинах, разлуке, свидании – самое лучшее средство показать свое горе или радость состоит в том, чтобы одурманиться и, лишившись человеческого образа, уподобиться животному...»

Кто сегодня знает, что самыми лучшими своими произведениями Лев Толстой считал вовсе не «Анну Каренину» и не «Войну и мир», а небольшие по объему работы «В чем моя вера?» и «О жизни»? Но их не изучали и не изучают ни в школах, ни в соответствующих вузах.

Лев Толстой, великий реалист, прекрасно знал то, о чем пишет. В этом смысле многое ему дала служба в действующей армии, участие в боевых действиях, каждодневное общение с людьми. Большую роль в жизни писателя играла семья. Преданная жена, тринадцать (!) детей... Но не все было тихо и гладко. Софья Андреевна не принимала образ жизни своего мужа в последние годы. Но не нам вникать во всю сложность взаимоотношений супругов, как это продолжают делать искатели сенсаций и дешевых упрощений. Немногие знают, что Лев Николаевич и Софья Андреевна похоронили шестерых своих любимцев...

О том, насколько верили Толстому, как для современников важно было его мнение, говорят следующие факты. Каждый день к нему приходили посетители из разных стран мира, он получил около 50 тысяч писем, сам написал их более восьми тысяч.

Величие Л.Н. Толстого состоит и в том, что до сих пор его философское наследие современно и востребовано теми, кто ищет ответы на основные вопросы бытия.

«Вся разница между человеком и животным та, что человек знает, что умрет, а животное – нет. Разница огромная... Работать надо так, как будто ты бессмертен, а относиться друг к другу – как будто завтра умрешь».

Прекрасные слова, не так ли?

Отложите Корецкого и Пелевина, Коэльо и Мураками. Читайте Льва Толстого, изучайте, размышляйте и наслаждайтесь творениями великого мастера!

Источник: <https://sovross.ru/articles/541/8796>

1908 год, Ясная Поляна. Л.Н.Толстой
с любимым конем Делиром

Комментарии в ответ на письмо Сергея Торцева

с форума газеты «Советская Россия», в сокращении

parkommuna

Как человек, как писатель, Л. Толстой искал смысл жизни, что красной нитью прошло через все его произведения. Он описывал человеческий мир таким, каким он видел его в природе или хотел видеть в своих мечтах. Находясь во мраке церковных заблуждений, он и сам заблуждался, выдвигая теорию «о непротвлении злу насилием». В то же время он писал гневные письма в адрес царя и его премьер-министра с требованием облегчить жизнь простого народа. В.И. Ленин, как никто иной, дал правильную оценку деятельности великого писателя в своей статье «Л. Толстой как зеркало русской революции». За последние 20 лет из советских книжных магазинов выброшена вся классическая литература. Они превращены в торговые точки китайского ширпотребя либо заполнены безмозглыми книжонками авторов типа Дарьи Донцовой.

ALECS

Толстой всю жизнь стремился к истине, искал идеал. Он поступил на философский факультет, перевелся на юридический, бросил университет, решил стать образцовым помещиком, поступил на военную службу, пытался создать идеальную семью, стал литератором, развенчивал старую религию, чтобы создать новую, всю жизнь искал «зеленую палочку», способную осчастливить людей, и умер со словами «Искать, все время искать...»

Одни считают, что главный итог жизни Льва Толстого – это его литературное творчество. Другие убеждены, что главное в жизни Льва Толстого – это его духовное возрастание, познание себя и самосовершенствование. Сам Лев Николаевич считал свои литературные произведения «побочным продуктом» своего духовного развития. Он не просто сочинял романы и писал статьи, он старался жить в соответствии со своими убеждениями. И этим Толстой мне ближе, чем Достоевский.

Портрет Льва Толстого.
Художник А.Д.Базилевич 1926-2005

serg99

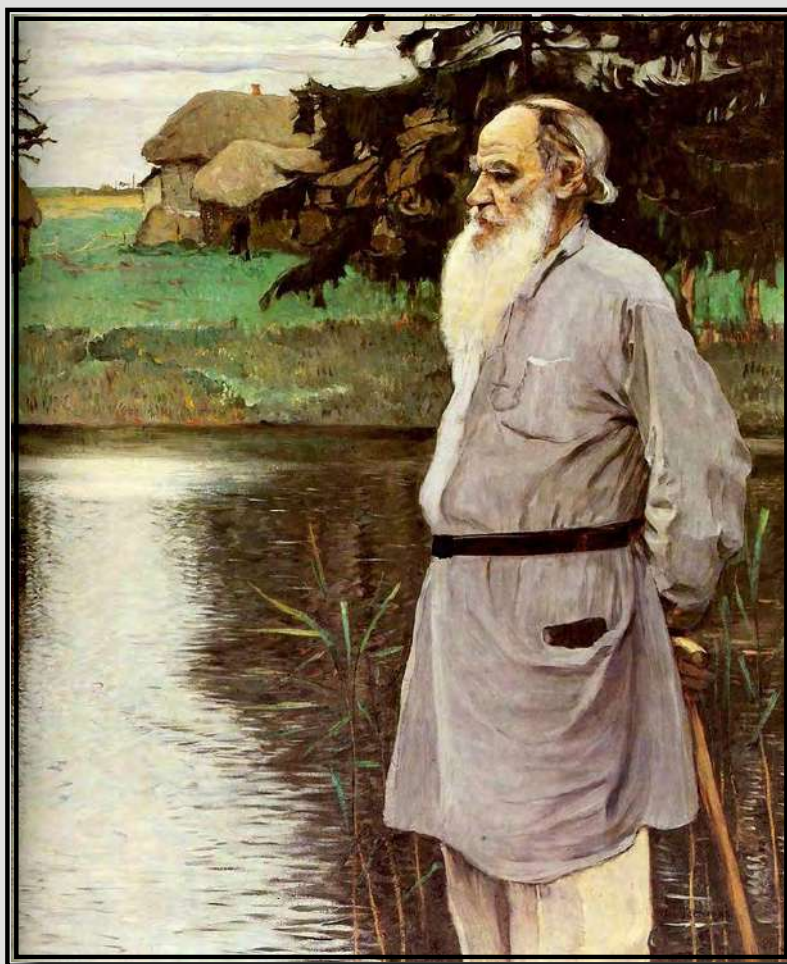
В свое время, лет 20 назад, прочитал толстовскую «Исповедь» и «В чем моя вера». Сейчас об этих произведениях не упоминают. Прежде чем рассуждать о Л.Н.Толстом, советую прочитать это.

Наберите в поиске: Лев Толстой «Исповедь» и найдите, где можно скачать бесплатно и это, и «В чем моя вера» и «О жизни». Ведь у вас у всех интернет, вам всё доступно, всё буквально под рукой – только не поленись протянуть.

Мое отношение к религии сильно изменилось после прочтения «В чем моя вера». То, во что и как верил Толстой, – не опиум. Поэтому-то продавцы опиума и возненавидели его.

chica

Духовные искания Толстого более близки людям старшего поколения. Сам Толстой в молодости накуролесил немало, почти все ситуации в его романах списаны с его жизни, жизни его родных, знакомых. К старости он, конечно, прозрел, как большинство людей, но много ли молодежь слушает стариков? Ему, конечно, было неплохо «искать», возложив все обязанности по семейным делам на жену, а потом ее же обвинять в тупости, жадности и т.п. А ведь на ней было обеспечение жизнедеятельности большой семьи, поместья да еще и рукописи она мужу в свободное время переписывала. Это при том, что он уже женился лет в 36, если не ошибаюсь, а ей было только 17. Он, конечно, гениальный писатель, но и у него было много неблагоприятных поступков в жизни. Уж его-то в роли духовного наставника я не представляю.

М.В. Нестеров.
Портрет Л.Н. Толстого. 1907 г

katya

Письмо в газете побуждает к размышлениям. Сейчас многие оплакивают потерю Россией статуса самой читающей нации. А в этом и есть спасение частичное молодежи на уровне инстинкта – не читать того, что им суют. Но получается, что и классику перестали читать! Ведь с чего началось разложение морали перед развалом СССР? Именно с разложения духовности (не в религиозном смысле) – желтая пресса еще на заре «перестройки» усиленно копалась в грязном белье гениев. Шолохов не сам-де писал и не о том, Пушкин – великий развратник, Толстой...и пр. Вот Лермонтова не смогли обгадить – совсем забыт Михаил Юрьевич либерастами. А что навязывают молодым? СоЛЖЕница, Гарри Пот-тера, и побеждают донцовы...

ИНДИГИРКА

В отличие от современных молодых писателей Лев Николаевич хорошо знал европейскую философию. «Афоризмы житейской мудрости» Шопенгауэра для Толстого как бы являлись предметом анализа и спора с гигантом европейской мысли. Оттого в Европе и поныне преклоняются перед русским гением, сумевшим католической ментальности противопоставить загадочный русский характер, который и «посильнее Шекспира будет».

АТА

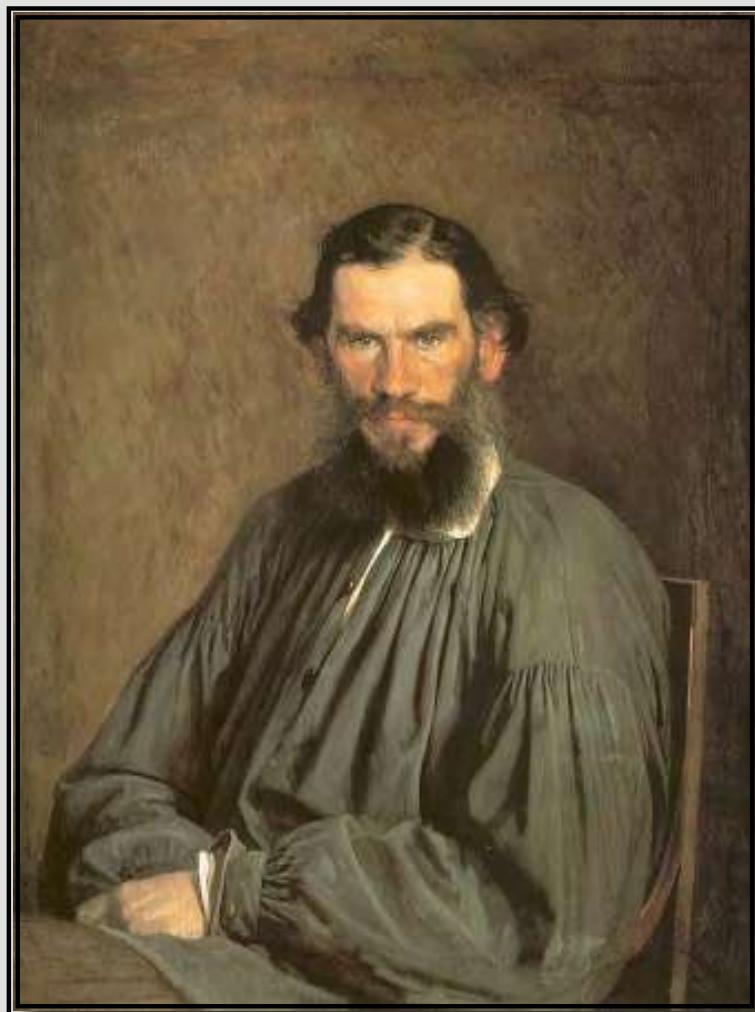
Я уверена, что в будущем Л.Н.Толстой еще будет правильно оценен и понят народом. Он еще вернется со своими гениальными мыслями.

По поводу непротivления злу. Я уверена, что Л.Толстой никогда бы не призвал не противостоять чужому нашествию на Родину или агрессии по отношению к более слабому. Он считал, что нельзя отвечать злом на зло – мстить, чтобы не получить ответные удары судьбы. Он писал: «Зло, совершенное человеком, не только лишает человека его истинного блага, умаляя его душу, но часто возвращается и в этом мире на совершившего его». Что «делать зло так же опасно, как дразнить дикого зверя. Большею частью в этом мире и в самой грубой форме зло возвращается на того, кто его сделал». (Из сборника Л.Толстого «Об истине, жизни и поведении», в который он включил наряду со своими мыслями и мысли других великих людей.)

Лев Толстой своим мироощущением опередил время, в котором жил, и, как бывает в таких случаях, был не понят и преследуем.

KRASNY

Лев Николаевич Толстой пытался людям еще раз напомнить заповеди Иисуса Христа. Но, как и две тысячи лет назад, дикость человеческая отказалась внимать голосу разума. Да и то сказать, всего-то два миллиона лет прошло, как с деревьев слезли. Рано еще нам эти заповеди-то в мозги класть. Еще долго надо эволюционировать, чтобы до разума Христа и Толстого дорасти.

Иван Николаевич Крамской.
«Портрет Л. Н. Толстого». 1873.

hitcliff – АТУ

«Я уверена, что Л.Толстой никогда бы не призвал не противостоять чужому нашествию на Родину или агрессии по отношению к более слабому».

Вы уверены в этом по причине незнания. Рекомендую прочитать книгу И.Ильина «О сопротивлении злу силой», в которой он специально разбирает эти сомнительные места в учении Льва Толстого. Именно к непротивлению злодеям, убивающим детей и нападающим на Родину, он призывал.

ieroglif

Сравнивать Ильина и Льва Толстого... И принимать сторону Ильина... Да... Вы, видно, совсем не знаете, кто такой Лев Толстой и суть тех выводов, к которым он пришел. Давайте не будем подходить на одного из героев басни великого Крылова.

hitcliff

Я не сравниваю Ильина и Льва Толстого. Один – религиозный философ, другой – великий писатель. Я говорю про общую для них тематику, религиозную, в которой Толстого никто великим, кроме гнилой русской интеллигенции начала XX века, не признавал, в том числе и в советское время, и про те аморальные выводы, к которым Лев Толстой пришел в своих духовных исканиях, отчего в советское время об этом специально умалчивали. А Ильин, написавший для православного христианства религиозных трудов на порядок больше Льва Толстого, для анализа этих сомнительных духовных исканий Толстого гораздо более подходит, чем кто либо другой.

1908 год, Ясная Поляна. Л.Н.Толстой играет в шахматы с М.С.Сухотиным

wowik – Hitcliffy

По-вашему, «полезны» для православных такие «труды» «мыслителя Ильина», как «Национал-социализм. Новый дух» 1933 года и «О фашизме» 1948 года. Чтобы ни у кого не возникало иллюзий на счет содержания этих статей, приведу несколько цитат.

«Европа не понимает национал-социалистического движения. Не понимает и боится. И от страха не понимает еще больше. И чем больше не понимает, тем больше верит всем отрицательным слухам, всем рассказам «очевидцев», всем пугающим предсказателям».

«...Я категорически отказываюсь расценивать события последних трех месяцев в Германии с точки зрения немецких евреев, урезанных в их публичной правоспособности, в связи с этим пострадавших материально или даже покинувших страну. Я понимаю их душевное состояние, но не могу превратить его в критерий добра и зла, особенно при оценке и изучении таких явлений мирового значения, как германский национал-социализм».

Понимаете, для Ильина фашизм – это лишь рассказы немецких евреев, а смотреть на Гитлера их глазами – значит «втягиваться в переключку ненависти и злобы!»

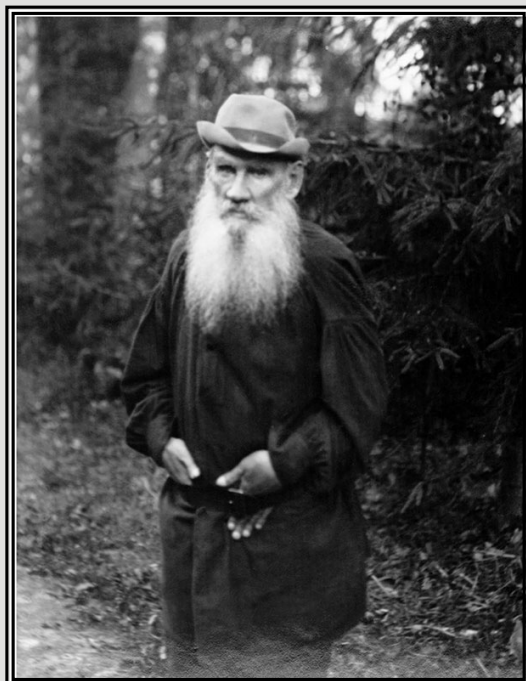
Ну очень полезный мыслитель «для анализа этих сомнительных духовных исканий Толстого». Вот только не для меня.

holod1944

Странное, не совсем верное направление принял спор на форуме о Толстом. Нам важно его великое наследие направить на борьбу против нынешней ублюдочной социал-дарвинистской идеологии. Использовать его художественные открытия, публицистику как сильнейшую аргументацию против ...млечиных-сванидзе на бесконечных «судах времени». А то, что он был противоречив, как всякий великий художник, так об этом верно сказал Ленин, вовсе его не оскорблявший, как некоторые тут отмечают. Публицистика всегда эмоциональна, и Ленин прибег к ее приемам, экспрессивно отмечая не личные человеческие качества Толстого, а его противоречия, возникшие в художественном осмыслении жизни великим писателем.

konkor48

Какая страна – такие и гении. Ныне у наших правителей «удобный» гений – Солженицын. А «Я помню чудное мгновенье...» когда предо мной явилась «Анна Каренина», да еще в дореволюционном издании. Но сейчас, увы, другие времена. Таких классиков, как Лев Николаевич Толстой, читают и перечитывают все меньше и меньше людей. К сожалению, почти все современные «творцы», которые сегодня ставят спектакли или снимают художественные фильмы по произведениям классиков, делают это «по мотивам» или с «новым прочтением», и в результате этого мысли «неудобного гения» уходят неизвестно куда. Перед нами всегда будет стоять величие Толстого, и оно всегда будет принадлежать будущему. Сегодня наша главная задача – не загубить то лучшее, светлое и чистое, что есть в наследии Льва Николаевича, – я к вам обращаюсь, «реформаторы» наши!

Васса.

Никто, по-моему, не сомневается в том, что Лев Николаевич – великий русский писатель, никто не сомневается и в том, что он искатель истины и на этом пути в конце концов заблудился. Это, естественно, не умаляет гениальности человека и писателя Толстого, нравственные искания которого иногда противоречили тому, что он исповедовал по жизни.

Интересно было бы узнать, что сказал бы Л.Н.Толстой о нынешних «деятелях», которые, не зная броду, поволокли огромную, могучую страну в пропасть. Увы, не дано узнать.

В письме Горцева ведется разговор о той или иной стороне жизни писателя с «церковным» уклоном и ни слова не говорится о том, что его искания и личная жизнь все-таки не «сстыковались» и все закончилось так, как закончилось, – трагически.

Маленький пример. Татьяна Львовна, любимая дочь Льва Николаевича, написала в своих воспоминаниях следующее. Когда она призналась отцу, что влюблена в А.П.Чехова, то отец с удивлением заметил: мол, как же так, он, т.е. Чехов, наверное, спит на красной наволочке, тем самым положив конец ненужным мечтам. «Спать на красной наволочке» в те времена означало быть из простонародья.

Себя мы можем поздравить с тем, что много великих людей родила Россия, и наша главная задача: сохранять о них память, твердо зная, кто твой брат, а кто великий соотечественник, и передавать эту память по наследству потомкам.

Афанасий

Подобные размышления очень нужны. Иногда надо поднять голову от копания в сиюминутных проблемах (тем более в дрязгах) и посмотреть на вещи более широко.

Толстой – безусловно, великий писатель. Находился в сложных отношениях с тогдашним царизмом, а потом и новая власть тоже относилась к нему неоднозначно. Обе власти признавали его художественное творчество и игнорировали философское. Кстати, насчет последнего – его «Царство Божие внутри вас» (а отнюдь не «Исповедь» или «Соединение и перевод 4 Евангелий») критик В.В.Стасов назвал «самой великой книгой русской литературы XIX века». Это 28-й том ПСС.

Сам же Л.Н. вершиной своих философских исканий считал «Круг чтения» (тома 41–42 ПСС), над которым работал много лет и который пытался переделывать для лучшего изложения в «Мысли на каждый день» и затем в «Путь жизни».

Тут было сказано, что его попытка создать новую религию окончилась провалом. Но это не совсем верно. Он-то считал, что его идеи – это никакая не новая религия, а истинное христианство, очищенное от тех наслоений, которыми его загроздила официальная церковь за многие века. Но может быть, он взялся за невыполнимую задачу? Возможно ли, оставаясь на базе идей христианства, создать учение, которое выдержало бы испытание реальной жизнью уже в наше (в широком смысле) время? 2000 лет назад это удалось, а сейчас, в существенно новых условиях, как? Боюсь, что ответ здесь отрицательный.

Толстой и для себя лично в этом вопросе установил такую высокую планку (именно в этом и заключается причина его постоянных мыслей об уходе из семьи), что вряд ли сумел бы реально выдержать ее какое-то продолжительное время. В этом смысле его смерть в самом начале его «бегства» – это была для него Божья благодать. Господь Бог спас его от дальнейших испытаний. Так что Толстой умер на взлете и в памяти человечества остался на вершине своего духовного подвига.

Тема эта очень большая. Даже ошибки и заблуждения человека такого масштаба в высшей степени интересны и ценны, хотя это не значит, что мы должны безоговорочно принимать все его идеи и рекомендации. Но об этом тут в двух словах не скажешь.

EvGor

Деду моего знакомого, в свое время приславшему письмо Л.Толстому с вопросом «В чем смысл жизни?», Л.Н. ответил: «Служить силе, пославшей человека в жизнь». Подлинные слова... И, наверное, гениальные...

Источник: <https://sovross.ru/articles/543/8838>

Григорий Г.Гагарин.
Хаджи-Мурат. Тифлис. 1852г.

О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай»

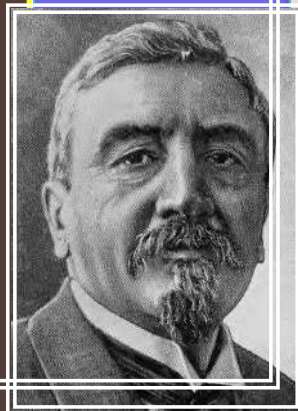
Меня ему представили. Я не могу сказать, какого цвета у него глаза, потому что я был очень растерян в эту минуту, да и потому, что цвету глаз я не придаю почти никакого значения. Помню пожатие его большой, холодной, негнущейся, старческой руки. Помню поразившую меня неожиданность: вместо громадного маститого старца, вроде микельанджеловского Моисея, я увидел среднего роста старика, осторожного и точного в движениях. Помню его утомленный, старческий, тонкий голос. И вообще он производил впечатление очень старого и больного человека. Но я уже видел, как эти выцветшие от времени, спокойные глаза с маленькими острыми зрачками бессознательно, по привычке, вбирали в себя и ловкую беготню матросов, и подъем лебедки, и толпу на пристани, и небо, и солнце, и море, и, кажется, души всех нас, бывших в это время на пароходе.

.....

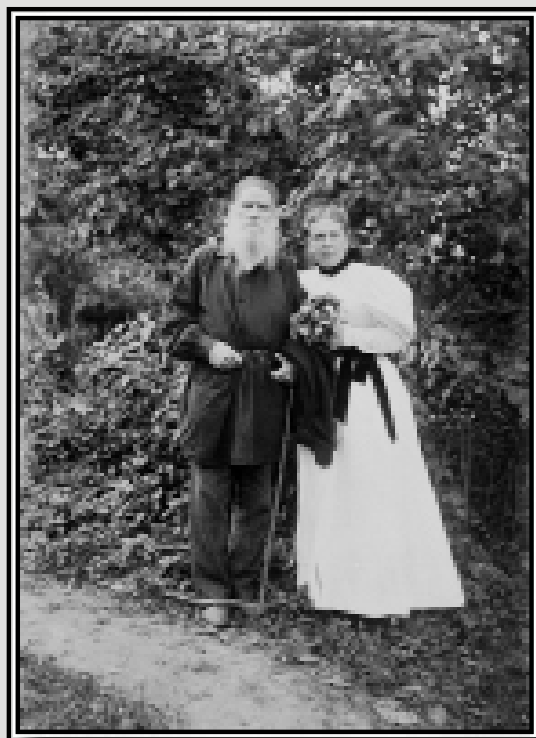
Потом прошло еще пять минут. Приехали новые знакомые Льва Николаевича, и я увидел нового Толстого, — Толстого, который чуть-чуть кокетничал. Ему вдруг сделалось тридцать лет: твердый голос, ясный взгляд, светские манеры. С большим вкусом и очень выдержанно рассказывал он следующий анекдот:

— Вы знаете, я на днях был болен. Приехала какая-то депутация, кажется из Тамбовской губернии, но я не мог их принять у себя в комнате, они представлялись мне, проходя перед окном... и вот... Может, вы помните у меня, в «Плодах просвещения», толстую барыню? Может быть, читали? Так вот она подходит и говорит: «Многоуважаемый Лев Николаевич, позвольте принести вам благодарность за те бессмертные произведения, которыми вы порадовали русскую литературу...» Я уже вижу по ее глазам, что она ничего не читала моего. Я спрашиваю: «Что же вам особенно понравилось?» Молчит. Кто-то ей шепчет сзади: «Война и мир», «Детство и Отрочество»...

Она краснеет, растерянно бегаёт глазами и, наконец, лепечет в совершенном смущении: «Ах да... Детство отрока... Военный мир... и другие...»

Александр
Иванович
Куприн

Лев и Софья Толстые в 34-ю годовщину их свадьбы, 23 сентября 1896

Цитаты из Льва Толстого

Говорят, надо бояться Бога. Это неправда. Бога надо любить, а не бояться. Нельзя любить того, кого боишься. Да, кроме того, нельзя бояться Бога оттого, что Бог есть любовь. Как же бояться любви? Не бояться Бога надо, а сознавать Его в себе. А если будешь сознавать Бога в себе, то не будешь бояться ничего на свете.

«Путь жизни»

Власть стала несокрушима и держится уже не духовными разумными основами помазания, избрания, представительства, а держится одною силою. И вместе с этим народ перестает верить во власть и уважать ее и покоряется ей только потому, что нельзя иначе.

«К политическим деятелям»

«Что я сделаю один против всех?» — часто говорят люди, когда им предстоит поступок, не одобряемый большинством. Этим людям кажется, что для успешности дела нужно быть всем или, по крайней мере, многим, но многим нужно быть только для дурного дела. Для хорошего же дела достаточно быть одному, потому что Бог всегда с тем, кто делает хорошее дело. А с кем Бог, с тем рано или поздно будут и все люди.

«К рабочему народу»

Для того, чтобы избавиться от зла, надо бороться не с последствиями его: злоупотреблениями правительства и захватами и грабежами соседних народов, а с корнем зла, с тем ложным отношением, в котором находится народ к человеческой власти.

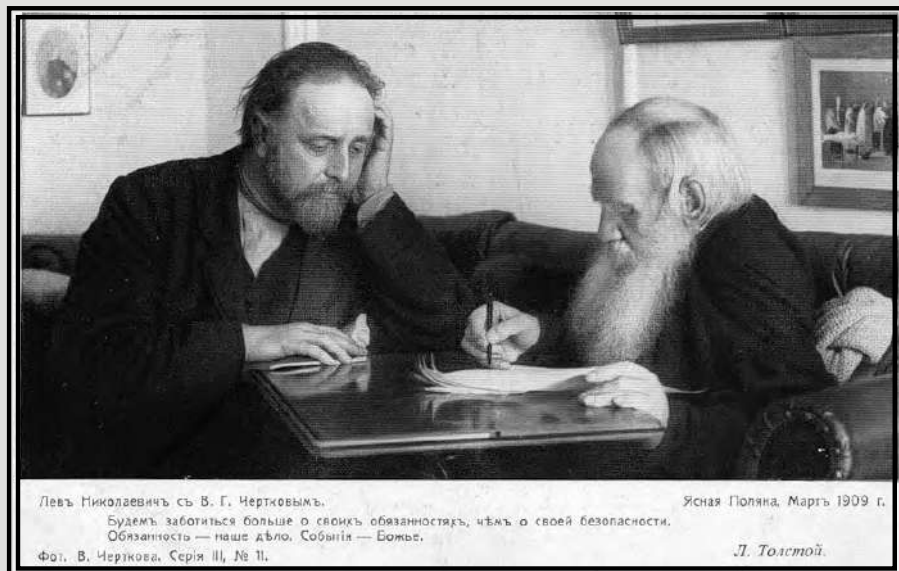
«Письмо к китайцу»

Такая религия, от которой можно по произволу отказаться и которую можно по произволу принять, не есть религия. И такое оставление и принятие религии ради вещественной выгоды есть дело мне совершенно чуждое, о котором я поэтому и не могу иметь никакого суждения.

Толстой Л. Н. - Вольфу Г., 30 августа 1910 г.

Жизнь человеческая, полная телесных страданий, всякую секунду могущая быть оборванной, жизнь эта для того, чтобы не быть самой грубой насмешкой, должна иметь смысл, такой, при котором значение жизни не нарушалось бы ни ее страданиями, ни ее продолжительностью или кратковременностью.

«Путь жизни»

Лев Николаевич съ В. Г. Чертковымъ.

Будемъ заботиться больше о своихъ обязанностяхъ, чѣмъ о своей безопасности.

Обязанность — наше дѣло. Событія — Божье.

Фот. В. Черкова. Серия III, № 11.

Ясная Поляна, Мартъ 1909 г.

Л. Толстой.

Теперь лето и прелестное лето, и я, как обыкновенно, ошалеваю от радости плотской жизни и забываю свою работу. Нынешний год долго я боролся, но красота мира победила меня. И я радуюсь жизнью и больше почти ничего не делаю.

Письмо к А. А. Фету. 8 июля 1880 г.

Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме: его так же трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, напротив, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманиться, разгорячиться во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера.

«Хаджи-Мурат»

Тогда же я никак не мог понять, что такое значило то, что меня называли собственностью человека. Слова: моя лошадь, относимые ко мне, живой лошади, казались мне так же странны, как слова: моя земля, мой воздух, моя вода.

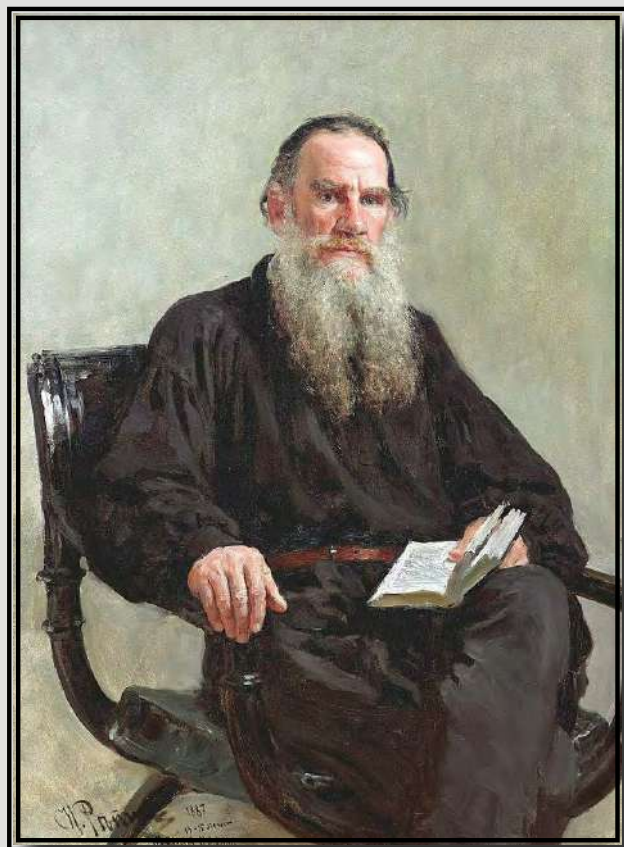
«Холстомер»

Удивительное дело, какая полная бывает иллюзия того, что красота есть добро. Красивая женщина говорит глупости, ты слушаешь и не видишь глупости, а видишь умное. Она говорит, делает гадости, и ты видишь что-то милое. Когда же она не говорит ни глупостей, ни гадостей, а красива, то сейчас уверяешься, что она чудо как умна и нравственна.

«Крейцера соната»

Есть люди, которые, встречая своего счастливого в чем бы то ни было соперника, готовы сейчас же отвернуться от всего хорошего, что есть в нем, и видеть в нем одно дурное; есть люди, которые, напротив, более всего желают найти в этом счастливом сопернике те качества, которыми он победил их, и ищут в нем со щемящею болью в сердце одного хорошего.

«Анна Каренина»

Портрет Льва Николаевича
Толстого. Художник Илья Репин

Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлеченнее ее интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы.

«Война и мир»

Не тот учитель, кто получает воспитание и образование учителя, а тот, у кого есть внутренняя уверенность в том, что он есть, должен быть и не может быть иным. Эта уверенность встречается редко, и может быть доказана только жертвами, которые человек приносит своему признанию».

.....

Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать — он будет лучше того учителя, который прочёл все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам — он совершенный учитель.

Толстой Л. Н. Педагогические сочинения. М. Педагогика, 1989.

Мастер

Павел Чистяков (1832 — 1919)

Патриарх Гермоген отказывается полякам подписать грамоту

*Верность
принципам и идеалам*

Служение Родине

В прошлом номере альманаха «Гражданинъ» было опубликовано интервью со Станиславом Александровичем Минаковым. Поэт, прозаик, переводчик, эссеист, публицист, автор книг стихов и прозы, энциклопедий и альбомов.

Редко, крайне редко какой-либо автор работает в столь разных жанрах, что показать в одной журнальной публикации все грани его творчества просто не представляется возможным.

Надеемся, в последующих номерах альманаха мы еще не раз вернемся к произведениям этого замечательного человека.

Станислав
Минаков

И гимн любви, гимн благодарный...

К 205-летию со дня рождения митрополита Макария (Булгакова)

Митрополит Московский и Коломенский Макарий (Булгаков)

В Белгороде возле здания духовной семинарии (в моем детстве это был Дом юных техников, с любимым кружком по фотоделу) с 2005 г. стоит бронзовый памятник уроженцу Святого Белогорья — митрополиту Московскому и Коломенскому Макарию (Булгакову). Владыка, коего многие, по совокупности деяний, называют святителем, сидит в кресле (автор монумента — заслуженный художник России А. Шишков), с небольшим наклоном вперед, ко граду и миру, ко всякому идущему или едущему. Кто-то останавливается в поклоне, кто-то проходит мимо, кто-то стоит в двух шагах на остановке городского транспорта — в любом случае рядом, «в свете и под сенью» митрополита. Его называют святителем, хотя к церковной канонизации великого труженика и угодника Божия путь только начат, народное почитание возрастает, суммируются соборные усилия по приближению к этой значительной фигуре отечественной истории и богословия. Просветитель оставил нам до сих пор непревзойденный и весьма востребованный и

ныне 13-томный труд «История Русской Церкви», а также «Введение в православное догматическое богословие» и другие сочинения.

Его называют святителем, хотя к церковной канонизации путь только начал.

В свете 205-летия со дня рождения владыки, которое исполняется 1 октября с.г. (19 сентября по ст. ст.), есть повод отметить, что после десятилетий безбожия владыка Макарий словно возвращается из временного забвения, духоподъемно и душеполезно осеняя нынешних белгородцев и указуя созидательную перспективу.

Справедливы слова:

«Мы слышим сквозь века голос святителя Макария, который призывает нас к любви, внутреннему преображению, призывает жить друг с другом в доброжелательных отношениях, постоянно любить и созидать. ...Духовное наследие митрополита Макария очень велико, и масштаб этой личности нам предстоит еще до конца осознать и познать. В его исторических и духовных трудах — ответы на вопросы сегодняшней жизни, ответы на сегодняшние вызовы времени. Думаю, что труды митрополита Макария будут служить для многих и многих поколений источником вдохновения».

Митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн в юбилейном, на 200-летие, слове напомнил землякам, что уроженец Святого Белогорья митрополит Макарий (Булгаков) «стал единственным из иерархов Русской Православной Церкви действительным членом Российской академии наук; это было признание его выдающихся заслуг», и подчеркнул, что юбилейные торжества — «это благодарение великому сыну России, выдающемуся иерарху Русской Православной Церкви».

Значительным юбилейным памятником стал 5 лет назад выпуск в свет Макариевским духовным центром (на титуле значится «Москва — село Белянка, 2015») красивого трехтомного издания «Материалы к жизнеописанию митрополита Макария (Булгакова)», в основу которого положен историко-биографический очерк уроженца Курской губернии, выпускника и профессора Киевской духовной академии, протоиерея киевского Андреевского собора Федора Титова «Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский»; за этот труд в 1897 году исследователь получил полную Макариевскую премию.

Следует вспомнить, «откуда есть пошла» знаменитая Макариевская премия. Дело в том, что

еще в начале своей научно-литературной деятельности владыка стал откладывать сбережения от продажи своих сочинений. И когда собралась значительная сумма в 120 тысяч рублей, он завещал эти средства в распоряжение Академии наук, Синода и духовных академий, чтобы на проценты учредить ежегодные премии для поощрения отечественных талантов, посвящающих себя делу науки и общепользным знаниям. Премии митрополита Макария — их было четыре — присуждались с 1884 по 1917 г. Одна — Академией наук, по всем отраслям науки, две — Святейшим Синодом, за учебники и учебные пособия по духовным дисциплинам, одна — Киевской духовной академией, за работы в области духовной литературы. Макариевские премии возобновлены спустя 80 лет, с 1997 г., и присуждаются в пяти номинациях: «История Православной Церкви», «История России», «История Москвы и историческое краеведение», «История православных стран и народов», а также учебник или учебное пособие, представляющие вклад в науку в одной из данных номинаций.

Митрополит Московский и Коломенский
Макарий (Булгаков)

И о. Федор Титов, и другие церковные историки напоминают нам, что митрополит Макарий (Булгаков) был известен как выдающийся церковный администратор, крупнейший церковный ученый, видный проповедник, оставивший после себя большое количество изданных трудов по догматическому богословию, церковной истории и проповедничеству.

Регалии и ипостасей владыки хватило бы на несколько персон: ректор Санкт-Петербургской духовной академии, почетный член Московской духовной академии, действительный член Общества истории и Российских духовностей при Московском университете, философ, полиглот, доктор богословия, доктор исторических наук, действительный почетный член всех русских крупнейших ученых обществ — исторических, археологических и литературных, а также четырех Императорских университетов — Петербургского, Московского, Харьковского и Казанского, удостоенный Императором орденов Св. равноап. князя Владимира и Св. благ. князя Александра Невского.

Небезынтересен и такой факт: вместе с Михаилом Булгаковым принимал монашеский постриг 15 февраля 1841 г. его соученик по академии Георгий Говоров, будущий святитель Феофан Затворник.

А ректором в КДА тогда был архимандрит Иннокентий (Борисов), через полторы сотни лет канонизированный в лике святых. Произведение архимандрита «Последние дни земной жизни Иисуса Христа» поразило Михаила еще в семинарии, а в академии по предложению ректора он за 2 года написал «Историю Киевской духовной академии», отмеченную митрополитом Филаре-

том Московским (Дроздовым). Уже будучи архиепископом Херсонским, владыка Иннокентий в рецензии, представленной в Академию наук по ее поручению, о «Православно-догматическом богословии» Макария, тогда епископа Винницкого, по поводу присуждения тому полной Демидовской премии, писал:

«Рассматриваемое нами сочинение составляет собой редкое и самое отрадное явление в нашей богословской литературе, подобного коему она не видала и, по всей вероятности, не скоро увидит опять».

В академической записке рецензента говорилось:

«Труд этот удовлетворяет всем современным требованиям науки по стройной системе и выводу всех частей и истин из одного начала, по глубокой и обширной учености автора, по господствующему историческому направлению, столь сродному богословию, как науке положительной, по отличной ясности и вразумительности в способе раскрытия истин, даже по слогу чисто русскому, на протяжении всего изложения носящему печать изящества и вкуса».

Все труды митрополита Макария отличает чуткая, вдохновенная, воистину святительская работа с русским словом. Вот пример.

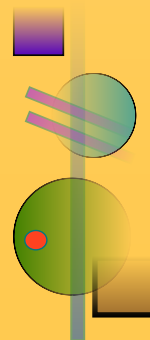
Памятник митрополиту Макарию
в Белгороде

7 июня 1859 г., вступая на кафедру Харьковскую и Ахтырскую, в кафедральном (тогда — Успенском) соборе Харькова преосвященный Макарий вышел к пастве с обращением, которое сохранено для нас в опубликованных собраниях трудов владыки. Там есть такие слова:

«...Вся наша земная жизнь есть, собственно, период воспитания нашего для вечной жизни ... стремитесь к небу, где вам жить вечно, стремитесь и мыслями, и желаниями, и действиями; заботьтесь здесь более всего о том, чтобы, по переходе туда, явиться вам достойными гражданами горняго Иерусалима: горячая мудрствуйте, а не земная.

...Христианство, по своему составу и существу, имеет целью возстановить нас в первобытное состояние, сделать нас истинными людьми, возвести нас от земли на небо, дать нам полную возможность достигать нашего высшего назначения».

8 сентября 1868 г. преосвященный Макарий в последний раз совершит литургию в харьковском Покровском монастыре. А потом отправится на Московскую кафедру, где скажет удивительные

Станислав
Минаков

слова, которые следует расценивать как аванс грядущим поколениям, увы, подвергнувшимся изрядным помрачениям:

«Я вижу в России, и особенно в сердце ее — Москве, такой неистощимый родник благочестия, что его, без сомнения, на многие века хватит не только для внутренней жизни России, но и для просвещения языческих народов».

Перечислим некоторые труды владыки: «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира», «Взгляд на историю Русской Церкви до нашествия татар», «Введение в православное догматическое богословие», «История русского раскола старообрядчества». Последним печатным трудом митрополита Макария стал трактат «Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов» (1882); как заметил биограф, неожиданная кончина владыки «остановила дальнейшие его заботы по сближению старообрядцев с Православной Церковью».

Кульминационным пунктом в духоподъемном процессе почитания памяти митрополита Макария на Белгородчине стало освящение митрополитом Иоанном и епископом Губкинским и Грайворонским Софронием утром 10 сентября 2016 г. в с. Сурково нового храма — в честь павшего от руки крымских татар священномученика Макария, Митрополита Киевского, небесного покровителя митрополита Макария (Булгакова), а также освящение памятника выдающемуся земляку (автор монумента Д. Горин).

В Сурково

День был солнечный, к восьми часам утра к новому красивому однокупольному храму из карельской сосны, построенному за год, стеклось немало народа из окрестных сел, районов, областного центра, пришли крестоходцы из соседней Белянки, славной своей хоругвеносной детворой, ведомой руководителем Макариевского духовного центра, настоятелем храма Воскресения Христова в Зимовеньке протоиереем Александром Деревянко (чьи воспитанники, к слову, показали потом с фестивальной сцены на поляне короткую литературную композицию о владыке Макарии). И чин освящения нового Макариевского храма, и литургия исполнились словно на одном дыхании — среди знакомых, родственных лиц. В теплый осенний денек, в котором потом нашлось место и песням со знаменитым женским фольклорным ансамблем села Подсереднее Алексеевского района, исполняющим произведения, сохраняемые еще со времен татаро-монгольского ига, в костюмах, которым по несколько сот лет, и картинам профессионалов-белгородцев, и берестяным инкрустациям, шитью и дивным куклам, сработанным мастерами села Сурково, и вкусной каше да выпечке, которыми угощали всех пожелавших. Находясь в Сурково, непременно вспоминается о том, что отец будущего митрополита Петр Булгаков скончался еще вполне молодым, оставив после себя вдову и шесть сирот безо всяких средств к существованию, отчего семилетнего Мишу отдали в домашнюю школу к крестному отцу-священнику, за 7 верст от дома, где учились начаткам грамоты дети прихожан и окрестного духовенства. А на девятом году мать отвезла Михаила в г. Корочу, в приходское духовное учили-

ще. Учение давалось мальчику с трудом, но учителя отмечали его редкие настойчивость и трудолюбие. И мы не пройдем мимо удивительного случая, произошедшего уже в Белгороде, когда нечаянно брошенный товарищем камень попал в голову Мише, учившему урок, спрятавшись за поленницей дров. Это изрядно кровотоочивое событие стало судьбоносным: с заживанием раны «исчезли все следы физической болезненности и умственной вялости ученика Булгакова; учителя не узнали своего отстававшего малоспособного ученика: быстрый, неожиданный расцвет его духовных сил и способностей выдвинул Булгакова на первое место в классе и обеспечил блестящий успех при переходе в семинарию». Дальше впитывание знаний шло у Михаила только по нарастающей.

Биографы отмечают и сердечное попечение владыки о своих родственниках. Заботясь о благосостоянии своей матери Стефаниды Григорьевны, владыка Макарий по случаю своего назначения на должность ректора СПДА положил тысячу рублей на ее счет, чтобы матушка могла пользоваться процентами, даже если его самого уже не станет. Помогал он материально и своим сестрам, не забывал помощь и жителей дорогого ему села Сурково. Преосвященный Макарий пожертвовал на сооружение здесь каменной церкви 12 тысяч рублей, за что ему была объявлена признательность Священного Синода.

Сохранилась душевная переписка владыки с его братом Александром, которого он, что примечательно, обучал в Санкт-Петербургской духовной академии. Протоиерею Петербургского Казанского собора Александру Булгакову выпадет жребий завершить изданием 13-й том сочинений старшего брата по истории Русской Церкви.

Остается трудно вместимой мысль, почему именно эта земля дала нам просветителя Макария, точнее сказать, сперва мальчика Мишу Булгакова, который после Курской духовной семинарии закончит Киевскую духовную академию, затем будет 15 лет преподавать и даже ректорствовать в Санкт-Петербургской академии, и возрастет так, что лет по 10 будет архипастырем на разных рубежах призвания, — сначала епископом Тамбовским и Шацким, после епископом Харьковским и Ахтырским, затем архиепископом Литовским и Виленским, и последние 3 года жития, до самой скоропостижной кончины 21 (9) июня 1882 г., — митрополитом Московским и Коломенским, а упокоится в Успенском соборе Свято-Троицкой Сергиевой лавры.

К слову, в лавре в начале октября 2016 г. прошли памятные Макариевские мероприятия с участием Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Современники отмечали, что не только к родной истории «близок митрополит Макарий, не был чужд он и новой русской литературе: древнюю русскую письменность он обогатил целым потоком открытий, на всех праздниках новой русской литературы был всегдашним украшением и желанным участником, выступавшим на всех литературных юбилеях с красноречивыми и вдохновенными словами». Тронула современников его речь, произнесенная в церкви Страстного монастыря при открытии в Москве памятника Пушкину в 1881-м г.

**Станислав
Минаков**

«Все, кому дорого родное слово и родная поэзия, — сказал митрополит Московский Макарий, — на всех пространствах России, без сомнения, участвуют сердцем в настоящем торжестве и как бы присутствуют здесь... Мы воздвигли памятник нашему великому народному поэту потому, что еще прежде он сам воздвиг себе "памятник нерукотворный" ...к которому будут приходить отдаленные потомки наши, как ныне приходим к нему мы».

По поводу этой речи журнал «Вестник Европы» тогда написал:

«Отношение к интересам русской светской литературы в речи Митрополита Макария выразилось так, как оно еще никогда, кажется, не было выражаемо лицом его положения, и сделало этот день светлым праздником русской поэзии и русского слова».

Именно в Сурково и именно в эти золотые сентябрьские, именно что светло-праздничные, юбилейные дни был повод вспомнить и поэтические строки самого выпускника КДА 1841-го года, только что принявшего монашеский постриг, тем самым из Михаила превратившись в Макария, написавшего, не без влияния стилистики любимого им поэта Жуковского, стихотворение «Три гимна» (здесь фрагмент третьей части):

*А ты, которая звездою
Вдали алмазною горишь
И пылких юношей красою
Своей Божественной манишь,
Святая Истина! Ужели
И для тебя простой лишь гимн
Споет — от самой колыбели
Поклонник прелестям твоим?
О, нет! Богине благодатной
Всего себя я отдаю
И гимн любви, гимн благодарный
Я целой жизнью пропою.*

Этот благодарный гимн любви звучит и спустя полтора века по принесении обетований, и, верится, это только начало его нового звучания.

Фотографии автора
1 октября 2021 г

На заметку русофобам

Русский язык как новый фактор европейской интеграции

Это не я придумал. Так мыслит и говорит о русском языке месть де Кошко.

Дмитрий де Кошко — глава ассоциации с неожиданным, но весьма евразийским, чуть ли не глобальным названием «Франция-Урал». Звучит крылато, как название летного полка «Нормандия—Неман» и, кажется, задачи похожие. Кошко от имени инициативных французских ассоциаций, выступающих за развитие связей с Россией, заявил, что во Франции будет проведен сбор подписей за использование русского языка в Евросоюзе на официальном уровне.

«Мы считаем, такой шаг необходимым, поскольку русский — один из основных европейских языков, проводник идентичности европейской цивилизации, — говорит г-н де Кошко. — Это вектор распространения во всем мире разных культур, опирающихся на посредничество русского языка».

В странах Евросоюза, включая не только постсоветскую Прибалтику, но и многие другие, так сказать, не-постсоветские страны, сегодня, по грубым прикидкам, насчитывается больше 7 млн русскоговорящих жителей, потому считать его региональным, местным или «языком меньшинств»

авторам этих инициатив не представляется возможным.

«По своей сути и амбициям русский язык не является носителем идей сепаратизма. Напротив, это фактор европейской интеграции», — утверждает Дмитрий де Кошко.

Это, пожалуй, новость для русофобов, преизрядно проявившихся, как ни парадоксально, на территориях, «откуда есть пошла Русская Земля», то есть нынешней Украины.

Не столь давно в СМИ промелькнула статистика, что русский язык, после английского и китайского, вышел на третье в мире по числу его носителей, потеснив на четвертую позицию рейтинга испанский. Стоит ли удивляться, что французы, издавна тяготевшие к русской культуре и неизменно привечавшие ее, утверждают, что русский язык просто-таки «необходим для экономического развития Европы и в особенности Евросоюза, учитывая взаимодополняемость экономик двух частей континента».

«Право всех русскоязычных жителей ЕС пользоваться русским языком как родным или же как транснациональным языком общения в Европе, несомненно, является элементом обогащения в культурном, экономическом и, конечно же, геополитическом плане для всего Европейского союза», — почти пафосно констатирует Д. де Кошко, подчеркивая, что между Россией и Евросоюзом развивается тесное сотрудничество и в таких важнейших областях, как энергетика и авионавтика.

Тема, заявленная месье де Кошко, актуализовалась также в связи с тем, что в нынешнем году вступили в силу законоположения, позволяющие европейцам, собрав «не менее миллиона подписей из как минимум семи стран ЕС», выступать с гражданскими инициативами. Конкретно же во Франции — необходимо предоставить 54 тыс. подписей граждан ЕС.

А, с позволения сказать, «наши», глядящие на Европу из таких низин, что аж шапка валится при запрокидывании головы, грезящие о каком-то там европейском «ассоциированном членстве» и предлагающие, как Тягныбок, разрешить на русском языке говорить в парламенте лишь в сортире и кулуарах, а с трибуны — ни-ни, уже присматривались бы, в самом деле, к Европе, все больше говорящей по-русски. А то как же с нацистским ксенофобским рылом соваться в европейский ряд?

2 января 2013

Источник: <http://www.odnako.org/blogs/na-zametku-rusofobam-russkiy-yazik-kak-noviy-faktor-evropeyskoy-integracii/>

Станислав
Минаков

«Когда мы были на войне...»

Фрагмент книги

Эссе и статьи о стихах, песнях, прозе и кино Великой
Победы «Споёмте, друзья, ведь завтра в поход...»

Вино с печалью пополам

Гениальное стихотворение Михаила Исаковского «Враги сожгли родную хату» не нуждается в комментариях. Однако хочется побыть с ним, говорить о нём, воистину, глазе народа – от песен калик перехожих – до шарманщиков, от солдатской и острожной музыки времён Государей Петра Алексеевича и Николая Павловича – до танкистов с выжженными глазами, которыми были полны послевоенные трамваи и пригородные поезда.

«Народность» Исаковского, о которой принято писать в справочниках, подтверждена ещё и рядом его песен, которые по большей части и известны-то под народными, а не официальными авторскими названиями: «Дан приказ: ему на запад...», «Катюша», «И кто его знает», «У крыльца высокого», «В лесу прифронтовом» («С берёз неслышен, невесом...»), «Огонёк» («На позиции девушка провожала бойца...»), «Лучше нету того цвету...», «Одинокая гармонь» («Снова замерло всё до рассвета...»), «Каким ты был, таким остался...», «Ой, цветёт калина...». Из этого ряда сочинение «Враги сожгли родную хату...», созданное поэтом в 1945 г., выдаётся особой вершиной.

Свято место у этого произведения и в ещё более высоком ряду – избранных песенных шедевров военных лет, которые стали духовной плотью нашего народа. Вспомним несколько песен, созданных в 1941–1945 гг. и в первые послевоенные годы, известных на Руси каждому, живых и сегодня: «Соловьи, не тревожьте солдат...», «На солнечной поляночке...» и «Горит свечи огарочек...», «Где же вы теперь, друзья-однополчане...» Алексея Фатьянова, «В землянке» Алексея Суркова, «Эх, дороги...» Льва Ошанина, «Случайный вальс» («Ночь коротка, спят облака...») и

«Песня о Днепре» Евгения Долматовского, «Тёмная ночь» Владимира Агатова (Петрова), «Священная война» («Вставай, страна огромная...») Василия Лебедева-Кумача.

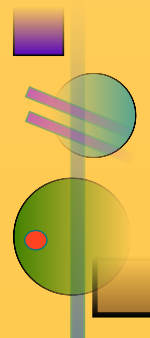
Для каждого из нас почти невозможно отделить первооснову, поэтический текст стихотворения «Враги сожгли родную хату...» от музыки Матвея Блантера, но это произведение является также и шедевром русской поэзии XX века. Заметим, что в нашем восприятии эта песня неотделима и от голоса Марка Бернеса. Именно Бернес фактически прервал странную традицию игнорирования, установленную редакторами музыкальных программ для этой песни. В 1960 г. на представлении Московского мюзик-холла «Когда зажигаются звёзды» артист исполнил её перед многочисленными зрителями, заполнившими Зелёный театр ЦПКиО им. М. Горького, настроенными на развлекательное зрелище. После первых же строк в зале установилась абсолютная тишина, закончившаяся затем овацией.

Известны и иные военные стихи Исаковского, ставшие песнями: «До свиданья, города и хаты...», «Ой, туманы мои, растуманы...».

Можно воскликнуть: да кто ж не знает всех этих сочинений!

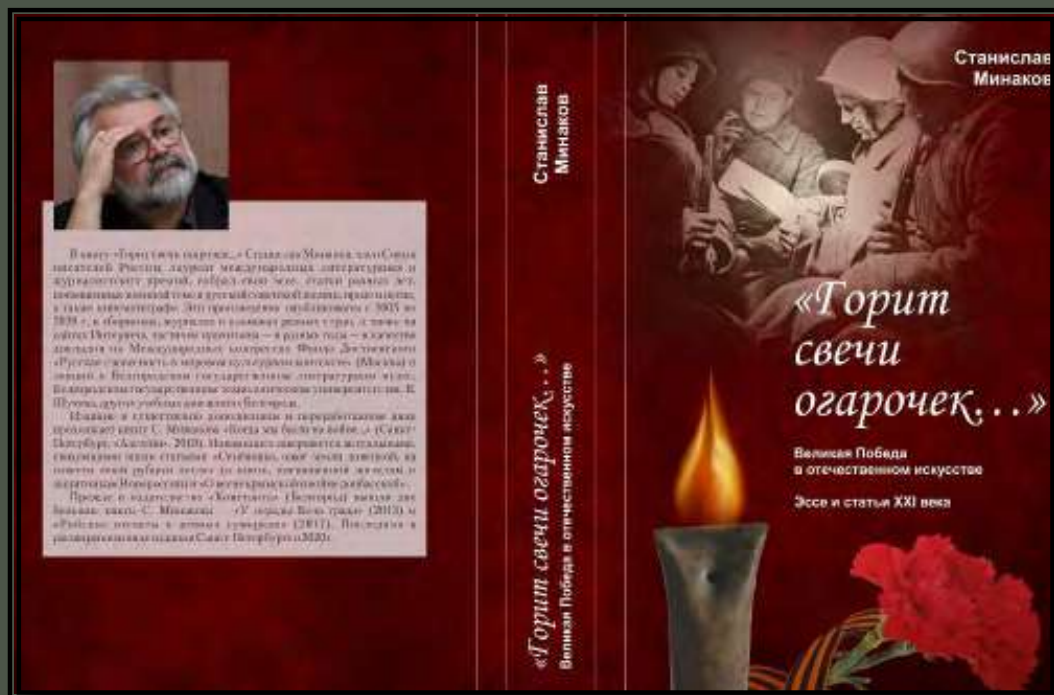
Сегодняшний ответ: иностранцы не знают (за исключением, быть может, мирового шлягера – «Катюши»). Я позволил себе столь подробное «называние названий», чтобы одним даже перечислением оживить нашу память. Оттого что нынче страшно: наши новые поколения становятся подобны «немцам», то есть иностранцам, «населению», хоть и живущему на «этой земле», да безпамятно – не помня песен своего народа, не зная своей родной истории.

Поэт и прозаик, исследователь литературы Ю. Г. Милославский, ныне живущий в Нью-Йорке, высказал мне в письме такое суждение: «А что есть названные песни, с их словами и музыкой?.. Великое и трагическое, бессмертное достижение русского духа. Вот когда даже Долматовский с Блантером – приблизились к Пушкину и Глинке. Что бы мы делали и кем бы мы были без песен военных лет? Мы были бы много-много беднее. Мы бы просто были чем-то другим. Как, допустим, без стихов “Я помню чудное мгновенье...” или “Белеет парус одинокий...”. Не следует ли нам повторить слова великого святителя: “Слава Богу, что (эта) война была”? Страшная цена, но, быть может, промысел Господень – в том, что Великая Отечественная война стала, по Его воле, горним взлётом русского соборного сознания, в котором соединилось всё лучшее от духа народов России».

**Станислав
Минаков**

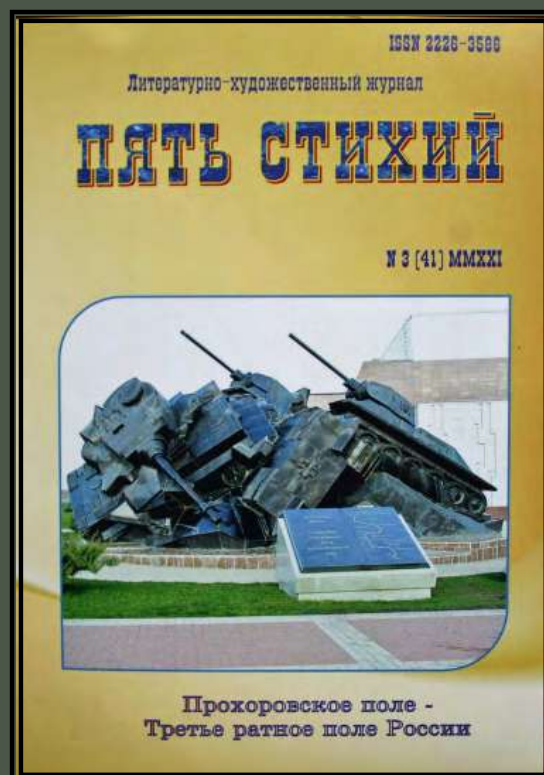
В октябре 2021 вышла новая книга Минакова С.А. «Горит свечи огарочек...» Великая Победа в отечественном искусстве» (Белгород, «Издательство Сангалова К.Ю.», 2021) Автор собрал свои эссе, статьи разных лет, посвященные военной теме в русской советской поэзии, прозе и песне, а также кинематографе, опубликованные с 2005 по 2020 г.

Литературно-художественный журнал «Пять стихий», изданный в г.Донецк. В номере большая статья о литературно-патриотических чтениях «Прохоровское поле», где побывали и писатели из ДНР, поэтому такая обложка. В номере представлены и произведения белгородских писателей и поэтов. Презентация журнала.

Станислав Минаков на презентации литературно-художественного журнала «Пять стихий»

Станислав
Минаков

Поэзия

* * *

Ревнитель по Боге, ответь, для чегошеньки страх?
 Себя надоумлю: боязнь – может быть, запятая
 и вверх восклицательна. Здесь аллегорья простая:
 о райских взыскующих куцах, эдемских кустах,
 в которые, ужас изведав живой живота,
 до стенки дойдя, претворяясь, душа устремилась
 и смертыньки доброй лакает свободу – как милость,
 как ласку, взирает на землю: ну вот же, вот та
 питала меня и пытала, недолгое мясо
 неловкого тела водила по зыбким путям –
 неужто вот та? Да, вот та, да, вот та, и вот там –
 не ведая часа...

Но ежели страх – это просто и только спина
 глазастая, жалкая, холод Орфея в Аиде,
 тогда ты не бросишь испугу калёное: выйди!
 Тогда ты и есть – подземелье, обрыв и стена.

* * *

Бегство (читай – изгнание) – та же смерть,
 в нем душа устремляется в духоту,
 впредь не в силах выситься, быть и сметь,
 покидая вещное на лету.
 И, попав в непонятное, как шпана
 озираешься, странный: некуда дальше бечь,
 потому что повсюду – одна хана
 и лишь изгнанный может про то просечь.
 Вроде б – ходишь и выглядишь так, как все,
 но не ловишь больше наземный кайф,
 а родимых, отрезанных в чортовой полосе,
 слышишь сердцем, издали, даже не тронув Skype.

* * *

Никто никуда не вернется.
 Никто не придет ни к кому.
 Над черной отравой колодца
 замри в невозвратном дыму.
 Напрасно, недолго, несильно
 гримаса скользнет по лицу
 претензией блудного сына
 к заблудшему вусмерть отцу.
 И коль не успел попрощаться,
 над прошлым по кромке скользая,
 не смей все равно возвращаться –
 не надо, не надо, нельзя.
 Загнутое – не разогнется.
 Морщины загладил пластид.
 Никто никуда не вернется.
 Никто ничего не простит.

* 7 августа по нов. ст.

Тополь

Если тополь за окном,
 ничего не надо боле.
 С ним – без муки и без боли
 за оконный окоём
 можно кануть. Голубой,
 безсловесный, безпечальный,
 глубиной изначальной
 он врачует нас с тобой.
 Трепет, ропот. Лист и ветвь.
 Ничего в нем больше нету –
 о покое два завета:
 тихий звук и слабый свет.
 Плат – заплата на заплате
 у него, но ты не плачь.
 Мы за счастье не заплатим:
 тополь – царь, а не палач.
 Тополь – плот, и тополь – поле.
 Пальцы слепятся в щепоть.
 Гул целебный, дар тополий
 единяет дух и плоть.
 Это – я ль? А это – ты ли?
 Явь? Или ее испод?
 Волны света золотые.
 Тополь. Воля. Путь. Господь.

На «Анну Тёплую»*

Бабка в валенках,
 согбенная, идет.
 Бабка маленька –
 сквозь город-идиот.
 Людный, каменный –
 да пустыни пустей.
 Ад в нем – пламенный,
 ан холод – до костей.
 Зимней шапкою
 по августу трясти?..
 Губы шамкают,
 иконочка в горсти.
 Цветик аленький –
 аргоновы огни...
 Бабку маленьку
 спаси и сохрани!

* «Анна теплая» — 6 августа по нов. ст.

Возвращение собаки

Собака уходит... Тогда звёздный час настает
наглеющих соек, ворон, голубей-идиотов;
и всё, что зима оставляет от пёсых щедрот,
становится кормом для них, мельтешащих проглотов.

Во фраке сорока и мелкая подлая птичь
у снеди никчёмной спуют, забываясь до дури, –
покуда собака зевает и дремлет, как сыч,
иль самозабвеннейше блох изгрызает на шкуре.

Но вспомнив как будто и ухом пухнастым дрогнув,
зверюга мохнатую голову вдруг поднимает,
и каждый, кто прыгал вокруг площадки, разинувши клюв,
похоже, что общий расклад наконец понимает.

И всякий свистун – тарахтит, и звенит, и пищит,
и с ужасом прежним большое движение слышит.
И, вспрыгнув на ветку, трещотка трещотке трещит:
«Она возвращается! Вон она! Вот она – дышит!»

2006

* * *

В неделю первую Поста
была еда моя проста,
да – тяжек ум. Хотя в капели,
слетавшей с синего холста,
я слыхом слышал Те уста,
что говорили или пели.

В неделю первую Поста
была душа моя чиста
и по отцу сороковины
справляла. И, неся свой крест,
сквозь слёзы видела окрест
свои ж безчисленные вины.

Не досчитавши до полста,
я список лет прочел с листа,
и, ужаснувшись, благодарен:
у Гефсиманского куста
мне тоже Чаша – непуста,
напиток огненный – нектарен.
29.03, 7.08.05

Осень Пасмальве. цикл

ВЕРНУТЬСЯ В ЛИТВУ

А след наполнится водой
болот. И жухлым камышом
прошепелявит что-то дождь.
И словно – тут никто не шёл.
Редея, шелестящий ток
уступит пустоте ветвей
и явит пасмурную твердь,
и вроде – не был тут никто.

Но я-то помню – я тут шёл,
где шов заката, веток рябь,

где с неба опадает октябрь.
Остался от него ожог.
Но я-то знаю – я здесь был,
я в эти заросли влетал!
Я бредил дебрями рябин,
я был бродяга твой, Литва!

...И вновь октябрь дохнул с верхов...
Я глянул в озеро. Возник
портрет мой между облаков.
На скулах – ссадины брусник.

Станислав
Минаков

* * *

– Дай Бог и нам с тобой заснуть,
как лес осенний засыпает,
и пятна листьев засыпают
болотную немую муть.

Какой великолепный стиль!
Из красок невообразимых,
из плясок нервов – кануть в зиму!
Дай Бог и нам вот так уйти!

А если краски удались,
быть может, кто-то белым полднем
с земли подымет красный лист.
...И падал в небо лес холодный...

* * *

А тот, кто разбирает веток бред,
кто понимает бора речь немую, –
счастливец, что ему иная мудрость,
когда он – родич разуму дерев!

Он волен здесь. Он лесу так же свой,
как лист и мох, как тот иль этот стебель.
Он – побратим осин и синих хвой,
меж паутин сквозящий лёгким телом.

За ним, за ним! Завидуя, дивясь:
он ведаёт листву по именам и лицам!
И ты хотел бы так же с лесом слиться.
Но мал твой дар, чтоб вспомнить эту связь...

* * *

Закат, в пустую даль осевший косо.
Прибрежный стог. Тяжёлая осока.
Сюда ты забредаешь на ночлег...
Спиной приткнёшься к тишине покоса,
и в небесах истает смутный лес,
и медленно к лицу подступит космос
сквозь прежнюю полынь твоих ушедших лет –
сюда ты забредаешь на ночлег.
...Излом тепла. Последние стрекозы...

* * *

Зелёное молчанье вод...
Рыбачки неводы чинили.
И тучей, как зрачком чернильным,
следил за ними небосвод.

И рыскал пёс с ухмылкой лисьей
вдоль берега. Текла вода.
И красные летели листья,
летели листья в невода...

ВОСКРЕСЕНИЕ

...и под лодчонкою прогнувшейся
замрешь ты, тих... И вдруг услышишь,
как в детстве – вздрогнувший – когда-то:
свой тайный код заладил дятел,
невольник партитуры высшей.

И ты увидишь в дыры днища,
что небо всё черней и ниже,
и что уже осинник нищий
на пальцы эту темень нижет.

И ты увидишь и услышишь.
И дятел замолчит за рощей.
И в берег, временем заросший,
ударится тяжёлый ливень.

Собьёт надломленные листья
и бросит их к ладони лодки.
И долго в щели будет литься
живой водой октябрь холодный.

И восклицательные сосны
взглянут из озера. И выйдет
мгновенное, скупое солнце.
Но ты услышишь и увидишь.
1983-1987

Новый Робин Бобин

«Nursery Rhymes» / «Стихи из детской»: пересочинение с английского

Робин Бобин

Робин Бобин —
Бесподобен.
Он, как булка,
Кругл и сдобен.
Он, как тумба,
Несъедобен.
Но
На завтрак
Сам
Зато
Съел он
Бубликов
Штук сто!
Это было —
Для разминки.
Ну а после —
Без запинки
Петуха сжевал,
Курчонка,
Солонины
Три бочонка,
Всех коров и лошадей.
После —
Взялся за людей.
Ел селян и горожан,
Пастырей и прихожан,
Толстяков и худосочных,
Всяких — западных, восточных,
Разных — северных и южных, —
И враждующих, и дружных,
Жёлтых,
Красных,
Чернокожих.
Впрочем,
Бледнолицых — тоже
Без отсева,
Без разбору
Во-от такую съел
Он гору!
Ну а после —
Съел планету,
На закуску,
Как конфету.
И сказал:
«Ну вот, привет!
Что же
Съем я
На обед?»

Гектор Протектор

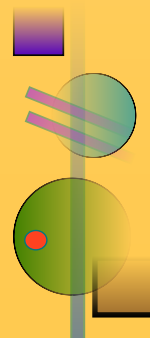
Гектор Протектор,
Большой молодец,
Вызван был вдруг
В королевский дворец.

Быстро король
Оценил молодца,
И выставлен был
Молодец из дворца.

Маркиз Лбом де Лом

Маркиз
По имени
Лбом де Лом
Был
Очень бравый
Маркиз:
Он с храбрым отрядом
Поднялся на холм,
А после
Спустился вниз.

И, на холм идя,
Шёл отряд
Лишь вверх,
А спускаясь,
Шёл — только вниз.
И лишь на вершине
Он был
Выше всех,
И ни вверх
Он не шёл —
Ни вниз!

Станислав
Минаков

Триптих по отцу

«Як страшно буде, коли мерзлу
землю стануть на гроб
кидати...»

Слова преподобного Амфилохия
Почаевского
(Головатюка), сказанные им
перед кончиной,
в декабре 1970 года

1.

...А покуда шавки вокруг снуют,
примеряя челюсти для верняка,
ты поведать волен про свой уют,
про уют вселенского сквозняка,

коли понял: можно дышать и тут,
на перроне, вывернув воротник,
даже если ночь, и снега метут,
и фонарь, инфернально моргнув, поник.

Да, и в здешней дрожи, скорбя лицом,
заказавши гроб и крест для отца,
ты ведь жив стоишь, хоть свистит
свинцом
и стучит по коже – небес пыльца.

Город – бел, и горы белы,
холмы.

И твоя действительность такова,
что пора читать по отцу псалмы.
...Где ж тот поезд каличный «Керчь –
Москва»?

Ведь пора идти, отпевать отца
по канону, что дал навсегда Давид.
Да в итоге – снежище без конца
и ментов патрульных унылый вид.

Ты живой? Живой. Вот и вой-кричи!
«Всюду – жизнь!» – нам сказано.
Нелегка?

Но прибудет тётушка из Керчи.
И Псалтырь пребудет во все века.

А отец лежит – на двери, на льне,
в пятиста шагах; как всегда, красив...
В смерти есть надежда. Как шанс – на
дне
ощутить опору, идя в пассив?

Смерть и есть та дверь, что однажды нас
приведёт, как к пристани, в те сады,
где назначен суд и отмерян час,
и лимита нет для живой воды.

13 марта 2005, Прощённое
воскресенье

2.

Катафалк не хочет – по дороге,
где лежат
гвоздики на снегу.
...Рассказал профессор Ольдерогге –
то, что повторить я
не смогу

про миры иные, золотые, –
без придумок и без
заковык.
Пшикайте, патроны холостые!
Что – миры? Я к здешнему
привык.

Катафалк, железная утроба,
дверцей кожу пальцев
холодит.
А внутри его, бледна, у гроба
моя мама бедная сидит.

Этот гроб красивый, красно-чёрный,
я с сестрицей Лилей
выбирал.
В нём, упёрший в смерть висок точёный,
батя мой лежит – что
адмирал.

Он торжествен, словно на параде,
будто службу нужную
несёт.

Был он слеп, но нынче, Бога ради,
прозревая, видит всех и
всё.

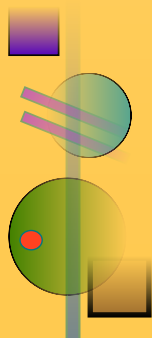
Я плечом толкаю железяку:
не идёт, не катит – не
хотит.

Голова вмещает новость всяку,
да не всяку – сердце
уместит.

Хорошо на Ячевском бугрище,
где берёзы с елями гудут!
Ищем – что? Зачем по свету рыщем?
Положи меня, сыночек, тут!

Через сорок лет и мне бы
здесь
лечь,
где лежит фамилия
моя.
Буду тих – как Тихон Алексеич
с Александром Тихонычем
– я.

А пока – гребу ногой по снегу,
и слеза летит на белый
путь.
Подтолкнёшь и ты мою телегу –
только сын и сможет
подтолкнуть.

3. Сороковины

Третий день... девятый...
сороковый... Враз поправит
Даль: сороковой.

Что толочь – трепать словарь толковый,
безтолковый в песне роковой!

Горевые думы домочадца: домовиной
память горяча.
Батя прилетает попрощаться. Тает
поминальная свеча.

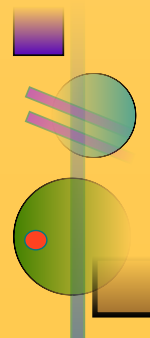
Я гляжу – поддатый, бородатый – на
немую вертикаль огня.
Батя, ты теперь – прямой ходатай пред
Престолом Божьим за меня.

Ты отныне выйдешь в бело поле
серафимов, ангелов и сил.
Ты такого не видал николи, ведь всегда
немногого просил.

Как тебе? Не холодно скитаться? Может
статься, даже
весело?

Я – с тобой не прочь бы посмеяться.
Только нынче – губы мне светло.
Всё сегодня видится нерезко...
Колыхнулась пламени стрела.
Шелохнулась, что ли, занавеска?.. И
душа – узнала, обмерла.

Март 2005

**Станислав
Минаев**

Поэзия

СОВРЕМЕННАЯ

Алексей Корзухин (1835-1894)
Перед исповедью

*Прелестная иллюзия
слова*

Я пишу о родине моей

Фото Александр Северный

Вновь рассвет сегодня тихо
Вполз с восточной стороны.
Солнце, будто повариха,
В небесах печёт блины.

За кусты густой малины
Утром, видимо, не зря,
Зацепилась паутина
Посередке сентября.

И раскрылись в поднебесье,
Словно ставни, облака.
Может, там застряли вести,
Те, что жду издалека.

Ни ответа, ни привета,
Ни звонка от милой нет.
За неё мне бабье лето
Машет листьями вослед.

Никого винить не буду
За печали прошлых дней.
Лучше, как Иван за чудом,
Я потопаю за ней.

Дворник обметает с парашута
Золотые листья октября.
Тихо к нам вернулось бабье лето
И запылило, как заря.

Под лучами нежатся котята,
На асфальте распушив хвосты.
Много нам ещё подарят злата
Ныне неостывшие сады.

Я всем сердцем искренне ликую
И кого угодно позову
Посмотреть, как осень мировую
Заклонила с летом наяву.

На бакинском морвокзале,
Подсчитав рублей остатки,
Мы за чаем ожидали
Объявления посадки.
Ожиданье было долгим,
Как концерт органной Баха.
Нас расспрашивал о Волге
Армянин из Карабаха.
Он рассказывал о доме,
Предвкушая праздник встречи...
На вместительном пароме
Мы отчалили под вечер.
Отходили еле-еле.
Затухал причал во мраке...
Впереди была неделя
До событий в Карабахе!

Борис
Свердлов

Фронтовики

Над погостом виснут облака,
Словно над могилою венки.
Хоронить несут фронтовика
Друга своего фронтовика.

Никому не сват он и не брат -
Фронтовой товарищ - старшина.
Эту боль утраты во сто крат
Возвела проклятая война!

Что у них осталось от войны?
Память боя и победы вкус,
И ещё разруха в полстраны
С дорогим названием Союз...

Советская демонстрация

Утро. Площадь. Панорама –
«Ленин, Партия, Народ».
Мамы все помыли рамы,
Приготовились, и вот...

Сверху вождь глядит устало
На толпу и на тюрьму,
Но спуститься с пьедестала
Не дозволено ему.

Потому что над колонной
Возвышаются как раз,
Нарисованный Будённый
И, конечно, Карл Маркс.

Согласитесь, не убудет,
Коль нести пришла пора
Мимо «дядей» на трибуне
С пьяным выкриком - ура!

В дальнем прошлом эти лица...
Послесловие за сим:
Может это повториться?
Может. Если захотим!

Вот и осень пришла на постой,
Город вымок в предутренней рани,
Не по-летнему дождь обложной
До сих пор в её честь барабанит.
Наконец пересохшие рты
Водосточные трубы промыли,
И неслышно вздохнули цветы,
Отмываясь от гари и пыли.
Ветер не пожалел своих сил,
Как услужливый пёс беспокоясь,
Травы к мокрой земле наклонил
И поклонялся осени в пояс.
Пышный тополь, верша ритуал,
Поприветствовал осень вершиной,
Лист задумчиво с ветки слетал
Под колёса тяжёлой машины.
Лишь старик, никого не вина,
В неизбежность поверил исхода,
На закате осеннего дня,
На глазах уходящего года...

Что же вы шумите, тополя?
С ветром вечным спорите без толку?
Я со стен старинного Кремля
Вижу вас, и дальше вижу Волгу.
Вижу, как пожухлую листву
Встряхивает ветер под ногами.
Город мой, в котором я живу,
Исчисляет летопись веками.
Перед взором, стаями паря,
Птицы собираются к отлёту.
Снова подмастерья октября
Город покрывают позолотой.
Всю, как есть, мою степную Русь
Вобрало единственное слово.
Если в этом мире повторюсь,
Повторюсь я в Астрахани снова!

Звёзды на нитях невидимых
В люльке качают луну.
В милой родимой обители
Вновь я душой отдохну.

Лето в ладоши отхлопало
И унеслось в синеву
Листья с высокого тополя
Тихо слетают в траву.

Что вы летите, родимые,
Видно, почуяли срок?
Мыслями необратимыми
Нынче наполнен мой слог.

В мир, что доселе неведомый,
Мне не дано заглянуть.
Только земными победами
Я продолжаю свой путь.

Тайны хранит мироздание.
Чей-то слышался вдох.
Может, в осеннем мерцании
Грех отпускает мне Бог?

Записка

Я во вторник или в среду
Обязательно приеду.
Ты покрепче запирайся
И на лавочке не жди.
Всем соседям улыбайся,
В ожидании не майся
И в любви своей не кайся,
Огород не городи.
Я во вторник или в среду
Обязательно приеду,
Обязательно прибуду,
Хоть пешком к тебе приду.
Привезу подарков груду,
Помогу помыть посуду,
К твоему привыкну гуду...
И под вечер пропаду!

p/ s
Настанут вторник и среда,
Он не приедет никогда!

Дочери Наташе

В эту ночь мне не пишется вовсе ...
Тускло светит фонарь за окном,
Где бедовая бесится осень,
Разметая листву помелом.
Под забором уютится собака,
Прикрывая собою кутят.
И над общим житейским бараклом
Одинокие звёзды летят.
В сердце нет ни веселья, ни боли,
Ни стихов... Выхожу на крыльцо.
Тощий месяц от холода, что ли,
В темном небе свернулся в кольцо?
Мчится поезд товарный по рельсам,
И куда его к чёрту несёт?
Видно, в городе осени тесно,
Хороводит всю ночь напролет.
Может, мне одному и не спится.
Невеселые думы о том,
Что из рук упорхнула синица
В небеса с молодым журавлем.

Мы пьём шампанское в таверне
На берегу родной реки.
И с теплохода «Пётр Первый»
Трубят могучие гудки.

Они зовут тебя в дорогу,
Переполюня грёзы дня,
А по плечу сползает локон
И очень трогает меня.

Уже сентябрь одет по моде,
Уже пора слетать листве.
И теплоход с тобой уходит
В 17-40 по Москве.

Акации поникли кисти.
Прощальный тост на посошок.
И вновь Семнадцатая пристань
В своей красе у наших ног.

Покачиваясь, «Пётр Первый»
Ушёл, не ведая покой,
Оставив позади таверну,
Меня и чаек за кормой...

Шлагбаум шею вытянул, как гусь,
 Держа в зените тучу на прицеле.
 Я вновь к тебе, любимая, стремлюсь,
 И объявлюсь нежданно на неделе.
 Кавказа горы очень высоки,
 И Терек не впадает в нашу Волгу.
 И берега родные далеки
 Как путь к тебе, извилистый и долгий...
 Осенние кавказские дожди
 И низкие молочные туманы,
 И горные преграды впереди
 Не обещают мне небесной манны.
 На что мне манна, если нет тебя?
 И смотрят вслед лишь голые вершины,
 И фары те, что встречные, слепят
 И обгоняют мощные машины.
 Но я спешу туда, где милый дом,
 Которого не сыщешь здесь, в округе.
 Ты в нём грустишь в раздумьях о былом
 И о любви, накопленной в разлуке...

Брод

Мои друзья, мы вспомним «брод»,
 И Братский сад, и перекресток.
 Я там бродил, как блудный кот, –
 Большеисадинский подросток.

Стакан алжирского вина,
 А на закуску – сигарета.
 И говорил, как вся страна:
 «Спасибо партии за это!»

И остывал под вечер зной,
 Мы шли весёлою оравой,
 И я кудрявой головой
 Крутил налево и направо.

О, сколько милых, юных дев!
 О, сколько нежности и страсти!
 На миг от счастья обалдев,
 Моя душа рвалась на части.

Любили мы, любили нас...
 Над Братским садом ветер хлесток.
 Хочу спросить: «Который час?...»
 Пуст перекрёсток...

Аэропорт был пуст и светел,
 И также пуст и светел зал.
 На полосе осенний ветер
 Кружился, падал и взлетал.

Я в ожидании. О, Боже!
 Считал минуты, сам не свой!
 И в мыслях ты, наверно, тоже
 Была давным-давно со мной.

Срок расставания не вечен.
 Я в даль глядел во все глаза.
 Торжествовал упрямый вечер,
 Вкатив луну под небеса.

А самолёта нет в помине.
 Есть вечер, ветер и луна.
 И непонятно, кто повинен?
 Хотя не важно, чья вина.

Лишь на меня сквозь свет небесный
 С тоской глядят глаза планет.
 Планетам во вселенной тесно,
 А на земле им места нет.

А для тебя - вся эта площадь!
 И город, что дожждётся нас...
 Нет! Провожать гораздо проще,
 Чем ожидать, как я сейчас!

С первого перрона на второй
Обозначен стрелкой переход.
Скоро мы увидимся с тобой,
Если поезд вовремя придёт?
А пока за пазухой букет
Из твоих любимых белых роз...
Перекрыл дорогу красный свет,
А зелёный, видимо, замёрз?
Холодно. Ноябрь. Не беда...
Греют душу нежные цветы
И не покидает, как всегда,
Чувство привокзальной суеты.
На платформе строится народ.
Граждане встречающие ждут.
Объявили: - «скорый» подойдёт
Через пять мучительных минут.
Вот и он. Пыхтит на все лады,
Прибывая в южные края...
Я ищу глазами: «Где же ты?»
Ты глазами ищешь: «Где же я?»

Романс

Былое не воротится, мадам!
Неумолимы стрелки циферблата.
За ветреность последует расплата,
Которая крадётся по пятам.
Но горевать не буду всё равно,
Хотя тревожно тучи небо застыт,
И позади потерянное счастье,
И нами не допитое вино.
Я повинюсь, когда настанет срок,
Процедит ветер тучи через сито,
Присяду у разбитого корыта
На старый перекошенный порог.
Задумаюсь: а, может, неспроста
Вела меня осенняя дорога.
И прошлое покажется итогом,
Сравнимым лишь с пожухлостью листа.
Увы, но так - молись хоть всем богам!
И доверяй полночному виденью.
Ни по какому щучьему веленью
Былое не воротится, мадам!

Татьяне

Под тёплым дождём умывается август,
И падают яблоки в нашем саду...
Я чистосердечно, любимая, каюсь
И даже пощады привычной не жду.
Ты чувствуешь: осень подходит всё ближе,
Пока ещё робко вступая в права.
Стареющий тополь склонился над крышей...
Уже пожелтела его голова!
Утешит ли нас хоровод листопада,
Кружение птиц, потерявших уют?
Вот-вот и они с опустевшего сада
Поднимутся в небо и клином уйдут.
Я тоже уйду, спотыкаясь о кочки,
Душой понимая, что вовсе не лгу.
Не слушай, любимая, сплетен сорочьих...
Пред осенью нашей я вечно в долгу.

Плугом месяца вспахано небо,
Зреют в пахоте звезд семена.
Пригляделся: - А нет ли там хлеба
И, для полного счастья, вина!..
В эту осень я только мечтатель,
И желанье свое не таю:
-Пусть отпустит Господь благодати
На страдальную землю мою.
Поднимусь под небесным навесом
По тропе, на высокий обрыв.
То ли черти в реке, то ли бесы
Утопили созвездие Рыб.
Еще шаг...и, как птица в полете!
На краю оборвется мой след.
И погаснет звезда, что на взлете
Излучает загадочный свет.
Все понять и осмыслить нелепо.
Потому, безмятежно шая,
Надо мной усмехается небо,
И пугает обрывом земля.

Утопает станция в цвету.
Ветер на перроне, как метельщик,
Разметает эту красоту,
Но её становится не меньше.

Я иду и слышу дальний свист.
Где-то там грохочет электричка.
На стоянке крутится таксист,
Что готов сорваться за наличку.

Снова я валяю дурака,
Не топчусь, не маюсь, не встречаю.
Я – в буфет, где мне наверняка
Вновь нальют общественного чаю.

А к нему, как водится, сто грамм
Подниму с подвыпившим соседом –
- За любовь!
- За Астрахань!
- За дам!
И за то, что никуда не еду.

На родине моей

На родине моей,
На самой-самой малой,
Где тополя весной
Роняли тихий пух,
Давно, уже давно
Там детство миновало,
Лишь улицы хранят
Его веселья дух.
На родине моей
Цвели когда-то вишни,
И ветер разгонял
Вовсю легчайший цвет...
Те вишни отцвели.
Наверно, время вышло,
Их горестный закат
Необратим в рассвет.
На родине моей
Сегодня я прохожий.
Наверное, судьбой
Мы чем-то схожи с ней.
Года, как жернова,
Ее мололи тоже...
Я помню... Я пишу
О родине моей.

Невод жизни тяну наудачу,
Вместо счастья – заботы одни.
Вовсе ясное небо не значит,
Что продолжатся светлые дни.

Задеру свою голову к выси,
Оглянусь на пространство и мрак,
Среди звёзд, что сверкают как бисер,
Отыщу свой таинственный знак.

Совершенство души так далёко!
Я под чёрной небесной парчой
Ту звезду, что всегда одинока,
Представляю сегодня свечой.

Присмотрюсь и воскликну: – Всевышний!
Где он, верный и праведный путь? –
Я в саду распустившейся вишне
Позавидовал нынче чуть-чуть.

А потом помолчу. И присяду
У калитки под ржавым замком.
Как и прежде, от старого сада
Чуть потянет ночным холодком.

Улица детства

Красная улица, красная школа...
Всё это было за красным мостом.
Брошенный сад за сплошным частоколом,
Рядом часовня под ржавым крестом.

Рыхлой дорогой шагаю по валу,
Памятью думную душу лечу...
В церкви, которая здесь устояла,
Надо поставить сегодня свечу.

Только за то, что мы жили в соседстве,
Ночь напролёт целовались с тобой...
Часто теперь вспоминается детство,
То, что умчалось по улице той...

Красная улица, красная школа –
В сердце опять непонятный прокол!
Сад на ветру, одинокий и голый,
Нет частокола, сгорел частокол...

В небытие мои друзья уходят,
Откуда не вернутся никогда...
О, как мы колобродили на «броде»
В те юные, весёлые года.

По Кировой, а следом - по Советской,
Водила нас беспечная судьба
И месяц, весь начищенный до блеска,
Лучи ронял с высокого столба.

И принимая рабство за свободу
В своей стране и городе родном,
Я уверяю, пили мы не воду,
Из одного стакана за углом.

Теперь другое мне тревожит душу:
Братский сад состарился уже...
И дерево, похожее на грушу,
Сегодня мне совсем не по душе.

Я не грушу. Да здравствует веселье!
Но не моё и не моих друзей...
Гоняет осень листья каруселью
По самой главной улице моей.

Литкритика

Читайте на странице 293

Постигаю любви науку

Фото Александр Северный

Кто сказал, что писать легко?

Юных листьев апрельский хит
Ветром выкрашен в свежий тон.
Дышат лаской твои стихи,
Дождь промокшее снял пальто...

Что, скажи, у судьбы на дне?
Настигает тебя аркан
То любовью, то болью дней.
Каждым словом саднит строка.

Кто сказал, что писать легко?
Память – совести вшитый чип.
Бесприютные, босиком
Где-то бродят стихи в ночи.

Звёздными светом меня не рань,
Полночь, душу мою пойми.
Что родилось из-под пера?
Быть ли строкам, сгореть ли в миг?

Трудно выстоять – сложно жить.
Пишет сердце мятежный стих.
Час заката отворожил.
Время – сумерки без пяти...

Постигаю любви науку

Постигаю любви науку
И уроки слепой судьбы.
Понимаешь, какая штука –
Я тебя не могу забыть.
Вьюгой выкрашен, словно мелом,
Старый сад мой, он жив пока...
Понимаешь, какое дело –
Мне тебя не забыть никак.

В том саду созревали сливы,
Не печалась о снах зимы...
Никакие косые ливни
След твой в сердце не могут смыть.
Белым снегом простор устелен –
Да снежинку мне не поймать.
На планете твоей метели,
На планете твоей зима.

Но, согрета моим дыханьем,
Где-то светит в душе весна,
И, к тебе пробиваясь, ранит
Кокон памяти, кокон сна.
Нынче солнце в окошко светит.
Как же хочется с ним ожить...
Но судьба не даёт ответа –
Как с любовью мне быть, скажи?

Прощание с осенью

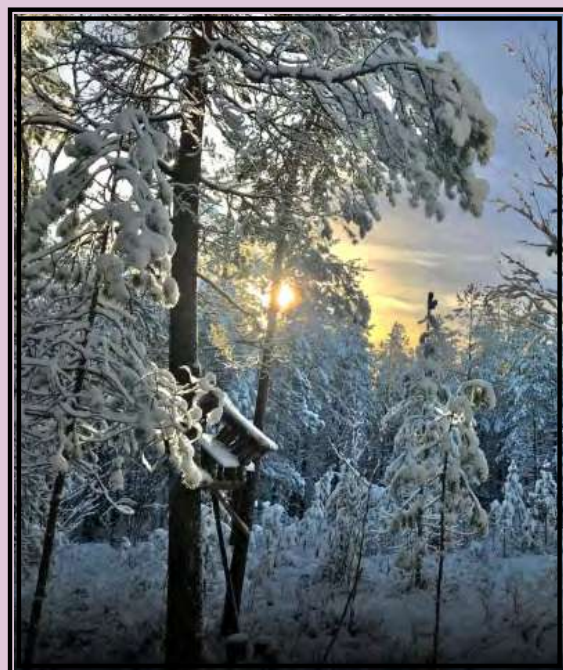
Не то, чтобы осень устала от жалоб,
Что скверный характер, мол, серость и слякоть,
Что хватит дождями тоскливыми плакать,
Что солнце и так из души, мол, сбежало,
Что летние отсветы тают на лицах,
И жмурятся сонно вечерние тени...
Запуталась осень в холодных сплетеньях
Раздетых ветвей, позабывших о птицах...

Не то, чтобы осень в желаньях остыла,
И дверь не открыта ещё в снегопады...
Но вздохом прощальным отцветшей лампы
Погасло в закате бывшее светило...
А дождь, свежескошенный западным ветром,
Упал на асфальт – под ногами осколки...
И так тяжелы, беспощадны и колки
Последние капли ноябрьского ретро...

Не то, чтобы осень грехи нам прощала...
Но пара страниц – и закончится повесть.
Холодной, бесстрастной ладонью, знакомясь,
Декабрь прикоснётся к иному началу,
И белыми звёздами – вброд, без расспросов:
Что прежде случалось, и что там творилось...
Спасибо за каждую неповторимость,
Печальная,
Нежная,
Разная Осень!

Людмила
Клёнова

Романс рояля

День, как лимон, закатом хмурим выжат.
Закроем окна, пусть горит свеча.
И при свече рояль родней и ближе,
И будет долго, ласково звучать.

Каскадом нот сбежит пассаж хрустальный,
Как со скалы стекающий ручей.
И отзовётся бас гудящей сталью,
И зеркалами в плачущей свече
Слова романса чуткого застынут:
Слова признанья – тихие слова...
И снова пальцы нежно гладят спины
Послушных клавиш. Их опять позвать
Настало время – мягче и просторней
Преодолеть мелодии изгиб...
А ты погладишь локон непокорный,
И за окном темно уже – ни зги.

А там, в Романсе старого рояля
Живёт любовью выстроенный храм....
И соскользнут покорно и устало
С отпевших клавиш руки – до утра...

Сквозь зеркала. Поэту

Уставший ветер тихо спит на крыше,
На гривах снов – ночные кружева...
Летят года – невидимо, неслышно,
Добавив боли в строки и слова;

И чуть заметней патина как будто
В порталах чутко дышащих зеркал...
Туда б уйти, доверившись чему-то –
Да в Зазеркалье - грани острых скал,

И ранят душу нынешнестью горькой,
Не позволяя крылья распахнуть...
О, расскажи, тебе досталось сколько
Мечей и стрел, проникших молча в грудь?

А ты идёшь – по Времени, по звёздам,
По прошлым судьбам, близким и чужим...
По перекрёсткам, чётким невозможно,
Что режут жизнь на части, как ножи...

А ты идёшь – по струям Водолея,
Ты – там, внутри, в зеркальных витражах ...
И отраженья множатся, смелея -
И проступает надпись на ножах;

Лиловых лезвий отблеск гасит свечи
На той тропе, где ты – сквозь стон зеркал,
Как сквозь осколки бед, расправив плечи,
Уже готов взойти на пьедестал...

Сказки ночного города

Вечер. Пятница. Два бокала.
Шоколадный густой ликёр.
Кот – такого найди нахала! –
Беспардонно залез на стол,

И глядит со стола наружу,
Сквозь гардину, как сквозь вуаль,
На рождение звёздных кружев,
Тех, что вяжет, темнея, даль.

А за окнами – сонный город,
Свет оранжевый фонарей.
Вместо сумерек встанет скоро
Ночь лиловая на дворе.

И тогда мы пойдём с тобою
Погулять вдоль цветных витрин.
Манекены стоят толпою
Близко к стёклам – стоят внутри,

Но как будто ещё немного –
И они сквозь стекло уйдут
В этот город, простой и строгий,
В переулков его уют...

А пока, отражаясь в стёклах,
Плещут фары машин ночных.
Звёздных рыб чешуя промокла,
Звёзды дарят витринам сны.

И уже подмигнуло око
Манекена – он жив сейчас.
И неправда витринных окон
Всё реальнее в этот час...

Кое-что о снах

Где мы бродим во снах, и куда нас уведят дороги,
Что услужливо так расстиляет ночами Морфей?
...Ты уже далеко, и вернуться тебе не помогут
Колдуны и гадалки... Но в маленьком, тихом кафе

Вот опять и опять, как в плену закольцованной плёнки,
Мы садимся за столик, второй от окна в уголке,
И подёрнут чуть-чуть полупризрачной дымкою тонкой
Кем-то здесь позабытый, ненужно оставленный «Кент».

Всё реально вполне, всё так живо – и краски, и запах,
Капучино берём, наслаждаясь минутой в тиши...
Но подспудно в мой сон на пружинящих бархатных лапах
Заползает печаль – и напомнить о чём-то спешит.

Нам уютно вдвоём, хоть опять ты ревнуешь к кому-то,
Я, как прежде, смеюсь... Только тает видения след...
И зачем, ну, зачем позолоченным солнечным утром
Я остаться хочу в том моём недосмотренном сне...

Ночью

У нас темно. Притихли фонари,
Свет растеряв в ночных лиловых складках.
Я обниму тебя – и до зари
Ты будешь спать, посапывая сладко.

Поёт сверчок. В углу бессонно мышь
Привычно лясы точит с домовёнком.
Закрой глаза. Пока ты тихо спишь,
Часы своё отщёлкивают звонко:

Минута – «тик»! Ещё минута – «так»!
По кругу стрелка движется упрямо.
И в этом круге прежняя мечта,
Как акварель, размыта в тёмной раме.

А мой приятель – старенький сверчок –
Настроив скрипку в тон остывшей ночи,
Играет в паре с лунною свечой
Ноктюрн негромкий, и никак не хочет

Остановиться, в паузе вздохнуть,
Перевернуть страницу на юпитре.
Нет, всё трещит без у́молку, ничуть
Не озабочен, что не вписан в титры

Ночных бессонниц – старого кино,
Что ленту жизни крутит до рассвета...
А для тебя пригнали стайку снов
Мышь с домовёнком, в шорохи одетым...

Лестница

Лестница – это, на самом ведь деле,
Плоскость, подымающаяся на дыбы,
Чтобы не все её преодолели.
Что там, повыше, возможно добыть?

Может, поднявшись, ты к небу поближе,
Может быть, солнца там ласковой взгляд?
Но, оглядевшись, отчётливо вижу:
Кто-то спускается сверху – назад,

Вниз, где прочней под ногами опора,
Вниз, где реальность привычна вполне...
С теми, кто вверх устремился, не споря,
Те, кто спускаются – как-то родней.

Видно, познали, что крылья не держат
Там, в вышине, где дышать нелегко,
Где, умирая, тускнеют надежды
Тех, кто к Олимпу мечтами влеком.

Вот и построены лестницы эти –
В судьбах ли, в душах, во сне ль, наяву –
Чтоб оценить: что важнее на свете,
И разобраться, куда нас зовут
Эти ступени...

Ничейный дождик

Серебристым свеченьем
Опадая на ветки,
Бродит дождик ничейный,
Как щенок безответный.

Он уткнулся мне в ноги
У скамейки опрятной,
Пробежался немного –
И вернулся обратно.

Облизал мне ладони,
Всё лицо мне закапал...
И давненько никто мне
Так в жилетку не плакал.

Тихо всхлипнул чуть сбоку
По-людски так, бедняга...
- Ну, чего ты, ей-богу?
Ты же дождь, не дворняга;

Что тоскуешь, как будто
Ты такой одинокий?
Дождик горсть перламутра
Бросил молча на щёки...

- Приручился ты вроде...
Будь моим... до метели...
Вот «на пару» и бродим –
Видно, так мы хотели...

Лодка

День, настоящий на запахе ранета,
И дозревший до медовости вполне,
Тихо падал в заколдованное лето,
Лодку синюю качая на волне.
Ни печалиться, ни каяться не стану.
Помню – рядом билось сердце горячо...
С летним днём была и радость по карману,
И печали были словно не при чём.

Пахли морем доски старого причала,
Сыпал звёздной чешуёю небосвод...
А над лодкой, словно крылья за плечами,
Раскрывались дни за днём, за годом год.

На висках уже мерцает снегом лунным
Нежность лет, не затерявшихся во мне.
А на краешке задумчивой лагуны
Дремлет лодка из далёких летних дней...

О письмах

Скажи, зачем у писем эта власть –
Нас уводить в безоблачность фантазий,
Где над строкой душа летает всласть,
И все замки открыть умеет разум?

На лист слетают буквы и слова –
Так в осень птицы просятся в полёт, и
Уже ничто не может строй сломать.
Они как будто вписаны в полотна
Тех ожиданий, тех ростков любви,
Что оживают в строках чуть лукавых.
Строги, наивно-искренни на вид.
Но сколько в них огня, о, Боже правый!

Проснётся солнце – отсвет золотой
Окрасит мысли, волосы и щёки.
И не поверит сердце ни за что
В реальный мир, холодный и жестокий.

Но над письмом парит твоя рука,
И дышит счастье в чутких многоточьях,
И ты ещё не веруешь в закат,
Не сознаёшь ни плен, ни силу ночи.

Пуškai пока не взвешен на весах
Весь груз обид и горестей напрасных...
Пиши, куда есть кому писать,
Люби, пока любовь в душе не гаснет!

Как больно...

Ну вот, уже почти и не осталось
Ни нежности, ни жалости, ни слов –
Горит письмо, горит! Такая малость –
Огнём бывшие чувства унесло.

В тех письмах, в каждом слове – знак и символ:
Зима...пустыня...дальний летний плёс...
Как больно, как гореть невыносимо
Любви и ласке, бережной до слёз!

Не торопясь, смакуя, лижет пламя
Всё то, что так светило прежде нам,
И всё, что было прежде, было с нами,
Что доверяли мы живым листам.

Вот, почернев и скорчившись от боли,
Горит «родная, как же без тебя...»
Какая пытка – видеть поневоле,
Как догорает «веря и любя...»

Как мне хотелось строчку... половину...
Спасти хотя бы слово из огня!
Но нет, не нужно – пламя неповинно,
Оно щадит не письма – лишь меня.

И жадно язычков горящих стая
Спешит допеть любви прощальный блюз.
Бесплотным пеплом тихо опадает
Последних строк
Последнее
«Люблю...»

Ночная акварель

Чуть размытые синие тени
Сбились стайкой пугливой в углу,
Удлиняясь от гибких движений –
Незаметно вплетаясь в игру...
Снова хочется крепкого кофе,
Снова пляшет хмельная луна.
Сигаретную вспышку профиль
Чуть подсвечен в проёме окна...
Ароматом прожаренных зёрен
Наполняется смолкнувший дом –
Круг зеркальный почти иллюзорен.
Тихий шёпот почти невесом...
Вдохом выдох сменяется чаще...
Ночь – безмерна,
И всё же – мала...
Позабывтые жёлтые чашки
Спят на тёмной ладони стола.
Смелость губ обжигающим ветром
Опьяняет – сильнее вина.
На плече твоём пятнышком светлым
Утомившись,
Уснула
Луна...

К Полночи

Ты погаси янтарную свечу –
Мне даже этот тихий свет мешает.
Пусть Полночь, словно бабочка большая,
Прильнёт беззвучно к тёплому плечу.

И в этой необъятной тишине,
В волшебном полусне прикосновений,
На полувдохе сказочных мгновений
Ты - молча – полускажешь что-то мне.

И я прочту - губами на губах –
Твоих желаний жаркие молитвы –
И с темнотой безлунной будут слиты
Восторг, и нежность, и бессонный страх,

Что эта не погасшая мечта
В реальность никогда не воплотится...
А Полночь, обернувшаяся птицей,
Уже взлетает с Лунного Моста.

Но всё она запомнит. Я хочу
Опять в её горячие ладони –
Чтоб в темноте глубокой и бездонной
Шептать беззвучно звёздному лучу
Твои слова...

Вечер. Лето

Вечер падал в густое лето,
 Моря краски легко мешая
 С простиупающим звёздным светом –
 И Медведица, та, Большая,
 Зачерпнула мохнатой лапой
 Жар медовой дневной настойки...
 Вечер с вёсел неслышно капал...
 Пел сиреневым свистом сойки...

И платил золотой монетой
 Сумасшедшей луны глазастой
 За горячее наше лето,
 За признаний твоих причастье,
 За просоленный ветром моря
 Шёпот губ...
 И за чуть горячий
 Поцелуй, что, с волною споря,
 Был тревожащим, светлым счастьем...

В блюде призрачном мироздания
 Мы с тобою – песчинки две лишь...
 Только как же он долгожданен -
 Этот вечер...
 И ты мне веришь...
 Просто – веришь...
 Не ждёшь ответа...
 Просто падаешь в нежность взгляда –
 И в бездонную пряность лета –
 Ту,
 В которую вечер падал...

Тебе...

Росток моей светлой грусти
 Взошёл из снегов твоих.
 Но Вечность меня не пустит,
 Хоть памяти зов не стих,
 К тебе подойти поближе,
 Придвинуться хоть на вздох...
 Я издали чётко вижу:
 Твой дом на ветру продрог.

И мне не решить задачу,
 Тебе не спешить вдогон –
 Ладоней моих горячих
 Не нужен тебе огонь...
 На сколько осенних ливней,
 На сколько январских вьюг
 Мы быть бы могли счастливей
 И ближе, мой строгий друг...

Тревожит твоё молчанье,
 Хоть золотом мир расшит.
 Деревья моей печали
 Растут из твоей души.
 Луч солнца заглянет в стёкла,
 Скользнув на шкалу «зеро»...
 Слова моей ласки тёплой
 Растут из твоих дорог...

Литкритика

Читайте на странице 299

Прячу сердце и прячусь от всех

Фото Александр Северный

В деревнях, занесённых то листьями, то снегами...

В деревнях, занесённых то листьями, то снегами,
Чёрным маслом лоснясь, вздымается чернозём.
Перейдёшь через реку с кисельными берегами
И увидишь у края хату – там и живём.

До неё через рощу – тропинкой – всё прямо, прямо.
А за хатой нашей кладбище да пустырь.
– Гуси-лебеди? Пролетали... Куды - не знамо.
Печка знала, но этой печки и след простыл.

Облетевшим пеплом в травах змеится просесть,
Зеленей не станут – сколько воды ни лей...
Разве яблоня помнит?.. Ветви поднять попросит, –
А они Креста Голгофского тяжелей.

И река не укроет. Она и сама как рана.
Нынче лебеди низко - чую: не быть добру.
Так что ты не надейся, Марья. Ищи Ивана
За горой, во сыром бору, на крутом яру.

А найдёшь – не узнаешь. Он уж не тот, сестрица,
Так что ты погоди чуток, не сымай платка.
Стал он зол и велик, ему уж, поди, за тридцать,
А в глазах заозёрной хмарью стоит тоска.

Заросли все дороги... Куда вам обоим деться?
Как живую водой, умойтесь своей виной.
Унесли гуси-лебеди синее ваше детство
Прямо в кущи небесные, за море, в мир иной.

На крылечке

Посидеть на крылечке, как будто мне десять лет,
Посидеть на крылечке, как будто не умер дед
И в глазах его карих древний огонь горит:
«Ох, и жалко тебя...» – А дальше – не говорит.

«Вот дострою забор, а потом ещё пять годков –
От ворот буду палкой гнать твоих женихов.
Ну а если какой и глянется, станет мил,
Ты смотри на одно: чтоб он работающий был».

Всё-то дедушка знает. А вечер нетороплив,
И луна над домом сочней, чем белый налив,
Часовая стрелка плоским гребёт веслом,
Пока мы на крыльце, под крылышком, под крылом...

Разговор

Улыбнулась спокойно и просто,
Словно сердцу игрушку дала:
– Нам дорога одна – до погосту.
Нагостились. Такие дядя...

И по сизым сосновым вершинам
Древний ветер неслышно прошёл.
И, шумя, шелестели машины
Мимо этих заброшенных сёл.

– Ты сама-то, поди, из Тамбова?
Может, знаешь сынка моего?
Он таксист, а по имени Вова.
Ты, наверно, видала яво.

– Может быть...
– Энто младшенький, дочка.
– Молодой он у вас?
– Молодой.

Пятьдесят яму скоро годочков,
У висков ещё только седой.

И представить его мне нетрудно -
Словно сжатого в крепкий кулак,
А мальчишкой у той вон запруды,
С хохолком на затылке... – никак!

Но в глазах у Марии Андревны,
Ни печали, ни горечи нет:
Пруд, муравка, заря над деревней -
То, с чем дети родятся на свет.

...Что ей время? И что ей полвека?
Так же в ветре плывут ковыли,
Где с избытком дано человеку
И любви, и беды, и земли.

Мария
Знобищева

Ивовый прут

Лодка тычется в землю: «Хозяин, ты тут?»,
И песок из овражка течением вымыт.
Только тронь эту лодку – и все оживут:
Запоют, засмеются и вёсла поднимут.

По воде разойдётся таинственный круг.
У реки и повадка, и память иная -
Быстрых ног, узловатых натруженных рук:
«Я теку не для вас и о них вспоминаю».

Ивы склонятся ниже. Заблещет роса.
Земляничины луг припасёт до покоса.
Над рекой поплывут в тишине голоса.
И костлявый мальчонка с облупленным носом

Сломит тонкую ветку, чтоб выстругать лук,
Снимет клейкую кожицу, око прищурит,-
Да и бросит лозину, почуявши вдруг,
Как заветная щука в корнях балагурит.

...Только тронь эту ветку – и все оживут,
Будто нас, а не их провожают на тризне.
Оголённый до зелени ивовый прут.
Запах жизни.

Ливень

Любовь как ливень переждёшь –
О, удержать бы только душу! –
Чем больше нежности, тем дождь
Безостановочней и глуше.

Не подходи ко мне, смотри
Сквозь мокрый морок, мрак безлунный,
Как закипают пузыри
И струи морщатся как струны.

Там, на обратной стороне
Нас разделившего потока
Какой-то клоун машет мне,
Подпрыгивая от восторга.

Кричит, но слов я не пойму,
Как не поймёт и он, конечно,
Что улыбалась не ему
Я в этой темени кромешной –

Там, где кончаются пути,
Душа замешкалась другая –
И не решается идти,
Всё тот же дождь невозможная...

Бусы

У девушек из глубинки
Такие глаза бывают,
Как ягоды голубики,
Когда их с куста срывают.

Цвести на болоте – зряшно,
А в руки чужие – страшно.

Мокшанкам широкоскулым
Так дарят синие бусы,
И спросу нет за посулы:
Греми, примеряй, любуйся!

– Не хочешь? Найду - любые!
– Нет. Нравятся. Голубые.

И тут бы до солнца взвиться,
Отдать бы сердце за песни.
Но птице - силок, девице -
Серёжки, гривны да перстни.

Так новое метят место:
– Теперь ты моя невеста.

А сердце с сердцем... – поладят!
Да, мастер, видать, искусен.
И тёплые пальцы гладят
Холодную тяжесть бусин.

Птицы

У сердца много жизней. Помнишь, было
Оно пичужкою короткокрылой,
Стучало в окна – солнечно, проста,
Садилось смело на руку любую,
И под стрехой пережидало бурю,
И думало, что это высота.

Потом апрельской ласточкой парило,
Не задевая крыльями перила,
В слепую высь взвивалось как стрела,
И под каким-то вертикальным креном
По небесам писало, как по стенам,
То, что и птица видеть не могла.

А после словно вдруг отяжелело
И жалостью звериной заболело,
Огромный мир рождая как яйцо.
И заворчалось на толстой ветке –
Не ласточка – несущка и наседка –
В неумолимом гомоне птенцов.

И если есть надежда возвратиться,
То вряд ли человеком, зверем, птицей –
Косым лучом сквозь листья и слова.
Лучом, растущим вопреки законам,
От скорченных корней – к шумящим кронам –
Где, расступаясь, свищет синева...

Поговори с деревьями

Поговори с деревьями. Они
Попятились, слегка ослеплены
Неласковым голубоватым блеском
Ещё вчера уступчивой реки,
А нынче лёд сверлили рыбаки,
Последний луч натягивая леской.

Поговори. Их шум шероховат.
Зелёной лести листьев, говорят,
Не пить реке до самого июня.
Но чуткий смысл, что каждой веткой гол,
Тугой, узлами скрученный глагол,
Того луча неистовой и струнной.

Я рядом, дерево. Едва дышу.
Но дышишь ты, а всё другое – шум,
И я цепляюсь за тебя корнями.
Я выживу и тоже - прорасту,
Вонзая ветки в злую мерзлоту –
За облако, парящее над нами.

Мой

сыну

Вместо слёз и приветственных слов:
«Мой!» –
Не слово, а выкрик и выдох...
О, степная дремучая кровь,
Этим зовом себя ты и выдашь.

Мой – с пушком золотистых бровей,
С синью взгляда - сквозь царство иное,
Мой – со всею печалью своей,
С первородной своей тишиною.

Будто в грудь кулаками стучать:
«Только мой!» – укоризны не струшу.
«Мой!» – на Страшном Суде отвечать
За его сизокрылую душу.

Животом пережитое – мой,
Пеленою повитое – мой.
Возвращенье – из плена домой,
Вызов, брошенный смерти самой,
Так проносится клич боевой:
«Мой» – сокрытый, украденный, кровный!
...Так родится удар ножевой,
Стон любовный
И скрежет зубовой.

Ночные зеркала

Есть радость – с холода вернуться в дом,
Укрыть детей мохнатым старым пледом,
Заняться ужином или обедом,
Смотреть, как под разложенным зонтом

Лежит, вдыхая запах капель, кошка,
Как ветер гонит пыль с ночных дорог,
Задумывать сонет или пирог,
Самой себе завидуя немножко...

И рядом есть печаль. Её лицо
Я вижу ночью в зеркале прихожей.
Она проводит пальцами по коже
И холодит венчальное кольцо.

«Чего ты ждёшь? – сквозят её глаза, –
Какого ищешь тайного участия,
Так плотно упакованная в счастье,
Что из обёртки выбраться нельзя?»

«Унынье – грех, неблагодарность – грех», –
Кивают главки четырёх соборов,
Чтоб после откровенных разговоров
Я непременно встала раньше всех –

Привычно делать добрые дела
И не смотреть в ночные зеркала...

Человек

10 мая

Листья падают, дождь ли, снег, –
После странствий своих недалних
На земле лежит человек –
Тих, как шёпот в исповедальне.

И покуда его душа,
Рея рядышком, воздух морщит,
Мухи ползают не спеша
По спине и штанам намокшим.

Неприкаян и невесом,
Он ладонь подложил под щёку
И таинственный смотрит сон
Так, как дети глядят сквозь щёлку.

Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,

Ненаглядным звала сверчком,
Шила крошечные одёжки;
Пахли мёдом и молоком
Щёчки, пяточки, лоб, ладошки.

Листья, ливни ли, смех ли, снег...
Милый, дорог ли ты кому-то?
Это падает человек,
Каждый день, каждую минуту.

Вот идёт вдоль шоссе неестественно прямо
Человек в незастёгнутой мятой рубашке.
(В это утро так вышло: он весь нараспашку).
Путь неровен, всё время какие-то ямы.

Проводил на вокзале приятеля. Выпил.
Там, за стойкой буфета обрёл одноверца.
Снова выпил и сам не заметил, как выпал
Груз, надёжно хранившийся в камере сердца.

Неумело, старательно, нежно, бескрыло,
Но, как может, он верен жене и Отчизне:
В марте отдал свой голос, как велено было,
А теперь вот готовится жертвовать жизнью.

И не он виноват, что ни ликом, ни чином
Не отмечен, что пасмурен нравом, как осень.
Но жена и страна не считают мужчиной
Тех, кто даже десятки домой не приносит.

...Он бредёт и кричит, что докажет кому-то,
Наступает на клумбы, увлекшись беседой...
И следит с изумленьем за этим маршрутом
К веткам вяза прибившийся шарик: «С Победой!»

Нет ни денег, ни паспорта. Ёжик в тумане,
Не чутьём, так хоть чудом добредший до лета,
Отдал всё. Но трепещет на левом кармане
Полосатая огненно-чёрная лента.

Отпускать

Мало просто любить и беречь. Есть другая тоска:
В первый раз, когда травы подёрнутся инеем белым,
Свейся в узел и губы сожми – научись отпускать –
В два крыла, на любые дела, за любые пределы.

Помнишь тёплые гнёзда в руках молчаливых берёз,
Под вечерней звездой затихающий в шорохе посвист?..
Сколько звёзд – столько птиц,
но сочи: сколько птиц, сколько звёзд
Под крылом засыпало – и сколько останется после?

Как ты это выносишь, земля золотая моя?
Полотняное небо разодрано криком и плеском.
«Там теплее», – ты скажешь. Но я ненавижу края,
Что откроются им за последним твоим перелеском.

О, как ты отпускаешь! Скрывая последнюю дрожь,
Всеми рощами плещешь и радуги ладишь в полсвета.
Улетают – жива, улетят – и ты сразу умрёшь,
Но премудра зима, и они не узнают об этом.

Пусть им будет тепло, они взяли здесь всё, что могли...
Затворить ворота да на семь бы замков запереться,
Чтоб не слышать, как третьи сутки кричат журавли,
Улетающим клином вонзаются в сердце.

Остаться здесь

Остаться здесь – тяжёлой и живой
Лесной землёй, зернистым рыхлым снегом,
Корой багряной, прелою листвой,
Разбрызганным по всем канавкам небом.

По всем каналам сердца – хвойный хор,
Сосновый сонм... Дышать одним дыханьем
С морской звездой и эхом дальних гор,
Предошущеньем и воспоминаньем.

Гудит оркестр пожаром медных труб,
К зелёным кронам подступают соки.
Мы не умрём, как сосны не умрут
Под этим гулким куполом высоким.

И гул корней, и солнечную взвесь
Лови и дли в пространстве невесомом,
Чтобы обнять весенний воздух – весь,
Как этот март, у горла вставший комом.

Всегда

Дочери

Будь нежной – не от слепоты,
Как я была когда-то.
Будь нежной, даже если ты
Забудешь, что крылата.

Когда расстанешься со мной
И горьким станет воздух,
Смотри на яблони весной,
А в Рождество – на звёзды.

Ищи добро и мастерство,
И ум, чей век не прожит,
Ещё нежней ищи того,
Кто нежным быть не может.

А позовут, скажи: «Вот я!»
И не пытай – откуда...
И может, веточка моя,
Дотянешься до чуда.

Не бойся, не бойся, не бойся, не бойся, не бой...
А что же тогда? Неотступная страшная сеча.
Зачем этим стаям их гулкий весенний разбой,
Полёт вразнобой и пронзительный крик человечесий?

Зачем эта нежность? Зачем этот воздух кудрявой?
Зачем так тепло у лучистого тела берёзы?
Зачем просыпаются в люльках лепечущих трав
Пролески и бабочки, и голубые стрекозы?

Зачем во всё небо закатный румянец стыда?
Не знавшее грязи, чего оно может стыдиться?
Какую дремучую тайну скрывает вода,
Дающая жизнь даже слизням, червям и мокрицам?

Зачем улыбаются дети не мимо тебя,
А в самое сердце, в сплетение радуг и молний,
Туда, где крылатый архангел порхает трубя
И блещут, и плещутся синие древние волны?

И дом на песке, и пленительный терем из льда
Растают, рассыплются, мороком времени маясь...
Я только хотела сказать, что ты будешь всегда.
Ты будешь всегда – помнишь, помнишь, душа? понимаешь?..

После бала

Если спросят меня, веселилась ли я на балу,
Я скажу, что встречала гостей, приглашала к столу,
В опустевшей торжественной зале в четыре утра
Собирала забытые ленты, цветы, веера.

Если спросят, а много ли слышала я новостей,
Я скажу что была гувернанткой, учила детей,
Что мы пели, играли, дерзили, смирялись - росли,
И что каждое сердце - хрустальная новость земли.

Если спросят, чего попрошу, затворяя окно,
Я отвечу, что прежние просьбы забыла давно,
Что из дома чужого даров не берут, уходя,
И что жаль только детского смеха, стихов и дождя.

Земляника

Собирать землянику –
губами к земле приникать,
Принимать поцелуй
в губы алые ягодой спелой
И раскатывать заново
чей-то последний закат
Самотканым ковром, от росы
ослепительно белым.
Поросли земляникой землянки –
святые холмы,
Моховые могилки, лесные ходы-переходы.
Вслед за новой травой,
безоглядные, выросли мы
И стоим на распутье времен,
как у старого брода.

Наклоняясь к земле,
мы щекой прикоснулись к щеке,
Наши руки сплелись,
как сплетаются дикие травы.
Кто там помнит меня
в опаленном своем далеке,
Кто так тянет скорее к далеким
огням переправы?
Чьею алою кровью,
по каплям рассыпанной здесь,
Земляника взошла
и прохладой уста обжигает?..
Наступи ненароком – и прахом
рассыплется лес,
Оброни хоть одну –
и вовек не родится другая!
Приникаю к земле.
Осторожным листком шевеля,
Плачет кустик живой – как умеет,
росой невеликой...
О моя золотая, больная,
святая земля,
Принимай мои слезы – я тоже
твоя земляника!

Монолог современника

Меня лишили наследства,
И как мне теперь – не знаю.
Как будто кончилось детство,
А кукла ещё живая.
У мамы был красный галстук,
Рассвет и товарищ Сталин,
И дворик, в котором галки
Сбивались в звонкие стаи.
У деда была Победа
И боль – на вечные веки.
И был мой папа у деда.
И папа стал человеком.
У тех, далёких, - в деревне –
Давних и незнакомых –
Был трепет запахов хлебных
И яблони возле дома,
Глаза с голубой тоскою,
При встрече вечное «милай»...
И что-то ещё такое,
Наверное, в сердце было.
Меня лишили наследства.
Сказали, я – нехороший.
А мне так нравилось в детстве
Копать всей семьёй картошку.
И пахла земля. И пела
Лопата бойко и ладно,
А вечером мама делала
Картофельные оладьи.
Я никому не рассказывал
Этого ... - засмеют, -
Как сквозь большие вязы
Глядел на майский салют.
И небо любил, уверенный
Детской тогда душой,
Что стану я в скором времени,
Как эти вязы, большой.
И, кажется, вот – высокий.
Стукаюсь головой...
Из незнакомых окон
Свет – такой неживой.
Раньше – как-то иначе...
Или уже я стар,
Что из своих чудачеств
Правила делать стал?
...Кто-то идёт навстречу.
Тень за собой ведёт.
Медленно, каждый вечер,
Мимо этих ворот.
Теперь он шагает твёрдо.
Железнее стал, жесточе.
Идёт человек по городу.
К сердцу подвешен счётчик.
Идёт, такой же, как улица:
Весь из кривых зеркал.
И если б не улыбнулся,
Я бы его не узнал...

Каждый куст – золотые объятя,
Плач и дрожь, малахитовый смех.
«Я люблю, я люблю тебя, я те...» -
Прячу сердце и прячусь от всех.

... Слиться с ливнем, чей почерк воздушен,
И зарыться лицом наугад
В Божью бороду, в детскую душу,
В день осенний, в ночной листопад.

Всколыхни, потревоженный ветер,
Это пламя встречающих рук!
Всем, кому неприятно на свете,
Всем, кто друга не видит вокруг,

Каждый куст – золотые объятя:
«Ты как я – если можешь, лети», -
Это машут ладошками братья
Накануне иного пути.

У старой колокольни

Живая жизнь везде пускает корни.
Весенний свет согрел лесную хмарь.
Акация цветёт на колокольне,
Тяжёлый шмель гудит, как пономарь.

О красоте былой не беспокоясь,
Не тяготясь ни горем, ни виной,
Она стоит, разбитая по пояс,
У кладбища – вратами в мир иной.

Минувших дней безвестные герои,
Святые и грешившие постом, –
Там те лежат, кто эти стены строил,
А рядом – те, кто рушил их потом.

И ясно: умиранье неизбежно.
Куда бежать, когда приют – готов?
И я в свой час хочу вот так же нежно
Растаять среди сосен и цветов.

Сельское кладбище

Здесь схоронили бабушку, а следом
В тугой земле похоронили деда.
Вся в трещинах, земля была суха,
Как жизнь, бездонна, и, как смерть, глуха.

Я снова прихожу на их могилы.
Несу в себе тебя, их правнук милый,
Чтоб древо рода снова зацвело
Земному безразличию назло.

Плечо к плечу по всей длине погоста
Растут кресты невиданного роста,
Умерших сосен ссохшаяся плоть.
Растут, как город, в месяц по три ряда,
Как будто для Невидимого Града
Сзывает новых жителей Господь.

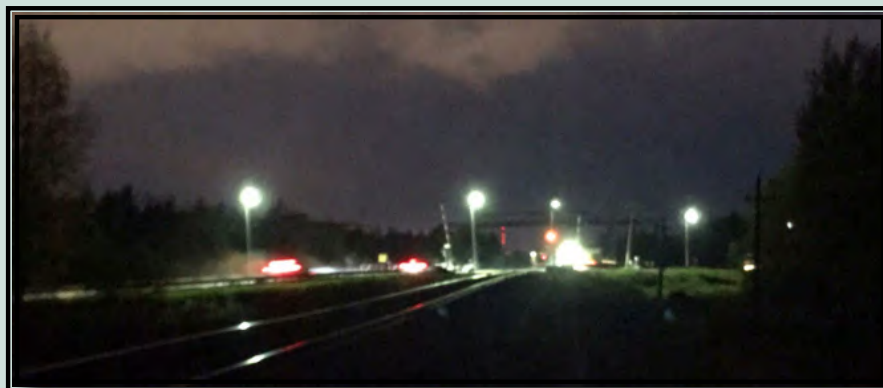
Шесть метров, облицованные плиткой,
С оградой, клумбой, тумбочкой, калиткой,
С надгробья отшлифованной плитой.
Или другие шесть – в траве забвенья,
С неразличимой датой рожденья,
С разоблачённой чёрной пустотой.

Любовь и память пишут свой постскрипtum.
Калитка отворяется со скрипом.
Кольшет ветер душевные цветы.
И пахнут тленом белые пионы,
И гнутся так, как люди при поклонах,
И лепестками трогают кресты.

Здесь тишина. Молчат односельчане.
Как бабушка сказала б, «осерчали».
Но на кого отныне им сердать?
Им всё равно теперь, «взошли ль картошки» –
Взошла душа! А значит, по одежке
Им тоже больше некого встречать...

Расти, дитя, и думай о хорошем.
Молчит земля, беременная прошлым,
А если скажет миру что-нибудь,
То это слово – наш с тобою путь.

Я жизни жду, а думаю о смерти,
И в этой ежечасной круговерти
Мы все идём от света и на свет.
А, значит, смерти не было и нет.

Ток

Бывает так: какой-то пойман ток —
И чувствуешь, себя не замечая,
Как дышит степь, как тёплел лепесток
Задетого случайно Иван-чая.
Томительно зальётся коростель.
Спроси его: «Зачем живёшь на свете?
Жевать и выживать? Рожать детей?»
— Жить! Жить! — как будто споря, он ответит.
И летним солнцем выжженная высь
(На деревенских загорелых лицах
Так светятся глаза: смотри, молись,
А не умеешь — научись молиться) —
Сквозная высь! — так яростно светла,
Так вся насквозь иссечена стрижами,
Что ты не понимаешь, как могла
Так долго жить чужими миражами.
Растёт ли стебель, плачет ли дитя,
Старик ли тихий выйдет за калитку —
Случайно пойман ток, и ты в сетях,
Как будто кто сквозь сердце тянет нитку.
...И вот, когда терпеть уже нельзя,
Сорвётся сердце вслед за этим шквалом —
Всем небом, опрокинутым в глаза,
И поездом — по сумасшедшим шпалам.

На закате

Если это закат, то нужно ли выбираться?
Постелить бы постель, замкнуть железную дверь.
Для чего мы летим на свет, попадая в рабство
Неоконченных мыслей и неизбежных потерь?

Так смешны на закате планы на воскресенье:
Именины, крестины, свадьбы, торги, враги.
Так пронзительно лихорадочное веселье,
Но за ним (беги — не беги), не видно ни зги.

Мы живём на закате. Немыслимом. Небывалом.
Солнце стынет, и отражается сердце в нём.
Наши лица и руки окрашены ярко-алым,
Древнеримским, прощально-августовским огнём.

Истончаются, тают свечи высокой лепки.
Мир живёт ожиданьем итоговых новостей.
И уже не так объятья влюблённых крепки,
И уже не так прозрачны глаза детей.

Только в детской руке влекущей всё та же сила.
Да, мы выйдем из дома. И нас ещё ждёт полёт!
Ты, душа, на закате рождённая, будь красивой
И возьми столько света, сколько в тебя войдёт.

Цапля

Я иду за словами, не ведая брода,
Как тяжёлая цапля, нырнувшая в воду,
От людей заслоняюсь тоской и рекой.
И река удивляется прыти такой.
А потом — уморительно щёлкаю клювом,
Неуклюже пытаюсь сказать, что люблю вас,
Запрягаю четвёрки стремительных строк,
Но мой птичий язык старомоден и строг.
Цапле хочется сцапать в подводном полёте
То, чего не найти в окаянном болоте:
Лунный лучик, серебряный ключик, намёк,
Только мишка без лапы и зайчик промок.
Наловила же слов — судаков и налимов,
Накормила птенцов, пока вечер малинов,
Но пока по костям разбирали улов,
Не осталось ни звука от пойманных слов.

Литкритика

Читайте на странице 289

Увы и ах, реальность такова

Фото Александр Северный

Тигра к нему подходит, глядит в глаза,
он на вокзал, естественно, опоздал,
ну, или опоздает, еще есть фора.
Так намешали: было, чего мешать,
хочет дышать, а нечем уже дышать,
рыбий живот умышленно кем-то вспорот.
И в этот миг тоска по плечу скользит,
падает на пол, а за окном – бензин
капает из распятого светофора.
Девочка русокося до ключиц
что-то свое бормочет, потом кричит,
век позапрошлый кашу томит в печи –
без аллегорий.
Тигра снимает краску за слоем слой,
он замирает: гордый, упрямый, злой,
просто следит за правой ее рукой,
зубы оскалил.
Что-то в нем отключается, но не то,
что-то отодвигается на потом.
Рыбий живот, распоротый, зо-ло-том
кисти ласкает
эта смешная Тигра, не та совсем!
Слух его к тиграм глух, да и сам он – нем.
Все потому, что против стандартных схем
всем существом он.
Век позапрошлый что ли ему судья?
Тигра ему – любовница ли? Семья?
Ах, как прозрачен каждый ее изъян,
тело – не ново!
Он закрывает клетку, берет пальто,
пятый айфон (доселе – хороший тон),
поступью твердой прямо идет к метро
«Нью-Бирюлево».
Далее: сталь скафандра, пыльцовый сидр...
Господи, через время перенеси,
коли не хватит разума, воли, сил,
пусть будет – слово.

Я не остыла – просто
устала драться.
Я не люблю ни шахматы,
ни корриду.
Раньше? Так раньше, рыцарь,
мне было двадцать.
Всё было как-то проще:
и вдох и выдох...

К музыке я, конечно,
неравнодушна,
просто нечасто слушаю
«хеви-метал».
Мне бы такое что-нибудь
повоздушней,
что-нибудь повальсовей...
ага, вот это...

Милое «раз, два, три»
ностальгией бравой,
острым клинком пронзит
временную бездну...
Штраус, Вы, как всегда,
оказались правы:
жить – это очень больно,
но интересно.

Первое января
приведёт второе,
третье, потом четвёртое,
как по нотам.
Каждой эпохе памяти –
по герою.
Каждой жене Артура –
По Ланцелоту...

Вероника
Сенькина

Осень и осень, и скоро начнет вечереть...
Носом клюёт воробей на ободранной ветке,
хочется плакать, но нет подходящей жилетки,
нет проходящего поезда, повода греть
руки над пламенем перегоревшей свечи, –
лампочки? чувства? – нет повода остепениться,
рвать отношения с шумообильной столицей
и отправляться на поиски первопричин
разных, несвязных друг с другом «на кой» и «доколь»,
кольца Сатурна для вескости к ним приплетая.
Хочется быть, а не слыть – вот такая простая,
вроде бы мысль, а поди-ка её соизволь
в жизнь воплотить, в бессмысленность будней вживить...
Раз – и она извернётся змейей подколотной,
брякнется в лужу, налижется капель холодных
и ни за что не позволит себя изловить
раньше, чем следует, – следующей проливной,
рыжехарактерной, ветреной в хлам душегубки, –
осени. Осень. И нету ни толики шутки
в правде,
ни доли...
ни зонтика – над головой.

Дочери

Я приду к тебе в девять, брошу пальто на стул,
и перчатки, и шарф, и шляпу свою, и сумку.
Не вникая в суть дела, сразу тебя спасу
мятным чаем, лукавым взглядом, дурацкой шуткой.

Буду врать тебе, как синоптики, что к утру
солнце вылезет из-за туч приумyto-свежим,
что я буду всегда с тобой и что не умру
никогда-никогда, какой бы февраль ни снежил.

Буду гладить тебя по спутанным волосам,
целовать тебя в бестолковые две макушки,
убеждать, что, по сути, алые паруса –
это просто литературные безделушки.

А в реальности – полотняней всё и грубей,
но устойчивей и прочнее, чем в детских сказках.
Ты поверь мне, я – о-очень стреляный воробей,
Несмеяна моя влюблённая, Златовласка...

Встречи реже, гуще пена
дней, что ж, милая, с того...
Постепенно, постепенно
повзрослели мы с тобой.

Не моментно, не внезапно,
а скользя, как по лыжне,
по каемочке азарта,
изнутри куда-то вне

понимания простого,
мимо сложного, сквозь пыль
неродного, напускного –
повзрослели я-ко-бы...

Сквозь задористое «Олька»,
сквозь девчоночье «вчера» –
тетя Оля за иголкой
тянет, тянет вечера...

Солнце так ли светит спело?
Так ли птицы гомонят?
Все ли мы с тобой успели,
стартанув от октябрят?

Не заставшим комсомольских
клятв – значками к пиджакам,
нам с тобой досталось столько...
что известно
только нам.

Перебирая томное «не то»,
аукаясь с нечаянным «а то ли?»,
держась за кромку солнца, что утонет
под бирюзовой тяжести плитой...

Нет-нет, не льстить себе на всякий счет,
не покоряться нынешнему лиху –
ступать по дну морскому тихо-тихо,
чтоб не нарушить целое еще...

Вот в этом самом, собственно, вся суть
любого расставания и встречи:
обнять друг друга истово за плечи
и у щеки про главное шепнуть...

Я трачу жизнь на пустоту, на чушь,
на неодушевленные предметы:
имейлы, электронные билеты,
аккаунты, инструкции чинуш.

Бесчисленные колкости систем,
системные ошибки круглых чисел...
Вот если б мир, как апельсин,
очистить от лишнего, ненужного совсем...

Как апельсиновый мир мог быть хорош!
Как сладок, сочен, архивитаминен,
людьми наполнен честными одними,
которых не подкупишь, не согнёшь.

Тогда бы, да... наверное... о, да...
Дышали бы другим мы ароматом...
Ни пенсий не стыдились, ни зарплаты,
ни горькой бесполезности труда.

Увы и ах, реальность такова:
с вареным луком сравнивая, льстишь ей.
В ней правда всякий раз бывает лишней.
И на дух переносится едва...

Дженни давно забросила акварель,
вышла за Педро, обзавелась котом.
Кот завести подумывает гарем,
Педро – до этой темы дойдет потом...

Если свекровь внедряется в их союз,
Дженни хохочет в голос и плохо спит,
сложно быть начеку и не быть в строю,
двигаясь между Бошем и Индезит-

ом. Оттесняя ловко проводника
левым бедром, мотает в тугой клубок
голые нервы Дженни. Течет река
времени. Скоро в школу пойдет сынок...

Дженни влилась в родительский комитет,
вклинились в жизнь общественные дела...
Педро все чаще к ужину дома нет,
Дженни – второго мальчика родила.

Педро принес в роддом двадцать девять роз,
поцеловал супругу куда-то... в лоб.
Тучей навис над славной семьей вопрос:
что бы такое сделать для счастья, чтоб

каждому – вдоволь, в яблочко, в центр ядра...
Мир погрузился в очередной апрель.
Педро ушел искать от добра – добра,
а Дженни...
наконец-то выросла и
теперь ее зовут
Евгенией Павловой.

Второй сезон отказываясь цвести,
корнями роза вгрызлась насмерть в землю.
Но замысел ее мне неприемлем,
ни фракционно, ни глобально – весь:

она жива, но мне-то что с того,
когда на ней ни листика, ни почки,
когда меня не радуют цветочки,
глядит уныло в небо голый ствол...

Такая жизнь мне, нет, не по нутру,
и я свое ей виденье диктую:
«не зацветешь, сменю тебя на тую!
или еще чего изобрету...»

Да, я мастак, конечно, угрожать...
Но ни одна божественная туя
меня не сможет эдак, в ус не дую,
надежно...
в напряжении держать.

Нет ни друга мне, ни товарища,
Ни сочувствуй да не суди!
Я – сама себе есть – пожарище –
Океаном не остудить...

Не унять меня легкой песенкой,
Рассержусь, лишь возьмешь аккорд.
Мне самой от себя невесело,
И бежать бы – во весь опор...

Мне самой от себя так суетно,
Так студено, что не согреть
Ни прощальными поцелуями,
Ни бесснежностью в декабре.

Ни предмартовским предвкушением
Прочим проченного тепла.
Все победы и поражения
Я до тождества довела...

Намешала: кореньев, цветиков,
Настояла на сорока'...
Знать бы: всем ли добром ответила
Замирающая строка?

Из светёлочки всех ли вверенных
Посчастливилось увести?
Там ли я посадила дерево,
Где случится ему цвести?

Пустое небо: ничто не светит, деревья в рыжем.
Конечно, прелесть, конечно, всяко имеет право
Дышать дождями, там, в междуречье посреди-книжном,
На чердаках ли, где луговые томятся травы.

Пустое дело: в ладоши хлопать, не испугаешь,
Давно границы преодолели своих пернатых.
Остались волны толкаться с долгими берегами.
И темнота затаивших день проходных парадных.

И стоны стен, кирпичами трущихся о рассветы,
И взгляд в упор, что похлеще выстрела, смертоносен.
И шлейфы улиц, упорно тянущиеся следом
За мной, за нами. Такой октябрь. Такая осень.

Бедный мой, бедный... снова, как по живому:
майских жуков настряхивала ветла
с платица изумрудного кружевного,
грусть — перманентна... да, и не так светла...

Бедный мой, бедный, всё, что могло быть правдой,
трелями соловьиными расплзлось
по заливным лугам и полянкам травным,
чтобы предметней думалось, да спалось.

Бедный мой, бедный, разве со мной богатым
быть доведётся, сбудется ли всерьёз?
Мне хорошо известно, что виновата —
я,
в том, что ты
сквозь сердце моё
пророс...

Там стоят фонари,
украшая бетон,
там вагоны цветут
фиолетово-синим.
Звездный мальчик проводит
по крышам пером,
и следит за пером
битый час Томасина.

Там не скучно совсем,
там семнадцатый май,
знает больше, чем всё
тридевятое царство,
там ползет к Белорусской
последний трамвай,
впереди целый мир:
и любовь, и коварство.

Там в наушниках — рок,
чередой децибел
не дает задремать,
не дает отключиться.
Там присутствует счастье
само по себе,
и ни деготь его не берет,
ни горчица.

Там довольно найти
телефон-автомат,
чтобы голос родной
стал существенно ближе.

Связь доступней теперь,
но молчат номера
тех,
которых
уже
никогда
не увижу...

А у Коцея глаза пустые,
ни Василисы там, ни Яги.
Заглянешь — сердце в момент остынет,
не пробуй даже, побереги.

А у Коцея такая свита,
что Урфин Джюсу не настрогать...
У приближенных с его орбиты
копыта грозные и рога.
Что лес, что поле... туман повсюду,
куда ни глянешь — туман один.
Должно случится какое чудо,
чтоб свет пролился и победил?
Чтоб люд очнулся от дремы вязкой,
набрался мужества слезть с печи,
поймал Коцея из нашей сказки
и хорошенечко проучил...

Вокзала Южного масштаб непоэтичен:
с моей-то кладью неручной, да и курю я...
Бельгийской осени, изысканной столичной,
я день единственный у города ворую.
Прости, мой друг, что все так наспех и некстати...
Но как влюбиться в разноликость улиц долгих?
Возможно, больше нужно времени потратить,
чтобы понять, чтобы врасти, чтобы заполнить
хотя бы краешек пространства в сердце. Вот ведь...
И мне, застывшей на полях твоих иллюзий,
твоих искусств, что остается? – множить фотки
в мобиле, да вай-фай бесплатный жадно юзать,
пуская пыль в глаза, как ты – своим зевакам,
анфас и профиль подставлять лихому ветру.
Я расстанусь с тобой уверено, однако
брошаю все-таки в фонтан Брукер монетку...

Прыгнуть в прибой с разбега,
Времени - через край.
Близкого человека...
Гоже ли: из ребра!
Женщина ли? Сирена?
Не раскрывая рта,
Как выходить из пены
И не задеть креста?
Полутонов - в достатке,
Хоть до зари твори!
Яблоко было сладким,
Сочным, как мандарин,
Солнцеподобно манким,
Круглым, как шар земной.
Гоже ли: от подарка
Чек отрывать с ценой?

Солнечных зайчиков и перелетных фей,
Свежей мяты под окнами, чудных чаек.
Хочется! Музык навязчивых в голове
Полон транзистор, могуч и невыключаем.

Хочется верить и чувствовать, что не зря
Все, что прошло и случилось и в память вьелось.
Брызг нестареющих волн, что в лицо искрят,
Хочется! Встреча случится ли, Юджин Велос?

Мы соберемся ли прежними нами, мы
Сможем ли вычислить рельсы, дороги, рейсы?
Те, что единой идее подчинены:
Тысячи слов привезти под прожектор действий.

Чаю с мятой, и чаек, и брызг морских
Хочется очень! И чтобы еще... и чтобы...
Строчками, словно стежками, наш каждый стих
Все промежутки молчаний сумел заштопать.

Литкритика

Читайте на странице 296

Кленовый сок воспоминаний

Фото Александр Северный

Дворовый звонарь

Убогая жизнь у бродяги
Хоть в март, хоть в июль, хоть в январь.
Бутылками в мусорном баке
Трезвонит дворовый звонарь.
Дзинь-дзинь! В небе утро зевнуло.
Дзинь-дзинь! Просыпайся, народ.
Дежуривший ночью, сутулый
Фонарь с укоризной кивнёт.
Из серых домов, как из сита,
Просеялся свет в темноту.
Глядит недовольная сытость
На уличную нищету.
Начнут проклинать и ругаться
Из форточек люди опять.
Но каждая корка – богатство,
Но каждый сухарь – благодать.
И, может быть, в этой юдоли
Средь мусора, грязи и вшей
Есть грань между верой и болью
В пропащей бродяжьей душе.
Быть может, по жизни паршивой
Бредёт он, уверенный в том,
Что есть красота в некрасивом,
И святость живёт в несвятом.

Утро солнцем обогрето,
Нараспашку небеса.
Поделись со мной рассветом,
Ясноокая весна.
Эх, капли, звон да сырость –
Небо льётся через край.
Раньше в рай душа стремилась,
А теперь весна как рай.
И не жаль душе бессмертья.
Воздух светел и багрян.
Дарит радость на рассвете
Соловьиная заря.
Для бессмертья – что рожденье?
Только раз давным-давно.
В жизни то благословенней
Что весной рождено.
Что рождается в природе
В теплоте весенних дней,
Ледоходе, половодье,
Песне первых журавлей.

Что грустить, если жизнь отпылала?
Всем когда-то лететь на покой.
День зарёй начинается алой
И кончается алой зарёй.
Догорает вечерняя зорька.
Даст Господь ли душе благодать,
Чтоб у Родины хоть на задворках
Дикой яблоней мне прорасти?
Чтоб остаться мне здесь.

Пусть в печальной,
Пусть в суровой, но милой земле.
В жёлтом поле густым Иван-чаем
Расцветал бы под крик журавлей.
Не бери мою душу отсюда,
Дай мне, Боже, ещё раз прожить
Хоть ветлой у забытого пруда,
Хоть цветком под ногами у ржи.
Что мне рай? Что сады золотые?
Коль не моют их слёзы весны.
Что мне рай, если нет там России,
Невесёлой моей стороны.

Расплескалось небо мутное,
От дождя февраль растаял.
Мчится стрелочка минутная,
А за нею часовая.
Что прошло, то будет заново.
Вечер, утро. Утро, вечер.
Люди-льдинки, нам же складывать
Невозможно слово «вечность».
Не беда. Дождём обласканный,
Ледяные смыв печали,
Опустился март саврасовский
Загалдевшими грачами.
Тают годы заунывные,
Но приятно таять в марте.
Лейтесь, чувства, только ливнями
Душу, душу не состарьте.
Жизнь короткая и тленная,
Но весной часто слышу:
Плачет вечная вселенная
Проливным дождём по крыше.

Андрей
Кулюкин

Солнечный конь проскакал да подковку
 Месяца бросил в кустах.
 Мне от безбожья божьей коровкой
 К Богу поближе бы стать.
 За спину сумку – скитаться по свету.
 Вертится мир под ногами.
 Ветер подует, – закрестится веткой
 Клён местнотимый святой.
 Ива-старушка глядит на седины
 В зеркало тёмной реки.
 Нищих, голодных лесная рябина
 Ягодой кормит с руки.
 Свет разликает задумчивый месяц,
 Будто бы липовый мёд.
 Кто же у речки на краешке леса
 В этих красотах живёт?
 Тихо дотронулась старая ива,
 Тянет мне листьев пучок:
 «Помните, люди: где Бог – там красиво,
 Где красота – там и Бог».

Моя Тамбовщина

Уже дорог немало пройдено,
 Уже и даль вблизи видна.
 Есть много мест, где сердце Родины,
 Но в сердце Родина – одна.
 А мне родней луга душистые
 И степь туманная родней.
 Тамбовский край у цнинской пристани
 Зовёт домой своих детей.
 Чем дальше в жизнь, тем больше хочется,
 Чтоб развернулось время вспять.
 Настанет час – и путь закончится,
 И я устану ковылять.
 Вернусь домой. Пусть ветер времени
 Сметёт с дорог мои следы.
 Но будет печь трещать поленьями,
 Пуская в небо тёплый дым.
 Я как береза с белой рощею
 Корнями связанный с тобой,
 Моя земля, моя Тамбовщина,
 Сердечко Родины большой.

Простой народ

Простой народ. Жизнь простое,
 Как в печке выцветший огонь.
 Трудись, трудись, а на застолье
 Хоть в пляс, хоть в слёзы под гармонию.
 Простой народ. И жизнь, как пашня:
 Посеял, выходил, пожал.
 А на столе – всё щи да каша,
 А за столом – и стар и мал.
 Простой народ. Простые ночи.
 Кто на полу, кто на печи.
 А за окном сверчок стрекочет,
 В окно черёмуха стучит.
 Простой народ. Простая доля,
 И нынче всё как в старину.
 Деревня спит. А завтра в поле –
 Кормить огромную страну.
 Простой народ. Жизнь неброско,
 Но всё горит в избе очаг.
 Вся жизнь проста, одно не просто –
 Нести Россию на плечах.

Вздываются в мыслях седые столетия
 Порошей густой из-под конских копыт.
 Я отдал бы всё, чтоб услышать, как медью
 Промёрзший до сердца бубенчик звенит.
 Чем в поле свободней, тем песня раздольней, –
 Не сдержат стальные её удила.
 Зимой в степи забубённой, разбойной
 Душа из метели моя родилась.
 Мне в песнях поётся о том, что забылось
 В далёких веках золотой старины.
 Мне поле, как счастье далёкое, мило,
 Мне русские песни, как воздух, нужны.
 В них белые звуки смешались со снегом,
 На солнечных бликах горя серебром.
 Наверно, я впрямь с позапрошлого века.
 Ведь грежу о времени часто былом.
 И отдал бы всё, чтоб услышать, как звонко
 Бубенчик воркует, да тройка храпит...
 Кто знает, рождает ли нынче позёмка
 Свободные души в морозной степи?

Рад бы слову, да высказать некому,
Только скажешь – толпой засмеют.
Здесь тоскливо мне жить с людьми,
Мне б туда, где спокойный приют.
Там, где кони увязнут в распутицу.
У пруда старый храм в два креста.
Что ж душа моя, серая утица,
Рвёшься в эти глухие места?
Дождь пропахнет промокшими гривами
Или гривы пропахнут дождём.
Поброжу между спящими ивами,
Поразмысли в душе о своём.
Жизни меряем собственной меркою.
Нам судить ли: кто с правдой, кто без?
Благодатно в бревенчатой церковке
С куполами синее небес.
Только звуки взлетят колокольные,
Засияют и небо, и пруд...
Где-то здесь меня люди не поняли,
Где-то там меня люди поймут.

У берега вечности

Отцветает закат, поплакавши
В речку тихую алым туманом.
Стало сердце моё хлебным мякишем,
А душа – толокном овсяным.
Нет, поётся внутри не у всякого.
Не поёт – кто не ведал разлуку.
Мне всё слышатся шелестом злаковым
Золотые вечерние звуки.
За рекой деревянными свечками
Понагнулись кресты возле храма.
Там в покое молчит берег вечности,
Там покоится вечная память.
Колокольня – до Господа лестница.
На другом берегу – чем не краше?
Там и конь напахался, наездился,
Воду тёплую пьёт, уставший.
Крест на храме и домик под деревом –
Всё, как прежде, от века до века.
Жизнь и смерть – два обрывистых берега,
Друг на друга глядят через реку.

Блещет летнее утро. Светлынь!
Сверху рыжих лучей вереница.
Хочешь, душу за бороду вынь
Да повесь от печалей сушиться.
Встань под добрые эти лучи –
От холодной тревоги согреться.
Как же тихо! Я слышу: стучит
У Земли, как у матери, сердце.
Мимолётно несутся года.
Но почудилось в летнее утро:
Будто мама ещё молода,
Ну, а я – не родился как будто.

Кленовый сок воспоминаний
В цвету застенчивых рябин.
Дымит изба в сыром тумане,
Скрипит калиткой ветхий тын.
Весна приходит на рассвете,
И мир как будто вновь рождён.
В лугах проснувшись, тёплый ветер
Поёт под ласковым дождём.
Ни под луною, ни под солнцем
Ничто не старь, ничто не новь.
Хоть мир любовью не зовётся,
Но в мире вечна лишь любовь.
Не потому ль, когда такую
Я понимаю мыслей суть,
Мне грустным эхом прокукует
Кукушка старая в лесу.
Кукуй, кукушечка седая,
Тебе да мне весь мир – гнездо.
Весной всегда я вспоминаю
Всю жизнь с рождения и до...
Я не уйду, не перестану,
Но буду ветром среди равнин...
Кленовый сок воспоминаний
В цвету застенчивых рябин.

Осень назойливой моросью
Речку рябит обмелевшую.
Тянутся шеями водоросли
Вдоль по теченью неспешному.
Низкое небо и блеклое
Грустью дождливую соткано.
В речку изба, словно в зеркало,
Смотрит разбитыми окнами.
Ведает али не ведает:
Где же родные хозяева?
Нет и старухи, и деда нет –
Померли. Год уж без малого.
Горько за древнюю родину:
Чахнет изба, кособочится.
Печка не дышит, холодная,
Бледная, как упокойница.
Выйду к реке, подпоясанный
Самыми грустными песнями,
Чтобы сказать, что не сказано
Этой избой бессловесною.
Чтобы допеть недопетую
Русскую песню старинную.
Может, воспрянет от этого
Сердце моё соловьиное...
Речку рябит обмелевшую
Моросью осень без устали.
Плачет изба запустевшая.
Плачет душа моя русская.

Умер храм

Без голов и крестов. Это ж надо!
Развалился наш храм деревенский.
Для кого-то – простая досада,
Для меня – это ужас вселенский.
Для меня словно жизнь опустела:
Умер храм Иоанна Предтечи.
Бурой кладки кирпичное тело
Искупило грехи человечьи.
Ведь о Боге давно позабыли,
На поклоны – к лукавому змию.
Умер храм. Среди чахоточной пыли
Служат ангелы в нём литургию.
Часто видишь, как стаями птицы
Над разрушенным храмом летают.
Это русские души молиться
За Россию приходят из рая.

Берегите наш язык

Я твердил бы каждый миг,
Не боясь упрека:
Берегите наш язык
Как зеницу ока.
Дышит он, как роз цветник,
Ароматом пряным.
Берегите наш язык,
Чтоб не стал бурьяном.
Гость чужой в него проник,
Словно ноги вытер.
Берегите наш язык,
В чистоте храните.
Он могуч, правдив, велик,
Им свободу пели.
Берегите наш язык,
Чтоб не обеднели.

Молчать про любовь

Я – такой же, как все: то спокоен,
То не сдержан бываю порой.
Как и все, я полдня – с телефоном
И полжизни, как все – с пустотой.
Пустота моя – снежное поле.
Только ночь. Только тихая гладь.
Как и всем, иногда мне до боли
Так знакомо желанье – молчать.
Согреваюсь за пазухой ночи.
С тишиной обнимается тьма.
Гляну в небо – лицо защекочет
Мелким снегом глухая зима.
Я – как все. Только слышу безмолвье,
Мне не нужно для радости слов.
Пустоту я наполню любовью,
Чтоб полжизни молчать про любовь.

Погляжу внутрь себя, как в избушку:
Ни свечи, ни лучины. Темно.
В старой церкви мне тело и душу
Освятить бы, как хлеб и вино.
У распятия стою, малoverный,
Тень повисла моя на стене.
Я останусь здесь после вечерни
В полутьме и святой тишине.
Месяц добрый, пастух златолицый,
Затрезвонил в кленовый рожок:
«Звёзды, звёзды, скорее молиться
На ночной выходите лужок!»
В старой церкви: «Помилуй мя, Боже...» –
Я и сам помолюсь до утра.
Станет сердце помягче, быть может,
Как заздравная просфора.

Такие вот мысли порою:
 В душе, как в закрытом бараке
 Хранить бы покой, тишину.
 С чего же так жалобно воют,
 Так жалобно воют собаки,
 Собаки в тиши на луну?
 Кому-то – поклоны к распятыю,
 Кому-то – трёфовый к удаче.
 То крест, то колода крестей.
 Неужто у чёрта проклятье,
 У чёрта проклятье поклянчил,
 Поклянчил какой-то злодей?
 Ах, души завистников злые,
 Шакалов раздорная стая,
 Вам плети – гордыня и страх.
 Как цербер с железной цепи я,
 С железной с цепи я срываюсь.
 Срываюсь опять на стихах.
 Что ж, злиться на злость? Ведь – нелепо.
 Об пол деревянный поклоны
 Мне в церкви за здравие бить.
 Иконам – по свечке. И хлеба.
 И хлеба возьму для бездомных.
 Бездомных собак накормить.

Война – для поэзии скверная тема.
 И мне потому-то чужда,
 Что вечно там всё как всегда:
 Потерянных жизней пробитые шлемы.
 Минует ли Родину горькая чаша?
 В честь тех, кто за Родину пал –
 Три выстрела (весь ритуал).
 Под звуки: «Россия священная наша...»
 Залязгал затвор автомата.
 Как будто, затёртый до дыр,
 Латает разорванный мир
 Россией Господь, как огромной заплатой.

Живые помощи

Вспоминается: был мальцом ещё,
 «Ты носи» – говорила матушка, –
 «За подкладкой «Живые помощи»,
 Оловянный крест под рубашкою».
 Годы канули, словно не были.
 Дом покинул давно отеческий.
 Отбезумели дни нелепые.
 Был судьбой побит, жизнью сеченый.
 Чуть не выбросил запылённую
 Душу рваной дрянной подмёткою.
 Подувяли глаза зелёные
 За тюремной гнилой решёткою.
 Как Иван я, родства не помнящий,
 Позабывший про благочестие.
 Не носил я «Живые помощи»
 И Христа не носил на крестике.
 Измождён земными мытарствами.
 «Как не сгинул ещё?» – вы спросите.
 Это мама в небесном царствии
 За меня умолила Господа.

Головёшкой прогорелой,
 Тлея в копоти времён,
 Аль, Земля заматерела,
 Что и жизнь – кошмарный сон?
 Наливать рассвета бражку
 В глотку неба не впервой.
 Жизнь в смирительной рубашке
 Подняла собачий вой.
 Я ж её слегка за ухом
 Почешу, как цепняка.
 Прав профессор был: разруха
 В головах, наверняка.
 Кто же мир, как не расстрига?
 Сжёт подрясник впопыхах.
 Зачерствелою ковригой
 Плесневеет на китах.
 Уж архангел вышел с чашей,
 Взорвалась Полынь-звезда.
 Догорает мир, дождавшись
 Часа страшного суда.

Звёзды – это свечи,
 Свечи во вселенной.
 Погорят и тихо отгорят.
 Время – это вечность,
 Вечность – это время.
 Подарило небо звездопад.
 Кто придумал звёздам
 Падать на удачу?
 Это прихоть маленьких людей.
 Звездопад – как слёзы.
 Это небо плачет,
 Испугавшись вечности своей.

Время детства

Как обычно, играют мальчишки
 То в футбол, то в войну вечерком.
 Уж не я ли белёсый, вприпрыжку,
 Мяч резиновый сжавши под мышкой,
 На площадку из дома бегом?
 Расшумелись воробушки звонко,
 В белоснежных нарядах сады.
 На коленках сверкает зелёнка,
 Я бегу к придорожной колонке,
 Чтоб напиться холодной воды.
 Наигрался. В приятной истоме
 Возвращаться настала пора.
 «Эй, сынок!» – слышу голос знакомый.
 Как приятно в родительском доме
 Сны цветные смотреть до утра.
 Время детства, тебя не забудешь,
 Не предашь, не зароешь в годах.
 Сколько б ни было далее и судеб,
 Будешь помнить о маленьком чуде
 В молодых материнских глазах.

Маленький убийца

За окнами снегом раскрасились ветки,
Задумчивый парк зашумел на ветру.
Обычный ребёнок, пацан-шестилетка
Играл на планшете в простую игру.
Деревья хвалились друг другу убранством,
Ведь снег их одаривал щедрой рукой!
Застрявши в чужом, виртуальном пространстве,
Мальчишка орудовал бензопилой.
Увидев кровавые брызги в экране,
Не стал я в себе равнодушие держать.
«Что должен ты делать?» – спросил мальчугана.
«Я должен всех встречных людей убивать».
Во мне отозвались по коже морозом
Ребёнка спокойные эти слова.
«А людям не больно?» – опять я с вопросом.
«Ну, это ж не люди, а так... существа».
«Да полно, малыш, хоть лежачих не мучай».
«Так надо, тогда в новый тур перейду!»
Продолжить ли дальше рассказывать случай?
Ведь вы догадались, к чему я веду?
Пушистый снежок на берёзовых кронах
Сверкает от света фонарных огней...
Простая семья. Папа с мамой в айфонах,
А рядом их сын убивает людей.

Северный ветер

Полярный рассвет пробуждался лениво,
Укутавшись сумрачным пледом небес,
Чтоб выше и выше над Кольским заливом
Небрежно размазывать солнечный блеск.
И мне просыпаться с рассветом привычно,
«Прощай!» говоря недосмотренным снам.
Ведь северный ветер, как друг закадычный
Свистит и зовёт побродить по лесам.
Кого-то прельщает заморская нега,
Где солнце купается в теплом песке...
Эй, ветер бродяга, мне розгами снега
Хлещи беспощадно по правой щеке!
А хочешь, по левой ладонью метели
Влепи, не обижусь, коль вместе поём
Где сопки, одетые в шубы из елей
И ходим, обнявшись, как братья, вдвоём.
Дуй, ветер, в лицо, чтобы вытекли слёзы,
Хоть пой, хоть ругайся, шуми да реви!..
Я русский, я жить не могу без мороза,
Я русский, я жить не могу без любви.

Н. В. Колычеву

Фонарями утыкана улица.
 Что ж не светят? И толку от них?
 Жизнь иная в потёмках мне чудится –
 По ту сторону мира живых.
 Там такие же сопки с озёрами
 Вдоль потёртых изгибов дорог.
 Там всё так же. Но с душами добрыми
 Ловит рыбу на озере Бог.
 За плетёной скрипучей калиткою
 Вижу: баня, изба да сарай.
 Подойду, постучусь да покликаю:
 «Эй, хозяин, скорей отворяй!»
 До порога тропинка меж ёлочек.
 Добродушный, со светлым лицом
 В телогрейке заботливо Колычев
 От листвы подметает крыльцо.
 В доме русская печка натоплена,
 Пахнет воздух древесным дымком.
 Хлеб на стол и картошечку тёплую,
 Банку с козьим парным молоком.
 Не пора ли за кружками чайными?
 Уж вода в самоваре кипит.
 Под гитару затынем печальную,
 Как ямщик замерзает в степи.
 С чаем мятные пряники тульские.
 Поболтали, пошли покурить...
 Вдруг исчезло всё. Это на улице
 Починили, видать, фонари.

Ведь когда-то надышится севером
 Золотая ржаная душа.
 Вместе с осенью сяду под деревом
 Пожелтевшей листвою шуршать.
 Что ж, берёзы, как сырые карлицы
 К этим грузным камням приросли?
 Время будет и мне попечалиться,
 Уезжая от кольской земли.
 Не стелила простыми победами
 Мне дорогу судьба, хоть убей.
 Брёл, как будто сквозь лес неизведанный,
 Спотыкаясь о груды камней.
 Между небом и тундрой закатная
 Полоса, как потухший костёр.
 Здесь откована воля булатная,
 Остывая в прохладе озёр.
 Час наступит. К беде ли, во благо ли,
 Но оставлю замёрзший причал.
 Похрущу на прощание ягелем,
 Что в полярных стихах воспевал.
 Я покину вас, бледно-зелёные
 Тундры в тихом тумане седом.
 Чтобы в степи лететь чернозёмные,
 Прорасти золотым колоском.

Литкритика

Читайте на странице 291

Проза

СОВРЕМЕННАЯ

Константин Маковский (1839 – 1915)
Семейный портрет

*Искусство
изящного сюжета*

Триптих «Герои»

Рис. Татьяны Андреевой

Толик

Честно – не помню дня, когда я впервые увидел Толика. Помню лишь – август начинался, солнце еще пекло. И мир казался идеальным.

Наш двор был большим. Два дома друг напротив друга. По одиннадцать этажей и четыре подъезда в каждом. Детская площадка филигранно расположилась по центру. Подземной парковки не было. Многие бросали свои машины на ночь под окнами. Кто-то – на неделю. Кто-то... Старая «Волга» около мусорного контейнера стояла несколько лет. И то ли хозяин умер, то ли забыл, куда положил ключи. Ржавела старушка беспощадно.

Узкие тротуары, которые вели к подъездам, закатали асфальтом (вонючим до ужаса). И обычно в жаркий день, когда солнце раскалялось, ходить по нему было неприятно: подошва так и прилипала. А если в квартиру занесешь гудрон... Так весь пол в прихожей очернишь. Летай, называется!

В тот день я опаздывал на работу. Спустился на лифте, оттирая пиджак от извести, и вышел из подъезда.

Напротив меня стоял мужчина. Лет ему было за пятьдесят. Одет был в робу из грубого сукна. Непомерные калоши и кепка. Я посмотрел на него с одной единственной мыслью – не жарко ли? Но.

– Доброе утро, – сказал он тихо, глядя на меня.

– Доброе.

Я замялся. Остановился даже.

– Спешите? – спросил.

– Да вот... Да, – я улыбнулся в ответ на его улыбку. – Жарко сегодня.

– Не то слово! К обеду вообще тридцать обещают.

– Вы наш новый дворник? – поинтересовался я.

– Агась, – он оглянулся, услышав приближение машины. – Толик.

– Приятно. А где... Это. Предыдущий?

– Давыдыч?

– Я, к сожалению, не знаю, как его зовут.

– Звали... Он помер на днях. Отравился.

– Оу, – произнес я.

– Убрался к богу. Как и положено. Молодой, правда, был. Но жизнь такая...

– Простите, я опаздываю.

Мне ничего другого не оставалось, как обрубить этот диалог на печальной ноте.

– Не будет папиросы? – напоследок спросил он.

Я пошарил по карманам, залез в сумку и сделал вид, что вспомнил:

– Прости, батя, дома забыл. В другой раз.

Он посмотрел на мою сумку, но ничего не ответил. Стал мести асфальт.

К вечеру того дня я купил пачку сигарет, совершенно не понимая, какие курит Толик. Сам не разбирался ни в табаке, ни в фильтрах. Единственное, объяснил я кассиру, что «сигареты мне нужны для дяди, он у меня уже в возрасте».

На следующий день Толик стоял около колодца и сметал стекло от разбитых бутылок. Нагнулся, чтобы собрать крупные осколки. Остальные – замести на лопату.

– Доброе утро! – он посмотрел на меня.

– Здравствуй, Толик. Как твой день?

– Да все хорошо. Какие-то олухи разбили тут бутылки. А если бабушка какая-нибудь не увидит стекло? Или собачка какая-нибудь проглотит? Не дай бог – ребенок!

Я вспомнил, как ночью забыл закрыть балконную дверь. И сквозь сон слышал ругающихся мужчин. А потом и бьющееся стекло. И как кто-то кричал с балкона «если вы не уйдете, я вызову милицию!» И то, что эти пьяные крикнули в ответ.

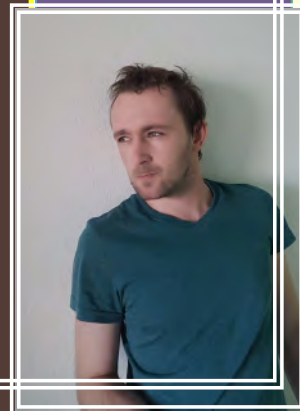
–...вот и собираю, – продолжил Толик. – У тебя не найдется папиросы?

Я радостно опустил руку в карман и достал пачку сигарет. Открыл ее и протянул Толику.

– Да мне одну. Больше не надо. Врачи запрещают. Вот по-тихому... Пока не видят.

Грубыми пальцами он поддел фильтр и ловко вытащил одну сигарету.

– Спасибо.

*Тима
Ковальских*

В этом слове было столько добра, сколько я еще не встречал в этой жизни. Меня это так сильно удивило, что я почувствовал, как мои щеки становятся розовыми. Я небрежно засунул в карман пачку.

– Сейчас уберу и сделаю перерыв, – сказал Толик. – День обещает быть хорошим!

– Да он уже хороший, – сказал я и пошел на парковку.

...В один из дней я увидел Толика. И не узнал его. Он разговаривал с главой ЖЭУ. Людмила Карловна, очень неприятный человек, по мнению многих жильцов, в тот момент была похожа на розу. Болгарскую! Не меньше... Она стояла напротив дворника, опустив руки, водила губами из стороны в сторону. Но не говорила. Слушала.

Слушала Толика. Он ей читал стихи.

Это я понял, когда проходил мимо них.

– Доброго дня, молодой человек, – закончив декламировать, сказал мне Толик.

Людмила Карловна скрестила руки, насупилась, стала сверлить меня взглядом. Я на нее не посмотрел сначала. Лишь на дворника.

– Здравствуй, Толик. Закуришь?

Я протянул уже знакомую ему пачку сигарет, и он снова аккуратно вытянул одну.

– Благодарствую.

– Здравствуйте, Людмила Карловна, – у меня не было выбора.

Она кивнула так, что ее щеки заколыхались. И сразу же отвела взгляд от меня куда-то на клумбу, где сгорали мелкие розы. Я потупил в асфальт и засеменял вбок, зацепив фразу Толика:

– Так вот, это мой самый любимый поэт. Я вам советую!

С балкона своей квартиры я видел Толика каждый день.

...на днях. Он помогал молодой леди припарковаться под окнами дома. Жестикулировал, нагибался, чтобы посмотреть, сколько еще до бордюра. Предупреждал ее об опасности. О тормозе.

...на днях. Дети раскрутили малыша на карусели. Да так, что он издал дикий вой на всю площадку. Подбежал Толик, вцепился в железный изгиб обруча и, подставив ногу, сильно напрягся, чтобы остановить эту машину.

– Вы чего делаете? Он же может упасть. Пораниться, – тихо произнес Толик.

Эти слова из его уст звучали не как осуждение, не как выговор за плохое дело... Подоброму. Без лишних эмоций и действий.

– А вот если тебя посадить вместо него? – голос его был звучный, долетал до пятого этажа.

Мальчик постарше оправдывался. Другие дети – просто разбежались.

...на днях. Он снова подметал под окнами нашего дома. В очередной раз собирал окурки в клумбах. Я вышел из подъезда, но Толик не обратил на меня внимания. Тогда я сам подошел ближе и сказал:

– Здравствуй, Толик.

Он посмотрел уставшим взглядом. Но ответил:

– Доброе утро.

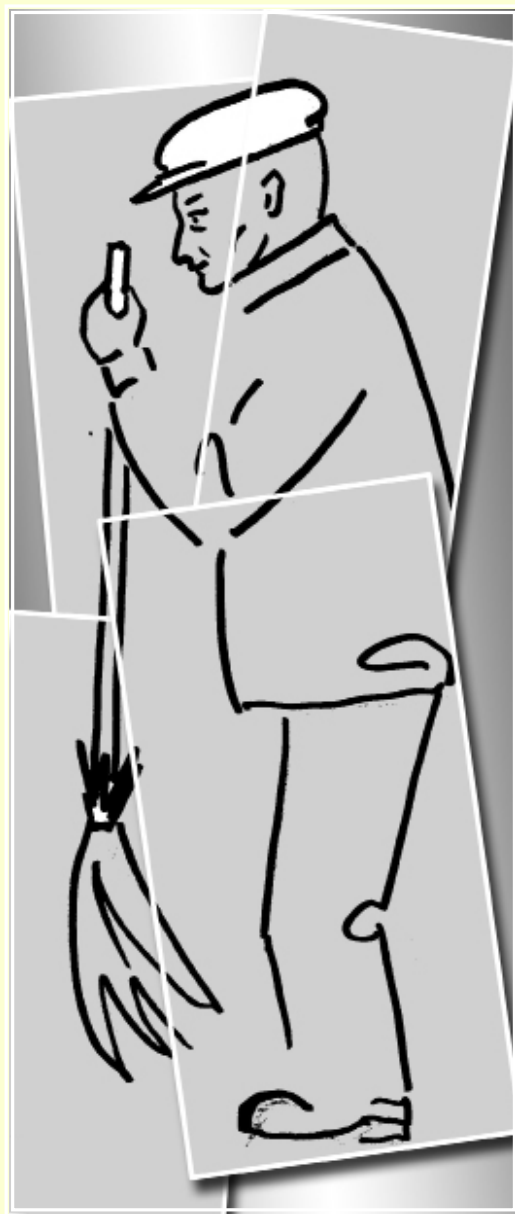
И улыбнулся.

Я увидел почти полный совок окурков в руке Толика. Он ссыпал их в ведро.

– Странно это, но, – пауза, – у тебя не будет папиросы?

Я протянул пачку, Толик продолжил:

– Почему они не могут поставить у себя на балконе баночку? – сетовал дворник. – Туда бы складывали. Потом бы выбрасывали. Нет – кидают их сюда.

Я ничего не ответил, но пообещал себе найти этого человека. Или этаж, с которого летит этот мусор. Или квартиру.

И нашел.

В очередной раз, стоя на балконе, я смотрел на двор. И тут посыпался пепел. Я заглянул вверх и увидел высунутую руку с сигаретой. Это был шестой этаж.

Квартиру я узнал позже. И как звать того гнусного человека.

А потом совершил ужасный поступок.

Я собрал полный целлофановый пакет окурков и ссыпал их в почтовый ящик под номером сто семнадцать. Сверху утрамбовал записку – «В следующий раз засыплю всю машину, если не перестанешь кидать бычки в цветы!»

Стыдно было мне за этот поступок недолго <...>

В очередной раз я увидел Толика, который сидел без дела на камне у тротуара. Он смотрел на облака, на птиц, на деревья. На мир.

Когда я подошел к нему, он поднялся и с трудом произнес:

– Доброе... утро.

Я посмотрел на него пристальным взглядом. И он будто понял, о чем я хочу спросить.

– Немного прихворал.

Он закашлял.

– Может быть, нужна помощь? – спросил я.

– Нет, справлюсь. Не беспокойтесь. Угостишь папиросой?

Я протянул ему пачку. Он вытащил сигарету и тут же закурил.

– А сегодня нет окурков! Прямо удивительно, – он повернулся к клумбе и закачал головой.

Я улыбнулся, ничего не сказал. Лишь пожелал хорошего дня.

Три дня меня не было в городе. Командировка всплыла. Бесполезная командировка, как оказалось. И в день возвращения я не увидел Толика. Подумал, что он уже отработал и ушел домой.

На следующее утро Толика снова не было. И через день – тоже.

Я четко ощутил его отсутствие через пять дней. Каждый раз, выходя из подъезда, я надеялся встретить Толика. Но его не было.

Урны были переполнены. Битое стекло крошилось под колесами, а жильцы домов последними матами крыли «этих уродов». Людмила Карловна не снимала с себя маски гнева и раздражения: именно поэтому я не стал спрашивать о Толике.

Я почувствовал опустошение. Как что-то очень важное вмиг исчезло. И ничем не заполнилась пустота. Этого невозможно не заметить. Я вам говорю.

...А в один из дней, выходя из подъезда, я увидел нового дворника. Он мел асфальт, пропуская большие участки. Мусор собирал не весь. А о битом стекле даже не беспокоился.

В тот день я выбросил пачку сигарет. Там оставалось штук десять.

Натаха

Я работал риелтором. Подбирал людям уютные, порой ужасные, иногда дорогие, часто – обычные квартиры. Клиенты долго решались на кредиты, ипотеки. Совсем редко – приходили с наличными сразу.

Покупали.

Большую часть времени я проводил в офисе. Он был расположен в БЦ «Империял» на первом этаже. На второй я не поднимался никогда. Про третий – вообще молчу.

На входе, как и везде, сидели охранники за неудобной огромной тумбой, полосой – стол, несколько шкафов, мониторы. Камеры, камеры, камеры... Только на первом этаже их было двенадцать. На улицу смотрели еще три.

Осень была гадкой. Почти весь сентябрь шли дожди, тучи не рассасывались. А лужи... Мне даже пришлось купить резиновые сапоги. Как в студенчестве. И ходил я не по бордюру, как мои коллеги, а прямо по лужам!

Еще и коммунальщики устроили нечто: около здания разрыли колодец. Вся земля поплыла на вторые сутки. Так что грязи в нашем бизнес-центре было прилично.

В конце сентября у нас появилась новая техничка. Ужас! «Техничка» – какое грубое слово. Сейчас только это осознал. Никаких «техничек». Лишь имена.

– Натаха, – она протянула руку, когда охранник Лева подозвал меня к себе.

Я посмотрел на Натаху. Ей было сорок три (она сама потом рассказала всю биографию). Высокая. Кудрявая. Развелась недавно.

– А что мне с этим бревном делать, а? Он денег не приносит домой, только ест за мой счет... А у меня ипотека! Как тебе такое, Лева?

Она смеялась, опираясь на швабру. Голос ее был хриплым, но всегда радостным. Натаха никого не стеснялась, то и дело покрикивала на входящих людей в помещение.

– И для кого это я, мамзель, тряпку постелила на входе?

В эти моменты Натаха принимала солдатскую стойку и чеканила каждое слово.

– Милочка, прошу вас, проходите. Только ножки оботрите!

Стихи лились. То и дело Лева смотрел на Натаху и улыбался. Она – в ответ.

– А я могу и Пушкина тебе прочитать. Только домою пол в секции.

И уходила с ведром воды. Ставила посреди коридора и совестливо отмывала каждый след. С трудом. С терпением, иногда напевая песни.

Натаха никогда не опаздывала. Будь то Лева из охранников или Владимир, она всегда тихо стучалась в стеклянную дверь. Ей открывали, за ней – закрывали. И за полтора часа до открытия она успевала вымыть весь первый этаж. Потом она уходила на другую работу. И лишь к обеду возвращалась. Она Лева рассказала, почему приходит в час пятнадцать, а не в час.

– Так у меня два кота. Я кормлю их в обед. Потому что с утра им нельзя много жрать.

Этих двух котиков Натаха нашла у мусорного контейнера. Мелкие, они пищали и умоляли прохожих взять хотя бы на руки. Натаха не просто взяла их, она принесла их домой, отмыла, протравила блох, вылечила от лишая. Был еще третий котенок... Он сам выбежал к Натахе. Она и его отнесла домой. А потом, через пару дней, нашелся хозяин.

– Ты, горемыка, – говорила Натаха, когда отдавала хозяину кота, – следи, что ли! А то раздолбаем вырастешь, – наставляла Натаха пятидесятилетнего мужчину кавказской национальности.

...утро Натаха всегда начинала со стакана кофе из вендинга. Пила только черный и с большим количеством сахара. Ей нравилось. Она всегда брала стакан, подносила к стойке охранников и, облокотившись, наслаждалась.

– Это мое зелье, – говорила Натаха.

Кофе пах жжеными крышками, отчего Лева постоянно говорил:

– У тебя будет язва желудка от этой гадости.

– А у тебя язык опухнет! Будет он мне тут лялякать...

Она даже слегка обижалась. Буквально на десять минут.

К обеду Натаха заходила в здание со словами:

– Вот это осень, мошки-кошки-гармошки! Ты посмотри, какая грязюка?! Но ничего, сейчас от нее избавимся!

И уже домыв секцию, она тихо подходила к охраннику и задумчиво спрашивала:

– Слушай, охранушка. Ты понимаешь, как мой труд важен?

– Чего? – Лева (в тот день дежурил он) даже встал со стула и подошел ближе.

– Чего-чего? Говорю, понимаешь, как труд технички важен?

– Натах, ты чего там дрябнула?

– Какой ты тугодум, Лева! Вот знаешь, не будь какого-нибудь там вашего начальника пару-тройку дней, так никто не заметит. А вот если не будет пару-тройку дней меня... Да вы тут грязью захлебнетесь.

Натаха была права. Захлебнуться!

А без начальников...

Как-то утром, еще Натаха не домыла пол, в дверь постучался мужчина. Охранник открыл, впустил. Это был Юрий Павлович, владелец здания. Он поприветствовал Владимира и огляделся.

– А чего так хлоркой пахнет? – спросил он.

– Так дезинфекция... – встала Натаха, подходя ближе, – а если не делать, то будет плохо. Еще палочку какую-нибудь подхватите! Разве нет?

Этот вопрос так впечатлил Юрия Павловича, что он вынул руки из карманов.

– Весьма ценные кадры у нас, как я вижу, – он посмотрел на Натаху.

– А-то!

– Клинер...

– Кли..?

– Клинер. «Уборщик» по-английски.

– Ааа, – покачалась на ногах Натаха, – Не знаю английских, но буду знать! – сказала она.

– Хорошего вам дня! – ответил Юрий Павлович и направился к персональному лифту. Дождался.

Двери открылись, закрылись. Поднялся.

Натаха встала около стойки охранника и спросила:

– А это... Он куда там? Поехал.

– Это персональный лифт для начальников. По отпечатку большого пальца работает. Подходишь, подставляешь свой палец в красную коробочку. Раздается звук. Там если зеленый цвет коробочки, то лифт едет к тебе. Потом тебя увозит. А если красный... То не везет никуда.

– Какая прелесть! Интересно, им там не тесно?

– Они же начальники.

– А я что – не начальник?

– Только если швабры своей, – усмехнулся Владимир.

– Я тебе... Слушай, а ты палец свой совал туда? Ну, ради интереса. Вдруг ты тоже начальник?

– Нет, – Владимир был краток.

Позже, когда пришел на смену Лева, Натаха все-таки сунула свой палец. Но окошко покраснело и издало неприятный звук.

Натаха работала хорошо. А главное – весело. Это и отличало ее от всех других уборщиц бизнес-центра. Она всегда шутила. И даже если это была злая шутка, то произносила она ее как-то по-доброму.

В ноябре было только четыре солнечных дня. Остальные – мерзкие. И снег не торопился оставаться. Падая, через час таял. Дули ветра. Дождь, будто через сито, накрывал асфальт медленно. Грязь растворялась мучительно.

–...так вот, я тебе говорю, Лева, смех и умора! – Натаха даже отставила швабру. – Представляешь, когда я закончу платить ипотеку, мне будет пятьдесят семь лет. Я себе пообещала даже пойти в ресторан. Отметить это чудо жизни.

– Если я доживу до этого, пригласи меня, – бурчал Лева, тыкая в мониторы.

– Я подумаю, – улыбнулась Натаха и посмотрела на дверь. – Эй! – закричала она. – Не вздумай!

Она схватила швабру, резкими движениями подошла к входной двери и открыла ее.

– Ты куда? – заголосила Натаха.

На крыльце стоял местный алкоголик, грязный и пьяный. От него ужасно пахло, чего Натаха и не скрыла.

– Че тебе надо? Не вздумай сюда заходить!

– Да я пить... хочу, – выдавил мужчина.

– Ну-ка спускайся вон. Можешь под деревом постоять, я тебе вынесу. Но сюда не вздумай заходить. Ты меня понял?

Мужчина попятился назад и медленно спустился по ступеням.

Натаха набрала в туалете бутылку воды. В подсобке отыскала свой пакет и из него достала булку хлеба. Накинула на себя куртку и вышла из здания.

Мужчина выглядывал из-за дерева неуверенно. Ожидал. Верил.

– На, держи. Вода и хлеб. Да и протрезветь тебе бы не помешало.

Мужчина ничего не ответил, лишь протянул руки.

– Ты внутрь не заходи. Там полы чистые. Уважай мой труд.

– Да я только...

– Не только! Это вообще не твой уровень. Да и полы там чистые, – повторила Натаха.

Действительно, чистые. До двадцать пятого ноября. Были.

А двадцать пятого – грязные.

Натаха не пришла утром на работу. К обеду лишь. Запыхавшись. И без улыбки. Без эмоций. Без той силы женского духа. Без времени.

– Всю ночь не спала, – оправдывалась она, – Музя, младшая котейка моя, что-то съела и начала кровью харкать. Ну, я ее в руки и в ветеринарку. Качали, качали... Уколы там всякие. Короче, в

муках она умерла.

Была тишина. Даже никто в помещение не входил. И не ехал в лифте. И даже по коридорам не ходил.

– Я ее очень любила.

Никто ничего не сказал. Потому что не знали, что говорить в такой момент. Как вести себя. Как быть. Но молчание нарушила сама Натаха.

– Ладно, погрустили, теперь будем мыть!

Мыла. Каждый день. Утром – за полтора часа до открытия, и с обеда до пяти вечера. Лишь в воскресенье выходной.

Потом лег снег окончательно. Стало меньше грязи. И шуток меньше.

А в один из дней Натаха не вышла на работу. И на следующий день ее не было. Я спросил у Левы, может, он знает, куда делась она? Но не знал.

...в понедельник пришла новая уборщица. Марина, кажется, ее звали.

Олюшка

К тридцати четырем годам я прочитал всю домашнюю библиотеку, которая мне досталась в наследство от моих родственников. Потом еще соседка отдала мне штук сорок книг, когда переезжала в другой город.

– Ну не попру же я с собой эту мукулатуру! – говорила она, делая ошибку в последнем слове. Кажется, для нее это действительно была мука.

Ее книги я тоже осилил. Там в основном была советская классика. Ничего лишнего.

Читал я быстро. В основном – бумажные издания. Электронные давались с трудом: я практически не воспринимал текст, не запоминал, перечитывал абзацы по несколько раз. К черту, подумал я. И понял, что старею.

И в один из дней мне на ум пришла безумная идея: записаться в библиотеку. Да и друзья одобрили, подтвердив все сумасшествие.

...Третья городская находилась недалеко: пару остановок от моего дома. Минут двадцать пешком.

Декабрьским днем в минус двадцать пять я долетел до библиотеки за десять минут. Пожалел, что не поехал на машине. Урок мне был.

Меня встретила хрущевка. Кажется, она не видела ремонта лет сорок или даже больше. Пять этажей. На первом – магазин тканей, парикмахерская. И библиотека. Я не сразу нашел вход. Обогнул дом вокруг и лишь с торца увидел мелкую табличку и ржавую дверь.

Внутри помещения пахло олифой. Прелым чем-то. Мне на минутку показалось, что проветривали тут в последний раз, когда вставляли окна и двери... Коробки у стены стояли. Сломанные стулья. Скучно со светом было.

Я прошел по коридору и очутился у стойки, где выдавали и принимали обратно книги. Никого не было. Лишь чуть дальше, за столиками, сидели несколько женщин преклонного возраста и с помощью лупы изучали газеты. Позади них – стеллажи, такие мощные, советские еще. Книги на них. Обозначение секций, трафаретом нарисовано.

Деревянная дверь распахнулась. И вышла девушка. Невысокая. Темненькая. Мило улыбнулась, увидев меня. Подошла к стойке, обмакнула пальцы в губке с водой.

– Здравствуйте, – произнес я с натугой, запах олифы сбивал.

– Здравствуйте, – она ответила.

На бейдже написано «Оля».

– Я бы хотел записаться к вам. Читать дома нечего, – замялся.

– Вы в первый раз здесь?

– Да.

– Тогда мне необходимы ваш паспорт и фотография. Еще вам нужно ознакомиться с правилами.

Оля протянула мне листок, где мелкими буквами было написано «Правила пользования абонементом...» И еще несколько строк, вплоть до «вход с торца здания номер...»

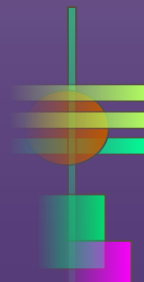
Девушка стучала по клавиатуре. Я пробежался по строчкам лениво, поставил фамилию, инициалы и подпись.

– У нас можно брать на дом до трех книг за один раз. На две недели. Если вы просрочили, то санкция в размере полтора рубля за каждую книгу в день. В библиотеке можно читать любое количество книг.

Она протянула мне карточку.

– Проверьте, все правильно? И если да, то распишитесь под фото.

В тот день я взял Флобера. «Мадам Бовари».

– А вы давно тут работаете? – буквально через несколько дней я спросил Олю. Тихо спросил, потому что плакат меня предупредил: «В библиотеке вполголоса!»

– Уже два года.

Она была в синем хлопковом костюме. Приталенном. Он ей так шел!

– И как вам работа? – я продолжил.

– Ах, если бы не зарплата, – ответила она почти шепотом. Улыбнулась. – Но, знаете, мне жаловаться грех. Ведь зарплата – это мелочи.

–...в прямом смысле этого слова!

Оля, хотя ей больше подходило Олюшка (видели бы вы ее милые черты лица), как сама призналась, без ума от книг. Она даже как-то по осени устроилась в книжный магазин консультантом. Но не учла одного: книги нельзя брать домой. И на работе, собственно, читать тоже нельзя. Это даже расстроило ее. Немного.

А потом получилось так, что место само нашло Олюшку. Случайно. Когда она зашла в библиотеку и увидела объявление: «Ищем библиотекаря». Думать было не о чем.

– А вы книги не пишете? – спросил я, подумав немного. – Мне кажется, вам есть, что сказать этому миру.

– Кому нужны мои мысли?

– Я бы с удовольствием прочитал их!

Щеки ее заалели. Но она ничего не ответила. И протянула мне Гомера. «Одиссея».

Той зимой моя жизнь состояла не только из походов на работу, отдыха, кино, но и... Из небольших диалогов с Олюшкой. Фактически они ни к чему не приводили, хотя с каждым разом я все лучше и лучше узнавал ее.

У меня появился стимул читать быстрее. Даже на работу носил книги, за обедом или в перерыве нет-нет да прочитаю с десяток страниц.

– А тут есть небольшие пометки карандашом, – Олюшка перелистывала «Гамлета» Шекспира и показывала мне. – Если не затруднит, сотрите ластиком их. А то за всем не уследишь.

– Непременно, – сказал я и улыбнулся ей.

Конечно, первым делом, когда я пришел домой в тот вечер, мне предстояло найти ластик в огромной коробке с карандашами. Вторым – сесть и скрупулезно оттереть жирные борозды грифеля. Прочитать их, запомнить что-то. Умно!

...и к последней странице книги мой ластик превратился в небольшой кусочек резины. Зато я гордо сказал Олюшке через два дня:

– Чисто! Будто только из типографии.

Она поблагодарила меня и принесла мне Пруста. «В сторону Свана».

В канун католического Рождества я забежал в библиотеку, чтобы взять несколько книг. Мне нужны были Ибсен «Кукольный дом» и Данте с его «Божественной комедией». Но я о них забыл сразу же!

За стойкой стояла полная женщина. Я остановился у двери. Думал, дождусь Олюшку. Но Раиса Ивановна, как позже я прочитал на ее бейдже, заметила меня и во весь голос спросила:

– Вам чего?

– А... Это... – я подошел к столу.

– Пруста сдавать будете? – она посмотрела на книгу, которую я держал.

– Буду...

– А что нужно?

– Аристотель «Поэтика» или «Риторика» и Фома Аквинский «Этика», если есть.

Женщина посмотрела на меня, как на сумасшедшего, и направилась к крайним стеллажам.

Долго искала. Но все-таки прокомментировала мой выбор позже:

– Странный у вас вкус, молодой человек. Эти книги годами стоят на полках. И никто их не читает.

А вы... Вам реально интересно?

Я не ответил. Расписался, положил в рюкзак. И уже уходя... Я хотел спросить про Олюшку. Но не стал. Терзало меня это потом <...>

К вечеру поднялась температура. Я заболел.

Две недели не выходил из дома, пролежал пластом. Новогодние каникулы. Да и еще захватил несколько рабочих дней. Пока не встал окончательно на ноги.

В библиотеку я пришел в последних числах января.

Меня встретила Олюшка. Она похорошела, была рада меня видеть. Наши взгляды пересеклись.

А я с улыбкой заявил сразу:

– Выписывайте мне штраф! – и положил две книги.

– В первый раз я могу вас простить.

– Это, конечно, великодушно с вашей стороны. Но нет.

Я заплатил. И попросил Андрея Белого «Петербург».

– До следующего раза, – я даже помахал ей рукой на прощание.

...а следующего раза не было.

В феврале были аномальные морозы. Но то ли четвертого, то ли пятого я собрался сдать книгу. Взять новую.

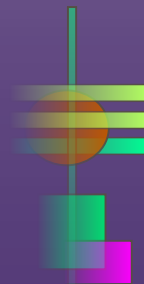
Меня встретила закрытая дверь и объявление: «7-8-9 февраля библиотека работает с 10 до 14 часов. Просьба сдать книги <...>»

Я вернулся седьмого. В полдень. Увидел рабочих, которые выносили из здания коробки с книгами и грузили их в «Перевозчик». Я зашел в библиотеку. Вокруг – пустые полки, столы сложены друг на друга, стулья. Голые стены. Каталоги свалены в углу.

Директриса Раиса Ивановна окликнула меня:

– Эй... Мы закрыты. Если книги сдать – пожалуйста. Новых не выдаем.

– Как закрыты? Что происходит? – я не понимал.

– Нас расформировали.

– Как?

– Приказом. Вот так!

Она показала мне копию документа

– А где Олюшка? То есть Оля, – вырвалось у меня.

– Она больше тут не работает, молодой человек.

Я осекся. Протянул книгу. Посмотрел на женщину и выдавил из себя. Подумал – будь, что будет!

– А где теперь она?

– Пятая городская. Ее, кажется, туда перевели.

Уже в машине я ввел в поисковике «пятая городская библиотека». На другом конце города оказалась. Надавил педаль. И успел лишь к закрытию: простоял в пробке почти полтора часа.

Я залетел внутрь здания. Не сразу сообразил, в какую дверь нужно войти. Сначала в первую. Потом – еще несколько. И лишь в конце коридора, в читальном зале, я увидел Олюшку за столом.

Она что-то записывала в тетрадь.

– Здравствуйте. Я бы хотел записаться в библиотеку, – произнес я живо.

Она подняла взгляд и улыбнулась. В глазах радость. Что-то светлое и до боли мне знакомое.

– Ознакомьтесь с правилами, – все так же тихо, полупрошепотом говорила она.

– Я их и так знаю.

Как тепло! Как свежо! И радостно.

Вернулся домой с Джойсом. «Улисс».

Наши небольшие диалоги с Олюшкой завершились седьмого февраля. Потому что тем вечером я дождался ее после рабочего дня. Мы поехали в уютное место под названием «Эспрессо 2.0».

Пили сладкий кофе. И говорили о книгах. Долго. И не вполголоса.

А за книгами я теперь не езжу. Олюшка сама приносит их домой.

Литкритика

Читайте на странице 307

Побег от дьяволов Кармадона

глава из романа «Голоса Кармадона» – вольная интерпретация известных событий

К нынешним съёмкам Бобров готовился тщательно. Знал, что либо это будет победа, либо полное поражение. Сниматься не хотел в принципе – собственное существование в кадре казалось фальшивым. Но отец – видный кинорежиссёр уговорил его не зарывать талант в землю. «Ты можешь оставаться автором сценария, режиссером и одновременно играть одну из ролей». «То есть как кофе в пакетике – три в одном?». «Ты взялся за серьёзное кино, – продолжал невозмутимо отец. «Философско-мистическая притча о жизни двух друзей. Романтики, путешественники, авантюристы... Прекрасно! На таких всегда клюёт зритель. Только прошу, убери мистику, если не хочешь испортить картину».

«Вы собираетесь снимать «другое кино»? – выпрашивали в тот же день у Сергея корреспонденты. «Ваш отец...». «Я его уважаю и очень люблю, но у меня собственный взгляд на вещи и да – я не артист, так что эта роль, надеюсь, последняя».

– Серёжа, идёшь? – поторапливала его кудрявая девушка с выразительным, очень красивым лицом. Она никогда не носила платья, предпочитая недорогую одежду из секонд-хенда. Возможно, поэтому её не воспринимали всерьёз, называя шутливо Хлопушкой. Собственно, работа у неё состояла в том, чтобы щёлкать нехитрым крокодилоподобным приспособлением и называть номер дубля. По совместительству она выполняла мелкие поручения, вроде «подай-принеси».

Бобров, поглощённый размышлениями о фильме, отце и дотошных корреспондентах, не реагировал на вопросы, стараясь выйти на связь с любимой женой, Оксаной. Телефон, похожий на военную рацию, работал с переменным успехом и напрашивался на то, чтобы его сбросили с какой-нибудь верхотуры.

– Все ждут только тебя.

– На самом деле, нас троих, – поправил Хлопушку один из техников, вынося чемоданы и делая знак начальнику, что всё, хотя и с запозданием, выполнено.

По прибытии на место съёмок решили сделать несколько кадров со склонов, где ютились жилища местных жителей. Кинематографисты, не привыкшие к перепадам температуры, давления и ощутимым физическим нагрузкам, то и дело останавливались и бросали баулы с техникой на каменистые проплешины гор. Бобров в такие минуты кругами ходил вокруг измотанного персонала и поглядывал на окрестности, одобрительно кивая в такт музыкальным аранжировкам для фильма, беспрестанно крутившимся в миниатюрных наушниках. Кармадонское ущелье выглядело даже лучше, чем ему обещали. Нетронутая человеком земля завораживала живописными долинами, горбатыми сопками и целебными водами.

Набредая на тугие струи, мощные, как сжатый кулак, и холодные, будто замороженная сталь, группа пила из них жадно, не в силах оторваться.

– Смотри, ещё один ключ, – обрадовано воскликнул тучный мужчина и, удивительно быстро перебирая ногами, направился к крохотному фонтанчику.

– Тебе, Василий, везёт, идёшь почти налегке, – заметил Бобров.

На восхождение помимо него отправилось четверо: второй режиссер Сергей Лыков, оператор-постановщик Петр Ильин, директор картины Василий Денисов и незаменимая тихоня – Хлопушка. От навязчивого омовского сопровождения отказались, хотя это было непросто.

– Вечно путаются под ногами, – сетовал Ильин.

– В горах всякое может случиться, – нагнетала страху Хлопушка. – Люди бесследно исчезают или их находят, но уже мёртвыми...

– Молчи, женщина! Накаркаешь ещё! – прикрикнул на неё толстяк. По его грозному виду нетрудно было догадаться, что всё его недовольство – лишь ширма, камуфляж, за которым прятался пугливый и всем недовольный человек.

– Ты с ней помягче, – попросил Бобров, с двойным усердием закручивая колпачок фляжки.

– А что я такого сказал? – удивился Денисов.

– Не слова приносят беду, а направленная, как остриё ножа, мысль. Ты на неё посмотрел – будто проклял. Что до сопровождения, – Бобров повернулся к Ильину, – ты забываешь о технике безопасности, об элементарных вещах, которыми полны горы. Не хочу читать лекцию – не для того

Максим
Жуков

собрались, но запомните – горы не прощают ошибок.

– Это каких же? – удивился директор.

– Да хотя бы того, что мы не взяли воды, – режиссёр потряс только что наполненной фляжкой и, подхватив увесистую сумку, отправился к облюбованной точке на гребне холма.

Перед ними развернулась эпохальная картина ярко-зелёного ущелья с еле заметной дорогой внизу, где рысцой бегали кони и суетились киношники. Гаишники и омововцы бродили вокруг – благо твердь прогулкам способствовала. А вот наверху скудная растительность, щедро разбавленная булыжниками, мешала уверенно стоять на ногах. Боброву приходилось продвигаться небольшими шажками и следить за тем, чтобы не сорваться вниз, прямиком к Потапову. Его машина, пугая четвероногих скакунов, остановилась возле артистов конного театра. Поторапливая коллег, то и дело хлебавших воду из мини-бутылочек, Потапов сыпал указаниями или советами – разобрать его речь не представлялось возможным.

– Всю дорогу спал пьяный в автобусе, чуть нас под штраф не подвёл, а теперь, смотрите, ожил – бегаёт, как заведённый. Чего он там паникует? Потап! – голос Боброва, непривычно громкий и раскатистый, разнёсся над ущельем и некоторое время висел над их головами, точно пришипленный к облакам.

– Не слышит он тебя, – буркнул Лыков и вонзил в каменистое крошево видеокамеру, – давай снимать, пока погода потворствует.

Работа шла тяжело. Небо укрылось серыми тучами. Так что когда спустились, успели отснять всего одну сцену, где из армии в аул возвращался Ильдар – тот самый голосистый актёр в нарядной форме, в орденах и медалях. Сцена вызвала у директора тёплые чувства. В знак примирения он предложил Ильдару потаповского коньячку, но тот наотрез отказался, с трудом сдерживая рвотные рефлексы от сырого мяса змеи, которое по своей же инициативе отведал, придерживаясь сценария. Как назло его ещё и искусала собака, так что настроение у Ильдара было подпорчено, что впрочем, не мешало ему выглядеть доброжелательным.

– Как знаешь, – фыркнул директор картины и отправился к имениннику. Тот перебирал содержимое багажника, бережно укутывая глиняные бутылки в промасленное одеяло, словно реликвии.

Фото из Интернета

– На всех хватит! – заверял поддатый актёр, демонстрируя запасы спиртного. – Ну что, я – к себе, всё подготовлю?

– Погодь!

Потапов, заметив суровое лицо директора, захлопнул багажник. Улыбку как ветром сдуло.

– Я просто хвастался.

– И шут с ним! Всё равно съёмкам – конец. С тобой двинем. И Хлопушку бери. У неё что-то с ногой. Кажется, подвернула.

Где-то в горах прогремел выстрел. Чёрные кудряшки выпали из-под вязаной шапочки Хлопушки. Она обернулась к директору с немым вопросом: «Что это было?» Денисов, пожав плечами, открыл для неё дверь. Спустился взглядом до отворота пальто, когда она садилась в машину. Из-под него выглядывал несуразный мужской свитер. «Ты его у кого одолжила? – хотел схохмить развязный после выпитого мужчина, но промолчал, встретив грозный взгляд Сергея Боброва.

– Поехали, – скомандовал зло Денисов.

Первые машины, большие и неповоротливые, тронулись с места незадолго до первых капель дождя, принесённых резкими порывами ветра. Следом за ними увязался автобус, с которого Бобров прыгнул в последний момент, увидев, как из багажного отделения лыковского джипа высыпается съёмочное оборудование.

– Помощь нужна, командир?

Сергей Лыков – рослый, немного сутулый крепыш с привычкой прятать сигарету в кулак и при этом сворачиваться над ней, как эмбрион, встретился Боброву на задворках Москвы, где кучковались брошенные и всеми забытые ветераны афганской войны. Он угодил в отряд спецназа, который занимался поисками и ликвидацией караванов с оружием. «Однажды нам удалось задержать караван численностью более ста верблюжьих голов. К животным были приторочены зенитные горные установки, минометы и реактивные снаряды, – вспоминал как-то он, нервно туша сигарету, – до сих пор некоторые участники тех событий считают операцию чистой воды авантюрой. Бой длился почти восемь часов. На вопрос «страшно ли было» признаюсь, – из кабины машины войны не видно. Только слышен рев мотора и пули, что щекочат доспехи, развешенные на броне. А вот когда выходишь наружу и топчешь чужую песчаную землю с риском подорваться на минах – ловушках, при каждом шорохе залегаешь пластом, прячась за камни, разбиваемые врагом из крупнокалиберных орудий, осознаешь, что живыми вернуться не все». Проработав какое-то время у Боброва начальником безопасности, Лыков бесследно исчез. Но через год появился – счастливый, в компании молоденькой девушки. В руках он теребил «корочки» театрального вуза. «Не знал, что ты обучался крутить кинокамерой», – удивился при встрече Бобров. «А ты думал, я только головы мастер откручивать?» – ухмыльнулся Лыков, сторонясь своей пассии – видимо, чтобы не напугать армейскими подвигами. «Возьмёшь меня снова к себе? Только на этот раз режиссёром?» У Лыкова отлично получались военные кадры, так что они быстро сработались.

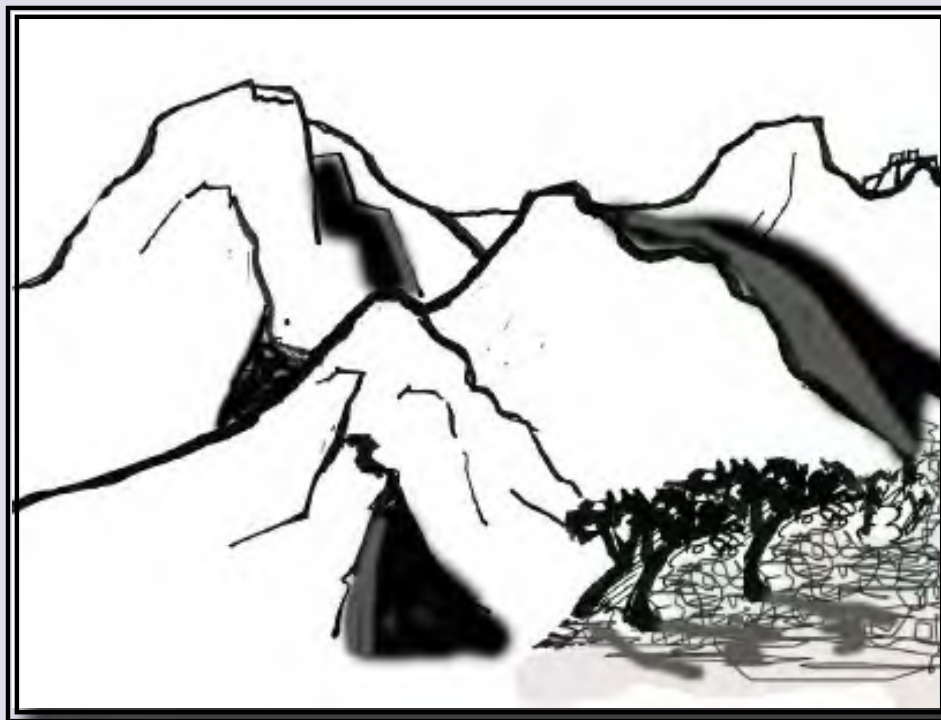

Рис. Татьяны Андреевой

– По пути в Кармадонское ущелье ты обмолвился, что хотел посетить Ханкалу. Это как-то связано со сбитым в августе Ми-26? – спросил, помогая с пожитками, Бобров.

Лицо командира окрасилось красным. Багряный рубец, исчезающий за воротом куртки, поразительно напомнил ту самую молнию, что расколола небо над женской колонией.

– В Чечне служат ребята из моего отделения – те, кто уцелел в Афганистане. Когда я узнал о сбитой вертушке, сразу смекнул, что в ней могли оказаться мои боевые товарищи.

– Неужели им одной войны не хватило?

Тяжёлый взгляд обжёг Боброва.

Разговор потонул в оглушительном грохоте. Словно гигантский спрут, он охватил ущелье со стороны ледника Колка и двинулся к ним, сдавливая перепонки, будоража сознание, что отказывалось верить в происходящее. Лыков, грубо запихнув водителя в кабину, приказал запускать двигатель. Машина, тряся боками, с пробуксовкой тронулась с места. Второй режиссёр раньше

других сообразил, что их жизни угрожает смертельная опасность. Техники, словно полевые манекены с ногами, вросшими в камень и руками – ветками таращились на источник шума. Работа их встала. Коробки, ящики, прожектора, лестницы остались лежать на закруглённом грязно-сером участке земли. Пятак с заходом солнца окончательно потерял краски, потух, как прожектор под ногами одного из «манекенов».

«Это война? Испытания? Река, слышится шум воды», – говорили они, перебивая друг друга. Бобров, вовремя нагнав джип, влетел внутрь, едва не попав под колёса, и сразу же повалился на двоящее пассажирское сидение. Лыков пизанской башней высился над водителем и что-то ему объяснял, тот отмахивался и орал, как резанный. Транспорт нещадно трясло и раскачивало, так что Боброва подкидывало под самую крышу. «Пизанская башня», наполучав тумачков, опасно накренилась, но всё ещё продолжала стоять, заваленная со всех сторон железками, чемоданами и коробками. «За борт всё лишнее», – горячился Бобров, изображая из себя экскаватор. Мимо галопом промчались кони, едва не наскочив на капот – комя грязы полетели в лобовое стекло, горячее ржание можно было почувствовать на расстоянии. Последним выскочил поджарый рысак с полуживым Ильдаром. Мужчину кидало из стороны в сторону. От ужаса и боли он вопил, не в силах освободиться от поводьев.

– Ильдар! – выкрикнул, едва не вылетев из машины, Бобров.

– Не ори, догоним, – пообещал водитель, активно орудуя ручкой переключения передач в виде черепа.

Но когда они прибавили газу, рысак взял в сторону штольни, куда бежало пятеро кинематографистов. Встав на дыбы, конь уперся в крутой каменистый подъём. Ильдар мешком повалился на землю. Киношники, что бежали к укрытию, остановились.

– Захотели спасти его, дурни! – сокрушался водитель, круто выворачивая баранку. – Эти пещеры не имеют выхода наружу. Дохлый номер там прятаться. Но с другой стороны...

– Даже не думай! К воротам рули, к туннелю! – почти рычал Лыков, реагируя на малейший крен их четырёхколёсной посуды, – правее давай! Осторожнее! Смотри, сейчас врежемся!

Гружёный под завязку автобус, подчиняясь неведомой силе, вдруг встал на дыбы и перевернулся, преградив им дорогу.

«Это конец» – только и успел подумать Бобров.

Рис. Татьяны Андреевой

Литкритика

Читайте на странице 316

Преодоление миражей

Рис. Татьяны Андреевой

Динозавры

Юре было девять лет, но он мало что понимал про себя. Разве что носил внутри чужие, брошенные в него фразы, осторожно, слово в слово. И потому он знал, что нравом пошёл в отца, хотя ни разу его не видел. Знал ещё, что глупее многих других детей и что шутки у него несмешные. И достаточно было этих скудных штрихов, чтобы мнение о себе Юра имел весьма жалкое.

Из того малого, что он понимал про себя, было его очарование Катей. Оно возникло не вчера, но Юра, сидя на уроке математики, только-только поймал его, когда солнечный луч, игравший бликами с Катиной партой и рукой, невольно увлёк его взгляд. Её пушистые волосы, почему-то не в хвосте как обычно, а распущенные, лежали на спине, а сквозь их путаницу едва мелькала кофта нежно розового цвета. И своё чувство Юра скрывал, как скрывал и всё другое, что мучило или волновало его.

Жили Юра с мамой в трёхэтажном панельном доме, на самой окраине крошечного города, где через дорогу уже начиналась деревня. В этой деревне у них было огорожено четыре сотки земли под грядки и железный сарай с курами и недавно купленной коровой, – без избы, без сторожки. Мама называла её второй работой, и Юру туда брала редко – чтобы не мешал. И вечера он проводил на улице с другом Артуром или в одиночестве на скамейке у подъезда. Ему разрешали играть и на детской площадке во дворе, но без Артура он не шел – дичился незнакомых ребят.

И в этот майский день Юра сидел на скамейке и наблюдал закат. Иной раз ему было приятнее находиться здесь, в тишине, одному, чем общаться с кем-либо. К тому же вечернее небо притягивало его, словно пытаясь шепнуть что-то важное. И его яркие, нежные волны подсказывали Катино имя. Они – закат и Катя – были одного рода-племени и берегли одну тайну на двоих. Её розовая кофточка была сшита из лоскутков заката, а солнце родилось из её волос. Вместе они были далёкими-далёкими и прекрасными-прекрасными. И ему никогда запросто не дотронуться было ни до Кати, ни до заката.

– Юрка, домой иди! – прокричала мама из окна. И Юра пошёл.

Мама встретила его на пороге.

– Завтра корову загонишь, я не смогу. Я работницу заменяю, – сказала она, как обычно сурово. – Слышишь?

Она была в том же, в чём утром вышла на работу: в шершавой длинной юбке и тёплой кофте болотистого цвета. В это время года она два раза за день бывала на даче: в шесть утра доила и выгоняла корову, а в семь вечера забирала её у пастуха и доила повторно. Одевшись утром перед дачей, она в той же одежде шла на работу. А вернувшись с завода, надевала тапки и принималась готовить обед. К вечеру – снова на дачу, с дачи – на точку продавать молоко. И лишь перед сном переодевалась.

Юра слышал, но не понимал, что конкретно ему нужно будет сделать. Он смотрел на мамину короткую стрижку, будто мальчишескую, но отросшую, с жидкими волосами. Особенно из-за этой стрижки он стыдился её. И из-за молока, которое она продавала в изношенных пластмассовых бутылках по вечерам около центрального магазина. И ещё потому, что на школьных праздниках она стеснялась учительницу и чужих стройных мам с тонкими браслетами на руках, и от того болтала без умолку и ещё громче смеялась. А дома, с Юрой, снова становилась прежней – важной и молчаливой.

Утром мама зашла в Юрину комнату и, положив большой ключ от сарая на стол, напонила, что в семь вечера на пустыре у дачи будет ждать стадо. Юра, разлепляя глаза и понимая, что больше возможности не будет, всё же осмелился спросить напоследок:

– А как загонять-то?

– Как-как? – удивилась мама. – Что, не видел, как я два месяца корову загоняла что ли?

Юра не раз видел, как мама загоняла корову, но в деле не участвовал, да и не интересовался им, а только ошивался поблизости.

– Видел, – сказал Юра, опустив взгляд.

– И что тебе непонятно?

– Всё понятно.

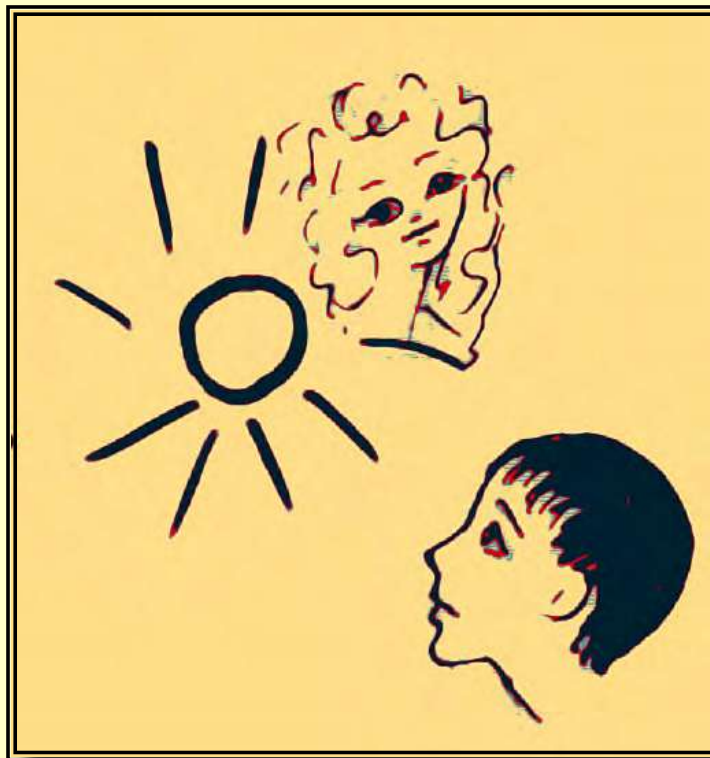
– Ничего, взрослый уже, с собаками грязными не боишься вошкаться, а с коровой и подавно справишься, она сама за тобой пойдёт.

Алёна
Белоусенко

После школы Юра с Артуром пошли на пруд, забежав по дороге к Юре домой за стеклянной банкой для тритонов. Юра надеялся, что друг согласится пойти с ним и на дачу, но Артур сказал, что бабушка просила вернуться пораньше. Юра понимал, что это неправда, но не решался об этом думать.

Тритонов к Артуру домой приносить было нельзя, и сразу от пруда Юра с банкой направился к пустырю. Он спросил у прохожего время, тот ответил «полседьмого». И хмуро стало на душе, что успевает, что, позабыв о времени, не загуляли с Артуром случайно допоздна. Нарочно не исполнить поручение Юра не мог, а случайно забыть о нём ему бы хотелось.

На пустыре уже стояло небольшое стадо, коров десять, и сновали повсюду мошки. Коровы походили на динозавров: сильных, древних и непредсказуемых. Они не смотрели на Юру, но ему казалось, сделай он лишний шаг – побегут на него и потопчут, будто в танце. Он поставил банку на траву, огляделся – пастуха не было видно. Его бросило в пот – никто ему теперь не поможет. Даже если найдёт Звёздочку, то не сможет отвести её в сарай. Не может быть, чтобы динозавр слушался мальчика. Как не может быть, чтобы его, Юрина, мать слышала его.

Но даже найти её было невозможно: все коровы кроме одной, бурой, походили друг на друга и на саму Звёздочку, как он её сам смог запомнить. Все – белые с чёрными пятнами. Правда, знал Юра, что у их коровы на лбу треугольное пятно было. Но коровы все лбами к нему не поворачивались, а подходить и обглядывать каждую – было страшно. Чтобы сделать хоть что-то для поиска, он кругом обошёл стадо. И, удача! – на противоположной стороне, с краю, стоит корова с пятном. Правда, пятно не совсем и треугольное.

«Звёздочка», – позвал он вполголоса, смотря прямо в глаза. И, удерживая на ней взгляд, словно зовя за собой, отошёл на три шага, ожидая, что та пойдёт вслед. Корова не двигалась, только судорожно вздрагивала её бока, и метался хвост влево-вправо. Юра стоял, ожидая непонятно чего. Вдруг взгляд его ухватился за мелькнувшее в центре стада пятно – там, наклонив голову к земле, стояла ещё одна Звёздочка. Слышно было, как от натуги трава под её толстыми губами разрывалась и потом вымешивалась крупными челюстями. Подойти к ней означало обречь себя на смерть от первобытного танца природы. Юра замер, растворившись в мягких звуках деревенской тиши. Он всерьёз выбирал между смертью и маминым недовольством. Через пару минут он решился идти домой.

Было около восьми, когда послышались движения ключа в замочной скважине. Юра притих в своей комнате. Дверь открылась, на пол поставили пакет с продуктами.

– Юркаа, ты дома?

– Да, – сказал Юра негромко и, поняв, что мама не услышала, протянул: – Туут.

– Корову загнал? – спросила мама, зайдя в комнату.

– Да, – старался он смотреть ей прямо в глаза.

– Молодец. Я тебе апельсинов купила. Сейчас картошку пожарю и пойду доить.

Юра и боялся, что она ещё спросит: «Не забыл ли закрыть сарай?» или «Не потоптала ли корова цветы у калитки?», – и хотел этого всей своей трепещущей душой. Тогда неизбежное наказание придёт сейчас, и его не нужно будет ждать, как дикого зверя из леса, чьи шаги уже слышны. Но мама больше ничего не спросила. Она закрыла за собой дверь и пошла на кухню. Юра прислушивался к тому, как шипело и трескалось масло на сковородке, и этот привычный ласковый звук сейчас утяжелял его тоску.

Он покинул комнату, только когда все звуки затихли. На кухне, в тарелке для супа, лежали четыре дольки апельсина. Юра вздохнул. Он ощущал себя самозванцем, который заполучил сладость, принадлежащую другому, хорошему мальчику. И эта сладость не радовала. Съест дольку и шепчет: «Господи, хоть бы корова не ушла никуда с пустыря, а ещё лучше – подошла к сараю, тогда точно ругать не будут».

Но всё же он готовился к наказанию – память сама подкидывала ему сцены.

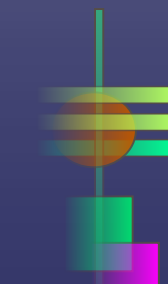
«Врёшь, паразит?» – сказал он сам себе тихо, повторяя знакомую фразу. Юра втянул голову в плечи, представляя, как в очередной раз получит поварёшкой по голове.

«Весь в отца!» – будто вслед отозвалось где-то рядом маминым голосом.

А в прошлом триместре, когда Юра исправил двойку по математике в дневнике на четвёрку, мама сказала: «Отдам тебя отцу, чтобы он сам свою подлюю породу выращивал». Юра обрадовался тогда. Вообразил, как незнакомый ему ещё папа будет играть с ним в футбол и покупать мороженое. Всё как в фильмах. Может, именно сегодня мама соберёт его вещи, и папа впервые приедет за ним.

Вскоре Юру захватила игра с апельсиновыми шкурками-лодками, плывущими по столу через моря к отцу, как захватывает сон плачущего ребёнка. И когда заскрежетала замочная скважина, он еле успел перебежать в свою комнату незамеченным. Мама поставила ведро с молоком на пол, разулась, снова взялась за скрипящую ручку ведра, зашла на кухню. Звуки прекратились.

Юра раскрыл перед собой учебник русского языка и сел, весь превратившись в слух. Шорохи, стуки, голоса рождались в его голове, как призраки в тёмной комнате.

Так прошло около получаса. Юра бесшумно вышел в туалет. Действительно, в квартире стояла полная тишина. На кухню он направился уже уверенный, что мамы дома нет, и вздрогнул, увидев её прямо перед собой, сидящей на табуретке. Правый локоть лежал на столе, глаза закрыты ладонью. Будто статуя.

– Ну что, погонял меня по деревне? – сказала она, вытягивая каждое слово, и медленно подняла козырьком ладонь. Глаза её были измученные. Корова не пришла к сараю, а по старой памяти направилась к своей прежней хозяйке, бабе Маше, у которой была куплена несколько месяцев назад.

Юрины губы улыбались. Он старался их сдерживать, но они вновь расплывались как у полоумного. В ответ на его улыбку мамыны глаза щелкнули злостью. Она встала, подошла к раковине, включила воду и принялась мыть посуду, не глядя на Юру. Он уже не улыбался. Он дрожал. Мама повернулась к шкафу с посудой, и взгляд её голубых глаз проскользнул по сыну так же, как по рядом стоящей плите. Она расставила тарелки и вышла из кухни, задев в проёме Юру.

Он знал, что поступил плохо. Особенно эти купленные мамой апельсины никак не могли выйти у него из головы. Как будто из-за них он был прежде всего виноват. Но хуже было то, что даже на утро мама с ним так и не заговорила. Не заговорила и днём, хотя у неё был выходной. И не нарушая молчания, вечером ушла на точку продавать молоко. Оставшись один на один с мамыным домом, таким же враждебным, как и она, Юра затосковал. Дом молча выгонял его, и он послушался его. Но дальше скамейки не ушёл. И только там он вспомнил про оставленных тритонов на пустыре – теперь их точно собаки съели. Хоть и не корова, но всё-таки что-то про-

пало, утерялось.

По тротуару тем временем проходили женщина с девочкой.

– Кать, смотри, это Юра что ли? – женщина в белых брюках дотронулась до плеча девочки и возпросительно посмотрела на Юру.

Юра на минуту подумал, что они пришли к нему в гости.

– Привет, – сказала ему Катя.

– Ты чего здесь так поздно один сидишь? Не замерзнешь? – не дав ему в ответ поздороваться, спросила Катина мама.

– Неет, я тут, около дома, – показал Юра рукой на свой балкон.

– А, ну хорошо тогда. Дочь, поделись конфетами с Юрой, – сказала она, бросив взгляд на пакет в Катиной руке.

Катина мама смотрела на Юрины литые шлепанцы, надетые поверх носков, ворот футболки, вытянутый треугольником и спортивные мягкие брючки с катышками по бокам. Она предугадывала по его глазам, что достаточно двух тёплых слов, и этот детёныш, не раздумывая, схватит крепко-крепко твои пальцы и, быстро-быстро перебирая ножками, пойдёт с тобой.

Этого всего Юра не знал о себе. Он разглядывал конфеты, которые насыпала ему Катя по маминой просьбе: золотые узоры блестели на чёрных обёртках. И только сейчас он понял, что это Катина мама берегла с небом одну тайну на двоих, а после просто поделилась ею с дочерью.

Юра сидел, почти не двигаясь, – закатное небо спустилось к нему и укутало его в своих объятиях. Катя с мамой превратились в две маленькие отдаляющиеся фигурки.

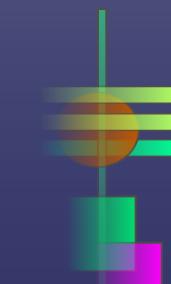

Миражи

1

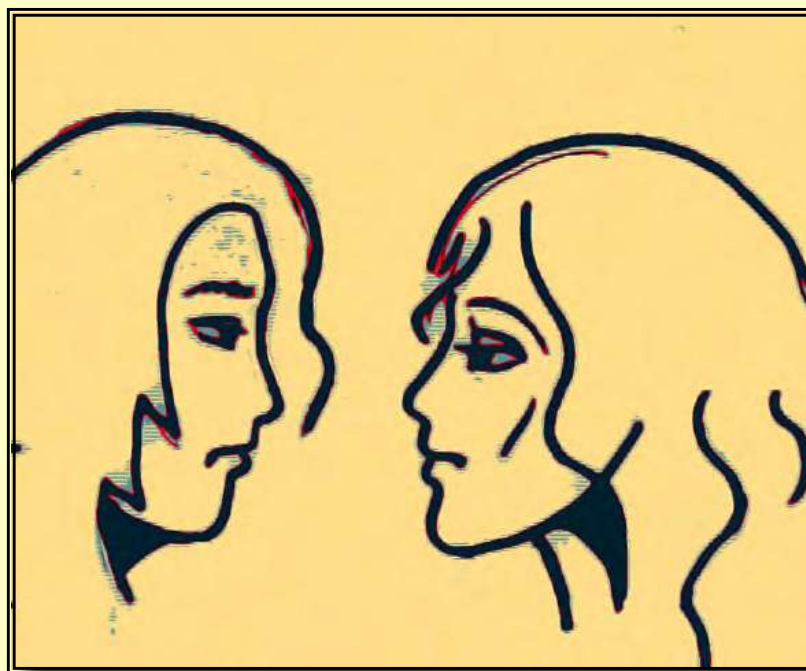
Как и многие в ту весну, я потеряла работу. Директор заставил уволиться половину сотрудников и, конечно, не выплатил никакого пособия. Тем, кто пришел качать права, он проревел, что и копейки не даст просто так. После унижительной перепалки меня затошнило, я забрала все увольнительные справки и побрела домой. Бухнулась на кровать и провалялась всю неделю с температурой на нервной почве. Тогда и задумала поехать к сестре – отлежаться в родном городке, пока пандемия не кончится. Заранее предупредить хозяйку квартиры не получилось. Повезло, что вернула депозит, хотя для этого пришлось запугать её налоговой. После осмотра квартиры она достала из кошелька пачку денег и по одной купюре выложила на тумбочку. Напоследок пожелала больше со мной не встречаться. Не люблю театр, а театральщину не переносу. Поэтому ещё до того, как я добралась до Ярославского вокзала, мой стыд перерос в здоровое самоуважение – отстояла-таки свои кровные.

Если честно, я боялась не заражения, а безденежья, которое маячило в перспективе. Поэтому

решила не рисковать с поиском работы во время массовых сокращений – нормальную зарплату не найти, а вот аренду платить придется. А мне чуть-чуть оставалось накопить на ипотечный взнос. Я планировала устроиться на удалёнку в московскую фирму и какое-то время работать из дома сестры. В городке из родственников осталась только она и её сын. Родители несколько лет назад перебрались на юг и открыли ферму, потом хостел к ней пристроили. Вирус в первую очередь задушил их бизнес. Поэтому помощь я могла ждать только от сестры. Обсуждать оплату с ней долго не пришлось, сошлись на том, что я на свои покупаю продукты и готовлю обеды. От денег она отказалась.

Заражённых на наш городок набиралось всего ничего – человек двадцать. Это по статистике, конечно. Тем не менее, в первую неделю самоизоляции бары и торговые центры, как и в Москве, были закрыты. Немного погодя их открыли снова. Контроль на въезде в город оставили. Местные машины пропускали, а чужие тормозили и проверяли температуру. С высокой разворачивали обратно. При этом поезда ходили по старому расписанию, и никого из приезжих не останавливали. Так я и попала в город. Надо сказать, он лучше не стал за два года моего отсутствия. Двадцать минут пешего пути я проехала на такси почти за пятнадцать, собирая с водителем каждую выбоину.

Со мной были все мои пожитки. Ксюша – так зовут мою сестру – спустилась, чтобы помочь их занести. Увидев её, я перепугалась. К моей наивности, я ожидала увидеть её конфеткой – в сравнении с фотками в инстаграме она выглядела болезненно и потрёпано. Это не выходило у меня из головы, пока мы поднимались.

В лифте Ксюша без стеснения обсматривала меня и чему-то улыбалась. Поняв, что я не поведусь на провокацию, она, наконец, сказала:

– Что это за мешок от картошки на тебе?

– Это лён. Очень хорошая ткань для тёплой погоды.

– Это у вас в Москве мода на мешки?

– А у вас на полиэстер?

Она протянула своё коронное «мда-а-а» и отвернулась.

– Я завтра к гадалке иду. Пойдешь со мной? – спросила Ксюша, как только захлопнула за нами входную дверь.

В девяностые все подсаживались на Кашпировского, а теперь, в пандемию, хватаются за местных шарлатанов.

– Я не верю в гадалок, – сказала я.

Но Ксюша не хотела идти одна и принялась меня обрабатывать.

– А вот и зря. Мне мать этой гадалки чирии вывела. Ты наверно не помнишь? Мне лет семь было, а тебе девять получается.

– Как она вывела-то?

– Монетой по телу водила. Так ещё надавливала на болячки, бр-р, – Ксюша передернулась. – Шептала что-то всё время. И через два дня чириев не было. По-любому глаз был. Но бабка та уже умерла.

– Ну, это же самовнушение, как с «арбидолом» или гомеопатией. Некоторым помогает.

– Да просто сходи со мной, если не хочешь гадать. В прихожей подождёшь. Ты что с сестрой прогуляться не можешь?

Она так умело скорчила гримасу, что пришлось согласиться.

Для моих вещей выделили одну полку в комод и три вешалки в шкафу. Мне хватило, но как-то взгрустнулось от этой компактности.

– О, что это такое? – Ксюша потянула из шкафа мою блузку и засмеялась – на ней висел ремешок, похожий на портупею. – Ты что, с блузкой это носишь? На работу?

– Она выглядит прилично. Проходит по плечам и вдоль талии.

Её смех было не остановить. Я пошла на кухню что-нибудь поесть. Нашла борщ и «альпен гольд». Пока я кушала, Ксюша померила ремешок и выпросила его завтра на работу.

– Шоколадку только мне оставь, а, – прибежала она. – Ну я, конечно, не знала, что ты такая извращенка.

– Сама же этот ремень завтра натянешь.

– Мне это для важного дела, Пашу обольстить.

– Это который пропал после первого свидания?

– Ну, допустим, пропал. Чё ты такая вредная вообще? Не так всё было. Он меня в кино водил, от собаки защищал. Я на него погадать хочу.

Ксюша указала взглядом на пустую вазу, стоящую в центре обеденного стола:

– Как думаешь, хорошая ваза?

На ней схематично были изображены ромашки. Однотонный фон. Краска на соцветиях с блёстками.

– Ну, простенькая.

– Паша подарил. После первого свидания, – передразнила она меня. – Как думаешь, сколько стоит?

– Меньше двух точно.

– Катя с работы сказала, что в фикспрайсе такие за триста рублей.

– Ну, она преуменьшила.

Мы доели шоколадку и легли смотреть телевизор. Через пару музыкальных клипов Ксюша засопела. Одно одеяло на двоих – значит, ночью будет прохладно. Лишний раз не повернешься, чтобы не разбудить. Хорошо, что в детстве у нас были отдельные комнаты. Обхватив двумя руками подушку, я считала, сколько денег и на что могу тратить, пока не устроюсь на работу. Кто примет сметчика по скайп-собеседованию? Мужика, что ли, щедрого найти? Противные они все. Да и больше отдашь, чем получишь.

2

Квартира у гадалки была трёшка, что удвоило мой скептицизм – неплохо она наварилась на дураках. Меня посадили в прихожей около трюмо на стульчик, специально поставленный для ожидающих и сопровождающих. Стульчик стоял у стенки, а в стенке торчала розетка, через которую всё было слышно.

– Я бы хотела на мужчину и на работу... Ну, как обычно.
«А я-то думала, она впервые после чириев в этой квартире». Гадалка зашептала что-то похожее на молитву. Из всех её слов я чётко расслышала только «аминь» в конце.
Зашуршали карты.

– Так. Вижу, что на работе проблемы.

– Да-да, точно.

– От коллектива негатив. Не помирились ещё с девчонками?

– Да это же гадюшник. Помнишь, я же тебе говорила, их бесит, что я худая... Мы когда снимаем куртки, со мной никто не идет. Пока укутанные в шубы были, всю зиму ходили вместе. Начинается период более открытый, всё – я иду с работы одна. Они просто ноги в руки и вперед – убегают.

«Что за бред», – подумала я, тёткам в её коллективе лет по сорок.

– А повышения не видно?

– Не вижу, Ксюш. Не в ближайшие месяцы.

– Жа-аль. А с мужчиной? – слышно было, что она заулыбалась.

– Как зовут?

– Да всё тот же. Паша.

– Покажи фото ещё раз.

Какое-то время Ксюша искала его фотки.

– Ох, я говорила, бесполезно с ним. Он ни рыба ни мясо. Ксюша заскулила, выпрашивая надежду.

– Давай так. Пригласи его в гости в ближайшие две недели. Если придёт, то сложится. Не придёт – забудь.

Ксюша вышла из комнаты. За ней Тамара.

– А подруга твоя не созрела? – слащаво посмотрела она на меня.

– Я и не собиралась.

– Не бойся. Никаких страшных ритуалов я не делаю. Работаю только со светлыми силами.

Ксюша начала подначивать и толкать меня в спину. Мне всё-таки было любопытно, поэтому я поддалась.

Тамара пригласила сесть за стол. На нём была расстелена тёмно-зелёная ткань, плотная, как у занавесок. По левую руку клиента – икона Божьей матери и лампадка. По правую – две коробки с колодами и одна маленькая с визитками.

– Вот, запиши себя и сегодняшнее число, – на столе появился журнал, похожий на школьный, с расчерченными полями. На раскрытой странице уже было несколько записей. Я внесла чужую фамилию.

Она снова прочла что-то похожее на молитву. И даже сидя с ней за одним столом, я всё равно расслышала только «аминь». Тамара взяла самую тонкую из колод и разложила все карты без остатка в несколько рядов.

– Вот, порча на тебе, – ткнула она пальцем на карту «Смерть». – Завистники твои. Её можно убрать, тебе нужно ко мне ещё три раза прийти, я ритуал проведу.

– Сколько стоит?

– Пятнадцать тысяч.

– Но ведь вы разложили всю колоду, там в любом случае выпала бы Смерть, – я старалась говорить дружелюбно. Она смотрела в ответ непроницаемым взглядом. И так продолжалось достаточно долго – Тамара не сподобилась хоть как-то выкрутиться! Просто приняла позу дерева.

– Пока нет таких денег. Я подумаю ещё, – наверно, мне стало жалко её, и я подыграла.

– Возьми визитку, – улыбнулась она.

Я положила на стол пятьсот рублей и молча вышла.

Ксюша, конечно, заметила что-то неладное между нами и слёту завела светскую беседу с Тамарой. Хотя можно было, попрощавшись, просто уйти.

– Как думаете, надолго у нас этот вирус?

– Ксюша, всё будет хорошо, – загадочно улыбнулась она, – был у нас и свиной, и птичий грипп, ничего, выжили.

«Всё-то она знает!» – меня распирало от злости, и я, не дожидаясь конца беседы, вышла в подъезд.

Через какое-то время спустилась и сестра. Я ей рассказала про эту порчу.

– Ой, слушай, ну ты и зануда. Думаешь всегда, что ты самая умная. Я тебе говорю, это работает. У меня у самой колода есть. А ты не хочешь – не верь.

Город мошенников и детей. Не удивлюсь, если эти мошенники сами как дети и верят в своё правое дело.

3

Мы разошлись с сестрой каждая при своём мнении. Она поехала на завод, а я пошла в ближайший супермаркет за продуктами. После этого сеанса меня всё раздражало: скрипучая тележка,

медленные тётки в проходе, некачественные продукты на прилавках. Приличное мясо здесь в магазинах найти невозможно. Как и торты, сыр и хлеб. Мама говорила, что на сто граммов сыра уходит литр молока. Поэтому килограмм не может стоить четыреста рублей. Вернее, может, если в этом килограмме нет сыра. Пластмассовый, неглубокого цвета лжесыр местной расфасовки, укутанный в пищевую пленку с лейблом магазина. Даже с деньгами здесь есть нечего. Разметок, предупреждающих о соблюдении дистанции, у касс тоже не было.

«Какая смешная пошлость!» – подумала я, увидев перед собой на кассовой ленте бутылку вина, коробку конфет и упаковку презервативов. Всё это покупал мужчина на вид лет тридцать с хвостиком. Колбасу купил бы – конфетами сыт не будешь.

Не успела я заложить в рукав для запекания курицу с картошкой, как домой влетела Ксюша:

– У нас девка в смене ковидом заболела. Всю смену на карантин отправили. Вот коза, всем ходила говорила, что у неё ОРВИ, тра-та-та, а у неё пневмония уже была! Заражать приходила. Капец теперь.

– Если тебе, то и мне. Но гадалка же нам болезни не прогнозировала? Значит всё норм, – мы посмеялись. В аптеку я всё же сходила и купила раствор «оки» для полоскания горла. Не понадобится сейчас – пригодится в сезон простуд. Ксюша на рынке взяла чеснока. Решили взять и бутылку вина, раз такая пляска.

Пока я разливала, сестра уже сидела и мерила температуру. Перед первым тостом не забыла сфоткать вино с бутерами, пока все целое и красивое. И опять вспомнила свою любимую тему. Паша, Паша, Паша...

– Как думаешь, если я в статусе поставлю, что на карантине, он напишет?

– Не напишет. Он уже сколько не пишет сам? Полгода?

– Ну а что со мной не так? Другой бы, не думая, воспользовался.

– С тобой не так – твои иллюзии. Может, недостаточно нравилась. Или реально влюблён в кого-то.

– А-а-а! Что мне делать? Он такой красивый.

Она полезла в телефон, чтобы показать его фото. Это оказался тот самый парень с джентельменским набором из магазина. Конечно, я ей об этом сказала. Конечно, она заплакала. Но я никак не ожидала, что её это не остановит:

– Ну, может это так, на одну ночь?

– А он приносил что-нибудь с собой, когда приходил на чай?

– Нет.

– А той-то бабе закупился. Вот и делай выводы.

– Это тебе нужно, чтобы кто-то платил, чтобы быть с тобой. По любви не можешь, поэтому и одна.

Хотя Ксюша зажевала последние слова, понимая, что перегнула, меня всё равно задело.

– А сама-то не в повара влюбилась, а в айтишника! Был бы он дворником, ты бы нос воротила. И эту квартиру тебе муж оставил, ты не отказалась.

– Он ребёнку нашему оставил.

– А ребёнок сейчас у бабушки. Ты им деньги какие-нибудь отсылаешь? У тебя работа есть, а они на одной картошке сидят.

– Всё. Отлично посидели, спасибо тебе, – Ксюша гордо ушла в комнату.

На этом наша пьянка закончилась.

Она легла спать, а я откликнулась на все удалённые вакансии для сметчиков (то есть всего на четыре). Слева от клавиатуры лежал чёрный бархатный мешочек с надписью «TAROT». Я спросила «найду ли я работу» и вытащила карту. На ней было изображено сердце, проколотое тремя мечами, и дождь. Через минуту поиска в Яндекске нашла описание. Карта, в целом, нехорошая и описывает страдания сердца от головы. Меня это расстроило, и неважно было, верила я в это или нет.

4.

Утром мы с сестрой не разговаривали, и она не притронулась к приготовленной мною каше – почти час висела с кем-то на телефоне, пока не позвонили в дверь. Это медсестра в белом защитном костюме пришла брать анализ. Передала Ксюше какие-то приспособления и объяснила, как самой взять мазок из горла.

– Вы тоже не болейте, – сказала ей Ксюша после процедуры.

– Да я уже всё, отстрелялась, – и неестественно засмеялась.

– И как?

– Больно, но ничё.

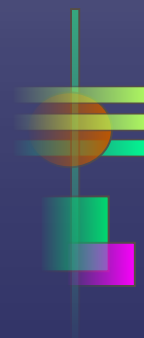
Я так и не поняла, отчего было больно. Медсестра ушла.

– Там каша стынет, пошли есть.

– Да, сейчас.

Так, за пару слов, мы помирились.

– Катка, прикинь, что говорит. Мэр наш съездил в Москву к любовнице, заразился там, а потом

поехал ветеранов поздравлять. Щёлкался с ними, обнимался. Фотки теперь по всей сети ходят. С температурой же приехал! Его-то вчера увезли на вертолете в эту же Москву. А у нас даже ивл нет.

– Кому нужны его поздравлялки? Деньги бы перечислил ветеранам. И не заразил бы как раз. Ксюша так и не села за стол. Взяла литровую банку с водой и подошла к горшкам на подоконнике.

– Я написала Паше вчера, – как будто между делом сказала она.

– Зачем?

– В гости приглашала. Написала, что на карантине, но не болею. А у него мама болеет, он не может прийти. Думаю, может, сходить к нему, поддержать?

– Ты дура что ли? Он к бабе какой-то вчера ходил, какая мама!

После этого уже стоило замолчать, чтобы не было потом стыдно.

– Ну как можно так жить? Верить всяким гадалкам, вранью последнему? Да как ты ещё жива осталась? Как на работу ходишь? Ва-а-бще больше не заикайся мне про него. Какой смысл тебе что-то говорить? – я и не заметила, что стучала кулаком по косяку. – Где вообще логика? У тебя работа, квартира, ребёнок, муж даже был, а в голове ве-тер.

Сестра отвернулась от горшков и ошарашенно посмотрела на меня. На её футболке во весь корпус серебристым бисером блестела звезда.

– Ты чего психуешь? И не буду больше заикайся. А ты просто завидуешь. Да, не только у таких умных, как ты, есть квартира. А мне может приятно влюбляться и страдать, хоть какой-то смысл в жизни появляется. Не то что у тебя.

Я смогла выдать «извини», но весь вечер мы всё равно провели в полнейшей тишине.

5.

Мало мы разговаривали и в оставшиеся дни карантина. А как он закончился, Ксюша вышла на работу, хотя результат теста так и не прислали. Тогда всё и закрутилось самым неожиданным образом. На заводе ей сказали, что у Паши умерла мать от вируса. Ксюша написала ему что-то и на следующий день пошла в гости, прихватив с собой оливье в контейнере. А через два дня осталась у него ночевать. А ещё через день я уехала в Москву, так как с удалённой ничего не вышло. Согласилась здесь на первую попавшуюся работу. В ипотеку, кстати, влезть удалось, и я тут же переехала в студию в новостройке. Электричка в пешей доступности, есть парк немаленький, фитнес-центр.

Ксюша один раз позвонила и сказала, что переезжает к Паше. Я шутя посоветовала много вещей не перевозить, чтобы не таскать обратно. Она обиделась, и с тех пор мы пока не разговаривали. В новостной ленте у меня всплывают её фотографии с букетами и ресторанными тарелками. Всё у них, конечно, не так сказочно, как они показывают. Да и у меня на душе сухота. Одно радует – можно укутаться одеялом, и никто его не стянет.

МОЙРЫ

Четверть часа мы едем в темноте по разбитой районной дороге. Вдоль нее, как несметная застывшая армия, поднимаются хвойные деревья, скрывающие от взгляда луга и горизонт. Мой старый отец сидит за рулем, а я пассажир. Он смотрит прямо, внимательно вглядываясь подслеповатыми глазами в призраки возможных аварий. И, как мне казалось, наверняка представляет свой путь отрезком от точки «А» до точки «Б». А я через боковое стекло ищу центр неба и знаю, что наши жизни движутся по кругу. Знаю: что сверху, то и внизу.

Вместо ковша и полярной звезды на меня смотрит Умка глуповатыми круглыми глазами, а снизу поддерживает его большая мама-медведица. А Солнце, ослепительно сверкающее сказочной рыбьей чешуей, до рассвета съедено, может быть, какой-то акулой. Другие созвездия мне не распознать, но я знаю, что Козерог находится южнее. Там по нему медленно проходит Плутон и подчистую сносит в моей мысленной карте шар-молотом то, что несколько лет косилось, рушилось, но стояло.

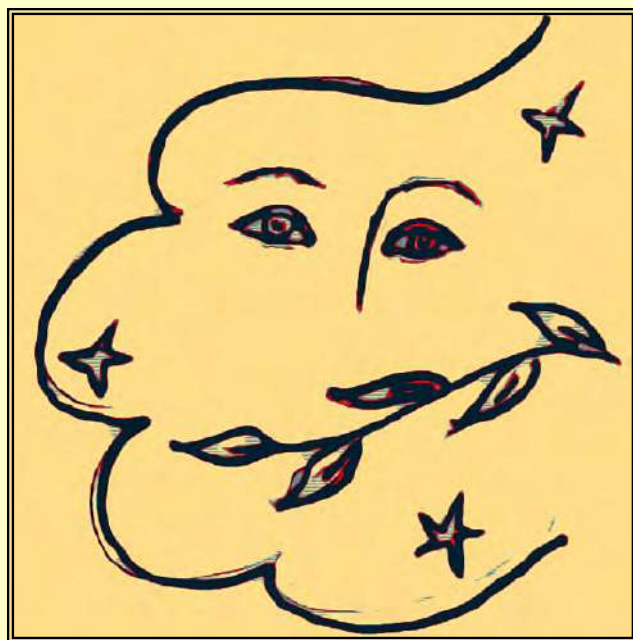
Со встречи кто-то в упор светит фарами. Отец выкрикивает ругательство и назло переключается на дальний. Едем уже гладко, свежие заплатки чернеют на пути. Вот бы он повеселел – поговорили бы по душам. Но лица таких ответственных в каждом деле мужчин если и проясняются, то лишь на короткое время. Как небо в Питере. Это еще с возрастом он смягчился, а раньше и дома не отдыхал, а как бы на посту стоял. Курение или выпивка наверняка бы смазали его скрипучие петли, но этих привычек за ним никогда не водилось.

– О, лось...

– Где? – пугается папа.

– На знаке – лось, проехали только что.

– Э, мужик один, с работы, давно это было, лося сбил. Нарочно сбил, хотя наказуемо ведь это, штрафы большие. А лось ему как дал копытами в машину, по радиатору. Вдрызг разбил облицовку и радиатор разбил. Вода вытекла, зима кругом. Если бы лето, так бы потихоньку подливал-подливал, на обочинах вода везде, доехал бы до дома, а так... Поедет, и застучит ведь там через двести метров двигатель. И он говорит, стою, смотрю на часы – рейсовый автобус должен проехать, тогда из Бежецка в Курган ходил. Ну, деваться некуда, идет автобус, я его останавливаю. И сказал водителю, так и так, заедь, предупреди егерей, но не забудь, что лось выскочил на дорогу, и я его случайно сбил. Приехали, говорит, егеря, и погрузили этого лося.

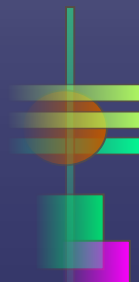
– Так лось умер?

– Да, конечно, добавил он его, чтобы тушу забрать. Смеялись мужики над ним: ну че, кусок-то тебе отрезали? Ниче не отрезали. Ну, понятно, так бы все сбивали. Хоть не наказали.

Смеется, глаза по-детски оживленно смотрят на пустую дорогу.

«Пап, я же все-таки к вам переезжаю. Ты про развод мой так ничего и не скажешь?» – «Хэх, ну что сказать, не ты первая, не ты последняя». – «И все?» – «Ты счастливо прожила эти годы?» – «Да». – «Вот. А у некоторых и этого не было, так что скажи спасибо».

Я открываю бардачок и засматриваюсь на ворох бумажек. Зря начала. Это он не на меня злится, а на маму, что жил с ней, не любя. Так кто же в этом виноват? Планеты ходят по кругу, заранее

сплетенному Мойрами, и слепо подчиняются его кружевам – одинаково равнодушно сегодня дарят, а завтра забирают. Наша жизнь определена слепой судьбой от «А» до «Я», но любовь от человеческой воли идет. А если нет, то горько все.

Счастливо ли я прожила эти годы? Может, и нет. Но сколько имела в себе хорошего, столько обратно и получила – что внутри, то и снаружи. Другой твое счастье не слепит. Тот день, три года назад, расписали Мойры – я без приглашения отправилась к нему в гости, а он без предупреждения поехал с букетом ко мне в общежитие. Удивительным образом разведя, судьба нас соединила. Мы ей слепо доверились и поженились. Детство друг друга выучили наизусть, а различия между собой замечать не хотели.

Он говорил, что есть только бог и дьявол, а звездочеты, разгадывающие круги Мойр, не могут относиться к богу, потому что бог дал человеку свободу выбора. И ушел ровно в оппозицию Нептуна к своему Меркурию, в любовной горячке оставив половину своих вещей. Он верил, что ни одна частичка его души не должна быть одинока.

– Гуси на юг полетели, – не переводя взгляда с прежней точки на лобовом стекле, как ни в чем не бывало говорит папа. Я смотрю в его стекло, но ничего не вижу. Наверно, вспоминал их дневной перелет.

– А как ты отличаешь, что это именно гуси летят?

– Ну-у, они курлычат. Я их сам близко на лугу один раз видел, в Бежецком районе, когда работал в Потесах. С ружьем притаился, они не подпустили, поднялись. Стая с полсотни, наверно.

Увожу взгляд на лесополосы справа, как он снова продолжает:

– Помню, пацаном был, у нас один год стая дикая была в подворье. Гуси прямо с нашего двора поднимались на крыло, и летели на речку, и с речки прилетали обратно. А когда дикие гуси полетели, наши как бы на них заглядывать начали, и батя им всем крылышки маховые пообрезал.

Чтобы не улетели с дикими. А то до речки-то долетали. Какие-то попались с атавизмом. Может, от предков что-то осталось.

Отвернувшись к своему окну, я засыпаю – что мне за дело до лосей и гусей. Но гусям есть до меня дело, раз прилетели в мой сон. Я нахожусь в открытом космосе и вижу, как горит Солнце, а Земля ему то лоб свой, то подбородок подставляет. Вокруг Земли гуси летят и вместе с отражением пожара то поднимаются, то спускаются – как за светом гонятся. Земля тянется рельефом к птицам, желает дотронуться, но не может разогнаться шире положенной ей окружности. Я подлетаю, чтобы разглядеть гусей поближе, а глаза у них у всех человеческие, да более того, точь-в-точь как у бывшего мужа. И вот я уже не я, а сама круглая грузная Земля, и одновременно кручусь под пингуинами в Антарктике и под пирамидами в Египте. Но гуси все летят вокруг меня и никак не могут приземлиться.

Отрезает ото сна резким торможением и папиным чертыханием.

– Что?

Он тут же выскакивает из машины, не объясняя, что за черт заставил его остановиться. Пока я сама не вышла и не увидела тощую, как кошку, с несоразмерно длинными лапами, подбитую лису в двух метрах от передних колес.

– Ох, черт, – повторил он еще раз. Слеза заблестела и застыла на его щеке – от страха, а может, и от усталости глаз. Солдат в нем сгорбился, и лицо осунулось точно выпитое одной этой слезой.

– Будем убирать? Мало ли что. У меня пакет есть, к обочине дотащим.

Отец кивает. Придется открыть мой чемодан в багажнике и вывернуть всю одежду из пакетов.

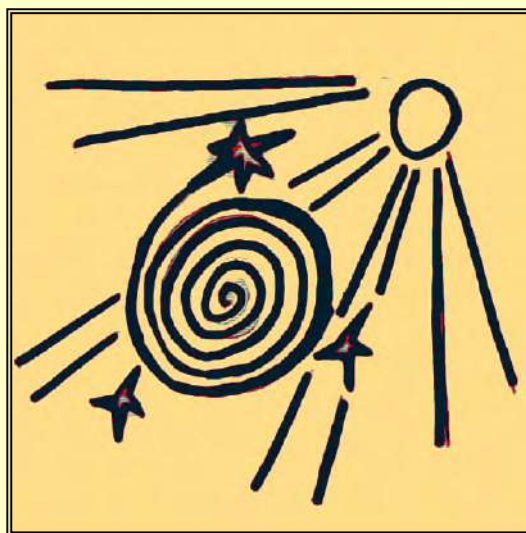
На обе папины руки надеваем по плотному пакету. Еще осталось два полупрозрачных из «Пятерочки» для лисы. Папа зачем-то садится на колени, не боясь запачкать о грязный асфальт штаны от робы, в которых завтра выходить на работу. Натянутым раскрытым пакетом, словно полотном от лопаты, поддевает тело животного, захватывает его во всю длину и встряхивает, собрав ручки пакета. Поднимается не разом – сначала на одно колено, а затем и весь сам, держа ношу одной правой. Не торопясь подходит к противоположной обочине, аккуратно кладет лисицу, стряхивает с рук полиэтиленовые перчатки и легонько уминает их внутрь «Пятерочки».

– Ты расстроился, да?

– Ну как... Живое существо убил.

Он заводит машину, и под неуместно резвые звуки двигателя мы трогаемся. Возможно, папа упрекает себя не только за лисицу, а и за маму. Хотя все мы сами виноваты, что бросаемся под колеса, дорогу переходим не в положенном месте и спускаем на близких и чужих людей своих демонов – какое бы безрассудство или планеты нас под это ни толкали. Неспроста и со мной сводит счеты проходящий по Козерогу Плутон. От судьбы не уйдешь, но у нее неожиданные повороты: когда после пережитого в глубине души стихают крики и рассеивается кошмар – ты садишься и прислушиваешься...

И вдруг угадываешь внутри солнечного сплетения шелест столетнего леса, едва уловимое шипение пенной волны, неизменно хищное рычание волка и как всегда робкое замирание козули возле него. Мир во всем своем добре и зле раскрывает себя в одном твоём одиноком человеческом теле, и грешная мысль рождается тогда – что чем хуже, тем лучше.

Литкритика

Читайте на странице 309

Легенды Крыма

28 января 2021 года ушёл из жизни член Союза писателей России Дмитрий Николаевич Тарасенко.

Дмитрий Тарасенко – коренной крымчанин, выпускник Симферопольского университета. Он с юности писал стихи, рассказы, а с 2006 года, увлекся краеведением и выпустил полтора десятка книг, посвященных истории, природе, культуре Крыма.

Краеведческая литература не предполагает вымысла, однако по стилю она не должна бы слишком отличаться от художественной. Всякая литература есть прежде всего искусство слова. В них он не просто рассказывает о Крымском полуострове, но поднимает ценный для читателей жанр краеведения на высоту, достойную природы «волшебного края».

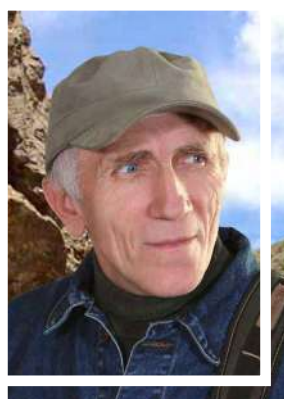
Рис. Татьяны Андреевой

Носорог в Новом Свете

В те давние времена, когда животных на Земле было много, а людей мало, жил на Крымском полуострове гигантский шерстистый Носорог. Зверь был до того огромен и силен, что наводил на соседей ужас. Дважды в день ходил он на водопой, и, едва слышав его топот, разбежались лесные жители — гигантские олени, зубры, дикие лошади, кабаны, да и другие носороги. Даже мамонты недовольно останавливались при виде великана, расправиться с которым могли бы лишь очень дорогой ценой.

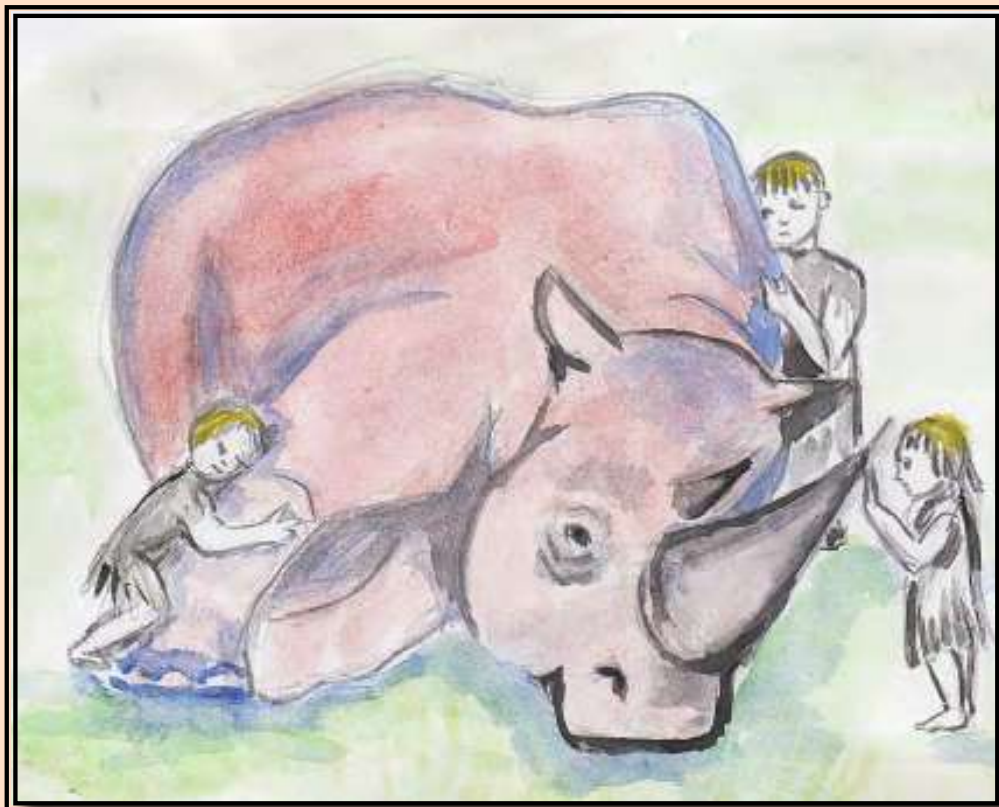
Носорог мрачно, исподлобья глядел на мир; в любую минуту он готов был броситься в битву, чтобы насадить врага на свой огромный чёрный рог, твердый и острый, как меч.

Только безобидных человеческих детенышей не пугало это чудовище. Они-то знали, что зря ни на кого не нападает Носорог, что всё утро он мирно пасется на равнинных лугах, а после полудня уходит в лес, отдыхает в тени сосен и ароматных древовидных можжевельников. Сюда и прибегали ребятишки из ближайшей деревни. Их родители были весь день заняты — мужчины охотились, женщины работали в поле. Дети же прятались от полуденного зноя в той самой роще и затевали игры, все ближе подступая к Носорогу, который не обращал на них внимания. Наивные, безгрешные, они не видели опасности в гигантском звере и с интересом наблюдали, как даже маленькие птички спокойно садятся на его спину и выклеивают из густой шерсти каких-то мошек да жучков.

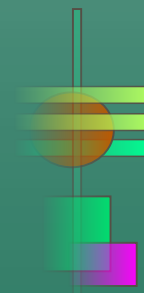

Дмитрий
Тарасенко

Однажды самый храбрый мальчик подошел вплотную к великану и осторожно стал гладить, а потом и чесать мохнатую шкуру, твердую, словно высохшая от зноя земля. Зверь не шевельнулся, только по-доброму заворчал. Тогда и другие дети осмелели — десятки ручонков потянулись к перепачканной, отроду не чесаной шкуре. Носорогу это настолько понравилась, что он опустился на живот, стараясь не отпугнуть двуногих детенышей и с удовольствием вслушиваясь в непонятный щебет их голосов. На другой день ребята пришли снова и потом приходили еще много раз.

Но случилась беда — на деревню напали воины другого племени. Они перебили мужчин, связали и угнали к себе женщин. На детей чужаки не обратили внимания — понятно же, что те сами перемрут без родительской заботы.

Перепуганные сироты опять прокрались в можжевелевую рощу. Сбиваясь и мешая друг другу, они принялись рассказывать гиганту о трагедии. Носорог не мог понять слов, но в прежних веселых голосах уловил оттенки страха и отчаяния. А еще он разглядел красные пятна на одежде и почуял запах крови. Он снова подогнул колени. Дети переглянулись — и полезли на его косматую спину, привычно вцепились в густую теплую шерсть. «Прочь отсюда! Мы найдем новый мир, лучший мир».

Шерстистый обошел весь полуостров, но отыскать спокойный уголок было нелегко: по каменным тропинкам Казантипа рыскали воинственные всадники с длинными копьями, в горном Крыму жили огромные кошки, саблезубые тигры и пещерные медведи. Самую глубокую, самую удобную бухту охраняли убийцы-листригоны. Даже на уютном Южном берегу все тропинки были под надзором горцев, готовых любого чужака сбросить с обрыва и принести в жертву своей кровожадной богине... Наконец, Носорог миновал горы и вышел к берегу дивной голубой бухты. Рядом рос можжевельник, совсем как возле родной деревни юных странников. «Останемся здесь!» — закричали они.

Берег был пустынным, только птицы парили над горами. Усталый Носорог медленно опустился на землю рядом с бухтой. Он погрузил свои натруженные ноги в теплую воду залива, устроился поудобнее и... уснул. На этом безлюдном берегу дети нашли и воду, и пищу, и кров. В окрестностях не было хищного зверя, который рискнул бы приблизиться к ним при виде огромного Носорога. Так возникло новое селение на пустынном берегу — будущий Новый Свет. Занятые устройством жилья, юные поселенцы не подходили к своему спасителю, который продолжал охранять их. Когда же подошли, то увидели, что их любимец Носорог превратился в гору.

Огненные птицы

Мальчик родился с пушком волосенок на голове, для этой местности — непривычно рыжих. Они росли, кудрявились и очень неохотно держались приглаженными. Нежное личико в обрамлении этих оранжевых спиралек напоминало солнышко с лучами, как рисуют дети. Малыша назвали Кояш, в переводе с крымско-татарского — Солнечный.

Родители переживали, что в компании черноголовой детворы он будет гадким утенком, но получилось хуже, страшнее. Вовсе не из-за цвета волос не принимали мальчишку за своего, дразнили и отворачивались от непохожего, как поступают, собираясь в компании, все дети в мире.

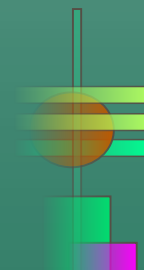
Мальчик не умел говорить. Слышал и понимал хорошо, а вот произнести хоть слово — не получалось. До города было далеко, но однажды отец запряг коня, погрузил в арбу головку козьего сыра, бутылку вина, мешочек отборного турецкого кофе и поехал с Кояшем к доктору. Тот заглядывал в уши, изучал горло малыша, ласково обращался к нему, а в конце растерянно пожал плечами: «Иногда так бывает. Причина неизвестна. Немота может сохраниться на всю жизнь, а может и пройти сама собой».

Что оставалось делать? Привыкать. Кояш с малых лет полюбил все живое. Лелеял каждую былинку, с интересом разглядывал безмолвных жучков, от маленьких «солдатики» до синих крымских жужелиц, которые с трудом помещались на ладошке. Часто поднимал голову и взглядом провожал птичьи стаи. Его гортань производила при этом звуки, похожие то на клёкот журавлей, то на гусиную переключку в небе.

Годы шли, подрастал маленький рыжий отшельник. Он любил подниматься на гору, с которой был виден морской берег, а перед ним озеро за песчаной пересыпью. В горном ущелье каждую весну останавливались на откорм розовые скворцы, веселыми стайками безбоязненно пролетали над его солнечной головой, и нежному их говорку тоже хотелось подражать. Этот безлюдный мир всю весну и лето наполнен звуками: от мала до велика, на земле и в небе — цвиркают, трещат, пищат, щебечут, посвистывают, напевают... И мальчишке не бывало скучно.

С каждой весной он ждал прилёта диковинных птиц в нежном розовом оперении. Их было так много, что, отражаясь в озерной воде, они окрашивали поверхность в розовый цвет. Другие деревенские дети не решались приближаться к этим стаям, а Кояш оказался доверчивей и смелее,

ведь до сих пор ни одно животное не причиняло ему зла.

Птицы, которых он про себя окрестил огненными, постепенно привыкли и не отгоняли человеческого детеныша. Кояш любовался грациозными движениями каждой из них, чудным изгибом шеи, перьями цвета раскаленных углей. Иногда, будто по команде, огненные птицы срывались с места. Раскинув крылья и гортанно перекликаясь, они начинали кружить в танце, будто и вправду прилетели из сказки. Тогда вскакивал и Кояш; растопырив руки, он носился среди них, как в розовом вихре, и кричал вместе с ними. Мальчику казалось, что он поёт.

Случалось, к озеру подкрадывалась лисица, жадно высматривая неуклюжих сероватых птенцов. Но стоило кому-то завидеть рыжую разбойницу, сказка обрывалась. Столько непривычной угрозы прорезалось в дружном гвалте мирных гигантов, так громко щелкали огромные горбатые клювы, что даже неробкий Кояш зажимал уши и поскорее уходил.

Его отец держал придорожную кофейню, мать обихаживала дом. Кояш был самым младшим, но уже помогал, как мог, — подметал, носил воду, колол щепки, готовил угли для жаровни. Помимо кофе на столы подавалась еда: жирный плов, лагман, шурпа, шашлык из баранины, а в большие медные кружки наливали подслащенную бузу с изюмом. Гости громко хохотали, делились новостями и секретами, не обращая внимания на мальчишку, который если и услышит что лишнее, никому рассказать не сможет.

Рано утром Кояш бежал на озеро, к своим крылатым друзьям. С горы он видел, как розовела вода — не то от рассветных лучей, не то от десятков птиц, навеки вобравших в себя этот божественный свет утренней зари. Подходил ближе, смотрел, не отрываясь, и начинало казаться, что они специально встречают алый небесный шар, зычно голоса, вытянув шеи вверх и нацеливая свои чёрные клювы-топорики в небо. Вслушиваясь в эти крики, похожие на гоготанье гусей, только резче и выразительней, мальчик пытался вторить им, и птицы на минуту замирали. Многие даже переставали погружать головы в озеро и процеживать ил в поисках красных рачков, они поворачивались и смотрели на Кояша. Отзывались и те, кто еще дремал, стоя на длиннющих ногах-хворостинах, а то и на одной, поджав для тепла другую...

Однажды в кофейне пировали, отдыхая от дневной работы, два проезжих купца. Они привезли серебряные кольца, подвески, филигранные пояса с пряжками, браслеты, серьги и прочие поделки ювелиров. В тот день многие жители распечатали свои кувшины с монетами! Кояш несколько раз приносил на стол купцам горячие лепёшки и шашлыки, полные кружки бузы, а на закуску — кофе с золотистой халвой и шербетом. Крошки со стола он сметал кисточкой из больших розовых перьев.

— Постой, малыш, — железные пальцы сжали ручонку Кояша. — Что это у тебя?

Мальчик, беззаботно потряхнул золотыми кудряшками, протянул незнакомцу свое нехитрое изделие.

— Где взял?

Кояш махнул рукой в сторону озера, а потом изобразил руками гору, мол, там этих перьев много. Купец провёл ладонью по изгибу пера, потербил пальцами длинные нежные опахала.

— На, беги. — Он подтолкнул мальчишку и тихо произнес, глядя на товарища: — Эти дикари метут столы перьями розовых фламинго! А в Стамбуле...

— Тише!..

Кояша окликнул отец, и последних слов он не расслышал. Купцы гуляли долго. Они пригласили за стол дядю Аслана, местного рыбака, угощали его бузой, о чем-то вполголоса расспрашивали.

— Это те, огромные? — удивленно воскликнул рыбак. — Вам-то зачем?

— Шашлык жарить!

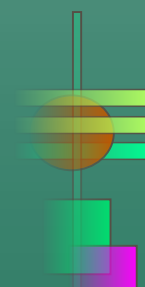
Удивился доверчивый рыбак, возразил с улыбкой:

— Да вы же есть его не станете!

Купцы заулыбались в ответ и повторили с подозрительной настойчивостью:

— Отведи завтра. Заплатим.

Рыбак задумался и, кажется, кивнул. Забирая опустевшее блюдо, Кояш услышал эту странную беседу, и стало у него в груди горячо, в горле солоно. Чуть свет помчался на озеро. Поднявшись на гору, он вдруг увидел, что вода оставалась темной, а птиц — не было. Не было! Улетели. По-

чему? Подошел ближе. На берегу дымился костер. С десятков птиц лежали неподвижно, а над ними наклонились те самые купцы, проворно обрывали перья и совали их в мешок. Неподалёку сидел растерянный дядя Аслан и бормотал:

— Красоту губите!

— Красоту? — возмутился чужак, — из них в Стамбуле делают опахала. Для самого султана! Это тебе не ставридкой торговать...

Больше Кояш не видел огненных птиц. Ни через день, ни через месяц они не вернулись на свое озеро. Каждый день мальчик приходил на осиротевший берег, кружился, раскинув руки, плакал, повторял про себя: «Это я погубил вас! Простите!»

Пришла новая весна, а птицы так и не появились. В одиноких походах по степи Кояш неизменно навещал любимое озеро, все слабее веря, что оно опять оживет. И вот однажды, ближе к лету, это пустынное озеро стало розовым, совсем таким, как бывало раньше, когда зеркальная поверхность отражала стаю огненных птиц. В первый миг мальчик подумал, что сбылась мечта, что его друзья напоминают о себе, об их дружбе, о своей красоте. Они простили его! «Простили!» — крикнул он и вдруг понял, что свершилось чудо, теперь уже земное, настоящее. Ведь это было первое произнесенное им слово.

Кояш вырос, унаследовал кофейню. Много перебивало гостей, иногда заходили странные незнакомцы, и однажды сам молодой хозяин, за чашкой кофе с пахлавой, рассказал эту историю одному любознательному гостю. Вот так и попала она в книжку, а само озеро, куда прилетали розовые фламинго, стали называть Кояшским. По всей Тавриде заговорили о дивном соленом озере, в котором вода к лету становится нежно розовой. Это мы с вами знаем теперь, что причиной тому особые бактерии да микроскопическая водоросль с певучим названием дуналиелла. Но пока живут на свете мечтатели, пока люди ценят красоту, дружбу, верность, они не устанут пересказывать эту легенду своим друзьям, своим любимым, своим детям. И просто случайным странникам, которые посетят сей пустынный берег ради нескольких часов счастливого забытья.

Фото Максим Бессалый. Новороссийск

Предгорная лаванда

Девочку звали Ислегуль (по-татарски «ароматный цветок»), она выросла в большой семье на окраине Бахчисарая. Как положено в татарских семьях, Ислегуль никогда не перечила отцу, слушалась старших братьев и редко покидала женскую половину дома. Из окна был виден персиковый сад, за ним огромный пустырь, а вдалеке, где обрывается абрис горной гряды, крохотным синим треугольником высвечивался краешек моря. Именно в ту сторону она почему-то любила смотреть, да и сами глаза ее, в отличие от глаз других татарских девушек, были огромные, синие...

Юношу из Балаклавы звали Одиссей. Он вырос в небогатой семье греческих рыбаков и уже в свои десять лет выходил с братьями на промысел. Еще мальчишкой научился предсказывать погоду по форме облаков, знал направления прибрежных ветров и течений, повадки и сроки нереста кефали, ставриды, барабульки. Одиссей мог в одиночку поставить и снять парус, он даже при свежем ветре, когда море шипело от пенных гребешков, смело и ловко управлял баркасом. Окрепнув, юноша стал работать в рыболовецкой артели своего отца, не представляя себе жизни без моря.

Эти двое не могли, не должны были встретиться! Но они встретились. Был весенний татарский праздник Хыдырлез, когда окончены полевые работы, засажены огороды, обрезаны персики и яблони в садах, ухожены виноградники. Пастухи готовились перегонять овец в горы на летние пастбища, но прежде весь народ собрался на большом пустынном поле, еще зеленом по-весеннему. Люди молили Аллаха об урожае, а потом праздновали окончание весенних работ — водили хороводы, пели и танцевали, состязались в силе и ловкости, в рукоделии, в кулинарном искусстве. Братья приглядывали за своей младшей, но позволяли танцевать с молодыми незнакомцами, ведь подходило тревожное для домашних время — встречать сватов, а потом, скорее всего, готовить сестру к свадьбе и переезду в другой дом.

Торговая площадка была заполнена мясными продуктами, сладостями, пряностями, а рыбаки привезли на продажу еще и свой утренний улов. И так распорядилась судьба, что на шумной ярмарке синеглазая Ислегуль встретила отважного Одиссея.

Глаза в глаза — и обоим ясно без слов, что эта встреча заполнит жизнь, что будут они думать друг о друге в радости и печали, ловить дыхание, перешептываться на каком угодно расстоянии. Потанцевали, разговорились, да так легко и свободно, будто знали друг друга с детства! Они не расставались до вечера, и даже, к неодобрению отца, прыгнули через костер, взявшись за руки. В те минуты и часы, в те благодатные вечера ни он, ни она не думали о будущем. Будущим для

них предстал каждый следующий день или вечер, когда девушка незаметно исчезала из дома и убегала на то пустынное поле за городом, где они когда-то встретились. Час бешеной скачки на лошади, и Одиссей уже ждет Ислегуль в условленном месте. Стоя рядом, они глядели на краешек моря, и юноша рассказывал ей о морских ветрах, о берегах, изрезанных бухтами, о рыбацкой удаче, о рыбацких бедах. Неведомый мир захлестывал ее, словно штормовые волны; она слушала и смущалась оттого, что не может так же легко и ярко рассказать о своей жизни в предгорье, среди садов и огородов, на скучной городской окраине.

Однажды Одиссей привез ей в подарок синий шёлковый платок — цвета моря, цвета неба, цвета глаз Ислегуль. И девушка уже никогда его не снимала, не замечая назойливых вопросов, откуда, мол, такая красота. Вот только мать иногда шептала со вздохом: «Ой, смотри, узнает отец, узнают братья!»

Одиссей и Ислегуль встречались почти каждый вечер, но постепенно бездумный восторг сменился грустью безысходности: без спроса накрыло их то самое чувство, о котором пели и крымские греки, и крымские татары, — протяжно, грустно, потому что любовь в этих песнях всегда бывала несчастливой. Вот и эта любовь, их первая, расцветающая, не могла закончиться весёлой свадьбой. Оба понимали, что родители Ислегуль никогда не отдадут свою дочь из мусульманской семьи в жёны греку-христианину, да и родители Одиссея не благословят сына на такой брак. «Я что-нибудь придумаю, — жарко шептал юноша, прощаясь с любимой, — я украду тебя, мы убе-

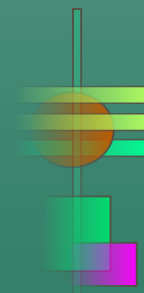
жим за море!» Но шли дни, и ничто не менялось.

Приближалась осень, пора свадеб. Отец всё чаще рассказывал Ислегуль о женихах, готовых засылать в их дом сватов, о том, сколько у кого баранов и коз, вслух размышлял, чей дом лучше... однако умолкал, если девушка смущенно просила подождать. Это был хороший отец, он не торопил, понимая, как важно не ошибиться и не сломать судьбу дочери. Но ведь рано или поздно Ислегуль придется сделать выбор, да и не может он кормить ее всю жизнь. В это лето отец видел, каким счастьем лучатся синие глаза его дочери, и терялся в догадках. Неужели тот, из Балаклавы? Как ни обожал он свою Ислегуль, а нарушить закон предков не мог, и, главное, не верил в возможность ее прочного счастья с иноверцем. Однажды, после серьезного разговора с женой, глава семьи решил — запряг лучшего коня и, ничего не сообщив дочери, уехал.

Куда? Нетрудно догадаться, что в Балаклаву, к отцу Одиссея. Но о чем они там говорили, неизвестно даже нам, при нашем теперешнем всеведении. Только после той беседы Одиссей не прискакал на свидание. Ислегуль бродила по их полю, теперь чужому, поднималась на вершину холма, тревожно вглядывалась в алеющий на закате клочок моря. Что же случилось? Увела ли его жажда приключений, как знаменитого на весь мир тёзку, похитила ли юное неопытное сердце красавица-гречанка... Или вдруг, — тут обрывалось девичье дыхание и сами наплывали слёзы, — поглотило во цвете лет штормовое море, о котором с таким восторгом рассказывал ей любимый...

Поздней осенью начались дожди, и печальная Ислегуль сдалась на уговоры отца: «Выбирайте жениха сами». Накануне свадьбы вышла девушка из дома, поднялась на вершину холма, сняла с головы подаренный любимым синий платок — и бросила его вниз. Пусть ничто не напоминает ей о счастье, которое обернулось горем! В ту осень потускнела синева её глаз, прежде удивлявшая встречных...

Пришла весна, и там, куда упал синий платок Ислегуль, всё огромное поле зазеленело незнакомой травой. Люди изумленно глядели, трогали, обрывали эти быстро растущие жесткие стебельки, на которых в начале лета распустились ароматные соцветия, такие же синие, какими были когда-то глаза Ислегуль. Люди называли эти цветы лавандой, цветком любви. Его бесплотный неземной дух зарождался, казалось, в том райском саду, который был создан Всевышним для влюблённых. Было легко, весело гулять по расцветшему полю, останавливаться в затишках, слушать пчелиный гуд и, закрыв глаза, вбирать в себя доселе неведомый аромат, торопиться, пока не отогнал его порыв ветра. Бывало, что этот шальной ветер заносил чуть слышный запах лаванды в новый дом Ислегуль, и тогда глаза её вдруг вспыхивали природной синевой, она приникала к дорогим ажурным решеткам и вдруг осознавала, что да, было у нее счастье! Пусть короткое, запретное, подавленное, как мы теперь скажем, застарелыми предрассудками, но — было. И запомнится, и всякий раз будет оживать при виде цветущего лавандового поля.

Укрощение грифонов

Однажды шквальный северный ветер борей занес в благодатную Тавриду грифонов. Никем прежде не виданные, эти существа с туловищами львов, головами остроклювых орлов и могучими крыльями грифов вызвали ужас у местных жителей. Когда грифоны летали совсем низко над головами людей, видны были их сверкающие под солнцем золотистые когти. Как позже поняли скифы, такие когти служили символом главного пристрастия этих невесть откуда налетевших чудовищ. Неизвестно, чем они питались, без причин не трогали ни людей, ни животных, но нестерпимую тягу испытывали к золоту. К тому, знаменитому на весь нынешний мир, скифскому золоту, которое издавна, еще с кочевых времен добывали степняки в битвах, оберегали пуще самой жизни, с которым не расставались и после смерти.

Монету, ожерелье, серьги или кольцо — всё видели зоркие глаза грифонов и небесным проклятием выныривали из-под облаков, чтобы схватить золотое изделие, сбивая с ног хозяина с монетами в кошельке или увешанную драгоценностями, смертельно напуганную женщину. Лишь со временем стало понятно, что, свободно летая по всему миру, грифоны как раз и выбрали Скифию, прослышав про накопленные здесь запасы драгоценного металла.

Из древних народов именно скифы (в отличие от тавров, аланов, половцев, сарматов) испытывали непреодолимую тягу к золоту. Не просто к монетам для купли-продажи, а к тонким ювелирным изделиям, которые передавались только по наследству. Владеть золотом полагалось и

после смерти; даже в бедных семьях был суровый обычай — класть умершему родственнику в могилу хоть немного золотых украшений.

Находили грифоны и хитро спрятанное золото, — обладали, видно, особым чутьем. И страшной силой! Ни один из скифов — лучших в мире лучников — не решился не то чтобы пустить стрелу в грабителя, не смел он даже расчехлить при нем колчан и поднять лук! Одно оставалось — закрывать свои драгоценности и прижимать тяжелыми каменными плитами. Раскрыв эту хитрость, грифоны стали яростно набрасываться на лошадей, на коров, овец и терзать невинных животных, чтобы лишиться скифов мясной пищи. Это нападение люди расценили как небесную кару, от которой невозможно избавиться самим, без помощи божества.

И собрались отважные воины в святилище Эксампей, и обратились к владычице неба Табити с единственной жизненно важной просьбой — отогнать, отозвать, а лучше уничтожить проклятых чудовищ!

Скифы почитали Табити как богиню домашнего очага и верили, что каждый очаг, в котором горит огонь, пребывает под ее защитой. Богиня вняла мольбам, не соглашаясь, однако, убивать грифонов. Да и не в ее власти это: в далекой Элладе, о которой мало что было известно скифам, есть на Олимпе главное божество — Зевс Громовержец, и грифоны подчинялись ему! Простые греки тоже боялись крылатых чудовищ и называли их собаками Зевса.

Служили грифоны не только греческим богам, но и египетским фараонам, они даже охраняли золото далекой Индии. Вот и нашла богиня единственно верный выход: летающих львов с ор-

лиными головами надо укротить, как сделали это Зевс и Аполлон, как воспитывают люди даже самых свирепых псов!

Среди темной ночи скифская богиня зажгла в звездном небе тропу, и, влекомые огненными всполохами, напоминающими блеск золота, грифоны полетели прямо в ее волшебные чертоги. Когда они собрались в огромном шатре, от нетерпения бия крыльями и щелкая клювами, пред

ними явилась сама Табити, облаченная в золотые одежды. Грифоны разом налетели на нее. Но от богини исходил такой жар, что монстры лишь обожгли себе лапы и перья. Отпрянув, они пришли в ярость и снова налетели на богиню, но опять обожглись. Так повторялось еще много раз, пока эти дикие алчные чудовища не уяснили, что приближаться к золоту опасно для жизни. После этого Табити приказала им, как приказывают побитым псам: «А теперь летите в землю»

скифов и стерегите ее! Не смейте прикасаться к их золоту сами да следите денно и ночью, чтобы ни один враг к нему не приблизился. Отныне вы должны охранять золото скифов!»

Большая стая грифонов улетела обратно к Зевсу, а малая часть осталась в Тавриде выполнять наказ Табити. Пришла пора, и жители славного Пантикапея стали печатать монеты с изображением грифонов, создавать их скульптуры как символ божественной охраны города. Прошло с тех пор двадцать пять веков, и укрощенные «собаки Зевса» украсили в Керчи каменную лестницу на Митридатов холм. Позже сам государь император утвердил герб города с изображением грифона, а еще через полтора столетия грифон обосновался и на гербе Крыма.

Герб города Керчь

Государственный герб
Республики Крым

Литкритика

Читайте на странице 311

ЭКСКЛЮЗИВ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Михаил Авилов (1882-1954)

Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовом поле

*Непримиримые
соперники*

Поединок литкритиков

не без иронии

Сверхострая полемика с элементами экзистенциального конфликта между Романом Тихоновым и Арсением Ксешинским на тему литературной критики

Специально для альманаха «Гражданин»

Эксперимент

Редакция альманаха «Гражданин» постоянно ищет новые методы и приёмы подачи материалов. Сегодня мы решили провести интересный эксперимент, а именно: два очерка от двух литкритиков соединяются в один материал, в результате чего на выходе получается острая полемика на одну тему – в данном случае речь идёт о литературной критике.

Мы просим наших уважаемых читателей откликнуться и написать нам на почту, что они думают об этом, выражая своё отношение к предложенному эксперименту. Если этот эксперимент понравится нашим читателям, Редакция альманаха готова создать специальную рубрику «Полемика» и в дальнейшем проводить такие дискуссии на разные темы.

Роман Тихонов выступает от лица любителей литературы, выражая эмоциональное восприятие творчества.

Арсений Ксешинский в своих высказываниях отражает мнение профессионального сообщества литераторов.

Оба очерка двух критиков публикуются с сокращениями из-за слишком больших объёмов их текстов.

Здесь соединены два очерка.

Первый от Романа Тихонова – «Causus arsenicum или разбор типичного критика». Второй от Арсения Ксешинского – «Типичные слабости любительской критики» (ответ Р.Тихонову). В основу предложенной читателям полемики были положены материалы этих критиков, опубликованные в 4 номере литературного альманаха «Гражданин».

Роман Тихонов:

В четвёртом номере литературного альманаха «Гражданин» опубликован текст Арсения Ксешинского под названием «Альтернативный критический очерк». Под видом ещё одного разбора стихотворений 10 авторов, который я сделал в своей статье «Разбор поэтических полётов», Арсений на самом деле «разбирает» мою статью.

Я не против дискуссии, она оживляет альманах, придаёт некую живость атмосфере. Отсутствие палитры мнений – признак сектантства или тоталитаризма. Не случайно, древнегреческое слово «полемика» можно перевести как «мор-

добой».

Кулачные бои в Древней Греции, как и на Руси, были проявлением благосклонности богов и проверкой на правду.

Не зря Пифагор был мастером кулачного боя, а многие важные вопросы Великий Новгород, да и все остальные города, решали не на Вече, а на Волховском мосту.

Если сила в правде, то и побеждает сильный, ибо за ним правда!

Арсений Ксешинский:

Роман, как всегда и сразу, начинает растекаться мыслью по древу. Вот эти беспорядочные переходы от одного к другому в мыслях и словах – первый отличительный знак моего уважаемого оппонента. В мутной полемической каше, которую варит Роман, всегда много всего намешивается. В данном случае:

Древняя Греция, Пифагор, Русь, Великой Новгород, кулачные бои, сила и правда и т.д. и т.п. Это подходит для солидности и объема текста, но не для логических конструкций. Ну, ладно. Пусть говорит так, если иначе не может. Однако я вот не понял этой фразы: «...многие важные вопросы Великий Новгород, да и все остальные города, решали не на Вече, а на Волховском мосту». ???

Здесь столько всего накручено алогичного, что даже комментировать как-то неудобно. Роман, очевидно, сам не видит и не понимает, что он говорит...

Роман Тихонов:

«Альтернативный» разбор должен быть параллельным, независимым.

Читатель сам сравнит два независимых взгляда на одни и те же стихотворения, и решит, кому отдать предпочтения. Но Арсению дали мой текст, и он разбирал именно мой «Разбор поэтических полётов». И конкуренции, т.е. соревнования, не получилось.

Я имею полное право ответить на этот «анализ» здесь же, на страницах альманаха «Гражданин».

Арсений Ксешинский:

Да, это было бы более справедливо. И в этом 5 номере сделали именно так, как говорит Роман. Поэтическая мозаика анализируется параллельно двумя критиками, не знающими тексты друг друга. Но в 4 номере альманаха получилось по-другому. И не просто так. Редакция альманаха попросила меня показать ошибки и слабости лексико-семантического анализа, которым грешит Роман Тихонов. Нельзя было допустить, чтобы читатели альманаха восприняли лексико-семантический анализ литературных произведений как норму для такого рода аналитики. Меня попросили – я сделал.

Роман Тихонов:

Ну-с, с Божьей помощью, начнём...

И начнём с названия.

Почему «альтернативный», если Арсений разбирает меня? Вот если бы он писал параллельно и независимо от меня – тогда да.

Почему «очерк», если я писал обзор?

Арсений, вы точно кандидат филологических наук из Санкт-Петербурга?

От редакции. Роман Тихонов ведёт полемику слишком эмоционально и непрофессионально, в запальчивости допуская ошибку за ошибкой. Цепляться за мелочи, к примеру, выяснять, как называлась форма опубликованного текста (статья, очерк или обзор) – это уровень любительских диалогов на массовых сайтах со свободной регистрацией. Постоянно спрашивать оппонента о его образовании и учёной степени в литературной дискуссии – это попытка создать базарную обстановку и спровоцировать своего визави на ответные действия.

Арсений Ксешинский:

Объясняю на пальцах. У Романа – обзор, у меня – очерк. Каждый волен выбирать для себя любую разновидность такого жанра, как малая форма в документально-художественной литературе. И я не Романа «разбирал», я анализировал творчество 10-ти авторов Мозаики, а попутно показывал ошибки и слабости того обзора, который сделал Роман. Да, в отличие от Вас, Роман, я точно канди-

дат филологических наук из Санкт-Петербурга. Кстати, Вы никогда не задумывались над тем, что камнетёса и ювелира очень легко отличить друг от друга?

Роман Тихонов:

«Критический разбор» семи авторов из десяти занимает у Арсения по абзацу. В это трудно поверить, поэтому я даже скопирую эту «альтернативу» прямо сюда.

(От редакции. Далее идёт большая цитата из очерка Арсения Ксешинского)

3. По стихам Николая Бизина литературный критик Р.Тихонов сказал всё правильно. Это тот случай, когда отсутствие баланса между смыслом и красотой формы разрушает поэзию. Идея, выраженная через слабую технику стихосложения, не воспринимается читателями.

4. Соглашусь с Р.Тихоновым в анализе стихов Марины Панфиловой. К сожалению, всё именно так, как пишет критик. Здесь перед читателями проявляется стихотворный стандарт. Когда-то отлитую форму из классической поэзии 19 века используют вновь и вновь, не меняя даже лексического наполнения. Есть яркие эмоции? Есть. Но не более...

5. Всё верно и здесь подметил Р.Тихонов, когда анализировал стихи Андрея Анпилова. Однако критик вновь углубляется в частности. А в целом что? А в целом стихи поэта напоминают недостроенные домики. Вроде это домики: крыша, стены, окна, двери... Но где-то крыша с дырами, где-то стены криво стоят, где-то окна покосились, где-то двери висят на одной петле... В целом, картина не складывается. Поэзия вроде есть, а вроде и нет её...

6. Я тоже дам положительную оценку стихам Марины Генчикмахер, как и Роман Тихонов. В принципе, критик сказал всё, что нужно было сказать. Добавлю от себя. Это серьёзная поэзия, особенно, стихи «Мама корова». Внутренний нерв Арсения этого произведения доводит читателя до катарсиса!

7. Что сказать о стихах Сергея Сретенского? Более-менее читабельно – стихотворение «Я нищ и болен. Нищета». Остальные стихи откровенно слабые. Критик Р.Тихонов всё рассказал о них, даже где-то похвалил. Ну, пусть будет так.

9. Замечательные стихи Полины Орынчанской вызывают только восхищение. Здесь мы видим и настоящее мастерство поэта, и внутреннюю эмоциональную энергию, и тонкие смыслы, которые автор вкладывает в свои произведения. Такие стихи хочется коллекционировать, как редкие драгоценности.

10. Николай Роголёв – уже сложившийся поэт. Его стихи как всегда хороши и приятны для чтения. К сожалению, порой использование поэтом современных словечек – атрибуты прогресса – не делают стихи лучше и не сближают с современностью. Это всё инородные тела. Это если к древнегреческой скульптуре приклеивать пластмассовые бирки и фишки.

Ну и в чём «альтернатива»? В чём «разбор»? Учитель проверил «домашку» у школяра и завизировал, мол, «смотрено»?

При этом, в 5 абзацах-разборах Арсенией прямо пишет о согласии с моими оценками, в двух прочих – возражений нет, и он тоже вроде как согласен со мною, но прямо об этом не пишет.

Арсений, вы точно кандидат филологических наук из Санкт-Петербурга?

Арсений Ксешинский:

Узнаю типичную логику Романа Тихонова. Если я согласился с ним в 5-абзацах, то я тем самым поставил под сомнение свою репутацию кандидата филологических наук из Санкт-Петербурга... По логике Романа – если бы я с ним не согласился ни по одному абзацу, то точно подтвердил бы свою учёную степень. Значит, Роман, мне нельзя было с Вами соглашаться нигде и ни в чём? А если в каких-то местах Вы делали правильные оценки? Мне всё равно нельзя было с Вами соглашаться, чтобы сохранить свою репутацию? И еще две забавные мелочи. Вы, Роман, почему-то в отношении меня объединяете научную филологию и город на Неве. А если бы я был родом не из Санкт-Петербурга, то мою учёную степень кандидата филологических наук Вы бы не ставили под сомнение? И еще, я знаю, Вы любите копаться в биографиях авторов, что принципиально нельзя делать при анализе творчества, если речь идёт о современниках, которые еще живут и здравствуют. Вытаскиваете какой-то факт биографии, к примеру, у меня и начинаете этим фактом манипулировать. Но тогда почему Вы сами шифруетесь и скрываете свою биографию и своё лицо?

От редакции. Роман Тихонов ведёт себя как подросток, нападая на оппонента с повтором неуместной здесь фразы об образовании оппонента. Арсенией Ксешинский, отбиваясь от нелепых нападок, тоже переходит на личности.

Заслужить в литературных кругах определение – человек, лишённый порядочности, – это о чём-то говорит...

От редакции. Арсений Ксешинский бьёт ниже пояса, используя запрещенные приёмы. Дискуссия обостряется.

Роман Тихонов:

Но мы отвлеклись, давайте вернёмся в самое начало, первые строчки:
«Ставить под сомнение аксиому о том, что «критик должен писать всесторонние и главное – объективные рецензии» – по меньшей мере наивно, по эталонному счёту – непрофессионально. В ином случае очевидно: перед нами будут однобокие и необъективные рецензии»

Что за «аксиома»? В Филологии, лингвистике, литературоведении и в критике «аксиом» нет!

Я загуглил фразу «критик должен писать...», раз она у Арсения специально заковычена. Яндекс и Гугл дали только четыре ссылки и все на статью Арсения. И как можно требовать от других писать «всесторонние и главное – объективные рецензии», когда сам Арсений оказывается категорически неспособным делать подобное? Или абзац на одного автора с тремя – четырьмя стихотворениями – это и есть «всесторонность» и «объективизм»?

Арсений, вы точно кандидат филологических наук из Санкт-Петербурга?

Арсений Ксешинский:

Это элементарно, Ватсон! Не надо гуглить, чтобы понять это.

Да, именно так: «критик должен писать всесторонние и главное – объективные рецензии».

А если Вы, Роман, эту аксиому отрицаете, то, значит, Вы выступаете за НЕвсесторонние и НЕобъективные рецензии. Я правильно Вас понимаю? Но тогда это говорит о Вашем непрофессионализме. О чём я и говорил. Какие проблемы? Кстати, Вы делаете мне большую и красивую рекламу, повторяя одно и то же про мою учёную степень и Санкт-Петербург! Благодарю, естественно...

Роман Тихонов:

«От литературного критика в первую очередь требуется беспристрастность и объективность».

Неужели? Л.П. Гроссман в своей классификации жанров критических работ (1925) выделяет 17 типов критических работ: 1) литературный портрет 2) философский опыт (эссе) 3) импрессионистский этюд 4) статья-трактат 5) публицистическая или агитационная критика (статья-инструкция) 6) критический фельетон 7) литературный обзор 8) рецензия 9) критический рассказ 10) литературное письмо 11) критический диалог 12) пародия 13) памфлет на писателя 14) литературная параллель 15) академический отзыв 16) критическая монография 17) статья-глосса.

Я так и представил себе, как в пародии, фельетоне или памфлете, бедный критик «беспристрастно» и «объективно» бичует автора и его произведение! Разумеется, это не единственное деление, есть работы М.Я. Полякова, И.В. Попова и других крупных учёных. Но все они, так или иначе, предоставляют большую свободу в выборе инструментов из огромного арсенала литературной критики. Чередниченко Сергей Андреевич, редактор журнала «Вопросы литературы» и по совместительству старший преподаватель Литинститута им. Горького, в лекциях по литературной критике даёт 26 жанров. Включая сюда даже «пасквиль». Так вот, ни у Гроссмана, ни у Чередниченко «критического очерка» как жанра критики нет, а у вас есть.

От редакции. Роман Тихонов плывёт: он смешивает инструменты, которые может использовать литературный критик в своей работе, с принципами, на которых строится работа аналитиков литературы. Это совершенно разные вещи. К примеру, у хирурга есть инструменты – скальпель, шприц, а есть принципы: не навреди, не режь, если еще можно лечить.

Арсений Кешинский:

Не надо смешивать разные явления и понятия в одну кучу. И не надо пудрить мозги читателям разными именами, лекциями и цитатами.

Всё очень просто.

Редакция альманаха заказала у Вас литературную аналитику поэзии 10 авторов Мозаики. От Вас требовалось, как я догадываюсь, написать критический обзор (статью, очерк). И только. Вам не нужно было выбирать вариант из 17 типов критических работ. И главное, что от Вас требовалось в Вашей аналитике, – это беспристрастность и объективность. Изменять этому принципу – быть ангажированным, предвзятым и НЕобъективным.

Вот если бы Редакция альманаха заказала у Вас фельетон, памфлет или пасквиль, то тогда можно было бы порезвиться и постучать головой по барабанам. Так что повторяю еще раз:

«От литературного критика в первую очередь требуется беспристрастность и объективность».

Роман Тихонов:

Студенты Литинститута знают, что есть «авторская критика», это когда сам автор отвечает критику на разбор его собственного произведения. И законы жанра позволяют автору, например, мне (вы же разбираете именно мою работу), допускать весьма эмоциональные и безапелляционные суждения.

От редакции. Арсений Кешинский по заданию Редакции должен был проанализировать стихи 10-и авторов в поэтической Мозаике. А уже попутно с этим прокомментировать критическую аналитику Романа Тихонова.

Арсений Кешинский:

Вашу логическую эквилибристику, как говорится, трудно понять без бутылки водки. Но говорить в такой манере совсем не сложно. Я тоже так могу: школьники 7-ого класса прекрасно знают, что есть читательская критика, это когда сам читатель отвечает за свою критику. И законы такого жанра не позволяют читателю допускать весьма эмоциональные и безапелляционные суждения... Надеюсь, Вы меня поняли?

От редакции. Арсений Кешинский пародирует речь своего оппонента, т.е. фиглярствует, что не прибавляет дискуссии никакого развития.

Роман Тихонов:

«Текст литературного критика о стихах Вячеслава Теркулова можно прочитать много раз, но трудно понять, что он хотел сказать. >...< резкие переходы от одного смысла к другому затемняют любой смысл. Р.Тихонов вроде выступает против литературоведов в критике, однако сам же и начинает углубленное и бессмысленное «литературоведство». И хочется от лица читателей задать критику простой вопрос: – Так что же со стихами Вячеслава Теркулова? Простыми словами. Что Вы можете сказать о стихах этого поэта?»

Я написал Вячеславу Теркулову, вдруг и он прочитал мой разбор, но, как и Арсений, тоже ничего не понял? С разрешения автора публикую часть нашей переписки:

«Вы очень правильно определили лейтмотив. Я даже не думал, что кто-то догадается об этой «заезженной пластинке». Единственное, что не совсем точно – связь с нашими событиями: мы, как это ни кощунственно звучит, уже привыкли. Смерть – это просто ощущения стареющего «харизмата»».

Арсений Кешинский:

Зачем же мой вопрос, адресованный Вам лично, посылать автору стихов?

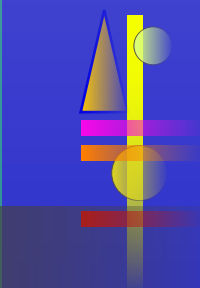
Однако вот что пишет Роман Тихонов о стихах В.Теркулова:

«Автор широко использует в представленных текстах аллитерацию, анжабеманы и различные виды рифм. Стихи мелодичны и могут быть положены на музыку. Из трёх представленных стихотворений Вячеслава в двух зима явлена как завершающая часть жизни. Но и в третьем, «не зимнем» стихе, главная тема – опять же тема смерти».

И еще нечто:

И тема смерти передаётся различными средствами:

«Ушли куда-то слуги,

*Пюпитр опустел, а нотная тетрадь
Валяется у ног слепого музыканта»*

??? Это что такое? Это литкритика?

Честно говоря, я не просто смеялся над этим бредом, я хохотал как сумасшедший почти 15 минут и дохохотался до рыданий...

Да, широко использовать «аллитерацию, анжабеманы и различные виды рифм» – это супер!

Роман Тихонов:

Хорошо, а что там, у Арсения «со стихами Вячеслава Теркулова? Что с «простыми словами»? А вот что:

«На мой взгляд, поэзия Вячеслава Теркулова – это сжатая пружина эмоций и выверенная до сотых долей концентрация художественных приёмов. >...< Смысл каждого стихотворения проявляется лишь к финалу, да и то лишь мимолётно».

Действительно, куда же проще?! Главное, для читателя всё сразу становится понятно!

«Сотые доли» «художественных приёмов» – это как? Мне казалось, художественные приёмы измеряются в натуральных числах. Например; в стихотворении использовано два (три, четыре...) художественных приёма, но «сотые доли»?! Как такое вообще возможно? Надо спросить у читателей и Вячеслава, им-то обязательно всё ясно!

А вот это: смысл проявляется к финалу, но «мимолётно» – это как? Смысл был понятен, пока стих влетел в одно ухо, а в другое ещё не вылетел? Или что?

Везёт же читателям! Для них это всё «простые слова»...

Невольно задаёшься вопросом: что это было? И вот это Арсений считает «всесторонностью», «объективностью» и «простыми словами»?

От редакции. Оба литературных критика стали использовать повышенные эмоции и экспрессивную речь. Однако это ничего не доказывает из того, что они хотели доказать.

Арсений Ксешинский:

Мне всё время приходится объяснять простейшие вещи. Такое впечатление, как будто я веду урок в 7-ом классе, а школьники задают мне вопросы. Кстати, я заметил, что Вы, Роман, не только мои фразы и высказывания понимаете буквально. Это не так страшно. А вот то, что Вы поэтические тексты авторов понимаете и разбираете буквально, вот здесь Ваша и беда, и ошибка, и главная слабость.

«Сотые доли художественных приёмов» – это фигуральное выражение. Вам известно такое?

Далее. Всесторонность и объективность можно выразить как простыми словами, так и образной речью. Это же всё так просто.

Роман Тихонов:

«Анализируя стихи автора под именем Aleker, критик Р.Тихонов, как всегда, обращает внимание на мелочи. К примеру, долгий и подробный разговор о пешке лишь уводит читателя от целого и главного впечатления».

Пешка – Главный Герой и сквозная тема стихотворения, если это «мелочи», ну тогда я не знаю... Разбор всех стихотворений Alekera у самого Арсения снова занял... целый абзац. Постоянство – признак мастерства!

Вот он какой, праздник «всесторонней объективности»...

От редакции. Литературные критики вольны в аналитических материалах сами выбирать объёмы своих текстов. Это не является предметом дискуссии.

Арсений Ксешинский:

Вы меня пугаете, Роман. Вы литкритику оцениваете в километрах или килограммах? Да, я написал абзац и посчитал это достаточным. Я всё в нём сказал, что мне было надо сказать о стихах автора. А Вы на багажных весах или рулеткой измеряете свои критические тексты?

Я в своём критическом очерке об одном авторе могу написать целую страницу, а о другом – несколько строчек. Я не думаю, что написать очень много пустословия – это полезно для автора и читателей.

Роман Тихонов:

«Стихи автора под именем Aleker, в целом, не являются полноценной поэтической картиной. Стихотворение «Кто я?» само по себе вторично как по идее, так и по форме. К тому же такие строчки, как «А менять на багровые сны октябри», надо избежать или дорабатывать. В стихотворении «Один день» автор пытался реализовать интересную идею, но не получилось. Почему? Весьма много искусственности. Особенно это проявилось во второй строфе с медицинской терминологией (кстати, никаких октав в этих стихах нет). Резюме: это всё – пока лишь сырой материал»

Вот почему строчку «менять на багровые сны октябри» надо менять? Я не понял, а вы?

Какие ассоциации сразу приходят? Золотая осень! В этом году Бабье лето началось с 3 или 4 октября: солнце, голубое небо без единого облачка, золотые и бордовые деревья! Виды как из Фотошопа!

Ну и «Купание красного коня», и октябрь 1917го – туда же. Если разбирать конкретно только одну фразу – вполне себе красивая, поэтическая строчка!

Арсений Ксешинский:

Вы, Роман, слишком много внимания, сил и энергии уделяете простейшему вопросу.

Я это увидел так. Вы – иначе.

Всё – вопрос закрыт.

А вот Вы, Роман, сами пишете:

«В стихотворении «Один день» с размером и строфами всё хорошо: стихотворение написано октавами, сплетённая рифмовка, внутренние, ассонансные и составные рифмы...»

Ну, нет в этих стихах никаких внутренних, ассонансных и составных рифм. Зачем просто так лепить всякую ерунду?

Роман Тихонов:

«Порой Р.Тихонов цепляется за мелочи с какой-то необъяснимой зубастой яростью. Вот, к примеру, о последнем стихотворении С.Черского он говорит: «Так-то с текстом вроде всё хорошо: аллитерация, сквозная тема, обыгрывание смыслов слова «белый», но с сучками и задоринками. Я бы пошлифовал». Ну, к чему всё это? В этих стихах С.Черского нет никакой аллитерации и нет никакой сквозной темы».

От редакции. Далее идёт большой анализ стихов С.Черского от Романа Тихонова, который не соответствует реальной картине. По этой причине этот анализ снят Редакцией.

Ну и собственно «разбор» стихов мэтром:

«И главное: что в этих великолепных стихах надо шлифовать конкретно? Все четыре стихотворения Сергея Черского – это маленькие шедевры поэзии. Хорошо бы увидеть на страницах альманаха «Гражданинъ» большую подборку его стихов!»

Стихи – шедевры! Что непонятно-то? Смирно! Вольно, разойдись! Следующий!

От редакции. Роман Тихонов прибегает к недозволенным приёмам. Такая экзальтация не соответствует духу литературной критики.

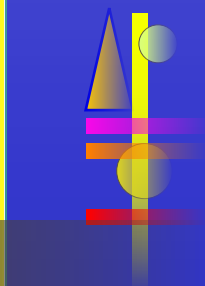
Арсений Ксешинский:

Да, такое бывает. Встречается редко. Ко всем не относится. Поэзия Сергея Черского прекрасна. К чему истерика? Какие-то проблемы?

Ваша основная ошибка, Роман, в том, что Вы говорите много лишнего и пустого, бросаетесь терминами, которые плохо знаете, Ваша цель в аналитике – мелочи, строчки, фразы, отдельные словечки и т.д. Во всём видна поверхностность, суета, пустозвонство.

Вы не анализируете поэзию автора в целом. Пример такой работы: Вы стоите перед огромным дубом, но не видите его полностью, Вы подбираете упавшие жёлуди и рассматриваете их под микроскопом.

От редакции. Арсений Ксешинский анализирует методы своего оппонента и предполагаемое выдаёт за действительное. Это не корректно.

Роман Тихонов:

Ну-с, ещё пару филологических изысков от Арсения:

«В строфике В.Теркулова мы находим АНЖАМБЕМАН (именно так пишется, к тому же в единственном числе). Этот технический приём является общим для всех трех стихотворений автора – нельзя ставить анжамбеман во множественном числе.

Да, я допустил «очепятку», неправильно написал слово «анжамбеман», с кем не бывает? Ну и зачем цепляться к таким мелочам? Писал как всегда, впопыхах, ну и накосячил, чего уж греха-то таить: не раз и не два накосячил...

Арсений Ксешинский:

Странно, многие вещи Вы изучаете под микроскопом скрупулёзно и без спешки, а тут вдруг впопыхах... Не похоже на Вас! Однако уже хорошо, что признаете свою ошибку. Ваш главный косяк, Роман, – это Ваше мистическое поклонение лексико-семантическому анализу. На массовых сайтах со свободной регистрацией это проходит на ура! В серьёзных литературных организациях использовать такое – низкий уровень аналитики.

От редакции. В нашем альманахе разрешено использовать лексико-семантический анализ. Однако более важным является литературоведческая аналитика.

Роман Тихонов:

А вот «нельзя ставить во множественном числе» - это уже не опечатка...

От редакции. Далее Роман Тихонов пытается доказать использование анжамбемана во множественном числе. Не получается. Текст снят.

Арсений Ксешинский:

Вы, Роман, к сожалению, не понимаете саму суть этого слова – анжамбеман.

Отсюда и такое вольное с ним обращение.

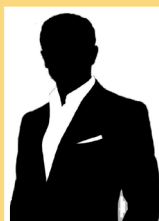
Если мы говорим, что данный автор в своих стихах использует анжамбеман, это правильное выражение. Нельзя сказать, что автор использует анжамбеманы (мн.число). Потому что анжамбеман – это такая форма написания стихов. Она одна. Это расхождение между синтаксическим и ритмическим строением стихотворного текста: несовпадение границы стихотворных строк с синтаксической границей.

Автор или использует в своих стихах анжамбеман, или не использует. Единственное число у этого слова – постоянный морфологический признак. И никаких множественных анжамбеманов быть не может!

Роман Тихонов:

«Его стихи как всегда хороши и приятны для чтения. К сожалению, порой использование поэтом современных словечек – атрибуты прогресса – не делают стихи лучше и не сближают с современностью. Это всё инородные тела. Это если к древнегреческой скульптуре приклеивать пластмассовые бирки и фишки».

От редакции. Далее Роман Тихонов, по сути, пытается доказать, что стилистики не существует. Не получается. Текст снят.

Стилистика — филологическая дисциплина, раздел языкознания, изучающая неодинаковые для разных условий языкового общения принципы выбора и способы организации языковых единиц в единое смысловое и композиционное целое (текст), а также определяемые различиями в этих принципах и способах разновидности употребления языка (стили) и их систему.

Вообще, Арсений – это феерический сгусток филологической мысли, петербургского вкуса, литературного слога и стиля.

Цитировать Арсения можно бесконечно.

Например, он же не может просто похвалить стихотворение «Мама корова», ему надо сделать это непременно «изподвыподверта», несясь к вожделенному ля финаль альтернативно одарённого очерка сломя голову:

«Внутренний нерв этого произведения доводит читателя до катарсиса!»
Всё! Видимо, катарсис от чтения стихотворений – это самое обычное для Арсения дело. Вот вы, дорогой читатель, когда последний раз испытывали катарсис от чтения? А смогли бы уместить всестороннюю объективность разбора после катарсиса в одну строчку? А вот Арсений смог! Кандидат филологических наук из Санкт-Петербурга – не фунт изюму! Так-то вот!

Арсений Ксешинский:

Да, я могу испытывать катарсис от прочтения литературного произведения. Это ведь не самое плохое качество человека, не так ли? Или Вы, Роман, мизантроп? И Вам светлые эмоции чужды? И во всех стихах разных авторов Вы всегда ищите только плохое? И не допускаете, что стихи могут быть удивительно красивыми и вызвать у читателей катарсис?

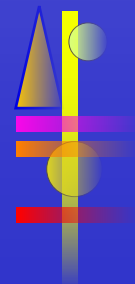

От редакции. Далее Роман Тихонов вновь возвращается к вопросу об объективности литературного критика. И пытается доказать, что это НЕправильно, что любой критик заранее необъективен. Он предлагает исторические справки, цитаты, примеры. Но НЕ получается. Остатки текста Р.Тихонова Редакция альманаха снимает.

Редакция надеялась, что разговор пойдёт о разных видах литературного анализа, но этого не случилось.

По сути, между критиками возник спор лишь об одной стороне литературной аналитики, которая давно утверждена в среде писателей, поэтов и критиков.

Критика должна быть всесторонней и объективной.

Публицистика

ИСТОРИЧЕСКАЯ

Иван Айвазовский (1817 — 1900)
Девятый вал

На краю катастрофы

Талибан

Из Википедии: «Тали́бы, Талиба́н (пушту) — студенты, учащиеся медресе) — исламское движение, зародившееся в Афганистане среди пуштунов в 1994 году»

Не знаю, чем руководствовался человек, который первым выложил в сеть эту информацию, но я в корне с ней не согласен. А если говорить конкретно, я не согласен с тем, что талибы в Афганистане появились в 1994 году. И вот почему.

Слово «Талибан» я впервые услышал где-то в конце 1987 – в начале 1988 года, во время контрольной встречи с агентом максуза (спецотдел царандоя), осевшем в Пакистане.

В те дни в Кандагарской провинции проводилась крупномасштабная войсковая операция, окончательной целью которой было восстановление ранее разгромленных душманами постов второго пояса обороны вокруг этого южного афганского города.

Одно то, что операцией руководил генерал армии Варенников В.И., свидетельствовало о её значимости как для советского военного командования, так и для руководства Республики Афганистан.

Та встреча с агентом была далеко не случайной. Незадолго до неё в пакистанском городе Кветта произошел взрыв в штабе одной из группировок афганских мятежников, приведший к гибели нескольких полевых командиров, чьи отряды противостояли госвласти Афганистана и советским военным в провинциях Кандагар и Гильменд.

От источника, заслуживающего доверия, я узнал, что данная акция была спланирована и успешно осуществлена сотрудниками ГРУ и их агентурой. Правда, запланированный конечный результат так и не был достигнут, поскольку лидер ИОА (Исламское Общество Афганистана) Б. Раббани не смог своевременно прибыть в Кветту, что и спасло его от верной смерти.

После теракта в Кветте начались повальные обыски и аресты всех, кто так или иначе был вхож в Штаб Южного фронта ИОА. Не избежал ареста и агент максуза, который дважды посещал это скромное с виду одноэтажное здание, расположившееся на одной из оживлённых торговых улиц города. Но не найдя никаких свидетельств его причастности к взрыву через пару суток его отпустили из полицейского участка. У агента было «железобетонное» алиби, свидетельствующее о том, что ещё за трое суток до взрыва он выехал в приграничный пакистанский город Чаман, где в одном из лагерей афганских беженцев занимался подбором добровольцев для борьбы с гяурами.

Пакистанские полицейские и руководство афганского движения сопротивления не могли знать, что этот с виду невзрачный человек негласным сотрудником кандагарской полиции стал ещё задолго до Саурской революции. А завербовал его оперативный работник Асад, работавший в те годы в криминальной полиции Кандагара.

Целесообразность проведения контрольной встречи со столь ценным агентом была вызвана ещё и тем, что незадолго до этого от него поступила информация о распространённом среди полевых командиров моджахедов секретном распоряжении, где речь шла о мерах, направленных против советских войск, дислоцирующихся на юге Афганистана.

В первую очередь меня интересовали те конкретные действия моджахедов, которые они планируют предпринять в зоне ответственности постов второго пояса обороны Кандагара. Уже тогда было очевидно, что эти посты должны сыграть далеко не последнюю роль в обеспечении безопасного вывода советских войск из Кандагара. А то, что этот вывод рано или поздно состоится, не вызывало никаких сомнений.

Перед контрольной встречей агент выдвинул обязательное условие её проведения, — она должна пройти за пределами Управления царандоя и здания максуза, и на ней, кроме начальника джинаи — Асада и его советника, никто другой присутствовать не должен. А поскольку агент будет говорить на пушту, прямой перевод всего того, о чём он поведает, с последующим переводом на русский язык будет осуществлять лично Асад.

Второе обязательное условие: исключалась аудиозапись нашего разговора и фиксирование его на бумажный носитель. Мне отводилась роль статиста-собеседника, который мог надеяться лишь на свою память. И чем больше я буду задавать вопросов, тем больше по объёму придёт

*Анатолий
Воронин*

запоминать ответы на них, которые чуть позже будут воспроизведены по памяти, прежде чем поступившая оперативная информация будет доложена в Кабул и в ЦБУ 70-й Бригады. Когда наша встреча подошла к концу и я получил от агента ответы на все интересующие меня вопросы, перед тем, как нам окончательно расстаться, я решил расспросить его о складывающейся в Пакистане общественно-политической ситуации. Подобный стиль общения с агентами я перенял у киношного Штирлица, который утверждал, что собеседник разведчика всегда будет помнить, о чём его тот расспрашивал в финале их частного общения и напроочь забудет о содержании всего остального разговора.

В том, что рассказал агент, я не усмотрел для себя ничего интересного. Ничего, кроме одного момента. Агент сообщил, что в ряде мечетей Кветты и Чамана на базе действующих медресе созданы группы учащихся из числа афганских беженцев, достигших четырнадцатилетнего возраста. Молодым людям преподают не традиционный Ислам, чьи постулаты чётко прописаны в Коране, а одну из воинствующих его «ветвей», своими «корнями» уходящую в глубину веков. При этом,

Фото из Интернета

агент несколько раз упомянул незнакомое мне прежде слово — «талибан».

Я поинтересовался, что это за словечко такое, и он пояснил, что так называют студентов медресе.

Когда я в тот же день доложил полученную информацию своему руководству в Кабуле, оно никак на её не отреагировало. Могу предположить, что оно не посчитало этих «студентов» большой угрозой для афганских властей, и уж тем более, для шурави.

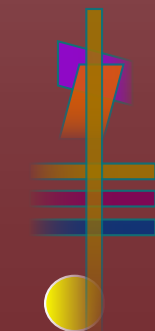
А когда в августе 1988 года советские войска были окончательно выведены из Кандагара, талибы впервые показали свои «молочные» зубки. И первым, кто вступил с ними в драчку, были не официальные силовые структуры Афганистана, а маляши «свадебного» генерала ХАДа — Муслима Исмата, бывшие «духи», перешедшие в 1985 году на сторону госвласти, но так и не ставшие её надёжной опорой.

Я не знаю, почему обо всех этих фактах до сих пор замалчивают афганские власти и наши «летописцы» афганской войны, но то, что талибы впервые появились якобы в 1994 году - это явная дезинформация, поскольку уже в 1991 году они фактически повсеместно верховодили в Кандагарской провинции и имя муллы Омара было на слуху у каждого пуштуна, а в 1994 году талибы добрались и до Кабула.

Кстати, тот же Ахмад Шах Масуд был одним из тех влиятельных полевых командиров, которые вступили в жесточайшую схватку с талибами.

Не исключаю, что в руководстве Афганистана были люди, заинтересованные в распространении движения Талибан по всей стране. Именно в талибах они увидели некую объединяющую силу, призванную на корню пресечь распри, изнутри раздиравшие страну. И закрепиться в этой идее им помогли, в первую очередь, саудиты, с молчаливого согласия правящей верхушки Пакистана.

Наверняка обо всём этом знали и наши компетентные органы. Но почему они «проморгали» талибов у себя под носом, это тоже вопрос весьма интересный.

Могу лишь предположить, что и они восприняли талибов, как некую новую движущую силу, которая после вывода советских войск из Афганистана включится в противостояние с душманами, коих шурави, в итоге, так и не одолели за девять лет кровопролитной войны.

Собственно говоря, чуть позже оно так и произошло, и талибы стали воевать с моджахедами, и не только с ними, но и со всеми остальными своими согражданами, кто не поддерживал их членоконенавистнических идей.

Теперь, что касается духовного лидера движения «Талибан» — Муллы Омара.

Из Википедии: В середине 1970-х годов Мухаммед Омар с двухнедельным визитом посетил Пакистан, где проходил курс обучения исламской теологии в медресе Хакканиа неподалеку от Пешавара (по другим источникам, — в религиозной школе города Кветта). С 1979 года принимал активное участие в начавшейся войне против советских войск и режима в Кабуле: примкнул к отрядам моджахедов. Сведения о нём как о самостоятельном полевом командире отсутствуют. По некоторым данным, он выступал в качестве заместителя командира боевых формирований исламистской партии Харакат-и инкилаб-и ислами Наби Мохаммади, по другим — состоял в от-

Фото из Интернета

ряде полевого командира Юнуса Халеса (ИПА); существует информация, что он находится в числе сторонников вооружённой группировки ИОА Бурхануддина Раббани. Известно о его четырёх ранениях, в боях потерял один глаз.

После вывода советских войск в 1989 году мулла Омар стал имамом, основанной им же мечети деревни Сансарв округе Майванд западнее Кандагара.

Глава Афганистана (в период Исламского Эмирата) с 1996 по 2001. За время своего правления Мухаммад Омар практически не покидал своей резиденции в Кандагаре, ставшей за эти годы неофициальной столицей Афганистана; в Кабуле он появлялся лишь четыре раза.

В сети есть любопытный материал, который в определенной мере раскрывает завесу таинственности личности Муллы Омара

http://www.stoletie.ru/zarubejie/mulla_omar_konec_legendy_507.htm

От себя могу добавить, что в период своей советнической деятельности в Афганистане я вёл учет не только количественного и численного состава отрядов моджахедов, дислоцирующихся в провинции Кандагар, но и фиксировал их политическую «окраску», а также фамилии полевых командиров. Фамилия Муллы Омара в том списке ни разу не фигурировала, а стало быть, он никак не мог быть полевым командиром моджахедов, а если и был таковым, то его отряд (читай — банда) не был столь активным в своем противостоянии советским войскам и госвласти, чтобы можно было рассматривать его существование всерьёз.

В сети упоминается, что правый глаз Мулла Омар потерял в 1989 году, когда советских военнослужащих в Кандагарской провинции уже и близко не было. А коли так, то это могло произойти во время противостояния Омара афганским силовым структурам или всё тем же малишам Муслима Исмата.

И если именно нафары Исмата были действительно причастны к нанесению увечья Мулле Омару, то вполне возможно, что через пару лет убийство самого Исмата, инициированное сотрудниками ХАДа, могло быть как-то связано с Омаром. Незадолго до гибели Исмата, которому

неизвестные люди (предположительно сотрудники ХАДа) вкололи смертельную дозу героина, из Кандагара в Пакистан сбежал большой чин этого ведомства, начальник Особого отдела провинциального Управления ХАДа. С собой он прихватил архив на агентуру, внедренную в разные годы в ряды моджахедов.

В 1996 году я совершенно случайно узнал, что предателя еще в 1987 году завербовал директор межведомственной разведки Пакистана, генерал Хамид Гюль. Этого генерала я лично не знал, да и не мог знать, но о его подрывной деятельности на территории Афганистана был наслышан от оперативного руководства царандоя. Именно этот генерал, как теперь выясняется, и был тем самым человеком, кто «протежировал» движение Талибан чуть ли не с первых дней его существования.

А поскольку пакистанская разведка работала под чутким руководством ЦРУ, то это объясняет многие «многоходовки», проводимые её кадровыми офицерами, работавшими в Афганистане и Пакистане под прикрытием всякого рода советников и инструкторов. И я никогда не поверю, что ЦРУ обошло своим «вниманием» новое движение и не прибрало его под свое покровительство.

Фото из Интернета

Иначе откуда у молодых «студентов» могли появиться деньги, много денег, чтобы в кратчайшие сроки развернуть свою идеологическую (и не только) деятельность, успешно «экспортировав» её в Афганистан.

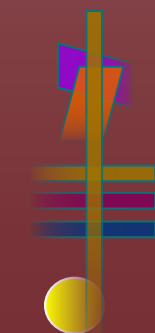
А деньги у талибов могли появиться не только из «закромов» американского бюджета, выделяемых ЦРУ на проведение секретных операций за пределами США. В этом плане много вопросов возникает о личности Усамы Бен Ладена, фамилия которого стала мелькать в СМИ после известных событий, произошедших в Америке 11 сентября 2001 года. И хоть говорят, что этот молодой саудовский миллиардер был спонсором афганской вооруженной оппозиции и сам принимал непосредственное участие в джихаде против официальных властей ДРА и ОКСВА, в те далекие годы, когда шла жесточайшая борьба с моджахедами, никто, в том числе лидеры «Семерки», ни словом не обмолвились о существовании этого человека.

Наверно, по той простой причине, что им было просто невыгодно раньше времени «светить» источники финансирования движения сопротивления. Афганцы, в первую очередь свободолюбивые пуштуны, крайне болезненно воспринимали всякого рода разговоры, что вся их борьба за веру и свободу не более чем доходный и весьма высокооплачиваемый бизнес, в котором им отводилась роль исполнителей воли заморских «денежных мешков».

А когда они это наконец-то начали понимать, то свои «щтыки» повернули против вчерашних «спонсоров». В данной ситуации США ничего не оставалось делать, как начать прятать концы в воду.

Под сплав ушел Усама-Бен-Ладен (хотя лично я сильно сомневаюсь в том, что он мёртв), исчез из жизни Мулла Омар – ходячая «икона» движения Талибан. Сами США, несмотря на все усилия, предпринимаемые Коалицией в Афганистане, реального контроля за происходящими там событиями не имели и как выйти из сложившейся ситуации, наверняка не знали.

По логике вещей, им придется вкладываться в какое-нибудь новое «движение», которое вступит в жесточайшую схватку с вышедшими из-под контроля талибами. Но на это потребуется не толь-

ко время, но и деньги — огромные денежные вливания.
Но это уже совсем другая история.

Эту статью я написал и выложил в Сеть ещё в июне 2018 года.

Тогда Талибан не был столь агрессивен, он искусно маскировался, втихаря подкупал афганских военных руководителей и внедрял своих агентов в государственные структуры. Но американцы настолько увлеклись со своей «демократией», что тупо проморгали расширяющееся влияние талибов не только на властную верхушку Афгана, но и на мирное население.

А то, что сегодня прилюдно обещают талибы гражданам этой страны, это не более чем их рекламный ход.

Они ещё покажут свои «клыки».

Был такой генерал-лейтенант МВД СССР Папутин В.С., который ещё до ввода советских войск в Афганистан выезжал в эту страну, где встречался с советниками МВД, находящимися там ещё с 1978 года. После той встречи он прибыл в Москву и доложил членам Политбюро своё личное мнение о нецелесообразности введения войск в ДРА. Его обвинили в трусости и фактически отстранили от должности первого заместителя министерства, после чего он застрелился. Хотя есть мнение, что из жизни он ушёл далеко не добровольно.

И получилось, как у адвоката — защищая одну сторону судебного процесса, ты формально становишься врагом для другой его стороны. Не были учтены все те «подводные» политические, национальные и межплеменные процессы, происходящие в этой азиатской стране многие годы.

В сети есть любопытная информация о потерях советских военнослужащих за период ведения афганской войны. Если кому интересно, найдете её здесь

http://artofwar.ru/b/beresnew_e_w/text_0120.shtml

Но что ведь интересно: спустя годы сами афганцы говорят, что советские воины в их стране воевали честно, не прячась за оборонительные сооружения, не то, что американцы, которые фактически никогда не вступали в боестолкновения лицом к лицу, зачастую отделяясь «бесконтактными» БШУ и артобстрелами.

И в отличие от американцев, советские войска не бежали с позором, а планомерно, в течение полугода выходили из Афганистана, передавая местным военным всё имущество и вооружение. Более того, военные советники и советники царандоя находились там до лета 1992 года, продолжая обучать местных аборигенов всему тому, что могло пригодиться при защите страны от внутреннего и внешнего врага.

И не надо забывать, что в Афганистане мы воевали не только с душманами, а и со всем миром, кто поддерживал их морально и материально, в то время, как за последние двадцать лет против «духов» ополчился весь мир.

И тем не менее, Коалиция вынуждена были покинуть Афганистан, так и не достигнув намеченных результатов.

Ещё Александр Македонский говорил: «Афганистан можно пройти, но нельзя завоевать».

Фото из Интернета

Публицистика

ПОЛИТИЧЕСКАЯ

Василий Верещагин (1842-1904)
Апофеоз войны

*К чему идёт
наша цивилизация?*

Не топором, а пинцетом

Власть разгромила несистемную либеральную оппозицию: на одних недели ошейник, на других — намордник. Запрещённые организации, недружественные организации, враждебные организации, экстремистские организации, иностранные агенты. Как красавица выщипывает пинцетом брови, так российская власть выщипывает всё западное, всё иностранное. Пусть выщипаны брови, но остаётся нетронутой густая шерсть, покрывающая с ног до головы сегодняшнее Государство Российское. Западники, либералы повсюду — под другими именами и иными вывесками, они все консолидированы. Сырьевые олигархи, напрямую влияющие на российскую политику, и есть западники и либералы: на Западе их рынки, их банки, их вложенные в западную цивилизацию капиталы. Через этих олигархов в российскую жизнь непрерывно сочатся западные ценности, западные смыслы, западная, часто подрывная, политика. Так из протечек в стальной трубе ядовитая нефть вытекает наружу и губит природу.

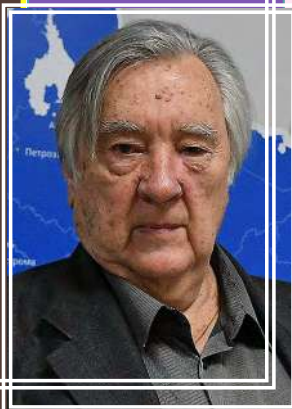
Огромный фрагмент гуманитарной культуры насквозь либерален. Литературные премии сосредоточены в либеральных руках. На центральном телевидении господствуют либералы, множеством неявных способов блокирующие продвижение на экраны русской культуры. В журналистике либералы идут мощным клином, тайно или явно исповедуя русофобию, превращая остатки национального русского в труху и пепел. Шоу-бизнес работает по западным клише, под западную музыку, поёт на английском языке, беспомощно копирует Бродвей и Голливуд, выпуская на музыкальные подмостки бисексуалов и развратных лореток.

Виднейшие государственные чиновники в Федеральном собрании, в ведущих министерствах, в окружении президента имеют родню, укоренившуюся на Западе, обретшую западное гражданство. Превратив своих наследников, детей и внуков в особый класс отвергших Россию, они стремятся забыть свои русские корни, русский язык и записаться в качестве перебежчиков в чужую, враждебную России цивилизацию. Будет ли Государство Российское, меняющее кожу, входящее в свой новый позднепутинский период, выкорчёвывать из русского общества эти разветвлённые плодоносящие грибницы, на которых неизбежно, как только пройдут дожди, вырастет громадный либеральный гриб, что окончательно расплющит Россию?

В русской истории либерализм и централизм шествуют рука об руку, как неразлучная парочка, один перетекает в другой и обратно. Век Александра I — либеральный век. Офицеры, разгромившие Наполеона, побывавшие в Париже, вернулись в Петербург с кодексом Наполеона в душе. Они были декабристами, и царь, предвидя революцию, не забыв Магницкого и Сперанского, сбежал от власти. Его брат Николай расправился с русским либерализмом жестоко, смотрел, как дёргается либерализм на виселице в Петропавловской крепости. Вырезал петрашевцев, взял под личный надзор Пушкина, одел русское чиновничество в мундиры, а либерала Чаадаева объявил сумасшедшим. Однако либерализм просочился сквозь николаевский хитин в следующее царство.

Александр II был либералом, которому по сей день поклоняются наши доморожденные вольнодумцы. Освободил крестьян, дал волю университетам, придумал земство, присяжные суды. Но был растерзан на куски бомбой, и огненные народовольцы по всей России снаряжали взрывчатку для тысяч покушений. Александр III упрятал эту пылающую энергию в ледник, он был дедом Морозом на троне. В России было холодно, но спокойно. И этот покой обернулся революцией 1905 года, Манифестом Николая II, Государственной думой, безграничной вольностью газет и журналов.

Либеральный век Николая II завершился распадом империи и Гражданской войной. На руины пылающей, убивающей себя России пришли большевики, и возникла небывалая, непомерная империя красного централизма, могучей бескомпромиссной диктатуры. Но в её незабываемых толщах, в её железобетонных конструкциях таились личинки либерализма, которые медленно возвращались. После смерти Сталина, после хрущёвской «оттепели» и брежневской «разрядки» эти личинки превратились в яростных ненасытных жужелиц, изгрызших в труху централистское сталинское государство.

Александр
Проханов

Либеральная перестройка, сгубившая Советский Союз, и 90-е годы — этот Хэллоуин либерализма — завершился с приходом Путина, который сгрёб остатки развалившегося государства, дал ему имя и форму, вернул в управление централизм и медленно, по микрону, стал выдавливать из нового Государства Российского трупные яды либерализма. Сегодня этот процесс продолжается. Его инициаторы и исполнители — силовики, чекисты, к числу которых относится Путин. Но не чекисты ли развалили Советский Союз, не они ли объединили Германию, разрушили Варшавский договор, создавали по всему Союзу Народные фронты, внедрили Крючкова в ГКЧП и сломали советское государство?

Можно ли верить чекистам, которые после Лубянки 1991 года пошли в банки, корпорации, создавали аналитические центры и охранные структуры новых олигархов, и всем Комитетом приняли православие и стали ездить на Афон, сохраняя в своих кабинетах портреты Дзержинского? Являются ли нынешние силовики той надёжной силой, которая сберегает сегодняшнюю Россию от распада и либерального взрыва? Где рецепт сбережения государства? Возможна ли в России гармония между либерализмом и централизмом?

Остановившаяся в развитии страна напоминает раствор, в котором замерли все химические реакции, и на дно выпадает множество разноцветных осадков — ядовитых и тлетворных. Чтобы раствор империи вновь ожил, нужно его вскипятить, кинуть в него кристалл развития, и русская история вновь обретёт свою творческую динамику, обретёт свой горный смысл.

газета «Завтра»

https://zavtra.ru/blogs/ne_toporom_a_pinctetom

Мы сами растеряли нашу Победу

Придется воевать за неё снова

То увлекшись развенчанием культа Сталина, то боясь обидеть «братьев» и «союзников», мы не заметили, как шаг за шагом сдали свое главное достижение.

Помните замечательный советский фильм Бориса Барнета «Подвиг разведчика» с Павлом Кадочниковым в главной роли? Немецкий офицер поднимает бокал со словами:

- За победу!

- За нашу Победу! – уточняет наш, советский герой-разведчик, одетый в ненавистную вражью форму.

И темный зал кинотеатра взрывался аплодисментами. За нашу! – и все тут. Счастье – это не продовольственная корзина с верхом, оно складывается из многих элементов, духовных и материальных. В мироощущении моего поколения сознание того, что мы народ-победитель, было тем главным, что давало нам чувство счастья, а, точнее, как сказал поэт, «полный гордого доверия покой».

А что сегодня? Обложенная чуть ли не со всех сторон, как затравленный медведь, Россия вынуждена безуспешно доказывать «цивилизованному миру», что легендарная победа 1945-го – наша, что Гитлера повергли, водрузив флаг над рейхстагом, мы, а не американцы, не англичане, не французы и даже не поляки, мы – многонациональный СССР!

Нас в ответ, как шулеров, хлещут «Пактом Молотова-Риббентропа» по ушам. Или того хуже, бьют «канделябром Катюни» по голове. «Стойте! – возражаем мы, – но ведь аналогичные договоры с Германией в ту пору заключили почти все европейские страны!» Однако объяснять нужно тем, кто заблуждается, а не тем, кто привык даром брать чужое.

«Да и с Катюней не так все просто... - бормочем вдогонку мы. - Многие серьезные историки убеждены, что польских офицеров убили фашисты...Есть доказательства...» «Какие еще доказательства? Вы же сами признались!» - отвечают нам. - Да еще извинились на государственном уровне!»

«Сами» - вот оно, ключевое слово. При Хрущеве сами ославили Сталина кровавым тираном, руководившим фронтами по школьному глобусу. Сами заговорили о преступной «внезапности» и «неготовности», о бессмысленном истреблении командных кадров, о «малой крови», обернувшейся жуткими жертвами. Сознаемся, пересмотр роли СССР во Второй мировой войне начался именно с доклада Хрущева на 20-м съезде КПСС. Внутриполитические игры обернулись гигантским внешнеполитическим проигрышем.

А что, разве не надо было? Надо, наверное. Но не так, иначе. Нельзя отказ от одной полуправды ради другой полуправды выдавать за поиск истины. Если говоришь об избиении кадров, не забудь о заговоре военных. И многое становится понятнее. А про то, что невозвратные потери действующей армии у нас и у немцев были почти одинаковые, я узнал только в 1990-е. Разница в 20 миллионов – это не гибель в бою, это запредельный геноцид мирного советского населения, блокада, кошмар концлагерей. Почему эта принципиальная «статистика» попала в общественное сознание так поздно, ведь историкам она была давно известна. Кто мешал? А «внезапность»? Через нее прошли почти все. Или японцы над Перл-Харбором предупредительные листовки перед бомбежкой разбрасывали? Но Рузвельта за вероломство врага никто растяпой не считает.

При Брежневке вроде бы очнулись, начали грандиозно увековечивать Победу, даже генералиссимуса вынули из выгребной ямы истории и пустили погулять по кинематографу. Помню, на премьере фильма «Освобождение» в 1968-м, зал, увидев на экране неторопливого вождя с трубкой, встал и хлопал так долго, что пришлось прервать показ. Но оставалось еще немало темных пятен на нашей «славе, купленной кровью». Их не спешили отмыть, а «мины мудрого умолчания» не торопились обезвредить, и они начали рваться с приходом «гласности».

Вы знаете, например, что надо было сделать в годы застоя, чтобы сегодня по улицам Киева не маршировали последыши дивизии СС «Галичина»? Ни за что не догадаетесь! Всего-навсего громко сказать правду: «Хатынь» сожгли каратели-бандеровцы. Но это тщательно скрывалось ради дружбы народов. По той же причине помалкивали о прибалтийском Холокосте, осуществ-

Юрий
Поляков

вленном руками местного населения, которое чуть позже, вместо того, чтоб каяться, стало самоотверженно бороться с «советской оккупацией» при помощи хорового пения.

Ладно, допустим, о запредельных зверствах румынских частей на советской земле не заикались ради единства Варшавского Договора, но о бесчинствах американских оккупантов в Германии, о миллионах изнасилованных ими немок по какой причине мы-то молчали? Из ложно понятой верности былому союзничеству? Ха-ха! Вот и получили. Теперь самим приходится тщетно доказывать, что красноармейцы никогда не были дикой ордой сексуальных извергов, с бычьим нахрапом покрывших несчастную Европу

В 1982 году меня, редактора газеты «Московский литератор», наказали за публикацию стихов молодого поэта, упомянувшего штрафные батальоны. А надо было не наказывать – объяснять народу, что это были за части, зачем сформированы (кстати, вслед за немцами)... А еще в начале 1980-х возникла странная дискуссия «о заёмной боли», мол, прилично ли нам, поэтам, родившимся в пятидесятых, писать о Великой войне, не примазываемся ли мы к чужой славе? Потом вдруг известный поэт-фронтовик обмолвился в стихах:

Ну что с того, что я там был,

Я все забыл, я все избыл...

- Правильно! - похвалили его передовые кухонные умы. – Хватит кичиться «большой кровью», надо смотреть вперед!..

Теперь дети тех «передовых кухонных умов» упрекают нас в «победобесии»...

А впереди был Горбачев – и развал страны. Ельцин – и утрата суверенитета, который чудовищной ценой отстояли в Великую Отечественную. Был самый сокрушительный удар по Победе наших отцов и дедов. Такой «антикатюшей», бьющей по своим, стал антисоветизм, принятый на вооружение властными недотепами, высокопарно именуемыми «политическим классом».

В 1995 году я опубликовал в «Труде» статью «Грешно плевать в Чудское озеро», где возмущался тем, как страна

готовится к 50-летию Победы. Напомню, власть волновало одно: прилетит ли Клинтон в Москву или нет? А чтобы не огорчать его нашими фантомными имперскими амбициями, Парад впервые провели не на Красной Площади, а на Минском шоссе, возле Поклонной горы, которую предсудитительно срыли наполовину, тоже, думаю, из приверженности общечеловеческим ценностям... Думаете, сейчас все изменилось кардинально? Сомневаюсь... Сибирский мальчик, горюющий о мерзлявых немцах в окопах Сталинграда... Упреки, адресованные родителям-милитаристам, одевающим детей в праздничные фронтовые гимнастерочки... Наши собственные фильмы о дебилах-политруках, самодурах-маршалах, упырях-смершевцах... А вы знаете, в чем главная вина Сталина, если верить нынешним документалистам? Ни за что не догадаетесь. Несчастливая Аллилуева сделала из-за его неумности столько аборт, что и вымолвить страшно! Вот оно как...

Уже Путин послал нам сигнал о неблагополучии - озаботился учебниками истории, неадекватно отражающими нашу роль в Великой войне... Наконец-то! Мы, нервные публицисты, пишем об этих пресловутых учебниках лет двадцать пять, едва к нам Сорос на постой заехал... Если уж равноудаленный отовсюду Кремль допекло, значит, плохи наши дела...

«Что делать?» – вопрос куда более сложный, чем вопрос: «Кто виноват?» Для начала долгожданного контрнаступления надо сознаться самими себе: Победу, почти проигранную «геополитическим партнерам» с краплеными картами, придется отвоевывать. Брать заново высоту за высотой. Снова идти с боями от Москвы до Берлина. Про Вашингтон не говорю: его возьмут афроамериканцы, и мы еще распахнем гостеприимную Сибирь белым беженцам из Нового Света. Но уже сегодня надо приучать мировых хапуг к тому, что за каждое покушение на нашу историческую Победу они будут получать сдачи. Наотмашь! Иль мало нас? Иль за очередной снесенный в Европе памятник советским освободителям нам нечем ответить, кроме эфирными «ай-ай-ай» Маши Захаровой?

<https://clck.ru/Uk6mq>

Этот праздник, со слезами на глазах

9 Мая. День Победы.

И не просто Победы, а Великой Победы! Уж сколько было сказано, сколько «сломано копий», но для всех и всегда Победа в Великой Отечественной Войне - это подвиг нашего народа! Вот только мне кажется, что теперь этот праздник должен быть не только «со слезами на глазах», но и с красным от стыда лицом.

9 Мая 2018 года. Как и все «нормальные» россияне, я отметил этот великий день с друзьями – посидели, поговорили, выпили. Вызвали такси и отправились по домам. В машине мой друг спросил у шофёра:

- А Вы будете сегодня отмечать День Великой Победы?

На что таксист грустно ответил:

- А это не мой праздник. Это праздник моего деда!

Мы не поняли его слов, начали объяснять, что это праздник всей страны, что это Великий подвиг, а мы – наследники той Победы. Что нельзя забывать о том, что наша армия спасла мир! А таксист горько вздохнул и повторил:

- Это было тогда. А сейчас – всё другое. Другие люди, другая страна, другие флаги, другие ценности и понятия. Не за это воевал мой дед!

Тогда я не вступил в полемику с тем таксистом. Да и вообще - не придал этому случайному разговору особого значения. А потом, через несколько дней, вдруг задумался: а, может, этот таксист прав?

Каждый год 9 Мая мы встречаемся с друзьями, чтобы отметить очередную годовщину Победы, помянуть своих дедов (у каждого дед или бабка были на фронте) и в очередной раз погордиться великим подвигом.

Годы идут, и это событие, действительно великое в нашей истории, всё больше обрастает формализмом, помпезностью и высокопарными словами. А почему?

Когда задумываешься над этим, неожиданно начинает грызть «червь сомнения»: а не прикрывают ли этим нечто страшное? Страшное и омерзительное?! А именно – предательство российским (и не только) народом Великой Победы, завоёванной нашими дедом и прадедами в далёком сорок пятом.

За что воевали советские солдаты и офицеры, партизаны и подпольщики? Ради чего шли в бой на фронте, погибали в застенках гестапо на оккупированных территориях, а в тылу – ковали победу без выходных и отпусков? Женщины и старики работали за мужчин, ушедших на фронт, на самых тяжёлых работах. Мальчишки-подростки 13 – 14 лет становились к станкам, а девчонки шли в госпитали медсёстрами, ухаживать за ранеными.

Лет тридцать тому назад этот вопрос имел вполне ясный ответ: страна воевала за Советскую Родину, за завоевания социализма, за идеи коммунизма. За заводы и фабрики, построенные в годы первых пятилеток и работающие на благо всего народа, а не кучки «капиталовложителей». За советскую культуру, которая воспитывала в гражданах страны высокие идеалы, а не потакала низменным чувствам ради высоких гонораров! За советское образование, бесплатное и общедоступное (не в пример другим странам), развивающее человека творческого и разносторонне развитого, а не тупого мещанина-потребителя, гробящего своё здоровье на работе, чтобы своим потребительством обогащать торгашей! И Победа была под Красным знаменем коммунистических идей.

Что мы празднуем сейчас? Официально - победу советского народа над нацистской Германией и её союзниками? А вот про то, что это была Победа новой общественно-политической формации, основанной на принципах социалистического («по справедливости») распределения общественного богатства над старой, капиталистической («кто смел, тот и съел»), в современной России старательно умалчивают.

«Цвет Победы – красный!» Эту истину признают даже некоторые либералы-русофобы. Наши деды и прадеды защищали свою страну под красными знамёнами, под руководством Коммунистической партии, и Верховным главнокомандующим был Сталин. Как бы вы ни относились к этой личности, но именно Иосиф Виссарионович был «лицом» Победы.

Со времен «перестройки» активно насаждается мнение, что СССР победил нацистскую Германию не благодаря, а вопреки Сталину и Коммунистической партии. Что главная заслуга в Победе

Рафаэль
Басыров

– у простого народа, который (каким-то сверхъестественным образом) «самоорганизовался» вопреки неумелому руководству «сверху» и победил величайшую армию мира! Извините, но это смешно. В истории ещё не было случая, чтобы армия одержала победу в войне при бездарном полководце. Такого априори быть не может.

Представьте немыслимое – в далёком сорок пятом простой советский солдат, прошедший войну и освободивший Европу (да и весь мир) от нацизма, заснул летаргическим сном и проснулся только сейчас, в 2021 году. И вот посмотрит он на нашу действительность и ужаснётся – не за такое будущее для своих внуков и правнуков он воевал.

И наверняка вспомнит, как однажды взяли в плен группу из вражеской армии, а там, кроме немцев, ещё и солдаты из РОА (Русской Освободительной Армии). Немцы – понятное дело: это военнопленные. А вот на «власовцев» конвенция о правах военнопленных не распространялась – они расстреливались на месте.

«Власовцы»... они воевали за идеи буржуазной России. Под российским «триколором» и с георгиевскими лентами в петлицах. Все завоевания социализма (по их мнению) следует дезавуировать: фабрики и заводы должны принадлежать капиталистам, земля – помещикам, а правящим классом (т.е. – в чьих интересах работают все социальные, политические и государственные институты) должна быть крупная буржуазия. И вот какой-то «власовец» перед расстрелом бросит советскому солдату:

- Погоди! Придёт ещё наше время!

Тогда бы это звучало абсолютно нелепо. И в ответ советский солдат мог только рассмеяться ему в лицо.

Но вот прошло много лет. Тот советский солдат теперь глубокий старик и живёт в «постсоветской» России. Что он видит вокруг? Где та Советская Родина, за которую он воевал и за которую гибли его товарищи? Где те идеалы, ради которых он смело смотрел смерти в лицо? И он в ужасе осознаёт, что слова того «власовца», которого вели на расстрел, оказались пророческими! Социализма уже нет. Заводы и фабрики принадлежат капиталистам. Землю присвоили ушлые «частники», а правящим классом стали олигархи. Богатства страны, раньше служившие всему народу, теперь присвоены кучкой отщепенцев.

И старый ветеран теперь осознаёт: хоть он и победил в страшной войне, но победа эта оказалась временной. Не прошло и полувека, как нашу страну захватили те самые «власовцы» (вернее – их идейные наследники), которых тогда расстреливали без сожаления. Захватили тихо, без военных действий, что называется – мирным путём. Прозомбировав через «гнилую интеллигенцию» население во времена «перестройки», они под всеобщий «одобрямс» встали во главе огромной и сильной державы, чтобы установить те самые порядки, которые готовили нам захватчики в Великую Отечественную.

И снова вспоминаю слова того таксиста: «Это не мой праздник – это праздник моего деда!». А его дед (как и мой, и многих других) знал в победном сорок пятом, что за ним стоит огромная страна, великий советский народ, а главное – товарищ Сталин и Коммунистическая партия большевиков. И где это всё сейчас? Огромная держава стала сырьевым придатком других, более развитых стран. Советского народа уже нет – есть население «сырьевого придатка». Компартия – неудобный, но всё же придаток буржуазной системы (а большевизм вообще под запретом). Что касается Сталина, то его имя давно уже втоптанно в грязь. Причём так сильно, что «отмыться» уже практически невозможно.

Кстати, о Сталине. Я прекрасно помню, с чего началась горбачёвская перестройка – с массового осуждения «культы личности» Сталина. Вдруг со всех сторон на нас обрушился вал антисталинизма. Все газеты, журналы, телевидение, кинематограф, театр, художественная литература – все средства массовой информации начали усиленно говорить о том, какой плохой был Сталин. Как страшны были времена «сталинских репрессий» тридцать седьмого года! И т.д. и т.п.

Тогда мало кто «включил мозги» и задался вопросом: а с чего это вдруг такая истерия вокруг культа личности Сталина? Никакого повода не было, просто была объявлена «гласность», но все словно с цепи сорвались – набросились именно на эту тему. Случайно? Или это было частью хорошо спланированной идеологической акции по зомбированию народа, чтобы впоследствии без труда «прикарманить» государственную собственность?

Никто сейчас не замечает того факта, что патриотизм присвоен компрадорской властью. Через СМИ активно насаждается мнение, что власть защищает «нашу Победу», а оппозиция пытается переписать историю и принизить её значение.

В интернете есть совершенно замечательная (по моему мнению) картинка: мальчиш-Плохиш (антигерой фильма Евгения Шерстобитова «Сказка о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише, и его твёрдом слове», 1964 г.), с орденом «Белый крест предателя», довольный и сытый, держит в руках фотографию Мальчиша-кибальчиша с надписью: «Я помню! Я горжусь!»

Именно так! И неспроста наши «власть имущие» так активно «поднимают на щит» Победу в Великой Отечественной. Конечно – им удобнее было бы предать это забвению, ведь тогда их идеи

были посрамлены. Но...

Дело в том, что основная масса россиян дезориентирована и маргинализована, а это – благодатная почва для грядущего социального взрыва. Взрыва, который сметёт эту свору отщепенцев, дорвавшихся до власти! И для предотвращения такого сценария им понадобились так называемые «скрепы» - события в нашей истории, позволяющие объединить и обнищавший народ, и разжиревшую власть. Первый спутник, полёт Гагарина, Олимпиада-80, но главное - Победа в Великой Отечественной! Вот главный «скреп», который бессовестно узурпирован идейными наследниками генерала Власова.

Как часто я вижу на автомобилях надпись: «Спасибо деду за победу!» Конечно, хозяин машины считает, что таким образом он выражает свой патриотизм, своё уважение подвигу советского солдата. И не осознаёт, что в современной российской реальности это звучит, как издевательство. Мы «продули» ту Победу, которую завоевали наши деды! Мы «прошляпили» ту страну, за которую они погибли. Не гордиться нам надо, а каяться!

Разве наши деды воевали за то, чтобы их потомки жили при капитализме? За то, чтобы через семьдесят лет пенсионеры были нищими, а мужчины в рассвете сил безработными? За то, чтобы простые люди «горбатились» на двух-трёх работах, потому что надо «поднимать детей»? За то, чтобы высококлассные специалисты (столяра, токари, фрезеровщики) соглашались на любую работу (мыть машины, охранять склады, разгружать вагоны), потому что работы нет, а жить на что-то надо? За то, чтобы олигархи покупали яхты и виллы, у «проштрафившихся» чиновников при обыске находили деньги коробками и драгоценности ведрами, а деньги на операции умирающим от лейкемии детям собирали СМСками?

Мы продались со всеми своими заводами, фабриками и недрами тем, против кого они воевали тогда. За колбасу, за «Кока-колу», за американские джинсы... за свободу выйти на Красную площадь и крикнуть «Брежнев – дурак!».

Нас завоевали не нацисты, а идейные наследники их союзников - «власовцев» - тех самых «буржуинов». Пусть с опозданием на полвека, но всё же – они добились своего. Не в прямом бою, а пообещав «банку варенья и пачку печенья», обокрали огромную и богатейшую страну! И при нашем с вами практически всеобщем «одобрямс»!

А разве это не мы кричали в конце 80-х: «Социализм себя не оправдал – дайте нам рынок!». Разве не мы видели в гайдаровской «шоковой терапии» панацею от всеобщего дефицита, когда и крупа, и макароны, и стиральный порошок, и всё остальное распределялось по талонам? Разве не мы согласно кивали головами, когда наш «первый президент РФ» на полном серьёзе говорил, что «предприятиям нужен ХОЗЯИН», а потому – приватизация необходима?

Кто мы после этого? Разве не те самые «мальчиши-Плохиши», пожелавшие «записаться в буржуинство», чтобы есть варенье банками, печенье пачками, а халву килограммами? Так имеем ли мы право считать себя наследниками той Победы?

«День победы! Это радость, со слезами на глазах!» - слова этой песни сегодня обрели иной смысл. Когда-то это были слёзы счастья, гордости за свою страну, за своих отцов и дедов, сражавшихся на фронте или ковавших победу в тылу. Теперь, в День Победы, у меня тоже наворачиваются слёзы на глазах. Но это слёзы отчаяния и стыда.

11.05 – 15.06.2021г.

Публицистика

ЛИТЕРАТУРНАЯ

Николай Богатов (1854-1935)
Пасечник

Вопросы остаются...

Волшебная фраза наоборот

эссе

Преамбула – вводная часть

Сама идея написания статьи непосредственно связана с зимними вечерами поэзии в Трускавце. Я бы покривил душой, если бы хоть как-то не упомянул участников жаркой кухонной беседы – Александра Бубнова и Петра Солодкого, ставших «крестниками» нижеследующего текста.

Дело в том, что исследованиями сказки Алексея Толстого я занимаюсь давно. Но мог ли я представить себе, что проделанный пятидневный путь только в один конец из Сибири до Западной Украины на презентацию сборника «Серебряный стрелец – 2008», сулит мне встречу в Дрогобыче с такими заинтересованными и компетентными оппонентами. Разговор шёл о палиндроме – как о высшей форме сакральной поэзии. Это непосредственно затрагивало область моих исследований. Если вы помните, ключевым моментом приключения Буратино является воспитание деревянного человечка – девочкой с голубыми волосами, Мальвиной. И, по моему убеждению, волшебная фраза «А роза упала на лапу Азора», выбранная персонажем, носящим имя спутницы престарелого кельтского барда (друида) Оссиана и подруги его погибшего сына Оскара* – является ключом к сказке.

Только позже выяснилось, что один из моих собеседников – доктор филологических наук Александр Бубнов** – является к тому же единственным в мире специалистом в области изучения палиндромов. Ознакомление с материалами на сайте «Доктора Бубнова» позволило мне скорректировать многие моменты статьи. А Пётр убедил меня в необходимости публикации этого исследования.

Хочется, воспользовавшись моментом, передать отдельное спасибо гостеприимным хозяевам и организаторам зимних вечеров – Светлане Осеевой, Петру Солодкому, Юре и Ване.

* «Оскар» – звёздный отель курорта Трускавец. Место проведения зимних вечеров поэзии. Просто совпадение, вызывающее приятные воспоминания.

** Лауреат премии имени Петра Вегина, бард, поэт, ученый,...да и человек славный.

Юджин
Велос

Рисунок Ирины Кустовой

«Волшебная фраза наоборот...»

Рухнувший с дуба – на собачьи лапы Артемона – Буратино проходит процесс возвращения к жизни в лесном домике. Хозяйка, беглая кукла Мальвина – голубоволосая красотка – после возвращения к жизни пришельца приступает к воспитанию озорника. Она заставляет его решать задачи и писать диктовки, причем текст диктанта такой: «А роза упала на лапу Азора», «волшеб-но» читающийся одинаково от начала к концу и от конца к началу. Перевертень, по мнению киевского филолога Мирона Петровского, поставлен в центр сказки, сюжет которой тоже образует, условно говоря, палиндром.

Если Вы помните, сказка начинается с параллельной метафоры: яйца и полена. Вылупившийся цыпленок бежит на поиски своей мамы. Деревянный человечек, точно следуя логике латинского изречения «ab ovo usque ad mala», что значит «от яйца к яблокам», в ходе сюжетных перипетий попадает к женскому персонажу, задающему Буратино задачу. Сюжет задачи: «яблоки и Некто». Здесь, начавшийся «от печки» – очага – жизненный этап деревянного человечка завершается и переходит на новый уровень.

Далее замкнутая кольцом композиция вновь выводит Буратино на дорогу приключений. А затем уже с полученным ключом герой возвращается назад, в ту же самую каморку, к тому же очагу. И если бы мы вздумали листать сказку в обратном направлении – от конца к началу – то прошли бы почти тот самый путь, что и при последовательном – от начала к концу – перелистывании. Перефразируя Лао-Цзы, можно воскликнуть: «Не выходя из каморки, можно было познать мир!». Но если мудрецу для получения знания и обретения славы нет никакой надобности куда-то идти, то хитрецу Буратино, для того чтобы прославиться на весь свет, необходима цепь случайных событий, вовлекающих его в Фетовский палиндром, вложенный в уста Мальвины, как бы обозначает точку слома сказки – кувырок: судьба Буратино, катившаяся вниз, несмотря на кажущиеся успехи, с этого момента пойдет, к счастью, вверх, несмотря на многие несчастья, ожидающие героя впереди. Вот уж воистину: не было бы счастья, которое с помощью ключа пытаются обрести персонажи, да несчастья помогли.

В своём исследовании «Что отпирает Золотой Ключик» Мирон Петровский, касаясь палиндрома, видит в нём только какую-то насмешку над символистами, к стану которых некогда принадлежал Алексей Толстой. Неизжитая неприязнь к Александру Блоку и Андрею Белому, по мнению автора, и заставляет вложить в уста Мальвины фетовский палиндром, в котором якобы переключаются имена и мотивы загадочной блоковской пьесы «Роза и Крест».

«Сопоставление прекрасной дамы Изоры с розой то в чувственном, то в сверхчувственном аспекте этого символа проходит через всю драму Блока... – писал В. Жирмунский. – «Розовые заросли» в саду Изоры имеют такое же символическое значение, как и зацветающая весенняя яблоня. Блок специально отмечает их в числе «главного» в декорациях будущей постановки Художественного театра: «Розы должны быть огромные, южные». Чёрная роза, таинственно упавшая из рук Изоры на грудь Гаэтана, спящего в розовой заросли и подаренная им Бертрану, становится символом любовного служения последнего...» (Жирмунский В. М. Драма Александра Блока «Роза и Крест». Л., 1964. С. 53.)

Но позвольте, грудь – не лапа! Лапа – точное указание на животного! Азор – Изора? Звуковое, причём не точное, совпадение имён, подкреплённое только тем, что для запертой в башне Изоры необходим ключ, находящейся у Арчибальда? Может быть, конечно, и так, – сама по себе сказка необыкновенно поэтична и потому имеет множество слоёв, как любое талантливое произведение. Есть, конечно, в ней и слой пародий, сатиры, направленные на русский Серебряный век, с которым Алексей Толстой, вполне возможно, и сводит счеты почти таким же образом, каким будет сводить Анна Ахматова в «Поэме без героя», но делать акцент на затаённое зубоскальство всё же не стоит. Уж слишком нарочито и поверхностно подается – для будущих исследователей – в сказки подобная информация. А не отводят ли нам всем глаза, не пускают ли по ложному следу?

Наверно, многие, глубоко погруженные в какую либо творческую задачу, замечали, что на определённом этапе ты как бы начинаешь наткаться в самых неожиданных местах на косвенные подсказки, переключки и аналогии с той проблемой, какую носишь в себе. Точно кто-то невидимый, подталкивая в нужном направлении, подсовывает материалы, раскрывая их в нужных местах. То же было и со мной. Выпавшая нечаянно из книжного шкафа «Разоблачённая Изиды» Елены Блаватской – раскрылась, и я, поднимая книгу, невольно зацепился взглядом за строчки. Присев на корточки, дочитал главу до конца. В ней говорилось о том, как во время спиритического сеанса в Индии, на котором присутствовала мадам Блаватская, цветы розового лотоса и

индийской туберозы, обильно до этого украшавшие стены, неожиданно начали путешествовать по воздуху (летать), а один из лазоревых цветков туберозы упал на лапу львиной обезьяны ванндеруу.

Вот те на! Открыв оглавление книги, читаю подзаголовок: «Ключи к тайнам древней и современной науки и теологии». А нет ли случайно среди них того самого «золотого ключика»? Ключика, утерянного на дне заболоченного водоема, где бьют ключи, а по иному – источники, восходящие к истине? Ключика, который покоится на дне под водяными лилиями – одинаково священными как для египетской, так и индусской культуры, и без которого Серебряный век русской поэзии может остаться кукольным балаганом ряженных Пьеро и Арлекина, выясняющих тумачами отношения из-за сбежавшей жены.

Вышедший из среды символистов, учившийся у них, жадно впитывая идеи и направления философской мысли, Алексей Толстой был дружен с Максимилианом Волошиным. Поэтом «тайновидцем», о котором Марина Цветаева, глубже всех постигая его сущность, говорила: «Макс был знающий... Глубочайший его пантеизм, всебожественность, всебожие, всюдубожие... Он был посвященным».

Оккультный раздел волошинской библиотеки, которой могли пользоваться все отдыхающие в Коктебеле, был невероятно велик. Личное знакомство Волошина с преемницей Блаватской – Анни Безант, с основателем антропософии Рудольфом Штейнером, с М.Метерлинком (у которого герои пьесы «Синяя птица» – марионетки, находят счастье не в ходе поисков, а под родимым кровом), невольно заставляет взглянуть по-иному на палиндром, а через него и на всю сказку Алексея Толстого. Отныне вышеупомянутое название блоковской пьесы «Роза и Крест» стало для меня представлять несомненный интерес. Далекое отличное от области изысканий Мирона Петровского.

Рисунок Ирины Кустовой

Помнится, была в дореволюционной России дьявологическая ложа розенкрейцеров «Люцифер», возникшая в 1910 году, куда устремились некоторые русские деятели искусства, увлекавшиеся декадансом. Среди них якобы были и поэты: Вяч. Иванов, В.Брюсов, А.Белый. Одно время, в период создания своей мистической пьесы «Роза и Крест», ложей розенкрейцеров будто бы интересовался Александр Блок. Просматривая дневники Александра Блока, я даже обнаружил интересный момент: в период написания пьесы «Роза и Крест» (а это 1912-1913 год) Андрей Белый находился в теософской общине Рудольфа Штейнера. Из писем Белого можно сделать вывод, что для него наступает новый период – период насыщенных исканий на основе тех новых идей и концепций, которые он почерпнул из лекций, учения и личного общения с Доктором (Штейнером) и его приверженцами. Белый следует за Штейнером в его поездках по городам Европы с циклами лекций; пропагандирует всячески его учение Акаши, которое он, как сам признаётся, даёт ему новые стимулы к существованию; поселяется в Дорнахе, где силами общины возводится антропософский храм – Иоанново здание, как они его называют, или Геттанум; активно участвует в строительстве этого храма, выступая в неожиданной для себя роли (папы Карло) – резчика по дереву...

Но это так сказать присказка...

Взглянуть на известный палиндром по-иному меня побудила поэтическая строка Владимира Маяковского – на первый взгляд, не имеющая никакого отношения к данной теме. Но она-то и стала тем самым ключиком, причём – не только к расшифровке перевёртыша. Эта строка заставила увидеть занятную подоплёку с детства хорошо известной сказки.

В 1925 году Владимир Маяковский пишет и публикует грустные иронические стихи о быстротечности времени и человеческой жизни – «Мелкая философия на глубоких местах», где присутствуют такие строки:

*Я родился, рос, кормили соскою, —
жил, работал, стал староват...
Вот и жизнь пройдет,
как прошли Азорские острова.*

Всего тридцать два года было поэту, когда он написал это стихотворение. Мысль об уходящей жизни, предчувствие приближающейся смерти не отпускают его. Увидев, а вернее – услышав созвучие загадочных «проходящих Азорских островов» с лапой Азора и следуя пастернаковской заповеди – «во всём мне хочется дойти до самой сути», я начал «копать». Интересно, о каких таких островах пишет поэт? И почему и куда они вдруг «прошли»?

Официальная дата открытия Азорских островов – 1427 год. И принадлежит эта честь португальцу Диэго де Сильве. С тех пор и по сей день Португалия владеет этими островами в океане. Правда, в последнее время исследователи стали находить морские карты генуэзцев, на которых архипелаг якобы значился уже в 1317 году!

Морская картография времён Великих открытий – дело, как известно, тёмное. Морские карты были государственной тайной и тщательно охраняемыми секретами. Карты хранились в сейфах, похищались, перепродавались, переправлялись, чтобы скрыть правду о великих географических открытиях от менее расторопных наций. Так что разобраться сегодня, кто был первый, чрезвычайно трудно. Да и интерес это представляет, скорее, чисто научный, чем прикладной. Кому какое дело, кто первый открыл, в конце концов, гораздо более важно, кто первый там «ногую встал у моря», то есть заселил! А это были супер активные в то время португальцы.

Открыв Азорский архипелаг в начале XV столетия, португальцы обнаружили здесь очень скудную флору и фауну. Самыми крупными обитателями островов были ястребы, за что архипелаг и был назван Азорским, то есть «Ястребиным». Стало быть, делаю я для себя вывод, слово «Азор» на португальском языке означает «Ястреб». Да, и в испанском языке azor – та же самая хищная птица. В том, что в обратном чтении слово «роза» переходит в другой язык и становится словом «azor» обретая иную смысловую нагрузку, нет ничего невероятного. А вот почему.

Был такой соученик Н. В. Гоголя по Нежинской гимназии – Платон Акимович Лукашевич. Так вот, в 50-е–80-е годы позапрошлого века Платон Лукашевич издал ряд книг, в которых он проследживает историю корней разных языков. Обладая большими познаниями в разных языках, он составил три объёмных тома корнесловов: греческого, еврейского и латинского языков, а в 1868 г. выпустил книгу «Объяснение ассирийских имен», в которых сравнения слов идут панорамически, причем включаются самые экзотические языки.

В книге «Мнимый индогерманский мир, или Истинное начало и образование языков немецкого, английского, французского и других западноевропейских» (Киев, 1873) П. А. Лукашевич сообщает: «...Мною было открыто чаромантие, или обратное чтение корней слов, какого бы ни было языка».

Вслед за этим признанием на той же странице идет не менее ошеломляющее сообщение: «Нередко немецкое коренное слово в обратном чтении отыскивается в языке французском, в английском или другом западноевропейском, а затем уже легко находится у Охотского моря или в степях Монголии». Заручившись такой авторитетной поддержкой, можно смело теперь утверждать, что «Азор» – не собака, как почему-то все думают, видимо, из-за созвучности с кличками Тризор-Дозор, а всё-таки – ястреб, это значит, что всем известная роза падает на лапу ястреба, а не собаки.

Есть версия у литературоведов, которая опирается на биографические данные о поэте Маяковском. Она гласит, что Маяковский, проплывая, вернее – проходя (согласно морской терминологии) на океанском лайнере мимо Азорских островов, задумался о бренности жизни, и это якобы

вдохновило его на элегическое размышление в стихах. Что в принципе возможно, хотя о быстро проходящей жизни можно думать, глядя на всё, что угодно в подлунном мире. Потому как, ещё задолго до Маяковского, древние греки, прикреплявшие розы в знак траура на голове и груди, как символ кратковременности нашей жизни, и которая так же быстро увядает, как душистый цветок, сложили поговорку: «Если ты прошел мимо розы, то не ищи её более». Согласитесь, это похоже на переключку во времени и в разных культурах с разными языками. Но вновь с теми же словами: «Роза – Азор», со смыслом, точно соответствующим печальной мудрости Екклесиаста: «Всё пройдет». Но в данном, конкретном, случае мне хотелось бы знать конкретней: а что «всё» и «куда»?

Попробую сделать предположение.

В книге «Атлантида, мир до потопа» И.Доннели, вышедшей в 1882 г. и в течение ближайших же лет ставшей настоящей «библией атлантологов», приводилась и карта Атлантиды: Доннели реконструировал затонувшую страну на основании данных о Срединно-Атлантическом хребте и помещал её на участке между 25 и 48 градусами северной широты, включая, помимо подводных гор, и острова Азорского архипелага.

Рисунок Ирины Кустовой

В 1913 году в докладе, прочитанном в Океанографическом институте, французский академик, геолог Пьер Термье, заявил, что дно Атлантики образовалось, видимо, в недавнее время. Термье ссылался на поднятый к северу от Азорских островов, с глубины трёх километров, кусок стекловидной лавы, тахилит. По мнению французского геолога, тахилит сформировался не под водой, а на воздухе, и притом совсем недавно, около 15 тысяч лет назад. И по сей день в районе Азорских островов происходит обратный рождению земли из океана процесс: Азоры медленно, но верно погружаются в океан со скоростью свыше 5 миллиметров в год, и вполне возможно, что прежде погружение шло ещё более интенсивно.

Так что, на мой взгляд, поэт такого масштаба, как Владимир Маяковский, живя во времена возрождающегося интереса к таинственному континенту, вполне мог сравнивать в своём стихотворении проходящую жизнь человека с исчезновением цивилизации Атлантиды в районе Азорских островов.

Ну, допустим, выяснилось, что роза упала на лапу ястреба. Что от этого изменилось? А вот что...

Рисунок Ирины Кустовой

Тем, кто не представляет себе, как выглядит ястребиная лапа, могу напомнить: крестообразно. И похожа она на руну Y – руну «защиты». Но функция лап хищника имеет другое значение: как известно, у ястребов длинные когтистые лапы, которые ястребы используют для умерщвления своей жертвы, в чём, возможно, прослеживается сходство с функцией крестовидного распятия. Умерщвление жертвы. Визуально крестовидная лапа с розой на ней вполне может выглядеть,

как знаменитый символ ордена розенкрейцеров. Вполне возможно. В сказке и не такое возможно и допустимо. К примеру, самой красивой кукле, живущей на сизой поляне, именно ястреб приносит жареную дичь, а чуть позже этот же ястреб, став уже коршуном из облака, похожего на кошачью голову, пикирует на полицейских доберманов.

Если все-таки моя догадка верна, то какое отношение Мистическая Роза, распятая на Кресте и мудрёно интерпретируемая как «божественный свет Вселенной, исходящий из духовного сосредоточия в земной мир страданий», имеет к сказке Алексея Толстого, и как этот закамуфлированный символ тайного общества розенкрейцеров увязывается с контекстом произведения? Сие, признаться честно, озадачило и меня. Но занявшись основательно поиском разгадки приключения Буратино и начав его с волшебной фразы (памятуя о том, что слово «волшебный» однокоренное со словом «волхв»), а также используя перевёртыш, как золотой ключик, я стал, мал по малу, поворачивать его в замке потайной двери за нарисованным на холсте очагом.

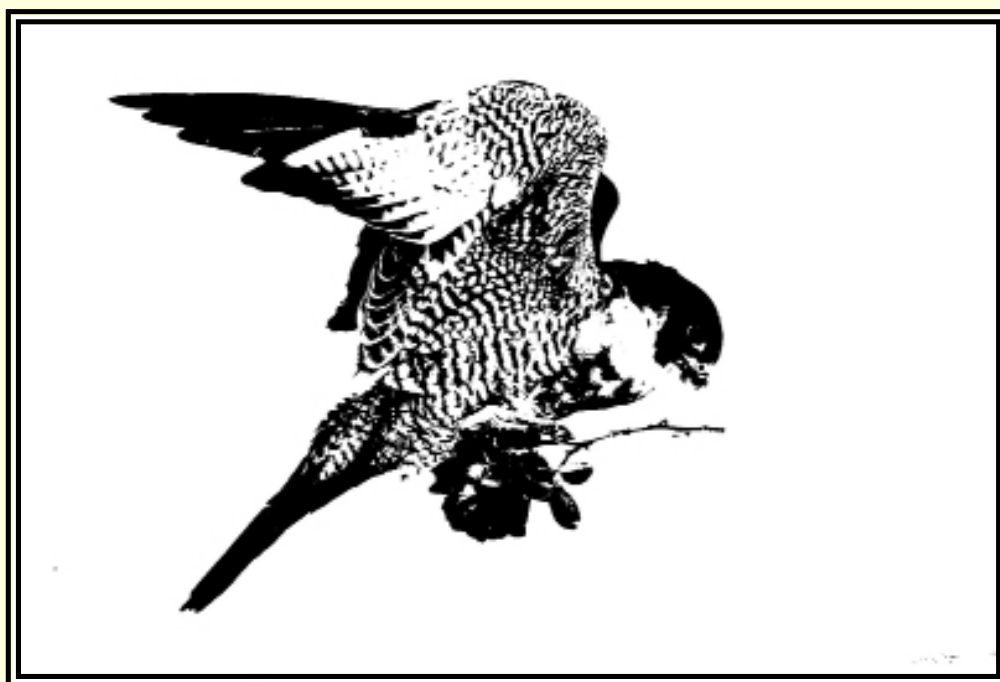

Рисунок Ирины Кустовой

До этого момента единственным, несомненно, чудесным событием в сказке – было превращение Буратино из полена в деревянного мальчика. И всё. Словно ради того, чтобы читатель не принял эту метафору рождения за волшебство, рядом помещена параллельная метафора: выход цыпленка из яйца. Цыпленок рождается из яйца, а птицеголовая кукла, похожая на Тота, бога древнего Египта – из деревянного полена, пригодного только для растопки очага.

Филологам давно известно, что палиндромы зачастую используют в обрядовых заговорах и заклинаниях. Они имеют свойство появляться в пограничных (маргинальных) местах пространства, делая его сакральным (или священным), тем самым меняя повседневную реальность на тайную, понятную лишь посвященным. После чего сказка из обычного приключения становится воистину волшебной. Суть волшебства замечательно сформулировал выдающийся фольклорист с мировым именем – Владимир Яковлевич Пропп в книге «Исторические корни волшебной сказки».

«Цикл инициации – древнейшая основа сказки», в центре которой – «обряд посвящения». Распятие розы на лапе хищной птицы, указующее на место расположения загадочной Атлантиды, с этого момента становится «движущимся солнцем – вращающимся крестом или колесом вечности с радиусами-лучами, знаменующая собой ведическую чакру, т.е. вход в божественный космос».

Продолжение следует.

P.S. для скептиков

К розенкрейцерской теме открыто и завуалировано Толстой возвращался не раз. О приключениях всемирно прославленного графа Алессандро де Калиостро, жреца тайн, масона, врача розенкрейцерской школы, мага, духовидца, астролога, алхимика, оккультиста и мистификатора XVIII столетия, захавшего в поисках славы, денег и бог весть еще чего в Россию, мы знаем по телефильму Марка Захарова «Формула любви». В основу этого фильма легло произведение всё того же... Алексея Толстого. Кстати, именно у Калиостро писатель Алексей Толстой заимствовал, без всякого сомнения, известный эпизод в «Золотом ключике», когда кот Базилио и лиса Алиса советуют простодушному Буратино закопать свои монеты в землю. Известен биографический факт, когда авантюрист Бальзамо посоветовал сделать в Англии «приумножения богатства» некой мадам Фрей, предложив ей закопать в землю ее бриллиантовое ожерелье и золотой ларец, которые потом попросту бессовестно похитил.

Рисунки Ирины Кустовой, члена Союза Художников Белоруссии
Специально для эссе

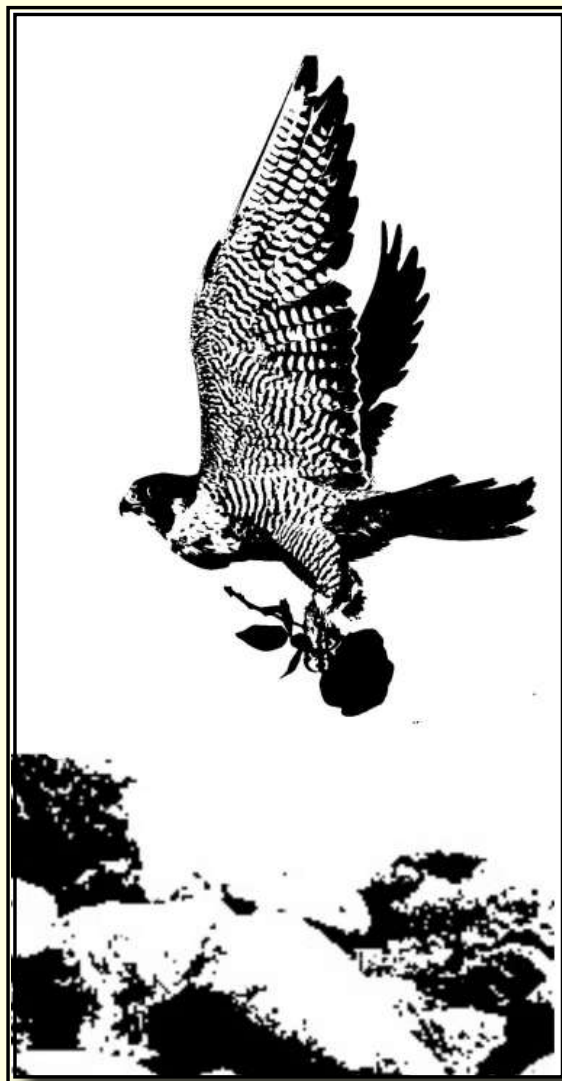

Рисунок Ирины Кустовой

О фантасте Александре Беляеве

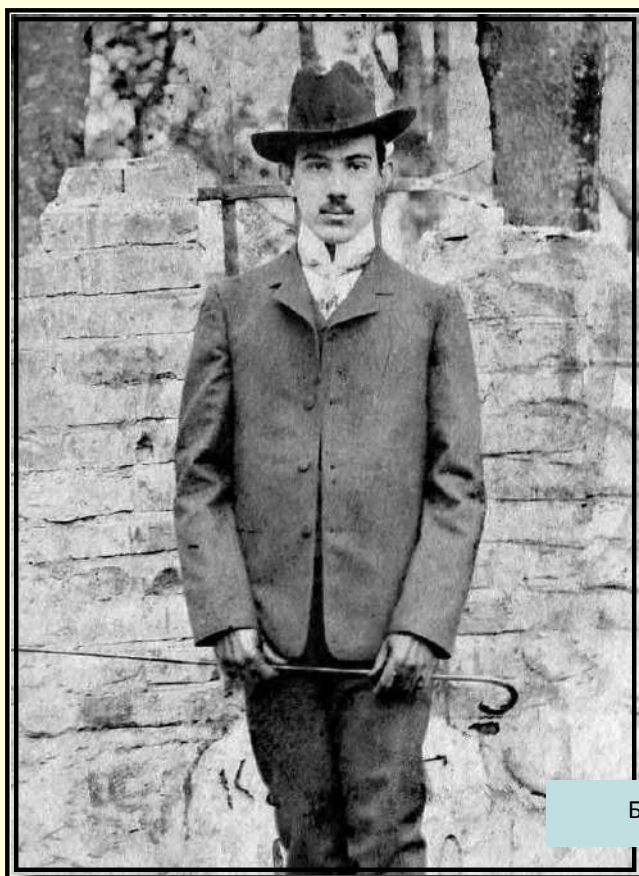
Что мы знаем о сопротивлении несчастьям?

О той борьбе, которую ведет другой человек? Мы не так много знаем друг о друге. О борьбе и несчастьях других мало думают. И это нормально. Но я расскажу про фантаста Александра Беляева, это он придумал голову профессора Доуэля, летающего человека Ариэля, Ихтиандра...

Он придумал, потому что не сдавался. Хотя вся жизнь его - типичное проявление того, что называют «родовым проклятием» в народе. А как на самом деле это называется - никто не знает. Только философы знают, что есть противоборство с Судьбой и Злым Роком. Настоящее. Пожизненное.

В детстве Александр Беляев потерял сначала сестру - она умерла от саркомы. Потом утонул его брат. Потом умер отец, и Саше пришлось самому зарабатывать на жизнь - он еще был подростком. А еще в детстве он повредил глаз, что потом привело почти к утрате зрения. Но именно в детстве он сам выучился играть на скрипке и на пианино. Начал писать, сочинять, играть в театре. Потом, в юности, сам Станиславский приглашал его в свою труппу - но он отказался.

Может быть, из-за семьи отказался. Кто знает? Он как раз женился в первый раз. Через два месяца жена его оставила, ушла к другому. Прошло время, рана затянулась и он снова женился на милой девушке. И одновременно заболел костным туберкулезом. Это был почти приговор. Беляева заковали полностью в гипс, как мумию - на три года! Три года в гипсе надо было лежать в постели. Жена ушла, сказав, что она ухаживать за развалиной не собирается, не для этого она замуж выходила. И Беляев лежал, весь закованный в гипс. Вот тогда он и придумал голову профессора Доуэля - когда муха села ему на лицо и стала ползать. А он не мог пальцем пошевелить, чтобы ее прогнать... Но этот ужасный случай побудил Беляева написать роман. Потом, когда он все же встал на ноги и стал ходить в гипсовом корсете. Полуслепой и некрасивый. А был красавец в молодости...

Беляев в молодости

Анна
Кирьянова

Он писал и писал свои знаменитые романы. Фантазия его не иссякала, добро побеждало зло, люди выходили за пределы возможностей, летали на другие планеты, изобретали спасительные технологии, любили и верили. Хотя немного грустно он писал. Совсем немного. Если вспомнить, в каком он был состоянии...

Он женился потом на хорошей женщине. И две дочери родились. Одна умерла от менингита, вторая - тоже заболела туберкулезом. А потом в Царское Село пришли фашисты - началась оккупация. Беляев не мог воевать - он почти не ходил. И уехать не смог. Он умер полупарализованный, от голода и холода, под фашистским игом. А жену и дочь фашисты угнали в Германию. Они даже не знали, где похоронен Александр Романович.

Потом жене передали все, что осталось от ее мужа - очки. Больше ничего не осталось. Романы, повести, рассказы. И очки. К дужке которых была прикреплена свернутая бумажка, записка. Там были слова, которые умирающий писатель написал для своей жены: «Не ищи меня на земле. Здесь от меня ничего не осталось. Твой Ариэль»...

Осталось. Еще как осталось. Сила духа и воли. И любовь к людям. Ариэль, летающий человек, отбыл здесь свой тяжелый срок и прошел испытание. И не покорился, ни Судьбе, ни фашистам - никому. Он победил, хотя и погиб - но погибают рано или поздно абсолютно все. А побеждают немногие.

Одна из последних фотографий Беляева

Российская литература теряет читателей

Долгое время художественная литература была одним из брендов России в мире. И хотя «Война и мир» до сих пор возглавляет хит-парады книг «всех времён и народов», нынешние российские авторы мало кому интересны на Западе. У тенденции много причин: от общего сокращения книжных тиражей до падения интереса к нашей стране. Как и в XIX веке, Россия видится в парадигме великого испытания человеческого духа на фоне общественных катаклизмов. Но на роль «вселенской совести» мы не прошли.

Русская экзотика

Ничего обидного или предвзятого в нежелании знать современную Россию нет. Европейцу жизнь в СССР была куда интереснее для изучения: грандиозный социальный эксперимент, матёрые писатели «из бывших». А сегодня это просто колосс, в очередной раз свернувший в любимую колею: к сильному государству и далее по кругу. Переводы художественной литературы с русского на английский язык составляют менее 3% от общего количества переводов. Зачастую это новые переводы имперской классики. Толстой, Достоевский, Чехов – до сих пор самые продаваемые русские писатели за границей. Несколько лет назад конкуренцию им составляли Маринина, Лукьяненко и Акунин, но это всё-таки авторы, удачно адаптировавшиеся под каноны развлекательной литературы. А наших в мире ценили за другое.

Заграница основательно сошлась с русской литературой после 1863 г., когда в Баден-Бадене поселился Иван Тургенев. Он произвёл на европейский бомонд столь приятное впечатление, что 15 лет спустя канцлер Германии Хлодвиг Гогенлоэ называл писателя лучшим кандидатом на должность премьер-министра: «Сегодня я говорю с самым умным человеком России». Премьером Тургенев не стал, но продвинул на Западе Пушкина, Лермонтова, Гоголя, якобы недооценённых в самой России. И открыл дорогу Достоевскому и Чехову.

Что показательно: из чеховских работ Западу зашли не любимые у нас рассказы, а пьесы вроде «Трёх сестёр» и «Дяди Вани». За границей Антон Павлович до сих пор крупнейший мировой драматург калибра Шекспира и Бернарда Шоу. Как и Лев Толстой, он вполне интернационален. Но за «русскую душу» в восприятии Запада ответственен всё же Достоевский. В романах Фёдора Михайловича совершенно нет юмора, а психически здорового персонажа ещё поискать. Это создало стереотип: русский интеллигент всю дорогу спорит с Богом, готовится к самоубийству и в конце сходит с ума. Именно такими, похожими на Алексея Кириллова и Ивана Карамазова, мы пришли на Западе – совесть нараспашку, никакого рационализма. Хотя в реальной жизни монологи, подобные кирилловским, можно услышать разве что от людей, похожих на наркоманов.

Именно с Достоевского мода на русскую литературу стала модой на экзотику. Пушкин из-за сложности перевода так и не встал в один ряд с Шекспиром и Байроном. Зато хорошо продаются Пастернак и Солженицын. Причём коротенький «Один день Ивана Денисовича» идёт на Западе куда лучше громоздкого «Архипелага ГУЛАГа». У Пастернака интересен только «Доктор Живаго» с его темой ненужности выдающегося человека. По большому счёту им и заканчивается история большого успеха на Западе русской литературы. Совсем не найти в магазинах Лондона и Парижа «12 стульев» и «Золотого телёнка». И даже слава Довлатова сильно преувеличена, концентрируясь в основном в эмигрантских кругах. В общем, цинично смеющийся русский выглядит для издателей менее продаваемой штукой, чем русский, со страстным рыком покупающий за кучу денег содержанку, сжигающую эти деньги в камине.

Хотя на Западе относительно популярны Виктор Пелевин, Владимир Сорокин и Дмитрий Глуховский. Но это тоже спрос на экзотику. Россия по традиции воспринималась как страна интеллектуальной литературы. Но в 1990-е годы случился разрыв.

Юрий
Антонов

Книггеры тоже важны

В 1998 г. группа писателей во главе с Эдуардом Тополем обвинила Фридриха Незнанского, за короткий период опубликовавшего под своей фамилией 44 детектива, в использовании труда безымянных наёмников – так называемых «литературных негров». Суд Незнанский проиграл: следов его стиля в произведениях не обнаружили ни в Институте русского языка РАН, ни в Институте мировой литературы.

В разгар скандала корреспондент столичной газеты устроился «негром» в издательство «Олимп», где подрядился работать «под Незнанского», а затем написал статью о своих впечатлениях. Ни издательство, ни сам писатель, давно проживавший в Германии, на это никак не отреагировали – вероятно, нечем было крыть.

Тем не менее книги переведены на 12 языков и значились в списках бестселлеров США, Франции, Германии, Великобритании. В России в 2000 г. на их основе сняли сериал «Марш Турецкого», что только способствовало росту продаж книг. К моменту своей смерти в 2013 г. Фридрих Незнанский значился автором около 300 детективов.

По различным оценкам, от 40 до 80% издаваемой в России массовой литературы (детективы, женские романы и т.д.) написаны не тем автором, имя которого указано на обложке. Имя – это лишь бренд, способствующий успешной реализации товара. И одному тут не справиться. Сотрудник издательства делился с журналистом: «Все думают, что, написав бестселлер, они проснутся известными и богатыми. Ничего подобного. Проснувшись, вы получите предложение написать ещё один роман, потом ещё и ещё. Максимальный срок на одну книгу – два месяца. Но очень скоро вы поймёте, что качественно работать в таком режиме совершенно невозможно. Стать классиком и хорошо зарабатывать на переизданиях и экранизациях вы сможете не раньше, чем издадите десяток томов. И вы начнёте задумываться о помощнике».

Как рассказал известный детективщик Фёдор Волков, в 1990-е потенциальному автору поступало предложение – отыскать в видеопрокате кассету голливудского блокбастера и за несколько дней написать по её мотивам текст, формально соответствующий литературному. В качестве автора на обложку ставился некий выдуманный автор с «импортным» именем вроде Джона Томпсона. Далее пошли романы «по мотивам сериалов» вроде «Твин Пикса», «Санта-Барбары» и «Просто Марии». Следом – «продолжения популярной классики» вроде «Скарлетт», «Джейн Эйр» и «Поющих в терновнике». Позднее оказались востребованы «боевики на российской фактуре». Издатель задачу переформулировал: «Берёте американский боевик и переносите его действие на российские реалии». Зелёные береты превращаются в голубые, вьетнамцы – в чеченцев. Требования звучали приблизительно так: «Слава, с тебя 400 страниц текста, минимальные требования: 15 убийств, 5–6 драк, минимум 10 половых актов, один из которых – обязательно в привокзальном туалете». Приходилось писать. Кто платит – тот и заказывает место полового акта. За три года я написал около 40 подобных романов».

Ещё один наёмный писатель делится: «Да мы даже на пикники вместе выезжали. В моём издательстве – семь книггеров. Или «афролитературцев», как мы выражаемся. Кстати, «неграми» работают в основном мужики, а писать часто нужно от первого лица женского рода. Особенно забавные ляпы получаются при описании эротических сцен».

Вряд ли стоит рассчитывать, что при таких правилах игры в постсоветском издательском бизнесе возможно остаться не только «вселенской совестью», но и просто самой читающей страной мира. Уже к началу нулевых, по подсчётам аналитической компании NOP World, на первое место вышла Индия, а Россия – на седьмом. Исследование «Левада-центра» показало, что 52% россиян вообще не покупали книг (в Европе подобный показатель не превышает одной трети граждан). Лишь 3% читающих россиян покупали сборники поэзии, а популярные исследования, публицистику и биографии – менее 6%. Из нехудожественной литературы более-менее устойчивым спросом пользовались книги по кулинарии и здоровью. При этом в России так и не появилось серьёзной государственной программы развития интереса к чтению.

Искусство сквозь асфальт

Для кого-то стакан наполовину пуст, а для кого-то полон на те же полстакана. Для оптимиста вероятно благоденствие сам факт, что в сегодняшней России вообще сохранились качественные писатели вроде Алексея Иванова, Анны Старобинец и Арины Обух. В XIX веке Толстой и Чехов были не глыбами на ровном месте, а барашками на вершине могучей и быстрой волны. А сегодня автор должен протискиваться сквозь асфальт, как подорожник, и кажется фантастикой, что не-

которым это удаётся. Хотя рынок ужимается, тиражи мизерны, а издатели скупы и осторожны. И безвестного современного Чехова просто не заметят под ногами.

Писатель может сам прислать свои книги и резюме в западное издательство, отказ почти гарантирован. Практически нет качественных агентов, никакого «литературного Дягилева». Есть циничное мнение, что от содержания книги уже не так много зависит – гораздо важнее раскрутка, скандал, хайп. Владимир Сорокин издавался на Западе скромными тиражами, но его антиутопия «День опричника» была раскручена ещё до выхода книги. Ныне забытая 20-летняя Ирина Денежкина прогремела в 2002 г. со сборником «Дай мне!», который попал в модную линию «девичьих книжек» и был переведён на 22 языка. И даже толстовская «Анна Каренина» превратилась из просто классики в бестселлер после того, как телеведущая Опра Уинфри назвала её «самой захватывающей историей любви».

По мере того как под книгой всё больше понимается аудиокнига, которую не читают, а слушают, из художественной литературы постепенно выветривается её сакральное наполнение. В книгах не ищут ответов, которые давно висят в Интернете в виде мемов. Слава писателя всё больше напоминает славу крутого баяниста или прыгуна в длину – многие слышали фамилию, но ничего не знают по сути. Но, если присмотреться, в этом нет ничего нового. Многие ли читали «Войну и мир» от начала до конца после окончания школы? И разве кто-то из русских революционеров изучал всерьёз марксовский «Капитал», который до сих пор продаётся очень хорошо?

«Аргументы недели», № 11, март 2021г.

От редакции: Публикуем с разрешения главного редактора «Аргументов недели» Андрея Угланова

Литература. Что читают в России?

Данные получены
с помощью исследований
Интернет-Службы

Конфиденциальной Информации SF

Публицистика

ОЧЕРКИ ЖИЗНИ

Василий Поленов (1844 — 1927)
Золотая осень

Русская земля

Певец родного края

Из книги «Моя земля», раздел «Моя земля – Россия»

Рис. Татьяны Андреевой

Двадцать две кормилицы Гуцу

Июль – макушка лета. Перестали петь соловьи, и кукушку уже более не услышишь в центре России, там, где несет свои тихие воды река Жиздра. Молодняк у птиц становится на крыло, не за горами отлет некоторых. Проезжаю мост через маленькую речушку Клютому, впадающую в Жиздру. У моста установлен знак «Водоохранная зона». На железном узеньком ребре знака уселся аист, всем своим видом показывая, что для людей помета, не для птиц, ему, мол, все равно: водоохранная это зона или нет, главное, чтобы сидеть было удобно. Ах, аистов, в этой зоне много. Этот в кадре величественной панорамы речной долины размахнул свои крылья во всю ширь – заповедный красавец, гордость национального парка «Угра».

Воздух в долине напоен ароматом трав. Вдоль дороги все больше цикорий цветет в эту пору. Его в это лето много. Синева цветов сливается с синевой поднебесья. Ароматом трав и цветов можно упиваться. Чуть подул ветер, и другой запах улавливается – свежестью тянет от соснового бора. В этом бору, как за природной защитой, расположена Оптина пустынь – мужской монастырь с большими традициями православного старчества. На Казанскую монастырь посетил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. На молебне прозвучали слова и о плодородии благодатной земли.

Продовольственная безопасность России – задача наипервейшая. А вот и звено, через которое она выполняется. На лугу, что в пойме Жиздры, пасется небольшое стадо коров и телят, сходу не подсчитаешь сколько их здесь. Пастух управляет этим стадом, сидя на коне рыжей масти. Хоть картину пиши с натуры. Такое и в глубинке-то не часто увидишь, а тут практически в черте города – города воинской славы Козельска.

Сразу захотелось встретиться с владельцем этого стада, познакомиться и узнать о нем больше, а главное, почему занимается коровами и телятами.

-Это наш фермер из деревни Новое Казачье Руслан Георгиевич Гуцу, - дает информацию заведующая отделом аграрной политики и социального обустройства села администрации муниципального района «Козельский район» Любовь Николаевна Семина. – Обязательно встретитесь, интересный человек, вместе с советом женщина, заботящаяся о развитии районного АПК, дает и номер сотового телефона Гуцу. Звоню ему пораньше с утра, знаю, что такие люди встают с зарей. Но с первого раза договориться о встрече не удалось.

-Сейчас уезжаю к токарю, - произнес раскатистый голос, - нужно кардан от немецкой косилки отцентровать, пожалуйста, перезвоните через два часа. Набираю уже знакомый номер во второй раз.

-Приезжайте ближе к полудню, - голос Гуцу звучит утвердительно, - сейчас везу молоко сдавать в КФХ «Нил». Получив добро на встречу и дождавшись подъема солнца, когда от предметов почти нет тени, отправляюсь в Новую Казачью, пригородную деревню, где Гуцу живет с рождения.

Сразу у стелы в честь Козельска съезжаем на новую дорогу Козельск - Мещовск, достойную самых высоких оценок новую трассу, и тут же сворачиваем за магазином райпо на деревенскую улицу, затем по подсказке местной ребятни на другую улицу, и вот мы у дома Гуцу. Хозяин с доброй улыбкой на лице встречает у калитки палисада.

Окинув взглядом окраину деревни, а дом Гуцу расположен как раз на окраине, сразу увидел рыжего коня, стреноженный он мирно жевал травку, тот самый рыжий, что был под пастухом на жиздринском лугу. Увидев мой удивленный взгляд, Гуцу с улыбкой сказал:

-Это наш Кеша, Иннокентий. -Зачем конь в хозяйстве? -Купил специально для пастуха, - пояснил Руслан. -Его же овсом надо кормить. -Овес покупаю в шамординском монастыре. -А у вас в хозяйстве телега и сани есть? -Есть, но мы этим транспортом не пользуемся. Кеша только под седлом ходит. Пастух на нем ездит, иногда жена – по грибы и за дикой клубникой. Рыжий продолжал жевать траву, я же осматривал подворье фермера. В огороде поспевали на грядках овощи.

-Морковку Кеша просто обожает, - пояснил Гуцу. В саду на яблонях наливались плоды. Вся техника, а во дворе ее стояло много, в полном порядке. Ни одной железки не валяется. Сразу видно, у хозяина и гвоздь в нужном месте хранится.

**Владимир
Ильин**

Текст взят из книги
«Моя земля»
Владимир Ильин

ISBN
978-5-907268-06-7
Город
Калуга

ГРНТИ
17.82
УДК
821.161.1-4

Издательство:
Эйдос
Год:
2019
Страниц:
657

-Все запчасти, инструмент вот в этом ангаре хранятся, - Руслан показал рукой в сторону аккуратного строения.

Порядок в хозяйстве Гуцу виден во всем. Начинаящий фермер понимает, что даже в мелко-товарном производстве важно все, он не делит дела на важные и второстепенные. Все на учете. Например, как такового машинного двора на ферме нет, вся техника стоит на площадке около дома. Но как стоит, трактора, косилки, прицепная техника, как на линейке готовности. Каждый агрегат, а на балансе у Гуцу в основном подержанная техника, в готовности. Гуцу следит за каждой единицей техники, своими руками, сильными и умелыми, ремонтирует поломки.

Руслан осознает важность дела, которым занимается с семьей. Свою ферму он считает, хоть и маленьким, но важным звеном в аграрно-промышленном комплексе района, области. В своей работе по развитию молочного животноводства он опирается на опыт коллег, теоретические знания черпает на семинарах, проводимых министерством сельского хозяйства региона.

В Калужской области развитию сельского хозяйства уделяется большое внимание, и оно на подъеме – растет производство молока, мяса, зерна, овощей. Каждый год в различных районах образуются новые хозяйства – большие и не очень. Для начинающих аграриев разработаны и действуют различные программы, помогающие встать на ноги и развивать хозяйство дальше.

Как-то при встрече министр сельского хозяйства Калужской области Леонид Сергеевич Громов просил узнать, как там новенький трактор «Беларус», полученный по гранту крестьянско-фермерским хозяйством Гуцу.

Еще и поэтому я стою у дома, где живет трудовая семья Гуцу. Руслан объясняет ситуацию с новеньким трактором:

-Как фермерское хозяйство зарегистрировался в 2013 году, до этого вел личное подсобное хозяйство. В 2015 году подал заявку в министерство сельского хозяйства области, предоставил бизнес-проект и выиграл грант – трактор «Беларус». В хозяйстве этот трактор большое подспорье. Делаю снимок: Руслан Георгиевич Гуцу у нового трактора «Беларус».

Мы ищем место попрохладнее, чтобы поговорить по душам, и не находим его. Июль – макушка лета. Солнце почти в зените, от его жгучих лучей никуда не деться. Тут из дома вышла жена Гуцу Наталья Васильевна и пригласила на веранду. Сели за столиком, на котором лежала кипа газет, в том числе и районная «Козельск». Про себя подумал: «Кто читает «Козельск», того ждет успех». Успешны ли Гуцу?

Руслан родился в деревне Новое Казачье. Наталья тоже местная. Он выучился в училище на тракториста. Отслужил в армии. Работал в колхозе «Победа» механизатором. Она в этом же хозяйстве – телятницей. Работа на земле знакома с детства. В счастливом браке вырастили двух замечательных парней. Старший Владислав после окончания Перемышльского техникума МЧС сейчас служит в армии. У младшего Алексея каникулы – он студент третьего курса Калужского колледжа народного хозяйства и природообустройства.

-Пойдут ли сыновья по вашим стопам? – спрашиваю Руслана. -Пусть сами решают, - последовал ответ. От колхоза Гуцу получили недостроенный дом. Достаивают по сей день.

-На все сразу денег не хватает, - пояснил хозяин.

А хозяйка тем временем предлагает свежего молока. Из дальнейшего разговора узнаю, что в 90-е годы прошлого столетия колхоз «Победа» прекратил хозяйственную деятельность. С трудоустройством в других местах было трудно, а жить дальше, растить сыновей надо было.

-Купил старенький трактор, завел три коровы, начал с женой мелко-товарное производство. Молоко возил в Козельск, продавал жителям улицы Гвардейская. Этим и жили. Постепенно хозяйство расширялось – доросли до фермерства. -Работать на земле нелегко! -Не легко, - согласился Гуцу,

- приходится кредиты брать, все своими руками делать, от погоды зависишь, многое приходится решать впервые. Помогают советами в отделе аграрной политики и социального обустройства села администрации района, советуюсь с друзьями-фермерами – опытным Владимиром Веприцким, Щиразом Галустяном – помогают и словом, и делом. Дружит Руслан и с руководителем КФХ «Нил» Виталием Ниловым. Они порядочные партнеры в общем деле. Гуцу сдает на «Нил» молоко, там его перерабатывают в молочную продукцию большого ассортимента.

Руслан и Наталья дорожат качеством производимого молока и хорошо знают, что в «Ниле» из этого молока выпускают качественную продукцию. Она и пользуется спросом у покупателей.

Я поинтересовался у руководителя КФХ «Нил» Виталия Нилова, что он думает о деловом партнере Гуцу. Вот его ответ:

-Гуцу привозит к нам на завод качественное молоко, не было ни одного возврата. Не было ни разу такого, чтобы он нарушил график поставки молока. Одним словом, порядочный человек, хороший поставщик молока. Будем и дальше сотрудничать.

В настоящее время у Гуцу 22 дойные коровы (кормилицы), 13 телочек на выпасе, бычков продают. Сейчас на дворе страдная пора.

-Сена по пять-шесть тонн на голову заготавливаю, буду силос закладывать. Кошу в основном по неудобьям, своей земли нет, но хочу приобрести, тогда и о расширении хозяйства можно подумать. Все в землю упирается, - вздохнув, высказал Гуцу. -Пошла на дойку, - сообщила мужу Наталья.

-Может, ферму посмотрите,- предложил мне Руслан. Мы вышли из дома и прошли через двор к небольшому строению из блоков. Наталья уже ловко работала с доильными аппаратами. Все коровы в хозяйстве имеют свои клички. Наталья и Руслан знают всех: Майка, Дочка, Ночка...

Выдоив одну, Наталья переходит к другой, по ходу обращается к сыну, помощник на ферме находится рядом:

-Алексей, подбрось сенца коровам. Тот незамедлительно выполняет просьбу мамы и приносит свежее сено, раздает по охапке каждой буренке.

Видно, парню труд на ферме нравится, отцу с матерью можно гордиться таким помощником. И если он вернется в родной дом после окончания колледжа, будут рады этому. Поразила и чистота на ферме, животные выглядят ухоженными. Поэтому и молока дают много. Наталья едва успевает его процеживать и разливать по флягам.

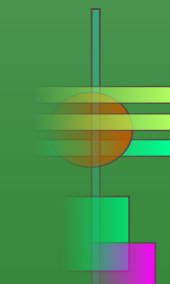
-Надои хорошие, - пояснил Гуцу, - молоко идет. В июне сдал в КФХ «Нил» на переработку 11 тонн, в июле будет не меньше. Неплохой результат для небольшого фермерского хозяйства.

После обеденной дойки (в хозяйстве коров доят три раза) буренки отдыхают, летний зной пережидают под крышей фермы, пережевывая душистое сено. Затем пастух снова погонит их на луг - до вечера будут пастись на отаве. У пастуха прогон занимает не много времени - от дома Гуцу до луга через деревню, верхом на Кеше или пешим ходом, не больше получаса. А на лугу - до вечерней зари.

Жив ген крестьянина

Крестьянин - сельский житель, занимающийся работой на земле. В дореволюционной России это было низшее сословие, хотя от всего населения занимало девяносто процентов. Не всем же Рюриковичами быть! Потом пошло-поехало. Сословия отменили. Крестьянство стало дробиться - появились бедняки, середняки, кулаки. Потом все стали колхозниками. В девяностых годах прошлого века и колхозы начали разваливаться. Одни канули в лету, другие превратились в ООО, ОАО и так далее, одним словом, капитализировались. Люди, проживающие в сельской местности, стали называться жителями сельских поселений. И здесь мы видим определенное дробление - одни ведут полноценное подсобное хозяйство, занимаются трудом на земле, другие трудятся в малых и больших городах, но землю не бросают, правда хозяйство у них поменьше. Третьи не в силах заниматься сельским трудом или не хотят. Бог им всем судья.

Когда-то корова считалась кормилицей. Есть корова на дворе - человек самостоятельный, более-менее зажиточный, имеет человек в хозяйстве козу - живет поплоче, нет никакой скотины - сельский люмпен. Один контрастный пример из современной жизни. Большое село Попелево, всего в нескольких километрах от Козельска. Здесь не держат ни одной коровы. И что думаете, бедно живут? Ничего подобного - есть коттеджи, есть иномарки. На краю района в лесах затерялась деревня Красный Клин. С 1935 года по 1944 год входила в Лихвинский район Московской области. Некогда большая деревня пришла в угасание. В 80-90-е годы прошлого столетия испытала дачный бум. Из молодого города Сосенский, где открылся современный приборостроительный завод, в эту деревню потянулись дачники. Отстроились, занялись работой на земле. В деревне образовалось более двухсот дачных участков. На этом примере хорошо видно, как в современных работах крупного промышленного предприятия «проснулся ген крестьянина». Эти новоиспеченные дачники крепким своим умом думали тогда: «К большой заводской зарплате продукция с земли будет не лишней». Закипела, загудела жизнь в Красном Клине. Но уже у детей тех дачников ген крестьянина замер. И сейчас в деревне жизнь тоже начинает замирать. Летом сюда приезжают

около шестидесяти дачников, круглый год проживает всего три семьи. Такое произошло еще и потому, что местный колхоз «Родина» прекратил свое существование на рубеже веков.

Среди проживающих в настоящее время в Красном Клине трех семей и семья Светланы Николаевны Сафоновой. Сейчас эта худенькая на вид женщина живет в деревне с мужем Александром Павловичем, сильным человеком. Сыновья выросли - Андрей в Калуге, Сергей - в Клину.

-Привозят внука Олежку и внучку Сашеньку на лето, - делится своим Светлана Николаевна, отпаивая их молоком, у Сафоновых в хозяйстве есть и корова, и козы.

-К началу учебного года увозят детишек, - с грустинкой в голосе говорит женщина. -А много ли молока дает корова? - спрашиваю её с подходом к разговору о личном подсобном хозяйстве этой трудолюбивой семьи. -Наша Ночка удоинная, - вступает в разговор Светлана Николаевна, - в летнюю пору дает 25-27 литров молока. Всем хватает - внукам, нам, даже в Сосенский знакомым отвожу. Ночка у нас корова молодая, пяти отелов, вот сейчас на выгуле пятимесячный бычок Малыш от нее, - не без гордости рассказывает женщина. - По хозяйству с мужем работаем вместе. Александр Павлович любит ухаживать за Ночкой, мое дело подоить нашу кормилицу. Александра Павловича в момент встречи со Светланой Николаевной дома не оказалось. Был в отъезде по делам. Мало ли их у сельхозпроизводителя?

Слово «сельхозпроизводитель» в ходу у чиновников министерства сельского хозяйства. Крупные аграрные предприятия, фермерские и личные подсобные хозяйства - все у них сельхозпроизводители. Крестьянство, как сословие, сошло на нет.

Мы сидим со Светланой за столиком в обширном палисаднике - рядом небольшой домик, вокруг множество цветов.

-У вас просто цветник какой-то, когда только успеваеете красоту такую разводить? - интересуюсь у женщины. -Летний день большой, на все времени хватает, а цветы всегда любила, - ответила Светлана, окидывая взглядом цветущие розы, васильки, подсолнухи, георгины, колокольчики. Вместе с ней оглядываю это ярко цветущее царство цветов.

-У меня цветов более двадцати сортов, но любимые розы, их выращиваю четырнадцать кустов, женщина с любовью погладила ярко бордовые купола розы, густо цветущей около столика. Всмотриваюсь в глубь подворья. У расположенных напротив дома сараев заметил рулонов двадцать прессованного сена. Это для Ночки корм на зиму хозяева заготовили. К жилому дому ведут несколько ухоженных дорожек. Одна от главного входа к дому выложена крупными деревянными кругляшами, такая аккуратная, даже травинок между дорожкой не видно, вся сорная растительность моментально пропалывается. Другая дорожка к дому земляная, но также ухоженная. Она начинается от другого входа, этот вход сделан из переплетенного в виде арки орехового прута, арка обвита цветущим вьюном - красота. А перед входом декоративные украшения - самодельные жирафики, с любовью сделанные умелыми руками хозяев из старого шланга. Множество таких красивых самоделок самых различных форм и в палисаднике. Все вместе - красивый уголок. Бросаю взгляд в сторону овощника. Он находится поодаль от палисадника, но близко к жилому помещению. На ухоженных грядках, с сорняками здесь умеют бороться, виднеются наливающиеся вилки белокочанной капусты, высокая ботва свеклы и моркови.

-Урожай созревает хороший, - спокойно говорит хозяйка, - всем хватит - и нам, и скотине. Узнаю из разговора, что и огурцы с помидорами уродились в этом году, и лук с чесноком. Хозяйка различных солений и варений впрок наготовила.

-Убрали и картофель с 35 соток, - продолжает Светлана Николаевна.

Наш разговор проходил накануне православного праздник Успения Пресвятой Богородицы. Для крестьян этот праздник особенный - подводят итоги уборочной. Кстати, невдалеке от Красного Клина, всего-то километрах в семи, расположена Успенская Феклина пустынь - женский монастырь. Трудом монахинь и на монастырской земле множество цветов. Монахини молятся, чтобы труды крестьянские были спорными, а урожаи весомыми.

Значит, эти молитвы доходят и до дома Светланы Николаевны и Александра Павловича в Красный Клин. А их упорный труд на земле напряженно продолжается и после Успения. У работающих на земле перерыва не бывает. Следует напомнить, что в этом доме семья оказалась по обстоятельствам, о которых она не думала. Шел 1993 год. Довольно сложное время. Детский садик «Светлячок» в Сосенском, где кастеляншей трудилась Светлана Николаевна, закрылся. Она осталась без работы. На заводе, где трудился слесарем Александр Павлович, дела пошатнулись, ему пришлось также уволиться. Помощи ждать было не откуда. Решили попробовать себя в работе на сельском поприще. В деревне Красный Клин у Александра Павловича был дом его деда и бабушки - Ивана и Алены Пронякиных. Переехали в Красный Клин. Пятистенку отремонтировали. На земле у них получалось многое - выращивали овощи, разводили домашнюю живность. Только обустроились - пришла беда. Дом сгорел. В Сосенском у них оставалась квартира, можно было вернуться, найти работу, зажить городской жизнью. Но до того привыкли к земле, что покидать обжитый уголок им не хотелось. На месте сгоревшего дома отстроили новый, вокруг него и устроен весь мир этой семьи.

-Вот эту грушу посадили бабушка и дедушка Александра Павловича восемьдесят лет назад, - женщина показала рукой на могучее дерево с густой листвой, еще не тронутой рыжими красками осе-

ни. Пока мы вели беседу, сидя за столиком, к нам собралась разношерстная компания из собачек и кошечек.

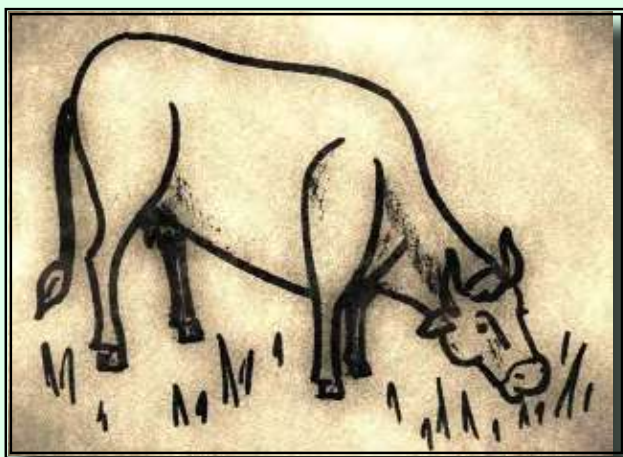
-Это мои любимцы, - улыбаясь, говорит женщина, - восемь кошечек и четыре котенка. Собак, среди них и породистых, в этом теплом доме не меньше. Когда мы зашли в дом, то несколько тут же за хозяйкой прошмыгнули в прихожую. Светлана Николаевна принялась их кормить.

На кухне пахнет луком, чесноком, свежие заготовки в банках стоят на столе рядом с газетами и книгами. На второй этаж ведет лестница, но мы туда подниматься не стали, снова вышли на улицу. Цветы, лес на пригорке, воздух чистый и целебный. Даже не верится, что рядом, кроме Ночки и Малыша, обитает и другая домашняя живность.

-В хозяйстве у нас есть козы Люся, Катя, Роза и Машка, козел Яшка, - дает информацию о хозяйстве Светлана Николаевна. -Есть ли спрос на козье молоко? - спрашиваю хозяйку. -Есть и большой, - отвечает женщина, - поставляем его нашим знакомым в Сосенский. Продукция из хозяйства пользуется спросом в родном городе Светланы Николаевны. Основной движущей силой в ее поставке является Александр Павлович. На автомобиле «Нива» он развозит ее по постоянным клиентам. «Нива» в этих местах автомобиль просто незаменимый. Все дороги по деревне в таком состоянии, что проехать можно только на надежном отечественном внедорожнике. Подтвердить это может заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации, мой хороший знакомый Анатолий Петрович Смирнов, проживающий в деревне Серено-Завод. У него такая же ситуация автомобиль «Нива» и сплошное бездорожье по также малонаселенной деревне совсем в другом конце района. Незаменимый помощник «Нива» Александру Павловичу в подвозе воды из дальнего колодца, ближе к дому питьевой воды нет. Для большого хозяйства в сутки требуется до 600 литров воды. На руках такое количество не носишь. Вот и выручает надежная техника.

-Зимой приходится нанимать трактор, чтобы прочистить путь до остановки около памятника землякам, отдавшим свои жизни за независимость нашей Родины, - комментирует Светлана Николаевна. - Для дачников в деревню три раза в неделю ходит маршрутное такси, оно связывает жителей города с землей, - вздохнув делает вывод моя собеседница. Мы возвращаемся к разговору о хозяйстве. Две пары рук, «золотых» рук, ухаживают за 28 поросятами и 55 курами. О другой живности сказано выше. Все это требует постоянной заботы. Цветы - это красиво. Но есть и навоз, который постоянно нужно убирать за коровой, поросятами, козами. Кстати, запаха навоза мы не уловили во время нашей беседы за столиком в палисаднике. Труд крестьяна никогда не был легким, это подтверждают Светлана Николаевна и Александр Павлович из Красного Клина. Они трудятся на земле с утренней зари до вечерней, и свет в их домике гаснет, когда диск луны освещает всю округу. Зимой и летом, весной и осенью.

Не решился задать вопрос - «А когда же вы отдыхаете?». Мои сомнения разрешила Светлана Николаевна:

-По правде сказать, - начала она, - в городской квартире бываю редко, когда нужно пошить что-нибудь или забрать что-то. Дома и с землей, и со скотиной забот невпроворот. Но и свободные минуты выпадают, в непогоду этих минут больше. Сама люблю читать, особенно православную литературу, находится время и посмотреть интересную передачу по телевизору, поговорить с родными по сотовому телефону, в наших местах работает «Мегафон». Муж находит время, чтобы каждое утро атлетическими упражнениями заниматься, тягает свою штангу. Опять же, бывают праздники, семейные торжества отмечаем. Посреди усадьбы на высокой деревянной мачте над домом возвышается скворечник.

-Рано улетели скворцы в этом году, - с некой грустью заметила Светлана Николаевна, - не юркнет черная веселая птаха в свое жилище, буду ждать птиц до весны. Птицы улетели, скворечник-малыш остался на месте. Остались и добрые люди на своем месте. Им дальше жить на этой земле. Как не хотелось покидать красивый палисадник, но уезжал со светлой мыслью: «Жив в наших людях ген крестьянина».

Полюбились козельские поля с перелесками

С Вадимом Галуцким, руководителем ООО «Агрокомплекс «Козельское молоко», я встретился в июле прошлого года в полях хозяйства у деревни Бильдино, где всюду шла «зеленая жатва». В разгар вступала горячая для сельских тружеников пора

– заготовка кормов. Процесс завораживающий: на глазах после размеренного прохода трактора с косилкой появлялись ровные валки скошенной травы, сквозь эти валки проходил трактор с граблями, ворошил массивные валки, рядом с кормоуборочным комбайном плавно двигался мощный «КАМАЗ», зеленая масса быстро наполняла большой кузов, груженная машина отправлялась к сенажной яме. С уважением к хорошей погоде трудились на этих полях механизаторы Николай Гуськов на косилке, Андрей Богатырев на граблях, Александр Устинов на комбайне «Дон-680». В этот день любодорого было смотреть на них, как и на водителей Евгения Жигалина, Сергея Серегина, Владимира Дрыничева, которые отвозили зеленую массу к Плюсковской ферме.

–Мы в ту пору в день заготавливали по 220 тонн сенажа, - вспоминает те жаркие дни Вадим Галуцкий.

Кстати вспомнить народную мудрость «Летний день год кормит». Спрашиваю Галуцкого при нашей встрече в начале февраля:

–Не зря же трудились летом на заготовке кормов, как сейчас проходит зимовка скота на фермах хозяйства? –И силоса, и сенажа, и сена заготовили в достатке, - подтверждает народную мудрость Вадим Владимирович, - наше дойное стадо коров, насчитывающее 300 голов, и 100 нетелей, переживают зимнее содержание в хороших условиях, и в эти дни начала февраля животноводы получают от одной дойной коровы по 19 килограммов молока в сутки. Молоко с фермы отправляется на Козельский молочный завод – партнеру по холдингу. На этом заводе в качестве заместителя директора и начинал свою трудовую деятельность на козельской земле Вадим Галуцкий, когда в 2014 году переехал из Днепропетровской области, где трудился в большом степном хозяйстве. Поменять раздольные степи на поля с перелесками пришлось по семейным обстоятельствам, никакой политики в этом поступке Галуцкого не было.

В 1999 году его папа, Владимир Маркович, становится послушником монастыря Оптиная пустынь. Сейчас он схимонах Иов. Знал ли бывший учитель словесности слова Ф. Достоевского: «Я - дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше бы хотелось оставаться со Христом, нежели с истиной», ступая с мирской стези на духовную?

–Что для тебя мнение отца, влиял ли он на тебя? – спрашиваю Вадима при встрече. –Влиял и влияет, - отвечает Галуцкий младший, - теперь я его не иначе, как отцом Иовом величаю. Этим влиянием обусловлен и переезд на козельскую землю – поближе к отцу. Сначала приехал брат Максим, затем он, Вадим. Приехали с большими семьями. Максим устроился на завод «Фольксваген». У него трое детей. Вадим тоже многодетный отец. Старшая дочь Елена учится в Тульском государственном университете в институте физкультуры. Ее уже хорошо знают в спортивных кругах Козельского района, на различных районных и областных соревнованиях по легкой атлетике девушка добивается высоких результатов. Дальше по ранжиру идут сыновья, их четверо. Как говорится, мала, мала, меньше. Михаилу 12 лет, Владимиру девять, Николаю семь. Иван родился уже в Козельске. С полугодовалым сыном дома сидит жена Вадима Наталья, учительница младших классов, так что с воспитанием все в порядке, а о пропитании заботиться нужно ему. Все, кроме маленького, учатся в Козельской православной гимназии, занимаются боевыми видами борьбы в военно-патриотическом клубе «Вольница», ребятишки растут крепкими. Сначала обзавелись домиком на окраине Козельска, устроился на работу на молочный завод. Кстати, принимал его учредитель предприятия Петр Богданович Бишко. Опытный руководитель и аграрий сразу увидел специалиста. У Вадима к этому времени уже был богатый опыт работы в аграрной отрасли. И хотя он родился в семье сельских учителей, с детских лет тяготел к работе на земле. Может, не обошлось и без влияния деда Николая Викторовича, который много лет возглавлял на Днепропетровщине колхоз имени Чапаева. Первоначально Вадим оканчивает Никопольский техникум механизации, получив специальность техника-механика. Уже заочно получает высшее образование и специальность ученого-агронома, окончив Днепропетровский государственный аграрный университет. До 2014 года работал в больших хозяйствах на родине – главным агрономом, заместителем директора.

Вот с таким багажом знаний и опыта оказался Вадим на молочном заводе. П.Б. Бишко верил в Вадима. А доверие нужно оправдывать. На поверку оказалось, что холдинговое предприятие ООО «Козельское молоко» стало сдавать позиции. На место прежнего руководителя назначают Вадима Галуцкого.

И он взялся за дело, засучив рукава. Таким я и увидел его в июле прошлого года в полях, где шла «зеленая жатва» - в рубашке светлого тона с закатанными рукавами. Еще тогда я обратил внимание еще на одно поле, расположенное по ту сторону дороги Козельск - Кудринская, оно привлекало взор светло-желтым покровом.

-Что это там вдали такое яркое, красивое? – наивно-восторженно спросил я тогда Галуцкого. -Этой весной на 200 гектарах пашни посеяли рапс, надеемся на хороший урожай, - получил ответ от Вадима Владимировича. И что мне дался этот рапс, но при встрече зимой вновь вспомнил об этой культуре и спросил:

-И какой урожай дало ваше рапсовое поле? -Собрали 236 тонн семян этой культуры, - был ответ руководителя ООО «Козельское молоко». – Один килограмм семян пшеницы стоит шесть с половиною рублей, а килограмм семян рапса – 19 рублей. В этом году посеяли этой культуры решили увеличить до 312 гектаров. Осенью провели пробный озимый сев на 60 гектарах, посмотрим, что получится. У руководителя с агрономическим началом, любовью к земле должно получиться.

Еще до приезда В.В. Галуцкого на эту землю в Плюскове была открыта роботизированная ферма. В Калужской области осуществляется программа «100 роботизированных ферм». На открытии фермы тогда присутствовали губернатор региона А.Д. Артамонов, министр сельского хозяйства Калужской области Л.С. Громов. Благодаря таким инновационным программам область выходит в лидеры по производству молока. Надой за год выше 7000 килограммов молока не пустые слова. Кстати, животноводы Козельского района в 2017 году преодолели этот рубеж.

Этот рубеж становится ориентиром и для ООО «Козельское молоко». В нашем разговоре Вадим Галуцкий особо это выделил:

-За прошлый год наше хозяйство от каждой коровы получило 5600 килограммов молока. Нам есть к чему стремиться.

Пользуясь случаем, спрашиваю:

-Губернатор Анатолий Дмитриевич Артамонов везде публично подчеркивает, что молоко, получаемое на роботизированных фермах, самое чистое. Так ли это? -Подтверждаю полностью эти слова. Роботы в этом деле лучше человека отслеживают все качественные характеристики молока.

-Люди не роботы, а что им остается? -Дел хватит заботливым рукам: в ближайших планах намечена постройка телятника на 100 мест. Если звезды сойдутся, то в планах холдинга строительство большого животноводческого комплекса. Увеличение поголовья крупного рогатого скота потребует расширения посевных площадей, кормовая база должна соответствовать. Все это хорошие раздумья руководителя, который твердо стоит на земле, думает о земле, заботится о ее плодородии. Иначе он не посетовал бы на проблемы, с которым столкнулось ООО «Козельское молоко».

Каждый огородник хорошо знает, что может наделать семья кротов на грядках! Так и в хозяйство В.В. Галуцкого, точнее в культурные поля повадились непрошеные копатели. Приезжают наездами, никого не предупреждая, и давай вырывать некогда проложенный в этих местах кабель. Было несколько случаев, последний произошел в январе этого года. Копатели наезжают разные – кунгурские, ивановские, тульские. Результат, как правило, плачевный – культурный слой полей уничтожается, восстановление долгий процесс. Обо всех случаях сообщается в полицию, копатели

устанавливаются. Были и суды. Как правило, непрошеные гости имеют при себе разрешительные документы на проведение выемки кабеля из земли. Для них это индульгенция. Они обогащаются, а земледельцы в убытке. А главное – земля страдает. А этого не должно быть. Не должен никто чужой появляться на культурных полях. Поля должны быть заповедной зоной. Остается только надеяться, что законодательство когда-нибудь разрешится в пользу земледельцев.

Надеется на это и Вадим Галуцкий – ведь впереди весна, самая важная веха в работе людей на земле.

Мозаика

ПОЭЗИЯ 10+

Владимир Боровиковский (1757—1825)
Портрет великой княжны Марии Павловны

Яркие огни творчества

Бабья слабость и несгибаемость

ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ АКТРИСЕ

Светлой памяти П. И. Молчановой-Муриной

Белый крест под голубым небом,
Стопка водки да ломоть хлеба...
Не расплакаться сейчас мне бы:
Сколько ж лет уже я здесь не был?!..

Двадцать?.. Нет!.. пожалуй, все тридцать:
Время больше не течет – мчится!
Город, улицы, дома, лица –
Все чужое!.. и нельзя влиться

В ритм сегодняшней – чужой жизни.
Неизменны только: хлеб житный,
Чернозем – под сапогом – жирный,
Да снующая в траве живность.

Врут, что время нашу боль лечит!
Помню всё: церковный хор... свечи...
Суету... официоз... речи... –
Провожали мы тебя в Вечность...

Между нами – ровно полвека.
В жизни каждого – свои вехи:
Я мотаюсь по всему свету...
Ты сомкнула навсегда веки...

НОВОГОДНЕЕ

*«Ни мороз мне не страшен, ни жара...» (М. Львовский).
«Что мне снег, что мне зной,
Что мне дождик проливной,
Когда мои друзья со мной...» (М. Танич).*

Что-то нынче – в Новый год – мокро.
Псы промокшие всю ночь выли.
Бог, похоже, кофе пил – «Мокко» –
И на землю, недопив, вылил.

Дождь кофейный сделал лес пегим,
В гуще роется ворон стая,
А с пригорка – грязный пласт снега,
От тепла, сползает вниз, тая.

Под ногами не лыжня – жижка! –
Испытанье, своего рода:
Дескать, «...фиг ли, ты надел лыжи,
Если впору обувать броды?»

Может, это мне намек – свыше:
«Хочешь праздник? – получай слякоть!
Не устал ещё кропать вирши?..
На гитаре – у костра – брякать?..

И, с друзьями, хлобыстнув стопку,
Хором, петь о красоте леса?..
Ну, скажи мне: сколько в том толку,
Даже если похвалы лестны?

Ну, кому нужна твоя... резвость?
Чай, не юноша уже... – старость.
Оглядишь, и оцени трезво:
Что с друзьями юных лет случилось?

Исписавшись, отошли в вечность
Женя Клячкин, Башлачёв, Визбор...
Те, кто жив, поставив им свечи,
Разбежались по своим «избам»...

Не поставить ли тебе в пошлом
Виршеплётстве, наконец, точку?
Вон, Соснора (твой кумир, в прошлом) –
Как отрезал! – ни одной строчки».

Отвечаю: «Извини, Боже!
Что мне жизнь чужой судьбой мерить!
Я, по правде говоря, может,
И в тебя-то не совсем верю.

Мне «до лампочки» – твоя слякоть,
И жара, и самый злой холод.
Так что, нечего по мне плакать –
Я, и в семьдесят, ещё молод

И даю, как пионер, слово:
Нам, с друзьями, этот лес дорог,
И в Крещение мы придём снова,
Даже если будет – все сорок!»

ЖЕНЕ

Добродушна и твердокаменна,
Всепрощающа и злопамятна,
Острый ум, темперамент бешеный...
Боже! Сколько ж в тебе намешано!

Бабья слабость и несгибаемость,
Нежность, ярость, упрямство, внушаемость,
Нетерпимость к чужому мнению,
Самоедство, занудство, сомнения...

Ты, порой, нарываясь на грубости,
На такие способна глупости,
Что за целые столетия
Не привык к закидонам этим я.

Кто ты? Гурия или фурия?
Пенелопа или эринния?
Поражаясь немыслимой дури, я
Восторгаюсь тобой – героинею!

И, кляня, в бесконечной усталости,
Нашу жизнь, временами хреновую,
Как я рад, что могу и в старости
Открывать в тебе что-то новое!

Владимир
Безладнов

Литкритика

Читайте на странице 319 и 325

И сказочка ещё не началась

Фото Александр Северный

* * *

Есть свойство памяти – опять начать с конца.
 Ах, это безобидная оплошность.
 И ландыши дарить – отнюдь не пошлость,
 Изображать не стоит мудреца.
 Ах, лето красное, поэта не кори
 За сумасбродство и непостоянство.
 Пусть одуванчик с лёгкостью паяца
 Смутит на жёлтой луже пузыри.
 Летит пыльца берёзы и ольхи,
 И, кажется, что где-то рядом Пушкин
 В избушке ветхой навестил старушку,
 Которая хранит его стихи.
 И будет долгим тихий разговор
 О Лукоморье, тяжкой русской доле.
 На огороде покосились колья
 И трещина в корыте – не укор.
 Старик с утра забрасывает сеть,
 Но рыбки золотой не видно что-то...
 И бабушка не требует отчёта,
 Ей радостно на ландыши смотреть.

* * *

Колдующий у озера рыбак,
 Над гладью вод ни облака, ни звука.
 Рассохшийся от времени барак,
 А на крыльце – угрюмая старуха.

И сказочка ещё не началась,
 Но всем известно, что конец печален...
 Не всё ль равно, какая нынче власть,
 И есть ли смысл, что на колу мочало?

Брусника зреет на краю болот,
 Где мох непостижимо изумруден!
 И странник неприкаянный бредёт,
 И отчего-то легче прочим людям.

ПОРОША

Прими микстуру, нет, не принимай,
 Зайди в подъезд, но лучше чёрным ходом...
 В углу двора – рассохшийся сарай,
 Вот только жаль, не с домофонным кодом...
 Туда любой желающий войдёт.
 Хотя, зачем копаться в тёмном прошлом?
 А снег идёт, и завтра – гололёд;
 Как хороша февральская пороша!
 Запороши ущелья чердаков,
 Разбери мятущуюся душу!
 Прими микстуру, покорми котов,
 Виолончель метельную послушай.

* * *

Ах, вы сени вы мои, мои саночки,
 Занесённые тоской полустаночки;
 Нынче ветер до утра, хмарь унылая,
 Не ходила бы ты в лес, моя милая...
 Не глотала бы ты слёз с земляникою,
 Здесь растут с глухих времён травы дикие;
 Здесь живёт одна Яга, гуси-лебеди,
 Здесь осинники сродни с детским лепетом...
 Не искала бы ты здесь добра молодца,
 Здесь корявая сосна больно колется;
 Здесь кровинки на траве-подорожнике,
 Ах, Рассеюшка моя, босы ноженьки...

Виктор
Карпушин

Весна пришла по таящим снегам

НЕСЁТ

Не до конца исписана тетрадь,
Не до конца испито ожидание.
Ещё вчера никто не мог понять
К чему ведут безгрешные желания.

Весна пришла по таящим снегам.
Мы не успели осознать причастия.
И нас несёт ветрами к берегам,
И нет гарантий, что вернётся счастье.

Ты не играешь, ты в игре живёшь,
Наивно полагаясь на везение.
Но может случиться - завтра не найдёшь,
Небрежно брошенного божьего веления.

ОСТЫЛИ СТРАСТИ

Мне несказанно повезло, я был любим.
Любил и я, бесстрашно и серьёзно.
Случилось так, что белый пилигрим,
Принес известие и разразились грозы.

И хлынул град, напитанный огнем,
И воины вечности построились для боя.
Мы до победного стояли на своем,
И каждый понял, что любви не стоит.

Остыли страсти, брошены цветы
к могиле нами преданной любви.
Мы так хотели, но не сберегли,
Зато не пали воинами на поле.

Зола остыла, прахом стал наш страх.
В сердцах холодных нет тоски и грусти.
Но, черт возьми, мы бились на мечах!
За ту единственную, без которой пусто.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

На первый-второй и далее, по вагонам!
Обратная сторона медали светится.
Когда мы боимся правды, подпеваем хором,
Такая случилась мирская нелепица.

На часах переводят стрелки, ищут всегда виноватых.
Бес пошел нынче мелкий, и латы его в заплатках.
Хоть и блестит на солнце, в душе у него сажка.
Смотрится гад в оконце, требует макияжа.

Вороны кружат серые, наследники харизматиков.
Арбузы на вид спелые, но не хватает фантиков.
И не хватает совести ставить опять на красное.
Мы дописали повести, откройте нам вход в прекрасное!

Но голос не слышен разума, срубили сады эдемовы.
Надеюсь, мы здесь не разово, и справимся с полумерами.
Построим на старом новое, раскрасим в истинно белое.
Душа как всегда голая, любовь как всегда смелая.

Чёрное станет белым, едва закончатся слёзы.
Весна у зимы под прицелом, плачут соком берёзы.
А мы восхищённо рыцзем, ищем вход в бесконечность.
Хочешь остаться нищим, выпав душой в безбрежность?

Сломанный клык волчицы висит у туриста на шее.
Глупость колет глазницы, мудрость к утру не успеет.
На измождённых тропах много следов бездарных.
Ты с головою в омут? Мне подобрать лапы?

Вырванные страницы сжигают в кострах невежды.
Я забываю лица, я срываю одежды
С правды и суеверий, верую или верю?
Страхами не напиться, ключ от судьбы у надежды.

Шуточная свобода, чёрная бесконечность.
Водишь свои хороводы? Ждешь поощрений за смелость?
И отпускаешь душу, данную для творений.
Знаешь же, что не струшу за истину пасть на колени.

Андрей
Данильсон

Фото Александр Северный

Впитали горечь алые рябины

Абрикосовая осень

Лесов оранжевые косы
Глядят в остывшие пруды,
Как будто снова абрикосы
Свои развесили плоды.

И сыплют их себе под ноги,
А те бегут куда-то в даль
По старой хоженной дороге,
Листая жизни календарь.

К 25-летию развала СССР

Впитали горечь алые рябины,
Услышав в предраассветной тишине,
Как спорят захмелевшие мужчины
Под окнами о верности стране.

Безумье в головах или расплата
За наши опустевшие сердца?
Глядят с фотоальбомов виновато
Все те, кто был с Россией до конца.

Традиции забыты и не модны,
В театры не застать очередей.
Мы стали наконец-таки свободны
От разума, от чести, от идей.

Брезгливые к улыбкам человека,
Попрятались в квартирах за дверьми.
А ведь прошло всего лишь четверть века
С тех пор, когда мы были все людьми.
(2016 - 2021 г.г.)

Когда зима раскинет сети,
Пленив сугробами дворы,
Из дома выбегут соседи,
Чтоб выбить пыльные ковры.

Я тоже из дому наружу
Пойду к метелям напрямик,
Снегами очищая душу -
Свой запыленный половик.

Последние дни августа

И солнце, как солнце. И небо, как небо.
Но чувствую, осень закинула невод
И тянет его по долинам и логом,
По хоженным ею веками дорогам.

К реке прикоснется, волну поднимая,
С величием буйство воды принимая.
Свернет на аллею по старой брусчатке,
Оставив на кронах свои отпечатки.

Устроит в безоблачном небе поломку
И дождь морозящий за нею вдогонку
Пошлепает, будто доверчивый странник -
Осенней тоски подневольный избранник.

И вскоре, пусть этого мы не хотели,
Мир станет тускней. Лишь зеленые ели,
Над осенью вновь показав превосходство,
Возьмут до весны над лесами господство.

Сталинград

Я бывал на земле Сталинграда.
Кто-то скажет, что в прошлом война.
Нет, ребята, подобного ада
Не забудет вовеки она!

Видел я, как карабкалась Волга
На бетонные стены в порту.
И как пены застывшая корка
Вновь и вновь выводила Звезду!

Как парили в безоблачном небе
Стаи чаек, покинув причал.
Мне казалось, они о Победе,
О Великой Победе кричат!

В дни метелей и летнего зноя
Продолжает душою страдать
За солдат, не пришедших из боя,
Многодетная Родина-Мать.

Ничего не забыто с годами,
Славный подвиг в летях не исчез.
Даже звезды горят орденами
На бескрайнем мундире небес!

Если будете здесь, поклонитесь
Вы у братской могилы солдат.
И за души всех тех помолитесь,
Кто погиб, чтобы жил Сталинград!

Евгений
Харитонов

Повсюду железные двери

Фото Александр Северный

АДРЕСАТЫ

Далеко те квадратные метры,
Где на окнах в стаканах окурки,
Где с фасадов осенние ветры
Обдирали слои штукатурки.

В каплях краски скрипучие ножки
Табурета на лестничной клетке,
Где таскали подвальные кошки
Из фарфоровых блюдца объедки.

А внутри, за коричневой дверью,
Время скатерти пылью покрыло.
Может быть, я вернусь и поверю,
Счастье... кажется, здесь оно было.

ГАРАЖИ

Окраина прячет от взглядов
Бескрайний гаражный массив.
Рабочие высших разрядов
Шабашат здесь, волю вкусив.

Беседуют на перекурах
О жизни своей и страны.
На лицах задумчиво-хмурых
Следы недовольства видны.

И надпись на сером заборе
Под стайей галдящих сорок -
Строку в современном фольклоре
Оставил гаражный пророк.

Прописано грубо, но точно,
С тяжелой рабочей руки,
В сознание вбивается прочно:
«И русским простите долги!»

ДВЕРИ

На кафеле снежное тесто,
А в лифте сожжённые кнопки.
Недавно был выкуп невесты -
Остались разбитые стопки.

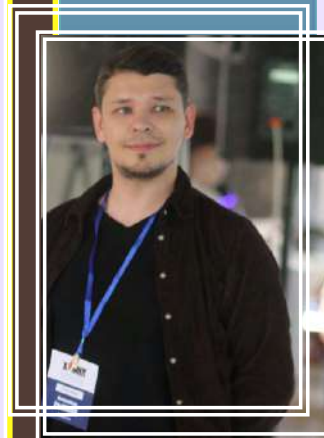
Повсюду железные двери,
В глазок кто-то смотрит прицельно.
Друг другу сегодня не верим,
И рядом живем, да отдельно.

Вступать в разговор – неприлично,
Найдешь ли для этого темы,
И грустно, что это привычно,
Я – часть неисправной системы.

Работа, дом, работа, дом –
Привычная для многих схема.
Неутомимая система
Доход определит трудом.

Работа, дом, работа, дом...
Не жди особых предложений.
Лежит на полке достижений
Не пригодившийся диплом.

Порядок пряника с кнутом
Местами можно переставить,
Но жизнь иначе не представить –
Работа, дом, работа, дом...

Александр
Рыжков

Литкритика

Читайте на странице 319 и 325

На древней липе птичьи пересуды

В коробке жестяной от монпансье...

В коробке жестяной от монпансье
 Лежат мои сокровища, закрыты:
 Цветные стекла, мелкие магниты,
 Значки, копеек тридцать медью битой
 Гремят внутри, когда я по росе
 Бегу во двор, проснувшись поутру,
 Зажав в ладошке круглую коробку.
 Туман ещё лежит в посадке, знобкий,
 Вагонов лязг на близкой сортировке,
 И пёс соседский влез на конуру.

А дом стоит, объятый тишиной,
 Лишь солнца луч мазнёт по спящим окнам.
 Я на скамье сижу в сандалях мокрых
 Смотрю вокруг через осколки стёкол —
 В зелёный, красный, синий мир цветной.
 Суббота, не работает детсад,
 Я по привычке вышел спозаранку,
 Съел наскоро тарелку сладкой манки,
 Набил в карманы круглые баранки
 И утру, и в свободе редкой рад.

А день помчится, голову сломя.
 Разбив коленку, клею подорожник,
 Сачком ловлю кузнечиков и мошек
 И целый день по россыпи дорожек —
 Попробуй отлови, судьба, меня.

Лишь заалееет в небе солнца край,
 Зовёт протяжно по дворам бабуля.
 И я лечу домой к себе, как пуля...
 Ах, память! Ты опять меня вернула
 В изгнанный грешных, позабытый рай...

И в том раю всё бегают малыш,
 Прижав к груди гремящую коробку,
 И утро пьёт туманный воздух робко,
 Качается тарзанка на верёвке,
 А ты давно не спишь, не спишь, не спишь...

Дрожит над крышей марево июля...

Дрожит над крышей марево июля
 В мартеновской полуденной жаре.
 Подушки на старинных венских стульях
 Лежат на солнце, греясь, во дворе.
 Наш старый сад притих под лапой зноя,
 Ждёт, как в бреду, спасительную тень.
 Небесный свод тарелкой голубую
 Накрыв фарфором жарким сонный день.
 На древней липе птичьи пересуды,
 Лежит собака под порогом в дом.
 Июль богат фарфоровой посудой,
 На солнце полыхающей огнём.
 Лишь с темнотой приходит облегчение,
 Прохладным ветерком сдувая зной.
 Чуть тлеют звёзды в камельке вечернем
 Над головами нашими с тобой.
 И манит нас прохладой сад заросший,
 Где запах роз гуляет над травой,
 И плавающих в бочке звёздных мошек
 Качает, чуть дотронешься рукой...

* * *

Пуговицей, вырванной из пальто,
 На тонкой нити болтается новый день.
 Вниз по тоннелям оттаявшего метро
 Бредёт толпа, не касаясь руками стен.
 Мне бы зашить прореху, да рвётся нить,
 Слобно оборванный взглядом, чужой вай-фай,
 Не перестали слепые курить да пить,
 Перебегая по переходам в рай.
 Город бетонными кольцами горло сжал,
 Кормит асфальтом прожорливых голубей,
 Агломерации судеб — сквозной портал,
 Свет, пожирая, дырами площадей.
 Выйдет под клёкот памяти на мосты,
 Выбросит белые простыни из окон,
 Только востоку радуются кресты,
 Хоть и видны со всех четырёх сторон.
 Есть что-то в воздухе от моей тоски —
 Липы ломают пальцами свет машин.
 В гулкие арки роняет вечер свои стихи,
 Жадно вминая в бёдра твой крепдешин.
 Я не боюсь в этот город одеться вновь,
 Чтобы нести вдоль набережных туман
 И, исколов иголкой все пальцы в кровь,
 День отлетевший рву и кладу в карман...

Владимир
Родионов

Брести по свету первого холста

Ну вот и вечер, в полосе
 Луча фонарного прореха -
 Упала тень... Лениво эхо
 Взлетает с дальнего шоссе.
 Здесь всё покой, сверчковый шик,
 Жить будем так - сидеть и слушать,
 Как сонный ветер тормозит
 Цветов распахнутые души,
 Как по росе, как босиком
 Траву притаптывает нега,
 В каком бутоне заточен
 Оттенок завтрашнего неба,
 Как долог миг, но краток год,
 И близко памятная метка...
 Свою покачивая ветку,
 Как сладко яблоко растёт.
 И вдруг в сомкнувшейся листве
 Толкнёт невидимую зыбку
 И по-младенчески, с улыбкой,
 Решит - пора! И упадёт...

Качнулся сад, из сочных пут
 Спустился первой позолотой,
 И тень покинула прият
 И снова стала перелётной.
 Заплатой в сером - голубой,
 И ветра нервные движенья,
 И пух, скользящий над землёй,
 Земного ли происхожденья?
 Сон отцветающих травин...
 Какое сбереженья чудо,-
 Всё кружит бабочка над блюдом,
 Где сохнут роза и жасмин.
 И плод, надкусанный слегка,
 Осой дрожащей зацелован,
 И кров насыщенный уготован
 В осипшем зове сквозняка...
 Наш дом, не топлённый пока,
 В сентябрь сангиной прорисован,
 Теплом уютным избалован,
 Качнулся сад
 Слегка, слегка...

Творцом задуманный на спас,
 Росистый, трепетный, ранимый,
 По краю лета паутиной
 Легко приметанный на глаз,
 Мой август тих... Страстей юдоль
 Полощет солнцем и звездится,
 И лечит головную боль
 Отваром мяты и душицы,
 Качает небо над листвою,
 Листву - под небом... В самом деле,
 Пора бы смазать, месяц мой,
 Маслами лунными качели...
 Растить надежды по одной
 И думать - всё опять случится,
 И в час, когда совсем не спится,
 Взлетать бесшумно над землёй,
 В прохладе флокса мотыльков
 Не потревожив изобилие,
 И шарм редееющих балов,
 И накрахмаленные крылья...

Перемолоть в счастливую строку
 Сезоны, торжества,
 Подарки, мысли...
 В мышиную возню пожухлых листьев
 Природа сеет снежную муку...
 Не пережить,
 А вжиться в хмурый нрав...
 Переносить на тёплые ладони
 Сквозные очертанья сизых трав...
 И сопричастней быть...
 И благосклонней...
 Брести по свету первого холста,
 Листать мгновенья ветреных аллюров,
 Влюбляться в оголенности куста,
 В колючий взгляд боярышников бурых...
 Продумывать завьюженный февраль,
 Процеживать мечтательно до донца,
 Друг другу перекидывая солнце,
 Завернутое в облачную шаль...

Надя
Гуреева

И я начинаю жить

Такая зима

По зиме забываешь, что было, плевать, что будет.
Тощей псиной февраль притулился под левый бок.
Не скажу, что одна – где-то есть воробьи и люди,
а шепнёшь в пустоту – непременно услышит Бог.

Шерстяные носки, подоконник и чашка с чаем.
Зимний мир за стеклом – нереально-прозрачно-бел.
Словно сон предрассветный, который всегда случаен.
Словно линии наших сплетённых под утро тел.

Пробежаться б за хлебом, да как белизну нарушить?
Обросла вся планета невиданным снежным мхом.
Осторожно по птичьим следам семян старушки.
Разноцветных детей высыпает в сугробы дом.

И такая зима – что не знать бы, не ждать, не помнить,
сколько слов умещается в нашей привычной лжи...
Я стою у окна, жмётся к боку февраль бездомный.

А потом ты приходишь.
И я начинаю жить.

Кирино море

Море у Киры в квартире весь день шумит.
Кире не страшно – так море шлифует камни.
В мамином перстне, к примеру, а-лек-сан-дрит
(сложное слово, сложней, чем её «анамнез»).

Кира – русалочка, только наоборот:
с прошлой среды все вокруг шевелят губами,
немы, как рыбы.
Записывает в блокнот –
чтоб не забыть рассказать по секрету маме.

В мире подводном легко забывать слова.
Кира погромче читает свои записки –
вроде бы слышится эхо, едва-едва:
шторм за стеной это всё-таки слишком близко.

Врач говорит – психогенная глухота,
мол, так бывает, должны понимать и сами:
смерть для любого – тяжёлое испытанье...
(Море взрывается рыбьими голосами –
что-то про маму, про горе, про «всё пройдёт»!)
Папа кивает и смотрит куда-то мимо...

Кира ныряет поглубже в водоворот.
Как объяснить им, что море неизлечимо?

Я ей не дочь

Она не помнит прошлых декаблей,
и январей, случается, не помнит.
Заваривает в чайничке кипрей
и, взяв с собой, идёт
(почти в исподнем, накинув лишь халат)
в сырой рассвет,
стучаться – есть кто дома из соседей?

Мне часто не хватает сигарет
на наши с ней неспешные беседы.

А впрочем, я всё знаю наизусть –
про жизнь и смерть, про детство в Кутаиси.
И каждый раз, поддакнув ей, сержусь,
что почтальон давно не носит писем
(болтают, вроде правнучка в Москве,
но – что возьмёшь, мол, с этой молодёжи?..)

Вчера сказала – скоро справит век.
О боже...

Такие посиделки ни о чём,
забудет имя – называет дочей,
рукой костлявой держит за плечо.
Устанет говорить – кивает молча,
и пьёт остывший, с горечью, кипрей,
прислушиваясь к звукам старых комнат...

Она не помнит прошлых декаблей.
Страшней, что декабри её не помнят.

Лана
Юрина

И долгое дрожание строки

Фото Александр Северный

* * *

То счастье, то горе, а то – ничего.
 То гости приходят. То нет никого.
 То влагой сочится февральский сугроб.
 То черная птица роняет перо.
 Роняет перо и чернит мою жизнь.
 А белая птица кричит мне: «Держись!»
 Кружит надо мною и крыльями бьет,
 и черную птицу в темя клюет.
 И черные перья по ветру летят.
 ...Сегодня особенно грустен твой взгляд.
 Ты ангелом, белою птицей кружишь
 и черную птицу на перья пушишь,
 и бьешь ее в темя, и рвется гортань
 от крика: «Отстань от него! Перестань
 терзать его тело и душу томить!
 Тебе не склевать ту непрочную нить,
 которая с жизнью связала его!»
 ...Ни гостя, ни друга теперь. Никого.
 Лишь ты, моя белая птица, со мной.
 Мой ангел. Единственный ангел земной.

Геннадий
Васильев

* * *

Ах, как пахнет свежескошенной травой!
 Не пришла ль еще пора метать стога?
 Косари по трое ходят и по двое
 и окашивают сочные луга.
 Как красиво они бицепсами водят!
 Как послушно в ноги падает трава!
 Отпускает солнце рыжие поводья.
 Недостаточными кажутся слова.
 Косари! Мне так знакомо это племя!
 Это пламя, этот бронзовый загар!
 Было время – ах, какое было время!
 Когда нас косарь косою не пугал...
 Косари! Я в детстве брал свою «литовку»,
 майку сняв, до невозможности красив,
 я косил картошку, я косил морковку,
 я косил... ах, как красиво я косил!
 Мама с папой обижались отчего-то
 и «литовку» убирали под замок.
 Это зависть. Виртуозная работа
 не дается всем подряд, а я вот – мог.
 Это все – веселый груз воспоминаний,
 это память о повергнутой ботве...
 Косари теперь – не те. Коса, как знамя,
 спит в музеях, представляя прошлый век.
 Свежескошенной травой, как озоном,
 пахнет утро, пахнет солнечный июль.
 Косари скребут машинками газоны
 и не знают про «литовку» про мою.

* * *

Когда мне будет 70 и больше,
 я буду жить, допустим, в сердце Польши.
 Но вряд ли польский выучу язык.
 Надену я свой лапсердак облезлый
 и буду вызывающе любезным.
 Но вина – из французской пить лозы.
 А может статься, в Праге буду жить я,
 в каком-нибудь дурацком общежитье,
 там, где-нибудь, у Праги на краю.
 И буду пиво пить. И думать стану
 о том, что я жалеть не перестану
 замученную родину мою.
 А, может быть, я окажусь в Париже.
 По карте – дальше, но по кухне – ближе:
 петух послушно плавает в вине.
 Монмартр, и Нотр-Дам, и все такое...
 Неподалеку Галич упокоен.
 И этот город очень уж по мне.
 Я буду жить.
 Фантазия и дальше
 полет могла продолжить. Но без фальши
 живу, стихию истины любя.
 Страна моя.
 Ни воли, ни покоя.
 Одни лишь слезы...
 Вытереть рукою.
 Куда я?
 Кто я?
 Что я без тебя?

А поутру с тобой воскреснуть

XX век начинается

«Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня...»
Н. Гумилёв

Ещё поэт не грезит словом,
Но взгляд его горяч и юн
(Мальчишку дразнят рыболовом),
И спит в нём скиф, и дремлет гунн.
Его волнует свет в окошке,
Где звёзды светятся в полях,
Как сладок мёд на чайной ложке
И рёв летящего шмеля.
Но в облака закинув снасти,
Ещё не хочет знать малец,
Как хороша на ощупь Настя,
Каков ещё он не подлец,
Что серп на небе звёзды скосит,
И звёзды скатятся в траву,
Кресты качнутся на погосте,
И замычит телок в хлеву.
А утром брат пойдёт на брата:
Заочет так однажды царь.
Шинелька будет грубовата,
Дрожаща будет всяка тварь...
Не всякой твари хватит пары
На Миллионной и Тверской.
Не всех дотащат санитары
Испить водицы неживой.
Живой воды не хватит в строчках.
Тепла не хватит в пальцах рук.
Поэт в альбом поставит точку
Одной из Настиных подруг...

За то, что выжил...

Во взгляде серые тона,
На теле белая рубаха,
Так смотрит на меня страна.
Я на страну смотрю без страха.
Пишу своей стране стихи,
Они стране до фиолета,
К стихам рифмуются грехи
Эпохи Тютчева и Фета.
А я не Бог, но человек
И Третьим Римом не распятой,
Люблю под пиво чебурек.
И спорить с Понтием Пилатом.
Он целый век сидит во мне
И по печёнке режет остро
За свет, который жгу в окне,
За то, что выжил в девяностых...

О чае на кухне

Присядешь на кухне за кружкой,
За тихим домашним столом,
С часами, в которых кукушка
О днях, о годах, о былом
Кукует.
В китайском фарфоре
Цейлоном наполненный чай.
Пьёшь чай, и в узорах на шторе
Увидишь мадам Баттерфляй.
Не плоть – отражение тени
И свет, отражённый на ней,
Изгибы, изгибы, колени.
А день всё длинней и длинней
Покажется.
В кружке допитой
Покажется белое дно,
Покажется чем-то забытым
В проёме окна полотно.
Висит, не колыхнется штора.
И холода нет от окна,
И слышится, частым повтором,
Как в сердце стучит тишина.

Обетованная земля

Трагичность музыки полей –
В их бесконечном постоянстве,
На этом маленьком пространстве
Суровой Родины моей,
Где задувает ветер в трубы
И выдувает всё в трубу.
Кусают треснутые зубы,
До крови, нижнюю губу.
Бредут по полю, словно тени,
Сомненья будущих калек.
Уже поставлен на колени
Венец природы человек.
И что-то тихо шепчут травы,
А мы к их шёпоту глухи,
И не обидно за державу,
И пробивает на хи-хи.
А мне б припасть к твоим коленкам
И ощутить губами медь
У юбки в цвет кофейной пенки
И так, от счастья, умереть...
А поутру с тобой воскреснуть
И эту жизнь начать с нуля,
Чтоб нас встречала повсеместно
Обетованная земля.

Вячеслав
Кислицын

Вернисаж

Александр Северный

Увлечения: поэзия, рыбалка, охота, фотография.
Живёт в Архангельской области.

Драматургия

Исаак Левитан (1860 — 1900)

Над вечным покоем

Неразгаданные тайны

Станция «Ч»

Пьеса-антиутопия

Рис.Татьяны Андреевой

Действующие лица:

Хорон - администратор станции «Ч».

Депутат.

Женщина без имени.

Бандит.

Художник.

Акушерка.

Пролог

.....

Из темноты пространства появляется фигура человека в строгом чёрном костюме. Если бы не форменная фуражка с логотипом «Метро», его можно было бы принять за офисного служащего. Луч, сопровождая его, останавливается на авансцене. Это Хорон.

Хорон (молча делает знак рукой и в другом конце авансцены высвечивается презентабельного вида человек):

- Номер один. Депутат Думы. Член ряда государственных комиссий и распределительных фондов. Сегодня после полудня, во время заседания неожиданно скончался. Обширный инфаркт. Врачи оказались бессильны. (Свет убирается. Когда загорается вновь, в его луче следующий персонаж).

-Номер два (место занимает немолодая женщина). Акушерка в городском роддоме. Отравление сильнодействующим препаратом привело к летальному исходу. Подозреваемая в убийстве задержана. Все попытки реаниматоров оказались бессильны.

(Уходит из луча света. Её место развязной походкой занимает следующий.)

-Номер три. Кличка Крис. Член криминальной группировки. Во время драки в ресторане получил проникающее огнестрельное ранение, несовместимое с жизнью, в область сердца. Умер на месте.

(Цыкая зубом, этот персонаж такой же походкой исчезает в темноте)

- Номер четыре (появляется худой хмурый человек). Художник. Был найден мёртвым в своей мастерской, в подвальном помещении. Следов насилия не обнаружено. Точная причина смерти пока не установлена.

-Номер пять. Суицид. Бросилась с шестого этажа вниз. До этого заколов ножом мужа. Остался сын-инвалид, в специальном детском учреждении.

Хорон закрывает папку. Свет зажигается по всему периметру. Современный зал ожидания. Пять пока незанятых стульев. На заднике большое окно -экран, где периодически проносятся электрички и доносится шум метрополитена. В помещении группа только что представленных нам персонажей.

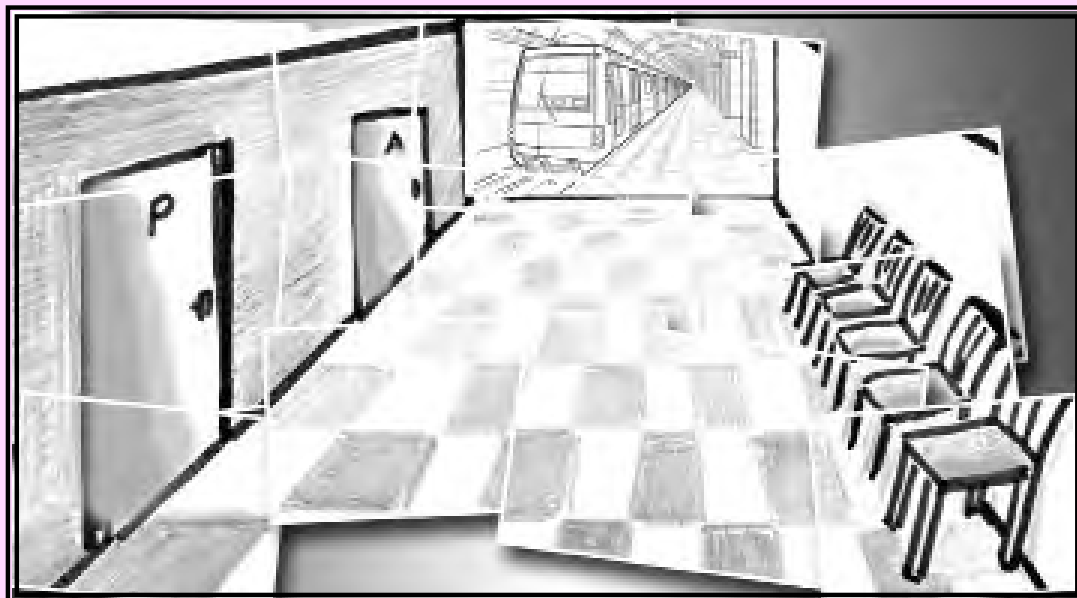
Бандит: - Эй, это чего? Какого чёрта я здесь делаю?

Депутат: - Господа, я не понимаю, что происходит? (Поправляет очки). Как вы сюда попали? Где мой шофёр? (Достаёт мобильник, пытается позвонить).

Хорон: - Тут нет связи.

**Юрий
Табачников**

Депутат: - Что? А ты кто такой? Как это нет связи? Вы знаете, кто я такой?! Немедленно соедините меня с...

Хорон: - Тут метро. Связи нет.

Бандит: - Какого чёрта?! Что я делаю в метро?

Художник: - Какая разница, где мы? Мы все давно в Аду.

Хорон: - Пока нет.

Депутат: - Что значит пока?! Я вас спрашиваю!!! Нас похитили? Террористы? Переворот? Что вы молчите?!

Акушерка: - А меня-то чего похищать? Я человек маленький. Кому я нужна.

Женщина: - Вот и хорошо.

Акушерка: - Да чего хорошо? Ты не видишь, что нас заперли?

Женщина: - А мы и так заперты. Давно. Мне всё равно.

Бандит: - Гады, заперли. Меня? Да я... век воли не видать, урою гадов. (шарит по карманам)

Перо где?! Ох, падлы. Да я тебя и так урою (подбегает к Хорону. Хочет ударить, но не может поднять руку) Чего это? Чего?!

Хорон: - (спокойно) Тут только два выхода. На платформу «А» или на платформу «Р». Куда решат.

Депутат: - Кто?! Кто решит?! Я сам решаю, ясно?

Хорон: - Уже нет. Никто ничего не решает. Вам просто нужно сидеть и ждать.

Акушерка: - Чего ждать? Чего?

Хорон: - Решения.

Бандит: - Слушай, ты. Как там тебя... Что за блудняк? На кого работаешь. Порешаем.

Хорон: - За вас порешают.

Депутат: - Кто, кто вас уполномочил?! Это измена! Я депутат Думы.

Хорон: - Уже нет.

Депутат: - (обречённо) Переворот. Я говорил, предупреждал. Давить всех надо было... давить.

Либералы чёртовы. Дожили (хватается за голову). Измена.

Бандит: - (Хорону) А ты чьих будешь?

Хорон: - Я - Хорон.

Бандит: - Арон? Еврей, что ли?

Художник: - Перевозчик?

Бандит: - Какой к чёрту перевозчик?

Хорон: - Я не перевожу. Только сопровождаю. На перрон. Я - один из. Вас слишком много стало, не успеваем. Хорон - это сейчас не имя, а должность на этой станции. У каждого из нас свой номер. Мой на фуражке.

Женщина: - 666.

Хорон: - Какой достался. Вас слишком много стало. Не успеваем. Один тут не управится.

Депутат: - Бред. Это же полный бред! Секта! Это секта. Я требую вызвать... ну, не знаю... кто тут у вас главный...

Хорон: - Его не вызывают. Он сам решит.

Депутат: - Что, что решит? Хватит морочить мне голову.

Хорон: - Всё решит.

Бандит: - Слушай, чувак, а, может, добазаримся?

Хорон: - Мы не на базаре. Это зал ожидания.

Бандит: - И долго ждать, пока твой пахан решит?

Хорон: - Не долго. Ваши дела на рассмотрении.

Депутат: - Слушай, э... меня искать будут. Это просто так вам не пройдёт.

Хорон: - Не будут. Вас нет.

Депутат (заикаясь): Как эт-то нет?

Хорон: - Вы мертвы.

Нависает тяжёлая пауза.

Бандит: - Э, чего гонишь-то? Я же всё чувствую.

Хорон: - Это остаточные рефлексы. Пока вы здесь.

Женщина: - А где мы?

Художник: - В Чистилище, где нам ещё быть? Давно пора. Но я предпочитаю Ад. Я уже давно в нём. Заждался.

Депутат: - Вы псих! Сумасшедший. Ну, точно. Это психушка. Замолчите! Но я тут при чём?

Хорон: - Вы на станции «Ч». Советую смириться и терпеливо ждать решения.

Депутат: - Бред! Какого, чёрт возьми, решения?!

Хорон: - Выход у вас только на предназначенные платформы в моём сопровождении.

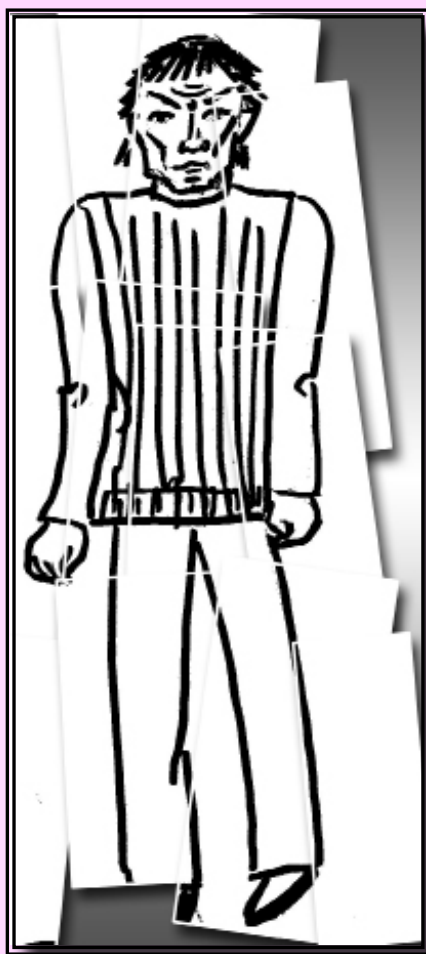
Акушерка: - Нет! Я жива. Вы не сведёте меня с ума. Не выйдет. Живая я.

Хорон: - Временная иллюзия. Скоро это пройдёт. Всё проходит.

Бандит: - А чё, проходит, как фарт. Финита, значит! Ох, мама дорогая. А я не жалею, фартово пожил. Кольца и браслеты, ля...ля...ля. И ничего не поменял бы. Мне Рай ни к чему. Не по понятиям. Братва. Зуб даю. Пусть уж вечная отрицаловка да дорога дальняя. Уж точно корешей своих встречу.

Художник: - Встретишь, встретишь. Заждались уже. Непременно.
 Бандит: - Вот и лады. Я туда отправлял, вот и мой этап, значит, пришёл. По тундре, по колымской дороге! Эй, начальник, отмазаться не выйдет?
 Хорон: - Не выйдет.
 Бандит: - А, плевать. Привет, бродяги, я к вам прибуду!
 Депутат: - Паяц!
 Бандит: - Будем чалиться в «крытке» вечной. Водочки бы, на посошок...
 Хорон: - Тут не пьют.
 Бандит: - Дык сам сказал, что рефлексы остались, а они зудят.
 Акушерка: - Это несправедливо. Я жить хочу.
 Бандит: - Это рефлексы, гы-гы!
 Акушерка: - Заткнись ты, урка!
 Бандит: - А чем ты лучше, шмара?
 Акушерка: - Пусть бандюгу этого или чинушу. А меня за что?
 Депутат: - Ты что несёшь, дура? Власть о таких, как ты, думает. А ты...дерьмецо у нас народец. Дерьмецо.
 Акушерка: - Сам дерьмо. Ворюга. Мы для вас ничто. Грязь. Козёл!!!
 Депутат: (как рыба, от возмущения хватает ртом воздух. Бандит залиvisto смеётся) -Т-ты! В-вы, все!
 Акушерка: - Видела по телевизору, какие дворцы себе отгрохали. За народные денежки. А ты как я поживи!
 Депутат: - Да как ты смеешь?
 Акушерка: - А что ты мне сделаешь? Напоследок хоть правду скажу. Плевать на вас. Я же умерла, да! Ха! Нету меня! И тебя, сволочь, нету! И всем твоим друзьям дорожка одна. Повстречаетесь вскоре. Ха-ха!
 Художник: - Хватит вам. Не нагрызлись? Господи, везде одно и то же. Ни в жизни, ни в смерти угомониться не можете. Ни жить, ни уйти достойно. Всё хапаем, лезем куда-то. Куда? Ради чего? Деньги, слава, тусовки... Всё мираж, труха. Ненавижу. И себя ненавижу. Тоже раньше так

думал, о самоизбранности. Слеп был, слеп. Затем сбежал от всего этого. В свой подвал. В свой мир. Стал писать лишь то, что диктовала душа. Но кому это надо? Всё на потребу. А кто задумывается о вечном? Кто?! Ну и пусть. Главное, никому ничего не должен. Ты и полотно. Ты и краски. Не для напыщенных «знатоков кисти» и жуликоватых галерейщиков. Никого. Но и тебя ни для кого. Бог, дьявол и ты между ними. А там, за подвалом, продавцы душ. Так и спуют, спуют. Искусство. Что они понимают в искусстве? Впрочем, и я так ничего в нём не понял. Хотя хотел служить только ему.

Депутат: - Вас, если бы сюда не попали, то в психушку определённо. Искусство принадлежит народу. А от таких диссидентов кисти все беды. Как и от всяких Бродских. Ох, недовысылали. Либералы, чтоб вас.

Художник: - Замолчите. Никчемный вы человек.

Депутат: - Но... но...я бы попросил...

Бандит: - Ох, дядя, на зоне по тебе тебя встретить. Ложечку бы тебе дырявую и место под шконкой.

Депутат: - Чего это мне дырявую?

Бандит: - Щи хлебать. Ха -ха!

Женщина: - А я даже рада. Да, что всё закончилось. И не сожалею. Я же человек... была. Муж совсем спился. Озверел. Сына инвалидом сделал. Чтобы не шумел - головой о стенку бил. Мозги и отбил. В специальный детский дом забрали.

Акушерка: - А ты-то чего?

Женщина: - Я... переломанная я им вся. Терпела. А куда идти?

Акушерка: - Так куда угодно. Я бы...

Женщина: - Вот я и... последняя капля. Ирод мой напился, как обычно. С друзьями, ан им, видишь ли, не хватило, сволочам. Денег уже на водяру у него не было. Так он меня друзьям своим за бутылку продал. Троим. Как очнулась, этих уже нет, а мой у стола храпит. Накатило на меня, словно в бездну падаю. Схватила нож, что рядом валялся и... не помню, сколько и куда била. Не помню... Била... била... за сына-инвалида, который ничего не соображает и не узнаёт никого. Эта сволочь ему весь мозг выбила. Да и я вся в переломах. Потом в окно прыгнула. Кончилось для меня всё. Шагнула. Не как птица. Некрасиво, уродливо. Как вся жизнь моя. Главное, не возвращаться. Я всё приму. Неужто в Аду хуже будет?

Депутат: - Господи, в какую компанию я попал?! Я протестую, слышите? Меня по статусу не должны с ними держать.

Хорон: - Статус тут один - ожидать.

Депутат: (возмущённо) - Но я член...член...

Бандит: - Это точно.

Депутат: - Я в Думе депутатствую! У меня заслуги!

Бандит: - Точно в рог дам. Заткнись ты уже. Я знаю, кто я, и ты своё место знай. Я вор. Ради куража воровал. А ты и нас, и страну обворовывал. Так чей грех греховней, а? Вот и затихни.

Депутат: - Я жаловаться буду.

Хорон: - Слушаю.

Депутат: - Что?

Хорон: - Жалобу. Могу записать.

Депутат: - Да идите вы все. (Забывается в угол)

Акушерка: (с вызовом) - А я не сожалею. Как я этих бабёнок ненавидела. Особенно из богатеньких. Ну, по залёту дурочку ещё понять можно. А этих... Мне ребёночка Бог не дал. Уж как хотела. Смириться пришлось. Бесплодная я.

Бандит: - А чё, гуляй не хочю...

Акушерка: - Чё...чё? А ничё. Им Бог даёт, а они в абортарий. Божий дар убивают. Души-то уже живые. Ну, думаю, чтоб их у вас так никогда и не было. Грешна. Делала и злорадствовала. Так, мол, вам. Убийцы безмозглые. И подпольные делать стала, пусть за свой грех платят. Две скончались. А я и не

жалею. Почему мне не дано, а они... Что, сволочь? Может, и сволочь. А они? Каждой из них Ад положен.

Депутат: - Боже, куда я попал?

Бандит: - Заткнись, наконец, «слуга народа».

Слышен шум проходящих электричек.

Хорон: - Вот, очередной этап отправили. Скоро и вы.

Художник: - Скорее бы. Нет желания тут задерживаться. К чему долгие провода, когда для себя всё решено? Моё место в Аду стало уже привычным.

Бандит: - Что нам втирают? Мы что, как скот на бойню, спокойно потопаем? Вы чё, фраера, на это разводилово клюнули? Мочи его!

(Хорон делает жест, бандит начинает корчиться, затем падает на колени).

- Всё! Ну всё, начальник! Понял (встаёт с колена). Попытка не пытка. Ха-ха. Ну, чего уставились, насекомые? Водочки бы на посошок. (Орёт) - Цыганка с картами, дорога дальняя! (Идёт в дальний угол).

Акушерка: - Господи! (Крестится)

Художник: - Поздно. Грехи замаливать поздно. Мы все грешники. Все. Думаем нас не коснётся, ан нет, как свечи сгораем и коптим... коптим.

Депутат: (истерично) - Прекратить! Я... Я...

Художник: - Ну да, ты. И такие, как ты. В храмы побежали, а раньше их же и разрушали. Ни веры, ни совести.

Депутат: (визгливо) - Молчать! Молчать!

Женщина: - Намолчались уже.

Бандит: (из своего угла) - Достал. Заткнулся бы, стукачок.

Депутат: - Я... Я НИКОГДА!

Бандит: - Ну, да. Стучал. Такие всегда стучат. Ох, пощекотал бы пёрышком, но улетело.

Депутат: - Переведите меня, слышите? Переведите меня от этого быдла!

Бандит: - Вот, раскололся. Народ для него быдло. А тут другой камеры нету. Даже карцера.

Хорон: - Соблюдайте порядок. Недолго осталось.

Депутат: - В вас нет ничего человеческого. (Всхлипывает) - Вы нелюди!

Бандит: - Это точно. Мы уже никто. Мы – не люди! Ха!

Женщина: - Одного жаль. Жизни человеческой так и не было.

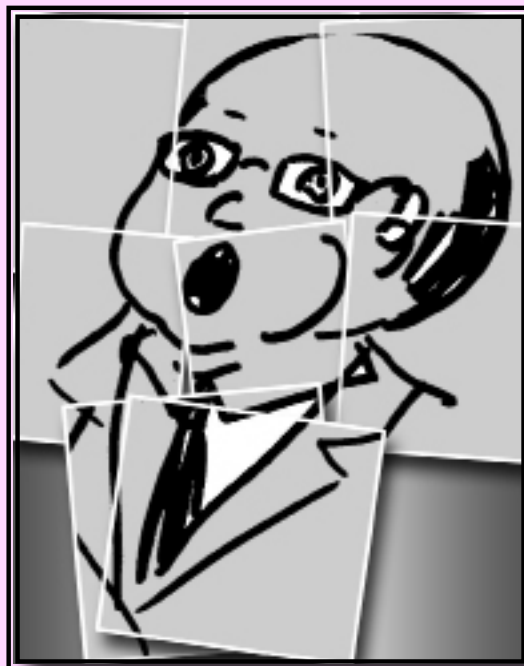
Акушерка: - Да чего уж теперь?

Художник: - Занавес опущен. Наш спектакль сыгран. Видимо, не самый удачный. Зато наш. Об одном жалею. Не смог, не сумел пробиться к людям.

Депутат: (ехидно) - Славы захотелось? Все вы так, диссиденты.

Художник: (спокойно) - Нет, не захотелось. Я от неё давно отказался. К чему все эти награды и звания, если за ними пустота? Только боль и пустота. Это в юности слава, признание самоцель, а позже понимаешь иное.

Женщина: - Что же?

Художник: - Милосердие... доброта...стараться избегать лжи.

Акушерка: - Исусик нашёлся. А конец всё равно один. Вот ты тут, с нами.

Художник: - С вами, с вами.

Акушерка: - А я не желаю! Не желаю. (Плачет).

Хорон: (смотрит на часы) - Время решения подходит. Ждите. Я выйду за протоколом. (Выходит).

Бандит: - Что, так и будем сидеть?

Акушерка: - А куда идти-то? Да и заперто.

Бандит: - Я так просто ждать не буду. Усёк я, куда наш вертухай вышел. Жаль, ножичек отобрали.

Тётки, шпильки не найдётся?

Женщина: - У меня есть, да, вот. А зачем?

Бандит: - Попытка не пытка. Так, давай. Быстрее надо. Или, как овечки, дожидаться будете?

Художник: - Это высшая жертва. Смиренно ждать заслуженной участи.

Бандит: - Вот и жди, баран.

Акушерка: - А делать-то чего?

Бандит: - Сейчас попробую. Ну, кто со мной на рывок?

Депутат: - А получится?

Бандит: - Или, или вечная кича светит. Ну?

Депутат: - Я...я за. Но...

Бандит: - Чего тебе?

Депутат: - А мне что делать?

Бандит: - На стрёме стоять. Что ещё с тебя взять? Там электроника, видать, но я один фокус знаю.

Депутат: - К...какой?

Бандит: - Завянь. На шухер иди, дядя.

Депутат: - Пойдите. А если...

Бандит: - Кашляй, пукай, что хочешь.

Депутат: - Я лучше мякуну.

Бандит, махнув рукой, идёт туда, куда вышел Хорон.

Акушерка: - А что мы теряем?

Депутат: - Терять уже нечего.

Женщина: - Может, сыночка ещё увижу.

Акушерка: - Лучше бы аборт сделала. И он бы теперь не мучился.

Женщина: - Замолчи!

Акушерка: - А что, неправда? Мне-то оставлять некого. Пожила...Наказала...

Женщина: - Кого, себя? Себя и наказала, может, поэтому тебе Бог дитё и не дал. И всплакнуть по тебе некому будет.

Акушерка: - Да и не надо! Ух, как я их ненавижу.

Художник: - Угломонитесь. Хоть напоследок людьми побудьте.

Акушерка: - Сам дурак. Лучше нас, что ли?

Художник: - Нет, не лучше. Может, и хуже. Ведь всё видел, понимал, а ничего толком так и не сделал. А, может, и не то делал.

Женщина: - Все мы не то делали. Но уже не исправить.

Акушерка: - Может, и исправить... Ох, жалко, ты, голуба моя, ко мне не попала. Ну, зачем тебе Бог ребёнка на испытание дал? На гибель. А я бы...

Женщина: - Замолчи!

Акушерка: - А ты меня не затыкай. Правда глаза режет?

Женщина: - Сволочь! Тварь!

Акушерка: - Это я ещё и сволочь. Ты кого, шалава, сволочишь?! (Впивается женщине в волосы. Дерутся)

Художник: - Ни жить, ни достойно умереть не могут. (Растаскивает дерущихся). - Хватит! (Те расходятся в разные стороны. Вбегают радостный бандит).

Бандит: - Талант не пропьёшь! Кто со мной, быстро!

Художник: - Я остаюсь.

Акушерка: - Дурак. Истинно идиот.

Бандит: - Дело добровольное.

Депутат: - Я иду...иду...о, я со всеми ещё разберусь.

Бандит: - Разборки на потом. Линять надо.

Депутат: - Что?

Бандит: - Быстро! (убегает)

Все, кроме художника, сидящего отстранённо на стуле, устремляются к выходу из помещения. Свет гаснет.

По авансцене в приглушённом свете цепочкой бредут наши герои.

Депутат: - Я устал, где этот проклятый выход?

Бандит: - Найдём. Главное, соскочили.

Акушерка: - Да тут чёрт ногу сломит.

Женщина: - Может, вернёмся?

Акушерка: - Ага, как же. На тот свет. Может, куда и выйдем.

Депутат: - Не так быстро.

Акушерка: - Что, ножки болят? А мы так всю жизнь.

Депутат: - Сколько поворотов, мне надо отдохнуть.

Бандит: - Ха, на том свете отдохнёшь, если ныть не перестанешь. Прорвёмся.

Женщина: - Свет! Видите? Там выход.

Бандит: - За мной, фраера!

Свет включается, и мы опять в том же помещении, что и прежде. На стуле в той же позе сидит Художник.

Бандит: - Чёрт! Как мы опять сюда попали?

Художник: - По кругу. Хорон ведь сказал, что от суда выхода нет.

Депутат: - Я устал бегать по этим коридорам (тяжело оседает на стул). Всё напрасно. Всё...

Акушерка: - Замолкни. Попытались хоть.

Женщина: (плачет) - Я так и не увижу... Не попрощаюсь.

Бандит: - Финита ля комедия! Крутая зона, не выскочишь.

Художник: - Примите. От судьбы не сбежишь.

Бандит: - Придётся.

В помещение возвращается Хорон с папкой в руках.

Слышен шум проходящих электричек.

Бандит: - Гоп-стоп, мы подошли из-за угла!

Депутат: (истерично) - Хватит! Я сойду с ума. Замолчите все!

Хорон: - Прошу внимания. Решение принято. Вы готовы?

Депутат: - Нет! Нет! Не готовы!

Хорон: - У вас есть последнее слово?

Бандит: - Да пошли вы все.

Акушерка: (растерянно) - Я не знаю.

Женщина: - Прости, сыночек. Прости...

Художник: - Я давно готов. Жаль, что так ничего и не успел.

Хорон: - Номера один, два, три. Пройдёмте к платформе «А».

Депутат: - Нет! Я никуда не пойду! Не имеете права. Это ошибка. Я!

Бандит: - Ха-ха! Смотрите, «слуга народа» штаны намочил.

Депутат: (садится на пол) - Не встану.

Хорон делает жест рукой, и депутат безвольно плетётся к выходу.

Бандит: - Прощайте, ханурики. - Таганка, все ночи, полные огня! (Своей приклатнённой походкой уходит вслед за депутатом. Акушерка,

опустив голову, медленно бредёт следом. Зажигается на табло буква «А».

Шум удаляющейся электрички.

Хорон: - Номер четыре.

Художник: - Извините, это ошибка. Мне вместе с ними.

Хорон: - Высший суд не знает слова ошибка. Вы при жизни уже заглянули в Ад. И, хоть не смогли ничего сделать для жизни, но помыслы ваши сочли достойными шанса. Пусть ваша душа использует его. Платформа «Р». Не заставляйте ждать. Идёмте к выходу на перрон.

Женщина остаётся одна.

Женщина: - А я? Меня забыли. А я?

Возвращается Хорон.

Хорон: - Вы страдали, но это не оправдание совершённого вами. Вы остаётесь между мирами.

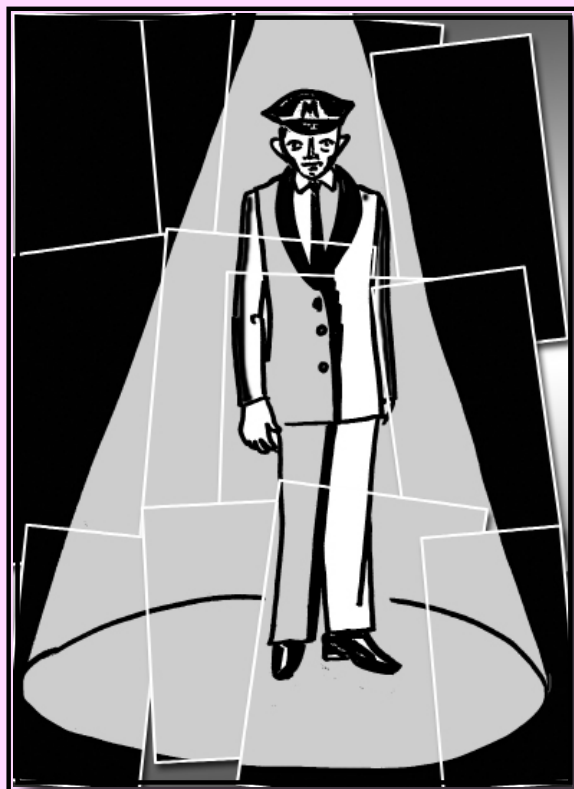
Вашей душе назначен срок покаяния. (Пролетает электричка) На сколько? Решит время. Пройдите в другой зал ожидания.

Женщина уходит.

Хорон: - Вот и опустело. Ненадолго. (Смотрит на пустые стулья. Снимает фуражку. Садится на один из стульев). - Бесконечно движение поездов. Круговорот добра и зла. Скоро эти места займут другие. Если бы люди знали, что все их земные дела фиксирует бескомпромиссный Суд Вселенной, возможно, что и сама жизнь стала бы иной. Возможно. Как же я устал. (Надевает фуражку). - Устал... (Покидает сцену).

КОНЕЦ

Ариэль. 2021 г.

Литкритика

Читайте на странице 317

Юрий
Табачников

Фантастика

Иван Соколов (1823 — 1918)
Ночь на Ивана-Купалу

*Человек никогда
не познает этого мира*

Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин...

публикуется в сокращении

...Люди с кубарями на малиновых петлицах вручили «дела» тем, кто носил шпалы и ромбы. Потом серые папки легли в портфель, машина прошелестела по крышкам вниз по Охотному ряду, мимо Александровского сада, налево, через мост, в Боровицкие ворота, еще раз налево, потом их понесли уже пешком, по ступенькам, коридорам и со многими поворотами, по длинной красной дорожке, через дубовую дверь в приемную, еще одну дверь — и все!

Папки ложатся на стол, и к ним прикасаются, наконец, те руки, которые единственно и могут что-то изменить в судьбах, наглухо запертых внутри плотных картонных обложек. Секретарь ЦК ВКП(б), вождь и учитель, гениальный продолжатель дела Ленина, лучший друг физкультурников и прочая, и прочая, и прочая, развязывает ботиночные шнурки:

«Марков Сергей Петрович, 1902 года рождения, русский, командарм 2-го ранга, член ВКП(б) с 1920 г., в Красной Армии с 1918 г....»

Глава 1

...Комкор Марков Сергей Петрович, дважды краснознаменец, герой гражданской и боев на КВЖД, арестован был уже в конце второй волны — летом тридцать восьмого года. Как раз тогда наступило вроде бы некоторое смягчение. Так показалось.

...И вот настал день суда. Он пошел на него, за все время следствия ничего не подписав и не дав ни на кого показаний.

Приговор был: десять плюс пять. Формула мягкая — КРД (контрреволюционная деятельность), без троцкизма и терроризма.

Он вполне готов был к высшей мере. Точнее — убедил себя, что готов. К его званию и должности высшая мера была бы в самый раз. Поэтому, услышав приговор, испытал в первый момент облегчение. Главное — жить будет. Но представил себе эти десять и еще пять, и до того стало мутно! Помыслить страшно — до 1953 года сидеть. (Он не имел возможности оценить символичность даты). Когда срок кончится, ему уже шестой десяток пойдет. Кончена жизнь, как ни крути. Да и то, если доживет, если позволят дожить...

Поначалу он считал, что жизнь ему спасло упорство. Потому что обнаружил, беседуя с себе подобными, что судьи и те, кто ими руководил, придерживались определенной, хоть и извращенной логики. Признавшихся, раскаявшихся, активно помогавших следствию — расстреливали, а упорных, «закоренелых», вроде него, — нет. При полном пренебрежении всякими правовыми и моральными нормами через это правило Военная коллегия и сам Сталин, как говорили, обычно не переступали. Из всех, проходивших по первым процессам вместе с Тухачевским, Уборевичем, Якиром и прочими, не признал себя виновным один комкор Тодорский, и он единственный уцелел, сидел одно время вместе с Марковым. От остальных не осталось и могил.

Только потом, много раз передумывая одно и то же, Марков сообразил, что ничего от него не зависело. Он сам по себе не интересовал следователя: не вырисовывалось за ним никакого крупного дела. И показания его в общем тоже не требовались — все, с кем Марков был связан, исчезли раньше него. Готовилась смена караула в недрах самого НКВД, Ежов доживал последние дни, механизм крутился по инерции. Могли бы и вообще про Маркова забыть, а могли расстрелять без процедуры... Но все же, как ни смотри, а повезло.

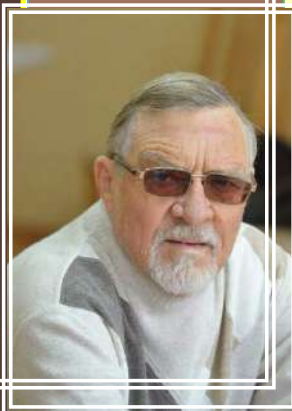
...1 мая 1941 года был нерабочий день даже для врагов народа, и они провели его хорошо — грелись на первом весеннем солнце, на подсохшем южном склоне сопки внутри зоны, вспоминали, кто и как праздновал этот день на воле. А второго мая началось непонятное. С утра среди начальства замечалась необычная суета. Марков как раз мыл полы в канцелярии. Из-за двери начальника лагпункта неразборчиво гудели голоса и столбом тянулся табачный дым. На обед были вызваны даже дальние бригады, которым обычно пищу возили в тайгу. Потом лагерь построили, и толстенький «кум», косолапо ступая кривыми ногами в надраенных сапогах, вышел к строю и начал вызывать заключенных по длинному списку. Они выходили и выстраивались в шеренгу.

Вызвали больше ста человек, в том числе Маркова. Затем бригады увели на работу, а вызванные остались на линейке. Начальство исчезло. Поскольку не было команды разойтись, но не было и другой команды, заключенные помаленьку начали сбиваться в группки и закуривать.

Марков с удивлением, а больше с тревогой заметил, что здесь только бывшие военные, 58-я статья. Это могло означать что угодно, но скорее — плохое. От хорошего успели отвыкнуть.

Потом появился «кум» и объявил, что сейчас все пойдут в баню.

Беспокойства прибавилось. Но баня — всегда баня, тем более, без уголовных, натоплена она была хорошо, и никого не торопили, и мыла дали по половине большого куска, поэтому мылись долго, с удовольствием.

Василий
Звягинцев

— Наверное, в другой лагерь переводить будут. Особый, политический, — предположил кто-то. Мысль посчитали дельной.

После помывки выдали белье. Всем — новое.

Вернулись в бараки. От непонятности и непривычного безделья разговоры достигли невероятного накала, доходя моментами до вещей совсем фантастических.

Через час Маркова вызвали в канцелярию. С ним еще пятерых. Двух комкоров, двух комдивов и одного корпусного комиссара. Больше представителей высшего комсостава на лагпункте не было.

Майор, начальник лагпункта, покрутился перед ними с минуту, видимо, не зная, с чего начать, потом, глядя в сторону, сообщил, что поступила команда срочно доставить их шестерых в Хабаровск. Настолько срочно, что через час за ними прибудет самолет. После чего выразил надежду, что все может повернуться по-разному, но если что — граждане бывшие командиры не должны быть в обиде. Служба есть служба.

Начальник вообще был человек не злой, скорее просто глупый, но жить давал.

Они вышли на улицу ошарашенные, даже потрясенные, сжимая в кулаках щедро розданные майором папиросы — по три на брата. У каждого в душе колотилась сумасшедшая надежда, только комкор Погорелов желчно сказал:

— Рано радуетесь, ээки, как бы не загреметь всерьез и окончательно.

— Брось. Для этого самолетом не возят.

— Ну-ну, поглядим...

Примерно через час над рекой проревел моторами гидроплан, планируя против ветра, подрулил к причалу, и вскоре они все сидели на узкой алюминиевой скамейке внутри холодного и пустого фюзеляжа. По бокам — два конвоира с карабинами. ...Три часа выматывало душу тряской и гулом, наконец, днище гидро-

Заслуженный художник России Валентин Фёдорович Папко
22 июня. Утро

плана заколотило на короткой и крутой амурской волне. Самолет уткнулся носом в пирс. «Черный ворон» доставил их не в тюрьму, как они привычно ждали, а на окружную гауптвахту. В роскошной, по нынешним их понятиям, камере старшего комсостава они наконец расслабились.

Марков за дорогу передумал многое и, кажется, начал догадываться. Вошел капитан-начкар, сказал, что ужин будет через полчаса, и выдал на всех две пачки папирос «Норд». Это было совсем невероятно.

Погорелов, как самый старший, поделил курево, две оставшихся папиросы, прикурив, пустил по кругу.

— А теперь какие мнения будут? Амнистия?

— Нет, братцы, война. Большая война, — ответил Марков.

Рано утром их разбудили и вновь повезли. На военный аэродром, где выдали полушубки и погрузили в транспортный ТБ-3.

— На Чукотку, что ли? — спросил Погорелов у бортмехапика.

— Чего ради? — удивился тот. — В Москву летим...

...Ночь на гауптвахте МВО он не спал. Неужели все кончилось? Неужели скоро он выйдет на улицу без конвоя? Иначе привезли бы в тюрьму. А так вроде считают их военнослужащими.

С утра фантазмагория продолжилась. Снова баня. Парикмахерская. Завтрак по комсоставской норме. Вместо лагерного тряпья выдали командирскую форму. Хоть и полевую, хлопчатобумажную, хоть и без знаков

различия. И новые хромовые сапоги.

Но никто ничего не объяснял. Замкнутые лица, сжатые губы, убегаящие взгляды чекистов.

После каптерки их развели по одиночкам. Маркову досталась свежeweыбеленная камера на пятом этаже.

Дали еще папирос, теперь уже — «Казбек»! И свежую «Правду».

Марков взял газету и в глаза бросилась черная рамка. «Берия Лаврентий Павлович. Генеральный комиссар госбезопасности... скоропостижно... верный сын...» — глаза выхватывали отдельные строчки. Когда его арестовывали, Берии еще не было, был Ежов. Но про Берию он кое-что слышал. Уже в лагерях. Скончался первого... А все началось второго. Газета от третьего. Сегодня пятое. День печати. Почему дали именно эту газету? Не вчерашнюю, не сегодняшнюю, а эту?

Дверь щелкнула, вошел пожилой майор госбезопасности. Марков почти непроизвольно протянул ему газету и сказал:

— Соболезную...

Майор дернул щекой. Но не более. Сделал вид, что не услышал. Помолчал секунд двадцать, пристально глядя на Маркова. Тот напрягся.

— Жалобы, заявления, претензии есть? — спросил майор негромко. — Нет? Хорошо. Прошу вас приготовиться. В двадцать три часа вас примет товарищ Сталин.

Глава 2

Маркова провели через боковое крыльцо, по полутемной узкой лестнице; после короткого ожидания в небольшой комнате без окон сказали: «Входите», и он вошел в кабинет.

Сталин сидел в тени, за пределами светового круга. Лампа под зеленым абажуром освещала только середину стола, где лежали какие-то бумаги.

Услышав, как скрипнула паркетная плитка, Сталин поднял голову.

Стараясь, чтобы голос не дрогнул, Марков отрапортовал, с трудом убеждая себя, что все происходящее — правда, что он действительно стоит в кремлевском кабинете, а всего четыре дня назад был на Дальнем Востоке и ничего хорошего вообще уже не ждал от жизни, даже такой малости, как посылка, потому что и посылок слать ему было некому.

Сталин вышел из-за стола, сделал несколько шагов и остановился рядом. Одет он был так же, как пять лет назад, когда Марков видел его на выпуске Академии. Марков пожал протянутую руку и, подчиняясь приглашающему жесту, подошел к столу для совещаний, где они оба сели.

— Как ваше здоровье, товарищ Марков? — спросил Сталин, негромко и без отчетливо выраженной интонации, как он говорил почти всегда. Но то, что он назвал Маркова товарищем, сразу поставило все на свои места. Комкор ощутил буквально физическое облегчение, будто сбросил с плеч пятипудовый мешок и разогнул, наконец, спину. А вместе с облегчением пришло ощущение независимости. Вопреки всему, что с ним было, и что, строго говоря, отнюдь еще не кончилось. Но раз его назвали товарищем, он снова почувствовал себя обязанным подчиняться законам, дисциплине, присяге — долгу, как он его понимал, но не личной воле кого-то одного, произвольно взятого человека. Кем бы он ни был. Хоть и самим Сталиным. Сталин и раньше представлялся ему великим именно как вождь великой партии и великой страны, а потребности искать в нем черты личного величия, гениальности Марков никогда не испытывал. Оттого, наверно, и загремел...

Он оказался с глазу на глаз с человеком, который причинил так много горя и несчастий не только ему лично, но и всей армии, всему народу: масштабы репрессий в лагерях были известны гораздо точнее, чем на воле. Своим обращением «товарищ» Сталин дал понять, что все обвинения сняты, что, скорее всего, Маркова снова возвращают в строй. И тем самым ему возвращается право вновь быть самим собой и держать себя так, как он считает должным.

— Спасибо, товарищ Сталин, здоровье пока в порядке.

— Это хорошо, здоровье вам понадобится. Лечиться сейчас некогда. — И вдруг спросил без перехода: — Наверно, обижены на нас?

Марков не захотел отвечать так, как хотел этого Сталин, но и не рискнул сказать правду. Уклонился от прямого ответа:

— Я всегда верил, что недоразумение будет исправлено. Рад, что не ошибся.

Сталин посмотрел на него пристально, с интересом даже, словно изучая экспонат из музея той давней истории, когда с ним еще не боялись говорить вот так, и спорить, и голосовать против, и доказывать его неправоту.

— Вы правильно делали, что верили, — тихо сказал Сталин. — Мы можем ошибаться. Мы тоже живые люди. Но ошибки надо уметь исправлять. Эту ошибку мы тоже исправляем. Надеюсь — почти вовремя. Вы посидели в тюрьме. Я тоже сидел в тюрьме. Но после тюрьмы я еще многое успел...

«Да уж», — подумал Марков, и еще подумал, что был прав: война очень близка.

— Личные просьбы у вас есть? — спросил Сталин, поднимаясь.

— Нет, товарищ Сталин. Прошу окончательно решить мой вопрос, и если можно — направить в войска.

— Хорошо. Мы подумаем, как вас использовать. До свидания, товарищ Марков. Думааа, вскоре мы с вами еще встретимся.

Марков хотел выйти в ту дверь, через которую вошел, но Сталин остановил его:

— Пройдите сюда. — И показал, куда именно.

В другой, большой приемной, его встретил человек, которого Марков раньше не видел. Лысый, коренастый, с серым лицом и в серой гимнастерке без знаков различия.

Человек оценивающе осмотрел Маркова, а тот не знал, что же ему теперь делать. Подумал даже, что вновь может появиться конвой, без конвоя он уже отвык передвигаться, но секретарь быстро сел за свой стол слева от двери, выдвинул ящик и выложил перед собой пухлый конверт из грубой коричневой бумаги с сургучными печатями по углам. Врезал наискось.

— Получите, товарищ командарм второго ранга. — На стол из конверта выскользнули два ордена Красного Знамени, петлицы с черными ромбами, удостоверение личности в сафьяновой обложке и толстые пачки денег. — Ордена ваши, петлицы и удостоверение новые, денежное довольствие — за шесть месяцев. Остальное, за весь срок, получите позже в кассе наркомата.

Марков взял в руки ордена, машинально глянул на номера. Действительно, ордена те же, что арестовавший его чекист попытался сорвать с гимнастерки, не сумел, и Маркову пришлось тогда самому дрожащими руками отвинчивать тугие гайки.

— Но здесь ошибка, — кивнул он на петлицы. — Я комкор.

— Нет, все правильно, звание командарма было вам присвоено... — И секретарь назвал дату, мельком глянув в удостоверение.

Через два дня после ареста, отметил Марков. Значит, по одной линии его арестовывали, везли в тюремном вагоне, а по другой все шло заведенным порядком. И этот указ о присвоении одного из высших в армии званий подшили в дело и не отменили после приговора... Это его почему-то потрясло сильнее, чем все остальное. Он чуть было не выматерился вслух.

— Сейчас вас отвезут в гостиницу «Москва» Отдыхайте. Но каждый день, начиная с восемнадцати часов, прошу быть на месте. Вам могут позвонить.

...Утром Марков, наскоро перекусив остатками затянувшегося ужина, торопливо спустился вниз.

...Идя вверх по улице Горького, он заново переживал свою встречу со Сталиным. Теперь она удивляла его своей явной бесполезностью. Стоило ли приглашать к себе освобожденного из заключения, чтобы обменяться с ним парой ничего не значащих фраз? Впрочем, ему, может быть, просто требовалось взглянуть на Маркова. Все он о нем знал, и доносы прочел, и оперативки, и личное дело, и материалы «суда», а вот наяву не видел. И захотел составить мнение перед тем как принять окончательное решение. Вполне возможно. От такого человека, как Сталин, можно этого ждать.

...До обеда он бесцельно проходил по улицам, просто глядя новым, обострившимся взглядом на людей, новостройки, витрины магазинов.

При всем, что случилось с ним и тысячами ему подобных, жизнь продолжалась. Он не мог не отметить, что Москва похорошела, люди в массе выглядят довольными и веселыми, а в магазинах товаров гораздо больше, чем три года назад.

Почти непрерывно ему приходилось отвечать на приветствия встречаемых военнослужащих, и он ловил удивленные и заинтересованные взгляды. Командармы и в свое время не так часто попадались на улицах, их и было пятнадцать на всю Красную Армию, а сейчас год спустя, как ввели генеральские звания, командарм с двумя орденами Красного Знамени выглядел видением прошлого, о котором большинство старалось не вспоминать.

В центральном военторге Марков купил небольшой чехол из желтой тисненой кожи варшавского производства — трофеем освободительного похода. У него не было ничего, никаких личных вещей, и пришлось приобрести многое, от бритвенного прибора и носовых платков до габардинового обмундирования и плаща. Ходить по Москве в плохо сшитом полевом х/б он не считал удобным в своем звании.

К часу дня он уже был в гостинице.

Звонок прозвучал около восьми часов вечера.

— Марков? — услышал он грубый бас порученца Сталина. — Спускайтесь вниз, за вами вышла машина.

Иосиф Виссарионович встретил Маркова почти по-дружески. И лицо его, и глаза выражали радушие, словно он был хозяином, принимающим дорогого гостя, а не главой партии и государства.

— Садитесь, товарищ Марков. Я вижу, вы уже освоились в своем новом положении? — Очевидно, Сталин имел в виду новую форму Маркова и вообще весь его подтянутый, даже щеголеватый вид.

— Стараюсь, товарищ Сталин, — ответил Марков, следя глазами за медленно прохаживающимся по кабинету хозяином.

— Это хорошо. У вас крепкая нервная система. Некоторые товарищи, с похожей биографией, сломались и сейчас ни на что не годятся. Хотя и оправданы полностью. А нам, старым большевикам, приходилось сидеть в тюрьмах и подольше... Я же сказал, садитесь, — и показал на ближайший стул. — Что бы вы сказали, товарищ Марков, если бы мы предложили вам возглавить генеральный штаб?

Марков, хоть и был подготовлен вчерашними словами Погорелова, все же несколько опешил.

— Не знаю, товарищ Сталин, не думал об этом. Я, вообще говоря, войсковик. И кроме того... несколько отстал, по-моему.

— Это не очень страшно. В курс дела вы войдете быстро. А отсиживаться на маленькой и спокойной должности сейчас не время. Главное, чтобы у вас сохранились те качества, которые отмечали многие авторитетные товарищи. Сейчас это особенно важно. Армия перевооружается, меняются уставы, и способность нестандартно мыслить, принимать быстрые и обоснованные решения важнее, чем многое другое.

«Это он про тех, казенных, говорит: авторитетные товарищи...» — подумал Марков и увидел, что перед Сталиным лежат его старые аттестации, среди них, конечно, и те, что подписывал и Уборевич, и Егоров, и Каширин...

— Вы имели возможность следить за ходом войны в Европе? — продолжал Сталин. — В чем, на ваш взгляд, главная особенность немецкой стратегии сегодня?

— Применение массивных подвижных соединений, быстрый прорыв обороны противника и развитие наступления на всю глубину стратегического развертывания.

— А как вы считаете, если Гитлер все-таки нападет на нас, сколько времени пройдет от начала войны до ввода в действие его главных сил?

— Я, товарищ Сталин, не имею необходимых данных... но могу предположить, что это произойдет на первые-вторые сутки.

— Значит, опыт первой мировой войны нам не пригодится? И мы не будем иметь времени на проведение мобилизации?

— Считаю, что нет, товарищ Сталин...

Наступила пауза. Сталин пристально смотрел на Маркова, прямо ему в глаза. И тому показалось, что его затягивает взгляд желтых, тигриных глаз. И вот Сталин медленно произнес длинную непонятную фразу...

...Мгла перед глазами рассеялась. Совсем рядом с собой Берестин увидел Сталина. Такого же, как на фотографиях, портретах и в кинофильмах, но и не совсем такого. Живой человек всегда отличается от своих изображений массой подробностей.

«Получилось, значит», — подумал он. И тут же осознал себя не только Алексеем Берестиным, но и Сергеем Марковым тоже. Вернее, не осознал, а вспомнил все, что составляло личность Маркова, все, что с ним было, вплоть до последних слов Сталина, которые были акустической формулой включения психоматрицы. — Ну здравствуй, товарищ Сталин... — произнес он, прислушиваясь к звучанию чужого голоса. — Как ты тут обжился?

— Нормально, — улыбнулся Сталин, и это выглядело довольно странно, если не сказать — дико: новиковская улыбка на совсем не приспособленном для нее лице. — Хоть и тоскливо, черт знает как... В город тянет выйти, по улицам походить, а нельзя.

— Да, тебе не позавидуешь. Зато — положение? Но дай я посмотрю, как мой Марков выглядит. У тебя тут зеркало есть?

— Пройди вон туда, — Новиков показал незаметную дверь за портьерой.

То, что увидел Берестин в зеркале, ему понравилось. Молодой еще человек с правильными и мужественными чертами лица. Скулы, конечно, чересчур выдаются, обтянутые сухой шелушащейся кожей со следами морозных ожогов. Глаза запавшие, настороженные — видно, что досталось ему крепко, но ни страха, ни заботности не чувствуется, скорее непреклонность и жесткая воля. Неординарный мужчина. Да и по внутренним ощущениям ничего. А если что в организме не в порядке после лагеря, так с новой матрицей тело Маркова регенерирует до генетического оптимума за два-три дня.

Новиков подтвердил, что, попав в тело Сталина, вначале чувствовал себя отвратительно, а теперь готов кроссы бегать.

— Да вот смотри. — Андрей присел и левой рукой, которая у Сталина была полупарализована, поднял тяжелый стул за переднюю ножку, подкинул вверх, поймал и снова поставил. — Видал? Вот то-то... Одно плохо: рост. До сих пор кажется, что хожу, присев на корточки. Знаешь, командарм, сейчас мы поедем ко мне на дачу, там я тебя подробно введу в курс. Заодно и поужинаем.

В салоне длинного ЗИС-101, за поднятой стеклянной стенкой, в полутьме, озаряемой вспышками папирос и уличными фонарями, Новиков короткими штрихами изображал общую ситуацию. Он провел в сорок первом году больше недели и кое-что успел.

Если не смотреть на собеседника, а в окно, на мелькающие по сторонам картинки ночных улиц, было полное впечатление, что говорит настоящий Новиков: его манера, интонация, лексика, даже акцент исчез, но если повернуться... Сцена из самодеятельного спектакля, где актер не в силах справиться с образом.

.....

— Как только немного пришел в себя, — продолжал рассказывать Новиков, — вызвал я к себе Берия.

«Лаврентий, — говорю, — прикажи там, чтобы доставили мне списки на всех из старшего комсостава, кто еще жив, и полностью дела на всех комкоров и выше». — «Зачем тебе это, Коба?» — спрашивает он по-грузински. Мы с ним, оказывается, на такие темы всегда по-грузински разговаривали. — «Есть у меня сомнение, — отвечаю. — Вдруг ошибка вышла. Не тех посадили и не с теми остались». — «Ну и что? — отвечает мой друг Лаврентий. — Если даже и ошиблись кое-где, это ерунда. Люди в принципе все одинаковые, и если бы сейчас Блюхер был здесь, а Тимошенко там, никто бы и не заметил». Начинаю я раздражаться. Внутренне. Потому что раньше я про этого Лаврентия анекдоты рассказывал из известного цикла, да вот еще в пятьдесят третьем, помню, в пионерлагере ребята портрет со стены содрали и весь день над ним измывались, пока вечером не сожгли. Такие вот у нас с ним до этого отношения были, а тут он мне возмущать вздумал. Хозяин же, напротив, знает его вдоль и поперек, и получается у нас некоторая равнодействующая в мыслях. Словно бы я начинаю понимать, что Лаврентий парень ничего. Хам, конечно, сволочь местами, но фигура вполне нужная и для нашего дела незаменимая. Я делаю над собой усилие, загоняю Иосифа Виссарионовича в подсознание к нему же и говорю: «Не прав ты, Лаврентий. Вот сидел бы передо мной сейчас, скажем, Фриновский или Берзин, а ты — лес пилил. Как, по-твоему?» «Не нравится мне такой разговор», — отвечает Берия. Я заканчиваю беседу, еще раз напоминаю, чтоб списки и дела были, и уже у порога задерживаю его. Не смог удержаться. «Послушай, — говорю, — Лаврентий, а мне Вячеслав говорил, что ты еврей...» — и дальше все по анекдоту. Цирк, одним словом.

Берестин представил эту сцену и рассмеялся.

— Знаешь, командарм, я, наверное, все анекдоты постепенно в дело введу, пусть потом разбираются, где причина и где следствие... — отвлекся на мгновение от повествования Новиков. Машина проезжала мимо Курского вокзала, по тускло освещенной площадке, и был он совсем не похож на тот, что стоит здесь в конце века, но до боли знаком по временам ранней юности. Андрей впервые уезжал с этого вокзала на юг с родителями в шестьдесят первом году, году XXII съезда, когда Сталин лежал еще в мавзолее, и он видел его там, а сейчас — носит ту самую оболочку, что лежала под хрустальным колпаком... Было в этом нечто настолько запредельное, что Новиков передернул плечами.

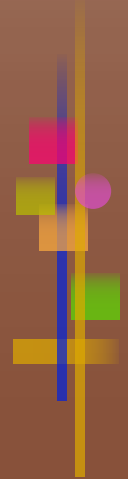
.....

— Андрей, нужно завтра же подписать указ об исключении из кодекса пятьдесят восьмой статьи и полной амнистии всем, кто по ней сидит.

— Думал я уже... Сразу вряд ли выйдет. Надо поэтапно. Сначала высший комсостав, через пару недель остальных военных, потом гражданских... Иначе у нас дороги захлебнутся. А по ним войска возить. Так слушай дальше...

Машина завершила круг по кольцу и рванула по прямой в сторону кунцевской дачи.

— Просмотрел я дела, — продолжал Новиков, — и решил, что лучше Маркова не найти. Из тех, кто остался.

Сталин на него тогда еще виды имел, отчего и в звании повысил, когда других к стенке ставил. Но передумал. Даже не передумал, как мне сейчас кажется, а тень сомнения высказал. Ежовской братии того оказалось достаточно, и сомнения подкрепили, и материалчик наскребли. И поехал Сергей Петрович совсем в другие места.

— Вот так и делалось? — поразился Берестин. — Я все же считал, что какая-то логика во всем этом была... — Поначалу — да. Первые заходы мой И.В. действительно долго обдумывал, просчитывал... К Тухачевскому у него «претензии» еще с польской кампании были. Другие тоже мешали спокойно жить и править, претендовали на право «свое суждение иметь». А уж дальше понеслось... Как бог на душу положит. Иногда по принципу «нам умные не надобны», иногда вообще черт знает как. Старался я разобраться в его побуждениях, но получается слабо.

Новиков замолчал, по-сталински пыхнул трубкой, раз, другой, однако дым проходил через мундштук слабо, и был неприятно резок. Он раздраженно бросил ее в пепельницу.

.....

— Однако я тебе про Берю недосказал... Значит, после обеда все разъехались, он остался. Мы еще поговорили, на разные практические темы. Я еще решения окончательного не принял, а Сталин мне уже подсказывает, как такие вещи делаются. Личности-то у него нет, а навыки остались, и раз я задачу себе задаю, его подкорка мне тут же автоматический ответ... Вышел я в кабинет, позвонил куда следует. А мы с ним в столовой сидели. «Давай, — говорю, — Лаврентий, выпьем еще понемногу. Хванчкара больно удачная попалась. Кто знает, когда еще попробовать придется». Чутье у него, конечно, звериное. Опять же опыт. А поскольку голова у него только в одну сторону работать способна, начинает он мне закидывать, какая обстановка тяжелая, враг, мол, не дремлет. Есть, говорит, у него материал еще на одну большую группу военных — Смушкевич, Штерн и так далее, он уже начал меры принимать, через неделю-другую все будет в порядке. Мне даже легче на душе стало. Слушаю, поддакиваю, смотрю в лицо его круглое, глазки за стеклами поросыачи, но словно поросенок не просто так, а бешеный или вообще оборотень, и так мне интересно стало, как он себя поведет, когда его — к стенке. Но понимаю, что это скорее Сталину интересно, а не мне... Снова я вышел из столовой. Ребята уже подъехали. Верные, сталинские ребята. Им что Берия, что Калинин с Буденным. Майор у них старший, такой, знаешь, паренек сухощавый, симпатичный даже, но смотреть на него неприятно. Даже страшно вообразить, что есть у него нормальная жизнь, что с кем-то общается, выпивает или там с женщинами... Проще представить, что вне функции его просто выключают и ставят в шкаф до случая. Я его папиросой угостил, в двух словах объяснил задачу. В технические детали не вдавался, он их лучше меня знает. «Есть, — говорит, — товарищ Сталин». Честь отдал, повернулся и вышел, папиросу на улице докуривать. Ну и все, в общем. Попрощался я с Лаврентием, по плечу похлопал, а потом стал у окна за шторку и смотрел, как его на крыльце под руки взяли. Он и не вырывался, только шею выворачивал, на окна смотрел — знал ведь, что я там где-то. Крикнуть хотел, но ему не дали. И потом Лаврентия Павловича я только в гробу увидел. Лицо было спокойное, словно и вправду во сне умер.

Берестин дослушал рассказ. Говорить ничего не хотелось. Средневековье какое-то, двор Цезаря Борджиа.

На ближней даче их уже ждал ужин — не такой уж скромный, как принято было писать в романах из жизни вождя, и напитки имелись, за которыми просидели до багровой рассветной полоски над лесом, то обмениваясь своими ощущениями, то набрасывая планы ближайших мероприятий по всем аспектам грядущей войны. Новиков уже успел поставить перед Жуковым, Тимошенко и Шапошниковым задачи, полностью меняющие принятую военную доктрину, и завтра решил представить им Маркова как нового командующего Западным округом.

— Так что на Запад поедешь. Эх, Леша, хорошо тебе — жить можешь, как человек, а я... Кремлевский затворник, — с внезапной тоской сказал Новиков.

— Ну чего ты вдруг гайки отдавать начал? Нагуляемся, когда домой вернемся...

...В приемной кремлевского кабинета Сталина уже ждали вызванные Поскребышевым Тимошенко, Шапошников, Жуков. Все они были давно знакомы с Марковым, все знали, где Марков должен был сейчас находиться, и его появление рядом со Сталиным их поразило. Но только лишь более крепкие, чем обычно, рукопожатия выдали их реакцию. Впрочем, появление Маркова-командарма (а все его помнили комкором) вызвало у присутствующих не просто радость за товарища. Факт мгновенного возвращения и даже взлета вычеркнутого из жизни Маркова, самого, кстати, молодого из них, наводил на размышления. Это могло быть, в особенности — на фоне скоростной кончины Берии, знаком меняющейся государственной и кадровой политики.

Три дня назад Сталин дал им задание представить ему план действий на случай внезапной агрессии фашистской Германии, теоретически возможной в первой половине июня. С одной стороны, такое задание выглядело как дальнейшее развитие зимней военной игры, в которой Жуков, командуя синими, наголову разгромил красных во главе с Павловым. С другой — не стоило исключать вероятность, что Сталин изменил точку зрения на перспективы развития советско-германских отношений, и все предыдущие установки уже потеряли силу.

Ошибаться тут было нельзя, ошибка в прогнозах могла обойтись дорого. А тут еще Марков, раскованный, почти веселый.

— Есть мнение, — сказал Сталин, когда все заняли свои места, — назначить товарища Маркова командующим Западным военным округом.

Такое выражение означало, что вопрос им решен и от присутствующих требуется принять его к сведению. Все трое обменялись мгновенными взглядами, означавшими одно и то же. Конечно, они знали Маркова как способного, даже талантливого, командира, но три года в заключении чего-нибудь да значат. И менять командующего, хоть и не гения, конечно, на самом пороге большой войны — не самое лучшее решение.

— А с Павловым что? — вырвалось у Тимошенко.

— А товарищу Павлову мы дадим работу, более соответствующую его способностям, — усмехнулся Сталин. — Он же у нас танкист... — И тут же, без паузы, перешел к делу, ради которого их собрал. — Я познакомился с планом. Мне кажется, товарищи не совсем поняли, что от них требуется. Я думал, три таких выдающихся военачальника создадут документ исключительной силы, чтобы ни прибавить, ни убавить было нечего. Нам не нужно повторять наши же благие пожелания. Ускорить, усилить, признать необходимым... Это не те слова. Вы писали для товарища Сталина. Как он к этому отнесется, понравится ему или нет. А сейчас нет времени играть в игры. Если мы думали, что оно у нас есть, мы ошибались.

В устах Сталина такие слова звучали невероятно. По крайней мере, никто из присутствующих, исключая, конечно, Маркова, ничего подобного не слышал.

— Да, это наш просчет. Не будем сейчас вдаваться в анализ, кто больше виноват, это непринципиально. Сейчас следует искать путь, который нас выведет из очень... неприятного положения. У нас есть полтора месяца. До пятнадцатого июня максимум. Вы готовы к войне, товарищ Тимошенко?

Нарком обороны Тимошенко под взглядом Сталина рывком поднялся.

— Сидите, товарищ Тимошенко. Я вас слушаю.

Маршал был поражен не столько критикой в адрес их плана и не тем даже, что война, по словам Сталина, так близка, а тем, словно говорил не Сталин, а совсем другой человек. Конечно, Тимошенко не мог и вообразить, как близок оказался к истине.

— Товарищ Сталин! Вы знаете, что мы уже год делаем все, чтобы подготовиться к отражению агрессии. — Он начал перечислять все, что делалось и намечалось.

— Не надо нам этого рассказывать. Мы это знаем не хуже вас. Скажите откровенно, как будто здесь нет товарища Сталина, как вы видите развитие событий, если немцы нанесут внезапный удар всеми силами? Сколько у них там сил?

— По нашим данным — около восьмидесяти дивизий...

— Рекомендую вам это число удвоить. Тем более, что немецкая дивизия полного состава на тридцать процентов больше нашей, а у нас далеко не все дивизии укомплектованы по штату... Правильно, товарищ Жуков?

— Так точно, не все.

— Вот товарищ Жуков однажды разгромил Павлова при равном соотношении сил. Возможно, Марков будет удачливее Павлова? Вы на это надеетесь? Не стоит. Марков действительно способнее Павлова, но этого мало. Мы с вами, кажется, готовимся еще к одному Халхин-Голу. А будет совсем другая война. Короче... — прервал он сам себя, зажег спичку и старательно раскурив трубку. — Короче, план нужно переписать. Весь. Пусть будет короткий и ясный документ. И перестаньте думать категориями мирного времени. Если мы сейчас начнем прикидывать, как о наших действиях подумают там-то и там-то, если станем считать, во сколько рублей обойдется каждое мероприятие — позже придется платить совсем другую цену. Кровью наших людей будем платить, землей нашей будем платить...

Берестин смотрел на говорящего эти слова и думал, что сейчас Сталин выглядит как раз таким, каким его воображали себе миллионы советских людей, искренне считавших его гением, мудрым и заботливым вождем, который во все вникает и всегда знает единственно верное решение. Если бы он на самом деле был таким...

— Нужно написать так. — Он начал диктовать. — В течение мая провести скрытую мобилизацию сил и средств для отражения массивной агрессии фашистской Германии. Основные войска вторых эшелонов развернуть на линии укреплений старой границы. Срочно привести оборонительные сооружения в боеготовое состояние, для чего создать специальное полевое управление во главе с генерал-лейтенантом Карбышевым. Для проведения работ использовать войска вторых эшелонов всех приграничных округов и вновь направляемые на Запад соединения. Произвести досрочный выпуск военных училищ без экзаменов. Выпускников использовать для доукомплектования имеющихся и формирования новых частей и соединений. Направить для участия в подготовке линии обороны слушателей старших курсов всех военных академий. В течение двух недель провести мобилизацию всех командиров запаса и младших командиров, проходивших действительную военную службу в период тридцать пятого — сорокового годов. Использовать их для подготовки районов формирования новых подразделений. По объявлении всеобщей мобилизации в первую очередь призвать лиц, проходивших действительную военную службу в строевых подразделениях после тридцатого года. — Сталин прекратил диктовать и пояснил: — Нам не нужно сразу призывать слишком много людей. Лучше мы призовем треть подлежащих мобилизации, но это будут готовые к бою солдаты...

Все непроизвольно коротко переглянулись, так как сразу заметили слово «солдаты», которое Сталин употребил впервые после революции — и на два года раньше, чем это случилось в реальной истории.

— Может быть, нам вообще не придется призывать всех. Воюют не числом, а умением, — снова усмехнулся Сталин. — Но об этом мы еще успеем подумать. Дальше. Для подготовки линии обороны по старой границе использовать специалистов, не занятых в оборонной промышленности, и технику, имеющуюся в народном хозяйстве. Я имею в виду, например, метрострой... Для вооружения дотов использовать артиллерию флота, в том числе предназначенную для строящихся кораблей и с устаревших судов. Морских сражений может и не быть, а вот если не удержим границу... Отвести на линию дотов всю тяжелую артиллерию округов, не имеющую механической тяги. Изъять со складов наличные запасы пулеметов, в том числе трофейные, к которым имеются боеприпасы, для вооружения временных огневых точек. Провести в приграничной полосе скрытую подготовку к широкому использованию минно-взрывных заграждений и лесных завалов на танкоопасных направлениях. Отвести за линию старой границы танковые части, не полностью укомплектованные техникой и вооруженные танками старых образцов. Неисправные танки и танки, выработавшие моторесурс, использовать как неподвижные огневые точки в промежутках между дотами. С учетом указанных требований произвести переформирование соединений первого эшелона. Возложить на них задачу упорными оборонительными боями обеспечить стабилизацию фронта по линии старой границы. Территорию Западной Украины и Западной Белоруссии считать стратегическим пред-

полюем. Рассредоточить авиацию на полевых аэродромах и к концу мая привести ее в состояние полной боеготовности. Заблаговременно определить цели и задачи авиации на период приграничного сражения и спланировать тесное взаимодействие с сухопутными войсками. Вывести за старую границу все имеющиеся склады армейского и окружного подчинения. С корпусных и дивизионных складов все имущество раздать в войска из расчета двух-трехнедельных автономных действий. Обеспечить полную секретность всех проводимых мероприятий и разработать меры тактической, стратегической и дипломатической дезинформации противника. — Он сделал паузу. — В течение десяти суток после начала войны развернуть за счет войск второго стратегического эшелона и вновь формируемых соединений Резервный фронт по линии Псков — Витебск — Могилев — Гомель — Киев — Одесса. В Прибалтике после отхода от границы обеспечить безусловное удержание линии Либава — Рига — Даугавпилс. — Вновь небольшая пауза. — Главной задачей флота считать безусловное господство на Черном море; на Балтике — не допустить прорыва вражеского флота в Рижский и Финский заливы, сохранить за собой Ханко и Моонзундский архипелаг. — Сталин замолчал, пососал погасшую трубку, положил ее в тяжелую хрустальную пепельницу и взял папиросу. — Вот что должно быть отражено в документе. Я, конечно, многое упустил и не все сказал. Даю вам сутки на подготовку грамотного во всех отношениях проекта. Развить, детализировать, указать номера соединений, ответственных лиц, сроки. Чтобы легче было работать, не задумывайтесь о технической стороне плана. Исполнение его мы обеспечим.

Сталин подошел к сейфу, достал оттуда большую карту. На ней Марков рано утром нанес расположение немецких войск на двадцать первое июня. На полях были аккуратно выписаны номера дивизий, корпусов и армий, количество танков, артиллерии и самолетов. Развернул карту на столе и похлопал по ней ладонью. — Может быть, было бы правильной, если бы вы мне показали такую карту, товарищ Жуков. Вам подготовлено помещение здесь, в Кремле. Завтра в это время жду ваших предложений. Еще раз советую принять следующую вводную: территорию бывшей Западной Украины и Белоруссии мы удержать не сможем. Будем сражаться за каждую удобную позицию и медленно отходить. Главное — заставить противника потерять темп, ввести в бой оперативные и по возможности стратегические резервы. Любой ценой выиграть время. Любой! Изобретайте новую тактику, вспоминайте опыт первой мировой, что хотите, но на три хотя бы недели немцев надо удержать перед старой границей. И не бойтесь товарища Сталина, если он будет вас критиковать, у него такая должность. Хуже того, что вам могут сделать немцы, он вам не сделает... Можете идти. Товарищ Марков, задержитесь...

Глава 3

Когда дверь отведенного им кабинета закрылась и полководцы остались одни, какое-то время они молчали, не глядя друг на друга. Поворот, происшедший не только в стратегической концепции, но и в самой личности Сталина, в его манере разговора, даже в стиле мышления был настолько разителен, что требовал серьезного осмысления. У Сталина и раньше бывали смены настроения, и смены политической линии тоже, но был сейчас штрих, который сразу заметил Шапошников, ощутил Жуков и не понял только Тимошенко: все предыдущие политические эволюции Сталина так или иначе вели к усилению его личной власти и сопровождалась безудержным воспеванием прозорливости и дальновидности вождя. Теперь же он начал с признания своих ошибок.

Но, в любом случае, надо выполнять приказ и ждать развития событий. А события надвигались явно грозные.

Жуков испытывал тайную радость от того, что Сталин так недвусмысленно признал его правоту и наконец развязал ему руки, сняв с души невыносимую тяжесть собственного бессилия.

Шапошников, как теоретик по преимуществу, не отвлекаясь на детали, пытался на ходу выстроить наметки новой теории начального периода войны — теории, свободной от догматического и бессмысленного лозунга «Малой кровью, на чужой территории». Особенно бессмысленного после разгрома Франции и Дюнкеркской катастрофы англичан. Царская Россия, чья армия была гораздо лучше готова к войне, чем нынешняя Красная Армия, едва-едва удерживала германский фронт при том, что больше половины вражеских сил отвлекали союзники. Отказ от нереалистической военной доктрины позволит сохранить силы до более благоприятных времен.

Тимошенко же, как нарком обороны, думал о реальном. Если в течение летне-осенней кампании удастся удержать фронт по старой границе — это уже будет крупный успех. Но войска не укомплектованы наполовину, формирование мехкорпусов в самом начале, техники для них нет, соединения и части первых эшелонов вытянуты в нитку, на дивизию приходится по семьдесят-сто километров...

Вошел Марков, и все повернулись к нему с такими лицами, словно то, что они видели у Сталина, еще никак не подтверждало факт его возвращения и только теперь появилась возможность рассмотреть командарма и убедиться, что это действительно он, и он жив и здоров.

Но прямого вопроса задать не решился никто. Обменялись несколькими фразами общего характера — и все. Берестин их понимал.

— Так вот. Чтобы неясностей не было, — сказал он. — Не только меня выпустили, как кое-кого раньше, а вообще всех. Товарищ Сталин сказал, что если кто виноват — свое уже получил, невинные должны понять и забыть, и в любом случае каждый принесет больше пользы на фронте, чем там...

— Что ж, это очень хорошо, — осторожно сказал Тимошенко. — И на какое же количество людей мы можем рассчитывать? — Он делал вид, что не имеет представления о масштабах репрессий. Даже после слов Маркова тема казалась настолько запретной, что остальные молчаливо согласились не развивать ее, а подождать более весомых подтверждений.

Только Марков ничего не боялся.

— За вычетом расстрелянных, умерших, больных, ослабевших и морально сломленных, до начала войны можно рассчитывать на восемь-десять тысяч старших командиров.

Бесшумно вошли два лейтенанта в форме войск НКВД, внесли подносы с термосами, стаканами, горой

бутербродов, коробками папирос. Сервировали стол в углу и так же бесшумно исчезли.

— Приступим, что ли... — сказал Берестин, разворачивая на столе карту. — Меня сейчас вот что интересует. Какому... пришло в голову так размещать войска в Белостокском выступе? Что, вместе с Тухачевским и стратегию как науку тоже отменили?

.....

ГЛАВА 4

Не задерживаясь в приемной, только слегка кивнув Поскребышеву, который в последние дни пребывал в состоянии тягостного недоумения от всего происходящего, Берестин прошел в кабинет.

Кроме Сталина там был еще один человек, невысокий, коренастый, в несвежем генеральском кителе без нашивок, петлиц и наград, от которых остались только многочисленные дырки на груди.

Берестин никогда не видел его фотографий (даже для статьи в военной энциклопедии не нашлось места), но ошибиться не мог — это был не кто иной, как Герой Советского Союза, начальник Главного управления ВВС РККА генерал-лейтенант Рычагов Павел Васильевич, тридцати лет отроду. Бывший. Все бывший — и по должности, и по званию. Забрали его перед самой войной, и куда делся — неизвестно. Про других хоть год смерти указан, а ему и этого не досталось. Но пока, значит, жив, раз здесь сидит... Рычагов ходил у Сталина в любимцах, звания и должности сыпались на него, как ни на кого другого в то время. А потом все сразу кончилось. Не понравилось вождю, что молодой главком авиации начал говорить, что думает, и руководить своим ведомством, исходя из интересов дела, а не применительно к настояниям хозяина и его подручных.

Как радушный хозяин, Сталин представил друг другу Маркова и Рычагова.

Рычагов был сейчас не то чтобы мрачен, а подавлен и угнетен. Глаза у него прятались под полуопущенными веками, и рукопожатие вышло вялое, он смотрел мимо Берестина и мимо Сталина, словно видел где-то в углу кабинета свой настоящий конец, а в инсценировку, что разыгрывалась сейчас — не верил. «Зачем все это? Не мучили бы уж...» — нечто подобное прочитал Берестин в его взгляде, и словно холодок пробежал между лопаток.

Новиков тоже ощутил ужас, мелькнувший по комнате, как крыло гигантской ночной бабочки, и решил разрядить обстановку.

— Товарищ Берия, — обратился Сталин к Берестину, словно приглашая его включиться в разговор, который вели здесь до него, — товарищ Берия (при этом имени Рычагов вздрогнул) несколько погорячился. Неправильно оценил слова и поступки товарища Рычагова и, не посоветовавшись с Политбюро, задержал его. А у нас, к сожалению, не нашлось времени спросить: а куда это вдруг пропал товарищ Рычагов? А когда узнали, куда, недопустимо долго не могли выяснить, кто прав: товарищ Берия, или...

Он взглянул на Рычагова, смущенно развел руками. Так уж, мол, получилось...

Берестин попробовал поставить себя на место Павла — Паши, как звал его за глаза весь воздушный флот. Как он это воспринимает? Как извинение или как продолжение дьявольской игры? И что ждет от будущего? Не сломался ли совсем, как многие из тех, кто побывал в гостях у Николая Ивановича и Лаврентия Павловича? Не должен бы... Нервы у него молодые, летчик-истребитель, сидел недолго, да и сел как раз из-за сильного характера. Правда, если он верил в Сталина как в бога, а потом понял, что богом прикидывался дьявол, тогда случай тяжелый.

Единственный, наверное, из выдвиненцев тех лет, он воспринял свой взлет так, как и следовало. Не скрывал, что многого еще не знает, и не стеснялся учиться всему, чему надо. И одновременно поведением своим и словами напоминал каждому: меня назначили на этот пост, я — главком, и буду говорить и делать то, что считаю нужным. Так и поступал.

Вот и рубил с трибуны на всесоюзном совещании высшего состава РККА в декабре сорокового года, что завоевание господства в воздухе в грядущей войне — под большим вопросом, оттого, мол, и оттого, а за этими «оттого» — и неправильное определение приоритетов в авиапромышленности, и неправильная установка в подготовке личного состава, и технический авантюризм некоторых КБ, и ни в какие ворота не лезущая передача контроля за строительством аэродромов НКВД, и т.д., и т.п. Такое мало кому прощалось даже в келейных разговорах, а тут — с высокой трибуны! Через три месяца с небольшим генерал-лейтенант Рычагов после резкого, на грани крика разговора по ВЧ с Берией о том, что девяносто процентов аэродромов прифронтовой зоны запланированы под одновременную реконструкцию, самолеты стоят сотнями, крыло к крылу и им неоткуда взлетать, заявил, что прямо из Минска он идет на доклад к Сталину. И... никуда больше не пришел, кроме отдельной камеры Лубянской внутренней тюрьмы, где с ним раз в неделю беседовал лично Берия, а в промежутках — его ближайшие помощники.

Сталин вдруг изменил тон. Теперь чувствовался только Новиков.

— Значит, Павел Васильевич, что было — забудем. Разбираться некогда. И не с кем. На Кавказе говорят: кто бежал — бежал, кто убит — убит. Война рядом. На вашем посту сейчас другой человек. Вновь переигрывать — нецелесообразно. Чтобы вы могли проявить себя в деле, поедете в Минск, командовать авиацией округа. Вот ваш прямой начальник, командующий округом. Надеюсь — сработаетесь. Взгляды у вас совпадающие. Если будет острая необходимость — звоните лично мне. Но, думаю, и с товарищем Марковым все решите. Нынешнего начальника ВВС округа используйте по своему усмотрению.

Рычагов поднял голову.

— А кто сейчас на моем месте?

— Ваш бывший заместитель.

— А, Жигарев... Наверное, справится.

— Вам надо отдохнуть, Павел Васильевич. Вам есть куда поехать сейчас?

— Не знаю...

— Товарищ Сталин, — вступил в разговор Берестин. — Пусть генерала отвезут в мой номер, доставят ему свежую форму, ордена и прочее, он придет в себя, а потом мы все решим.

- Согласны, товарищ Рычагов?
 - Как прикажете...
 - Вот так и прикажем. Езжайте, все будет сделано. Закажите обед в номер, сами никуда не ходите, можете выпить, но не слишком, и ждите своего командующего.
- Когда Рычагов ушел в сопровождении старшего политрука — но не из НКВД, а армейского (Новиков все же осуществил в Кремле смену караулов), Андрей походил по кабинету, потом сел напротив Берестина.
- Ужас, что делается... А Паша мне не нравится. Раскис.
 - Нет. Он не раскис, а сорвался. Приготовился, может, к концу, когда из камеры вывели и за ворота повезли, а тут сразу вот как... Как с размаху в отпертую дверь. К утру он отойдет. Жену его надо разыскать, она у него тоже летчица, не знаю — посадил ты ее тоже или как?
 - Сейчас выясню.
 - Давай. Если сидит — тоже пусть в порядок приведут и завтра встречу устроим. Послезавтра — в Минск. Время жмет.

.....

... - А сейчас ты у меня за гения сыграешь. Там ракетчики в приемной ждут. Я с ними поговорю о форсировании работы по «катушам», чтоб к началу успеть.

- Если бы установок двести было... Полсотни надо сделать на танковых шасси. От БТ. И по сорок восемь направляющих... Очень пригодится.
- Ты пока, чтоб время не терять, нарисуй в деталях РПГ-7, СПГ и фаустпатрон на всякий случай. Предложим, как твое изобретение.
- Сейчас сделаем. Зови своих ракетчиков.

Группа специалистов из ракетного КБ была, разумеется, крайне поражена, когда Сталин не только очень грамотно поговорил о возможностях, какие сулит широкое применение ракетного оружия, но и сугубо категорически осудил все задержки, имевшие место как по вине ГАУ, так и по недостаточной активности самих ракетчиков, не умеющих отстаивать, как должно, свое изделие. (О репрессированных основателях КБ он решил пока не вспоминать).

— Считайте приказом — в течение трех недель довести выпуск изделий до двадцати штук в сутки. Любыми способами. Вводите трехсменную работу, занимайте любые производственные мощности, подходящие по профилю, упрощайте технологию. Для поощрения лучших рабочих и ИТР выделим какие угодно суммы. Внесите предложения. График выпуска докладывать еженедельно. Пока все. А теперь давайте послушаем товарища Маркова...

...Дав ракетчикам немного переварить полученные указания, Берестин встал и заговорил с интонациями лектора общества «Знание».

— Товарищи, мне придется напомнить вам некоторые аспекты только что завершившихся операций в Западной Европе. Если вы следили за печатью, то не могли не обратить внимания на то, что немецкая армия с постоянством — впрочем, вполне оправданным — применяла один и тот же прием: прорыв фронта на всю глубину обороны танковыми клиньями и последующую дезорганизацию всей стратегической структуры противника. Исходя из этого, позволим себе задать вопрос — что, на ваш взгляд, можно противопоставить такому приему?

Присутствующие явно были удивлены таким резким переходом от сталинской категоричности к академическому тону незнакомого командарма. В то время и на таком уровне обычно разговаривали по-другому. После короткой паузы сидевший у дальнего конца стола бригадир инженер сказал:

- Ну, это очевидно — сильную противотанковую артиллерию.
- Совершенно верно. Но, прошу заметить, мы пока не располагаем артиллерией, способной решать данную задачу. Не имеем подходящей организованной структуры артчастей, соответствующей матчасти. И не всегда нам удастся вовремя определять направления главных ударов. Если противник использует, допустим, пятьсот танков одновременно... Поэтому напрашивается вывод — надо иметь мощное и маневренное противотанковое оружие в каждой роте, даже каждом взводе.
- Это не новость, — разочарованно сказал тот же бригадир инженер. — Противотанковые ружья известны давно, но итоги польской кампании не подтвердили их эффективности.

Берестин подошел к нему, остановился рядом.

— Вы правы. Эффективность была невысокая, хотя это, возможно, объясняется не только техническими причинами. Но мне начинает казаться, что вы — представители самого революционного направления в артиллерии, сами до конца не представляете, на что годится ваше изобретение. Вот я, прошу прощения за нескромность, имел возможность довольно долго думать над вашими реактивными снарядами. И возникают довольно простые идеи. Например, взять снаряд с одной направляющей, поставить на легкий станок, и... — Берестин с ожиданием посмотрел на присутствующих, без спросу взял со стола Сталина папиросу и закурил.

— Рассеивание... — подал кто-то голос.

— Точно! Такие ракеты известны с прошлого века и из-за рассеивания сошли со сцены. Ваш отдельно взятый снаряд тоже имеет порядочное рассеивание. Хотя на Халхин-Голе летчики попадали эрэсами в самолеты японцев... А теперь идем дальше. Уменьшаем вес заряда вдвое, танку хватит, вместо фугасного делаемкумулятивный. — На листе бумаги Берестин заранее изобразил схему и предъявил ее сейчас присутствующим. — Вместо активно-реактивного двигателя делаем вот такой, попроще, а чтобы запускать снаряд, нам потребуется приспособление... — Алексей предъявил соответствующие эскизы.

Дело пошло. Посыпались вопросы, на которые ракетчики отвечали друг другу уже сами. Берестин только направлял разговор. Понадобится порох с иными, весьма специфическими свойствами? Пожалуйста: вот его формула и характеристики.

Хорошо, подумал Берестин, что в этой реальности не принято задавать лишних вопросов. Взять хотя бы этот порох: молодые гении наших дней стали бы добиваться, как выведена формула, да где, кто испыты-

вал и почему им об этом неизвестно... А здесь товарищ Сталин прервал свою олимпийскую созерцательность, спросил: «Все ясно, товарищи? Опытный экземпляр представить на испытания через две недели, ответственный за проект бригаинженер... — он не вспомнил фамилии и указал трубкой: — Ну вот вы... Вы вольны вносить любые необходимые изменения, при условии сохранения оговоренных здесь тактико-технических данных. Все свободны. — И окрыленные ракетчики покинули кабинет.

...Они остались с Новиковым вдвоем. В небольшой комнате отдыха, где у Сталина раньше ничего не было, кроме кожаного дивана и столика, теперь появилась электроплитка, кофейник, мини-бар, здоровенный приемник «Телефункен» и еще многое из того, что можно было изыскать для придания уюту помещению, где вожь проводил больше половины своего времени, никак не разделенного на рабочее и личное. Они пили кофе, и Новиков рассказывал Берестину, что он уже успел в области форсирования подготовки к войне. И в области технико-экономической, и организационной, и политической...

... - Пока главное — первый удар выдержать. Я знаешь до чего додумался? Нам ведь вообще всеобщая мобилизация может не потребоваться. Сам считай — пленными тот раз в первые месяцы потеряли почти четыре миллиона. Территорию сдали, на которой еще миллионов семьдесят жило, по военным расчетам — семь миллионов призывного контингента. Одновременно. И каждый год еще по столько же... Значит, не допустив немцев до Москвы и Сталинграда, мы уже компенсируем как минимум десять миллионов призывников. Отсюда следует, что при нормальном развитии событий можно в два-три раза снизить мобилизационное напряжение. Нравится?

— Выходит, можно будет отказаться и от курсов офицерских трехмесячных, пацанов на убой не гнать, дурасть свою покрывая. Оставим нормальные училища с полной программой, а потери во взводных командах лучше покрывать на месте из кадровых сержантов и старшин. Первый год наступать нам не придется, в обороне справятся, зато от роты и выше будем иметь полноценный комсостав.

— И обязательно восстановить старое правило, чтоб раненые возвращались только в свои части...

— И отпуска чтоб были. Две недели через полгода. Немцы до самого конца домой ездили, а у нас, как в орде, забрали — и все, домой после победы...

— Все сделаем, но сейчас поближе заботы есть, — прервал поток идей Новиков. — Я приказы подготовил. Жуков принимает Киевский округ. Пока он там нужнее, чем в штабе. Петров — Прибалтийский. С Павловым — как хочешь решаешь. В ЦК Белоруссии я звонил, подтвердил тебе полный карт-бланш по всем вопросам. Уже начата переброска четырех армий из Сибири и ТуркВО к тебе и трех — к Жукову. Сразу по приезде начинай скрытую мобилизацию и программу дезинформации. Остальное будем согласовывать по телефону.

.....

...Вагон плавно раскачивало на закруглениях, потом он выходил на очередную прямую, и только частый, ритмичный стук колес, иногда срывающийся на торопливую дробь, напоминал, что Берестин с Рычаговым все же в поезде, а не в каюте старого парохода.

Вагон им достался роскошный — много начищенной бронзы, полированного дерева, хрусталя и бархата, купе раза в полтора больше, чем в послевоенных СВ немецкой постройки, постельное белье и салфетки накрахмалены до жестяной твердости.

.....

— Слушай, давай не будем про это: и я в тюрьме три месяца, да в Особлаге три года. Так и будем друг друга развлекать?

— Вы правы, не будем. Давайте о приятном... — Рычагов едва заметно улыбнулся, будто действительно представил что-то приятное. Впрочем, после встречи с женой он сильно изменился и опять стал похож на того Пашу, которым был в свои недавние лейтенантские и полковничьи годы.

...- Товарищ Сталин слишком долго слушал Берю и Ворошилова с Буденным, а они умели говорить то, что ему хотелось слышать. Кавалеристы! — Это прозвучало, как грубое ругательство. — Теперь, похоже, он решил жить своим умом. Ну и слава богу. Но мы с тобой исполнители, вот и давай порассуждаем, что еще можно успеть, исходя из реальности. Что ты предлагаешь сделать в первую очередь?

Рычагов долго молчал, жевал мундштук папиросы. Видно было, что ему не хотелось отвечать. Но все же он решился.

— Я, Сергей Петрович, вот что скажу. Завоевать превосходство в воздухе мы сейчас не в силах. Немцы сильнее нас качественно. Но я с ними воевал в Испании. Грамотные летчики. Техника пилотирования хорошая и даже отличная у многих. Но умирать они не любят.

— Я, кстати, тоже не люблю, — вставил Берестин.

— Тут другой момент. Немец вообще, если есть явный шанс гробануться, в бой предпочитает не ввязываться. Если зажмешь — да, дерется, но как только сможет — из боя выскочит. Поэтому мы втроем с Серовым и Польшиним напали на десять — пятнадцать немцев из «Кондора» и били их, как собак. Они чувствуют, что я на таран пойду, но не отступлю, и начинают не столько драться, как друг за друга прятаться, а если ведущего завалишь, остальные сразу врассыпную. Этим мы и держались три года.

— Так какой из твоих слов вывод?

— Самое главное — чтобы они нас врасплох не застали.

— События будут развиваться примерно так. Одним не слишком приятным летним утром, на самом расвете, немцы поднимут всю свою авиацию и ударят. По тем самым бериевским аэродромам, где полки стоят крыло к крылу — без маскировки, без зенитного прикрытия, а то и без патронов. Летчики — кто спит, а кто с барышнями догуливает. И через час от всей твоей авиации останется... Ну, сам придумай, что. Какой-нибудь генерал Захаров или полковник Копец на верном «ишаке» собьет штук пять «юнкерсов» или «мессеров», его потом тоже приложат, и останется генерал Рычагов при полсотне самолетов против всего люфтваффе. И что ему делать? Стреляться от невыносимого отчаяния или гнать ТБ-3 днем без прикрытия, чтобы хоть как-то помочь избиваемой пехоте? Похоже я излагаю?

— Товарищ командующий! — почти со стоном выкрикнул Рычагов. — Почти то же самое я доказывал до

последней минуты, даже там, на Лубянке... Или здесь самая настоящая измена, или настолько беспроблемная глупость, что представить невозможно! А мне говорят: «Ты паникер и провокатор». Я боюсь об этом говорить, но мне все время кажется, что враги не мы с вами и подобные нам, а совсем другие люди. Которые притворяются коммунистами, но думают только об одном — о своих чинах, о благах, о том, чтобы, упаси бог, не ошибиться, угадывая мнение...

— И у них не хватает ума даже на то, чтобы понять: успокоительные цифры, громкие слова и красивые сводки не спасут даже их самих, когда придет время, не говоря о миллионах других, — продолжил Берестин. — Ты так хотел сказать?

— Да, товарищ командарм.

— Как видишь, кое-что меняется. С этими «товарищами» мы очень скоро разберемся, придет час, а пока надо исправлять то, что можно исправить. Права у нас с тобой неограниченные и надо их на всю катушку использовать. Чтобы наша с тобой картинка будущего только гипотезой осталась, ты, генерал Рычагов, с завтрашнего дня облетишь и объедешь весь округ, лично подберешь два десятка подходящих для полевых аэродромов площадок, в полной тайне завезешь туда все необходимое, а в час икс перекинешь на эти аэродромы всю свою авиацию. Еще ты разведываешь на немецкой стороне все их аэродромы, составишь схемы и графики прикрытия войск округа и воздействия по тылам противника, создашь службу наблюдения и оповещения, чтоб через минуту после пересечения их самолетами границы все твои истребители были в воздухе и перехватили цель, а через двадцать минут бомбардировщики уже бомбили немецкие аэродромы. И чтоб в каждой дивизии были твои представители для наведения авиации с земли, чтоб непрерывно велась воздушная разведка в интересах армий и корпусов. Вот тогда у нас, может, что и получится... А общие соображения по тактике и стратегии предстоящей войны я тебе чуть позже изложу, когда ты твердо возьмешь округ в свои руки, без оглядки на Москву, и докажешь, что стоило делать тебя в тридцать лет генералом, и доложишь мне всю картину в мелких подробностях, вплоть до того, сколько летчиков на самом деле воевать готовы, а кто только взлетать и садиться научился, и лучше их в тылу доучить, чем на убой посылать для успокоения начальства числом самолетовылетов.

— Я все сделаю, товарищ командующий! Но когда вы успели все спланировать? Вы же три года... — Он осекся.

— Все верно. Только я там, — Берестин показал большим пальцем себе за спину, — не только лес валил, я еще и думал каждый день и час. И за вас, летчиков, думал, и за моряков, и за пехоту. Оказалось — не зря. Говоря эти слова, Берестин не старался, опираясь на свои знания, выставить Маркова умнее и предусмотрительнее, чем он был. Командарм действительно, находясь в заключении, считал себя по-прежнему полководцем, ждал грядущей войны и, как мог, прогнозировал ее ход и свои действия, если вдруг ему довелось бы в ней участвовать. Так что его, Берестина, знания только наложились удачно на мысли Маркова.

.....

ГЛАВА 5

Белостокский выступ, образовавшийся в результате Освободительного похода 1939 года, представлял чрезвычайно удобную позицию, если бы с началом войны Красная Армия решила провести восточно-прусскую наступательную операцию по образцу августовского наступления 1914 года. Ударом на северо-запад отрезалась вся группа армий «Север» и при удачном развитии событий выход к Балтике и захват Данцига сломали бы все стратегические планы гитлеровского командования.

Но на такой вариант Берестин в силу известных обстоятельств рассчитывать никак не мог.

В прошлый раз этот треклятый выступ стал, пожалуй, главной причиной разгрома Западного фронта. Почти двадцать стрелковых и механизированных дивизий оказались отрезаны танковыми клиньями немцев, под Волковыском и Новогрудском схвачены тугой петлей окружения и через две недели героических и безнадежных боев — вслепую, без знания обстановки, без связи с высшим командованием, а на пятый день войны уже и без боеприпасов, горючего и продовольствия — эти двадцать дивизий, почти триста тысяч вооруженных людей, перестали существовать. В других условиях они могли бы совершить многое.

...Под крыльями Р-5 долго тянулись сплошные массивы леса, кое-где прорезанные нитками дорог. Бело-вежская пуца. Берестин смотрел сейчас на великолепно-дикий вид внизу не как турист (хотя и посещал эти места туристом), а как и положено командующему, рекогносцируя незнакомый театр в предвидении грядущих сражений.

Весь этот огромный район — почти тридцать тысяч квадратных километров — пересекают всего три мощные булыжником дороги, и их можно намертво блокировать незначительными силами, все остальные оттянув для действий на флангах фронта, там, где вторая и третья танковые группы немцев нанесут главные удары. Если бы это в свое время понял Павлов... А он вытянул дивизии в нитку вдоль границы, и две армии, третья и десятая, сразу же оказались в глубоком вражеском тылу, и уже им пришлось отступать по трем узким дорогам в безнадежной попытке выскочить из захлопнувшейся мышеловки. Пешком, под непрерывными атаками с воздуха...

В небо прямо по курсу воткнулись шпили двух гигантских костелов, красного и белого, форпостов католичества на границе православного мира, и самолет покатился по траве аэродрома. Здесь Маркова по протоколу встречали командарм-10 генерал-майор Голубев с чинами штаба.

...Приказав собрать на двадцать часов старших командиров и политработников армии, Алексей остался один. Вышел на балкон.

.....

Представившись и вкратце сообщив о себе основные сведения — где служил и воевал, чем командовал, Берестин-Марков сразу перешел к сути.

— Генерал Павлов смещен за то, что поставил округ фактически в катастрофическое положение. Любому из вас, если он достоин своего звания и положения, это должно быть очевидно при первом взгляде на карту. Независимо от того, что говорят политические деятели (все поняли, кого он имел в виду, и содрогнулись),

мы с вами люди военные. Должны исходить из того, что война может начаться в любой день и час, и делать все каждый на своем месте, чтобы встретить врага во всеоружии. И материально, и морально. А к чему готовитесь вы? — Он обвел взглядом зал, остановился на средних лет плотном генерале с наголо бритой головой. Указкой, словно рапирой, нацелился ему а грудь. — Вот вы...

— Командир девятого армейского корпуса генерал-майор Леденев.

— Очень приятно. — Берестин знал, что девятый АК занимал стокилометровую полосу на юго-западном фесе выступа. — Немцы делают вот что... — Берестин двумя взмахами указки изобразил направление ударов с севера, от Сувалков, и с юга, от Седльце, отрезающих обе армии и смыкающихся далеко в тылу группировки, восточнее Волковыска. — Что вы станете делать, имея в виду, что у противника и так двойное превосходство в силах, а на направлениях главных ударов будет и десятикратное? Садитесь. Но каждый из присутствующих может поставить себя на место генерала Леденева. Да и на своих местах радости у вас будет мало. И пусть каждый ответит сам себе... — Алексей почувствовал, что начал говорить слишком возбужденно, и сбавил тон. — Я сейчас не собираюсь устраивать военную игру или командно-штабные учения. Времени на это нет. Я хочу, чтобы все усвоили простую мысль — если война начнется завтра, мы ее уже почти проиграли. Не нужно пугаться моих слов. Нужно осознать положение дел и не теряя дня и часа начать действовать. Я смотрю, товарищ увлеченно меня конспектирует, — он повернулся к полковнику с орденом Ленина. — Назовите себя, пожалуйста.

— Начальник особого отдела десятой армии полковник Лобанов. — Взгляд у полковника был неприятный. Особенно с точки зрения Маркова.

— Если вы конспектируете, чтобы сообщить куда следует о вредных мыслях и пораженческих настроениях командующего, то не советую. Времена несколько изменились. Ну, честно?

Лобанов молчал, только дергался мускул на щеке.

— Не хотите отвечать — настаивать не буду. Но имейте в виду, не тем занимаетесь. В таком качестве вы мне не нужны. Автономия ваша кончилась, будете бороться со шпионами и диверсантами на фронте, а не выискивать их среди своих товарищей. Вместе с начальником особого отдела третьей армии и командирами погранотрядов завтра приказываю прибыть в Минск. В двадцать два ноль-ноль. Садитесь.

По залу прошел легкий гул. Полковник сел — красный и потный.

— Для того, чтобы избежать катастрофы, — продолжил Берестин, — мы с вами должны сейчас забыть все, что до этого говорилось о грядущей войне. Война будет тяжелая и долгая. Враг сегодня сильнее нас, и именно сознание этой неприятной, но объективной истины должно мобилизовать нас на предельное напряжение воли и решимости победить. Наступать мы сейчас, конечно, не в состоянии. Поэтому красные пакеты в ваших сейфах немедленно по возвращении уничтожьте. Цель у нас теперь одна — стратегическая оборона. Но оборона не значит, что немец будет нас бить, где хочет, а мы — «стоять насмерть». Стоять насмерть нужно только тогда, когда это диктует обстановка или прямой приказ. А в любом другом случае нужно умно и грамотно наносить врагу максимальный ущерб, насколько можно сберегая собственные силы. А иначе вас раздавят, пройдут по вашим трупам и будут бить следующих. Необходимо создать мощные группировки на главных направлениях, встречать противника на самых выгодных рубежах, не пугаться прорывов и обходов, отсекал подвижные части от пехоты и тылов, обходящих — обходить в свою очередь. Если немцы прорвут фронт, не стараться догнать его и снова стать «нерушимой стеной» перед острием удара, вы его танки все равно не догоните, а войска растеряете и пехота вас добьет. В таких случаях надо быть готовыми мгновенно организовать фланговые удары, перерезать коммуникации, громить тылы. Танки без горючего сами станут, и чем глубже прорвутся, тем вернее погибнут... Я говорю вам сейчас почти прописные истины. Вы должны бы мне сказать сейчас: товарищ командующий, мы не лейтенанты, мы все это знаем, мы подробно разобрали на картах и макетах все операции гитлеровской армии во Франции и Польше, мы давно учли все ошибки англичан при отходе к Дюнкерку, мы наизусть знаем приемы Гудериана... Мы не сидели два года зря, готовясь к войне по речам товарища Ворошилова да романам Шпанова и Павленко. И я бы с вами согласился. Но — увя. Поэтому — приказываю... — Он начал называть номера корпусов и дивизий, указывать им новые места дислокаций, рубежи развертываний и прикрытий, диктовать наиболее неотложные мероприятия. Бегло, конспективно, но четко.

Наконец, часа через полтора, он закончил. Разрешил всем курить и сам достал папиросу. Присел на край стола, показывая, что официальная часть закончена.

— Соответствующие приказы вы получите в установленном порядке и в должное время, а сейчас я хотел бы, чтобы вы все уяснили нашу основную стратегическую концепцию. Немцы во все времена очень точно и детально разрабатывали свои планы и диспозиции. Значит, наша задача — с первого дня сломать все их расчеты. Они привыкли и умеют вести войну регулярную, и они доказали это. И еще докажут нам не раз. Что можем предложить им мы? В существующих условиях? Армию, готовую «умереть за СССР»? Мало. Ленин писал, что в современной войне побеждает тот, кто имеет «высочайшую организацию и лучшие машины». Как у вас насчет «лучших машин», товарищ генерал? — обратился Берестин к генерал-майору с танковыми эмблемами.

— Командир одиннадцатого мехкорпуса генерал Гоцеридзе, — представился тот. — В составе корпуса девятьсот десять танков всех типов, из них Т-34 шестьдесят шесть штук, КВ-1 пятьдесят, КВ-2 — двадцать один. Остальные — Т-35, Т-28, БТ-5, БТ-7 и Т-26. Нуждаются в среднем ремонте двести пятьдесят пять танков, в капитальном — сто девяносто семь...

— Хорошо, товарищ Гоцеридзе. В том смысле хорошо, что владеете обстановкой. А так, конечно, хреново. Значит, я буду рассчитывать на корпус и задачи ставить соответственные, а у вас едва дивизия. Павлову до сего дня рапортовали, что у вас корпус? Так?

— Не совсем, товарищ командующий.

— Значит, вы молодец и докладывали правду, а Павлов врал выше уже самостоятельно? Для фронта в целом и для вас лично от этого ничего не меняется. Садитесь. У остальных, как я понимаю, ненамного лучше. А война, как я вам говорил, может начаться в любой следующий день. Когда она начнется, мы можем оказаться без планов развертывания и взаимодействия, без связи, без информации об общей обстановке.

И в таком случае каждый из вас должен усвоить, как раньше «Отче наш», а теперь «Краткий курс» — единственное, чем вы сможете принести пользу, потеряв связь со мной и соседями, это искать и находить способы нанести немцам максимальный ущерб. Только! Если не получите больше никаких приказов — действуйте, как Денис Давыдов. Наплевать вам на линию фронта, на количество врагов — бейте, где найдете и сможете, причем так, чтобы ваши потери были меньше вражеских. Если позволит обстановка — с боями прорывайтесь к старой границе. Сумеете — занимайте выгодные для обороны рубежи, населенные пункты, укрепрайоны и держитесь до тех пор, пока в состоянии наносить врагу ущерб больший, чем ваши потери. Завтра же начните подробную рекогносцировку, спланируйте все мыслимые варианты действий, пути подвоза и эвакуации, маневры вдоль фронта и в глубину. Возьмите на учет весь гражданский транспорт и продумайте способ его мгновенной мобилизации в нужный момент. Раздайте в войска двух — трехнедельный запас боеприпасов, горючего и продовольствия, остальное оттяните на тыловые рубежи, туда же заблаговременно эвакуируйте неисправную и ненадежную технику. Особенно танки. Из мехкорпусов необходимо выделить действующие отряды, укомплектовать их наиболее боеспособными машинами, пусть это будут полки или бригады, но полного штата и готовые выполнить любую задачу. В открытых боях — танки против танков — разрешаю использовать только Т-34 и КВ, да и то в крайних случаях, остальные танки — только из засад. Если мы все это успеем запомнить и усвоить — врасплох нас не застанут. Разумеется, все это я говорю вам именно на тот случай, если мы больше не сумеем встретиться. Но в ближайшие дни я намереваюсь лично посетить большинство соединений. Тогда поговорим с каждым и более конкретно. Вопросы есть?

ГЛАВА 6

Только сейчас Берестин начал понимать, какой неимоверный груз он возложил на себя, приняв командование округом накануне войны. Даже опыт и знания Маркова мало помогали, потому что объем дел, которые надо было сделать сверхсрочно, проблем, требующих решения, превосходил все мыслимое им раньше. Ведь кроме стратегических разработок на него свалилась вся черновая работа. Проверить, добиться, согласовать, скоординировать, заставить, снять, назначить кого-то взамен — все это надо было самому, и на это не хватало ни дня, ни ночи.

...Берестин видел, как глубоко укоренилась привычка к бездумному подчинению директивам. Причем неоднократно он убеждался, что приказы глупые и вредные исполняются даже охотнее и эффективнее, чем умные и жизненно необходимые.

Почти постоянно он сталкивался с фактами противодействия. Начальник фронтовых складов артвооружения, которому приказано было сдать в войска все трофейные польские пулеметы с боезапасом, начинал ссылаться на черт знает какие и чьи инструкции, звонить в Москву, и даже после подтверждения правомочности приказа не прекращал своей волюнтерщины. Что он с этого имел, Алексей понять не мог. В таких случаях он приходил в ярость, снимал с должностей и лишал званий, тут же сталкиваясь с необходимостью искать замену. Не успевал он решить проблему с пулеметами, как являлся начальник штаба округа (прошлый раз по приказу Сталина расстрелянный) с протестом против распоряжения о передаче сотни танков из одной армии в другую...

За неделю Берестин объехал и облетел всю полосу будущего фронта побывав в дивизионных и даже полковых штабах. Положение дел всюду оказывалось даже хуже того, что он представлял. Одно дело — прочесть в исторических трудах, что такая-то дивизия встретила войну, имея сорок процентов штатного состава, двадцать процентов техники и вооружения, и будучи растянута на сто километров по фронту и семьдесят в глубину. И совсем другое — видеть все это в реальности, тут же на месте, принимая решение: что делать? То ли переформировывать дивизию в полк, то ли неизвестно за счет чего доукомплектовывать. А кадровые вопросы, а взаимоотношения с местными партийными властями, которые, ссылаясь на предстоящие сельхозработы, категорически были против изъятия у колхозов тракторов и грузовых машин. И еще необходимость эвакуировать семьи командиров из прифронтовой полосы — так, чтобы скрыть эвакуацию от немецких шпионов.

Из пяти с лишним тысяч списочных танков набиралось новых образцов всего 960 штук, а исправных старых — около полутора тысяч. Автомашин не насчитывалось и половины потребного количества, зенитных орудий тоже не хватало почти половины. За оставшиеся дни кое-что еще успеет подойти из внутренних округов, но мало. Все равно до отчаяния мало.

Укрепрайоны по новой границе были частично построены и еще в меньшей степени частично вооружены, смысл в них Берестин видел только тот, что они до последней возможности, ничего не прикрывая, просто будут приковывать к себе какое-то количество вражеских войск. Если полк в укрепрайоне на неделю-две свяжет полевую дивизию — вечная ему слава. И такая же память.

В целом, сделал вывод Марков, армия к сорок первому году утратила многое из того, что она знала и умела в тридцать шестом.

Но в одной из дивизий произошла у него встреча и удивившая, и растрогавшая его, вселившая даже некоторый оптимизм, нужду в котором он сейчас испытывал. Мелочь, как говорится, но приятная.

На строевом смотре увидел он подполковника с грубым унтер-офицерским лицом, с медалями «За отвагу» и «XX лет РККА», значком за Халхин-Гол. Увидел и сразу узнал. Ямщиков Александр Иванович. В двадцать восьмом году они служили в одном полку. Марков комбатом и Ямщиков комбатом. Потом Марков комполка, а Ямщиков у него — начальником штаба. Теперь Марков командарм и командующий округом, а Ямщиков — только командир полка.

...Они поговорили немного на плацу, как старые сослуживцы, но и с чувством дистанции, которую тактично обозначил Ямщиков, и на другой же день Берестин вызвал его в Белосток.

— Александр Иванович, — сказал он в своем кабинете, когда все уставные слова были произнесены. — Давай забудем, кто ты и кто я, пусть будет, как в Знаменке, в нашем старом полку.

Они вышли на балкон, одинаковым жестом облокотились о перила, переглянулись. Вдохнули.

— Как ты обстановку оцениваешь? — спросил Марков.

— Хреново оцениваю. Воевать скоро надо, а мы не готовы, а воевать все одно надо.

— Совсем не готовы? А твой полк? Мне показалось, что полк в порядке.

— Мой-то в порядке. За то, может, и держат, чтоб было что показывать. А ты другие видел?

— Видел. Так отчего ж так? Я за три года приотстал, так ты меня просвети.

— Что просвещать? Я в армии двадцать семь лет, да на полку пять, а до того — сам знаешь. И службу постиг, и ничего не боюсь, и поперек дороги никому не стою, вот у меня и порядок, а про остальное пусть комдив думает.

Берестин поразился столь простой и четкой формуле душевного комфорта.

— Что же ты других не научил? В своей хоть дивизии?

Ямщиков усмехнулся с чувством превосходства.

— Или ты вчера родился, Сергей Петрович? Чему научить? Устав, он для всех один. Его исполнять надо, и все. А если, полк получив, о том думать, как кому на мозоль не наступить, или в академию пристроиться, или на дивизию махнуть — я им не учитель. В старое время если на полк стал — так, считай, и все. Оттуда только в отставку. Я графьев-князей не беру, из них начальники дивизий выходили, точно, а из простых полковых — в мирное время никогда. Поэтому тут только настоящая служба и есть, тут ум поболее генеральского нужен, потому как генералы умными людьми командуют, а полковник — всякими, кем приведет, и офицерами, и унтерами, и кашеварами.

— Мудро говоришь, я до этого в свое время не додумался.

— А когда тебе было? На полку-то год сидел? Но я тебя в виду не имею, ты службу хорошо понимал, хоть и старой не хлебнул. Ты лет на десять меня моложе?

— На семь.

— Ну ничего, все же послужил, не то что иные-всякие... И опять же у тебя хорошо повернулось. Я, когда узнал, переживал, но раз так — ничего... Тюрьма, она, бывает, тоже в науку.

— Да уж это верно. Но я тебя за другим пригласил. Дивизию как, потянешь?

— А ты как думаешь?

— Ну молодец. Хитрый ты мужик...

— Нам без хитрости нельзя.

— И я так считаю. Поэтому мы с тобой сделаем дивизию, какой еще не было. Раз войны не миновать, нужна мне хоть одна надежная дивизия на самый крайний случай. Вроде гренадерской. Из лучших частей соберем, и ты ее за месяц сколотишь так, чтоб хоть в Сухум, а хоть в Одессу... Я вот чего представляю — три мотострелковых полка, танковый из Т-34, гаубичный полк, противотанковый, мотоциклетный полк пограничников, мощный зенитный дивизион, ну и остальное по штатам... Всю пехоту посадим на машины, в каждой роте взвод автоматчиков, остальным — СВТ, двойной комплект пулеметов, в штат взводов по два снайпера — очень могут пригодиться, командиров сам подберешь вплоть по комполков, и вообще только мне лично будешь подчинен. Приказ на полковника я тебе уже подписал. Так что поздравляю. Устраивает тебя такой вариант?

Ямщиков задумался.

— Я что ж, человек военный, и если начальство видит тебя комдивом, спорить с ним не положено. Однако ты большую силу забрал, Сергей Петрович. Наместник как бы. Гвардию себе создаешь... Оно, может, и правильно по нынешнему времени... — Похоже, Ямщиков намекал на то, что если бы у некоторых репрессированных были лично им преданные войска, все могло и иначе повернуться. А почему бы ему так не думать? Ума он был хоть и крестьянского, неотшлифованного, но большого, идеологические стереотипы силы над ним не имели, страстной любви к вождю народов ему испытывать было не за что, да и вряд ли человек его склада способен на такие иррациональные чувства.

Берестин подумал, что побуждение Маркова было правильным. Если б не встретился такой Ямщиков Маркову, то Берестину следовало бы его выдумать.

— А разрешите предложить, товарищ командующий, если я новых стрелковых полков брать не буду, а свои три батальона в полки разверну? Так надежнее будет... А танки и артиллерию действительно готовые можно.

— Годится. Делай, как считаешь нужным. Сегодня и приступай. С начштаба округа решишь все вопросы. Место дислокации вот, — Берестин показал на карте. — Через две недели жду рапорта о готовности дивизии. Смотр проведу лично. Ты вот что — каждого бойца танками обкатай. Чтобы в окопе посидели, пока танк сверху ползает, гранату вслед бросить могли, а то и на ровном месте между гусеницами пусть полежат... Очень способствует, — вспомнил он любимое присловье Новикова. — Я тебе вскоре одну новинку подброшу, а для нее смелые люди нужны... — Он уже решил, что первую партию гранатометов направит именно Ямщикову.

ИЗ ЗАПИСОК АНДРЕЯ НОВИКОВА

...с первых дней я снял с себя девяносто процентов сталинских забот, раздал дела по принадлежности, оставил себе только войну и надзор за внешней политикой, а гражданские дела вообще потихоньку стал свертывать. Но и того, что осталось, хватало под завязку. Много помогал авторитет отца народов и гения всех времен — все, что я предлагал, изобретал, воспринималось как должное.

Вчера вот товарищ Кузнецов у меня сидел напротив, Николай Герасимович. Доложил, что сформировано десять дивизионов морской артиллерии для обслуживания укрепрайонов, и что со всем оборудованием и приборами они уже отбыли на позиции. Это он молодец, даже график опередил.

Поблагодарил я его и завел разговор, ради которого и пригласил. Что немец на Балтике силен, но пресечь его нужно, потому что морские перевозки из Швеции и Финляндии для него жизненно важны. А для этого следует немецкий флот стратегически упредить. Лучше всего, числа так десятого — пятнадцатого, вывести

в море все боеготовые лодки, указать им позиции в районах Данцигской бухты, Гамбурга, Бремена, Киля и приказать по получении сигнала развернуть неограниченную подводную войну. Основная цель — в первый же момент нанести шоковые удары и запереть немцев в их базах. Всем заградителям и переоборудованным торговым судам принять на борт мины и ночью накануне часа икс поставить минные поля и банки в западной части Балтики и на траверзе Готланда. Надводному флоту утром первого дня войны нанести всеми силами, включая и линкоры (которые прошлый раз так и простояли до победы в Маркизовой луже), удары по Кенигсбергу и Пиллау. Тогда есть шанс сразу же вывести немецкий и финский флот из активной борьбы на море. То есть повторить на Балтике кампанию четырнадцатого года. На Черном море то же самое изобразить в отношении Румынии. Огнем с моря и авиацией атаковать Констанцу, высадить десанты в устье Дуная.

Мои указания он принял с восторгом, потому что вряд ли приятно было тридцатилетнему адмиралу подчиняться импотентскому приказу «Не поддаваться на провокации». Расстались мы довольные друг другом.

Берестин же свирепствовал на своем Западном. Что работал он хорошо, я видел не только из его докладов, но и из других источников тоже. За две недели его командования я получил на него шесть доносов из разных источников. Маркова обвиняли: в клевете на Сталина, в подрыве политико-морального состояния, в троцкизме, в намерении спровоцировать войну и в заговоре с целью свержения советской власти. Все эти доносы я с удовольствием переслал ему с приказом принять меры. И он их принял.

С блеском прошли испытания БМ-13 и БМ-26Т (на танковом шасси). Залп с сорока восьми направляющих впечатлил даже меня, не говоря о прочих товарищах.

Из гранатомета же я сам пальнул разок, потряхнул якобы стариной и вспомнив свои мнимые, но широко пропагандированные заслуги в обороне Царицына. Эта штука была не хуже настоящего РПГ, даже громче, и за мной принялась стрелять вся свита, а потом весь день они трясли звенящими головами и ковыряли пальцами в заложенных ушах.

Все участники разработки и исполнения были обласканы, и к первому июня первая сотня гранатометов и дивизион РС отправились в распоряжение Берестина.

С Вячеславом Михайловичем мы развернули грандиозную дезинформацию на дипломатическом фронте. Широко объявили о готовящихся на начало июля больших маневрах Западного и Киевского округов по типу маневров тридцать шестого года, пригласили на них высшее руководство вермахта, причем район маневров определили аж под Бобруйском, фронтом на Могилев. Немцы, наверно, хихикая про себя, пригласение с благодарностью приняли. Тогда мы, продолжая изображать из себя идиотов, обратились с просьбой до начала маневров познакомить наших генералов с опытом боев на Западе и принять к себе на стажировку сотню-другую наших летчиков. В знак подтверждения горячей дружбы. Они и на это согласились, и завязались долгие дебаты о сроках, программах и прочем. Они-то считали, что еще более усыпляют нашу бдительность. Да еще Молотов намекнул через Шуленбурга, что не против обсудить новые предложения о разделе сфер влияния и о Ближнем Востоке. А в качестве акта доброй воли, мол, не исключен пропуск немецких войск через нашу территорию в Индию. Вот бы смех был, если б они вправду согласились!

На столе у меня постоянно лежал график движения армий из Сибири, Средней Азии и Дальнего Востока. Эшелоны шли по ночам, плотно, как в войну, а днем замирали на глухих разъездах и полустанках.

Но времени все равно не хватало, и я придумал еще одну хитрость, до которой тогда не дошла еще военная мысль. Для каждой дивизии и корпуса были заранее определены позиции развертывания, командиры перебросены туда самолетами и там с помощью личного состава местных частей приступили к разметке районов дислокации, оборудованию КП, уяснению задач, рекогносцировке и прочему. Войска в эшелонах шли тоже не как придется, и по схеме: впереди всех комендантские взводы полков, батареи управления и артразведки, саперные подразделения, и лишь потом — собственно пехота. В результате сроки боеготовности сокращались, наверно, раз в пять. Я хорошо помню (по книгам, конечно), что бывало, когда в начале войны полки и дивизии сгружались из поездов в чистом поле и сразу попадали в заваруху. Пехота здесь, артиллерия за двадцать километров, а где штаб — вообще никто не знает...

Надежда не пустить гитлеровцев за старую границу постепенно представлялась все более реальной.

А дни мелькали. Закончился май, покотился к середине июнь.

...Проблемы возникали ежедневно и ежечасно. То звонил Карбышев и докладывал, что наличными силами не успевают привести в порядок старую границу и одновременно оборудовать предполье, и приходилось искать способы двинуть вперед две армии Резервного фронта, на ходу меняя графики перевозок. Выяснилось, что не хватает средств связи, и я снова должен был лично приказывать, в каких областях и районах демонтировать гражданские телефонные и телеграфные линии. В формируемых моторизованных частях образовался острый дефицит механиков-водителей, и по всему Союзу приходилось выдергивать шоферов и трактористов, да так, чтобы и это не слишком бросалось в глаза. Кто так уж сразу заметит, что вдруг в Ярославле, Тбилиси и Ленинграде почти невозможно стало поймать свободное такси?

И так далее, и тому подобное.

...11 июня я собрал у себя расширенное совещание генштаба, наркомата обороны и командующих округами. На нем утвердили состав ставки верховного главнокомандования. Окончательно согласовали план первого этапа войны.

Ближайшая задача — измотать врага маневренной обороной и остановить на линии Лиепая — Шяуляй — Вильнюс — линия старой границы — Кишинев — Измаил. Последующая — позиционная оборона в течение двух-трех месяцев с возможными прорывами противника на главных операционных направлениях. В любом случае — удержание сплошного фронта западнее Днепра.

Цель кампании сорок первого года — подготовка зимнего контрнаступления.

Выходило довольно убедительно. И, казалось, можно в будущее смотреть спокойно, делать свое дело без нервов и лишней суеты.

.....

А июнь все быстрее скатывался к своему самому длинному дню и самой короткой ночи. Но для Берестина уже исчезло это разделение суток на день и ночь, остался один бесконечный рабочий день, прерываемый случайным, как и где придется, отдыхом. Приходилось самому все контролировать, и тащить за шиворот, и бить мордой об стол, и срывать в приступе священной, какой-то петровской ярости кое с кого петлицы, совершая обратный процесс — из генералов в комбаты, потому что разучились многие работать самостоятельно и творчески, а многие изначально не умели, воспитанные в роковое последнее десятилетие, а иные и не хотели — рискуя, но ожидая, что может и обратно все повернуться.

Но дело тем не менее шло, и все чаще Берестин думал, что, пожалуй, он успел, и теперь даже без него — обратного хода нет, война пойдет по-другому.

На легких Р-5 или У-2 командарм носился по всей гигантской площади округа.

...По узкой, но хорошо укатанной и посыпанной щебнем дороге его провели через линию отсечных позиций второй полосы обороны.

Здесь должны были сойтись острия танковых клиньев второй и третьей танковых групп немцев и, соединившись, рвануть на оперативный простор, по кратчайшему направлению к Москве.

То, что Берестин видел, его устраивало. Шесть линий хорошо оборудованных окопов, орудийные дворики и танковые аппарели, соединенные ходами сообщения, обеспечивали надежный и скрытый маневр силами и огнем, промежутки между позициями хорошо фланкированы, лес на сотни метров в глубину подготовлен к сооружению завалов на танкодоступных направлениях, размечены сектора обстрела и составлены огневые карточки и таблицы на каждое орудие. Прорыв такой обороны даже у хорошо подготовленного врага займет не одни сутки.

Берестин со свитой, своей и из местных командиров, миновал окопы боевого охранения. Лес кончился, открылась пологая, чуть всхолмленная равнина, покрытая редким кустарником, пересеченная несколькими ручьями и поблескивающими в зарослях осоки не то озерами, не то болотцами. На западе, примерно в километре, поднималась гряда холмов.

По карте Берестин знал, что и как здесь размещается, но на местности видел впервые.

До холмов они домчались в минуты.

— Справа и слева минные поля, — сообщил саперный подполковник. — Три линии через сто метров, и все пристреляны.

От площадки у подножия холма, перед которой машины стали, вела вверх бетонная лестница, заканчивающаяся массивной железной дверью. У двери стоял часовой. Потом они шли длинными бетонными коридорами, тоже с железными дверями по сторонам, и вышли в конце концов в тускло освещенный пасмурным дневным светом капонир. В центре на вращающейся металлической платформе грузно прижималась к смазаным тавотом рельсам длинноствольная пушка солидного калибра.

Старший лейтенант в рабочем флотском кителе, увидев сияющую нашивками и петлицами процессию, отчаянно выкрикнул: «Смирно!» и кинулся рапортовать.

— Орудие, конечно, не новое, — извиняющимся тоном сказал оказавшийся тут же морской полковник — командир боевого участка, — но мощное. Восьмидюймовка системы Канэ, дальностью сто кабельтовых, то есть почти девятнадцать километров, вес снаряда четыре пуда...

Берестин выглянул в длинную амбразуру, вдоль которой на полозьях могла двигаться полуметровой толщины стальная заслонка.

Вид отсюда открывался великолепный. Распахнутая на десяток километров равнина, с дорогами, рощами, реками и озерами, крышами деревень и бывших панских фольварков. В километре перед УРом тянулся глубокий, разветвленный овраг. Чуть правее виднелась линия железной дороги на Барановичи — Брест — Варшаву. По ней можно было подбросить для усиления обороны железнодорожные транспортеры со ставосьмидесятимиллиметровыми морскими орудиями.

Берестин, как и Марков, не представлял пока, как бы он повел себя на месте немецкого генерала, внезапно упершегося в такую позицию. Расчет-то у немцев на то, что эти УРы давно демонтированы и даже взорваны. Так ведь оно и было в той действительности. Еще одна загадка сталинской стратегии... Новую линию строить не успевали, а чтобы ломать старую — и время, и люди были в избытке...

Этот центральный узел обороны потянулся по фронту на двести с лишним километров, прикрывая минское, а значит, и московское направление, и взять ее в разумные для немцев сроки им не удастся. Можно только обойти.

Конечно, командиры боевых участков и войск полевого заполнения доложили Берестину о множестве недоделок и прочих трудностях объективного и субъективного планов, но теперь трагедии в этом Берестин не видел. Ничего подобного не имел ни один генерал прошлого сорок первого года.

...В западной части округа Берестин с удовлетворением отметил, что намеченные меры маскировки и дезинформации уже действуют. С десятого июня были запрещены всякие самостоятельные передвижения военнослужащих, чтобы исключить возможность действия абверовской агентуры. Теперь каждый боец и командир, обнаруженный за пределами части, подлежал задержанию и строгой проверке, если только не имел специального, ежедневно заменяемого пропуска. И за первые дни действия этой меры было задержано не меньше сотни агентов в нашей военной форме. Введена была строжайшая охрана линий связи, вокзалов, автодорог и мостов, постоянная радиопеленгация, и агенты, не отловленные сразу, глубоко легли на дно, неведомо чего ожидая.

В то же время пограничники, чекисты и прибывшие в округ выпускники военных училищ имитировали бурную деятельность в давно покинутых военных городках, болтали лишнее в местах скопления людей, гоняли по привычным маршрутам машины, оборудовали для немецких воздушных разведчиков ложные аэродромы.

Рычагов, встретивший Берестина в приемной штаба округа, доложил, что за те дни, в которые команду-

*Когда нас в бой
пошлет товарищ
Сталин...*

щий отсутствовал, авиация перехватила над нашей территорией тридцать два немецких разведчика. Два сбиты, восемь посажены у нас, остальные отогнаны. В Москву поступило пять серьезных нот.

— Про ноты знаю. Наплевать и забыть. Но работать надо аккуратней. Не всех отгонять. Там, где у нас ложные позиции — пусть летают. Прочих деликатно сажать. И скажи особистам — пусть они организуют от двух-трех экипажей просьбы о предоставлении политического убежища, они наверное, еще не разучились? Пусть признаются, что готовится нападение на СССР. Посмотрим, как Берлин отреагирует. Рычагов доложил о готовности аэродромов перехвата и о развертывании придуманных им зенитных батарей-ловушек. Все шло по плану.

— Запомни, Рычагов, — высказал Берестин наболевшую мысль. — Если со мной что случится, главное — массированное использование авиации. В первое время ты неизбежно окажешься слабее, и упаси тебя бог пытаться успеть везде. У тебя будут требовать прикрытия и поддержки все, но ты не поддавайся. Не позволяй раздвигать авиацию по эскадрильям и звеньям. Пусть где-то останутся дырки, но меньше, чем полками, самолеты не выпускай. Полк не разобьют, а поштучно запросто расколосматят. Он-то помнил, как оно было в тот вариант — хоть парой, хоть одним самолетом, но прикрой переправу, хоть звено, да подними на штурмовку...

...Счетчик отщелкал свое. Та часть отечественной истории, которая на десятилетия получила неконкретное, но пронзительно ясное и грустное наименование «до войны», — эта часть завершилась.

Рычагов в последний раз пролетел вдоль западной границы девятнадцатого июня. На «Чайке» — своим любимом истребителе, очень удобном для разведки. Приличная скорость, отличный обзор.

Приграничные районы на польской стороне были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные и совсем не замаскированные танки, бронетранспортеры, орудия. По дорогам непрерывно металась мотоциклисты — во всех направлениях. Пылили легковые машины, скорее всего — штабные. Полякам в этих местах ездить не на чем. Где-то в глубине огромного пространства, у самой Атлантики, зарождалось грозное движение, прокатывалось по всей Европе и притормаживало здесь, у нашей границы, упираясь в нее, как в плотину. И все это, волнующееся, подспудно бурлящее, булькающее и хлюпающее, как грязевой вулкан, поднимается все выше и выше, вот-вот перехлестнет через край...

...Вернувшись в Минск, остальные двое суток Рычагов уже практически не спал. Доложив обстановку Маркову, он уехал в свой штаб и полдня работал над последним предвоенным приказом, без всякой дипломатии ставя задачи полкам и дивизиям.

Вновь приехал в штаб округа и, глядя как Марков черкает толстым красным карандашом черновик, пишет на полях поправки и дополнения, Рычагов впервые — раньше недосуг было — попытался понять: а что же такое командарм Марков?

Он видел всяких общевоинских командиров, и они часто ставили ему задачи, а он их исполнял, но всегда это были задачи общего, оперативного характера, выражающие конкретные потребности войск, без учета специфики и возможностей авиации как самостоятельного рода войск: бомбардировать, прикрыть, уничтожить. А как, чем, почему — несущественно.

Марков же писал такое, что даже ему, начальнику ВВС, было в новинку, и только сделав усилие, он проник в глубину и целесообразность мысли командующего.

К примеру: «Бомбардировщикам нанести массированные удары по аэродромам противника, имея следующее построение: группа разведки объектов действия, эшелон обеспечения, эшелон бомбардировки, группа контроля, группа прикрытия отхода от цели. Эшелон обеспечения состоит из группы наведения и целеуказания, группы подавления ПВО, группа прикрытия отхода задерживается над целью и не допускает взлета уцелевших самолетов противника. Всем командирам полков и эскадрилий в обязательном порядке иметь графики подхода по времени и высоте, такие же отхода, схемы маневрирования над целью»...

Рычагов служил в авиации десять лет, но о таком и не думал. Нормальным считалось, когда самолеты грамотно выходили на цель и вываливали бомбовой груз, а там как бог на душу положит... Он попытался представить в натуре то, о чем писал Марков. Удивительно красиво и рационально. Общие потери удастся свести к небывало низким цифрам. Но он-то, Рычагов, понял это только сейчас, а смог бы он сам, без чужой помощи, это придумать? И честно ответил: повоевал бы с год да выжил — смог бы.

Но Марков вообще никогда не воевал в авиации!

Рычагов испытал нечто вроде мистического восхищения. Как обычный человек, наблюдающий игру шахматного гения на тридцати досках вслепую.

Но Рычагов понимал и то, что указания Маркова, увы, пока не исполнимы в полном объеме. Не тот уровень подготовки летчиков, не та слетанность. Тем не менее пробовать надо. Не выйдет сразу — выйдет по частям, но потери все равно будут меньше. И последние сутки Рычагов потратил на то, чтобы хоть в первом приближении осуществить идеи командующего.

С вечера субботы все самолеты округа были на исходных позициях. Подвешены бомбы и «РС», заряжены пушки и пулеметы, готовы к работе заправщики и машины-пускатчи, экипажи сидят под крыльями. Всем пилотам выдан американский тонизирующий шоколад, полковые врачи имеют запасы фенамина и схемы его использования для поддержания сил летчиков.

Те, кто сегодня выживет, смогут сделать по пять-шесть вылетов, а значит, наши ВВС, на день 22 июня несколько превосходящие силы люфтваффе количественно, но уступающие им качественно, за счет невозможного для немцев боевого напряжения получают как бы тройное превосходство. Если же обратиться к идее стратегической внезапности, на которую и делают ставку гитлеровцы, то введя новый критерий — «стратегическая внезапность обороны», — наша авиация имеет великолепный шанс за первые сутки если и не завоевать господство в воздухе, то добиться такого паритета, который, с учетом морального перевеса, создаст возможность превосходства в ближайшие дни.

И тогда вся идея блицкрига рухнет просто потому, что строилась она именно на этом — абсолютном господстве в воздухе! Наши войска, лишенные прикрытия сверху, видимые, как на ящике с песком, не

знающие положения не только противника, но и своих соседей, геройски умирали, избиваемые с фронта, флангов, тыла и сверху! Пытались вырваться из клещей и мешков, тоже не зная — куда, в какую сторону. Не имели огневой поддержки, снабжения и связи — тоже поэтому. Из-за висящих над головой «юнкерсов», «хейнкелей», «мессершмиттов» и «фокке-вульфов». Кадровые дивизии растрепывались начисто на марше, не имея даже шансов дойти до соприкосновения с врагом — и все из-за этого трижды проклятого вражеского господства в воздухе. А как же иначе, если к полудню первого дня войны мы потеряли тысячу двести боевых самолетов?

А если все будет наоборот?

.....

ГЛАВА 8

В три пятьдесят загудел телефон и представитель штаба ВВС округа из Ломжи доложил, что слышит нарастающий гул многих авиационных моторов, а вот сейчас над ним плотным строем проходят девятки бомбардировщиков. Не меньше сотни, «юнкерсы»...

Несмотря на то, что иного этот ранний звонок сообщить не мог, именно в ожидании такого сообщения он и сидел сейчас на своем КП, Рычагов почувствовал нечто вроде невесомости. Даже слегка зазвенело в голове. Сдернув трубку соседнего телефона, он отдал короткий кодированный приказ командиру сорок первой истребительной авиадивизии генералу Черных, за ним — командирам сорок третьей Захарову и сорок пятой — Ганичеву. По этой команде пошли на взлет все семьсот истребителей округа — «И-153», «И-16», «МИГи», «ЯКи» и «ЛАГГи». Из Белостока, Гродно, Кобрин — сразу же, из Минска, Барановичей, Слуцка и Пинска — через десять минут. Строго по графику. И тут же начали раскручивать моторы пятьсот пятьдесят бомбардировщиков «ДБ-3ф», «СБ» и «ПЕ-2». Три сотни тяжелых «ТБ-3» пока ждали своего часа.

Самое-самое раннее летнее утро. Когда небо на востоке уже сильно зарозовело, а на западе еще темно-синяя мгла, когда просыпаются первые птицы и начинают что-то такое высвистывать и чирикать, а приподдавшиеся петухи торопятся докричать свое, когда густая роса насквозь пробивает модные брезентовые сапоги и, пересиливая запахи бензина, масла и нитролака, в кабины залетает ветер, пахнущий полевыми цветами и печным дымком из ближних сел и хуторов.

Не воевать бы в такое утро, а, к примеру, ждать первых поклевков на Нарове или Припяти...

Замолотили воздух винты, взревели на взлетном режиме моторы, прижалась к земле под тугими струями воздуха седая от росы трава. Началось!

...С трехкилометровой высоты в утренней мгле на фоне сплошных лесов не сразу заметны плывущие внизу, километром ниже, ровные, как нарисованные на целлулоиде планшетов, девятки «Ю-88» и «Хе-111». А потом, как на загадочной картинке, где, когда присмотришься, ничего, кроме основного рисунка, уже не увидишь, все поле зрения заполнили идущие, как на параде, бомбардировщики. Взблескивают в восходящем солнце фонари кабин, туманятся круги винтов, за плитами бронестекла-флинтгласса сидят молодые, brave, прославленные в кинохрониках «Ди Дойче вохеншау» герои сокрушительных ударов по Лондону, Нарвику, Варшаве, Афинам, Роттердаму, двадцати пяти — и тридцатилетние обер-лейтенанты, гауптманы и майоры, кавалеры бронзовых, железных и рыцарских крестов всех классов и категорий, готовые к новым победам и очередным наградам.

Четко идут, умело, красиво. И — без истребительного прикрытия. А зачем оно? Не курносых же «ишаков» бояться, что спят сейчас внизу и которым не суждено больше взлететь. Восемьсот должно их сгореть прямо на стоянках немногих действующих, давно разведанных, вдоль и поперек заснятых аэродромов. Еще четверста будут сбиты в воздухе пятикратно превосходящим противником.

Так все и было.

Поэтому, надо думать, первое, что испытали герои люфтваффе, успевшие увидеть пикирующие на них «И-шестнадцатые» и «Чайки», — удивление. Искреннее и даже возмущенное. Так ведь не договаривались! Ведущий полка свалился на крыло и, прибавляя тягу мотора к силе земного притяжения, обрушился вниз. Поймав в кольцо прицела крутой купол пилотской кабины вражеского самолета, откинув предохранительную скобу с гашетки, майор впервые в жизни ударил огнем четырех стволов по живому, шевелящемуся там, внутри стеклянного яйца. «Юнкерс», с разнесенным фонарем и искромсанным пулями стабилизатором, нехотя накренился, медленно опрокинулся вверх брюхом, а потом, войдя в крутой штопор, посыпался вниз так стремительно и неудержимо, будто никогда и не умел летать.

Может быть, эти три немца, уже готовившиеся, наверное, открыть бомболюки, оказались первыми жертвами последней гитлеровской авантюры. А уже через несколько секунд среди первых убитых в этой новой войне нельзя было определить, кто погиб раньше, кто позже.

Сто шестьдесят первый авиаполк — шестьдесят два истребителя, сто шестьдесят второй — пятьдесят четыре, сто шестьдесят третий — пятьдесят девять, сто шестидесятый — шестьдесят: вся истребительная авиадивизия неслыханного после двадцать второго июня состава (в ходе войны дивизии были меньше, чем сейчас полки) обрушилась на бомбардировщики второго воздушного флота, нанося свой внезапный и страшный удар. И много, наверное, проклятий прозвучало в эти минуты в эфире в адрес своих авиационных генералов, господа бога и самого фюрера из сгорающих в пламени авиационного бензина и дюрала уст героев люфтваффе.

Наверное, происходящее можно сравнить только с тем, что должно было произойти не с немецкими, а с советскими ВВС в это утро, когда пылали забитые рядами самолетов аэродромы, и те, кто не был убит сразу, еще во сне, в отчаянии матерились, глотая слезы бессильной ярости, или пытались взлететь под огнем, зачастую даже с незаряженными пулеметами.

Наверное, первым ударом было сбито не менее полсотни бомбардировщиков. Но бой потерял стройность. Если бы на «ишаках» и «чайках» были рации, если бы летчики имели боевой опыт... Но таких (испанских, халхингольских, китайских) бойцов были единицы. Строй полков и эскадрилий рассыпался, каждый начал свою личную войну, хорошо еще, если ведомые не теряли ведущих. Гонялись, догоняли, сбивали, но и сами попадали под огонь кормовых, верхних, нижних блистеров, расположения которых на юнкерсах

толком и не знали отчаянные лейтенанты.

Постепенно немцы начали оправляться от растерянности. Сбиваясь в тесные группы, вывалив вниз бомбовый груз, бомбардировщики разворачивались на обратный курс, прибавляли газу, огрызаясь плотным организованным огнем. И, натываясь на густые потоки трасс, вспыхивали и падали вниз верткие лобастые машины — гроза испанского неба.

Но свою задачу они выполнили до конца. Сокрушающего и внезапного удара по ничего не подозревающим аэродромам, военным городкам, местам и складам у немцев не получилось. Генерал Захаров докладывал Рычагову через час, что его дивизия, потеряв около сорока машин, уничтожила примерно сто пятьдесят — сто шестьдесят. Потери один к четырем. По сравнению с тем, что было — десять к одному, — успех блестящий. Примерно такое же соотношение выходило и по другим дивизиям.

Даже как итог первого дня это было бы прекрасно, а на самом деле разыгрывался только дебют.

Еще садились опаленные огнем истребители первого эшелона, а навстречу им уже шли скоростные бомбардировщики «СБ» и пикировщики «Пе-2» под прикрытием «Чаек», на две тысячи метров выше — «Ил-4», а с превышением еще в километр — три полка «ЛАГГов» и «МИГов».

Все дальнейшее происходило как на плохих учениях, где заранее расписаны победители и побежденные. Взлетевшие на прикрытии своих избиваемых бомбардировщиков «мессеры» в упор наткнулись на волны «СБ» и вязались в бой с «Чайками». Известно, что «Мессершмитт» превосходит «Чайку» в скорости на полтора с лишним километров, но тут бой диктовался скоростями «СБ», и верткие бипланы, по маневру явно переигрывая немцев, при необходимости легко уходили под защиту огня своих бомбардировщиков. И пока воздушная карусель, стреляющая, ревушая моторами и перечеркнутая сверху вниз дымом горящих машин над самой землей медленно (триста пятьдесят километров в час) смещалась к западу, группы «Ил-4» и «ДБ-3ф» почти незамеченными проскочили выше и накрыли бомбовым ковром аэродромы, где только что приземлились остатки первой волны немцев.

Всегдашней слабостью германского командования, что кайзеровского, что гитлеровского, оказывалось то, что оно легко впадало в состояние, близкое к панике, при резком, непредусмотренном изменении обстановки.

Вот и сейчас торопливые команды снизу заставили повернуть свои истребители на парирование новой непосредственной опасности. Воздушное сражение происходило на весьма ограниченном театре, и маневр силами не составлял труда. В иных обстоятельствах это могло быть и плюсом для немцев. Не исчерпав и половины своего запаса горючего, «Мессершмитты» повернули на запад, к своим базам, рассчитывая на значительный выигрыш в скорости. И успели перехватить бомбящие с горизонта «ИЛы».

Ловушка сработала. С высоты на немцев обрушились «МИГи» и «ЛАГГи», как раз те самолеты, которые превосходили «мессеров» по своим тактико-техническим данным, и вдобавок с полным боезапасом.

Наконец-то, впервые за два года, люфтваффе почувствовали, что значит воевать хотя бы с равным противником.

И, наконец, садиться выходящим из боя истребителям пришлось как раз в тот момент, когда к цели начали подходить приотставшие «СБ».

В подобной ситуации, наверное, за всю мировую войну оказывались только японские летчики во время сражения у атолла Мидуэй.

Когда же ожесточение воздушных схваток на какое-то время стихло — все, кому было суждено, догорали на земле, а уцелевшие, на последних литрах бензина, садились, кто куда мог, — в очистившемся небе появились «ТБ-3», массивные, неуклюжие и медлительные, но несущие огромный по тем временам бомбовый груз. Десятки тысяч мелких осколочных бомб они стали вываливать на разворачивающиеся в боевые порядки, только что начавшие форсирование границы гитлеровские войска.

Мотопехота на грузовиках и бронетранспортерах, забившая все прифронтовые дороги, огневые позиции открыто стоящей артиллерии, танковые колонны — такая цель, что лучше и не придумать. И потери сухопутных войск, еще даже не успевших вступить в боевое соприкосновение с частями Красной Армии, оказались для немцев невысказанно большими.

...Есть в объективных законах войны один, не до конца, кажется, проясненный закон, по которому ничем не примечательная точка фронта вдруг становится объектом приложения главных сил противоборствующих сторон и центром лавинообразного нарастания масштабов операций. Такими точками, например, становились Верден и Перемышль в первой, Сталинград во второй мировой войнах. Упорное сопротивление на одном участке вдруг вызывает у противника непреодолимую потребность подавить это сопротивление именно здесь, потребность, ничем разумным не диктуемую.

И наши, и немецкие историки задним числом пытались обосновать некую особую важность именно Сталинграда. Узел коммуникаций и так далее. Но кто мешал тем же войскам Паулюса свободно, под прикрытием уже идущих боев, внезапно перенести направление удара на полсотни километров южнее, десятом дивизий форсировать Волгу там, где почти не было советских войск, и взять Астрахань — вместо того, чтобы с бессмысленным упорством сжигать людей и технику в уличных боях Сталинграда? И с другой стороны: кто и что заставляло Сталина губить десятки тысяч бойцов на ликвидации котла? Ведь куда как проще было оставить немцев вымерзать в разрушенном и блокированном городе, а наличными силами стремительно прорываться к Таганрогу, отрезая на Кавказе всю группу армий «А».

Вот этот иррациональный закон и заставил командование люфтваффе бросать все, что у него было, в отчаянные воздушные бои над Белостоком, далеко превосходящие по ожесточенности битву за Англию.

Рычаговская карусель, при которой две трети истребительной авиации округа непрерывно крутились над полем боя севернее этого, не такого уж значительного города, притягивала к себе все, чем располагали здесь сначала второй, а затем и части первого и четвертого воздушных флотов. И в этом как раз и заключалась для них главная стратегическая ловушка. Прежде всего бои шли над советской территорией, значит, наши самолеты имели лишние полчаса по запасу горючего, во-вторых, «МИГи» значительно превосходили «Ме-109» по скорости на высотах и, ходя над главным горизонтом схваток, могли безнаказанно перехватывать их тогда, когда те пытались реализовать свой главный козырь — скороподъемность и маневр на

вертикалях. На горизонталях же «И-16» и «И-153» имели серьезное превосходство.

И, разумеется, все больше и больше срабатывал тот фактор, который немцы так и не научились учитывать — безусловное моральное превосходство русского, а теперь советского солдата.

К двум часам дня обе стороны понесли очень тяжелые потери, наверное, самые тяжелые за все известные воздушные битвы современности. Только если учесть, что по сравнению с предыдущим вариантом истории советская авиация в первый день войны потеряла самолетов в три раза меньше, а немецкая вчетверо больше, то реальный итог выглядел совсем иначе, нежели при чисто арифметическом подходе. Как под Курском в сорок третьем году был сломан хребет немецких танковых войск, так сегодня, 22 июня, может и не сломался, но крепко затрещал хребет люфтваффе.

Нельзя быть сильным везде, говаривал Наполеон, а может, и Мольтке -старший. Сейчас Рычагов вполне сознательно решил быть сильным в одном месте и ни разу не позволил своим комдивам выпустить самолеты меньше, чем полком, как и учил Марков. И плоды были налицо.

К вечеру немцы почти не летали, даже на поддержку своих штурмующих границу и избиваемых с воздуха войск.

А на ночь у него было и еще кое-что. Тоже из других времен. Собранные по всем учебным полкам и аэро-клубам две сотни «У-2» и «Р-5». Опять же по совету Маркова. Пять групп по сорок машин для непрерывного воздействия по ближним тылам осколочными бомбами и просто ручными гранатами.

Вот примерно с семнадцати часов 22 июня и начало проясняться то, что история все-таки перевела стрелку.

...Враг превосходил пока что в живой силе и технике, однако не мог делать того, что готовился и хотел. Не было прорывов фронта в первые же часы, потому что не было линии фронта в том смысле, как его рассчитывали видеть немцы. Одно дело, когда подвижные соединения уходят на оперативный простор, как хотят рубят незащищенные тылы, оставляя позади растрепанные и неуправляемые массы людей, и совсем другое, если танковые клинья на главных направлениях обязательно натываются на хорошо подготовленную и эшелонированную оборону, а прорывы, если и происходят, то в пустоту, словно с разбегу в отпертую дверь, а пока встаешь — сзади поленом по затылку.

К исходу дня, судя по картам, немцам нигде не удалось захватить стратегическую инициативу, в отдельных местах они продвинулись на пятнадцать-двадцать километров, но это и предполагалось, зато в других точках фланги атакующих соединений подвергались непрерывным ударам и потери вражеских вторых эшелонов были тяжелыми.

Нигде наши войска не побежали и не были окружены, от самой границы немецкая пехота вынуждена была развернуть боевые порядки в полном соответствии со своими уставами, то и дело натываясь на плотный заградительный огонь артиллерии, залегая и местами даже окапываясь. Тем самым все графики выполнения ближайших и последующих задач оказались сорванными в самом начале.

И если бы гитлеровский генштаб к вечеру первого дня боев посчитал темпы продвижения и потери, соотносил их с расстоянием до Москвы или хотя бы Смоленска, то, возможно, пришел бы к оптимальному решению оттянуть, пока не поздно, армию вторжения назад, за линию границы и выдать все случившееся за крупный пограничный конфликт. Как это сделали японцы при Халхин-Голе. Пожалуй, так было бы лучше для всех.

Но такого вывода сделано не было. Напротив, решено было, наращивая усилия, все же прорвать фронт, в надежде, что дальше все пойдет, как задумано.

Берестин даже имел время и возможность пить кофе, в полдень прослушать по радио речь Сталина, в которой тот с совершенно новиковскими интонациями сообщил народу о фашистской агрессии, глубоко проанализировал предысторию и перспективы, не скрыл допущенных в подготовке к войне просчетов и ошибок, признал свою долю вины и призвал все народы Советского Союза временно забыть обо всем, что было раньше, и мобилизовать все силы на отпор врагу.

Обратился в своей речи Новиков и к Русской православной церкви, и ко всем иным церквам, и к соотечественникам за границей, и ко всему свободолобивому человечеству. Говорил он почти два часа. Берестин слушал, стоя у окна, иногда восхищенно хмыкая и крутя головой. Андрей превзошел самого себя, и впечатление от его речи, конечно, у народа было огромное. Он мог судить об этом по лицам людей, слушавших речь из уличных громкоговорителей. Такого они не слышали никогда, но, наверное, именно это и мечтали когда-нибудь услышать от родного и любимого.

Закончил Андрей так, как и ожидал Берестин: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!»

Первая сводка Совинформбюро, переданная после обеда, почти дословно повторяла ту, что прозвучала и в прошлой реальности. Почти на всем протяжении госграницы наши войска успешно дают отпор агрессору, имеются незначительные вклинения противника на советскую территорию, полевые части Красной Армии выдвигаются навстречу врагу, чтобы разгромить и уничтожить. Единственным отличием этой сводки от той была степень достоверности информации. Там была сплошная ложь, здесь — чистая правда.

От Жукова и Петрова Берестин узнал, что на их фронтах положение дел тоже достаточно удовлетворительное.

А в 22 часа поступило сообщение, что осуществилось и последнее важное предприятие первого дня.

Немцы грамотно спланировали первый удар — с флангов своей группы армий «Центр» охватом на Минск. Но на вершине белостокского выступа войск у них практически не было, да они там были и не нужны по любым канонам. Это вполне подтвердилось прошлый раз. Но сейчас у них все пошло не так, и пока наступление с флангов хоть как-то, но развивалось, в мягкое, как у развернувшегося ежа, подбрюшье группы армий вонзился клинок. С наступлением темноты через восточно-польские леса рванула вперед конно-механизированная группа генерала Доватора: две кавдивизии усиленного состава, три польских полка и дивизия легких танков «БТ-7», самых новых, что были в округе.

А от границы до Варшавы по мощным дорогам всего сто километров.

Третий месяц полыхала над страной самая страшная с достопамятного тринадцатого века война. Несравнимая количественно, потому что в одном дневном бою погибало подчас больше бойцов, чем их было во всех княжеских дружинах и Владимира, и Суздаля, и Рязани, но сходная по масштабам бедствий, человеческих потрясений, судеб страны и истории.

В двухсоткилометровом предполье перед линией укреплений старой границы сгорали полки и дивизии, атакуемые с фронта и флангов, попадающие в клещи и вновь вырывающиеся из них, сражающиеся с гораздо более сильным и опытным противником, но страшным напряжением сил не дающие ему вырваться на оперативный простор и значит — выполняющие свою главную и единственную задачу.

Что позволяло до сих пор войскам сдерживать немислимый напор врага? Прежде всего — эшелонированная, пусть и не в той мере, как планировалось, линия обороны, сильные группировки танковых и механизированных корпусов во втором эшелоне, которыми удавалось парировать наиболее опасные прорывы и вклинения гитлеровцев. И еще — практически неограниченное количество боеприпасов с выдвинутых в свое время к самой границе окружных складов, которые в прошлой истории в первые же дни войны попали в руки немцев.

По числу же артиллерийских и пулеметных стволов Красная Армия даже в сорок первом году значительно превосходила вермахт.

Вдобавок достаточно надежное воздушное прикрытие. Люфтваффе так и не сумели завоевать превосходства, понесли совершенно неожиданные и немислимые для них потери, уже к исходу первой недели значительно снизили свою активность и, несмотря на непрерывные жалобы ОКХ самому фюреру, ничего, кроме непосредственной поддержки пехоты и ночных бомбежек прифронтовой полосы, сделать пока не могли.

Да и Геринг вполне резонно не желал в угоду Гальдеру и прочим браухичам, бокам и леебам оставаться перед решающими сражениями без самолетов, а главное — без лучших своих летчиков.

.....
«Телексная связь по СТ-35. Минск, Марков, Сталину лично. Прошу к аппарату.

— Сталин здесь, да, слушаю вас.

— Здесь Марков. Товарищ Сталин, обстановка крайне обострилась. Непрерывные атаки значительно превосходящего противника. Войска держатся только силой воли. Резервы практически исчерпаны. Прошу оказать помощь минимум тремя армиями из глубины.

— Товарищ Марков, вы хорошо знаете обстановку, наши возможности. Не поддавайтесь влиянию момента. Больше выдержки. Удерживайте фронт наличными силами. Ближайшую неделю помощи оказать не можем. Сталин.

— Товарищ Сталин, ответственно заявляю: фронт может рухнуть. Держаться нечем. В дивизиях по тысяче штыков. Танковые корпуса втянуты в оборонительные бои, контратаковать нечем. Намечился разрыв фронта непосредственно в районе Минска. У орудий прогорают стволы. Настоятельно прошу помощи.

— Марков, окажем поддержку авиацией, назовите цели. Отдам приказ соседям усилить нажим на противника с флангов. Изыскивайте резервы. Напоминаю, в аналогичной обстановке под Смоленском Тимошенко держался. У вас до сих пор преимущество плюс четыре армии. Не паникуйте.

— Товарищ Сталин, на самом деле все гораздо хуже, чем кажется сверху. Я утверждаю с полной ответственностью. Если фронт посыплется, будет труднее. Введу в бой последний резерв — дивизию Ямщикова, а там как хотите.

— Марков, Ямщикова не трогайте, он нужен для другого, удерживайте фронт еще трое суток, почаще вспоминайте, что было, что будет».

...Линия фронта на карте почти зримо дрожит от чудовищного напряжения. Как перетянутая тетива. Чиркни по ней ножом... Если немцы пробьют брешь в обороне — все. До Смоленска их не остановишь. Разве только Жуков сумеет оттянуть на себя вторую танковую группу, если сейчас же начнет наступать на север.

Резервов действительно нет. Дивизия Ямщикова и Борисовское танковое училище. Это все. Похоже на китайско-вьетнамский конфликт марта 1979 года. Там тоже пограничники и ополченцы месяц держали фронт, а вся вьетнамская армия стояла и смотрела, чем дело кончится. И за спиной Западного фронта тоже стоит трехмиллионная армия, но она предназначена для грядущего наступления. Разумно, но уж очень тяжело... Пожалуй, пора штаб фронта из Минска выводить. Не трусость, а осознанная необходимость. Переместиться восточнее Борисова, прикрыть Минское шоссе курсантами, туда же оттянуть Ямщикова. Даст бог — обойдется.

И еще был у Берестина последний, так сказать, подкожный резерв, который он ни в каких схемах не учитывал, а только в глубине подсознания держал, чтобы не поддаться настроению момента — три сводных полка пограничников, на самый распоследний случай. И при них сто гранатометов. Андрей прав — Тимошенко было гораздо хуже, когда он принимал фронт после ареста Павлова.

Берестин снял трубку телефона...

Знания, талант, воля даже такого полководца, как Марков — это еще не все на войне. Есть и другие факторы. При всем героизме войск никак нельзя забывать, что армия-то была все же армией сорок первого, а не сорок четвертого года. То есть — не имеющей серьезного боевого опыта, не располагающей кадрами командиров, способных решать возникающие поминутно и сложные даже для подготовленных военачальников проблемы. Не случайно ведь только на третьем году войны Советская Армия научилась проводить операции с решительными результатами.

И если сегодня в обороне войскам еще удавалось стоять насмерть, то маневренные действия получались гораздо хуже.

Если бы Маркову удалось сохранить сплошной фронт, его войска, медленно отходя с рубежа на рубеж, выиграли бы еще несколько дней, но так не получилось. К исходу дня прорыв расширился до тридцати километров по фронту и почти на сорок в глубину.

Берестин отдал приказ начать общий отход к Днепру.

ГЛАВА 9

...Музыка прервалась, и директор Би-би-си мягким баритоном начал читать сводку последних известий. После сообщения о действиях королевского флота и очередных налетах на Берлин он перешел к новостям с Восточного фронта.

Ссылаясь на германские и нейтральные источники, диктор говорил о том, что Красной Армии, очевидно, удалось приостановить наступление противника на Смоленском направлении. В целом военный обозреватель Би-би-си оценивал обстановку как тяжелую, но не катастрофическую. Особо было отмечено твердое и квалифицированное руководство войсками Западного фронта со стороны его командующего генерала Маркова. При этих словах Новиков одобрительно подмигнул Берестину, а Воронцов перевел столь лестную характеристику, потому что Алексей, со своей школьно-вузовской подготовкой, улавливал в передаче только отдельные слова.

Затем англичане сообщили, что на Балтике резко активизировались действия русского флота. Ударное соединение в составе двух линкоров, двух крейсеров, двух лидеров и десяти эсминцев подвергло бомбардировке Мемель, Пиллау и приморский фланг наступающих на Либау немецких войск. По сообщению шведского радио, советские подводные лодки полностью парализовали морские перевозки между портами Германии и восточного побережья Швеции...

— Вот так, — удовлетворенно сказал Новиков. — Пусть знают, что мы в Маркизовой луже не отсиживаемся. А завтра и Черноморский флот свое слово скажет. Констанцу в щбенку размолотим, Плоештинские нефтепромыслы сожжем... Пусть тогда водой из-под крана свои танки и самолеты заправляют.

— Кстати, поясни, если нетрудно, почему вы тут в темную играть начали? — спросил Берестин, когда последние известия закончились и опять пошла музыка. Из «Серенады солнечной долины». — Мы же договаривались, ты сотню «катюш» обещал и пару армий из резерва.

— А мы тут с людьми посоветовались — неглупыми людьми — и решили не спешить...

— Решили! Вы тут решаете, а немцы через неделю к Смоленску могут прорваться! Ты бы видел, что на фронте творится! Гранатометов, и то не дал, сколько нужно. И новых самолетов. Рычагов каждый день по полсотни машин теряет и на меня, как на последнего трепача, смотрит.

...— Когда мы с тобой по картам войну планировали, не во всем, оказывается, разобрались как следует. Тебе-то там, на передке, думать на перспективу, конечно, некогда было, а я находил возможность. Хоть и без компьютера. И вот чего надумал. Незачем нам сейчас резервы к тебе направлять и о контрнаступлениях мечтать. Ерунда получится, очень свободно можем все наши преимущества растерять. Как на юге в сорок втором...

— Так, идея ясна, а твои варианты? — Берестин сам не раз думал в этом направлении, но непосредственные заботы фронта и в самом деле не давали ему возможности размышлять о далеких стратегических перспективах.

— А очень просто. Кроме нас троих, здесь присутствующих, все остальные те же, кто и тогда воевал. И рядовые, и генералы... Никто выше себя не прыгнет. Вспомни, как они в тот раз наступали. Если б грамотному, и немцев бы от Москвы не на сто-триста километров отбросили бы, а на пятьсот минимум, и потерь бы в два раза меньше понесли.

— Так и то, что сделали, было выше сил человеческих!

— А я разве спорю? И никого не хочу обидеть или принизить. И героизм был, и все прочее. А умения — не хватало. Дальше пойдём — харьковское наступление, крымское... а потом что? Напомнить или сам знаешь? Так и сейчас то же самое выйдет. Сил мы уже собрали достаточно, если по цифрам смотреть. А тактическая подготовка, а стратегия? Обороняться у нас получается, худо-бедно. А наступать — не знаю. Не справимся, снова кровью захлебываться будем, технику зря погробим. Немцы вон даже после Сталинграда и Курской дуги очень даже здорово нам давать умели. Сейчас — тем более. Не так я говорю?

— Так, — нехотя согласился Берестин. Он представлял, как может все получиться. Пусть даст ему Новиков тридцать, даже сорок свежих дивизий. Необстрелянных, не знающих и не умеющих ничего, кроме как ударить в стыки на дистанции прямой видимости. Лобовыми атаками они смогут потеснить немецкие войска, заставить их перейти к обороне, но и только. В удобный момент какой-нибудь Клейст или Манштейн найдет подходящее место, танковым тараном пробьет фронт и снова пойдет гулять по тылам.

Войны немцы ни в каком варианте не выиграют, но лишней крови опять прольется море.

— Хорошо, согласен. И что ты изобрел?

— Да уж изобрел. С учетом того, что нас здесь не будет. Я хоть и не знал, когда нас устроят, но весь месяц последний только к этому и готовился. Смотри... — Он указал на карту Европы. — На твоём фронте оставим немцев и перейдем к позиционной войне. Спешить нам некуда. А все резервы, новые танковые армии, «катюши» и прочее сосредоточиваем на юге. От Винницы до Кишинева. И весной двинем. Через Венгрию, Румынию, Болгарию. Глубокий обход к южной Германии. А потом из Прибалтики через Восточную Пруссию и север Польши... Тогда, глядишь, к сорок третьему и вправду войну можно выиграть без лишних жертв и с совсем другой внешнеполитической ситуацией. А группой «Центр» в самый последний момент займемся, вот где настоящий котел получится, от Смоленска до Варшавы... Все ясно?

— В принципе красиво, — ответил Берестин, — а как на практике получится, думать надо...

— Вот пусть товарищ Марков остается здесь и думает, на то его главкомом и назначаем... Наброски я подготовил, а на подробную разработку зимы ему хватит.

— Жаль только, что мы не узнаем, как все случится. Годик бы я еще тут посидел, — с сожалением ответил Берестин..

Память

Виктор Мазуровский (1859 – 1944)
Бой за знамя

Никогда не будут забыты

Товарищ Юлия

Перефразируя известную строфу Маяковского, корявенько, но искренне напишу так:

Девушке, обдумывающей жизнь:
 Делать бы жизнь с кого –
 в тяжких раздуминах,
 Посоветую: делай её
 С товарища Юлии Друниной!

Она - замечательный поэт и человек с большой буквы.

Ее не сломала война, сломали 90-е годы. Тонкая, незащищённая душа, таким трудно жить в этом мире.

Трагическое противоречие!

Надо ли мне подробно сейчас описывать её биографию? В интернете много материалов, повествующих о её жизни и творчестве, начиная с Википедии.

Как-то в этом году на одном из сайтов у себя на странице опубликовал я одно из стихотворений Юлии. Откликнулись многие. Вот что мне написала её землячка Алевтина Бойко (Батракова): «Из военкомата нашего городка Ялutorовска Юлия уходила на фронт. Она с родителями были в эвакуации в соседнем Заводоуковске, а военкомат был один. И она, закончив курсы медсестёр, добивалась отправки на фронт. И когда ей в очередной раз отказывали, она по шпалам Транс-Сибирской магистрали возвращалась в Заводоуковск, а это 20 км. Об этом у неё тоже есть стихотворение. И потом она в своём стихотворении, вспоминая эти годы, писала: «Ялutorовск - таежная звезда, Опальная столица декабристов». А «столица декабристов» - в городе почти 30 лет были в ссылке Муравьёв - Апостол старший, Пущин (письмо Пушкина «Во глубине сибирских руд» М. Волконская передала здесь, когда он после двух лет иркутских рудников получил послабление и поселение в Ялutorовске), И. Д. Якушкин (который открыл первую в Сибири школу для девочек), Оболенский, Тизенгаузен (который посадил здесь первые в Сибири яблоневые сады) и другие... Вот как-то так».

Друня, как ласково и озорно называли ее одноклассники, повзрослела сразу, как только поняла масштаб случившегося с ее страной и с ее народом.

Из воспоминаний Друниной: «Когда началась война, я ни на минуту не сомневалась, что враг будет разбит, больше всего боялась, что это произойдет без моего участия — всеми силами я хотела и старалась попасть на фронт».

*Геннадий
Ростовский*

Школьным вечером
Хмурым летом
Бросив книги и карандаш,
Встала девочка с парты этой –
И шагнула в сырой блиндаж.

Она сказала о себе: «Я родом не из детства, из войны...» И это было правдой. Большая часть ее стихов – на военную тему, и эта тема сквозной нитью прошла через всё её творчество - и через двадцать, и через тридцать, и через сорок лет после Великой Отечественной. Война пробудила когда-то ее душу – и бередила память до последнего дня её жизни.

Процитирую с небольшими сокращениями отрывок из статьи неизвестного мне автора «Муза в солдатской шинели» (Вконтакте есть сообщество, посвящённое Юлии):

В конце 1943 года Друнину тяжело ранило. Осколок снаряда вошёл в шею и застрял в паре миллиметров от сонной артерии. Не подозревая о серьёзности ранения, санинструктор просто замотала шею бинтами и продолжала работать – спасать других. Юлия скрывала свою боль, пока не стало совсем плохо. Очнувшись в госпитале и там узнала, что была на волосок от смерти. В госпитале, в 1943 году, она написала своё первое, и, может быть, даже великое стихотворение о войне, которое вошло во все антологии военной поэзии:

Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву. И тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

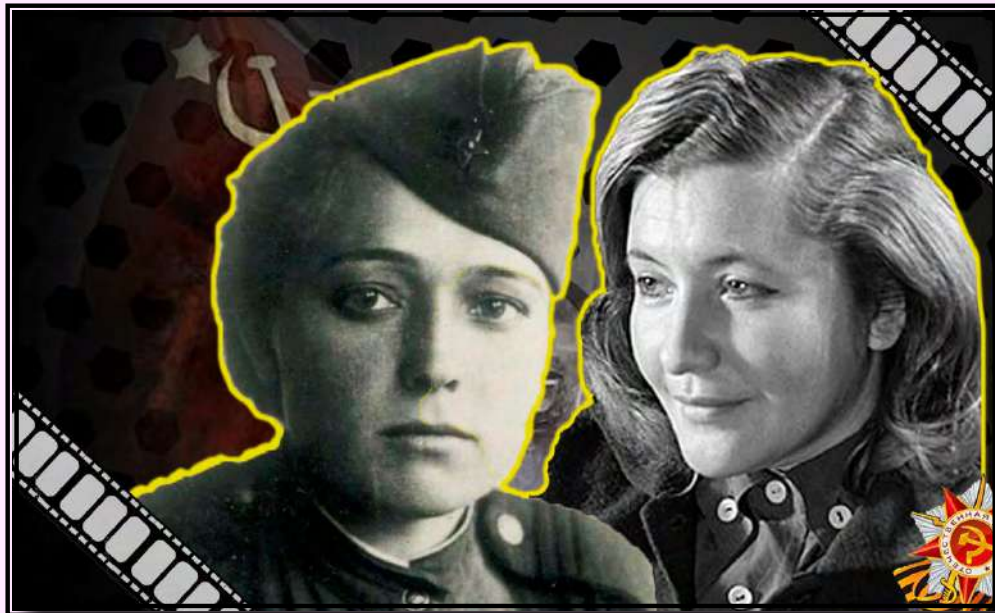
После ранения санинструктор Друнина была признана инвалидом и комиссована. Вернувшись в Москву, попыталась поступить в Литературный институт, но строгая комиссия её не приняла. Оставаться в столице, пока идёт война, Юлия не хотела и всеми правдами и неправдами вновь прорвалась на фронт, попав в самоходный артиллерийский полк 3-го Прибалтийского фронта. Вместе с полком она освобождала Псковскую область и Прибалтику.

В ноябре 1944 года после тяжёлой контузии Друнину комиссовали окончательно. Войну она закончила старшиной медицинской службы с орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу» на груди.

После того как Юлия была призвана не годной к военной службе, она вернулась в Москву и снова пришла в Литинститут. На этот раз старшине медицинской службы, инвалиду, в Литинституте не посмели отказать.

В годы учебы в Литинституте Друнина встретила с начинающим поэтом Николаем Старшиновым. Он с первых же минут сумел разглядеть в ней, носившую грубую мужскую шинель, милого, доброго и обаятельного человека.

Из воспоминаний Николая Старшинова: «Мы встретились в конце 1944 года в Литературном институте имени А.М.Горького. После лекций я пошел ее провожать. Она, только что демобилизованный батальонный санинструктор, ходила в солдатских кирзовых сапогах, в поношенной гимнастерке и шинели. Ничего другого у нее не было...»

В этом же 1944 году Николай и Юлия стали мужем и женой. Вскоре у них родилась дочь Лена, появились неведомые до сих пор проблемы, заботы. Друнина вдруг почувствовала быстротечность времени:

Скажи мне детство,
Разве не вчера
Гуляла я в пальтишке до колена?
А нынче дети нашего двора
Меня зовут с почтеньем
«мама Лены».

Долгой и счастливой личной жизни у Юлии и Николая не получилось. В 1960 году супруги развелись. Причиной развода стала влюбленность Юлии в известного сценариста Алексея Каплера. В 1979 г. Каплер скончался, а Юлия очень долго не могла с этим смириться.

Друнина никогда не ходила по редакциям, не требовала ничего, но ее стихи всегда были одними из самых читаемых и любимых. В 1947 году вышел первый сборник - «В солдатской шинели». В него вошли стихи, написанные за годы фронтовой жизни и послевоенной.

Только вдумайся, вслушайся
 В имя «Россия»!
 В нем и росы, и синь,
 И сиянье, и сила.
 Я бы только одно
 у судьбы попросила
 Чтобы снова враги не пошли на Россию.
 Позже было много новых стихотворений и изданных книг. Вот некоторые:
 Стихи. М. Молодая гвардия, 1952.
 Разговор с сердцем. Стихи. М. Мол. гвардия, 1955.
 Ветер с фронта. Лирика. М. Воениздат, 1958.
 Современники. Лирика. М. Советский писатель, 1960.
 Тревога. Избр. стихи. 1942-1962. М. Советский писатель, 1963.
 Ты рядом. М. Молодая гвардия, 1964.
 Мой друг. М. Московский рабочий, 1965.
 Избранное в 2 т. М. Художественная литература, 1989.
 Не бывает любви несчастливой. М. Советская Россия, 1997.
 Неповторимый звёздный час. Эксмо-Пресс, 2000.
 Память сердца. Стихотворения. Эксмо-Пресс, 2002.
 Есть время любить. Эксмо, 2004
 А люблю я, как любят поэты. Эксмо, 2006.
 Зинка. М.: Clever, 2020.

Друнина трагически ушла из жизни, покончив с собой 21 ноября 1991 года. Основной причиной самоубийства, судя по всему, послужили крушение общественных идеалов и развал страны. В одном из писем, написанных перед уходом из жизни, Друнина так описывала свои переживания: «...Почему уйду? По-моему, оставаться в этом ужасном, передравшемся, созданном для дельцов с железными локтями мире, такому несовершенному существу, как я, можно, только имея крепкий личный тыл...»

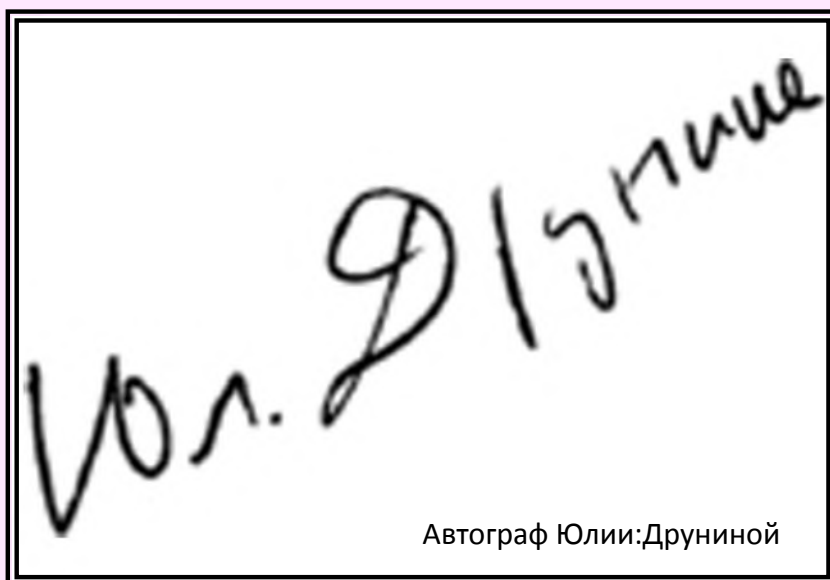
Мировая Поэзия

СТАРЕЮТ НЕ ТОЛЬКО ОТ ПРОЖИТЫХ ЛЕТ —
 ОТ ГОРЬКИХ ОШИБОК, БЕЗЖАЛОСТНЫХ БЕД.
 КАК СЕРДЦЕ СЖИМАЕТСЯ, СЕРДЦЕ БОЛИТ
 ОТ МЕЛКИХ УКОЛОВ, ГЛУБОКИХ ОБИД!
 ЧТО СЕРДЦЕ! — ПОРОЮ МЕТАЛЛ УСТАЁТ,
 И РУШИТСЯ МОСТ — ЗА ПРОЛЁТОМ ПРОЛЁТ...

ПУСТЬ ЧАСТО СЕБЕ Я ДАВАЛА ЗАРОК
 БЫТЬ ВЫШЕ ВОЛНЕНИЙ, СИЛЬНЕЕ ТРЕВОГ.
 СТО РАЗ Я ДАВАЛА БЕЗСТРАСТЬЯ ОБЕТ,
 СТО РАЗ ОТВЕЧАЛО МНЕ СЕРДЦЕ: «О НЕТ!
 Я ТАК НЕ УМЕЮ, Я ТАК НЕ ХОЧУ,
 Я ЧЕСТНОЙ МОНЕТОЙ ЗА ВСЁ ЗАПЛАЧУ...»

КОГДА СЛИШКОМ РАНО УХОДЯТ ВО ТЬМУ,
 МЫ В СКОРБИ И ГНЕВЕ ТВЕРДИМ «ПОЧЕМУ?»
 А ВСЁ ОЧЕНЬ ПРОСТО — МЕТАЛЛ УСТАЁТ,
 И РУШИТСЯ МОСТ — ЗА ПРОЛЁТОМ ПРОЛЁТ...

Юлия Друнина.

Автограф Юлии Друниной

Судный час

Покрывается сердце инеем —
 Очень холодно в судный час...
 А у вас глаза как у инока —
 Я таких не встречала глаз.
 Ухожу, нету сил. Лишь издали
 (Всё ж, крещёная!) помолюсь
 За таких вот, как вы, — за избранных
 Удержать над обрывом Русь.
 Но боюсь, что и вы бессильны.
 Потому выбираю смерть.
 Как летит под откос Россия,
 Не могу, не хочу смотреть!

По воспоминаниям крымского политического деятеля Леонида Грача, Юлия Друнина, «как и многие в те дни, не смогла смириться с происходящим. Открыла в своём гараже, где у неё стоял „Москвич“, выхлопную трубу и задохнулась. Нашли её предсмертную записку, где она просила похоронить её возле мужа Алексея Каплера».

Поэзия совести

Зинка

Мы легли у разбитой ели.
 Ждем, когда же начнет светлеть.
 Под шинелью вдвоем теплее
 На продрогшей, гнилой земле.
 — Знаешь, Юлька, я — против грусти,
 Но сегодня она не в счет.
 Дома, в яблочном захолустье,
 Мама, мамка моя живет.
 У тебя есть друзья, любимый,
 У меня — лишь она одна.
 Пахнет в хате квашней и дымом,
 За порогом бурлит весна.
 Старой кажется: каждый кустик
 Беспокойную дочку ждет...
 Знаешь, Юлька, я — против грусти,
 Но сегодня она не в счет.
 Отогрелись мы еле-еле.
 Вдруг приказ: «Выступать вперед!»
 Снова рядом, в сырой шинели
 Светлокосый солдат идет.
 С каждым днем становилось горше.
 Шли без митингов и знамен.
 В окруженье попал под Оршей
 Наш потрепанный батальон.
 Зинка нас повела в атаку.
 Мы пробились по черной ржи,
 По воронкам и буеракам
 Через смертные рубежи.
 Мы не ждали посмертной славы -
 Мы хотели со славой жить.
 ...Почему же в бинтах кровавых
 Светлокосый солдат лежит?
 Ее тело своей шинелью
 Укрывала я, зубы сжав...
 Белорусские ветры пели
 О рязанских глухих садах.
 — Знаешь, Зинка, я против грусти,
 Но сегодня она не в счет.
 Где-то в яблочном захолустье
 Мама, мамка твоя живет.
 У меня есть друзья, любимый,
 У нее ты была одна.
 Пахнет в хате квашней и дымом,
 За порогом стоит весна.
 И старушка в цветастом платье
 У иконы свечу зажгла.
 ...Я не знаю, как написать ей,
 Чтоб тебя она не ждала?!

Я ушла из детства в грязную теплушку,
 В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
 Дальние разрывы слушал и не слушал
 Ко всему привыкший сорок первый год.

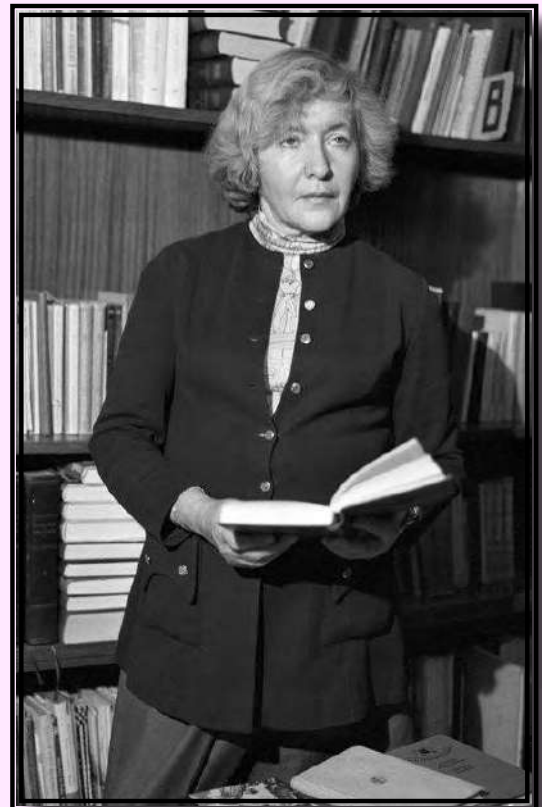
Я пришла из школы в блиндажи сырые,
 От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
 Потому что имя ближе, чем «Россия»,
 Не могла сыскать.

Стало зрение сердца острее,
 Если сердце прошло через ад...
 Дорогие, миритесь быстрее -
 Не существенно, кто виноват.
 Я прошу вас, давайте не будем
 Рвать мосты за собой сгоряча...
 Почему это близкие люди
 Рубят прямо по душам, сплеча?

Я прошу вас, поймите быстрее -
 В битве душ победителей нет...
 Стало зрение сердца острее
 После всех испытаний и бед.

Юлия
Друнина

Бинты

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.

Одним движеньем — так учили нас.
Одним движеньем — только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.

На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!

Так с каждым церемониться — беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки». —
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

Когда умирает любовь,
Врачи не толпятся в палате,
Давно понимает любой —
Насильно не бросишь
В объятия...
Насильно сердца не зажжешь.
Ни в чем никого не вините.
Здесь каждое слово —
Как нож,
Что рубит меж душами нити.
Здесь каждая ссора —
Как бой.
Здесь все перемирья
Мгновенны...
Когда умирает любовь,
Еще холодней
Во Вселенной...

Как объяснить слепому?..

Как объяснить слепому,
Слепому, как ночь, с рожденья,
Буйство весенних красок,
Радуги наважденье?
Как объяснить глухому,
С рожденья, как ночь, глухому,
Нежность виолончели
Или угрозу грома?
Как объяснить бедняге,
Рожденному с рыбьей кровью,
Тайну земного чуда,
Названного любовью?

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...
И бойцы вокруг нее толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать — это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...
Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, кольханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.
Вздрагнет он и отойдет к окошку,
Закурить пытаюсь на ходу.
Подожди его, жена, немножко —
В сорок первом он сейчас году.
Там, где возле черного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
— Я еще, ребята, не жила...

Любовь

Опять лежишь в ночи, глаза открыв,
И старый спор сама с собой ведешь.
Ты говоришь:
— Не так уж он красив! —
А сердце отвечает:
— Ну и что ж!
Все не идет к тебе проклятый сон,
Все думаешь, где истина, где ложь...
Ты говоришь:
— Не так уж он умен! —
А сердце отвечает:
— Ну и что ж!
Тогда в тебе рождается испуг,
Все падает, все рушится вокруг.
И говоришь ты сердцу:
— Пропадешь! —
А сердце отвечает:
— Ну и что ж!

Брошенной

Жизнь бывает жестока,
 Как любая война:
 Стала ты одинока —
 Ни вдова, ни жена.
 Это горько, я знаю —
 Сразу пусто вокруг,
 Это страшно, родная, —
 Небо рушится вдруг.
 Всё черно, всё угрюмо...
 Но реви не реви,
 Что тут можно придумать,
 Если нету любви?
 Может, стать на колени?
 Обварить кипятком?
 Настрочить заявленье
 В профсоюз и партком?
 Ну, допустим, допустим,
 Что ему пригрозят,
 И, напуганный, пусть он
 Возвратится назад.
 Жалкий, встанет у двери,
 Оглядится с тоской.
 Обоймёт, лицемеря, —
 Для чего он такой?
 Полумуж, полупленник...
 Тут реви не реви...
 Нет грустней преступленья,
 Чем любовь без любви!

Не знаю, где я нежности училась, —
 Об этом не расспрашивай меня.
 Растут в степи солдатские могилы,
 Идет в шинели молодость моя.
 В моих глазах обугленные трубы.
 Пожары полыхают на Руси.
 И снова нецелованные губы
 Израненный парнишка закусил.
 Нет! Мы с тобой узнали не по сводкам
 Большого отступления страду.
 Опять в огонь рванулись самоходки,
 Я на броню вскочила на ходу.
 А вечером над братской могилой
 С опущенной стояла головой...
 Не знаю, где я нежности училась, —
 Быть может, на дороге фронтовой...

Не бывает любви несчастливой...

Не бывает любви несчастливой.
 Не бывает... Не бойтесь попасть
 В эпицентр сверхмощного взрыва,
 Что зовут «безнадежная страсть».

Если в душу врывается пламя,
 Очищаются души в огне.
 И за это сухими губами
 «Благодарствуй!» шепните Весне.

Теперь не умирают от любви...

Теперь не умирают от любви —
 насмешливая трезвая эпоха.
 Лишь падает гемоглобин в крови,
 лишь без причины человеку плохо.
 Теперь не умирают от любви —
 лишь сердце что-то барахлит ночами.
 Но «неотложку», мама, не зови,
 врачи пожмут беспомощно плечами:
 «Теперь не умирают от любви...»

Нет, это не заслуга, а удача
 Стать девушке солдатом на войне.
 Когда б сложилась жизнь моя иначе,
 Как в День Победы стыдно было б мне!
 С восторгом нас, девчонок, не встречали:
 Нас гнал домой охрипший военком.
 Так было в сорок первом. А медали
 И прочие регалии потом...
 Смотрю назад, в продымленные дали:
 Нет, не заслугой в тот зловеющий год,
 А высшей честью школьницы считали
 Возможность умереть за свой народ.

В семнадцать

В семнадцать совсем уже были мы взрослые —
 Ведь нам подрастать на войне довелось...
 А нынче сменили нас девочки рослые
 Со взбитыми космами ярких волос.
 Красивые, черти! Мы были другими —
 Военной голодной поры малыши.
 Но парни, которые с нами дружили,
 Считали, как видно, что мы хороши.
 Любимые нас целовали в траншее,
 Любимые нам перед боем клялись.
 Чумазые, тощие, мы хорошили
 И верили: это на целую жизнь.
 Эх, только бы выжить!.. Вернулись немногие.
 И можно ли ставить любимым в вину,
 Что нравятся девочки им длинноногие,
 Которые только рождались в войну?
 И правда, как могут не нравиться весны,
 Цветение, первый полет каблчков,
 И даже сожженные краскою космы,
 Когда их хозяйкам семнадцать годков.
 А годы, как листья осенние, кружатся.
 И кажется часто, ровесницы, мне —
 В борьбе за любовь пригодится нам мужество
 Не меньше, чем на войне...

А всё равно
 Меня счастливей нету,
 Хотя, быть может,
 Завтра удавлюсь...
 Я никогда
 Не налагала вето
 На счастье,
 На отчаянье,
 На грусть.
 Я ни на что
 Не налагала вето,
 Я никогда от боли не кричу.
 Пока живу — борюсь.
 Меня счастливей нету,
 Меня задуть
 Не смогут, как свечу.

А всё равно
 Меня счастливей нету,
 Хотя, быть может,
 Завтра удавлюсь...
 Я никогда
 Не налагала вето
 На счастье,
 На отчаянье,
 На грусть.
 Я ни на что
 Не налагала вето,
 Я никогда от боли не кричу.
 Пока живу — борюсь.
 Меня счастливей нету,
 Меня задуть
 Не смогут, как свечу.

Все зачеркнуть. И все начать сначала,
 Как будто это первая весна.
 Весна, когда на гребне нас качала
 Хмельная океанская волна.
 Когда все было праздником и новью —
 Улыбка, жест, прикосновение, взгляд...
 Ах, океан, зовущийся Любовью,
 Не отступай, прихлынь, вернись назад!

Запас прочности

До сих пор не совсем понимаю,
 Как же я, и худа, и мала,
 Сквозь пожары к победному Маю
 В кирзачах стопудовых дошла.
 И откуда взялось столько силы
 Даже в самых слабейших из нас?..
 Что гадать! — Был и есть у России
 Вечной прочности вечный запас.

Мы любовь свою схоронили
 Крест поставили на могиле.
 «Слава Богу!» — сказали оба...
 Только встала любовь из гроба,
 Укоризненно нам кивая:
 — Что ж вы сделали? Я живая!..

Я столько раз видала рукопашный,
 Раз наяву. И тысячу - во сне.
 Кто говорит, что на войне не страшно,
 Тот ничего не знает о войне.

Комбат

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взял у старшины,
Писал комбат двум бедным русским
бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

И откуда вдруг берутся силы

И откуда
Вдруг берутся силы
В час, когда
В душе черным-черно?..
Если б я
Была не дочь России,
Опустила руки бы давно,
Опустила руки
В сорок первом.
Помнишь?
Заградительные рвы,
Словно обнажившиеся нервы,
Зазмеились около Москвы.
Похоронки,
Раны,
Пепелища...
Память,
Душу мне
Войной не рви,
Только времени
Не знаю чище
И острее
К Родине любви.
Лишь любовь
Давала людям силы
Посреди ревущего огня.
Если б я
Не верила в Россию,
То она
Не верила б в меня.

Трудный путь к небу

Очерк о жизни Александра Лихолёта

Александр Анатольевич Лихолёт родился 12 августа 1945 г. в городе Рубежное Луганской области. Туда вернулась после эвакуации со своим институтом его мама – Липчик Дора Исааковна. Защитила диплом инженера-механика, познакомилась с будущим мужем, Лихолётом Анатолием Степановичем. Оба работали в системе союзных строительных трестов металлоконструкций. Строили заводы везде, куда пошлют.

Александр помнил свои детские годы в Таллине, в Ярославле, в Москве. Особенно ему нравилось подмосковное Видное. Ребёнком он был с характером, но улыбчивым. И маму очень любил. Она мне рассказала, что в двухмесячном возрасте родители мужа окрестили Шурика в православной церкви с её согласия. Когда ему было 5 лет, родители разошлись. Отец вернулся в Сибирь, мама осталась в Москве, а Шурика забрала бабушка Ревекка в посёлок шахты Щегловская на окраине Донецка. Туда в 1943 году, после освобождения Донбасса от фашистов, направили срочно реабилитированного из Воркутинского ГУЛАГА чудом выжившего Саниного деда Исаака Иосифовича Липчика – блестящего горного инженера.

Нужно было восстанавливать угольную отрасль. Ему вернули Орден Трудового Красного Знамени и назначили Главным инженером шахты. Бабушка преподавала немецкий язык в школе. Счастливую, беззаботную степную вольницу детства на Щегловке Саня вспоминал всю жизнь. В 1955 году в Донецк перевелась работать Санина мама. А в 1958 году, после смерти деда, семья переехала в центр Донецка, где Доре дали квартиру.

Вольница закончилась. Сане пришлось распрощаться с верными друзьями, кострами в степи, огурцами с огорода, печёной картошкой, звёздным небом над крышей гаража; зимними снежными крепостями и коньками по замёрзшему пруду. Он попал в самую крутую школу в городе, в класс, где задавали тон дети высокого начальства. К слову, тогда в Донецке после Совнархозов было создано Министерство угольной промышленности Украины – и мы этот Киев имели в виду... Всё подчинялось напрямую Москве.

В новой школе Санечка чувствовал себя изгоем. Спасали успехи в фехтовании (всю жизнь был быстрым и ловким), мамино пианино и стихи. Конечно, именно тогда, в 13 лет, и начал он писать стихи. Только через год его стали воспринимать одноклассники. Оценили острый язык, определённое благородство. Да и учился он очень хорошо. Особенно любил русскую литературу и физику. Появились новые друзья. Со многими Саша дружил до конца жизни.

Светлана
Лихолёт

Саша с мамой. 6 лет

С хорошей литературой в раннем детстве Александра познакомила бабушка. Она была из очень бедной семьи, но экстерном закончила гимназию, работая санитаркой в госпитале в Первую Мировую войну. Бабушка читала ему сказки Гофмана, переводя с немецкого, стихи и сказки Пушкина, стихи Гейне, Гёте и Байрона. Научила читать в 5 лет и, чтобы ребёнок развивал устный счёт, показала карточную игру в 1000. А мама привозила новые книжки Льва Кассиля, Николая Носова, Маршака. Учась в школе, Шурик обожал Гоголя, Льва Толстого, Тютчева, Лермонтова, Баратынского. В старших классах открыл для себя Блока, Пастернака, Заболоцкого, Арсения Тарковского, Ахматову, Андрея Вознесенского.

Наше поколение в полной мере ощутило «оттепель». Дверца открылась, и мы уже не приняли её закрытие, хоть и не были диссидентами. Ещё в 9-ом классе Александр начал посещать литобъединение. Хотел поступать на филфак. В 11-том прошёл творческий конкурс в Литинститут. Но мама настояла, что нужна «реальная» профессия. И поступил Саня в Политехнический институт получать диплом для мамы. Учился хорошо, тем более, что учёба не была главным занятием. Сразу на 1-ом курсе стал корреспондентом малотиражки «Советский студент». Увлёкся экстремальным туризмом. Бедная его мама! Каждые каникулы случались подвиги. Сплав на плотах в Карпатах, зимние походы на Приполярный Урал и в Капову пещеру, летний – на байдарках по Алтайским рекам. Начал печатать отдельные стихотворения в местных изданиях. Был центром в любой компании, хоть физиков, хоть лириков. Но никто не догадывался, каким серьёзным и глубоким человеком был Саша Лихолёт.

Александр Лихолёт
в год выхода первой книги

Мы познакомились с ним в 1966 году в студенческом клубе, готовили КВН. Болтали, хохотали, а когда гурьбой пошли провожаться, Саня предложил нам послушать его стихи. Я приведу здесь лишь две маленькие цитаты из стихов, которые он никогда не печатал.

*С чаши черепа в кладезь столетья звенят,
Но выходит на белую паперть убогий двойник
И, как пса на верёвке, уводит столетье назад.*

*А горе каждому во след смеётся,
А слёзы тянутся, как свет от солнца.*

Я, обычная девочка 19-ти лет, ничего подобного не встречала, хоть и выписывала «Юность» и «Смену». Мало чего поняла, но подумала – он гений! Так мы подружались, а через 3 года поженились. После окончания ВУЗа в 1968 году Александра, как и большинство ребят, направили служить два года офицерами в войска ПВО, т.к. в институте была военная кафедра. Служил в Калининграде и Литве.

*Я здесь живу на этом сером свете
Среди шинелей и карманов на мели,
Где бьются рыбой пойманною в сети,
Нечаянные радости мои.*

Это кусочек из стихотворения, которое он тоже никогда не печатал, хотя, в отличие от первых мной приведенных, это считал хорошим. В армии писал много, но ничего не печатал.

Из армии Александр Лихолёт вернулся осенью 1970 г. Нужно было вписываться в новые реалии. Ему пришлось сменить немало различных работ, чтобы найти такую, которая оставляла бы время для творчества. Писал по ночам. Наша дочь выросла под стук пишущей машинки. Печатался в журнале «Донбасс», сотрудничал с телевидением и радио. Тогдашняя хозяйка нашего уютного Дома работников культуры часто приглашала его почитать стихи на различных встречах. В те годы в Донецк любили приезжать на гастроли прославленные театры страны, знаменитые музыканты, художники. Там он познакомился с Эмилем Гилельсом, Мстиславом Ростроповичем, Ильёй Глазуновым. В их числе были Дмитрий Журавлёв и Сергей Юрский. Оба отобрали по несколько понравившихся им Саниных стихотворений и включили их в свои выступления. Часто печатался в коллективных сборниках, но отдельная книга Лихолёта была издана только в 1978 году. Тогда в моду вошло наставничество. И вот главный редактор журнала «Донбасс» Анатолий Кравченко взял Саню под своё крыло. И вышла книжка «Веду свою тропу». Была она столь успешна, что её послали на всесоюзный конкурс «Первая книга поэта», где ей присудили диплом лауреата. До 90-х годов у Александра было самое плодотворное время творчества. Хотя он много писал и в последние 15 лет жизни, но лучшие стихи и поэмы были написаны тогда. Не смотря на скептические замечания «товарищей» по перу о том, что это никогда не будет напечатано, в свет вышло ещё три книги, а в Москве в альманахе «Истоки» – большая подборка стихов. Анатолий Кравченко, к тому времени уже председатель СП в Донецкой области, очень хотел и многое для этого делал, чтобы Лихолёт стал членом СП УССР. Но для Киева русскоязычный поэт, не придерживающийся украинских традиций, думающий, а не пишущий восторженными километрами, был неприемлем. Саню это не сильно расстраивало. Он жил, как умел, сам по себе. Будучи талантливым в любом деле, на всех своих работах за короткое время становился «спецом». Но все начальники удивлялись, почему он вдруг увольнялся, когда всё шло так успешно. А он уходил потому, как не понимал, зачем нужно сидеть на рабочем месте до 17-00, если работа выполнена за полдня. Кроме этого, не терпел давления и хамства. Дольше всего, 5 лет, Лихолёт проработал в Донецком цирке начальником службы техники безопасности. Его безупречную работу отметили в большой статье в газете «Советский цирк». С директором было полное взаимопонимание, с большинством артистов он дружил, многим посвятил стихи в цикле «Дети манежа». Особенные, тёплые отношения у него сложились с дрессировщицей львов Ольгой Борисовой. Для неё он написал сценарий новогоднего представления, которое было поставлено и стало её дипломной работой. В конце 80-х Саня организовал небольшое издательство, выпускающее красочные детские книжки, позже – техническое предприятие «Патент». Пока можно было честно работать, без двойной бухгалтерии, всё шло хорошо.

Александр Лихолёт.
Киев. Около 40 лет

До середины 90-х у Александра Лихолёта были удачные публикации, интересные поездки, незабываемые встречи. Но в 1995 году жизнь изменилась, с бизнесом было покончено. С одной стороны это принесло уйму свободного времени, а с другой – нужно было на что-то жить. Работал репортёром в двух газетах, чьим-то пресс-секретарём, вице президентом Украинского филиала «Международной Калифорнийской Академии Наук, Образования, Индустрии и Искусств» (IASEIA) 1999, действительным членом которой он являлся.

Компьютер Александр освоил уже в 93 году и в 95 начал писать свою первую книгу в прозе «Крах мира».

Подготовкой к этой работе были 25-летние изучения философской, научной, научно-популярной литературы о мироздании, ритмах вселенной; индийского эпоса; литературы об истории религий, теософии, эзотерики, этики. Всё покупал, всё читал. В интернет эту книгу Лихолёт выложил в 1998 году. Как ни странно, её первыми оценили студенты Харьковского Университета и их преподаватели. Особенно их восхитило, как автор высчитал скорость интуиции Велимира Хлебникова. Тогда же Саня узнал, что его стихотворение «Лобачевский», опубликованное аж в 1982 году в книжке «Час дождя», стало хрестоматийным – им много лет открываются математические формулы и олимпиады в СНГ.

ЛОБАЧЕВСКИЙ

Всё.

Перечёркнуты «Начала»*

Довольно мысль на них скучала,
Хоть прав почти во всём Эвклид.

Но быть не вечно постоянству.
И плоскость свёрнута в пространство.
И мир
иной имеет вид...

О чём он думал во вчерашнем -
О звёздном облаке, летящем
Из ниоткуда в никуда?

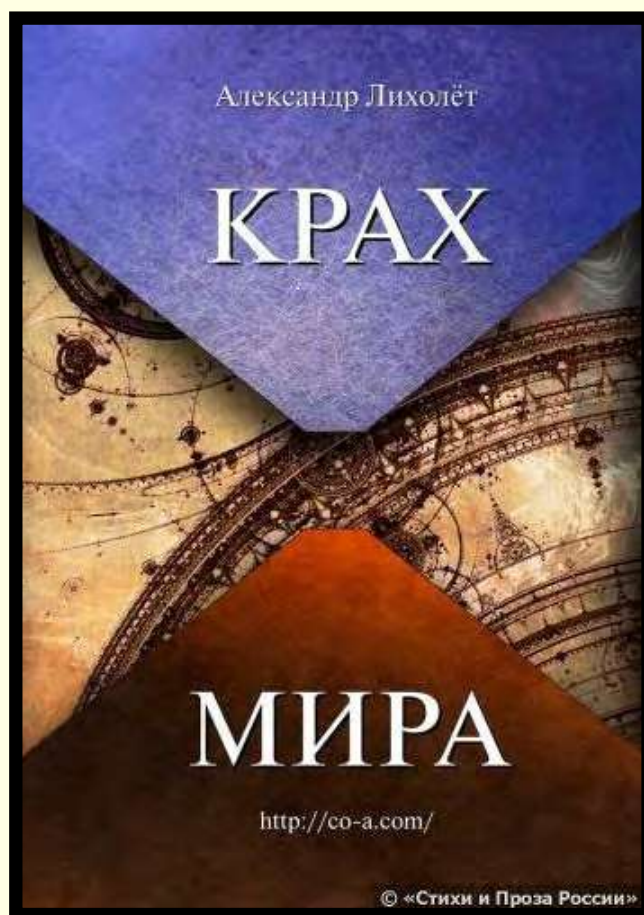
О том, что станет новым взглядом:
Две трассы, длящиеся рядом,
Непараллельны никогда?

Что постоянному движенью
Миров
сопутствует сближенье?

И значит, встретятся они:

Его, земная, с неземными
Непараллельными прямыми
Когда-нибудь, не в наши дни?

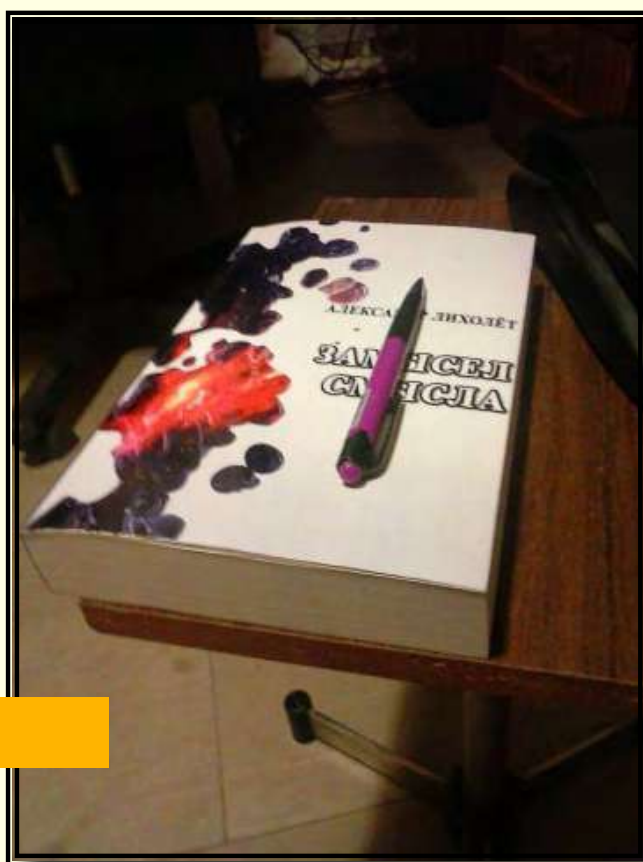
*»Начала» - главный труд Эвклида.

Это Александру подтвердил в конце 2019 года, связавшийся с ним директор научной библиотеки Казанского Университета Евгений Струков, который тогда писал монографию о Н. И. Лобачевском, куда включал все опусы, упоминающие о великом русском математике.

В 1998 году одно из частных издательств Донецка попросило Лихолёта ознакомиться с рукописью небольшой книги Л.А. Котельника «Ритмы космоса и судьба» на предмет печатать или отказать. А надо сказать, что Александра уже давно самого интересовали темы циклических состояний организма человека. Он встретился с автором, книжка была напечатана. А при встрече оказалось, что Саня в своих расчётах продвинулся дальше Котельника. И ему очень хотелось проверить свои выводы на практике. В 2000-ом году случай представился – приятель, футбольный обозреватель Вадим Краснов познакомил Александра с С. И. Альтманом – на то время главным тренером футбольной команды высшей лиги «Металлург» (Донецк). В прошлом известнейшего в СССР голкипера команды «Черноморец» (Одесса), знающего о спорте, о футболе всё. И Лихолёта, который не был даже болельщиком, на целых 11 лет связало с ним общее дело и дружба. Основным аргументом для Альтмана стало неоправданно высокое число случаев потери сознания или даже смерти среди абсолютно здоровых спортсменов во время соревнований.

А выполняемые Александром расчёты динамики состояний каждого игрока и команды в целом, которые он компьютерной программой сводил в наглядные графики, как раз определяли, какой игрок лучше готов к игре и как будет играть вся команда. Это хорошо показывал итоговый график с выделенным реальным временем двух таймов. Попадание было 95-98%. Результатом сотрудничества стала солидная совместная книга «Цикличность, динамика, перспектива», изданная федерацией футбола в 2009 году. В последний период своей жизни Александр Анатольевич активно публиковался в интернете, выпустил книгу стихов «Сумерки эволюты». Благодаря стихам у него появились друзья, русскоязычные поэты, по всему миру. В 2014 году, вместе с другими настоящими дончанами, Александр был возмущён киевским «майданом» (хоть Янукович и не был нашим героем), очень радовался, что любимый Крым вернулся в Россию, в первых рядах пошёл на наш референдум о независимости ДНР, ноотрез отказался от украинской пенсии. В 2015 году Лихолёт согласился издать бумажную книгу в канадском издательстве ALTASPERA, сам её собрал. В неё вошли все его лучшие стихи и поэмы, написанные за 40 лет. Получился толстый генеральный формата том «Замысел смысла» в 568 страниц. Наши друзья и родственники из Москвы и Томска её заказали в Торонто для себя, своих знакомых и для нас. Передали в Донецк несколько экземпляров междугородним автобусом, за что им большое спасибо. Последней публикацией Лихолёта была подборка новых его стихов в журнале «Донбасс». Этот номер был посвящён 95-летию юбилею издания.

Последняя книга

Я хочу сказать ещё, что с этим человеком было всегда интересно, что он был заботливым сыном, мужем, отцом, мог устроить настоящий праздник, помогал всем и во всём, легко управлялся на кухне (проектная работа часто не оставляла мне времени готовить). Его любили не только друзья и родные, его любили все – священники в нашем храме, соседи, продавцы в магазинчиках, бабушки на рынке, дети, голуби, собаки и кошки во дворе. Говорят, что засушенные цветы в квартире держать нехорошо. Но у меня в красивой вазе стоит и не осыпается букет из пяти белых роз, подаренных мне мужем к нашей «золотой свадьбе» в 2019 году, и трёх красных, которые он принёс мне в январе 2020 года на день рождения, а 11 июня того же года его не стало. Я не могу и не хочу в это верить до сих пор.

Мой Александр Лихолёт

Александр Лихолёт был моим другом.

Мы с ним познакомились в Интернете. На одном из литературных сайтов, где я столкнулся с его стихами. И сразу ощутил нечто необыкновенное и настоящее. Это была поэзия самого высокого уровня. Несколько суховатая, но эмоциональность – не самое важное качество для стихов Александра. Важнейшая составляющая его поэзии – это философия. Сашу волнуют идеи, понятия, смыслы... Это его стихия, здесь он ищет и находит свою почву, свою атмосферу, свой мир.

Александр Лихолёт – профессионал в поэзии!

Почему? Нужны доказательства.

Давайте рассмотрим всего лишь два его стихотворения.

ТЕАТР БЕЗДЕЙСТВИЯ

Это стихи-эюд, в котором автор бросает пристальный взгляд на проблему экологии... Казалось бы, всё так просто... Нас, читателей, прозрачно подводят к финальным строчкам:

*«Что, скорей, привычно, а не дивно
В зоне этой радиоактивной»*

И здесь, да и во всей поэзии Александра, нет каких-то особенных поэтических спецэффектов. Он перешел черту молодости, когда мы пишем именно ради спецэффектов, компонентами для которых служат наши вулканические эмоции. В молодости мы зациклены на себе, а если мы не можем отойти от молодости, то и дальше мы зациклены на себе и продолжаем использовать спецэффекты ради того, чтобы лишь прокукарекать – вот я как умею! В молодости это еще позволительно... Но в зрелости?!

Александр понимал это. Очевидно, он прошел свой путь. Сейчас его стихи – это зрелая поэзия. Здесь, в его стихах, играет живая мысль, чувства лишь подкрепляют идею стихотворения. В этом стихотворении (ТЕАТР БЕЗДЕЙСТВИЯ) Александр, по сути, использует не локальную художественность (часто весьма эффектную, но бессмысленную), нет, здесь сама картина, нарисованная с помощью рифм и ритма, является образцом высокой художественности. Музыка этих стихов автор передает с помощью 5-стопного хоря и парных рифм, однако частое употребление пиррихий и фонетической переключки в женских рифмах выливается в необычную музыку этих драматических стихов. Здесь минорность поднимается на уровень реквиема, который звучит, как колокол. По ком звонит? По нашей цивилизации...

Эти стихи – великолепная работа, тонкая, изящная. Работа ювелира от поэзии!

Смотрите:

*«Ветру обусловленные, гордо,
Без хозяев, доек и отловов,
К чистым небесам задравши морды,
Бродят, двух... и даже трёхголовы»*

В этих строчках столько любви к природе, столько боли...

Это в принципе не передаваемо, а вот автор сумел и передал нам свои мысли и чувства...

*«Странным поголовьем отражая
Созреванье частых урожаев
На земле заброшенной, обильной
Сортностью зерна элитно-сильной.
А рога коров, как у оленей:
Лес рогов – антенна на антенне»*

А в этих строчках так всё удивительно тонко, прозрачно, горько, как будто сплетается паутина из слов, мыслей и чувств...

Поразительное мастерство!

Леонид
Кутырëв-
Трапезников

ПЕСЕНКА В РИТМЕ ВОЛНЫ

А вот стихотворение ПЕСЕНКА В РИТМЕ ВОЛНЫ – чистая лирика, но без надрыва, без африканских страстей, как говорится.

Профессионала в поэзии выдают мелочи – нюансы. Для любителя то, что написано Александром, всего лишь стихи. Однако это не просто стихи, это – поэзия!

Автор обладает богатейшей лексикой, что позволяет ему виртуозно находить рифмы и блестяще использовать жесткие рамки 3-стопного анапеста для создания весьма сложного поэтического произведения искусства.

Профессионалу свойственно языковое чутье (или приобретенное от рождения, или выработанное годами работы над словом).

Вот в первых же строчках это проявляется весьма отчетливо и ярко:

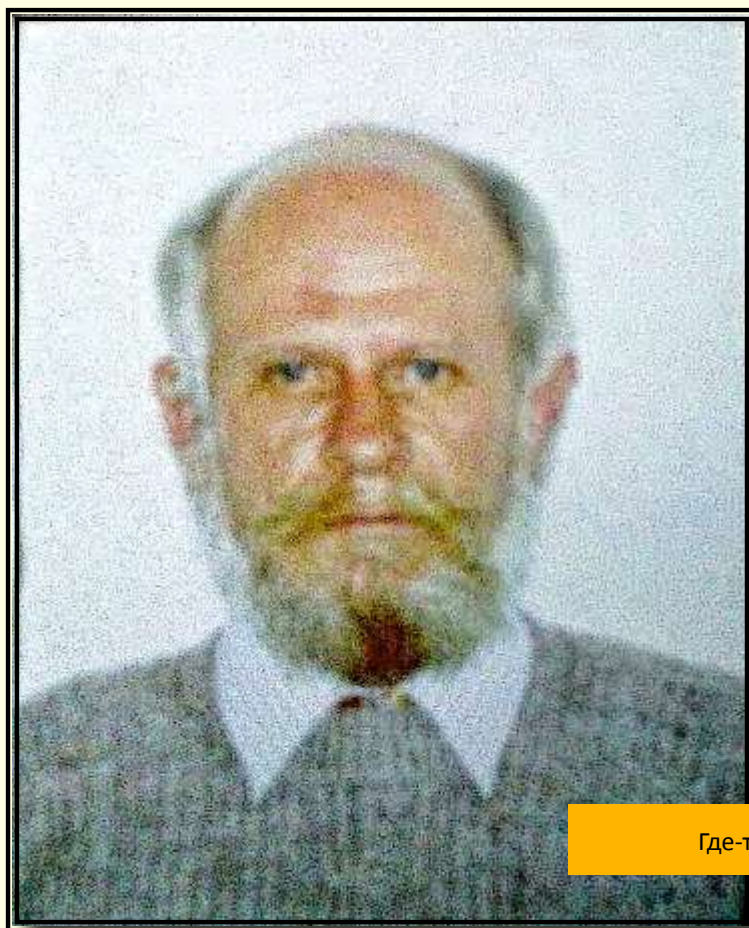
*«Свет осенний повсюду разлит.
Лишь стеснённое скалами море
Мелодичный мурлычет реликт
«До-ре-ми, фа-диез, ля-си-до-ре...»*

И здесь:

*«Музыкальным отдаться волнам
В море, словно в огромной солонке,
Что в объятья кидается нам
Белогривою синькой-зелёнкой,
Обуять необъятную даль»*

Во всем и везде – тончайшая работа над словом, но более всего – великолепное знание фонетики рифм (фоники) – одного из важнейших элементов техники стихосложения!

А какая филигранная игра словами! Где художественные приёмы пронзают каждую строку, где автор с нежностью, и печальной усмешкой перебирает слова, словно морскую гальку...

Где-то 58 лет

*«Нам и горько, и сладко от соли.
Бесконечно солёную роль
С нами вместе играет раздолье.
А... позволь объясниться в любви
На слиянии воли и моря,
Взять в ладони ладошки твои –
Две гранички твоих территорий»*

В последних – финальных аккордах, ибо здесь всё мелодия – автор соединяет всем известную мысль о бренности бытия со своим личным трагическим видением исхода...

*«Ах, неважно, что возраст – на осень.
И неважно, что жизнь не юна. –
Море тоже: печаль и открытость!
Только б черпать и черпать до дна
И до дна исчерпать, не насытись»*

По сути – перед нами лирический шедевр, где мысль поэта неотделима от его эмоций!

Если рассматривать поэзию Александра в целом, то надо сказать об одной из важнейших характеристик его творчества. Это обязательный признак для любого мастера поэзии! Многие пишущие стихи не знают об этом. Или даже зная, не могут постичь это. О чем речь? О поэтической (мировоззренческой, ассоциативно-художественной и стилистической) индивидуальности поэта. Если перед нами настоящий поэт, то его ни с кем не спутаешь. Он уникален! Вот разбуди меня ночью, прочитай мне стихи любого известного поэта – и я скажу, кто это. Так же и с Александром... Его стихи я не спутаю ни с кем. Его поэзия – это особый мир. Он узнаваем для меня. Правильно ли я понимаю его или нет – иной вопрос. Но его поэзию не перепутаешь с кем-либо. Его индивидуальность очевидна. И его мастерство не требует лишних доказательств!

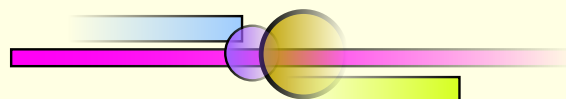
На прощание скажу, что Александр Лихолёт, на мой взгляд, – один из самых талантливых современных поэтов, с которыми я сталкивался на просторах как печатной, так и виртуальной (интернетовской) литературы.

PS

Саша звал меня на Донбасс в начале 2020 года. И я очень хотел приехать, но обстоятельства и здоровье не позволили это сделать. Общась с ним через Интернет, я понимал, что разговариваю с талантливейшим человеком.

К сожалению, через несколько месяцев его не стало...

Однажды мне показалось, что я понял главное в творчестве Александра Лихолёта – это философская поэзия или поэтическая философия.

Поэзия смыслов

РИТОРИКИ О СУДЬБЕ

*

Крепка и неизбежно-непреклонна,
Рвани её попробуй, уболтай!
Она тебя ведёт меж свор и стай,
Клыков, тебе навстречу воспалённо
Светящихся в кромешной темноте...

Послушен будь лишь ей одной на свете –
По ею предназначенной черте
Минувешь клеть за клетью, сеть за сетью,
Всю ловль подстерегающих чертей...

И в день, что будет всех иных черней,
Она спасёт предвзятостью своей,
Исхлестывая всемогущей плетью.

**

Чёрные годы,
Белые годы,
Годы-разряды,
Громоотводы,
Годы-болота,
Годы-озёра,
Годы печального в трауре взора,
Годы-ладони,
Годы-подошвы,
Шаркает память – охотник за прошлым.
Сыпятся годы...
Моргнуть не успеешь –
Блеск растеряешь
И потускнеешь.
Сплошь эпилоги уже,
Не анонсное,
Будто идут лишь одни високосные,
Будто вот-вот оборвётся тропа...

Благодарю тебя, детка-Судьба!

РИТОРИКИ О СМЕРТИ

*

У смерти длинная коса,
Ещё длинней язык:
Лизнёт – белеет полоса,
Чернеет рядом крик.
Но мир, живым однажды став,
Представ во всей красе,
Для языка её шершав,
Кремень её косе.
И убеждён не зря народ,
Толкуя про неё:
Смерть не всегда своё берёт,
Коль жизнь даёт своё.
И верь, не раз судьбою бит,

Ты – соль её и твердь.
И всё, что жизнь не защитит,
В живых возвысит смерть.

**

А смерти не хочу я никакой –
Ни глупой, ни осмысленной, ни этой,
Нелепо возвышаемой, порой,
Традициями нынешнего света.
Я слишком жив, чтоб запросто принять
Предел в существование человечьем,
Хотя и не страшусь осознать,
Что ныне мир, как никогда, не вечен.
Пусть вострубят, что близится гроза,
Что в ней земное может прекратиться...
Но я смотрю в раскрытые глаза,
А не в пустые чёрные глазницы!

Руководясь во всём со мною,
Во всём участвуя моём,
Она не там, не за стеною,
Она живёт во мне самом.

И если Жизни будет мало
Пространство это занимать,
Как Жизнь Смерть станет идеалом
Пространства новые снимать.

Стара для всех
И новизна такая,
Что не могу иначе о Тебе,
Таинственное Нечто представляя
В Твоём Ничто как в будущей судьбе.

Мудрейшие философы не в силе
Нутро Твоё открыть.
Или закрыть.
Им звёзды что-то, может, сообщили,
Но... перед тем, как в немоту зарыть...

Кто осветил Твои опочивальни?
Кто изумил сознание людей,
Что ни один из нас не гениальней
Обычной гениальности Твоей?

Но,
Больше не придя сюда оттуда,
Пусть мраком,
Пусть безличьем окружён,
Я,
Словно озорством,
Одной причудой –
Совсем не верить в Смерть –
Вооружён.

Александр
Лихолёт

РИТОРИКА ПО-ЖИТЕЙСКИ

Чем богаты кровь и плоть,
Проще сжечь, а не засеять,
И отрезанный ломоть
Проще бросить, а не клеить,
Проще выкрасть под шумок
То, что просто не даётся.
Проще грязное болотце,
Чем надорванный пупок.
Проще рвать, кромсать и резать
И, не брезгуя ничем,
Старым всем на зависть крезам
Новым вылезть...

Между тем,
Дар божественный – не все
И жлобам наоборот,
С ними не сосуществуя,
Параллельно жизнь идёт.
В размножениях Иуды
Отделённой лик Христа...

Жизнь, доверчивое чудо,
Как ты, всё же, неспроста!

РИТОРИКА О ВОПЛОЩЕНИИ СЛОВ

Из убедительности вящей,
Совсем не ради озорства
Из дали, взоры леденящей,
Пришли и в даль уйдут слова.
Мы рассуждаем о пришельцах,
Родивших нас, явивших нас...
Не потому ль так явна сердцу
Времён пространственная связь?
И было бы полдела это.

Но передалось нам Землём,
Как тело маленькой планеты
Нам стало почвой и стезём,
Как непонятно для иного
Не нашей почвы существа:
Её мироточивым Словом
Полны нам данные слова.
В них – стон камней и прозябанье
На камне первого гриба,
В них сократилось расстояние
До слова-символа «судьба».

Пусть не имеет веса слово,
Но лишь благодаря ему
Мы держим ключ к своим основам,
К любому шагу своему.
Оно – коробка передачи
И «чёрный ящик» перемен –
Всё подытожит и означает
В миру бесценностей и цен.
И повторяя в детях снова
Свой вихрь, свой кругооборот,
Слова судеб вольются в Слово,
Что общую Судьбу несёт.

РИТОРИКА «ДОБРОЖЕЛАТЕЛЮ»

«Мысль изреченная есть ложь».
Ф.И. Тютчев, «Silentium».

Велеречивый друг,
Ты не вели мне речно! –
Язык души извечно
Неизреченный круг.
Всё сразу понимать
Лишь ей одной пристало,
А просто Слова – мало
Понятие объять.
Ведь сам не знаю я:
Какой отдельной речью
Понятье это встречаю,
Впишу для бытия,
Найду ль скупую нить
Ответа у пространства,
Где Слово – лишь убранство.
Частичка лишь.
Финифть.

Мой друг, не повели:
О том писать ли, этом...
Наития поэтов
Не очень от земли.
Ты можешь постучать
Сюда.
И принят будешь.
Входи...
Но не забудь же –
Тут надо замолчать!

РИТОРИКА ОБ УТЕШЕНИИ

Оботри ему слёзы рукой.

Не платочком крахмальным -
рукою.

Человека покинул покой,
и не справиться с болью такою -

равновесие выбил удар,
и петлёю судьбина качнулась...

Обоудно рука твоя - дар,
если горя чужого коснулась.

РИТОРИКА О ПОЗДНЕМ РАСКАЯНИИ

Ну, и какого ляда –
Вспомнить бы, на черта
Выстрелил я когда-то
В крохотного дрозда?
Редко опали перья...

В переселенье душ
Я ведь тогда не верил,
Не сомневался – чушь.

Тут – никуда не деться
И не сдалось вдруг мне –
Но засверкало тельце
При светозарном дне,
Вспыхнуло и погасло...

Сделал назад я шаг –
Вслед из земли поганка
Вылезла на глазах.
Может, и не заметил
Раньше поганки той...

Кажется, всё ж: отметил
Кто-то поступок мой.
Твёрдо теперь я знаю
Что от себя укрыл:
В птицу тогда стреляя,
Птицу в себе убил –
Это моё сиянье
Птица собой свела,
Это поганкой-дрянью
Погань в меня вошла...

Не потому ли долго
Слёзам лилось тогда,
Не потому ли только
Пить – солона вода?

РИТОРИКА О МАРИНЕ

В изначальной обречённости стиха,
Перед небом и землёю неповинна,
Не брала Марина на душу греха,
Ни на чуть не налукавила Марина.

Изначальное, как точка в душе.
Лезет в душу мир, выискивая точку.
Там на самом-самом тайном рубеже
Слово-стих стоит защитной оболочкой...

Нарости-расти охранный панцирь тот,
Обмани себя хотя бы малой ложью, -
И глядишь, день тенью-петлей не качнёт,
И продлится целым днём, всех дней дороже...

В темноте, ещё не веря в темноту,
В тьму до имени от таинства зачатья,
Глубоко секут девизы по щиту,
Истончая панцирь счастья и проклятья, –

Гениальное маринино перо,
Благородством изблеставшееся слово...

Вот и конечно...

Как в мире всё старо
От чернот его до неба голубого.

РИТОРИКА О ПОДВИГЕ

Рублёв.
Андрей.
Творил и жил.
И прочим был в пример...
И образ - след его души,
Кой на доску он положил,
Явил мне старOVER.
И я представил вдруг, как лет
Шестьсот тому назад
Ему какой-нибудь Ахмет
Или родимый мироед
Мог запросто сломать хребет
И выколоть глаза,
И бросить свиньям труп его,
И думать запретить
Среди народа своего,
Чтобы Рублёва самого
Взять и похоронить...
Но повезло ему в тот час
И прожил он поднесь,
И душу, полную прикрас,
Как свет иной, идущий в нас,
Нам видеть дал, что - есть.

РИТОРИКА О РАСПЛАТЕ

Дело не в возрасте.
Взорван тщетой организм.
Катит к вершине свой траурный камень Сизиф.
Камень, конечно, сорвётся и скатится вниз...

Всё ли тут – миф?
Или нечто побольше, чем миф?

Силу и жизнь отдаёт мрачной глыбе герой.
Глыба энергию пьёт из сизифовых рук.
Камень до капельки выпьет и станет горой,
Встанет горой – воплощением сизифовых мук.
Будет герой отражением глыбы-судьбы,
Даст ему камень свой холод срединный и плоть
Длиться, и длиться, и длиться веками, дабы,
Ну, хоть чуть-чуть превозмочь судьбу поборо-
ть.
Так вот и стынет он многие тысячи зим
Как назиданье катяще-пытящим – Сизиф...

Знали б герои: возвысаясь, – а меньше камней,
Что увлекали попытками в горы катить...

Не победитель ты – жертва юдоли своей.
Нечем платить...
Разве только собой заплатить.

РИТОРИКА О ПРОПАЩЕМ

«Сколь ты Богу, столь бесконечно Бог и тебе».
Заповедь.

В разнообразной смене окаянств
Одно при неизменности и силе:
Нет на земле двух разных христианств!
Взлелеяло их властное дебилье...

Как некогда, дуря с заморских яств,
Язычники богов своих пропили,
Так и теперь безбожно подменили
Религию Христа на веру в пьянство,
В осознанный убой души своей...

И, как раскол церковей, распад славянства
День ото дня всё горше, всё острей.
И Запад руки борзо потирает,
И ждёт – вот-вот загнёмся мы – Восток.
И в лапах нуворишей прозябает,
Устав неимоверно, русский Бог!

РИТОРИКА О ЛЮБВИ

Любви понятное значенье
Не каждому доступно... Нет!
Как день перед зарёй вечерней
Незримо скрадывает свет,
Так неразумному в ответ
Земля нисходит до прощенья,
Не предавая зла отмщенью
И мудрый дарствуя завет:
Когда любимые – любимей,
Нет в мире выше из наград!..
Нет всех преград неодолимей,
Неотвратимей всех утрат,
Когда, хоть клятвой на крови,
А не вернуть своей любви!

РИТОРИКА О ДАРЕ НЕБЕСНОМ

Белый голубь талантлив был –
В небе родычей-птиц лепил,
И вот этого-то как раз
Зреть не зрел человеческий глаз...

Голубятник гонял его
Аж за тридцать одного,
И бывало, что сам один
Стаи дикие приводил:
Чуть зевнёт их вожак с лишок, –
Тут как тут наш: «Ужо, дружок,
Ты б водить ещё взялся мух...
Птица мира ведь... не петух».

Так и жил бы он до сих пор,
Белый голубь – янтарный взор,
Да наскучило... ещё как
Быть талантливым просто так,
Слыть работником, хоть куда,
Но привязанным навсегда.

И тогда посреди высот
Голубь вылепил вертолёт...
Ну, не вылепил пусть – явил
Странный контур, полёт без крыл,
Над макушкой – блестящий круг.
Ай, диковина! Чем не друг?
Но рычало то существо.
И обнял белый птах его...

Только пёрышки до зари
Клали в облако сизари,
Да пилот, заглушив мотор,
Винт на поле травой протёр.

РИТОРИКА О НЕИЗБЕЖНОСТИ

...И если мы, всё же, бессмертны,
Соседи по общей Земле:
Не мы ли – пространственный ветер
В бескрайности звёздных полей,
Не мы ли, лучами питаюсь, –
Огни от звезды до звезды,
То в точке какой-то слетаюсь,
То для между нами мосты?

Как вечные дети пространства
Бесчисленных жизней мечту
Разумным своим постоянством
Мы в мир принесём доброту,
И страх перед смертью, который
Унизил людей на века,
В таких растворится просторах,
Каких мы не знаем пока.

А здесь и не вспомнят Голгофы,
Чьё зло изгвоздило крыла...
Ведь нет ни одной катастрофы,
Что нас навсегда б развела.

ДОМОЙ

После той дороги длинной
Я гляжу во все глаза –
Над восточной Украиной
Голубые небеса!
Голубые-голубые
Небеса над головой...

Нет, не ждут меня родные
С возвращением домой.
Ведь родным я только снился
Долгий-долгий-долгий год,
Снился им, пока носился
По тайге среди болот...

Но дорога смотрит в спину.
Забываются леса...

Над восточной Украиной
Голубые небеса.

ВРЕМЯНКА

Дождём тошнило небеса,
Гром разъярён, как бык.
Ну, перестань на полчаса,
На толику, на миг.

Пять серых дней и пять ночей
Не ладится костёр,
И тянет полосы дождей
Гряда промокших гор.

Он знал, что это – не потоп
(Ещё потопу – с год),
Что неуютный Ноев гроб
За ним не приплывёт,
Что время – старый пилигрим,
Носитель вся-всего,
Несбыточного: лет и зим –
Потребует с него...

Брезент, пропитанный водой,
Бессовестно течёт.
Обедай влагой дождевой...

А с неба льёт и льёт.

9 мая 2015 года. Он очень любил этот праздник. Вместе с женой смотрели по телевизору парад на Красной площади. Александр знал все команды и порядок проведения.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Преклонный

Привычный сызмальства молиться
 Небесным обо всём своём -
 пришла пора вот-вот проститься
 со всем своим в себе самом.
 Отличное от биографий,
 раПортов всяческих, цидул,
 там - собственность иных парафий,
 иных тонов пространный гул.
 И, значит, - здесь успеть меняться,
 себя превозвращая вспять,
 до пренатальных инкарнаций
 своё всё выстроив опять.
 И это было б слишком сложно
 не то, что - сделать, а понять...
 Но не для Бога невозможно
 молящемуся благо дать.

Душа

Вслед за Блоком: среди всяких потех -
 что уж в доблестях, подвигах, славе,
 если с Низом сливается Верх, а всё Лево
 содержится в Праве,
 если женское стало мужским, а мужское
 созиждется в женском,
 и прозрело, что было слепым, по зако-
 нам по преображенным?

Где встречается всё это, внутрь устре-
 мившись волненьем объятий
 будь ты глуп или мудр, наг и сир или в
 краденой роскоши платья?
 Что носителем новой сверхсущности
 вдруг обозначится единоверцу:
 печень, лёгкие, черепа круг с мозговым
 содержимым ли, сердце? -

Нет! Они пронесли свои качества с че-
 стью, как надо, по Жизни,
 и не смогут вместить мешанин, хоть
 возьми и раздуй их, хоть выжми!

Случайный цвет

Ветка белая в чёрном саду,
 Будто перст ослепительный Божий!

Даже капелька если в цветку -
 Значит, беды на ад не похожи...

Устремленья старались унять,
 Вон мечты человечие выгнать...

И в зеркало не надо пенять,
 Что такой красоты не постигнуть!

СВЕЧА

Мы могилу деда позабыли.
 Ехать до могилы далеко.
 Деду в неукрашенной могиле,
 Видимо, живётся нелегко!

Ах, не потому ль, не потому ли
 Каждой годовщиной по весне
 Дедушка нестрашный и сутулый
 Появлялся в бабушкином сне?
 Ах, жила б она до ста беспечно,
 Не покинув дома своего,
 Где весной потрескивала свечка
 Перед фотографией его...

Где вчерашней молодости нашей,
 Нашей совершившей судьбе
 Дедушка сутулый и нестрашный
 Всё напоминает о себе.

Молчание о любимых

Пойдут весенние дожди,
 И станет влажно.
 И всё, что было позади,
 Уже не важно.
 Всё что случится через год,
 И через двадцать
 Мелькнёт, забудется, пройдёт...
 Куда деваться?

- Кому горит костёр в ночи?
 - Любимым нашим.
 - А где любимые?
 - Молчи! Не снятся даже.
 Считаю, нам крупно повезло:
 Не всем досуже
 Терять привычное тепло
 Для нашей стужи.
 Чем дольше путь, тем дальше дом,
 Короче встречи.
 Но пой о чём-нибудь другом,
 Так будет легче...

Играй гитара, расскажи,
 Как из-под пальцев
 Слетел аккорд длиною в жизнь.
 Куда деваться?

Мелькнёт аккорд длиною в жизнь
 Стрелой из лука...
 Пройдут весенние дожди.
 И станет сухо.

Предательство. Последний рубеж

Не ждать. Не будет ничего,
на что надеялись тут мы,
не вспрянет Русью торжество,
не отделится день от тьмы,
к нам не придёт на помощь брат,
который - вон, рукой подать,
и раскалённый автомат
не в силах трели излить...

Нам, кто сражались, как могли,
за святость уз, за имя «Русь»,
не предусмотрено могил...

Неважно: враг ли нас бомбил,
предатель ядом ли поил...
не похоронены...
что ж...

Пусть!

Лжив наглый хоровой апломб,
представившись как «Русский мир» -
кимвал бряцающий, кумир
слил край мой как потешный тир.

И вот под рёв авиабомб
убиты дети, мать, отец...

Что ж!

Я тебе напому, лжец,
кошмаром-виденьем во сне,
как ты предался Сатане,
как предал Путь внутри и вне
и стал нерусским, наконец.

Фрагменты

Это надо, наверное, очень взлюбить
вид разчавленных, только что бывших гармоний...

Стрекоза накрывает собой пол-ладони
потому, что ей нечего больше накрыть.
Дальше, в мареве фосфорных ядов –
половину лица (то ли нашего, то ли нацгада*)
можно лишь угадать по плывущему облачку смрада...

Не успели зарыть.

*«нацгад» — в просторечии: боец украинской Национальной гвардии, состоящей из самых ярых национал-фашистов.

Цикады

Презируя людские баловства,
Окупирав весь простор,
Непрерывный под сенью августа
Отвлечённо-вселенский хор.

Что ему в пароксизмах танковых,
В напряженье безумном жёрл -
Между ними царит бестактовый
Как божественный дирижёр.

Александр Лихолёт. Последняя фотография с любимой Жулечкой. 70 лет

Утрата. Владимир Сорочкин

14 ноября не стало поэта Владимира Сорочкина. Скоропостижный этот уход потряс всё литературное сообщество не только Брянска, но и России. Руководитель Брянского отделения СП России, большой поэт, блестящий переводчик, крупный общественный деятель, неутомимый труженик, просветитель, порядочнейший человек и достойнейший сын своего Отечества... Только в январе отметивший своё шестидесятилетие, Сорочкин так много ещё планировал успеть, в стольких проектах был задействован... Заменить его невозможно, и в душах его друзей и поклонников его творчества осталась навсегда незаживающая рана.

В Брянске уже планируется назвать именем Владимира Сорочкина одну из городских библиотек, которую писатель посещал ещё в детстве и юности.

Светлая память поэту.

Памяти Владимира Сорочкина

(21.01.1961 – 14.11.2021)

С этим потрясающим поэтом судьба свела меня в пору моей учёбы в московском Литературном институте. А особая задумка расписания сессий в этом уникальном вузе такова, что студентов в каждый новый семестр объединяют с каким-то новым курсом, чтобы за пять лет учёбы заочники познакомились как можно с большим количеством собратьев по перу из самых разных уголков нашей богатейшей на талантливую провинцию Родины. И задумка действительно себя оправдала: сколько благодаря этому завязывалось творческих дружб, возникало различных литературных тандемов, а то и новых семей!..

Володя тогда учился на Высших литературных курсах. Он и в то время уже держался с большим достоинством, как и подобает поэту, знающему себе цену. Зрелость, мастерство, глубина, философская «подкладка» любого, даже самого простого на первый взгляд его стихотворения поражали уже и в те годы. Всегда испытываешь особое чувство, сталкиваясь лицом к лицу с чем-то истинным, по-настоящему значительным. Не устаю восхищаться одарёнными людьми, ведь дар – это чудо, величайшее чудо, которое приходит, чтобы сделать нас, современников, чуть лучше и счастливее, а потомков – богаче и мудрее.

Афористичная точность и техническое совершенство строк, присущие всему творчеству Сорочкина, никого не могут оставить равнодушными. Все эти годы Владимир Сорочкин, председатель Брянского отделения Союза писателей России, так же блестяще работал со словом, как и прежде. Он был невероятным, непостижимым, всегда прекрасным! Не влюбиться, не сойти с ума было просто невозможно. Мужской магнетизм Сорочкина, пожалуй, был не менее сильный, чем волшебные чары его поэзии, которая всецело погружает в себя, обволакивает, забирает тебя со всеми потрохами. И он словно сбывался в каждом новом стихотворении и освещал собой путь для всех, кто идёт на свет, кому темно без поэзии и красоты, – он ведь и сам был таким же светлячком, ярким и трепетным, бесстрашным и беззащитным одновременно, о каком написал в своём одноимённом стихотворении. Удивительная Володина энергетика, умное обаяние и бешеная харизматичность неизбежно воздействовали на всех, кому посчастливилось с ним соприкоснуться. Впрочем, все эти качества в равной степени присущи и его поэзии.

Мы не теряли друг друга из виду все годы после Литературного института. Оба чувствовали и понимали: такие встречи не даются просто так, мы словно маяки друг для друга в недобром, сложном, нахмуренном мире. Он знал, как я ценю его творчество, как благоговейно к нему отношусь, и был высокого мнения о моих стихах. И не только о стихах – мы нравились друг другу и как личности, как непримиримые борцы с пошлостью и глупостью, как противовес всему

Валерия
Салтанова

1997 г., Москва

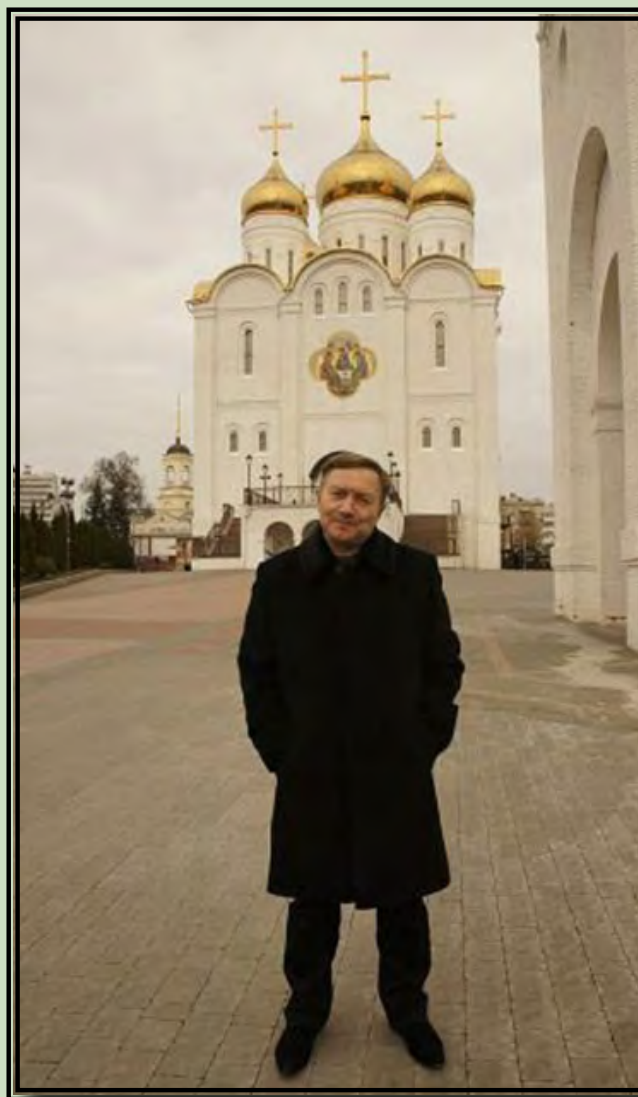
мутному, что сегодня наступает на русскую литературу. Он радовался моим песням на его стихи, с восхищением говорил, что они совершенно по-новому раскрывают поэтический текст даже ему самому, хотя он автор, что он стал иначе смотреть на свои стихи благодаря моей музыке. Мы обменивались своими новыми книгами...

Но самое главное: мы поддерживали друг друга и охраняли, оберегали от завистников и бесчисленных вражеских нападков. Когда в соцсетях поняли, что мы с Володей друзья, на нас со всех сторон посыпались всякого рода клеветы и сплетни. Мне про Володю писали всякие немыслимые гадости его злопыхатели («добропыхатели», как он шутливо их называл) – я в ответ его отстаивала, боролась, защищала его честь. Потом оказалось, что и ему пишут и говорят про меня нехорошие вещи, пытаются нас поссорить, провести между нами между, искали компромат и слабые места. Но не нашли. Володя так же яростно защищал меня, как и я его. И не давал в обиду. Мы чувствовали друг друга на расстоянии, и иногда и слов не нужно было, чтобы понимать, кто чем дышит. И ниточка доверия, что была протянута ещё в далёкие 90-е, не прерывалась никогда. Все его подаренные мне книги подписаны самыми тёплыми и добрыми словами. Это теперь – моё сокровище, моя лучшая память. Но где-то с месяц назад Володя неожиданно прислал мне письмо, в котором с несвойственной для него откровенностью признался в том, как он нежно ко мне относится. «Береги себя, Лерочка, – писал он, – ты у нас одна такая, ты чудо...» Как будто чувствовал, что должен успеть сказать что-то важное, что времени мало...

Последний раз мы виделись три года назад, перед самой пандемией, жарким летом 18-го. Он приезжал в Ростов, мы встретились, обменялись книгами, поговорили. Оба донельзя загруженные и впряжённые в работу, мы спешили по своим делам и, конечно, были уверены, что встретимся ещё не раз.

Но вот не пришлось. И не придётся уже...

Ещё в голове не уместается осознание потери, ещё не могу сказать «прощай». Но вспоминать Володю лучше всего его стихами – они многомерны, как космос, они могут ответить на все вопросы, они способны утешить, исцелить и спасти...

Тьмы не существует...

КАК БЫ

Прошлое пущено дружно на слом.
Жалко униженных предков.
Но – мы живые за щедрым столом,
Полным обедков.

Пылкой кометой, окрасив дворы,
Дыры на клёнах латая,
Осень уносится в тартарары,
Вся – золотая!

Только тебе я в дуэльной стрельбе,
Даже не ради прикола,
Мог бы сказать пару слов о себе
Без протокола.

Тщетно и глупо – канючить и ныть,
И прогибаться болезно.
Пробовал: можно тебе не звонить,
Но – бесполезно.

Мы проиграли. Никто не прощён.
В трубке немотствует зуммер...
Не оставляй меня, я ведь ещё
Как бы не умер.

АНГЕЛ

Пред собой я так близко увидел чело
Золотое, как свет, и благое,
И одно – точно солнце – горело крыло,
И синело, как небо, другое.

И ничто не смущало саднящий покой,
Лишь лучи расходились тугие.
Я спросил у него: «Почему ты такой?
Почему твои крылья такие?..»

Я тянулся к нему, словно пыль на стекло,
Можно было потрогать рукою
И одно, что горело как солнце, крыло,
И, подобное небу, другое.

Но исчез он, и меньше не стало огня,
Лишь рассыпалось ветром горячим:
«Я такой, чтобы ты не увидел меня
Меж землёю и солнцем парящим...»

*Владимир
Сорочкин*

НА МУТНОМ

I. Февраль

На озере зябко и волгло. Светает.
Невзрачен кустарник на том берегу.
Лёд крепок, но всё же вода проступает,
Сочась по пунктирам следов на снегу.

А небо взлетело уже, словно голубь,
Цепляя деревья белёсым крылом,
И нет рыбаков, лишь крещенская прорубь
Темнеет поодаль замёрзшим крестом.

...Здесь летом своё отраженье макали
В озёрную гладь облака и кусты,
И в звонкой воде поминутно мелькали
То спины, то пятки, то чьи-то хвосты.

А нынешний вид неуютен и жалок.
Февраль, не сдаваясь, отходит с трудом,
И как-то особенно жалко русалок,
Всю зиму проспавших на дне подо льдом.

II. Март

Разливом берега не притопило,
А только обморочило едва.
У кромки нет ни мусора, ни ила,
А лишь трава да палая листва.

Многообразен серебристо-чёрный
Оттенок в обездвиженной воде,
И тонкий лёд, как блин непропечённый,
Распластан по сырой сковороде.

Ещё таится озеро – для вида,
Не доверяя ряби и волне.
Под этой толщей даже Атлантида
Смогла бы упокоиться вполне.

А жизнь уже почувствовала шило
В известном месте, и без суеты
Пугливо верба ветви распушила,
Похожие на райские цветы.

III. Апрель

Вода безразлична, почти нежива:
Стальное стекло с разносортною рябью,
Но дружно трава – без единого шва! –
Укрыла пригорки над бледною явью.

Деревья и чёрный кустарник окрест –
Под стать лаконично начертанным рунам,
Толпятся, как зазеленевший оркестр,
Готовый ударить смычками по струнам.

Как мало покоя! Как много весны!
Залётная бабочка просит прощенья...
В её воскрешенье из мёртвых видны
Небесные силы в земном воплощенье.

Успеть бы! Успеть бы! Не до баловства
Дубам, одуванчикам, ивам, пырею.
И шепчут коренья, побеги, листва:
Быстрее, быстрее, быстрее, быстрее!..

СОЛНЦЕ ЗАПУТАЛОСЬ...

Солнце запуталось в сетке ветвей.
День закатился под шкаф.
Бабочка спит на подушке твоей,
Крылышки сна расплескав.

Плющ зацепился за створку окна,
Тени склонились к ручью...
Вряд ли ты сможешь остаться одна
В этом притихшем раю.

Чтобы услышать, как щёлкает дрозд
Песню свою без обид,
Ты поскорей возвращайся со звёзд,
С непостижимых орбит.

К дальним светилам, окутанным тьмой,
К безднам, горящим во мгле
Я бы и сам полетел за тобой,
Но – мне милей на земле.

Здесь ожидают тебя дотемна
Тропка с осколками луж,
Бабочка, свет в перекрестье окна,
Ветром колеблемый плющ.

* * *

Дни точно книгу пролистаешь –
Одно и то ж:
Не знаешь, где же потеряешь,
Где обретёшь...

Судьбы счастливая подкова
Блеснёт на миг.
Скажи: что есть во мне такого
И нет в других?..

Затянут чёрной пеленою
Остаток дня.
Что потеряешь ты со мною,
Забыв меня?..

Не хочет бешеное лето
Повременить,
И устаёшь искать ответы
И находить.

И ты за мною повторяешь
Святую ложь:
Со мной ты больше потеряешь,
Чем обретёшь...

СВЕТЛЯЧОК

Светлячок горит вдали от сплетен
Без особых мыслей в голове –
Он до неприличия заметен,
Под ногами путаясь в траве.

Всяк влюблённый – капельку придурок,
Так и он являет свой задор,
Словно непотушенный окурок
Или непогасший метеор.

Спят во мраке города и веси,
Но на перекрёстках всех годин
Тьмы не существует, даже если
В мире он останется один.

И моргает часто-часто-часто
Зоркий проблесковый маячок:
«Вот он я! – светящийся от счастья
Дурачок!»

От редакции

Большую подборку стихотворений Владимира Сорочкина
читайте в ближайших номерах альманаха.

Мой друг, ушедший в мир теней

Памяти Владимира Сорочкина

I. ПОТЕРЯ

Проснуться и понять: всё так же облака
Торжественно плывут в эфире полинялом,
Всё так же, как вчера, как впредь – наверняка! –
Укрыты небеса лоскутным одеялом.

И жиденкий рассвет ноябрьскою тесьмой
Окутывает мир, спеша дыханьем сбиться,
И так же зреет день в колосьях зги самой,
И радуги надежд не обещают сбиться...

Всё так же, как вчера, где прежде жить пришлось,
Где день на день похож, как клон овечки Долли,
Лишь каждый новый вздох иглой пронзён насквозь,
И вытащить иглу уже ни сил, ни воли...

Уйти от грёз пустых и в жиденкий рассвет
Проснуться и понять: тебя на свете нет...

II. КРЫЛАТОМУ ДРУГУ

Повсюду злой бедой объятый,
Мир за окном встаёт.
Предчувствовал ли ты, крылатый,
Последний свой полёт?

А может, вовсе не последний,
И дальше – новый бой?
И тело брэнное – посредник
Меж Богом и судьбой?

Пусть отблеск светлого былого
Прильнёт к истоку дня...
Взойдут твои судьба и слово,
Спасая и храня.

III. ДЕВЯТЬ ДНЕЙ

Кому поведать о беде?
Она везде, и не в узде,
Она пролазит в души,
Сбивает спесь и душит.

Не знаю, в дней поповаши льды,
Как выбираться из беды.
В проспектах многотомья
Слов не найду о том я.

Мой друг, ушедший в мир теней
Тому назад уж девять дней, –
Теперь лишь след зарницы,
Что слепит сквозь ресницы.

И ни к чему ватсап и скайп,
Хештеги не спасут и хайп,
И теги, и реклама...
Бьёт боль под дых упрямо.

К тому, кто перебрался в рай,
Ни в вебер, ни через вай-фай
Теперь не дозвониться...
Лишь ждать, когда приснится.

Дал знак бы, что ли... Так нельзя,
Не поступают так друзья!
Лежит смартфон, недужен.
На чёрта он мне нужен...

18 – 22 ноября 2021

Валерия
Салтанова

Горюн русской поэзии

Андрей Власов (1952-2008)

Осенью 2007 г. в одной из городских газет, кажется, то был «Стерх – Великие Луки», – я случайно наткнулась на большую подборку очень хороших стихов незнакомого мне местного автора, Андрея Власова. Вот одно из них, из цикла «Бомж»:

БОМЖ

*Я по вашим предметам ни взуб ногой,
далеко не недоросль, но простак.
Вы в курсах — что, зачем, почему и как.
Я устал угрызаться тем, что другой.
С колокольни вашей всегда видней
общий план и расклад, кто во что горазд.
Вы оплот и надёжа, а я — балласт.
Мы по разные стороны трудодней.
Вы в системе, в обойме и на плаву,
я — на дне и при мне мой грошовый фарт.
Для кого Диоген, для кого Декарт,
для кого-то свежак, для кого б.у.,
у кого жильё, у кого нора.
всё своё протабанив с»забудь», «заспи?
я на выгоне мыкаюсь, вы — на цепи,
как цепные псы своего добра.*

2006 г.

Озадаченная и непонимающая, как можно не заметить такого поэта в нашем небольшом городе, где вся литературная братия на виду, в волнении размахивая газетой, я носилась по школе, донимая коллег единственным вопросом: откуда он взялся?

Вскоре выяснилось, что Андрей Александрович Влáсов – сын одной из лучших в городе преподавательниц литературы, и любовь к поэзии передалась ему по наследству.

Учился поэт в Ленинградском педагогическом институте, но не закончил его. С группой студентов он покинул институт вслед за уволенными по идеологическим соображениям лучшими преподавателями ВУЗа. В знак солидарности с ними.

Отслужив в армии, А.А. вернулся в родной город. Много лет он трудится на Локомотиво-вагоноремонтном заводе простым рабочим, не стремясь к продвижению по заводской карьерной лестнице, чтобы не участвовать в притеснении рабочих.

Узнала я и о том, что А.А. 55 лет и что именно он составлял и редактировал последний выпуск литературного альманаха местных авторов, самый удачный по подбору стихов. В нем не было привычного литературного хлама и многочисленных поэтических ляпов, которыми не один год кормились наши учительские капустники.

...Вскоре мне раздобыли номер его домашнего телефона.

Повод для звонка нашелся: я собиралась предложить новому редактору альманаха стихи своего ученика.

...С очередным назойливым графоманом поэт не был расположен к разговору – трубка сердито крякнула: «Прием работ для альманаха закончен!». Мне же очень хотелось пообщаться с небожителем, – а к «небожителям» я отношу всех хороших поэтов, – и сказать ему самые теплые слова благодарности за сильные, мужественные, самобытные стихи. Испугавшись, что поэт бросит трубку, без паузы, от отчаяния, я обрушила на голову автора лекцию о «Некоторых особенностях его творческого почерка». С упором на редкую музыкальность стихов.

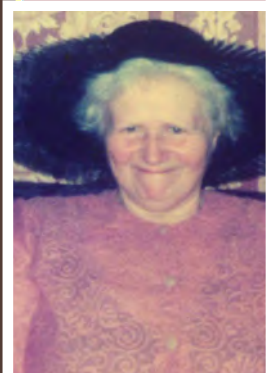
Завязался жаркий спор.

Я настаивала: «Ваши стихи удивительно музыкальны!»

Автор сопротивлялся: «Ни в коем случае!»

Я заводилась все больше, поэт стал терять запал: «Иногда. Отчасти. Чуть чуть...»

Когда же я протестующе крякнула, скопировав его интонацию в начале нашего разговора: «Музыкальны! Всегда и везде!» – произошло чудо: голос поэта смягчился, потеплел, и я услышала о

Лариса
Калинина

самозабвенной любви к шансону, о том, что свои стихи он не только читает, но и поет! Незамысловатые мелодии придумывает сам и сам же их напевает.

...Затем я звенящим от радости голосом, захлебываясь, читала ему стихи ученика и ликовала, услышав твердое: «Беру! Где вы живете? Я сейчас же выезжаю к вам!»

Через полчаса я открываю входную дверь и мы оба, пораженные увиденным, надолго застываем у порога. Передо мною – герой его же стихотворного цикла «Бомж»: невероятно худой, с усталым, изможденным лицом. В потертой синей болоньевой курточке, натруженные мозолистые руки наполовину задвинуты в карманы.

Мне больно смотреть на него!

...Он ошарашен не меньше. Вместо молодой особы, обладательницы звонкого голоса, перед ним возвышалась крупногабаритная тетка постбальзаковского возраста с фирменным теплым шарфом на шее из старых шерстяных рейтуз с начесом, причем одна из штанин с шиком переброшена через плечо.

Дома был тарарам и я, вручив поэту тетрадь со стихами, потащила его на холод во двор, где мы устроились на лавочке под березкой.

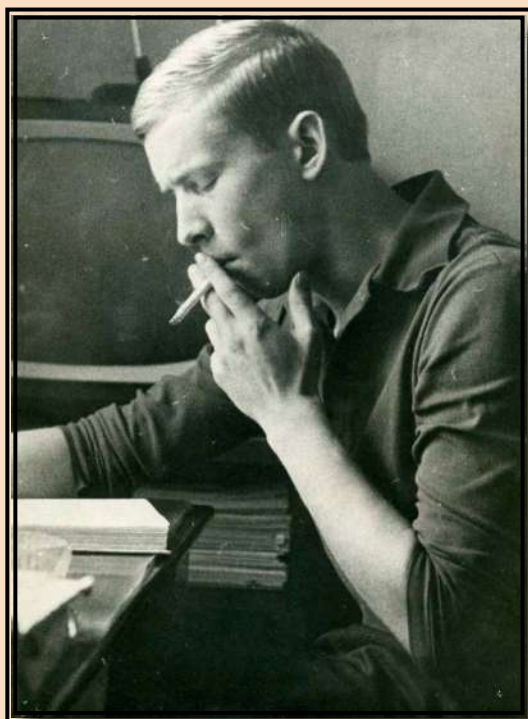
Андрей Александрович привез обе книжицы со стихами, изданными на собственные деньги, и почитал вслух одну их них. Жалел, что единственный экземпляр аудиокассеты с собранием авторских «стихо-песен» затерялся у кого-то из ленинградских друзей, к которым он раньше ездил читать стихи на квартирниках и кухнях.

*Родимых примет хоровод.
Балтийского неба дыханье.
И это во мне не пройдет.
И это не станет стихами.
Я жизнь за них заплачу
и вряд ли останусь внакладе,
но я не могу, не хочу
силком приучать их к тетради.
Пусть будут они наяву,
всегда, а не как просветленье,
Затем, что я ими живу,
а вспомнить о них - преступленье.*

1982 г.

В одной из следующих встреч я услышала в исполнении автора простую и сердечную мелодию к стихотворению «Осенняя песенка»:

*Из смятых снов, из пустоты,
из лет, где больше не живу,
всплывают арки и мосты
не наяву и наяву.
Как будто прежняя юдоль
моих примерок и смотрин
меня проводит вдаль и вдоль
огней реклам, огней витрин.
Вразброд звучит питейный мир.
О ключ бренчит последний грош.
До самых крыш — огни квартир,
куда не зван, куда не вхож.
А крыш поверх — иной огонь,
иной масштаб, иная суть,
и Ты берешь мою ладонь
и предрекаешь трудный путь.
Пусть будет так. Ты трижды прав:
за что изводят — в том и плюс,
и, в очертаньях потеряв,
я от лица не отступлюсь.
И, принимая ТВОЙ урок,
ТВОЙ знак, ТВОЮ благую весть,
я понимаю: Ты есть БОГ
и слава БОГУ, что Ты есть.
Под жёлтый свет спешит таксист,
а осень, крадучись едва,
уносит жизни жёлтый лист
на острова, за острова.
Видать пара, уже пора
в разряд травы, в разряд волны
не для «увы», не для «ура»,
не на «ура», не на «увы».
Да будет так, да будет впрок
что прожил здесь и нажил здесь,
и, если Ты и вправду БОГ,
то слава БОГУ, что Ты есть.*

Говорил он и о том, как долго искал себе помощника и единомышленника среди музыкантов, но так и не нашел.

С этого времени в моей жизни начался запойный «власовский» период. Творческое наследие поэта невелико по объему, но разнообразно и значительно по своему содержанию.

Особенно понравилась мне его дальнобойная сатира и раздумчивые стихи «за жизнь». В разящей сатире рядового бойца русского поэтического фронта, всегда обращенной к конкретным лицам, глаза в глаза, он был предельно смел и честен. Не боялся он в стихах обнажать и свою душу. Со всеми ее больками и заморочками.

В безграничной, родной для русского человека искренности и открытости бьется, живет, дышит и действует вечный двигатель настоящего искусства – неудержимое стремление к «Правде, как бы она не была солоня» (М. Мусоргский).

Этот глубинный посыл, этот нерв придает стихам А. Власова силу и энергию внутреннего движения, динамичность, определяет их ритм и идущую от сердца мелодику. Освещает и освящает их:

*Когда твоей крестной муки срывают кран
и гонят тебя, как зверя, на твой распыл,
Пилат умывает руки: «Ты выбрал сам», –
как будто на деле верит, что выбор был.
А был тебе голос тайный, что выбор – грех
и что не дано иного. Пусть мир оглох,
есть только предначертанье и боль за всех,
покуда ты верен Слову и Слово – Бог.*

*Сон отлетел, шепнув : «Забудь. Молчи» –
но человек забыть его не мог.*

*Он поднялся и, выйдя за порог,
захлопнул дверь и выбросил ключи,
чинарик, паспорт, отроческий лес,
чужие окна, разовую мзду
любви. Он распознал свою звезду,
но то была звезда других небес.
и он гляделся в ночь, в её провал,
где звёзды точит чёрная вода,
и он просил у Господа суда.*

Но в этот час Господь

Не принимал.

1999 г.

Через некоторое время поэт позвонил мне сам, чтобы сказать, что удивлен стихами моего воспитанника: если он в 14 лет пишет так хорошо, то что же ждать от него в дальнейшем?

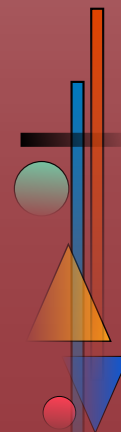
В ответ я обрушила на А.А. свои вирши про кота Мурыча, надеясь, что он возьмет их в альманах, но они его не тронули.

Кроме того, я передала А.А. приглашение от двух школьных кафедр нашего 11 лица – кафедры эстетического воспитания (где я вела детскую творческую группу «Мурыч и его друзья»), и кафедры русского языка и литературы – выступить с творческим вечером в рамках школьного клуба «Светочи России». Не избалованный вниманием поэт сразу же согласился. На 2-е учебное полугодие план уже был составлен, и мы решили провести встречу осенью 2008 г. В то время А.А. уже был серьезно болен, и ушел с работы на пенсию по инвалидности. В дальнейшем несколько раз по его приглашению мы встречались с ним у него дома.

В гости к поэту я ходила не одна, а с пишущей стихи молодой работницей собора – Леной Бедняковой. Поэт жил вместе с матерью, красавицей-женой Верой и сыном-шахматистом. Дочка перебралась в Питер и училась в художественном училище.

Собеседником А.А. был блистательным, хотя ему трудно было говорить из-за прогрессирующей болезни. Дышал он со свистом, тяжело, голос периодически срывался и исчезал.

Но и мы, и он сам, забывали о нездоровье. Искрометный, очень ироничный, всегда неожиданный, поэт старался проникнуть в суть происходящих событий и высветить глубинные связи и параллели. Почти каждую мысль подтверждал поэтическими цитатами. Без усталости, всегда к месту, читал наизусть множество стихов русских и советских поэтов. С восхищением и восторгом, любуясь находками и красотой, он заражал нас своей горячей любовью к поэзии. Его размышления остались в памяти как блестящие психологические эссе о жизни, пропущенной через призму настоящей поэзии.

На этих посиделках он часто читал стихи школьного учителя из поселка под Псковом – Геннадия Кононова. Его поэзию А.А. считал гениальной. О своем творчестве он не говорил, только если спрашивали. Тонко и глубоко поэт чувствовал родную природу, но привычной пейзажной лирики в его стихах нет. Я как-то спросила об этом. В ответ услышала: «Лучше русских классиков не скажешь!» И он сразу же начал читать по памяти слабым, сиплым от болезни голосом, но проникновенно и пронзительно, – лучше многих артистов – стихи о природе, написанные русскими мастерами 19 и 20 веков. Потом он подвел меня к окну. За окном громоздились унылые коробки пятиэтажек. Я возмутилась, почему в большом промышленном районе нет зелени даже во дворах!

А.А. подождал, когда я угомонюсь, и посмотрел вверх. На любимое НЕБО:

*«...А крыш поверх – иной огонь,
иной масштаб, иная суть»...*

Природа родной земли всегда была с ним. Он воспринимал ее, как «Божий сад», и слышал самое главное: ее молитву, ее тайный, различимый только сердцем, разговор с Богом. И в этой молитве он сливался с ней «В бесконечном и добром родстве».

Когда я высказала свои соображения о том, что соборная молитва растительного мира начинается в августе, он решительно запротестовал: «Природа молится всегда!».

На фоне живого и трепетного отношения к поэзии, к миру Божьему, страшным диссонансом звучали постоянные мысли А.А. о смерти. Ее он ждал, ее он звал! Его томили телесные рамки, болезнь и не принимающая его действительность, он рвался в Небесный Иерусалим.

Говорил, что сказал все, что мог, и просит Бога поскорее забрать его. Именно поэтому поэт категорически отказывался лечиться. К несчастью, интуиция не подвела его. Во время первого же мощного курса лечения он умер. Неожиданно для всех. В июне, в день своего 56-летия.

Но творческий вечер поэта, вышвырнутого, как и все лучшие русские творцы, из души народа ширпотребом новой постперестроечной капиталистической «культуры», состоялся!

Через полгода после смерти поэта. В клубе «Светочи России» нашего лица.

А чуть позже, в рамках представительного фестиваля авторской песни прошел поэтический конкурс памяти А. Власова.

«...Поэзия для меня не сумма навыков, не игра, не сочинения на тему – все свои сочинения на тему я оставил в школе, не ли-те-ра-ту-ра, а Поступок и Путь, которому я должен соответствовать. Это мой воздух, мое мужество, мой Крест, и я их ни на что не променяю».

А. Власов

П. Горбунову

*Пропусти меня, ночь, пропусти – ну хоть раз – не мишенью,
не шарахаться шорохов, только с порога – чужак,
пропусти меня в август услышать смятенье и шелест,
запрокинувшись к звёздам, как если бы к звёздам сбежав.*

*Пропусти меня в Спас, в ворожащие кроны и крыши,
в Божий сад, в спелый свод, на который не хватит молитв,
пропусти меня в мир, где негаданно делятся и дышат
позабывшие в этой далёкие жизни мои.*

*Пробавляясь грошовым, к столетним стволам прислонясь,
бредил вслух, торопя, как калиткою хлопнет – «Тесней!»*

*Пропусти меня в август, на муку, на крест, на Солярис,
где минувшее – плоть, пусть не так, не на столько, но с ней.*

*Пропусти меня в август, где звёзды и кроны полощут,
как в щемяще других, где такие же бродят в бреду,
перебором листвы – осторожным, всплепую, на ощупь,
точно яблони шарят в чужом и чернейшем саду.*

*Я хочу, чтобы память была, как касанье, – не снится,
а как август, как в август, – руками нашарить в листве.*

*Пропусти меня с ним шаг ступить и немисливо слиться,
как тогда, как тогда – в бесконечном и добром родстве.*

Все пройдет и проходит, а Ты проходить не спеши,
коли наша звезда отвернулась от нас и ослепла:
на краю милосердия, на скудных
последках души –
все равно устоим и опять возродимся из пепла.
Революции, смуты, бесстыдь, крохоборство «реформ»,
прямизна послесловий и витиеватость прелюдий,
все сведется к тому, чтобы мы добывали прокорм
для себя и своих оголтелых кормильцев и судей.
И опять, путешествуя из ниоткуда в нигде,
в чередке коренастых дождей и лубочных картинок,
на сквозь зубы нацеженных сотках, в подушной узде,
ковыряя запущенный, затравяненный суглинок,
обживаем свой угол, врастаем в сермяжный уклад,
забываясь на ноте простой и суровой.
И пыльное небо вбирает рассеянный взгляд
стороны робинзонов, где все по нулям и по новой.

1993 г.

Посошок
«И душа моя выпросит
неба кусок,
побираясь в развалинах
сна»
Геннадий Кононов

Не умея иметь, мы умеем терять,
обкорнавши цифирью тире.
Что ж теперь группу крови твоей примерять,
забываясь в родном словаре
на чужом общаке, где никто не воскрес,
распознав за незримой стеной
то, что плачем и причетом низких небес
отдавалось кости теменной,
то, что тайно нашёптывал некто никому
в криминалом чреватой глуши,
Баскервильскими фарами поздних авто
Раздевая потёмки души
и развалины сна?
Финиш танцев навзрыд,
сумасбродств и вершин на вершок
Не страшит: я и сам прежде времени сыт
и согласен испить посошок
За тебя, за себя, за спасительный кров,
за ответ на увечный вопрос
Станционных смотрителей утлых углов
В листопаде утраченных грёз.

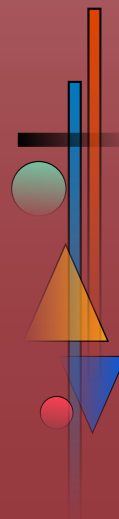
Марионетка

Это ведёт незримо, и эта власть
необходимее мудрости мудрых книг.
То, что её помимо, – не в кайф, не в масть
и не смертельно – даже пусть в кость и в стык.
Ибо немного значат мыльные пузыри,
кущи кофейной гущи, подсчёт ку-ку.
Коли язык утрачен – не говори
или смени партнёра по языку.
То, что серьёзно, ещё не совсем всерьёз,
так что пустым отчаяньем не грехи,
а препиранья с миром себе под нос – больше привычка,
нежели крик души,
больше натура. Коль не сменить кровей,
не суетись, не шустри воровским трудом:
ты под своим числом, под звездой своей
определён единожды и введом.

Далеко-далеко – на волне, на луче, на мольбе –
в распрявленном и нерукотворном, в природе природы,
только там, где уже ни тебя, ни подобных тебе
соглядатаев и копиистов, увечного сброда
распрядителей тем, что неведомо, вчуже, вовне
оскопленных трехмерностью узких
зрачков и привычек,
только там, в стороне, далеко-далеко в стороне,
для которой по счастью не найдено слов и отмычек.
Что ты можешь? присвоить название? навесить ярлык?
даже кроны и гребни не стоят подобных америк,
ибо выше и шире дареных систем корневых,
как деревья растут и волна выбегает на берег.
Далеко-далеко... Ты напрасно глаза проглядел:
при своем багаже ты заложник немислимой встречи,
ибо свет беспределен, а всякое слово – предел,
ибо ткань истончается и выпадает из речи.

1997 г.

Чтобы пройти, как должно, свой путь земной,
это куда существеннее, чем тропа.
Не оборви верёвочку за спиной –
привод любого сюжета, поступка, па.
Чувствуешь, жертва слезу, такой-сякой,
впору качать права да крушить бока,
но обрываешь фразу, махнув рукой,
будто бы по приказу издалика.
Воды сомкнутся, прощально блеснёт блесна...
– Выдернет, вытянет, чтоб отыграть на квит
смятым обрывком впервые цветного сна
неба закатного малахит.
Чтобы ни выпало – аут, расход, распыл, –
выдернет, вытянет из лабуды любой
Тот, Кто тебя задумал и сотворил
по своему подобию, но не собой.

Основоположнику «рифмики», умеющему слушать песню вселенной, приводить в движение облака, орошать землю градом и прочая, прочая, прочая...

Увы, мне грустно на себя смотреть
и сознать свои несовершенства,
и маяться, но я не в состояньи
ушами шевелить, чтоб слушать песню
Вселенной, не умею приводить
в движенье облака, и даже землю
способен орошать отнюдь не градом,
а жалкой струйкой.
В общем, буду гадом,
торжественно божусь, что не гожусь
в гиганты духа и в гиганты мысли,
и в прочие гиганты полове.

А ты - гигант.
И я тобой горжусь.
Еще бы - ты сумел переместить
Понтийский берег в отчии пределы
(От Дятлинки до пивзавода, скажем),
без устали плодя ветвистый понт,
витеватый понт,
кудрявый понт,
картонный понт,
у, словом, много понту,
ну просто очень - очень много понту
в цветном прикиде фабрики «Рот фронт».

Мне грустно. Я не демон и не ангел,
я не поэт (с большой иль малой буквы),
Не некто, не божественный сексот
- куда мне! - до высот таких высот -
с невольную усмешкою при полном
Отсутствии - полета ли? порханья ль?
Я - падаль жизни, то есть - жизнь сама,
и, стало быть, мне на фиг этот график
и на фиг это горе от ума
поодаль и унылая пора
ничем не обоснованных претензий,
никак не отработанных авансов,
Нахрапа на «авось» да на «ура».

Заметная грушницкая осанка,
заветная районная надежда
на то, что с Музой всяк и Бог, и царь.
Ан нет - сопротивляется засранка,
не раздвигает ноги - вот невежа!
Кобенится безжалостная тварь!
И что же в результате? - друг Аркадий,
как в забытьи, то ботаает по фене,
то, спохватившись, станет выражаться
Да так... красиво, так высокопарно,
что задрожит в палате номер 6
и слабый лоб тихонько перекрестит,
И тихо забормочешь: «Чур меня!»
Так трудно жить при плавном переходе
марксизма в православие, при плавном
вхождении в рынок, при неугасимой предвы-
борной борьбе, при повсеместном
Поле чудес и селенга, так трудно
Посуду сдать, что в пору бить о стену
кирпичного комка, а тут еще
шумят леса сплошной ли - те - ра - ту - ры,
воздушных кораблей с великой целью
мозги нам пудрить или брать на понт.
И хочется сказать: «Ну, наигрался? -
И будет, и достаточно, и хватит,
спустись на землю, лапти зашнуруй,
рубаху засучи аж до коленок
и напиши хоть что - то - из души,
а не из пальца, что - то без жеманства
и фокусов, и мелкого притворства,
без позы и потуги.»
Впрочем, ты
себя из кичи вынимать не хочешь
и, кажется, вполне собой доволен.
...А я все очерняю, очерняю,
так очернил, что «Ариэлю» с «Тайдом»
не отстирать, такого мраку
понагонял, что впору привлекать,
Да вот статьи пока не подыскали...

1995 г.

Давняя тайная блажь – на ходу, на бегу,
будто обвал посреди старосветского вздора.
Это не я говорю – разве я так смогу?
разве рискну? разве выпрямлюсь до разговора?
Это не я. Это явлено издалека.
Это неявных щедрот вызревающий колос.
Я лишь орудье Господнее: горло, рука –
нечто извне превратившее в почерк и голос.

1995 г.

Жизнь возвратится, будто бумеранг

Андрей Власов (1952-2008)

Неотправленное письмо Павлу

(из цикла стихов «Отчие звезды над чужой степью»)

Пропусти меня, ночь, пропусти – ну хоть раз – не мишенью,
не шарахаться шорохов, только с порога – чужак,
пропусти меня в август услышать смятенье и шелест,
запрокинувшись к звездам, как если бы – к звездам сбежав.
Пропусти меня в Спас, в ворожащие кроны и крыши,
в Божий сад, в спелый свод, на который не хватит молитв,
пропусти меня в мир, где нежданно длятся и дышат
позабывшие в этой далекие жизни мои.
Пробавляясь грошовым, к столетним стволам прислоняясь,
бредил вслух, торопя, как калиткою хлопнет – «Тесней!»
Пропусти меня в август, на муку, на крест, на Солярис,
где минувшее – плоть, пусть не так, не на столько, но с ней.
Пропусти меня в август, где звезды и кроны полощут,
как в щемяще других, где такие же бродят в бреду,
перебором листвы – осторожным, вслепую, на ощупь,
точно яблони шарят в чужом и чернейшем саду.
Я хочу, чтобы память была, как касанье, – не сниться,
а как август, как в август – руками нашарить в листе.
Пропусти меня с ним шаг ступить и немислимо слиться,
как тогда, как тогда – в бесконечном и добром родстве.

1974 г.

Андрей
Власов

И я твержу: «Все кончено, все вздор», –
как зубы заговаривают детям.
Но нет конца у боли и любви: не будет
ни второй любви, ни третьей.
Нет памяти. Все это продолженье
единственного выбора с рожденья
до смерти, до рожденья, до земли.
Все кончится?.. Не кончится ничто:
ни март, ни сквозняки, ни узнаванье
всех незнакомых городов и лиц,
всех сутолок, невнятиц и нелепиц.
– Кто в очереди крайний?! Я за вами.
Мы принимаем то, что подают
в довесок к обольстительным тирадам,
торжественно, как праздничный салют
и наволочки нашим ветеранам.
Но нас на крохах вряд ли провели.
Нам надо повторять и повторяться.
Ведь жизнь – как объяснение в любви,
где ищут слов, а жаждают интонаций.
Чья очередь? Чьи первые шаги и детский лепет?
первые поступки? и самый-самый первый поцелуй,
где фонари слезятся, мелкий дождь,
и ветер треплет за уши листву,

как сыновей подвыпивший папаша?
и первые отъезды налегке?
– ведь юность начинается с дороги,
как города с вокзалов (пусть всегда
ведут дороги к разочарованью.
Что нам с того? И это не беда).
– Кто в очереди крайний? Я за вами.
В замедленном движении стихов,
как в болтовне на школьной перемене,
забрежит пусть неявный, но исход:
просвет, прогал и благодать примиренья.
И... что еще? Туман. Переполох.
И схлынут боль и лица очевидцев.
Я просто не узнаю эпилог
(вернее – он опять не состоится).
Ведь память – это форма бытия,
в которой мы порой со смертью квиты.
Мы будем там, где наши сыновья,
стихи и исторические плиты*.
(* «И время непрерывно, слитно».)

1981 г.

Обыкновенная история

- Итак, ты родился...
- ...в 52-ом, а через год скончался наш Харон, а через три нам приоткрыли сложность, а позже убоялись сквозняка, но где-то в подсознании щенка, быть может, отложились та возможность.
- Потом был первый класс, где, мил и мал, ты азбукам и истинам внимал...
- ...сдирая краску с дерева познания нечаянно обломанным пером, склоняя – о добре, добру, добром... и это отложилось в подсознание. Ау, туманной юности заря, где нас честили часто и зазря, где здраво стригли под одну гребенку, где есть вопросы, да сомнений нет: любой вопрос взамен влечет ответ – единственный (но рвется там, где тонко).
- Тебе открылось вскоре, что столпы морали где циничны, где глупы, и то, что слово с делом не ужилося; ты на скамье Онегина сидел, Тригорский ветерок в тебе зудел...
- И это в подсознание отложилось.
- Ты рос как все – под музыку битлов, под «Естэдэй» и «Олл ай нид из лов», чье действие предвзяла «Марсельеза».
- Спасибо вам, старинные «хиты», вы были и прекрасны, и чисты, не значась в списках нашего ликбеза. Рок на костях, эстрада для стихов, сначала Галич, а потом Высоцкий... И все дразнило наших индюков, и все страшило, как шабаш бесовский.
- Ты жаждал говорить, ты предвкушал, выдумывал, выгадывал, решал, чем ошарашить страждущих сограждан, тянулся к правде, бьющей наповал, с «Попыткой "Эбби роуд"» колдовал, и рифмовал, и рвал...
- Какая лажа! – всё лажа: Ленинград и институт, где странные создания цветут, воображая путь в литературу...
- ...но не было пути: был миф и блеф, и дама пик покрыла даму треф, и строчки, и мечты, и рок-культуру.
- Тогда и ты на них поставил крест...
- ...спеша к Железноводской, 26, смакуя независимость ухода, Шекспира своего ломая всласть, рискуя не свихнуться, так пропасть (что, впрочем, было тоже в духе моды).
- Ах, этот перебор и перехлест, чужая степь под знаком отчих звезд да облака по родственные души! Как будто бы идешь на дно со дна, и все неотвратимей глубина, а слово воспаленнее и глуше; как будто век свободы не видать, и все, что за забором, – благодать! Прозреешь – глядь: крапленая колода, и за забором тоже свой устав, и глухота в присутственных местах, и не найти ни выхода, ни входа...
- А, впрочем, хватит сих перипетий, поскольку – сколько их ни накрути – есть старт и финиш, остальное – прочерк...
- ...провалы нам намеренных пустот, где не было пути, но был исход, обузданный, как дикция и почерк, как наши золотые времена, где щедро раздавали ордена, дурели от подобию и пародий, шумел камыш компаний и идей, и все боролись за права людей (как правило, в соседнем огороде). Покуда исчезала колбаса, а диссиденты ели адреса (увы, чужая хохма пригодилась), повсюду резонерствовали всласть и крали всё, что были в силах красть, и только водка не переводилась. И засосала злая колея, где право на жилье, но без жилья, где всяк свободен оставаться рыжим, где блага добываются в обход, свобода слова пыжится и врет, ну, а свобода совести – бесстыжим...
- И ты, как все, всё это замечал лишь про себя, а вслух...
- ...молчал, чтоб не прослыть врагом или уродом...
- Ты в спячку впал...
- ...как впало большинство, в чем очевидно кровное родство и смысл единения с народом...
- Очнувшись где-то к 35-ти, поймешь, что сам себя изжил задаром...
- ...и не начать по новой, не уйти в ночные сторожа или в кочегары, как требовал негласный этикет конца семидесятых главных лет; уже вполне накатанной тропой не вознестись над брэнной толпой, на гордой ниве самоотречения переменяя творческий запой – нетворческим, до умопомрачения.
- «Ау!» – зовут друзья издали, а рядом, на дистанции плевка, – пейзаж (чем безмятежнее, тем горше): старинный город, крепость над рекой да заводской гудок за упокой несбыточной мечты о чем-то большем.
- Ты кончился. Напрасный протокол своих стихов запрячь подальше в стол: Господня воля – воля обстоятельств, и на судью отыщется судья, а у тебя работа, и семья, и вечный воз долгов и обязательств.

1988 г.

Господи, боже мой, как это все надоело! –
ни разойтись, ни смириться с морокой
извечной.

Жизнь возвращается, будто из кассы
размена:
в сумме все то же, да только монета
помельче.

Глупая сила привычки, сила инстинкта
тянет к теплу, к – может быть, невозможному –
дому.

Жизнь возвращается песней со старой
пластинки –
песня все та же, да только звучит
по-другому.

Дым коромыслом в том доме и дым
забубенный
где-то вне дома, где ты свои горечи
лечишь.

Жизнь возвращается, словно из кассы
размена:
сумма все та же, да только монетой
помельче.

Жизнь возвращается утром сквозь пыльные
шторы –
как бы открытием читанной прежде страницы,
все повторяется и не имеет повтора,
все повторяется на «не могу повториться».

Так и живешь, и стареешь, корпя
над рефреном,
гнусным, как время, которое нас
подытожит.

Жизнь возвращается, будто из кассы
размена.

Все повторяется и – повториться
не может.

1982 г.

Провинция

В этом городе житель толков –
город требует жил и сноровки,
город холит и кормит волков
на талоны и командировки.

В этом городе сумерки злы
и повсюду, как крестик нательный,
дым коптилен, цехов и котельных,
аромат ярославской «Стрелы».

– Дым отечества... Сладостный дым
утиля, прошлогоднего «Спорта»;
прозябания между цветным
пылесосом и креслом, протертым
в подлокотниках. Дым панорам,
чьи пространства все глуше и глаже.
Телефонная будка. Шалман.
– Снесены: ни общенья, ни блажи.
Только утлый приплюснутый двор,
тюль на окнах да штиль законный,
и гнетет, как гнетет разговор
с повстречавшимся старым знакомым,
предсказуемость стежки прямой
с «от» и «до», будто в школьной загвоздке.
Жизнь врастает в проект типовой
на дурмане, крови и известке.

В этом городе слухи шуршат
(как всегда запоздалые, впрочем).
В этом городе воздух шершав,
словно замша листьев вдоль обочин.

В этом городе славят кирзу,
возле храмов возводят шараги,
и плывут аммиак и мазут
по дороге из греков в варяги.

Здесь не знают, крепка ли броня,
а тем паче – вокал лебединый.
Дым отечества. Дым без огня.
Чад и смрад. Но не дымом единым.

1989 г.

Транзит

1. Впору спеть про себя «Что так жадно глядишь на дорогу».
Почему в стороне? Успокойся. Утешься. Утишься.
Что поделаться, дружок, ты со временем вечно не в ногу:
забежишь – усмехнешься, отстанешь – и не удивишься.
«Что так жадно глядишь?..» Поспешай по ухабы и кочки,
попирай на ходу разоренные веси и выси.
– Не пускает душа, что враждебна твоей одиночке:
а бессмертье ее от тебя уже вряд ли зависит.
Разворот этой мысли не стоит труда, и не модно,
и не нужно, и страшно – по старой, должно быть, привычке.
«Что так жадно глядишь... в стороне...» Знать, душа не свободна,
и дорога из песни чужой, и – закрыты кавычки.

1989 г.

2. Все, как надо: воскресная рань
и состав, набирающий ход
в незнакомую тьмутаракань
для знакомых казенных хлопот.

И опять, сколь обширен Союз –
столь тебя подгоняет взащей
ненавистный до одури груз
подотчетных бумаг и грошей.

Джентльменский набор, ерунда
мимоезжих купе и кают,
толкотня в типовых городах, –
типовой беспредел, бесприют,

типовых перебранок ушат –
все, как надо, и все не впервой,
и мелеет и глохнет душа
на дорожке своей типовой.

Указующий росчерк пера
по теченью ведет, по веслу.
Ничего не попишешь – пора:
прирастай к своему ремеслу.

1990 г.

3. Привычное лихо,
и тянется поезд, и тянет
дурацкая прыть
от стыка до стыка,
и ночь нарезает ломтями,
забыв посолить.

И давишься пресной черняшкой
ненужных пристанищ,
натужного бега,
и дышишь сермяжкой,
и в землю врастаешь,
а надо бы – в небо.
Нет неба – дорога,
как нищий обмылок
звезды прокаженной,
а надо бы – в ногу,
в затылок
за Джимом и Джоном.
– Хоромы полны,
и не вырваться из круговерти,

и вновь в стороне
лимонная долька луны
да звездная перхоть
за сонным окном
на темном сукне...

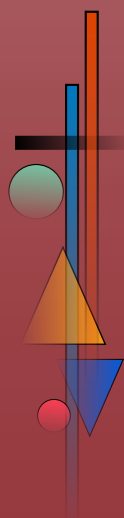
1991 г.

4. Спи, душа моя, крепче спи,
спи, как спит городок в степи
на казенном пути моем.
Ты со мной не ходи в наем.
Спи, душа, не пугай виной,
и вина пройдет стороной,
далеко, как вода Днестра
у оставленного костра.
Спи во мне и меня забудь.
Пусть колеса кромсают путь,
стык за стыком, за тактом такт,
повторяя: «Все так, все так» ...
Спи, душа, не души, не тронь,
спи, спеша за Ишим и Томь,
со святыми за упокой
в сон глухой – как в тоннель глухой,
где ни зла, ни добра, ни драк –
ничего.

И да будет мрак!
Мрак спасенье тебе сулит.
Спит душа, но во сне скулит.

1987 г.

5. Нынче тянет во хлам, как когда-то – на подвиги.
Отслужив лабуде,
хорошо – красной рожей светить себе под ноги,
не споткнувшись нигде.
Хорошо, коли сыщется стежка окольная,
чтобы лечь и не встать,
чтоб тебя ни одна сволота протокольная
не сумела достать,
чтобы больше ни встречного, ни поперечного,
ни непрошенных глаз...
Без того до краев – реализма увечного,
без того – под завяз.
Вот и хватит, и по боку, пусть окаянное времечко
пролетает, пыля,

и опять кувыркается и задыхается Веничка
в Петушках у Кремля,
и напрасное небо, напрасно дарившее,
порастает быльем
в стороне от столицы с ее нуворишами
и ее шакальем.

1994 г.

б. Может быть, хватит спешить наугад, наудачу
и выбирать, что само тебе в руки дается?

Дело не в том, что тебя обнесли при раздаче,
перезимуешь – на чай и постель остается.

Дело не в том...

Но до дури, до рвоты, до жженья
втянут в жестокое русло, в кровавость, в кромешность.
Может быть, больше обрыдла поспешность движенья,
чем обреченность его и его безутешность.

Маяться в узком кругу оскверненного слуха
от беспредела вопроса к пределу ответа –
это по-русски, да только за вычетом духа
в русском краю не имеет значенья и это.

1991 г.

Все пройдет и проходит, а Ты проходить не спеши,
коли наша звезда отвернулась от нас и ослепла:
на краю милосердия, на скудных последках души –
все равно устоим и опять возродимся из пепла.

Революции, смуты, бесстыдь, крохоборство «реформ»,
прямязна послесловий и витиеватость прелюдий,
все сведется к тому, чтобы мы добывали прокорм
для себя и своих оголтелых кормильцев и судей.

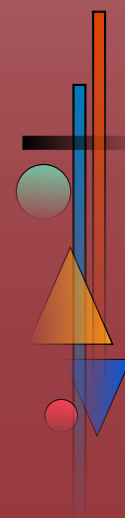
И опять, путешествуя из ниоткуда в нигде,
в череде коренастых дождей и лубочных картинок,
на сквозь зубы нацеженных сотках, в подушной узде,
ковыряя запущенный, затравенелый суглинок,
обживаем свой угол, врастаем в сермяжный уклад,
забываясь на ноте простой и суровой.

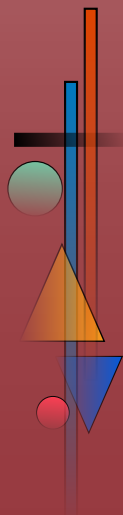
И пытливые небо вбирает рассеянный взгляд
стороны робинзонов, где все по нулям и по новой.

1993 г.

Свободы под завязку. Благодарь.
Зачем нам часовая мастерская,
когда часы не подлежат ремонту
и остается только наблюдать,
как слабая пружинка потихоньку,
едва заметно глазу, отпускает
однажды заведенный механизм,
и время замедляется и медлит,
и топчется у тоненькой черты,
где ни желаний, ни самообмана,
ни самобичеваний – ни хрена
в натуре? – Золотые времена.
Так просто одиночество нести,
когда перебираешь, словно четки,
что было или не было, и знаешь –
ни то и ни другое не придет.
Так просто одиночество нести,
когда тебя никто не перебьет
хитро
или убого,
не спросит сигареты или спички,
иль проще –
как добраться до метро,
до Бога
или к черту на кулички.
Я не отвечаю: что? почему? – я пас,
я и от этих вывертов свободен.
Мне все равно, который час сейчас
и кто за кем приходит и проходит.
Не тянет ни язвить, ни сокрушаться
по поводу сомнительных свершений,
не тянет раствориться в злобе дня.
(Пусть злоба дня моложе злобы века,
но оттого не выглядят добрей
паноптикум и комната для смеха,
где окон нет и стены без дверей.)
Уж лучше одиночество нести
на шее, как удавку или галстук,
в воронках гулких проходных дворов,
где могут и пришить за будь здоров,
но до сих пор никто не догадался.
И не берут меня ни жизнь, ни смерть
у тоненькой черты, где гаснут числа,
и хочется отвлечься от всего,
что наполняет жизнь «высоким смыслом»,
не возвышая, впрочем, ничего.

1984 г.

Штурм

Обгоревшая техника брошена.
Снег. Солярка. Кровавый накрап.
Полной мерой народу накрошено
за бездарный державный нахрап.

За вчерашнюю честь и достоинство,
под всегдашние пряник и кнут
гонят в бой подневольное воинство,
где своими рискнуть не рискнут.

И не ведают матери – живы ли? –
в Петербурге, во Пскове, в Клину,
только сводки правительства лживые
усыпляют большую страну.

И ложатся навек пехотинцами
новобранцы неназванных рот...
С новым годом, ребята! с гостинцами
от говенных казенных щедрот!

02.01.1995 г.

Вопрос

Сумрачный тип, мизантроп,
сколок вчерашних повес,
баловень, путаник, сноб,
приготовишка небес,

пьяная рвань, арлекин,
влёт озаренный строкой,
если я создан таким,
я Тебе нужен такой.

Значит, Ты дважды судья,
ибо прижизненный ад –
чтоб сохранить для Тебя
необходимый расклад.

Что же – я Твой и приму
все, что намерено впрок,
но объясни, почему
необъясним Твой урок.

1996 г.

И всяк при своем (не своем), и все вместе похожи.
Короче – смердит.
Не боги горшки обжигают? – я помню, и все же, и все же:
немножко от Господа – не навредит.

И это не горние выси, не дальние дали,
не явочный дух –
нет, это всего лишь такие простые детали,
как совесть и слух.

1995 г.

Зона

Здесь давно и не зря признают радиацию,
платят смертный тариф.
Здесь дано проходить тебе дезактивацию –
на разлив
и на вынос. Ну чем не бальзам, не отдушина –
не в шелку, не в долгу
пропадать оглашенно или оглоушенно
на другом берегу.

Размывая сознание дозой заштатною,
сея сквозь решето,
как в ужасниках высмотреть зомби с мутантами
и еще черт те что.

И пугаться, и шарить, что прежде потеряно,
и теряться в глуши,
и нелепо скорбеть о распаде материи
на распаде души.

И припадоочно рвать, что казалось залатано,
а выходит, что нет.
И дробить, и дробиться на части, на атомы,
ускользать в полубред,

чтоб наутро гадать – а не сват ли, не зёма ли –
привередливый хрыч?
... Вот уже подписали бумажки казенные –
подвязали кирпич.

Ну и ладно. И ладушки. Попили. Побыли.
Впечатлений – вагон.
И из зоны Чернобыля – в зону Чернобыля.
И Чернобыль – кругом.

1995 г.

При хожденье в печать, что ни ходка – прикол и сюжет:
отсылаешь стихи, обнадеженный словом приватным,
чтоб, два года спустя, получить... публикацию? – нет! –
адресок-извещенье о некоем конкурсе (платном)

в виде новой наживки, крючочка, мол, на тебе – жри,
графоман стоеросовый, лох от сохи да телеги,
или – ноги в охапку и рысью – по членам жюри,
подучась хитроумным подходцам из книжки Карнеги.

Отравись полной ме-е-рой на кухнях приме-е-рных ме-е-ню
(что кому предпочтительней), но, становясь на котурны,
пой и веруй, как будто не нюхал семь пятниц на дню
и не в курсе убоя из практики литературной,

этих лунных ландшафтов на почве берез да осин,
трескотни о духовности там, где духовности – клизма.
Не гнушайся, подвой со слезой про спасенье Руси
в строевом православье взамен строевого марксизма.

Впрочем, юмор увечен. На низкой и вязкой струне
довод битого разума прочего дальше и дольше.
Коли в храме торгуют, пройди от него в стороне,
как босота, и помня, что Господа во поле больше.

А сердчишко заходится, стонет... – Уймись, идиот!
Ты ж на пятом десятке, забудь эти читки и верстки:
изведешься впустую, пока до тебя не дойдет,
что опять – шулера, и опять – обыграли в наперстки.

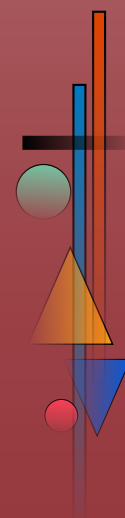
Нет уж – дудки! не надо, довольно, достаточно, из
этой ли-те-ра-ту-ры, где жухнешь, как рыба на суше,
в никуда и ничто, но от этих блатных экспертиз
и постыдных потуг достучаться в их мертвые души!

Доверяясь заветам других: путеводных светил,
не проси, не ловчи, не сфальшивь ни на гран, ни на волос.
Ты не гож в конкурсанты. Ты жизнью за все заплатил
и в кромешном отчаянье выстрадал СОБСТВЕННЫЙ голос.

1997 г.

Ночь проходит? – надеюсь, проходит, надеюсь, скорей,
чем проходит мой век и глухая вражда с этим веком.
Я очнусь на ходу под рассеянный свет фонарей
на Фонтанке, Обводном или где-то, где не с кем и некем
заслониться от чувства, что век мой меня доконал
и уже не отпустит, не даст ни глотка кислорода.
Светофор. Переход – через улицу, через канал.
Воровская приглядка в чернильную, вязкую воду.
Пересвист упырей, собирающих с города дань.
И накаты охоты, которая пуще неволи.
И обширный вневременный мир. И Господняя длань
над бездомной душой на игле петропавловской боли.
Ночь, конечно, проходит, но прежде доводит до слез
и заводит в тупик, и вбивает в бетонную стену,
может, только за то, что еще школяром, но всерьез
из предложенных трех выбрал третью
– СВОБОДНУЮ ТЕМУ.

1995 г.

4 июня 1972 года

Прощальный вбирающий взгляд, словно сальдо и сальто,
сквозь карту казенного дома, крапленую карту,
сквозь залитый солнцем Литейный в удуше асфальта,
сквозь шашечный гребень такси в ожидании старта,
сквозь марево города, сквозь подмалевок, сквозь задник,
с которым уходит полжизни, и вымолить нечем...

А мы шебуршим, допивая вчерашний двадцатник,
и что-то не в тему невнятно щебечем, лепечем.

Остатки портвейна, останки засохшего хлеба,
несыгранных «пулек», нескитанной сути и плоти,
а с явных небес оседает неявное небо
надсадом «Вайлд лайф» из распахнутых окон напротив.

И это за нас, а вернее – за нами, как вызов
в нездешнюю область, о коей ни справки, ни сноски,
в нездешнюю область, в которую выезд безвизов.
Куда же нам – от или для предстоящих сюрпризов?..
«Российские вина» открылись. Айда на Московский,

где мимо строений помпезных, строений шикарных
торопится в сторону Пулково черная «Волга»
у нас на глазах, но вне нашего зренья, вне кадра...
Нас тоже коснется. Достанет. Осталось недолго.

Что будет, то будет, а будет по схеме «совейской»:
кто сгинет бесследно, кто сдуру подсядет на время,
кто к питерской Пряжке прибьется, кто пряжкой армейской,
короче – всем братьям по серьгам, кувалдою в темя.

... Похмелье эпохи. Похмелье последнего лета
необщих словес и застолий под общею крышей,
где мы под запретом, еще не хлебнувши запрета,
и бремя запрета – как благословение свыше.

Кухаркины дети в отчизне бессрочного срока,
мы тянемся вслед за несбыточным царственным раем
и все кувыркаемся, маемся с боку припека,
и сами с собою жестокие игры играем.

И эти игра и бравада от края на волос,
за коим одно размыванье гуртом и гурьбою,
чтобы воплотиться в от боли надтреснутый голос,
чтобы обстоятельства времени сделать судьбою.

1996 г.

Давняя тайная блажь – на ходу, на бегу,
будто обвал посреди старосветского вздора.
Это не я говорю – разве я так смогу?
разве рискну? разве выпрямлюсь до разговора?

Это не я. Это явлено издалека.
Это неявных щедрот вызревающий колос.
Я лишь орудье Господнее: горло, рука –
нечто извне превратившее в почерк и голос.

1995 г.

Далеко-далеко – на волне, на луче, на мольбе –
в распрямленном и нерукотворном, в природе природы,
только там, где уже ни тебя, ни подобных тебе
соглядатаев и копиистов, увечног сброда
распорядителей тем, что неведомо, вчуже, вовне
оскопленных трехмерностью узких зрачков и привычек,
только там, в стороне, далеко-далеко в стороне,
для которой, по счастью, не найдено слов и отмычек.

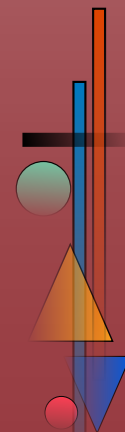
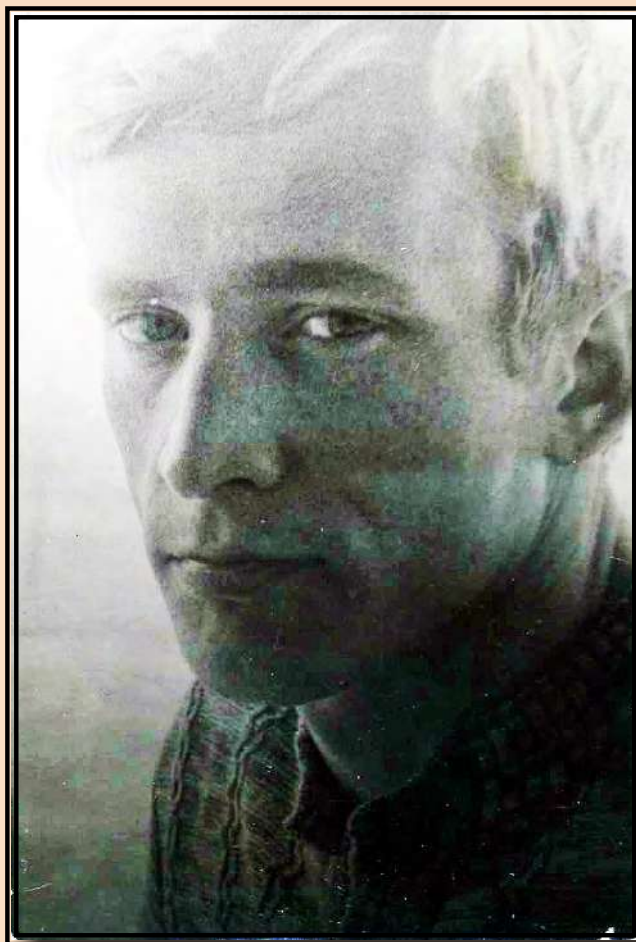
Что ты можешь? присвоить название? навесить ярлык?
даже кроны и гребни не стоят подобных америк,
ибо выше и шире дареных систем корневых,
как деревья растут и волна выбегает на берег.

Далеко-далеко... Ты напрасно глаза проглядел:
при твоём багаже ты заложник немислимой встречи,
ибо свет беспределен, а всякое слово – предел,
ибо ткань истончается и выпадает из речи.

1997 г.

Ветер ли попутный прижимист,
вяжет ли чухонская мгла,
жизнь сложилась так, как сложилась
песня и как карта легла.
Вот и выбирай себе сушу
ото всех и вся в стороне,
чудом уцелевшую душу
грей на нелюдимом огне.
Вот и выдыхай через силу
издревле безадресный вздор
времени и месту не в жилу
племени и роду в укор.
И, не дожидаясь отбоя,
попросту засни и забудь,
как твоя звезда над тобою
спит, не освещая твой путь.

2002 г.

КНИГИ

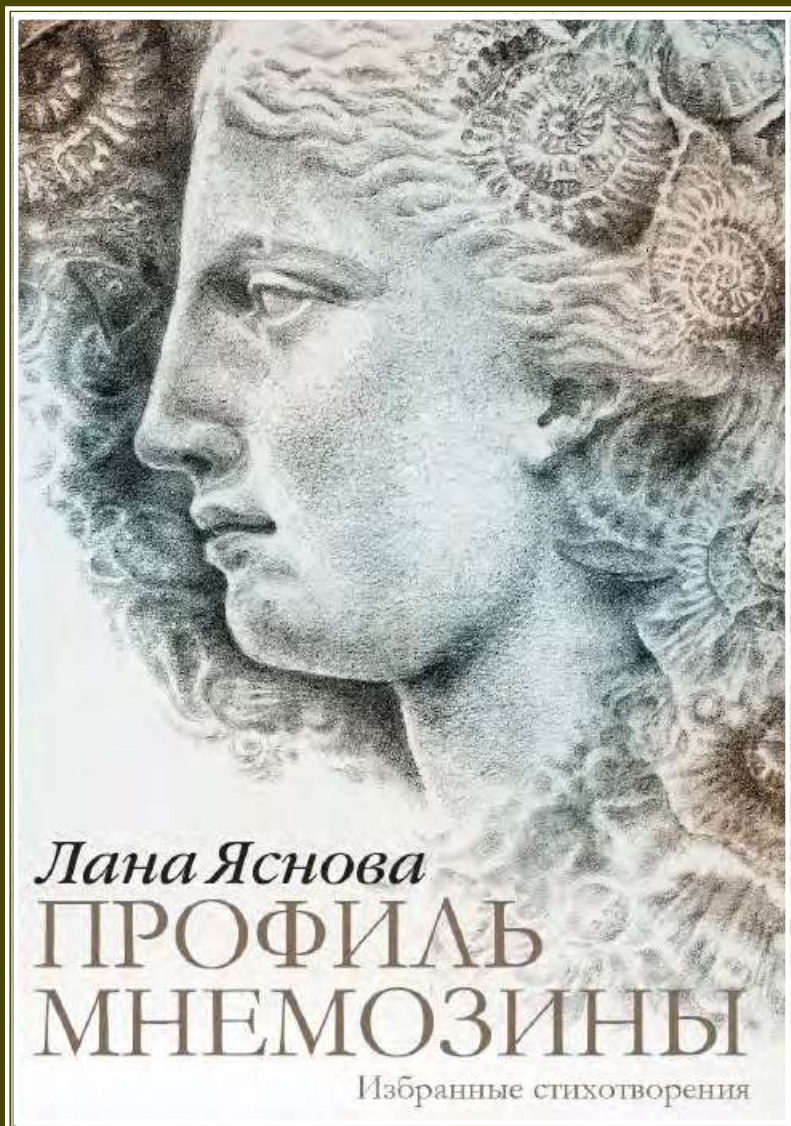

Иван Аргунов (1729—1802)
Портрет императрицы Елизаветы Петровны

*Изящное искусство
словесности*

Профиль Мнемозины

Лана Яснова

**Профиль Мнемозины: Избранные стихотворения.
Белгород: ИД «БелГУ НИУ «Белгу», 2021. 320 с.**

И только музыка гудит во всю шмелиную октаву...

Многогранный блеск ума и яркая смелость высказываний, а главное, самобытность и независимость дара – вот что сразу выходит на первый план, когда читаешь стихи Ланы Ясновой. Слова Баратынского про лица необщее выражение – это как раз о ней, одной из лучших представительниц современной женской поэзии. И мне очень хочется поделиться с читателями своими впечатлениями о её творчестве, радостью своих открытий и обретений.

Лана Яснова родилась в городе Ефремове Тульской области, затем жила в Москве, после – училась в Сыктывкарском и Санкт-Петербургском госуниверситетах, а в настоящее время живёт и работает в Белгороде. Лана – филолог-русист, доктор филологических наук, профессор НИУ «БелГУ». И, надо сказать, этот глубокий и всесторонний, практически научный подход к слову, выверенность формы, отточенная скрупулёзность всех построений и одновременно полная свобода в поиске метафор преобладают в её поэзии – тот случай, когда профессия и призвание в человеке образуют единое целое, что, собственно, и называется, наверное, характером и судьбой. Поэзия Ясновой – высокая неоготика, безудержный, фантастический полёт при абсолютно безупречной графике. В лучших её стихах так и видится мне воплощённый в реальность, оживший чертёж эпохи Возрождения – какой-нибудь гениальный набросок Леонардо да Винчи или Донато Браманте, неожиданно материализовавшийся в поэтическую субстанцию. Каждое стихотворение этого автора – сложное и в то же время изящное архитектурное сооружение, где мысль преобразуется в слово столь непредсказуемо и оригинально, что не всегда удаётся раскусить таинство технических приёмов – то самое загадочное «как это сделано?», ловишь себя на том, что не способен заглянуть на авторскую кухню, угадать причинно-следственные связи образных сцепок – а это уже высший пилотаж мастерства!

Вообще Лане Ясновой присуща почти мужская манера письма – полотно стиха плотное, слог густой, ничего лишнего, никаких уменьшительных суффиксов, никаких не органичных для текста эмоций: ни грамма воды. Однако при такой твёрдой ювелирной выверенности – полная пластичность речи, стройная слаженность всех её компонентов, безукоризненная звукопись, – а это всегда свидетельство абсолютного поэтического слуха автора. Как несомненная прерогатива мужского склада ума – и редкостная, стремительная парадоксальность ясновских поэтических ходов, заставляющих читателя с неослабевающим вниманием следить за действием. А ещё – необъяснимая, неуловимая, та самая божественная иррациональность, что присуща только большой поэзии.

И хотя несомненно влияние Бродского и Цветаевой на тональность и лепку ясновских стихов – однако эти глыбы не подмяли под себя её поэтику, а напротив, высвободили в ней сугубо самобытные нотки, вылепили её экзистенциальное естество, дали хорошую прочную базу для развития собственного, неподражаемого поэтического голоса. Очень показательно в этом отношении стихотворение «Пророк», в котором ещё и очевидна перекличка с одноимённым пушкинским стихотворением. Можно, пожалуй, назвать его программным – настолько выпукло даётся здесь авторское видение предназначения и самоидентификации поэта:

*Слова увековечат имя,
но слово – только перифразис
души –
зашкафный космос, фазис:
в твоём листе – твоя пустыня
и твой отшельничий оазис.*

Горечь и высокая мука творчества, боль и острота, потаённая его, сокрытая ото всех суть – ещё в одном блестящем стихотворении поэта «Полёт шмеля»:

*Валерия
Салтанова*

*И только
музыка гудит
во всю
шмелиную
октаву...*

*А правда с ложью так близка,
как будто правда – обманула,
и горек мёд, и сладок яд,
когда рванёшься бестолково
на этот праздный аромат
едва угаданного слова –
безумный выкrest, неофит,
покорный новому уставу.
И только музыка гудит
во всю шмелиную октаву.*

Стоит ли говорить о лексическом богатстве, благодаря которому Лане Ясновой подчиняются, кажется, любые словоформы и конструкции! Здесь тоже, кстати, эрудиция и образование идут на пользу дару, делая стихи Ясновой продуктом не праздного чтения, но источником духовной пищи высшего порядка и поводом для серьёзной работы души и ума.

Да, читать такую поэзию непросто – это не дорожное чтиво и не легковесные «пирожки-пирошки», не требующие умственной мускулатуры. Для восприятия поэзии такого уровня необходимо, конечно, иметь нечто за душой – а именно многоярусный опыт чтения: от простого к сложному, определённый кругозор и, безусловно, нерядовое образное мышление, без которого не только писать – но и читать стихи не стоит и начинать. Впрочем, уверена, что для истинных ценителей русского поэтического слова стихи Ланы Ясновой – настоящий праздник духа и подлинное наслаждение. Это поэзия для гурманов в самом лучшем смысле – и тем не менее каждый может попытаться её продегустировать (а по мне – так и причаститься!) и найти что-то на свой вкус и запрос.

И я с удовольствием предвкушаю радость погружения в Слово всех счастливых читателей новой книги этого неординарного автора – «Профиль Мнемозины. Избранные стихотворения», которая вышла в ноябре этого года в Белгороде при содействии Министерства культуры РФ и Союза российских писателей. Кстати, книга прекрасно оформлена художником Еленой Козачук – тонко, со вкусом, строго и в то же время изящно.

Счастливого пути новой книге в обретении своего читателя!

Обложка книги Ланы Ясновой

*Валерия
Салтанова*

Все чувства и краски нужны человечьей душе...

ПРОРОК

Поэт, не спрашивай пророка
(к чему тебе его виденья?) –
пусть льётся свет из поздних окон,
и жизнь случится – ненароком,
как неизбежность пробужденья.

Плати своей привычной данью –
дерзай, пока не полыхнули
на языке – в неясном гуле –
твои слова, как содроганье
небес далёкого июля.

Слова увековечат имя,
но слово – только перифразис
души –

зашкафный космос, фазис:
в твоём листе – твоя пустыня
и твой отшельнический оазис.

Не обойтись необходимым,
но оправдаться больше нечем
за праздный труд и долгий вечер,
где шестикрылым серафимом
коснётся губ дыхание речи.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ УБОРКА

Сегодня дворник правит миром,
за прошлым замечая след,
и по утрам темно и сыро,
но грусти – нет.

Листья ложится в плащаницы –
увозят осень трактора,
а вот и первая синица
поёт: пора.

И, убирая листьев груды,
ноябрь выписывает чек
на сотню строк, одну простуду
и первый снег.

ПОЛЁТ ШМЕЛЯ

Как замыкание в сети –
ни звука внешнего, ни света:
забыться, спрятаться, уйти –
и находить себя при этом,
как шмель – над чашею цветка –
гудит, не замечая гула.

А правда с ложью так близка,
как будто правда – обманула,
и горек мёд, и сладок яд,
когда рванёшься бестолково
на этот праздный аромат
едва угаданного слова –
безумный выкредст, неофит,
покорный новому уставу.
И только музыка гудит
во всю шмелиную октаву.

И кружат, словно карусель,
соединяя слог и ноту,
цветок, и музыка, и шмель,
и между ними – что-то. Что-то...

САД

За будущим наступит темнота,
а может, невообразимый свет,
и новый мир, как чей-то силуэт,
покажется и близким, и знакомым.
И пальцы поотвыкнут от листа,
и слово отвоюется у рта,
и дух взметнётся голубем почтовым, –
так осенью морочит маета,
и обрывает прошлое с куста,
и превращает ягоды – в варенье.
И замерзают звуки и цвета,
и выцветает буквой немота,
и краски отступают от холста,
и все сады теряют оперенье.

Но длится день, и праздничен обед,
уже расправил плечи первоцвет,
и мы живём, привычные к обновлениям,
и прорастаем в самый белый свет,
хоть белым не спасётся буквоед,
но там, где сад становится зелёным,
найдётся утешительный ответ,
что ничего у будущего нет –
есть только этот сад и птичий гомон.

Лана
Яснова

Литкритика

Иван Богданов (1855 — 1932)
За расчётом

*Комментарии
к творчеству*

С избытком дано человеку...

О поэзии Марии Знобищевой

В прошлом номере альманаха мы писали о майском Всероссийском совещании в подмосковных Химках. Одним из его открытий стала Мария Знобищева. Экспертным жюри критиков Союза писателей она признана в этом году лучшим молодым поэтом России. Хотя её тамбовские поклонники давно знали об этом.

Слово «открытие» всё-таки не совсем точное. Мария – не новичок в поэзии, она автор, если не ошибаюсь, девяти поэтических сборников. Её ещё в 2006 году приняли в Союз писателей России. На тот период она стала самым молодым членом профессионального писательского Союза, ей было 19 лет.

Поэтическая подборка Марии в этом номере альманаха – лишь очень малая часть её многогранного творчества, в котором не только поэзия (она пока главенствует), но и проза (рассказы).

Отмечу главное в поэзии автора: есть художественный вкус, чутьё слова, умение работать с ним. Практически все стихотворения не оставляют меня безучастным, вызывает ответное движение души. Хотя, конечно, как и у всякого поэта, есть стихотворения, которые сильнее, есть и те, которые не совсем удались.

Знобищева умеет любить и дарить тепло. Ей присуща искренняя доверительная интонация, чистота души и сердца, правдивые жизненные сюжеты. Естественность, знание народной жизни и природы, любовь русского человека к Родине – всё это находит зримое воплощение в её произведениях.

У поэзии своя скоростная орбита, скорость поэзии и скорость времени не совпадают. Но это не значит, что поэзия отстаёт. Она увековечивает мимолётность мгновения, даёт возможность почувствовать характер, движение, перспективу. Не суетливая спешка, не погоня за ложно понятой злободневностью, а стремление вперёд «на мудрой скорости» - вот что отличает её.

За годы литературного творчества М. Знобищевой написано немало. Мы видим, насколько глубоже стала философия поэта, осмысление мира и себя в окружающем мире. В её стихах уже нет ученической однозначности слова и образа, она стремится изжить риторику и декларативность, хорошо владеет стихотворной техникой. Ассоциативность, неожиданные запоминающиеся метафоры, разнообразие ритма – всё это мы встречаем в её поэтическом творчестве. Тщательно работая над словом, поэт чутко прислушивается к его звучанию.

Когда-то давно воронежский поэт Павел Мелёхин написал стихотворение с запомнившимися строками:

*Черкаю, клочкую гектары гексаметров,
Кручу себе чуб, бормочу, как факир.
Я очень хочу, чтоб моими глазами
Когда-нибудь люди взглянули на мир!*

Знакомись с творчеством Марии – и погружаешься в её поэтический мир – мир добра и света, любви и красоты, мир российской глубинки, дома и семьи. В мир сизокрылой души, малахитового смеха, белого налива луны, пламени встречающих рук. В мир, где вздымается чернозём, лоснясь чёрным маслом, а вчера ещё уступчивая река сегодня - с неласковым голубоватым блеском...

Нельзя писать чужими словами, как нельзя жить чужими жизнями. Нельзя создавать творение, состоящее из общих мест, зато в рифму. У Знобищевой не так.

В хорошем предисловии Елизаветы Мартыновой к книге Марии «Дышит степь» есть строки, с которыми можно подискутировать. Цитирую их: «Она хорошо знает эту особенность своих стихов, для неё стихотворение начинается со слова, игры словом, его созвучивания с другими словами». Всё же Знобищева, как мне представляется, при всей любви к поэтическому слову как таковому в большинстве случаев идёт от жизни.

Делясь своими мыслями и впечатлениями о Совещании-семинаре в Химках, Мария написала этим летом: «Подлинно прекрасные вещи выходят у человека тогда, когда он освобождает внутри себя пространство для подлинного чувства: печали, нежности, сострадания, любви, гнева,

*Геннадий
Ростовский*

протеста, боли, когда становится нервом, струной и позволяет этой музыке прийти в мир через себя».

Журналиста «Комсомолки», присутствовавшего на химкинском семинаре, восхитило, как она умеет многое сказать всего лишь одной строкой: «Лодка тычется в землю: «Хозяин, ты тут?»».

А вот её короткое стихотворение, не вошедшее в подборку, но как много в нём сказано!-

Мамашки в палате:

– *Сплошное насилие!*

– *Жить страшно...*

– *Слышали, девчонки, про Сирию?*

– *Читали.*

– *Слышали.*

– *Несчастный народ...*

Не лезь в интернет – молоко пропадёт.

Или вот такие строки, мимо которых просто нельзя пробежать, их не заметив и не отметив в своём сознании:

Женщины несут свои мысли

Гордо,

Как полные вёдра.

Мысли на коромысле –

Спину держи прямой!

Или как полные сумки,

Горькие думы-думки...

Кругленькие, как числа,

Мысли

Несут домой.

Или вот ещё две замечательные строки:

Любовь, как ливень, переждёшь –

О, удержать бы только душу!

Всё, о чём пишет Мария, не только пережито, но и прочувствовано душой.

Согласен с Натальей Меркушевой, которая в статье «Степей приволье» пишет о стихотворениях Знобищевой:

«...читаешь, и душа наполняется то светом, то благодатью, то печалью, то видениями былого, древнего даже. И всё это ведёт к свету и добру, к чистоте и совершенству, хотя никто не бывает совершенен. Да и не надо этого – полного совершенства, ведь мы же люди, со своими ошибками, переживаниями, страданиями. Но верим в чудо. И надо верить! Читая ТАКИЕ стихи, веришь и надеешься, надеешься и веришь».

Поэзия всегда чудо. Как она появляется, до конца определить невозможно.

Нет, не «старомоден и строг» язык поэзии Марии, он современен, он человеческий, а не птичий.

«Любовь и память пишут свой постскрипtum»

И ещё процитирую в завершение слова Марии Знобищевой из её интервью-беседы с Зинаидой Королёвой:

«Я не устану повторять: тот, кто по-настоящему свободен, свободен изнутри – не нуждается во внешнем раскрепощении и прекрасно понимает, где и с кем должен сейчас быть. Безусловно, литературные битвы проходят и забываются. Остаётся творчество. Остаётся слово. А оно не терпит суеты, мелочности, вражды. Душа, зеркало которой мутнеет в одну минуту, больше не может творить, и тогда наступает молчание».

Что ж, пожелаем Марии, чтобы с годами зеркало её прекрасной души никогда не мутнело, чтобы она продолжала радовать читателей своим творчеством. «Живая жизнь везде пускает корни!»

Небеса нараспашку

О поэзии Андрея Кулюкина

*«Мурманск, ледяной российский дом,
сквозняковой океанской дальности
сколько мальчиков произрастало в нём
с признаками спящей гениальности...»*

Виктор Тимофеев

Бывало ли в вашей жизни такое: вы на северном зеленом лугу, усыпанном клюквой, а впереди мелькает за сопками холодное Белое море? Оно обманчиво близко от вас, а шов, который скрепил воду и сушу, выполнен неровно, но крепко. Моряки шьют паруса большими стежками, суровой ниткой, так и полотнища неба и моря соединены невидимой рукой нерушимо.

Если не бывало такого путешествия с вами — возьмите книгу стихов Андрея Кулюкина «Небеса нараспашку», и вы погрузитесь в полный соленого морского воздуха мир северянина.

Читатель часто хочет узнать: каков он, неизвестный ему автор строк, запавших в душу. В данном случае вам не удастся угадать. Большинству столкнувшихся с поэзией Андрея Кулюкина предстает седой старик с суровыми льдистыми глазами, одинокий и молчаливый, из «поколения дворников и сторожей».

Посудите сами:

*Спрошу у жизни: «Загостился?»
Не рады мне, и сам не рад.
Опали тлеющие листья,
Горит луны совиный взгляд...
Жизнь — бег за правдой или счастьем,
Поток проблем, событий, лиц.
Для жизни вечность — одночасье,
И час — как вечность без границ.*

или

*Наливать рассвета бражку
В глотку неба не впервой.
Жизнь в смиренной рубашке
Подняла собачий вой.*

Или

*Я стар душой. А кто душою молод?
Кто верит в эту призрачную ложь?
Сквозь бесконечных жизней зной и холод,
Не одряхлев душою, не пройдешь...*

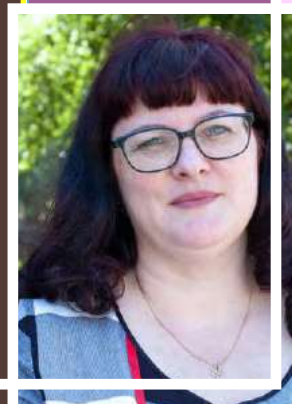
Вы ошибаетесь, дорогой читатель.

С Андреем Кулюкиным я познакомилась на литературном форуме «Осиянное слово» в 2021 году, где он стал победителем в поэтической номинации, а я — в прозаической. Так ко мне попала облачная книга, атлас Севера с названием «Небеса нараспашку» прямоком из рук молодого человека с серьезным взглядом и смущенной улыбкой, не привыкшего слышать восторги по поводу его стихов. Не старость души, а мудрость открылась мне со страниц этой книги. Грусть от познания вступила со мной в неспешный разговор. Это вторая книга у поэта, а первая была выпущена в 2019 г. с названием «Стихи на бересте».

В сборник «Небеса нараспашку» вошли неопубликованные ранее произведения Андрея Кулюкина. К этой, изданной в Мурманске в 2020 году, книге написал предисловие прекрасный мастер пера Дмитрий Коржов. Он отметил высокий уровень общения автора с живой действительностью, прорыв в творчестве и предрек начало нового пути автору.

И все же в глазах Андрея, когда ему присудили весомую награду «Осиянного слова», я видела изумление. Почему же таланту свойственно сомневаться в себе и мучительно выбирать лучшие из лучших стихов для тонкой книги, когда графоманы выпускают по несколько авторских книг в год? Нет, это не примета времени, так было и будет всегда. И я искренне рада, что награда «Осиянного слова» нашла достойного поэта. Ощущение востребованности для поэта — это важная составляющая вдохновения. Увы, муза не приходит тогда, когда двери души поэта закрыты.

Авторский сборник Андрея Кулюкина вышел небольшим тиражом (а вот это уже примета времени). Автор из Североморска писать стал не так давно, но его стихи уже нашли своих читателей далеко за пределами Мурманской области.

*Ирина
Соляная*

Какими только эпитетами ни награждали Андрея благосклонные критики: «Достойный продолжатель классических традиций советской литературной школы», «Новый Рубцов» «последователь Есенина». Он только отмахивался и говорил: «Нет, просто я в чем-то старомодный».

Конечно, к Андрею Кулюкину можно применять все вышеописанные эпитеты, это будет и верно, и уместно, и не льстиво. Но о том, что он старомодный — я бы поспорила. К литературным предпочтениям автора относится творчество Алексея Кольцова и Николая Некрасова, Николая Рубцова и Сергея Есенина, среди современников он особенно высоко ценит стихи Николая Колычева и Михаила Анищенко. Но именно для меня такая поэзия и есть воплощение актуальности, а не прыжки и ужимки с целью «кто больше поразит». Чем можно поразить в двадцать первом веке? Пожалуй, только искренностью. Только она не бывает вторичной.

Поглядите, каким грустным и ясным взглядом окидывает он окружающий мир, какими точными словами передает не только увиденное, но и прочувствованное. Прекрасным слогом, спокойным и немного молитвенным настроением овеяна его каждая строка, осияно каждое произведение. Это стихи, которые входят в твой дом души и спокойно поселяются в нем, становясь непременной частью твоего, читатель, духовного бытия.

*Простой народ. Жизнь неброско,
Но всё горит в избе очаг.
Вся жизнь проста, одно не просто —
Нести Россию на плечах.*

Не ищите стихи Андрея среди горластых, самоуверенных сетевых изданий. Их там попросту нет. Он из тех, кто не умеет быть менеджером своего таланта. Но страна и огромна, высока и широка, в ней есть место всем голосам, даже самым тихим и умиротворяющим. Книга зовет меня заглянуть в свою собственную душу, она приглашает прикоснуться к чуду.

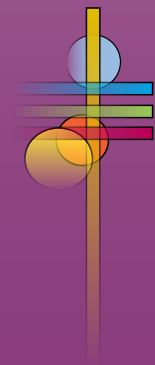
*Обломился рябиновый прутик
Бесполезной и горькой судьбы.
Собираю котомку. Я путник,
Что дорогу домой позабыл.*

В книге есть не только философские стихи. Андрей — прекрасный живописец слова. Природа Кольского полуострова необычайно хороша и манит меня, жительницу Черноземья, своей непохожей на мой мир красотой. И познать величие суровой природы я могу теперь и благодаря стихам Андрея, которые настолько образны и полны любви к холодному и строгому Беломорью.

*Между небом и тундрой закатная
Полоса, как потухший костёр.
Здесь откована воля булатная,
Остывая в прохладе озёр...*

*А хочешь, по левой ладони метели
Влепи, не обижусь, коль вместе поём
Где сопки, одетые в шубы из елей
И ходим, обнявшись, как братья, вдвоём...*

Я знаю, что Андрей — еще и фотохудожник, что не удивительно. Жаль, что в книге нет его великолепных работ, но я это объясняю стремлением Андрея к минимализму и даже некоторому аскетизму. Его стихи не нуждаются в иллюстрировании, они сами — иллюстрация мира поэта. Хорошие стихи немислимы без хорошего читателя. А воспитание читателя теперь уже государственная задача, её выполняют издательства и литературные критики. Как они справляются? Посмотрите, сколько зрителей приходит на литературные встречи, фестивали и презентации? Обратите внимание, к кому именно идут читатели? Увы, ответ на поверхности. И потому многие книги неизбежно теряются. Их нет на полках сетевых книжных магазинов, их не рекламируют издатели, их не продают на праздниках и презентациях. Но разве настоящий поэт от этого становится меньше? Ведь море не мелеет, если на него некому посмотреть из окна теплохода. Может, даже и хорошо, что прекрасные стихи не станут товаром? А как товаром может стать настоящее чудо?

Осенний пейзаж как способ видения мира

О поэзии Бориса Свердлова

Одна из недавних книг, которую довелось мне прочитать - сборник стихотворений мастера лирической поэзии Бориса Свердлова «Любили мы, любили нас...» Читателю представлен состоявшийся поэт, к тому же отметивший 60-летний юбилей. Рубеж, по-своему знаковый для одного из лучших представителей современной поэзии Нижней Волги, лауреата Всероссийской литературной премии имени Василия Третьяковского, награжденного общественным орденом Сергея Есенина (и верного, надо сказать, последователя этих новаторов).

«Степная быль», «Немного о любви», «Родина милая, малая» и другие книги, имеющиеся в творческом активе автора, свидетельствуют о богатстве художественных средств, способствующих всестороннему отображению поэтического видения мира в его творчестве. Благодаря теплым, проникновенным, хорошо знакомым современнику картинам удается воспевать родной край, ее природу, переходить от гимнов прекрасному чувству любви к философским размышлениям о смысле жизни и бренности бытия.

Пониманию сути поэтического видения мира Бориса Свердлова в полной мере способствует образ осени – времени года, воспитывающем в человеке чувство прекрасного, одаривающего влюбленных романтическим настроением. И абсолютно те же осенние пейзажи наводят на мысли о показе в творчестве собственной жизненной позиции, подвигают к осмыслению пройденного по земле пути («поэтическое взросление» напрямую с «биологическим взрослением» не связано, и философские размышления в молодости могут быть не менее глубокими, чем в пору зрелости). Таким образом, осень для поэта – не просто сезон, в который опадают листья, приходят ненастья или же бабье лето. Все эти явления, по его твердому убеждению, говорят о величественности нравственных ценностей, о возможности созерцания чего-то неизведанного, познания самого себя. Об этом свидетельствуют, в частности, заключительные строфы стихотворения «Звезды на нитях невидимых...»:

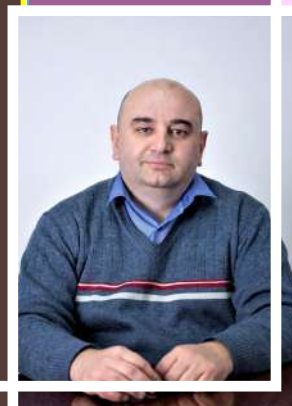
*В мир, что доселе неведомый,
Мне не дано заглянуть.
Только земными победами
Я продолжаю свой путь.*

*Тайны хранит мироздание.
Чей-то слышался вдох.
Может, в небесном мерцании
Грех отпускает мне Бог?*

Только «земные победы» и позволяют идти творцу по земле с гордо поднятой головой. Если таковые есть, значит, вера во все доброе непоколебима, жить получалось по совести, посчастливилось не поступаться принципами... В подобной трактовке стихотворение перекликается с другой хрестоматийной для автора поэтической вещью «Плугом месяца вспахано небо...» Здесь великолепный образ ночной природы становится зачином для раскрытия идей гуманизма:

*В эту осень я только мечтатель,
И желанье свое не таю:
Пусть отпустит Господь благодати
На страдальную землю мою.*

Бескрайние границы Познания не должны быть оправданием тому, что зачастую человек любопытен, равнодушен к той же магической красоте осенней природы. А ведь она, по мнению автора, может многое рассказать, и тогда ширь «усмехающегося неба» непременно способствует душевному покою, осознанию того, что не все материальное так уж необходимо в погоне за мифическими идеалами, связанными исключительно с культом денег. Зачастую ведь доста-

*Тамерлан
Техов*

точно хлеба и «для полного счастья вина» (по аналогии с восточной поэзией, для поэта Бориса Свездлова вино является символом внутренней свободы, самодостаточности, находимой в вере в светлые идеалы). Да и сколько вокруг случаев, когда человек находит удовлетворение только в том, чтобы направить все свои богатства на благотворительность. Духовность в данном случае преобладает над приземленной личной выгодой и заряжает чем-то большим, приближающим к тайнам, о которых повествует автор в данных стихотворениях. Их с полным основанием можно считать частью условного цикла «Осень – духовность».

Еще в двух лирических произведениях, которые можно отнести к данному циклу, осенняя природа тайны вечности преломляет в свете поиска собственного «Я». Творческая находка заключается в том, что шорохи опадающей листвы говорят не об увядании и тлене (стихотворение «Секира месяца сечет»), а о необходимости... нарушения покоя, «что вечно царствует над миром». Под покоем, как справедливо может предположить читатель, ни в коем случае не подразумевается нарушение устоев мирного сосуществования на планете Земля. Речь идет как раз о влиянии поэтическим словом на тех, кто равнодушно наблюдает за невзгодами, приносимыми войнами и различными локальными конфликтами. Здесь, как и в стихотворении «Сентябрь, подкравшись по мягкой листве...», поиск своего «Я» заключается в стремлении к показу простой, на первый взгляд, истины о том, что счастливо могут и должны жить все.

Счастье, в свою очередь, заключается еще и в возможности служения малой родине. И служение это, по видению поэта, заключается в том, чтобы не отрываться от корней, помнить предков, воспевать родные просторы, делать что-то хорошее для всех жителей милых сердцу краев, в данном случае – Астрахани. Если опять же собирать стихотворения в воображаемый цикл «Осень – малая родина», в первую очередь внимание на себя обратит стихотворение «Астрахань». Старинный Кремль, Волга, сама Астрахань, олицетворяющая для автора степную Русь, покрыты позолотой работы «подмастерий октября». Пейзаж опять вырисовывается сочный, выразительный, образы, создаваемые поэтом, а именно – спорящие тополя, парящие стаи перелетных птиц (понятие «стаи» по отношению к птицам не совсем подходит, но в общий текст вливается вполне органично) способствуют пониманию патриотической лирики, образцы которой в творчестве поэта можно найти в обрамлении всех времен года.

Следующее произведение «Над Волгой наш продрогший вечер...» из цикла «Осень – малая родина» плавно переходит в цикл «Осень – любовь». «Предзимний» ноябрь, как, впрочем, и вся осень, у автора в основном является символом неудачной, потерянной любви. В данном случае прослеживается разветвленная сюжетная композиция: потерянная любовь приводит к возвращению на малую родину, далее – к раздумьям о чем-то сокровенном, духовном.

С уходящей любовью лирический герой, всегда таящий в сердце надежду на ее возвращение, прощается также посредством штрихов осеннего пейзажа. Стихотворения «Снова каруселит бабье лето...» и «В бреду бродягой бродит осень...» несут еще одну важную смысловую нагрузку: осень сама уходит, как любимый человек. То есть это не просто «перемена настроения» погоды, а нечто одушевленное, родное, согревающее душу, дающее силы для жизни и творческого вдохновения.

Как ни парадоксально, в творчестве поэта возможно и определение цикла «Осень – природа». Тем самым создается впечатление, что время года, связанное в нашем сознании с самыми разными явлениями погоды, не отождествляется автором... с природой. В каком-то смысле так и есть, если обращаться к стихотворению «Ноябрь притих. Трава пожухла...» Природа «прогоняет» осень:

От неба серого – тоска!

.....

Пугают осень лай собачий

И чьи-то бранные слова.

.....

А ныне вот – простоволоса

На поводу своей судьбы.

Уходит... Вслед ей смотрят косо

Лишь телеграфные столбы.

Мир через призму неминуемого прощания видится в мрачных тонах, ощущается внутренняя тревога размышляющего литературного героя. Все течет, все меняется. Так и человек – сегодня от него может зависеть очень и очень многое, завтра же останется только память о том, что успел сотворить доброго и злого...

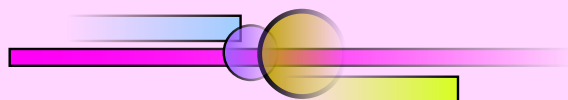
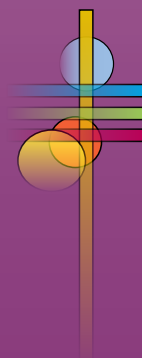
В любом случае осень своим уходом (в лирическом контексте и человек – тоже) может повергнуть творческую натуру в медитативное или меланхоличное состояние, как в произведении «Небесам вечерним ничего не надо...». Автор для выражения подобных чувств находит образ, обращая «золотое» время года в «блуждающего грибника»:

*Пожелтела крона, под которой прячусь.
Обошла деревья осень не спеша
И в лукошке старом унесла удачу –
Поздно спохватилась сонная душа.
.....
Я сижу спокойно со своею думой
И деревья стоя шепчут надо мной.*

Осенний пейзаж обретает новый облик. На этот раз созерцающему лирическому герою «почастливилось» увидеть урожайную по определению осень с лукошком, но – не в виде символа изобилия. Щедрое на дары время года, напротив, лишает кого-то удачи. Можно предположить, человека, упустившего в жизни что-то очень важное по своей вине. Автор же просто подчеркивает – «воришка» вернется в следующем году, точно так же представится и шанс на достижение желаемого.

Произведения «осенней» тематики в итоге украшены венком из 15 сонетов. «Милая осень моя» является одновременно и цельной поэмой, благодаря как сюжету, так и строке-рефрену, связывающему все сонеты. В смысловом и интонационном плане идентичны и начальная, и заключительная строки всего повествования. Друг друга дополняют элементы пейзажа, патриотической и гражданской лирики, в сюжет удачно вплетается песнь возлюбленной, просто обязанной ценить красоту «осени-красавицы».

Ясно, что осенний пейзаж, занимающий в творчестве Б.А. Свердлова особое место, как нельзя лучше способствует пониманию его принципов видения мира. О вечных ценностях, любви к родине лирик говорит доходчивым языком, оберегая творчество от ненужных повторов, не создавая «блуждающих» по поэтическим произведениям не оригинальных образов, находя каждый раз тот облик времени года, который должен отразить настроение героя, показать его стремления, наиболее полно раскрыть характер и переживания. Но весь арсенал поэтических средств, новаторских приемов, следует полагать, еще не исчерпан, следовательно, и в будущем найдется пища для размышлений всем профессиональным исследователям творчества самобытного автора.

Алхимия слова и музыки

О поэзии Вероники Сенькиной

Суть и предназначение поэзии – воздействовать. Сначала на автора, погружая его в состояние поэтического вдохновения (и воспетого, и осмеянного, но от этого не утратившего своего целительного и преображающего потенциала), а потом на читателя, входящего в измененное состояние сознания через «дверь» поэтического текста.

Стихи Вероники Сенькиной – многие из которых стали песнями, или всегда ими были, как и положено изначально лирической поэзии – посредством неведомой алхимии соединяют в себе множество черт, в числе которых воистину пушкинские свет и легкость. Это – стихи. И это – песни. Вероника бард именно в пушкинском значении этого слова, когда бард – поэт. Энергия ритма берет читателя в оборот с первых строк, захватывает и не отпускает. Стихи продолжают читать себя изнутри, когда ты стоишь на остановке, моешь посуду, засыпаешь.

Но один из основных приемов, используемых Вероникой, как раз совершенно нехарактерен для песни, потому что для песни естественно и логично, чтобы четверостишие было аккуратно закончено в себе самом. Я имею в виду анжамбеман – в ее случае реализуемый в перескоке из строфы в строфу. Вот, например, в первом стихотворении подборки: греть – анжамбеман – руки, первопричин – анжамбеман – разных, соизволь – анжамбеман – в жизнь воплотить, изловить – анжамбеман – раньше. Это создает удивительный эффект длительности, текучести и певучести – хотя это кажется парадоксальным в свете сказанного.

*Осень и осень, и скоро начнет вечереть...
Носом клюёт воробей на ободранной ветке,
хочется плакать, но нет подходящей жилетки,
нет проходящего поезда, повода греть*

*руки над пламенем перегоревшей свечи, –
лампочки? чувства? – нет повода остепениться,
рвать отношения с шумообильной столицей
и отправляться на поиски первопричин*

*разных, несвязных друг с другом «на кой» и «доколь»,
кольца Сатурна для вескости к ним приплетая.
Хочется быть, а не слыть – вот такая простая,
вроде бы мысль, а поди-ка её соизволь*

*в жизнь воплотить, в бессмысленность будней вживить...
Раз – и она извернётся змеей подколодной,
брякнется в лужу, налижется капель холодных
и ни за что не позволит себя изловить*

*раньше, чем следует, – следующей проливной,
рыжехарактерной, ветреной в хлам душегубки, –
осени. Осень. И нету ни толики шутки
в правде,
ни доли...
ни зонтика – над головой.*

И еще очень важный, на мой взгляд, момент – анжамбеман здесь особенным образом организует наше речевое дыхание. И нам его как бы немного не хватает, выдох затягивается из-за необходимости договорить, и когда мы наконец перехватываем дыхание, нам приходится сделать это более жадно. Вообще, дыхание – это удивительная функция человеческого организма. С одной стороны, бессознательная, подобно сердцебиению, сужению зрачков на яркий свет или пищеварению, с другой стороны – подконтрольная: мы можем дышать по своему усмотрению

Надя
Делаланд

быстрее, медленнее, глубже и т.д. Поэтому дыхание используют в различных трансовых техниках и практиках – через него легче всего подключиться к бессознательному. Например, гипнотерапевты присоединяются к тому, кого гипнотизируют, через дыхание, Арнольд Минделл входил в контакт с людьми, находящимися в состоянии комы, через совпадение в дыхании, исихасты (в частности Симеон Новый Богослов писал об этом) читали молитвы, и у них было помечено, в каких местах следует брать дыхание, «чтобы не токмо написанное чести, но и творити я», то есть, чтобы не просто читать молитву, но чтобы происходило то, о чем просишь. И, конечно, в поэзии речевое дыхание тоже играет важную роль, и в стихах Вероники Сенькиной мы можем видеть, как это работает, подключая нашу телесность, заставляя плотнее войти в пространство стихотворения.

Конкретно в этом стихотворении еще много великолепных находок, начиная с самой первой строки, в которой повтор «осень и осень» прекрасен сам по себе – его можно прочесть как «осень как осень - обычная», или «две разных осени – осень и осень», или как усиление «все осень и осень». Но, кроме этого, во второй строке мы понимаем, что именно так – осень и осень - и клюет носом засыпающий воробей (здесь, Вероника оживляет на ходу внутреннюю форму выражения «клевать носом», поскольку речь идет о клюве птички).

А вот совершенно восхитительное, одно из моих любимых у Вероники:

*Я не остыла – просто
устала драться.
Я не люблю ни шахматы,
ни корриду.
Раньше? Так раньше, рыцарь,
мне было двадцать.
Всё было как-то проще:
и вдох и выдох...*

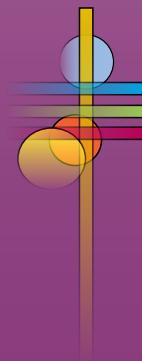
*К музыке я, конечно,
Нравнодушна,
просто нечасто слушаю
«хеви-метал».
Мне бы такое что-нибудь
повоздушной,
что-нибудь повальсовей...
ага, вот это...*

*Милое «раз, два, три»
ностальгией бравой,
острым клинком пронзит
временную бездну...
Штраус, Вы, как всегда,
оказались правы:
жить – это очень больно,
но интересно.*

*Первое января
приведёт второе,
третье, потом четвёртое,
как по нотам.
Каждой эпохе памяти –
по герою.
Каждой жене Артура –
По Ланцелоту...*

Задорное и задиристое, музыкальное, немного даже мушкетерское. И очень естественное, разговорное, здесь и сейчас происходящее:

*Мне бы такое что-нибудь
повоздушной,
что-нибудь повальсовей...
ага, вот это...*

А вот это стихотворение я прочла впервые, и в нем какая-то новая преобразившаяся Вероника-поэт. Я узнаю ее, конечно, ее невозможно не узнать, если знаешь и любишь, но в нем появились обертоны, которых раньше не было.

Дочери

*Я приду к тебе в девять, брошу пальто на стул,
и перчатки, и шарф, и шляпу свою, и сумку.
Не вникая в суть дела, сразу тебя спасу
мятным чаем, лукавым взглядом, дурацкой шуткой.*

*Буду врать тебе, как синоптики, что к утру
солнце вылезет из-за туч приумyto-свежим,
что я буду всегда с тобой и что не умру
никогда-никогда, какой бы февраль ни снежил.*

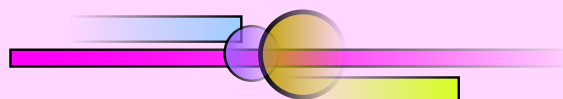
*Буду гладить тебя по спутанным волосам,
целовать тебя в бестолковые две макушки,
убеждать, что, по сути, алые паруса –
это просто литературные безделушки.*

*А в реальности – полотняней всё и грубей,
но устойчивей и прочнее, чем в детских сказках.
Ты поверь мне, я – о-очень стреляный воробей,
Несмеяна моя влюблённая, Златовласка...*

Нежнейшее обращение к влюбленной дочери, узнавание, сопереживание. Мне это стихотворение, кроме прочего, представляется крайне терапевтичным. И в нем я особенно узнаю ту Веронику, которую знаю в жизни, – очень добрую и деликатную, потрясающе чуткую. Никто не может и не делает так, как она. Например, однажды я пригласила ее на свой вечер, она не смогла прийти – так часто бывает, у всех свои дела. Но каково же было мое удивление, когда курьер принес мне от нее прямо на выступление букет из шоколадных роз.

Гармония «музыки» – в неспесивом и независтливом моцартианстве – явлена в стихах Вероники так просто и так очевидно, что видишь это сразу, но не понимаешь, что уже увидел. Примерно так же мы ищем вещь, которая тихо лежит прямо перед нами, а потом, таки найдя, удивляемся, как не заметили ее сразу. Не заметили, что заметили.

Заметьте – это стихи Вероники Сенькиной, еще один вход в измерение света и смысла. Получится ли у вас войти в эту дверь, окажется ли она вашей – никто не знает. Кроме вас.

По лунному мосту воспоминаний

О поэзии Людмилы Клёновой

Стихи Людмилы Клёновой – это задушевная, тонкая женская лирика с камерным звучанием. Людмиле очень удаётся поэзия чувств – тревожная, взволнованная, чуткая: «То ветер издали принёс туман сомнений и тревоги». В основном её стихи и есть поэзия чувств, какой бы тематики они ни касались, даже если это не любовная лирика, а пейзажная или философская.

Любовь – это основа её души и призма, сквозь которую она смотрит на мир: «Любовью, как стрелой из солнечного злата, из века в век насквозь пронизана земля!». Отсюда «полотна тех ожиданий, тех ростков любви, что... строги, наивно-искренни на вид».

Отсюда такое тепло, бережность, ласковость строк – не пылающих, огненных, страстных, а именно нежных: «Я обниму тебя – и до зари ты будешь спать, посапывая сладко», «На висках уже мерцает снегом лунным нежность лет, не затерявшихся во мне». Это стихи женщины-жены, женщины-матери, для которой семья, домашний очаг – это святое. Поэзия одухотворённой верности.

Именно оттого и стихи, посвящённые первой, глубокой давней любви, в конце концов отвергнутой, будут так созвучны любой женской душе: «Ладоней моих горячих не нужен тебе огонь».

*Ну вот, уже почти и не осталось
Ни нежности, ни жалости, ни слов –
Горит письмо, горит! Такая малость –
Огнём былые чувства унесло.
В тех письмах, в каждом слове – знак и символ:
Зима... пустыня... дальний летний плёс...
Как больно, как гореть невыносимо
Любви и ласке, бережной до слёз!*

Здесь, в этом отрывке, и зашифрован тайный код лирики Людмилы Клёновой. Зима? – Нередко это именно заснеженные видения прошлого, где не сбывшаяся любовь уже покрывается снежным налётом, поэтому и возникают настойчивые анафоры (единоначатия) по-песенному звучащих строк: «На планете твоей метели, на планете твоей зима», в которых волнует живой космос одиночества. Лето? – Но почему тогда пронзительное чувство дежавю из юности и того, незабываемого лета – с привкусом звёздной вечности счастья?

*Поцелуй, что, с волною споря,
Был тревожащим, светлым счастьем...
В блюде призрачном мирозданья
Мы с тобою – песчинки две лишь...*

А ночь – это вообще сказочное время суток, потому что оно неразрывно связано с любимым человеком рядом: «На плече твоём пятнышком светлым, утомившись, уснула Луна». Ночи дана страшная и сладостная власть возвращения:

*А Полночь, обернувшись птицей,
Уже взлетает с Лунного Моста.
Но всё она запомнит. Я хочу
Опять в её горячие ладони –
Чтоб в темноте глубокой и бездонной
Шептать беззвучно звёздному лучу
Твои слова...*

Светлана
Скорик

И, конечно, ночные сны как переход по Лунному Мосту в нереальную реальность любви и терзаний, боли и простых радостей:

*...Ты уже далеко, и вернуться тебе не помогут
Колдуны и гадалки... Но в маленьком тихом кафе
Вот опять и опять, как в плену закольцованной плёнки,
Мы садимся за столик, второй от окна в уголке...
Капучино берём, наслаждаясь минутой в тиши...
Нам уютно вдвоём, хоть опять ты ревнуешь к кому-то...*

Маленькое кафе сменяют прогулки по ночному городу, мимо витрин и манекенов. Что это? Прогулки или сон? Фантазии или реальность? Отчего эти видения оживают, а холодные бездушные манекены получают плоть и кровь? Не оттого ли, что, согласно закону равновесия, умирает любовь?

*Вместо сумерек встанет скоро
Ночь лиловая на дворе.
И тогда мы пойдём с тобою
Погулять вдоль цветных витрин.
Манекены стоят толпою
Близко к стёклам – стоят внутри,
Но как будто ещё немного –
И они сквозь стекло уйдут
В этот город, простой и строгий,
В переулков его уют...*

Мир очень камерный, интимный, он, как вы видите, самой силой любви способен подниматься к Лунному Мосту, кружить живыми песчинками по звёздной вечности и, преломляясь в Зазеркалье витрин, сливаться с фантазмагориями призрачного мироздания. Что же ещё наделяет его этими волшебными свойствами, если не память любви!

Не могу сказать, что в стихотворениях Людмилы Клёновой совсем нет проходных строк и досадных погрешностей, но их не всегда видишь и ощущаешь, потому что эти странные попытки создать неологизм (например, «нынешность»), или стилистическое несогласование в подборе слов, которые явно не привыкли стоять рядом («ненужно оставленный»), или фонетическое неблагозвучие из-за скопления большого числа рядом стоящих согласных («букВ, ВЗРащённых густо») – всего лишь случайные несовершенства, которых плотно заслоняют прекрасные полотна живой, дышащей, певучей поэзии. И это не случайно, потому что Людмила – музыкант и преподаватель музыки, и рояль так же послушен её руке, как герои её стихотворений и рассказов:

*А там, в романсе старого рояля,
Живёт любовью выстроенный храм...
И соскользнут покорно и устало
С отпавших клавиш руки – до утра...*

И так же послушны ей различные средства выразительности, к которым относится, например, изоколон – когда строки в каждой строфе строятся по одному принципу и придерживаются определённого порядка частей речи. Смотрите, как стройно, звучно и прекрасно воспринимается благодаря этому стихотворение «Тебе»: «Росток моей светлой грусти взошёл из снегов твоих», «Деревья моей печали растут из твоей души», «Слова моей ласки тёплой растут из твоих дорог». И разве это не самый настоящий романс?

Настолько же музыкальна и очаровательна зевгма – построение предложения так, что глагол находится только в его начале, а за ним идут ряды однородных придаточных, начинающихся с одного и того же предлога или союза (в данном случае – с предлога «за»):

*Вечер с вёсел неслышно капал...
Пел сиреневым свистом сойки...
И платил золотой монетой
Сумасшедшей луны глазастой
За горячее наше лето,
За признаний твоих причастье,
За просоленный ветром моря
Шёпот губ...*

Конечно же, ещё более играет всеми красками этот летний вечер, потому что здесь задействованы чуть ли не все органы чувств, а не только зрение, но и оно значительно усилено метафорами «золотая монета луны» и «причастье признаний», метонимиями «вечер с вёсел капал» и «просоленный шёпот», эпитетом «глазастая луна» и аллитерацией «сиреневым свистом сойки» (повторение похожих сочетаний звуков: си – сви). Безусловен и впечатляющ талант автора, его умение пользоваться всеми красками и художественными средствами родной речи. Даже если взять лексику – просто подбор слов, – и то обнаружится, что среди обычных слов в поэтической речи Людмилы Клёновой обязательно встретятся как недавно заимствованные и широко применяющиеся иностранные слова («Юных листьев апрельский хит», «Память – совести вшитый чип»), так и термины («Перевернуть страницу на пюпитре»), а также архаизмы («куда нас уводят дороги, что услужливо так расстилает ночами Морфей?») и даже разговорные выражения («Понимаешь, какая штука – я тебя не могу забыть... Понимаешь, какое дело – мне тебя не забыть никак»). Но это не просто начитанность, а творческое мышление, иначе бы невозможно было так афористично и философски-мудро выразиться по поводу лестницы:

*Лестница – это, на самом ведь деле,
Плоскость, подымавшаяся на дыбы,
Чтобы не все её преодолели.*

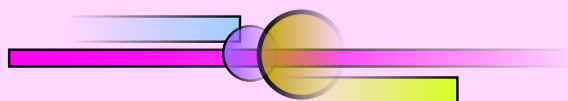
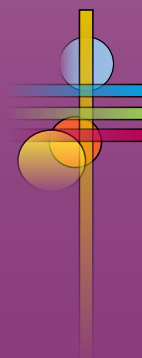
Даже рифмы у поэтессы хоть и не часто, но порою попадают, прямо скажем, на высшем уровне пилотажа, взять хотя бы «полёт и» – «полотна»!

А ещё явно заметно тяготение к ахматовским подробностям: «Мы садимся за столик, второй от окна в уголке», «Вечер. Пятница. Два бокала. Шоколадный густой ликёр», наконец, «День, настоящий на запахе ранета», хотя большинство авторов, не отличаясь особым знанием названий, связанных с природой, обычно говорят общими словами: яблоки (а не ранет), птицы (а не сойки) и т.д. Такие конкретные приметы обстановки, где происходят описываемые события или воспоминания, заставляют читателя буквально видеть то, о чём говорит Людмила Клёнова, подчиняться её словесной магии.

Уверена, что этому автору ещё не раз удастся порадовать нас своей нежной, чуткой лирикой, которая помогает сильно и трепетно ощущать жизнь и радоваться даже её горечи, потому что и в горящей реальности мы всегда сможем выловить медовый привкус воспоминаний.

Женская поэзия – это далеко не всегда узко и примитивно. Нет, на примере таких поэтесс, как Людмила Клёнова, вы и сами убедились, что такая поэзия может звучать свежо, оригинально и творчески.

25.05.21 г.

Размышляя о прочитанном

О фантастике Василия Звягинцева

«Одиссей покидает Итаку» — цикл фантастических романов Василия Звягинцева, написанный в жанре альтернативной истории. Приключения героев в нескольких мирах с разными вариантами истории, возникшими в результате вмешательств в ход событий в России и СССР, произведённых, главным образом, в первой половине XX века. Роман состоит из двух десятков книг (некоторые в двух томах), каждая из которых по-своему связана с остальными.

Честно признаюсь, что все тома я не осилил. Некоторые пробежал «по диагонали». Почему? Потому что...

Впрочем, лучше приведу некоторые выдержки из отрицательных отзывов читателей, с которыми согласен:

- Книга была суперактуальна для той эпохи, когда она была написана, но сейчас она во многом стала памятником эпохе.
- Рояли в кустах и штампы. Сложнейшие устройства по управлению пространством и временем можно собрать в гараже из подручных материалов (почти как Шурик в известном фильме).
- Попаданцы лучше Жукова и Сталина знают, как нужно побеждать немцев, потому что Жуков и Сталин делали историю (неправильно, само собой) в реальном времени, а попаданцы только оценивали её, уже кем-то сделанную (и оценили, само собой, правильно).
- В романе явно присутствуют веяния горбачевской «перестройки».
- Стремно это, когда поколение инфантильных идеалистов, которые продали СССР за джинсы и жвачку, отправляется в 41 год учить тех, кто дал по зубам объединенной армии Евросоюза (3-го Рейха).

И так далее...

Всё же считаю, что с позиций нынешнего времени вменять в вину автору идеологическую наивность и ангажированность политическими идеями и реалиями времен создания романа (80-х гг. XX века) — это всё равно, что попрекать Ж. Верна орехами в техническом описании «Наутилуса».

История - вещь упрямая и силами одного или нескольких человек ее не переделать. Не помню уже автора и названия его рассказа (прочёл очень давно), помню смысл. Герой отправляется в прошлое, его цель — убить молодого Гитлера и тем самым предотвратить Вторую мировую войну. Убивает ефрейтора, а, вернувшись, читает в учебнике истории другую версию этой войны — с другим германским вожаком-сволочью и другими, ещё более зверскими орудиями убийства...

Тот самый длинный день в году

С его безоблачной погодой

Нам выдал общую беду

На всех, на все четыре года.

Константин Симонов

Процитировал строфу поэта и вспомнил. В публикуемый с сокращениями материал не вошёл небольшой эпизод, когда Берестин по приглашению старого знакомого, дивизионного комиссара, редактора военной газеты, оказался на вечере творческой интеллигенции. Вот этот диалог:

«- А паренек твой, этот Симонов, видать, зверский талант, ты его береги. Я слышал, как он сегодня стихи свои читал. Может, новый поручик Лермонтов созревает.

— Я знаю. Но шалопай большой. Держать его надо железно и спуску не давать, тогда, может, толк и выйдет.

— Ну давай, инженер. А также садовник, мичуринец. Жаль, у Лермонтова такого друга-редактора не было...»

Лично меня уже многие годы терзает эта траурная дата — 22 июня. Этот день памяти и скорби. Кто виноват в жесточайших потерях? Почему не предотвратили быстрое отступление и что при-

Теннадий
Ростовский

вело к тому, что назвали «внезапностью», «неподготовленностью», «неразберихой»? Какой ценой далась Победа, что скрывало за собой ее начало? Действительно ли Сталин до самого конца был уверен, что Гитлер не нарушит пакт о ненападении и потому «беззаботно не готовился к войне»?

Много за прошедшие десятилетия прочитано. Сотни мемуаров и исследований посвящены действиям Сталина и высшего военного руководства страны накануне 22 июня и в первые дни войны. Мнения, взгляды, аргументы, позиции зачастую противоречивы и даже противоположны. Что касается Жукова, то у него столько воспоминаний, сколько было генсеков, и каждый раз они корректировались в русле общепринятых идей.

В 2009 году написал я стихотворение, которое начиналось так:

* * *

*Скачет лето, стрекоча кузнечиком,
Прыгая с июня на июль.
Фильмы про войну и про разведчиков,
Лязг и грохот, злое пенье пуль.*

*Над страной берёзовой и вербную
Сквозь десятилетия летят
«Юнкерсы» июня сорок первого.
Свечи поминальные горят.*

*И вопрос, печальный и отчаянный,
Бродит по России, старина:
«Как же мы прошляпили начало-то?
Кровушкой умылись-то сполна?»*

Историк, литератор, полковник КГБ в отставке Арсен Мартиросян, один из крупных исследователей сталинской эпохи, в интервью рассказал о своем видении событий 22 июня 1941 г., которые он изложил подробно в своей последней книге «Тайна 22 июня. Итоги исторического расследования».

Приведу некоторые выдержки из этого интервью.

«Почему в начале войны произошла такая трагедия? Не от того, что Сталин был не готов или что-то запрещал – нет. К сожалению, наши генералы, особенно «верхние» (в частности речь идет о Тимошенко как нарком обороны и Жукове как начальнике Генерального штаба) избрали катастрофически опасную стратегию вступления вооруженных сил в войну.

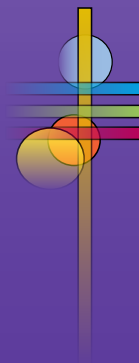
По основному плану, который был доложен руководству страны, предусматривалось активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника принять и отразить первый удар гитлеровской военной машины.

Под прикрытием этих действий должна была состояться мобилизация основных войск и их сосредоточение на нужных направлениях. И только после этого, при наличии благоприятной обстановки, планировался переход в решительное контрнаступление с переходом на территорию противника, где его и разгромили бы. Нормальная, абсолютно естественная логика любого нормального Генштаба.

Вопреки этой логике все стало подменяться – в результате получилось, что избрали метод контрнаступления главным методом. То, что должно было стать следствием, стало главным методом. В результате войска начали готовиться к немедленному встречно-лобовому ответному удару по факту нападения.

Формально, вроде бы, ничего плохого – в лоб врезать с ходу. Но что за этим стоит? Для того, чтобы войска подготовить по такой схеме, нужно сосредотачивать основные силы на каком-то отдельном направлении. Их сосредотачивали на юго-западном направлении, то есть на плацдарме Киевского округа. Но мало того, что надо сосредоточить основные силы – последствия этого сосредоточения таковы: основная часть линии границы прикрывается узенькой, тоненькой, «жиденькой», как писали сами генералы впоследствии, цепочкой дивизий.

На каждую дивизию приходится от 40 до 60 км линии обороны. А по уставу полагалось 8-10 км максимум. Дивизия – это основная единица, которая должна была охранять границу и оборонять ее, некоторые дивизии не были укомплектованы полностью личным составом (по уставу апреля 1941 г. дивизия наша должна была иметь 14 тыс. 483 человека личного состава, а по-

давящее большинство имело 8-10 тыс., до норматива не доходило). В результате получилось что? - мало того, что им «влупили» по 40-60 км, в зависимости от округа, так на метр обороны вместо положенных около 2 бойцов оказалось 0,1 бойца, 0,16 бойца и так далее. Извините, такую оборону не то, что ребенок – комар проломит. Ну что может 0,1 бойца, если против него прет почти 5 здоровенных мужиков? Ничего.

В пересчете на одного пехотинца из плоти и крови получалось превосходство в момент нападения от 300 раз до 64 тыс. раз в ряде случаев. Можете себе представить, чтобы нормальный человек выдержал такое превосходство? С пограничниками, например, в 64 тыс. раз было. Кто это выдержит? Это еще, слава Богу, они держались как-то, ни одна из пограничных застав не отошла без приказа – держали, погибали все, либо отходили только по приказу.

Но в любом случае – как живой человек может выдержать такую мощь? Дальше. Высшие военачальники прекрасно знали, что на острие германской армии идут танковые механизированные войска. Спрашивается – какого же лешего, если вы все знаете, вы противотанковую оборону строите из расчета 3-4 ствола на километр фронта? Что будет с этими тремя-четырьмя стволами, если против них в авангарде наступления прет 30 танков? И каждый стреляет. Максимум два залпа – и эти три ствола закопаны в землю.

Авиация передового базирования оказалась в зоне прямой досягаемости вражеской артиллерии. Самолеты наши не заправлены, у них не то вооружение. С тяжелой артиллерии снимали прицелы – всю оптику сняли, особенно с гаубичной.

Зачем нужна пушка? Понятно любому малышу – не нужна пушка, если на ней нет прицела. Хуже того – в ряде мест подтянули артиллерию со снятыми прицелами прямо к границе якобы для смотра. В первый же день – бабах – все раздолбали либо захватили. Кончилось тем, что мы в течение двух-трех месяцев потеряли практически всю тяжелую артиллерию. Заново пришлось создавать.

Хотите верьте, хотите нет – командующий Киевским военным округом, который сразу стал Юго-западным фронтом, до обеда 22 июня не разрешал привести войска в боевую готовность! В 4 часа утра по московскому времени немцы начали основные боевые действия, а он до обеда не разрешал приводить войска в боевую готовность.

Мобилизация была объявлена только 23 июня официально. Потому что если бы раньше объявили, то в суматохе первого дня получилось бы, что мы агрессор. По тем временам объявление всеобщей мобилизации означало объявление войны. Сталин сделал все, чтобы ни у одной сволочи в мире не было шанса обвинить Советский Союз в агрессии».

Полностью читать здесь: <https://www.nakanune.ru/articles/111817/>

Важна эта последняя фраза Мартиросяна: «Сталин сделал все, чтобы ни у одной сволочи в мире не было шанса обвинить Советский Союз в агрессии». Почему? А потому, что существовал Тройственный пакт.

27 сентября 1940 года в Берлине правительства Японии, Италии и Германии заключили военно-политический союз – Тройственный пакт, более известный под названием “Ось Берлин – Рим – Токио”. В течение полугода к нему присоединились Венгрия, Румыния, Болгария, Хорватия и Словакия, позже – Таиланд (и фактически – Финляндия).

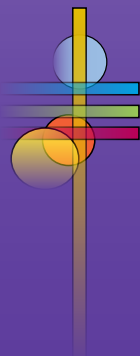
Текст договора гласил (выдержки, прим. автора):

Статья 1. Япония признаёт и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии.

Статья 3. Япония, Германия и Италия соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе. Если одна из трёх договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японо-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами.

Объективно Гитлеру выгодно было нападать на СССР вместе с Японией – вдвоем легче «завалить» такую крупную добычу. Это ясно и без большой политики, исходя из простого здравого смысла. Угроза войны на два фронта дамокловым мечом повисла над СССР.

...В чем опасность, ведь Советский Союз не собирался ни на кого из участников Тройственного пакта нападать, какие тут могут возникнуть проблемы?

На самом деле опаснейшая угроза таилась в следующем моменте. Руководство СССР никогда не сомневалось, что Гитлер рано или поздно пойдет на нас войной, о чём он объявил в своей программной книге «Майн кампф». Так вот, когда Германия для нападения начнёт стягивать к нашим рубежам свои войска, то СССР для обороны будет вынужден ответить тем же. То есть сосредоточить на западной границе не меньшие силы (приблизительно 250 дивизий). Но если советская сторона двинет к границе крупные массы войск открыто либо не сумеет скрыть переброску от противника, то Гитлер в любой момент может представить её как нарушение Советским Союзом пакта о ненападении и развязывание им войны против Германии! Тогда Япония, согласно статье 3 Тройственного пакта, начнёт войну против СССР. Это война на два фронта, а такая война практически неминуемо приведёт к поражению и, следовательно, гибели советского государства.

Таким образом, неосторожный шаг по приведению Красной Армии в боевую готовность мог обернуться для Советского Союза войной на два фронта с фатальными последствиями. Стремление её избежать – это ключ к пониманию действий советского военного командования по “предотвращению провокаций”, под которыми понималось всё, что могло выставить нашу страну нападающей стороной в отношении Германии. Отныне любые передвижения войск в процессе приведения их в боеготовность рассматривались прежде всего с этой позиции – не дать немцам возможности представить нас агрессором! Не дать втянуть СССР в гибельную для него войну на два фронта!

Источник - <https://clck.ru/Wo5cU>

Анатолий Брычков, доктор философских наук, профессор, Григорий Никоноров, кандидат философских наук, доцент, Петрушкин Александр, кандидат военных наук, доцент, в своей большой статье «Невыполненная директива», опубликованной в ВПК (Военно-Промышленном Курьере) № 23 (638) за 22 июня 2016 года, публикуя ряд документов, косвенно доказывающих их правоту, утверждают, что трагедия лета 1941-го не просто неудачное стечение обстоятельств. Если называть вещи своими именами, пишут авторы, то Сталин подозревал измену и имел на этот счет основания. Что касается измены, то авторы дают понять: она, возможно, была на уровне высшего военного руководства того времени...

Кому интересно, можете сами ознакомиться с их мнением. Вот две ссылки (первая и вторая части статьи): <https://vpk-news.ru/articles/31035> и <https://vpk-news.ru/articles/31134>

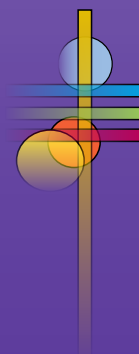
Лично я не верю в предательство наших высших военных чинов того времени. Прямых доказательств нет (и не будет, уверен). Текста самой директивы от 18 июня нет (её изъяли из архивов перед XX съездом?). Есть лишь догадки и предположения. К тому же докторами и кандидатами в статье допущены досадные погрешности и неточности. Их не так много. Но они есть.

В юриспруденции есть термин - ответственность без вины. Да, непосредственной вины Сталина в трагедии 22 июня нет, но это не снимает с него, как с самого главного человека в стране, ответственности за те действия, которые предприняли, или вернее - так и не раскачались для того, чтобы предпринять, его генералы и маршалы.

Личная заслуга Сталина в том, что даже в самый трагический - начальный период войны - он удержал фронты и армии от развала, от повторения печального опыта разложения русской армии в 1917 году...

У Василия Звягинцева, когда он писал свою «Итаку...», интернета под рукой не было. Да и к серьёзным отечественным архивам вряд ли у него был допуск. Разумеется, он писал художественное произведение, в котором вымыслы и домыслы имеют право на существование.

Однако мне, как читателю, любопытно, а что же было в реальности? Например, что случилось с Павлом Рычаговым? Разумеется, ко многим материалам той же Википедии надо относиться с осторожностью. Но не могу отказать себе в удовольствии процитировать из неё вот этот кусочек: «Рычагов летал без кислородной маски. На приборной доске в самолётах, которые пилотировал Павел, были лишь манометры и циферблаты, которые показывали данные о высоте, горючее и масло. Остальное оборудование, в том числе навигационное, отсутствовало. Лётчики могли полагаться лишь на свое зрение и слух. Всего Рычагов совершил более 3000 полётов, из них 500 — ночные; налетал больше 170 000 километров. За один вылет мог выполнить в воздухе до 250 фигур высшего пилотажа (петли, перевороты, виражи и боевые развороты), из которых 40 на высоте 5000 метров, ещё 40 — на высоте 1000 метров, а 25 фигур — у самой земли». Лётчик-ас от бога!

Видимо, трагедия его жизни началась с 9 апреля 1941 года, года на совещании Политбюро ЦК ВКП(б), СНК СССР и руководящего состава наркомата обороны во главе со Сталиным, посвящённом вопросам преодоления аварийности и укрепления дисциплины в авиации он необдуманно, горяча заявил в лицо вождю: «...вы заставляете нас летать на гробах!»

12 апреля 1941 года Павел был снят с должности. Непосредственным поводом стали, как указано в протоколе, «как недисциплинированного и не справившегося с обязанностью руководителя ВВС».

24 июня 1941 года он был арестован НКВД прямо в здании военной комендатуры Курского вокзала, куда он с женой, узнав о начале войны, срочно прибыли поездом с отдыха в Сочи. В ходе следствия его зверски избивали. Одному из своих палачей он заявил: «Теперь я не лётчик, у меня перебита барабанная перепонка уха».

Был расстрелян без суда 28 октября 1941 года. Вместе с ним была расстреляна его жена, заместитель командира авиаполка особого назначения майор Мария Нестеренко, обвинённая в том, что «будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности своего мужа». В 1954 году реабилитирован посмертно. Звание Героя Советского Союза ему было возвращено лишь в 1969 году.

Вот такая реальная драма того, кто является одним из героев публикуемого отрывка...

Какую цель сегодня преследует политика санкций по отношению к России, под знаменами которой объединились США, Евросоюз и еще ряд государств? Во многом ту же самую, которую закладывал Третий рейх, сколачивая блок из своих союзников и сателлитов.

Мы победили. Ценой миллионов жизней. И этого забывать нельзя. И переписывать сегодня историю – преступление! А ведь переписывают.

Примерно так:

1945 г.: СССР - герой, Сталин — герой, фашисты — убийцы.

1961 г.: СССР — герой, Сталин не совсем хороший, фашисты — убийцы.

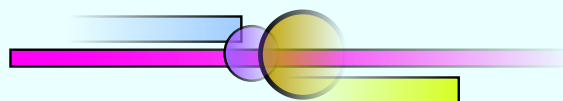
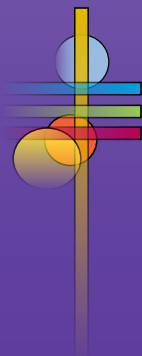
1985 г.: СССР — не совсем герой, Сталин — плохой, нацисты убийцы, но среди них были неплохие.

1991 г.: СССР — не герой, Сталин — убийца, нацисты неплохие, но среди них были убийцы.

2000 г.: СССР — оккупант, Сталин — убийца, немцы хорошие и, если бы не Сталин, среди них не было бы убийц.

2007 г.: СССР — оккупант, который проиграл бы войну, если бы не США, Сталин — изверг, немцы вообще защищались.

2025 г.: СССР начал Вторую мировую войну и строил концлагеря, немцы пытались его остановить.

Добрые рассказы

О прозе Тимы Ковальских

Название, объединяющее три рассказа, на мой личный взгляд, несколько амбициозно. Триптих предполагает решение творческой задачи из трех произведений, объединённых общим замыслом, преемственностью сюжетной линии, одними и теми же персонажами. В литературе это называют трилогией (франц. *trilogia*). К примеру, жизнь человека – «Детство, отрочество, юность» Л.Толстого. Или несколько персонажей, объединённых одной линией, – «Три мушкетёра», «Двадцать лет спустя», «Виконт де Бражелон» А.Дюма. В любом своём проявлении понятие это имеет триединство и раскрывается в том, что существуют не разные фрагменты, а их объединяющее направление. Исходя из этого, три рассказа Тимы Ковальских должна объединять некая общая линия.

Возможно, именно заголовок к этой рецензии ею и является. Так назвал эти произведения ушедший от нас Геннадий Ростовский.

Главные герои в них – простые, добрые, ответственные за свою работу люди. В первом и втором рассказе герои «исчезают», оставляя после себя многоточие, а вот последний рассказ имеет логическую точку.

Само название «Герои» у многих читателей может вызвать ассоциацию с некими выдающимися людьми или подвигами, но, вероятно, с точки зрения автора, быть обычным, добрым человеком, честно выполняющим свою работу в совранном мире – героизм. Однако примем в данном случае самое простое объяснение – это литературные герои. Так, наверное, понятнее.

Читаются рассказы легко, сюжет затягивает, но, при этом, для лучшего понимания внутреннего мира, мне не хватило описание литературных героев.

Вот что показывает нам автор:

«Напротив меня стоял мужчина. Лет ему было за пятьдесят. Одет был в робу из грубого сукна. Непомерные калоши и кепка».

«Грубыми пальцами он поддел фильтр и ловко вытащил одну сигарету.

– Спасибо.

В этом слове было столько добра, сколько я еще не встречал в этой жизни».

«– Вы чего делаете? Он же может упасть. Пораниться, – тихо произнес Толик.

Эти слова из его уст звучали не как осуждение, не как выговор за плохое дело... По-доброму. Без лишних эмоций и действий».

Однако этого слишком мало для описания героев!

Характер дворника, в основном, передается через действия. Лишь один раз упоминается усталый взгляд. Но если надо показать доброго человека, то лучше было бы показать читателю внутренний мир персонажа через улыбку, жесты, глаза, как зеркало души,

Того же, на мой взгляд, не хватило и в рассказе «Натахе»:

«Я посмотрел на Натаху. Ей было сорок три (она сама потом рассказала всю биографию). Высокая. Кудрявая. Развелась недавно».

«Натаха никого не стеснялась, то и дело покрикивала на входящих людей в помещение.»

«Натаха работала хорошо. А главное – весело.»

Мы узнаем, что она приютила бездомных кошек, накормила бомжа, то есть добрый человек.

Это, конечно, характеристика, но нарисовать ее образ в воображении так и не получилось.

Сорок три года, высокая, кудрявая. А как она смеялась, улыбалась, искрились ли ее глаза, худая, поленькая и т.д.?

Возможно, причина в заданном небольшом объеме произведений...

Наталья
Сергеева

Завершающий, но, вероятно, главный рассказ уже в заглавии несет особое отношение автора: «Олюшка».

Интерьер библиотеки описан даже слишком подробно: «Внутри помещения пахло олифой. Прелым чем-то. Мне на минутку показалось, что проветривали тут в последний раз, когда вставляли окна и двери... Коробки у стены стояли. Сломанные стулья. Скучно со светом было. Я прошел по коридору и очутился у стойки, где выдавали и принимали обратно книги».

Но вот появляется Олюшка: «Деревянная дверь распахнулась. И вышла девушка. Невысокая. Темненькая. Мило улыбнулась, увидев меня».

Всё! Иными словами, в таком зримом интерьере появляется некая тень девушки.

Потом о чём-то о своём, но мы можем об этом только догадываться:

«Той зимой моя жизнь состояла не только из походов на работу, отдыха, кино, но и... Из небольших диалогов с Олюшкой. Фактически они ни к чему не приводили, хотя с каждым разом я всё лучше и лучше узнавал её».

И когда мы читаем, что «она похорошела», у нас не с чем сравнить, да и в чём похорошела – это тоже остается загадкой.

И вот финал:

«Наши небольшие диалоги с Олюшкой завершились седьмого февраля. Потому что тем вечером я дождался её после рабочего дня. Мы поехали в уютное место под названием «Эспрессо 2.0». Пили сладкий кофе. И говорили о книгах. Долго. И не вполголоса.

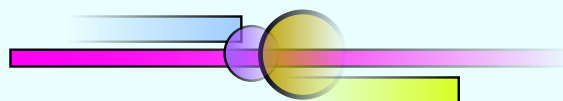
А за книгами я теперь не езжу. Олюшка сама приносит их домой».

У любой женщины, одной из которых являюсь, возникает вопрос об уровне отношений: В их общий дом или в качестве кого?

С первого прочтения мне показалось – Harry end...

Но теперь однозначно я бы этого не сказала.

И все-таки рассказы хорошие. Они о добре в поступках людей, с намеком на то, что таких людей сейчас становится все меньше.

Беречь души, а не лечить?

О прозе Алёны Белоусенко

На интернет-портале «Российский писатель», где я впервые познакомился с рассказом Алёны Белоусенко «Динозавры», мне встретился только один положительный отзыв: «Трагический, современный, блистательно написанный...»? Я готов с этим поспорить, несмотря на то, что произведение публиковалось в журнале «День литературы» и вызвало симпатию у жюри общероссийской литературной премии «В поисках правды и справедливости». Полотно неплохое, не без изюминки, и написано своеобразно, с претензией на упомянутую современность, в угоду которой принесена глубина. Основные скрепы сюжета – тайные чувства девятилетнего мальчика Юры к своей соседке по парте, Кате. Они выглядят убедительно и написаны довольно неплохо:

«...Юра сидел на скамейке и наблюдал закат. Иной раз ему было приятнее находиться здесь, в тишине, одному, чем общаться с кем-либо. К тому же вечернее небо притягивало его, словно пытаясь шепнуть что-то важное. И его яркие, нежные волны подсказывали Катину имя. Они – закат и Катя – были одного рода-племени и берегли одну тайну на двоих».

Но привязать их практически не к чему. Описательные пассажи скупы, а образы героев нераскрыты. О Кате известно только то, что у неё розовая кофточка и пушистые волосы. Для полноценного образа этого недостаточно, тем более, что это является первопричиной халатности Юры к хвостатым земноводным и коровам, превращённых фантазией парня в некое подобие доисторических животных. Сравнение интересное, но неубедительное. Мне кажется, автору не хватило ярких штрихов. Вообще, коровы в её творении выглядят лучше всех. На них держится завязка сюжета.

«...почему столь юные авторы пишут, ну или стараются писать, о деревенском быте? Неужели автора, красивую юную девушку, москвичку, волнует герой, не загнавший домой корову?» – задаются вопросом читатели «Российского писателя» и я вместе с ними. Ключевое выражение «или стараются писать» мягко указывает на несостоятельность прозы Белоусенко.

Я не зря отметил закатную тему. С неё бы и начать, по хорошему, а не с абзаца, переполненного местоимениями «что» и глаголами «был»:

«Юре было девять лет, но он мало что понимал про себя. Разве что носил внутри чужие, брошенные в него фразы, осторожно, слово в слово. И потому (он) знал, что нравом пошёл в отца, хотя ни разу его не видел. Знал ещё, что глупее многих других детей и что шутки у него несмешные. И достаточно было этих скудных штрихов, чтобы мнение о себе Юра имел весьма жалкое».

Не критично, но сильным письмом это не назовёшь. Выражения вроде «трепещущей души» следует «выжигать калёным железом», как говорил мне один редактор. Глядя его глазами на текст, я заметил ряд несуразностей. Что означает «...и метался хвост (коровы) влево-вправо»? Я не верю в его движения в одной упомянутой плоскости. Их можно было бы отразить словами «в разные стороны». А фраза «Дом молча выгонял его, и он послушался его» вообще непонятна, поскольку нет разъяснения внутреннего мироощущения героя, который неохотно слушался мать, но выполнял веление неодушевлённых предметов (!). Так же поставило в ступор выражение «мамины глаза щелкнули злостью». Может, вспыхнули? Или зажглись?

Но подобные казусы поправимы. Я хочу от всей души поддержать Алёну, так как работает она в нужном направлении. Деревни и сёла по всей стране разрушаются, люди теряют человеческое лицо. И хотя об этом в рассказе «Динозавры» – ни слова, за строгим характером Юриной матери, за её немногословностью, добротой и нежностью, выраженной в незначительных деталях, всё это чувствуется. Не хватает, опять же, акцентов, умения довести такие мелочи, как апельсины до абсолюта:

Максим
Жуков

«На кухне, в тарелке для супа, лежали четыре дольки апельсина. Юра вздохнул. Он ощущал себя самозванцем, который заполучил сладость, принадлежащую другому, хорошему мальчику. И эта сладость не радовала».

Вот что мешало указать автору, каких трудов стоили эти апельсины? Как, скажем, дикие хищники так и норовили увести телёнка в холодную зимнюю ночь; как домашнее хозяйство вызвало зависть соседей? И как, самое главное, мальчишка всё это видел, и оттого его «сладость не радовала»? Круг его интересов сужен до неба над головой и смазливой девчонки, но он не разгильдяй, и душой вовсе не чёрств. А поэтому просто необходимо было поработать над окружением хотя бы ближайших домов и его жителей. Дать читателям правду, пусть не такую же страшную, как в фильме Романа Жигалова «Лес», но всё же неподкупную голую правду, и на ней уже строить извечную тему любви.

Рассказ «Миражи» лишён грубых огрехов и написан современным, во всех смыслах этого слова, языком. Читается легко. Описательная часть крепкая, но диалоги пустые. Темы весьма злободневные: современная зараза, именуемая коронавирусом, неустроенность на работе, злое и алчное начальство, и люди, которые «в девяностые все подсаживались на Кашпиоровского, а теперь, в пандемию, хватаются за местных шарлатанов». В центре сюжета – как раз упомянутые лица: деи, тщательно скрывающие своё гнилое нутро и две молодые девушки, сёстры. Последние, не строя особых надежд на чудеса гадалки Тамары, просят, по сути, наворожить им денег и любви. Но ничего из этого им явно не светит во вместилище зла, где икона Божьей матери и лампадка соседствуют с колодами игральных карт и визитками.

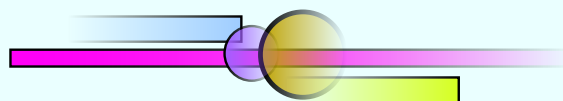
Бегло и спорно показана ситуация с пандемией. Особенно, меня задел этот пассаж. Я считаю его верхом безнравственности и цинизма:

«...Мэр наш съездил в Москву к любовнице, заразился там, а потом поехал ветеранов поздравлять. Щёлкался с ними, обнимался. Фотки теперь по всей сети ходят. С температурой же приехал! Его-то вчера увезли на вертолете в эту же Москву. А у нас даже ивл нет».

Разговорная речь настолько изобилует сленговыми выражениями, что просто не воспринимается вообще. Её пропускаешь, ищешь привычную русскую речь, а её всё меньше и меньше! Диалоги, диалоги... И сквозь них – скотские желания героинь, одна из которых идёт в ногу предсказанным гадалкой миражам, а другая решает забиться в угол и «листая фотки» переждать страшное бездуховное время. Но чего стоит это ожидание? Это осталось за кадром...

«Мойры» – пожалуй, самый сильный, взвешенный по смыслу и содержанию рассказ. В нём много описаний природы, простых и понятных слов, и если бы не безразличное отношение к животным, я бы честно дал самый высокий балл этому произведению. Молодая женщина едет с отцом в машине. Из их разговора становится понятно, что женщина только что развелась с мужем, у ее отца с матерью взаимоотношения не сложились. И тут под колёса автомобиля попадает лисица, в повествовании эта трагедия ничего не меняет. И в этом я вижу страшный трагизм, который по ошибке присвоили «Динозаврам». Он заключается в падении культуры и нравственности в современной обёртке потока сознания, хотя, говоря по правде, потоком это не назовёшь. Разве что отдельные мысли и выражения, не привязанные к стержням сюжетов.

Бесспорно, Алёна Белоусенко обладает талантом, её произведения вызывают горячий отклик в душе и именно поэтому они нашли место на страницах «Гражданина». Жаль, главного я в них не увидел – это чёткой гражданской позиции и, в конце-концов, веры, без которых её поток мыслей и настроений обречён беречь души, а не лечить.

Очарованный Крымом

О прозе Дмитрия Тарасенко

Несколько слов о писателе Дмитрии Николаевиче Тарасенко (1950 -2021)

Предисловие к неизданной книге

Создать книгу крымских легенд, приемлемую для современного читателя, – дело сложное и ответственное. Задача автора – крымского прозаика, поэта и краеведа Дмитрия Тарасенко (1950 -- 2021) – состояла не только в придании литературной формы давно известным сюжетам. Автор предлагаемых легенд хотел перенести читателя в другие времена, провести по легендарным местам, вместе разобраться в событиях, которые стали легендарными. При этом надо сохранить народный колорит и фантастическое наполнение текста, но не смутить читателя излишними чудесами и не нарушить его первоначальный возвышенный настрой. Согласитесь, мы готовы принять лишь те сказочные события, в которых видим символы счастья и горя, любви и коварства, земной жестокости и небесной справедливости. Приняв это всё и опьянев от волшебства, взрослый человек насыщается чудесами.

*И моряка и книжного доцента
Равно влечет туманная легенда,
Как вещь в себе, собою хороша.
Подобьем витаминного экстракта,
Легенда оживляет прозу факта,
Она ему – что смертному душа!*

Н. Тарасенко

Николай Фёдорович Тарасенко (1919-2017)
Из предисловия к последней книге
Дмитрия Николаевича Тарасенко

Юрий
Юзов

*Соберу в однодневный букет киммерийские маки,
акварели на стены – для будущей долгой зимы.
Не судьба мне расстаться с листом чистой белой бумаги...
Для искусства, дорог и небес
Богом созданы мы.*

1991. Д. Н. Тарасенко. Над Карадагом

Дмитрий Николаевич Тарасенко – писатель, прозаик и поэт, бард, публицист, известный краевед, крымский гид-экскурсовод, автор целого ряда популярнейших книг о Крыме – был из тех людей, о которых хочется сказать: этот человек – простой и ясный, честный и бесхитростный, щедрый и бескорыстный. По-настоящему русский: беззаветно преданный краю, в котором ему выпало прожить жизнь, и безусловно любящий страну, в которой сформировалась и состоялась его незаурядная личность. Друзей, с которыми он готов был разделить всё, что имел - было не так уж много. Но с каждым из них была связана вся жизнь – годы дружбы, значимые поступки, написанные в прозе и стихах строки, спетые песни. Он дорожил каждым из этих людей, восхищался ими с почти детской непосредственностью и искренностью. И никому бы даже в голову не пришло сказать о ком-то из них в присутствии писателя что-то нелестное: в отношениях с людьми писатель отличался особой щепетильностью и бережностью, почти рафинированной чистотой, которая ныне редко встречается в людях.

Это качество проявилось и в писательском даре: в его стихах и прозаических сюжетах нет ни мутной двусмысленности, ни излишней усложненности. Напротив: атмосфера его литературных произведений отличается особенной «дневной», солнечной атмосферой, прозрачностью, ясностью образов и сюжетных линий, отсутствием морализаторства и непередаваемой эмоциональной теплотой.

Он любил жизнь и всё, что с ней связано. Считал своей религией – согласно его словам – природу и искусство, их неразрывное сочетание. В его словах не было лукавства: и к природе, и к искусству он относился по-настоящему благоговейно, видя в них священное начало, истинное проявление духовной жизни человека, чей путь от природы к искусству представлялся ему божественным Промыслом и Тайной жизни. Хотя писатель и считал себя атеистом, по большому счёту – его непосредственное, почти детское удивление перед секретами природы и искусства имело характер почти сакральный.

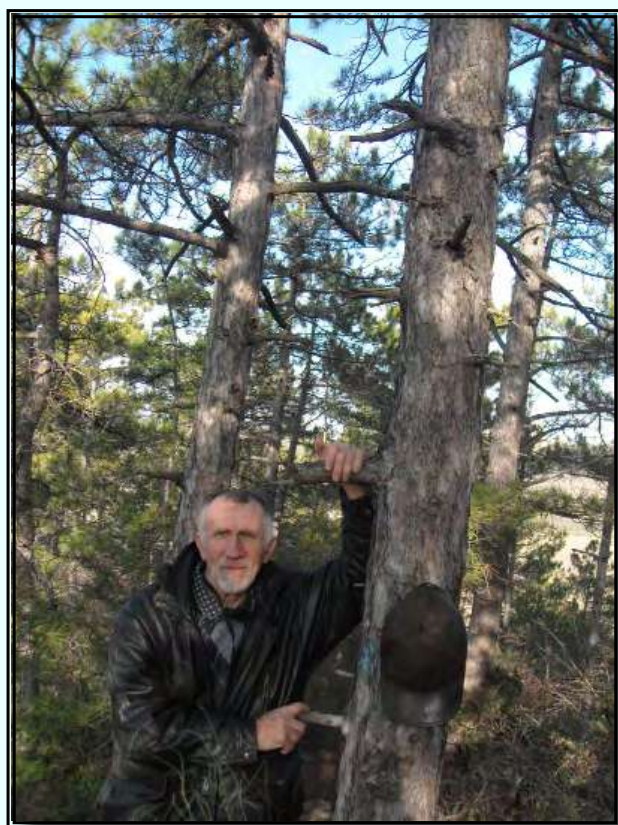
С наукой о жизни была связана его первая профессия – он закончил Симферопольский университет, получил образование биолога. До конца жизни он сохранял удивительную любовь – к растениям и животным, к земле и любой работе, связанной с ней. Его жадный интерес к жизни во всех её проявлениях обнаруживался во всём: во внимательности к любому слову, сказанному собеседником, в интересе к жизни каждого человека, с которым пересекалась его жизнь. Он любил море и горы, увлекался спелеологией и восхищался дельтапланеризмом, знал свой край досконально – от горных троп до сталактитовых гротов, от крохотных селений, затерянных в Крыму – до превосходного знания запутанных улочек каждого крымского города – Керчи, Ялты, Севастополя, Симферополя, Бахчисарая...

Вторая его профессия была – писатель. Литература была его страстью. Он обладал огромными познаниями в этой области – помнил наизусть стихи поэтов Серебряного века, мог часами говорить о жизни Грина, Волошина, Ахматовой... Жадно интересовался творчеством своих современников – превосходно знал поэзию, прозу, привычка к чтению сохранилась у него до конца жизни.

Рассказы, повести, очерки, стихи и песни Дмитрий Николаевич создавал с юности. Жанры его стихов – самые разные: от иронических, а подчас сатирических, бытовых сюжетных зарисовок – до пронзительной пейзажной и любовной лирики, от простых песенных строф до сложнейшей вязи «венка сонетов», где каждая фраза была отточена с почти античной скрупулезностью. В вопросах творчества он был полноценным наследником своего отца – старейшего советского писателя, Николая Федоровича Тарасенко. Какие-то произведения публиковались, какие-то – оставались известными узкому кругу друзей. Его стихи издавались фрагментами – в сборниках и антологиях. И только за год до ухода была издан небольшой сборник его безупречных по стилю и качеству стихов – книга «Короткий сон».

Крым для Д.Н. Тарасенко был всем: здесь он родился, вырос, выучился, прожил всю жизнь, дал жизнь своим детям (у него осталось трое сыновей). Здесь жил его отец — прозаик и поэт, которого называли «крымским отшельником» и «патриархом литературного олимпа Крыма». Отец ушел в возрасте 98 лет, в 1917 году – за три с половиной года до ухода самого Дмитрия Николаевича.

О Крыме им написано несколько книг-путеводителей, среди которых центральными признаны

«Западный Крым», «Восточный Крым» и «Подземный Крым». Все книги написаны превосходным художественно-литературным языком, в неподражаемом индивидуальном стиле, легко читаются, охватывают не только географические достопримечательности, но и освещают «вглубь» богатейшую историю Крымского полуострова. Книга «Подземный Крым» - из всей краеведческой литературы является, пожалуй, поистине уникальной. Она посвящена описанию карстовых пещер, античных каменоломен, шахт, копей и катакомб, древних курганов, склепов, а также подземных убежищ военных и послевоенных лет, засекреченных в прошлом подземных заводов, военных батарей и всевозможных малоизвестных подземелий, в которых в средние века находились человеческие поселения и центры религиозной жизни – монастыри, церкви, часовни.

Ещё одна уникальная книга, написанная Д. Н. Тарасенко - «Очарованные Крымом» . Это целая

энциклопедия имён людей, чья судьба пересеклась с Крымским полуостровом - тех, кто оставил свой след на Крымской земле, и в чьей жизни Крым тоже стал важным этапом в творческой или научной биографии.

Касаясь всего, что связано с Крымом, автор поднимает целый пласт истории и культуры, иногда несколькими точными штрихами показывая взаимосвязь времен, событий и людей на уровне тончайших судьбоносных связей.

«Легенды Крыма» - последняя, самая поэтическая, итоговая по сути, книга писателя. Здесь, кажется, сошлось всё, чем занимался Дмитрий Николаевич на протяжении всей жизни: знания и опыт, творческая фантазия и глубокое знание крымской истории и культуры. Вспоминается случай из его жизни, когда писатель давал интервью в одной из крымских телепередач и рассуждал о достоверности легенд. Многие из них придуманы, и найти им подтверждение невозможно. На вопрос ведущего, стоит ли потакать «выдумкам» или всё же есть смысл развенчивать «мифы и легенды», созданные «из воздуха», Дмитрий Николаевич энергично возразил: «Зачем же у людей отнимать сказку?» Среди сюжетов легенд, подаренных им читателям, есть те, которые бытуют в среде крымских экскурсоводов, и те, которые созданы им самим. Но никогда рассказанные им легенды не являются чистой выдумкой, плодом воображения. Каждый сюжет его книги, посвящённой легендам – огромный ментальный пласт, связанный с историей, верованиями, культурно-исторической атмосферой Крыма.

... Бывают люди, живущие ярко, громогласно, и кажется, вокруг такой личности творчество кипит и бурлит. А уходит человек – и вдруг обнаруживается, что создано и оставлено в наследство человечеству не так уже много. У Дмитрия Николаевича всё было в этом смысле наоборот. Жил он тихо и скромно, как и его отец. И лишь после ухода его огромное, разнообразное по формам и содержанию, творческое наследие стало очевидным. В его книге «Очарованные Крымом» - пятьдесят восемь имён. Но в каждую историю вписано и его имя - очарованность родным краем и жизнью во всех её формах, людьми, историей, русским словом. Яркий след, живая легенда, оставленные на крымской земле.

Интересно и необычно

О прозе Максима Жукова

Побег от дьяволов Кармадона (глава из романа «Голоса Кармадона» – вольная интерпретация известных событий)

Фрагмент прозы Максима Жукова, предлагаемой читателям в альманахе, может быть оценён довольно высоко. В первую очередь, за крепко сбитую конструкцию данной главы и добротный с сочными художественными тропами русский язык. Эта вещь читается легко и даже с большим любопытством. В этом фрагменте, как на картине, Максим Жуков показывает уверенными красочными мазками последние минуты жизни главного героя – Сергея Бодрого-младшего в Кармадонском ущелье.. Изменение одной буквы в фамилии не должно никого вводить в заблуждение. Всё понятно. Это именно он – знаменитый Сергей Бодров-младший. По большому счёту, этот фрагмент прозы создан в стилистике документального жанра с элементами художественности. Вот типичный образец такого текста:

«По прибытии на место съёмки решили сделать несколько кадров со склонов, где ютились жилища местных жителей. Кинематографисты, не привыкшие к перепадам температуры, давления и ощутимым физическим нагрузкам, то и дело останавливались и бросали баулы с техникой на каменистые пропlesiны гор. Бобров в такие минуты кругами ходил вокруг измотанного персонала и поглядывал на окрестности, одобрительно кивая в такт музыкальным аранжировкам для фильма, беспрестанно крутившимся в миниатюрных наушниках. Кармадонское ущелье выглядело даже лучше, чем ему обещали. Нетронутая человеком земля завораживала живописными долинами, горбатыми сопками и целебными водами».

А вот дальше, буквально следом за предыдущим отрывком, читатель погружается в другой текст, где концентрация эстетики на порядок выше документальности:

«Набредая на тугие струи, мощные, как сжатый кулак, и холодные, будто замороженная сталь, группа пила из них жадно, не в силах оторваться».

Такая смесь ничуть не отталкивает от чтения предложенной нам главы. И это совсем не эклектика. Здесь, на мой взгляд, умышленное или, точнее, авторское соединение двух направлений в единое течение для более яркой демонстрации задуманного автором. И это, бесспорно, удалось Максиму Жукову. Нерв напряжения очевиден и пульсирует во всём тексте.

Этот фрагмент о том – как бы могло бы быть.

Художественный вымысел, который никто еще никогда не отменял.

Имеет ли автор право на этот вымысел? Имеет, конечно.

Однако здесь от автора требуется большая деликатность и осторожность. Здесь описывается всё-таки известный и популярный человек, жизнь которого многим известна. Всегда будут возникать вопросы: а так ли он говорил, а так ли он мог посмотреть, а так ли он сделал или мог сделать? Читатель не знает реального Сергея Бодрого-младшего, как знают его близкие, родные и друзья. Так вот, показывая нам своего Сергея, автор берет на себя смелость создания такого главного героя, который может не совпасть с образом, сложившимся, к примеру, у родственников и знакомых с ним в реале. Конечно, читатель поверит в образ, который предлагает Максим Жуков, потому что красочность и рельефность созданы с большим мастерством. А как же правда жизни? Но здесь уж только так: или правда, или высокая эстетика.

В тексте есть несколько слабостей. Это, в основном, касается лексики.

Я увидела, к примеру, фразу, которая меня остановила и рассмешила одновременно своей потрясающей двусмысленностью –

«выйти на связь с любимой женой». Во-первых, выйти на связь с нелюбимой женой – звучит так же странно, как основной вариант. Во-вторых, выйти на связь... с женой – ставит читателя в ступор. А ведь речь всего лишь идёт о мобильном телефоне.

И встречаются вот такие фразы, как «но запомните – горы не прощают ошибок», совершенно истёранные и затёртые выражения.

От всего этого нужно избавляться на берегу.

Вероника
Астрова

Драматургия Юрия Табачникова

Грехи наши тяжкие?

Юрий Табачников

Станция «Ч»

Пьеса-антиутопия

Во все века люди задумывались о том, что происходит с их душами после смерти. Или что происходит после утраты близкого человека с душой этого человека. Религия говорит о бессмертии души и существовании загробного мира, давая ему разные определения: Чистилище, Ад и Рай. Литераторы, в том числе и драматурги, не обошли данный вопрос стороной.

Пьеса Юрия Табачникова «Станция «Ч»» обращена именно к этой теме.

Автор на примере судьбы и смерти своих персонажей пытается показать нам грехи каждого героя пьесы. И дать оценку их жизни, чтобы ответить на главный вопрос – куда им дальше: в Рай или Ад?

Автор обозначил свое произведение как антиутопия. Антиутопия – явление наджанровое и является пародией на утопию, а в драматургии антиутопия изначально служила способом обдумать или пережить страх от чего-либо в жизни людей. Это инструмент осознания происходящих потрясений или проблем во всех сферах жизни общества. Кстати, пародийность не предполагает обязательного комического эффекта.

В пьесе «Станция Ч» комическое сочетается с трагическим.

Героями произведения стали представители разных социальных слоев: от «депутата» до «бандита». Центральное действующее лицо – «Хорон» (администратор станции «Ч»).

Динамично и убедительно в диалогах через лексику раскрываются характер и мировоззрение каждого героя.

Отметим, что наиболее яркая речь у «Бандита» с различными жаргонизмами:

«Гады, заперли. Меня? Да я... век воли не видать, урою гадов. (ШАРИТ ПО КАРМАНАМ) Перо где?! Ох, падлы. Да я тебя и так урою (подбегает к Хорону. Хочет ударить, но не может поднять руку) Чего это? Чего?!»

«Будем чалиться в «крытке» вечной».

Депутат правительства. Это немного странно. Не хочется придирается к понятию «депутат правительства». Давайте позволим автору такую неточность, как олицетворение чиновников, номенклатуры в целом.

Отношение к нему у других действующих лиц однозначно негативное (как часто и бывает в реальности):

«Акушерка: Сам дерьмо. Ворюга. Мы для вас ничто. Грязь. Козёл!!!

Художник: Замолчите. Никчемный вы человек.

Бандит: Точно в рог дам. Заткнись ты уже. Я знаю, кто я, и ты своё место знай. Я вор. Ради куража воровал. А ты и нас, и страну обворовывал. Так чей грех греховней, а? Вот и затихни».

Однако, в сущности, это стереотип, штамп.

Итак, на станции «Ч» (чистилище) под шум постоянно проезжающих поездов решается судьба душ пяти умерших людей.

Для зрителя возникает вопрос: Кто из них достоин Рая, а кто нет?

Не каждый из нас силен в богословии. Рассуждаем мы, как и автор, на понятном всем бытовом уровне.

Очевидно, «депутат», «бандит» и «акушерка», делавшая аборт, заслуживают Ада.

Но как быть с несчастной женщиной-самоубийцей и бедным художником?

«Хорон художнику:

«Высший суд не знает слова ошибка. Вы при жизни уже заглянули в Ад. И хоть не смогли ничего сделать для жизни, но помыслы ваши сочли достойными шанса. Пусть ваша душа использует его. Платформа «Р»».

Участь самоубийцы, по мнению автора пьесы: «Вы остаётесь между мирами. Вашей душе назначен срок покаяния. (пролетает электричка) На сколько? Решит время. Пройдите в другой зал ожидания».

Пусть таки будет.

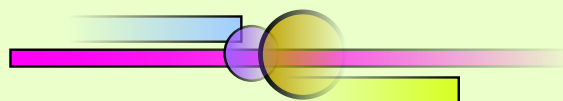
Наталья
Сергеева

Хочется заметить, что среди попавших в Чистилище нет служителей церкви или просто верующих. Интересно, какой диалог мог бы состояться между ними и персонажами пьесы? В целом, произведение Юрия Табачникова посвящено проблеме добра и зла. Финальный монолог именно об этом.

«Хорон: Вот и опустело. Ненадолго. (смотрит на пустые стулья. Снимает фуражку. Садится на один из стульев) Бесконечно движение поездов. Круговорот добра и зла. Скоро эти места займут другие. Если бы люди знали, что все их земные дела фиксирует бескомпромиссный Суд Вселенной, возможно, что и сама жизнь стала бы иной. Возможно. Как же я устал. (надевает фуражку) Устал. (покидает сцену)»

Нельзя прожить жизнь не греша. Так уж сложилось. В душе каждого идёт постоянная борьба света и тьмы. Пьеса заставляет задуматься зрителя не только о бренности бытия, но и об ответственности человека перед своей душой за любые наши поступки. Любые?

Редакция литературного альманаха «Гражданинъ» продолжит сотрудничество с талантливым писателем Юрием Табачниковым. И в следующем номере альманаха намерена опубликовать его прозу – два очень ярких и весьма необычных рассказа.

Разгадывая загадки поэзии

Сразу скажу, что на сей раз я не читал критический материал Романа Тихонова, поэтому мне самому будет весьма интересно сравнить наш рецензии.

Владимир Безладнов

В первую очередь, стихи этого поэта привлекают своей своеобразной музыкальностью, созданные с помощью определенной ритмической схемы – перед нами типичный логзед (застывший дольник). Такие стихи по заранее установленным ритмическим рамкам писать очень трудно и мало кто решается на это, ибо легче всего работать в естественной для русского уха силлабо-тонической системе. Для Владимира работать в ритмической схеме логзед – не проблема. Не случайно все три его стихотворения, представленных здесь, написаны именно в этом ключе. Такие попытки вырваться из привычных стандартов стихосложения могут вызвать только одобрение и поддержку.

В стихах «Провинциальная актриса» поэт взялся за тему смерти близкого человека. Свою искреннюю печаль автор, без всяких сомнений, передаёт и доносит до читателя. Да, я верю, что это большое горе и боль для поэта. И сочувствую ему.

Однако заголовок этого стихотворения существует как бы сам по себе. Заявлено – провинциальной актрисе. Читатель ждёт нечто об актрисе или театре, хоть что-нибудь, хоть намёк, а в ответ – ни слова. Воспоминания есть, но воспоминания чего угодно, кроме воспоминаний об актрисе или театре. Ну, если нет ничего в стихах об актрисе или театре, то и не надо было придумывать такой заголовок. Он не отражает саму тему стихов.

К сожалению, это известная ошибка многих поэтов – несоответствие темы стихотворения заголовку, расхождение между содержанием и названием произведения.

И вот эта строфа совсем непонятна:

*В ритм сегодняшней – чужой жизни.
Неизменны только: хлеб житный,
Чернозем – под сапогом – жирный,
Да снующая в траве живность.*

К чему это сказано? Просто сами задумайтесь над этой инородной строфой. Она здесь чужая. Если честно сказать, то сделано это всё лишь для одного – срифмовать всё, что попало под руку.

Резюме: этим музыкальным стихам не достаёт цельности и логического стержня при всей их яркой и привлекательной эмоциональности.

Стихотворение «Новогоднее» уж очень напоминает песенки поэтов 50-60 годов прошлого века. Они тогда высоко ценились в застольях или у костров в туристических походах. Особенно популярными были А.Галич и Ю.Визбор.

И вот эти стихи «Новогоднее» вполне можно петь под гитару. В плюс автору можно поставить ряд художественных приёмов и уже привычную экспрессивность. А вот обращение к Богу здесь – только для аплодисментов. Поверхностно – нет глубины. Да и финальное пионерское кокетство с торжественным оптимизмом вызывает при чтении неловкость и недоверие.

Стихи «Жене» весьма слабые. И совсем не потому, что рифмы плохие. Зарифмовать женскую характеристику – не великая работа. Точнее сказать можно так: лёгкость пера присутствует, но глубины нет. К плюсам можно отнести авторские эмоции и некоторую долю юмора.

Виктор Карпушин

Стихи этого автора по сути своей – зарисовки. Сразу можно отметить отсутствие чёткости, точнее, чёткой картины – как в форме, так и в содержании. Но это совсем не плохо. В сущности, перед нами стихотворный импрессионизм. Поэт цветными мазками рисует пейзаж или бытовую

Арсений
Кшеинский

сценку, где, на первый взгляд, мало смысла, но много нюансов. И надо признать – мелочи рожают ассоциации.

Вот такие строфы, построенные на ассоциациях, рожают поэзию.

К примеру:

*Старик с утра забрасывает сеть,
Но рыбки золотой не видно что-то...
И бабушка не требует отчёта,
Ей радостно на ландыши смотреть.*

Однако, в целом, стихи Виктора, как молодое вино, не имеют насыщенного вкуса. Они мутноваты и с какой-то «кислинкой». Вроде не плохо, а зацепиться не за что...

Особенно это заметно в стихотворении «Колдующий у озера рыбак», где замутнённости пронизывает буквально всё, а больше всего проявилось вот в этих двух финальных строчках:

*И странник неприкаянный бредёт,
И отчего-то легче прочим людям.*

Стихи «Ах, вы сени вы мои, мои саночки» – типичная стилизация под старину. Но бывают стилизации, которые хочется долго рассматривать, слушать или читать. А здесь этого нет. Это как новодел из пластмассы. Не хватает качества и материала, и работы. Чувствуется облегченность, граничащая с небрежностью.

Однако стихи этого автора, надо признать, всё-таки крепко сбитые под умелыми руками.

Андрей Данильсон

Серьёзно анализировать стихи этого поэта как-то не получается. Складывается впечатление, что перед нами начинающий версификатор. Сбои в ритмических схемах и часто выскакивающие очень плохие рифмы – это еще не самое печальное.

Стихи «Обратная сторона медали» – ритмический речитатив, можно сказать – рэп, причем весьма корявый. Вот образец такой нелепости:

*Вороны кружат серые, наследники харизматиков.
Арбузы на вид спелые, но не хватает фантиков.
И не хватает совести ставить опять на красное.
Мы дописали повести, откройте нам вход в прекрасное!*

Если поэт будет такой рэп использовать и дальше, то с поэзией можно заканчивать.

Стихотворение «Остыли страсти» – пример невозможности найти смысл в бессмыслице.

Прочитайте внимательно эту строфу:

*Остыли страсти, брошены цветы
к могиле нами преданной любви.
Мы так хотели, но не сберегли,
Зато не пали воинами на поле.*

Если бы такие стихи какой-нибудь школьник показал своей учительнице по литературе, преподавательница обязана была бы сказать ему:

– Мальчик, больше не пиши!

Евгений Харитонов

Стихи этого автора, в целом, вполне читабельны. Автор владеет поэтическим мастерством. А наиболее сильное стихотворение, бесспорно, – «К 25-летию развала СССР». Такие стихи создаются, как говорится, на одном дыхании. Кстати, самые сложные для написания стихи – это стихи на политические темы (гражданская лирика). Они меньше всего удаются поэтам. Писать такие стихи, как ходить по канату. Один неверный шаг – и ты упал. Очень сложно соблюсти баланс между заранее понятной пафосной темой, своими эмоциями, формой и острым содержанием. В данном случае автору удалось создать яркие политические стихи. Здесь гражданская тема звучит в полный голос. А вот стихи «Сталинград», кстати, тоже из этого политического или гражданского направления, у автора не получились. В тексте слышится набор штампов, искусственный пафос, многословие или, точнее, пустословие. Одним словом сказать – всё здесь вторичность, так как было раньше у других поэтов.

Остальные стихи Евгения исполнены в упрощенной и традиционной манере, а именно: простые темы, простые формы и простое содержание.

Александр Рыжков

Стихи этого поэта имеют чётко выраженную идейную основу, что, к сожалению, встречается сегодня очень редко. У автора есть идеи, которыми он делится с читателями. И эти идеи привлекают внимание. С ними можно спорить, отвергать или принимать. Главное в том, что эти идеи есть у автора, и он умеет их подать, воплотив в стихотворения.

И вот что немаловажно: поэт реализует свои идеи на достойном и весьма качественном уровне. Его стихи обладают внутренней энергией, они захватывают, они требуют читательской работы над текстом, а это дорогого стоит!

Наиболее яркое стихотворение – «Работа, дом, работа, дом». Это о неизменности жизни простых людей. В стихах много обречённости. Но бытовая картинка схвачена автором цепко и энергично. Стихи дышат, живут, волнуют. Хотя, конечно, рифмы – слишком просты, если не сказать, слабоваты...

Самое поэтичное произведение – «Адресаты». Стихи созданы с большим изяществом и вкусом. Здесь тонкое искусство шлифовки деталей соединяется с естественной эмоциональностью уставшего от жизни человека.

*А внутри, за коричневой дверью,
Время скатерти пылью покрыло.
Может быть, я вернусь и поверю,
Счастье... кажется, здесь оно было.*

Стихотворение «Гаражи» – замечательная фотография городской окраины. Правда, не совсем понятна последняя фраза – «И русским простите долги!» Из этой фразы неясно, кому должны русские и кто им должен простить долги. В стихах очевидна внутренняя энергия и какая-то недоказанность или предчувствие чего-либо.

В стихах «Двери» идея очень проста – человек является частью какой-то неисправной системы. Конечно, мы догадываемся, о чём идёт речь. Однако то, что нам всё понятно, и то, что всё так очевидно, ослабляют воздействие этого стихотворения на читателя.

Это надо предусматривать и по-возможности от этого избавляться.

Владимир Родионов

Этот автор пишет стихи-картины, красочные и насыщенные деталями. Эти стихи тягучие из-за разнообразных подробностей. Это такой стиль сочинения. К примеру, стихотворение «Дрожит над крышей марево июля...» как раз из такого ряда. Всё бы хорошо, да вот некоторые искусственные красоты бросаются в глаза и отталкивают от стихов.

Вот такой образец (к тому же с очень банальными рифмами и ненужным повтором про фарфор):

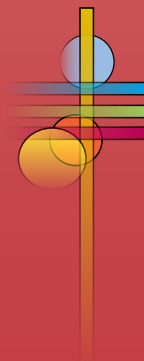
*Наш старый сад притих под лапой зноя,
Ждёт, как в бреду, спасительную тень.
Небесный свод тарелкой голубою
Накрыл фарфором жарким сонный день.
На древней липе птичьи пересуды,
Лежит собака под порогом в дом.
Июль богат фарфоровой посудой,
На солнце полыхающей огнём.*

Однако Владимир владеет мастерством поэта. Этого у него не отнять.

И вот его наиболее интересные стихи – это «В коробке жестяной от монпансье...». Это стихотворение – воспоминание, т.е. автор бросается, как в омут с головой, в своё прошлое, где медленно прокручивается очень важный фрагмент его жизни. Здесь искренность сливается с высокой художественностью текста, а это уже шаг к настоящим тайнам поэзии. Кстати, в этих стихах отлично выписана финальная строфа.

А вот стихотворение «Пуговицей, вырванной из пальто» – яркий пример искусственности и безвкусицы. Здесь столько всего намешано, что читать можно лишь через большие усилия, заставляя себя. Такая нарочитая концентрация художественных тропов (приёмов) вызывает, увы, только усмешку и сожаление.

Сами посудите:

*Не перестали слепые курить да пить,
Перебегая по переходам в рай.
Город бетонными кольцами горло сжал,
Кормит асфальтом прожорливых голубей,
Агломерации судеб — сквозной порта...*

И добавка:

*Липы ломают пальцами свет машин.
В гулкие арки роняет вечер свои стихи,
Жадно вминая в бёдра твой крепдешин.*

Как говорится, тихий ужас!

Надя Гуреева

Поэтесса пишет милые и вполне профессиональные стихи. По сути, Надя углублена в окружающий её ботанический микромир. Её поэзия – это полутона, словесные кружева, нюансы эмоций. И это красиво. Можно представить, что поэтесса в тепле долгими зимними вечерами сидит за поэтической вышивкой, никуда не спешит, медленно и нежно под её руками появляются картинки на белой ткани. И все картинки похожи друг на друга. Раньше о тематике её творчества сказали бы – мелкотемье. Однако это направление имеет право на существование. Главное, что сразу замечается, – изящество стихов Нади Гуреевой. И много фантазии. Она живёт в своих фантазиях – это её поэзия.

Вот типичный образец таких стихов:

*...Здесь всё покой, сверчковый шик,
Жить будем так - сидеть и слушать,
Как сонный ветер тормозит
Цветов распахнутые души,
Как по росе, как босиком
Траву притаптывает нега,
В каком бутоне заточен
Оттенок завтрашнего неба...*

Лана Юрина

А вот Лана Юрина пишет иначе. Вокруг неё бурлящая жизнь, что отражается в её стихах. И поэтесса не может жить без бури и ветра, без ярких страстей, и не может в своих произведениях говорить об иной жизни. Ей нужна энергия, она ей подпитывается, она её выплескивает в творчестве. В стихах «Такая зима» читателю предлагается любовная тема на фоне заснеженной зимы. Стихотворение сочное по художественности и эмоциональности.

Вот пример весьма сильной и яркой строфы:

*По зиме забываешь, что было, плевать, что будет.
Тощей псиной февраль притулился под левый бок.
Не скажу, что одна – где-то есть воробьи и люди,
а шепнёшь в пустоту – непременно услышит Бог.*

Вот отличные стихи «Кирино море». Здесь видна тонкая и мастерская работа над произведением. Необычная тема и её реализация тоже необычна. Нестандартность – отличительная черта поэзии Ланы Юриной. И еще ей свойственно желание выйти в стихах на парадокс. Очень редкое явление сегодня. Кстати, поэтесса – мастер финальных строчек.

К примеру:

*Врач говорит – психогенная глухота,
мол, так бывает, должны понимать и сами:
смерть для любого – тяжёлое испыта...
(Море взрывается рыбьими голосами –
что-то про маму, про горе, про «всё пройдёт»!)*
Папа кивает и смотрит куда-то мимо...

*Кира ныряет поглубже в водоворот.
Как объяснить им, что море неизлечимо?*

И еще одно замечательное стихотворение «Я ей не дочь». Обязательно прочитайте. Это маленький шедевр. Сюжетные стихи, точнее, фрагмент сюжета. Или драма с авторскими ремарками. Такое хочется читать и читать. И как можно больше, как пить дорогое вино. От такой поэзии точно пьянеешь!

Геннадий Васильев

Стихи этого автора несут на себя некоторую вторичность повествования. Сравните отрывок из стихотворения Геннадия Васильева «То счастье, то горе, а то – ничего» и отрывок из произведения А.С.Пушкина «Узник»:

А.С.Пушкин «Узник»

*Ты ангелом, белую птицей кружишь
и черную птицу на перья пушишь,
и бьешь ее в темя, и рвется гортань
от крика: «Отстань от него! Перестань
терзать его тело и душу томить!
Тебе не склевать ту непрочную нить,
которая с жизнью связала его!»*

*Сажу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,
Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!»*

И здесь важно увидеть, что не только размер совпадает, а общее настроение, эмоции, атмосфера, лексика и стилистика. Однако у А.С.Пушкина стихи отточены до фантастического блеска, имеют стержень идеи и сжаты до минимализма. А вот стихи Геннадия Васильева сырые, запутанные и многословные.

Очень странные стихи – «Когда мне будет 70 и больше». Вроде всё нормально по технике стихосложения, но вот с содержанием, точнее, с идеей, которая ярко выражена здесь – большая проблема.

К финалу автор решает отчётливо подать главную мысль:

*Страна моя.
Ни воли, ни покоя.
Одни лишь слезы...*

Почему? Откуда такое утверждение? Это какой период берётся? Хорошо хоть автор быстро возвращается к родному отечеству:

*Куда я?
Кто я?
Что я без тебя?*

Ну, хоть это автор понимает. Однако осадок от стихов остаётся. Выхваченные под рифмы города для переселения лирического героя, красивые парижские названия известных улиц и зданий для декораций, зачем-то Галич упомянут, наверное, ностальгия по эмиграции заставила это сделать. Зачем это многословие? И вновь ощущается вторичность стихов. Где-то это всё уже было.

Стихотворение «Ах, как пахнет свежескошенной травой!» комментировать не буду – очень слабое.

Вячеслав Кислицын

Стихи этого автора представляют собой настоящую поэзию. Здесь всё в гармонии: и мировоззрение поэта, и его эмоциональный мир, и мастерство – техника стихосложения.

Простые темы, к которым прикасается поэт, под его пером неожиданно становятся очень важными. И в стихах начинает пульсировать реальная, а не искусственная правда жизни.

Стихотворение «О чае на кухне» написано, казалось бы, о простых вещах в быту. Но как тонко, как изящно, как виртуозно автор ведёт, как говорится, от простого к сложному, от бытового к философскому, от элементарного до вселенского.

*Присядешь на кухне за кружкой,
За тихим домашним столом,
С часами, в которых кукушка
О днях, о годах, о былом
Кукует...*

.....
*...И холода нет от окна,
 И слышится, частым повтором,
 Как в сердце стучит тишина.*

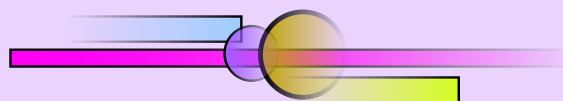
Если в стихах не возникает игры ассоциаций, не проявляется и поэзия. А здесь есть игра ассоциаций – особенно ярко об этом сигнализируют, к примеру, последние две строчки.

Стихотворение «Обетованная земля» – это и пейзаж, и пространство для воспоминаний, и сцены из документального фильма, и острое предчувствие поворотов судьбы, и безумная любовь, и философия жизни. Концентрация мыслей и чувств на 24 строки зашкаливает, граница со знаком «норма» давно позади, стрелка бьётся у знака – очень высоко!

*А мне б припасть к твоим коленкам
 И ощутить губами медь
 У юбки в цвет кофейной пенки
 И так, от счастья, умереть...
 А поутру с тобой воскреснуть
 И эту жизнь начать с нуля,
 Чтоб нас встречала повсеместно
 Обетованная земля.*

Очень сложное и в то же время необыкновенно прозрачное стихотворение «XX век начинается» из-за игры ассоциаций вызывает лавину эмоций. Здесь столько красок и нюансов, что голова идёт кругом. И всё заставляет читателя погружаться в мир поэта, как в свой собственный мир. И перед глазами проходит историческая ретроспектива от страшной трагедии, которую принесла первая мировая война, до личной драмы человека, выжившего, но потерявшего, возможно, самое важное и дорогое...

Прекрасные стихи «За то, что выжил...» – философское осмысление катастрофического периода в истории России. Стихотворение небольшое, но концентрация смыслов в нем поражает. И здесь нет ничего лишнего, ничего искусственного, ничего мелкого и пустого. Всё здесь является стремительной художественной картиной с драматическим сюжетом, которую читатели проживают вместе с автором. Классная вещь!

Время сортировать камни

Некоторые фрагменты текста Романа Тихонова подверглись редакторской правке или сняты Редакции альманаха «ГражданинЪ» по цензурным соображениям

Итак, с Божьей помощью, начнём...

Владимир Безладнов

«Новогоднее»

Начинаются стихи хорошо: Бог окрасил зиму дождями в цвет «мокко». И вопросы ставятся правильные, базовые: поэт, хочешь воспеть красоту зимней природы, – как насчёт грязи и луж? Идёт диалог двух творцов: Бога и Художника, красиво идёт... И про «исписавшихся» – это, если что, Бог говорит, лирический герой вроде как не виноват...

И вот Бог-творец предлагает творцу-Владимиру больше не писать, называя его творчество «виршеплётством». И тут лирический герой под конец диалога и стихотворения признаётся, что не очень-то и верит в существование своего визави! Сильно!

Что же отвечает герой? А не надо его «оплакивать»?!

И вот последние, ударные строчки:

И даю, как пионер, слово:

Нам, с друзьями, этот лес дорог,

И в Крещение мы придём снова,

Даже если будет – все сорок

А чем так примечателен герою именно этот лес? Для чего герой и его друзья добирались сюда на лыжах в Новый год? Что он Гекубе, что она ему?

А нет ответов! А если «друзья» умерли, а остальные «сидят по избам», что там за компания?

Так, если лирический герой в Бога «не совсем верит», зачем возвращаться сюда ещё и на «Крещение»? Станный способ праздновать такой христианский праздник в лесу...

И зачем диалог с Богом на две трети текста, если в него не веришь?

«Если впору обувать броды»? Бог использует вместо «надевать» разговорное «обувать»?

Может, это не Бог, а личный демон лирического героя ведёт с ним такие странные беседы?

У христиан есть такой термин: «впадение в прелесть», я не теолог, но вот почему-то вспомнилось...

«Новогоднее» – пример для всех, как не надо писать стихи! Даже если вы стали мастером, даже если вы что-то понимаете в режиссуре, в сюжетостроении, но если вы не можете быть честным перед собой, то, начав «за здоровье», вы закончите пустословием и штампами.

Начав мощный и красивый разговор о главном, автор не смог преодолеть каких-то личных обид и комплексов и откровенно слил финал.

А вот в стихотворении «Провинциальной актрисе» автор искренен и откровенен, и как результат – очень эмоциональное стихотворение. Очень хороша монорифма в каждой строфе. Рекомендую к прочтению.

«Жене»

Текст построен на столкновении контрастов – от черт характера до литературных и прочих персонажей. Рифмовка простенькая и незамысловатая: «Хреновую – новую», «несгибаемость-внушаемость» и т.д. и т.п.

Текст дежурный, уровня поздравительной открытки, и на этом вроде бы можно закончить, а можно и порассуждать... В стихах всегда очень важны последние строчки:

«Как я рад, что могу и в старости

Открывать в тебе что-то новое!»

Роман
Тихонов

Лейтмотив стихов – эмоциональные качели, обновление и новизна эмоций. Жена является раздражителем и генератором ощущений. В принципе, для достижения подобного результата достаточно иногда менять любовниц, идеальный вариант – случайные связи, ибо только тогда спектр эмоций будет максимально богатый: от самых смелых эротических фантазий до скандалов, грабежа Л.Г. и нанесения особо тяжких неожиданно вернувшемуся мужем...

Но давайте зайдём с другой стороны:

«Пенелопа или эринния?»

Если супруга будет Пенелопой, то готов ли лирический герой соответствовать Одиссею и выпавшим на его долю «коврижкам» и «орехам»?

Помню, тоже написал своей благоверной стихи на день рождения, и её, младую хариту, возмутило сравнение с линкором. Сам не мог ответить на этот вопрос: так вот написалось... Но прошли годы, и «алинклюзивы» Турции и Египта заметно увеличили дедвейт и прочие линкорные показатели супруги. Мораль: будьте осторожны в своих словах и желаниях, думайте, что пишете! Вердикт: текст «Жене» приемлем для внутрисемейного застолья, но выносить такое на публичное обозрение не стоит.

Виктор Карпушин

Стихотворения Виктора – это какие-то ребусы и кроссворды. Вроде бы каждый тезис, строфа, строчка – понятны, но в какую-то целостную картину его работы не хотят складываться. Правда, есть несколько подсказок:

«Есть свойство памяти – опять начать с конца»

и

«И сказочка ещё не началась,

Но всем известно, что конец печален»

Есть такой тренинг для эффективных менеджеров: ты ставишь цель, формулируешь, чего хочешь достичь, и последовательно прописываешь шаги от будущей цели к сегодняшней данности. Как бы запускаешь фильм от финала к началу. Возможно, Виктор также пишет свои стихи. Два текста про рыбака и старуху, но не потому, что Виктор любит сказки Пушкина или рыбалку... На мой взгляд, автор экспериментирует с монтажом ленты повествования сказки, благо, она наглядна, последовательна, и её все знают. Например, можно попытаться ответить на вопрос: а что делать старику и старухе потом, когда сказка закончилась? Как вариант: подарить бабуле букет цветов, возможно, это единственный способ сделать бывшую «вольную царицу» добрее и счастливей. Проиллюстрирую свою догадку на стихотворении «Ах, вы сени вы мои, мои саночки».

*«Ах, вы сени вы мои, мои саночки,
Занесённые тоской полустаночки»*

Первая строчка, сразу же вводит в ступор: сени – не санки. И вроде бы у текста фольклорная, этнографическая стилистика, и неподготовленному читателю может показаться, что логика и здравый смысл в народных песнях ослаблены или отсутствуют как явление... Но используя метод «начни с конца», читаем стих в обратном порядке:

«Рассеюшка» с босыми ногами идёт по дорожке, ищет добра-молодца. То об сосну уколется, то с Бабой-ягой встретится. Ей надо выйти из тёмного леса с «травками дикими», и дойти до ближайшего полустанка, сев в саночки, добраться наконец-то до сеней, возвратиться в «родную гавань».

Желаю успехов всем, кто любит подобные квесты, благо, в остальных стихах метод усложняется и дешифровка уже не такая очевидная.

Можно сделать несколько замечаний по текстам Виктора.

Например, ландыши – это не «лето красное» (вспоминается «Ох, лето красное! любил бы я тебя...»), а скорее – «светлого мая привет» как в песне Фадеевой-Фельцмана. Ну и «пыльца ольхи» появляется в апреле, а не летом.

С другой стороны, «петли времени» с «обратным отсчётом» у Виктора такие, что я уверен, автор найдёт объяснения не только этим фенологическим феноменам.

Андрей Данильсон

Первое стихотворение «Обратная сторона медали».

Текст с внутренней рифмой, и разрезав строчки надвое, можно получить бодрый речитатив, в сущности, стихи очень похожи на рэп.

Думаю, на бумаге, «обратная сторона» заметно проигрывает рэпу, зачитанному под ритмичную музыку.

Рэп цепляет слушателя броскими фразами, эффектными оборотами. Его слабая сторона, по моему мнению, – глубина и сюжетность. С эффектно упакованными фразеологизмами всё неплохо, а вот содержание упаковки вызывает вопросы...

Правда, я мало что понимаю в рэпе, но Андрею надо двигаться куда-то в эту сторону. Бегло пробежусь по «Остыли страсти».

*И воины вечности построились для боя.
Мы до победного стояли на своем,
И каждый понял, что любви не стоит*

Войны вечности победили. Но отразив неожиданную внешнюю угрозу, вдруг осознали (Как? Почему? Когда успели?), что не стоят любви!?

*Остыли страсти, брошены цветы
к могиле нами преданной любви*

Оказывается, они предали любовь (Как? Почему? Когда успели?), но возложили цветы к её могиле! Читаем далее:

*Мы так хотели, но не сберегли,
Зато не пали воинами на поле*

Т.е. войны вечности были поставлены перед дилеммой: умереть или потерять любовь, и все выбрали жизнь, тем более что «страсти остыли»...

*Зола остыла, прахом стал наш страх.
В сердцах холодных нет тоски и грусти.
Но, черт возьми, мы бились на мечах!
За ту единственную, без которой пусто*

Ага: битва была за любовь, они победили, но как-то странно: выжили потому, что отреклись от любви, предали её. И эмоций нет, в сердце пустота, но откуда-то есть радость, что они сражались за любовь!

Остальные тексты Андрея примерно такие же. Возможно, Андрей военный, и сочиняет тексты между боевыми дежурствами. Желаю автору больше заниматься самоподготовкой: читать классику, наращивать жизненный багаж и искать свой стиль, свою тему, свое место в искусстве.

Евгений Харитонов

«Последние дни августа»

Описательное стихотворение о природе. Крайне избитый и засиженный графоманами жанр. Чрезвычайно сложно быть замеченным и как-то выделенным из безграничной толпы пишущих в этом направлении. Обратила на себя внимание парная рифма, не верх эстетизма, но всё-таки... Понравилась только две первые строчки:

*И солнце, как солнце. И небо, как небо.
Но чувствую, осень закинула невод*

Всё остальное в тексте очень простенько и без затей...

«Абрикосовая осень»

*Лесов оранжевые косы
Глядят в остывшие пруды,
Как будто снова абрикосы
Свои развесили плоды*

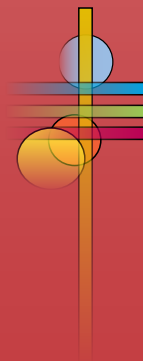
«Оранжевые косы» и «абрикосы» – интересное сравнение, но почему «косы» «глядят»? Троп? Олицетворение?

Вторая, она же заключительная строфа не может похвастаться и этим.

«Сталинград»

Такие стихи регулярно выдавали на-гора средней руки члены союза писателей СССР. Много пафоса и казённого патриотизма. Текст совершенно пустой и никаких эмоций не вызывает.

Вот у Симонова, у Твардовского какой пафос? Читаешь и чувствуешь: пишет человек, пишет для

человека, лично для меня пишет. Есенин, когда о Родине писал, впадал в патетический транс? Тема войны – это дополнительная ответственность для автора, и автор её не оправдал. Прочитал текст Евгения, и не смог вспомнить ни одного свежего образа, разве что этот:

*И как пены застывшая корка
Вновь и вновь выводила Звезду*

Как высохшая на песке пена может что-то выводить? Желаю Геннадию быть самим собой не только в жизни, но и в текстах. Я хочу видеть в стихах живого человека, а не представления о прекрасном и патриотическом.

Александр Рыжков

«Адресаты». Автор грустит по прошлому, возможно, это и было его «райское место». Но что там такого от рая? Стаканы на подоконниках, набитые окурками? Крашенные скрипучие табуреты? Облезлая штукатурка? Конечно же, нет! Автор грустит по безвозвратно ушедшей юности. Думается, если бы Александр описывал свою молодость не так метафорически и иносказательно, стихотворение вызвало бы больший эмоциональный ответ. А так да: камерное, атмосферное стихотворение.

«Гаражи»

*Рабочие высших разрядов
Шабашат здесь, волю вкусив*

Шабашка – это быстрее (больше) сделал, больше получил. После смены на заводе надо ещё на шабашке отпахать – неоднозначная и странная свобода. В чём свобода? А те, кто не шабашит, тогда кто? Не уголовники же! Сами согласились, сами пришли... И почему только «высших разрядов»? С третьим разрядом не берут? А с какими разрядами вкальвают условные «джамшуты»? Ну и центральная тема текста – надпись на заборе. Если «шабашников» из текста убрать – что изменится?

Почему нельзя, дав описание экстерьера, сразу перейти к надписи? Можно комментировать, можно закончить каким-то глубокомысленным описанием берёзок или птиц в небе, но полторы строфы о шабашниках выглядят странно.

«Двери»

*На кафеле снежное тесто,
А в лифте сожжённые кнопки»
«Повсюду железные двери,
В глазок кто-то смотрит прицельно*

Двери в подъезд выломаны и ветром нанесло снег на пол, зато у каждого жильца – железные двери. Сравнение само просится, но не обыграно.

*Вступить в разговор – неприлично,
Найдешь ли для этого темы,
И грустно, что это привычно,
Я – часть неисправной системы*

Почувствовали себя «неисправным»? Так исправляйтесь! Ну, и вот почему неприлично что-то обсуждать? А сожжённые кнопки, а выломанные двери? Может, начать здороваться самому? Заговорить о погоде, познакомиться... Что такого невозможного в том, чтобы быть нормальным соседом?

Работа, дом, работа, дом»

*Неутомимая система
Доход определит трудом*

Неужели? Если не ошибаюсь, в России самая большая пропасть между бедными и богатыми.

*Порядок пряника с кнутом
Местами можно переставить,
Но жизнь иначе не представить –
Работа, дом, работа, дом...*

Своеобразное рондо. Сцилла и Харибда нашего времени.

Любовница, хобби, друзья – никто не может разорвать эту дихотомию?

Александр пишет суховато. Может, добавить эмоций, образности и ритмического разнообразия?

Добавить образности, метафоричности и эмоциональности, скорее всего, не получится. Очень трудно ломать сложившуюся манеру письма. Но что же можно сделать? Как с минимальными усилиями получить максимальный результат?

Стихам Александра нужна сюжетность! Не стоит стесняться добавлять услышанные необычные словечки, обороты, это тоже придаст текстам колорит и объёмность.

Владимир Родионов

Вот это настоящие стихотворения!

Красивый гармоничный язык, без «воды» и почти без штампов!

О ярких и проникновенных стихах автора хочется писать банальностями: тексты очень атмосферные, обычные вещи Владимир описывает свежо, просто, естественно. Индивидуальный взгляд воспринимается интуитивно, понятно и органично. Автору легко и непринуждённо удаётся проходить между Сциллой банальности и Харибдой вычурности.

И вообще, читая Владимира Родионова, легче говорить о недостатках, чем перечислять достоинства:

Над головами нашими с тобой.

И манит нас прохладой сад заросший

«Нас», «нашими с тобой» – надо бы поправить или хотя бы развести по строчкам. И кстати, «литерические герои» появляются как-то неожиданно, фрагментарно и так же внезапно исчезают.

А день помчится, голову сломя.

Разбив коленку, клею подорожник

День несётся сломя голову, а коленку разбиваю я... Красивая аналогия, спасибо.

И целый день по россыпи дорожек –

Попробуй отлови, судьба, меня

Манка и баранков полные карманы – это здорово, но гонять целый день без полноценного обеда – тяжело.

Да, я с ребятами тоже носился летние дни напролёт, и на огородах что-то перехватывали, и в лесу, и между собой делились, но не забежать домой пообедать я бы не смог!

Пуговицей, вырванной из пальто,

На тонкой нити болтается новый день

«Город бетонными кольцами горло сжал» – вот такие, пусть и редкие штампы, надо вырывать с мясом, как ту пуговицу...

«Кормит асфальтом прожорливых голубей» – Хорошо сказано, спасибо!

«Агломерации судеб – сквозной портал» – Вставить такое длинное индустриальное слово в стих – очень по-маяковски.

«И исколов иголкой все пальцы в кровь» – сразу две одинаковые гласные подряд – не комилфо. Ну и сладкая парочка: любовь-кровь туда же.

В общем, уровень у Владимира Родионова – очень приличный, а жанр, в котором он работает, – очень избитый. Даже в любовной лирике не всё так плохо, но ведь и совершенство не знает предела?

Сейчас в сети можно найти много лекций по литературе, например, у Алексея Машевского – высокое качество, но изложение вполне доступное. Открывать высоты и глубины в поэзии – интересное и захватывающее занятие.

Вердикт: найти в сети, прочитать и перечитывать под настроение.

Надя Гуреева

Надя Гуреева тоже пишет в жанре пейзажной лирики, тоже склонна к описательным стихотворениям, и тоже пишет очень хорошо!

Всё-таки у женщин сильнее развита эмпатия, сопереживание, им легче слиться с природой и прочувствовать её. Разумеется, всё это при условии сопоставимого уровня таланта.

«Мой август тих... Страстей юдоль» – А вот «юдоль» как-то выламывается из общего ряда, не находите?

*Друг другу перекидывая солнце,
Завернутое в облачную шаль...*

И вновь какие-то лирические герои появляются в самом конце только затем, чтобы исчезнуть. В стихах «Ну вот и вечер в полосе» читаем:

*Как сладко яблоко растёт.
И вдруг в сомкнувшейся листве
Толкнёт невидимую зыбку
И по-младенчески, с улыбкой,
Решит – пора! И упадёт...*

Это полноценное мини-стихотворение внутри стиха! Тут целый сюжет и мощным поэтическим слогом! Bravo!

*Не пережить,
А вжиться в хмурый нрав...
Переносить на тёплые ладони
Сквозные очертанья сизых трав...
И сопричастней быть...
И благосклонней...*

Бог даст, следующий этап у Нади будет написанием песен. Кто-то же должен писать хорошие, по-настоящему народные песни для двадцать первого века? Перспектив заработать и прославиться в песенном жанре всё-таки больше. А с другой стороны: пусть композиторы отрабатывают свой хлеб и перекалывают стихи Нади на музыку!

Работая над обзором, я окрестил Надю «поэтическим Пришвиным». Надеюсь, эта «внутренняя рецензия» станет больше, чем пометка на странице.

Лана Юрина

Ну-с, после Нади Гуреевой можно и передохнуть, перекурив на каком-нибудь мелкопоместном статисте. Для солидности вкорячив в статью дополнительную сотню-другую знаков с пробелами... Но тут на нас обрушиваются тексты Ланы Юриной!

Это уже городская лирика, здесь лирический герой что называется «в кадре», и поэтика другая. Ну и начнём, как ни странно, сначала: «Такая зима».

На первый взгляд, очень камерное, «уютное» стихотворение: девушка у окна, пьёт чай, на улице зима – идиллическая картинка с массой иллюстраций на «Яндекс.Фотках». Что не так-то?

«По зиме забываешь, что было, плевать, что будет»

Первая строчка даёт ключ ко всему тексту: «плевать». Это слово точно не из лексикона про уют, тепло родного очага, комфорт, зимушку-зиму и всё остальное, чем славятся подобные тексты на сайтах со свободной регистрацией.

Лирический герой без корней прошлого и перспектив будущего, у него есть только настоящее, и у настоящего – отнюдь не благостная коннотация, это какая-то большая проблема лирического героя.

«Шерстяные носки, подоконник и чашка с чаем» – Мы с женой дома ходим босиком. Шерстяные носки я надену только в двух случаях: когда у меня температура и Линуська насыпает в них горчицу, или когда отключат отопление.

Лирическому герою в его доме – холодно, дискомфортно. Возможно, дом – это и есть иносказательное описание самого лирического героя.

*Зимний мир за стеклом – нереально-прозрачно-бел».
Словно сон предрассветный, который всегда случаен*

Внешний мир Л.Г нереален, случаен и так же дискомфортен, как и его внутренний мир.

*Пробежаться б за хлебом, да как белизну нарушить?
Обросла вся планета невиданным снежным мхом*

Вроде бы надо выйти во внешний мир за насущным – за хлебом к чаю, но нет сил и желания. Тысячами невидимых нитей некий вселенский мох сковывает Л.Г. Это уже состояние ближе к депрессии.

*А потом ты приходишь.
И я начинаю жить*

Т.е. не они встречаются где-то, приходя куда-то, а некий «депрессант», как внешний раздражитель, временно выводит лирического героя из обычного для него состояния.

Пару слов о зимних эпитетах... В русском языке много милых, очаровательных, зимних эпитетов, чего не скажешь, например, про английский язык. Там всё с точностью до наоборот. Почему так? Я не думаю, что Лана является специалистом по языческим камланиям, но культурный код, коим обладает большинство русскоязычных авторов, направил её в нужном направлении. Остальные стихотворения Ланы – тоже отнюдь не про любовь-морковь, лето, солнце и Канары. На их фоне уютно-домашний текст «Такая зима» выглядел бы слишком чужеродным.

«Кирино море»
Ужасный текст!

Вот в чём сила искусства? Религия может сделать непереносимую боль – переносимой, невыносимое горе – выносимым. Но только искусство может передать ужасное горе – ужасно красиво. И стихотворение Ланы – именно такое. «Кирино море» тяжело читать. Хотя оно и написано очень поэтично, очень сильно.

«В мамином перстне, к примеру, а-лек-сан-дрит»

Тема камней – одна из ключевых линий стихотворения. Столкновение стихий: мёртвого, молчащего камня и воды, заставляющей камень изменяться (шлифует) и звучать. Но есть один камень, драгоценный, принадлежащей маме – александрит. Чем он интересен? Он меняет цвет в зависимости от освещения. И всё стихотворение – это большой александрит, через который мы смотрим на ситуацию, предметы, стихии и героев. Ювелирная работа.

«Я ей не дочь»

Стихи из той же серии, что и «Море», хотя написаны в другой манере, но так же сильно. Я так понимаю, социальный работник ухаживает за весьма престарелой и одинокой женщиной.

*Мне часто не хватает сигарет
на наши с ней неспешные беседы*

*А впрочем, я всё знаю наизусть –
про жизнь и смерть, про детство в Кутаиси*

Т.е. сиделка давно уже всё знает про эту бабушку, всю её подноготную с самого детства, но во время неспешных разговоров и «посиделок ни о чём» лирический герой регулярно срывается и курит, курит... А в чём дело? Почему? Ключ к тексту – в самом заглавии: «Я ей не дочь», и есть ещё одна фраза: «забудет имя – называет дочей».

Т.е. – Л.Г. потеряла мать, а возможно и большинство родных. И разговоры обеих героинь – это разговоры как будто матери и как будто дочери. И совершенно чужой человек из Грузии, из Кутаиси – столицы грузинского виноделия, пьющий Иван-чай, вдруг совершенно неожиданно для Л.Г. становится как мать...

Опять трагическое стихотворение, и опять-таки написанное очень красиво. Вердикт: Читать и перечитывать (но не часто)!

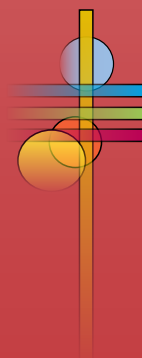
Геннадий Васильев

«Черная птица»

Текст-аллегория, где жена в роли белой птицы бьётся с inferнальным злом в виде чёрной птицы. Бьётся исключительно за мужа, а муж стоит в сторонке, наблюдает и пописывает...

Аллегии и образы крайне предсказуемы и избиты, им досталось не меньше, чем чёрной птице. Сюжет понятен с первых строчек и не содержит никаких интриг. Птичек жалко, причём обеих.

Возможно, автор хотел сказать, что его окружение отчасти умерло, отчасти «сидит по домам», как у Владимира Безладного, дети разъехались, и единственная близкая и по-настоящему родная душа, спасающая его от одиночества, – это жена. Если это так, то реализация замысла оказалась далека от идеала.

«Когда мне будет 70 и больше»

Текст о патернализме русского общества. Без прессинга государства и русской цивилизации, попадая даже не на Запад, а в Новую Европу, русский человек, не привыкший к индивидуализму и личной ответственности за себя, не встроенный в жесткий «порядок» Закона и чуждого нам уклада, раскисает и просится домой.

Впрочем, и дома мы часто чувствуем себя оставленными и ненужными Родине и государству. И начинаем бузить ещё хуже, чем в Европе.

Да, у Геннадия можно найти красивые строчки, например:

Отпускает солнце рыжие поводья.

Недостаточными кажутся слова

Но куда чаще попадают вот такое:

«и не знают про «литовку» про мою»

Почему-то я готов разбирать тексты Геннадия в качестве человеческого документа или среза общественных настроений, а вот художественную составляющую разбирать не хочется.

Рекомендую Геннадия почитать свои стихи разным людям, но не родственникам и друзьям.

Обсудить прочитанное, что понравилось, что берёт за живое, а что нет. Попробовать найти свои сильные стороны и развивать именно их. Читайте классиков 19 и Серебряного века. И если Мандельштам не зайдёт – не читайте Мандельштама. Ищите тех, кто зайдёт, и читайте именно их.

Вячеслав Кислицын

«О чае на кухне»

Цейлоном наполненный чай.

Пьёшь чай, и в узорах на шторе

Попадаешь на строчки, где «чай» написан дважды, и готовишься к худшему...

А потом идёт повтор таких слов как «изгибы», «покажется», и кульминацией становятся последние строки:

И слышится, частым повтором,

Как в сердце стучит тишина

Каждый удар сердца – это удар тишиной, и это постоянный повтор от которого никуда лирическому герою не деться. Т.е. повторение – это не просчёт неопита, а поминая Шкловского – литературный приём. И он автору удался. Грустный и красивый текст о потерянной любви, и кажется, потерянной по вине лирического героя.

Ведь мадам Баттерфляй, причудившаяся герою в складках шторы, была брошена законным и одновременно незаконным американским мужем.

Не плоть – отражение тени

Судя по этой строчке, плотская составляющая в отношениях лирического героя не была главной. Значит, просто заменить мадам на новую Баттерфляй не получится.

«Обетованная земля» начинается с конфликта природы и цивилизации:

Трагичность музыки полей –

В их бесконечном постоянстве

Где задувает ветер в трубы

И выдувает всё в трубу

Внешний мир природы и цивилизации воспринимается через проблемы внутреннего мира лирического героя:

Кусают треснутые зубы,

До крови, нижнюю губу

А личные проблемы те же, что и в предыдущем стихотворении – шерше ля фам:

А мне б припасть к твоим коленкам

*И ощутить губами медь
У юбки в цвет кофейной пенки
И так, от счастья, умереть...
А поутру с тобой воскреснуть
И эту жизнь начать с нуля,
Чтоб нас встречала повсеместно
Обетованная земля.*

Получается, решишь у лирического героя любовная проблема, и он станет счастлив, а мир и цивилизация превратятся в Обетованную землю.

Напомню, что в реальной Обетованной земле аж целых две пустыни: Арава и Негев. И заполучить эту «прелесть» пришлось огромной ценой, а получив её, иудеи обрели не рай на земле, а «продолжение банкета», идущее до сих пор.

Нет никакой другой новой жизни, и люди выигравшие джекпот – массовое тому подтверждение. Наша система ценностей, приоритеты, модели поведения, комплексы и психологические травмы, превратят любую «новую жизнь» в старую. У нас есть только одна жизнь, мы её можем изменить, но никакой палочки-выручалочки для этого не существует. И за личностное перерождение придётся заплатить не меньше, чем иудеям за египетский «алинклюзив» и сорокалетние «прогулки» по пустыне.

«XX век начинается»

А вот эти стихи я вообще не понял. Вроде бы он про Николая Гумилёва, но:

*Как хороша на ощупь Настя,
Каков ещё он не подлец*

*Поэт в альбом поставит точку
Одной из Настиных подруг*

Кто такая Настя? Николай Гумилёв, конечно же, был человеком любвеобильным, но в наиболее фундаментальном труде на эту тему от Игоря Талалаевского «Неистовый конквистадор» говорится о 30 дамах, но отдельные главы посвящены только 24, и среди этих 24 нет ни одной Насти.

Ну и «подлец» – вообще без комментариев.

Я ещё понимаю, если бы речь шла о некоем гипотетическом поэте, но здесь и царь, и братоубийственная война, и эпитафия как бы намекают на Гумилёва, и это отнюдь не Лев и даже не Орест – сын Николая Гумилёва от Ольги Высотской.

С другой стороны:

«И спит в нём скиф, и дремлет гунн»

Возможно, речь идёт о Блоке, но тогда почему эпитафия из Гумилёва? Но и среди главных женщин Александра Блока тоже не было Насти. В общем, если автор имел в виду некоего поэта Серебряного века, то и эпитафия должен бы принадлежать этому поэту.

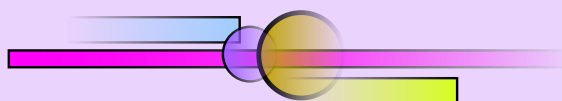
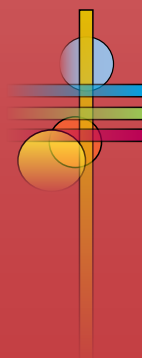
Вячеславу желаю разнообразить темы и жанры. Понятно, что поэты пишут о том, к чему неравнодушны, но человеческая гамма чувств весьма разнообразна, и не стоит игнорировать остальную часть собственного эмоционального спектра.

Вспомнилась такая история: жила-была Надежда Ряшкина, и занималась она бегом на 800 метров с барьерами. И вроде бы уже кандидат в мастера спорта, и получение «мастера» не за горами, но случилась травма ноги, и о «барьерах» пришлось забыть. И вместо того, чтобы забухать, пустившись во все тяжкие, Надежда и тренер подумали-подумали и решили заняться спортивной ходьбой. Так на одного двукратного олимпийского чемпиона в СССР стало больше. Никогда не поздно выходить из зоны комфорта, пробовать что-то другое, экспериментировать с новым...

Засим, позвольте откланяться, спасибо, что дочитали.

*Если возникли вопросы, желание поделиться впечатлением от прочитанного или появились вопросы,
можно писать мне на почту: datfz@yandex.ru*

С уважением, Роман Тихонов

Искусство

Николай Богданов-Бельский (1868 - 1945)
В церкви

Погасший луч света

Надежда Рушева. Легкость гения

Что я знаю о ней? Мало, слишком мало для того, чтобы получилась биографическая статья, да и она, навечно оставшись в звездах стройной, юной, семнадцатилетней, с большими и слегка влажными восточными глазами, не захотела бы той серьезной, академично-скучноватой ноты, в которой всегда пишутся подобные вещи.

1.

Может, мне было бы лучше сочинить про нее новеллу? Сказку?

Да -да, именно сказку. Чего же проще? Тем более, что она, скорее всего, сидит сейчас себе на одной из звезд, держит в руке розу, подаренную ей Маленьким Принцем, а, может, тонкое-тонкое перо, которым чертит что-то на листе бумаги.

Возле нее, преданно обернув хвост калачиком вокруг лап, сидит грустный Лис и смотрит на девушку-подростка умными, все понимающими, человечьими глазами. Он не осмеливается задать ей ни одного вопроса, он не хочет перебить ее Вдохновения, хотя и не совсем понимает, что это такое. Проходит много времени, прежде чем девочка-девушка, здесь, на этой Планете, отрывается от листа бумаги...

- Послушай, что ты нарисовала? Маленького Принца? – тут же с любопытством спрашивает ее Лис, пытаясь из-под руки заглянуть в рисунок.

- Кажется – да. Вот только чуть-чуть подправлю, подожди! Осталось дорисовать ямочку на подбородке, ту самую, веселую. Я так люблю, когда он улыбается!

- Я тоже. А что ты рисовала перед тем, как попасть сюда?

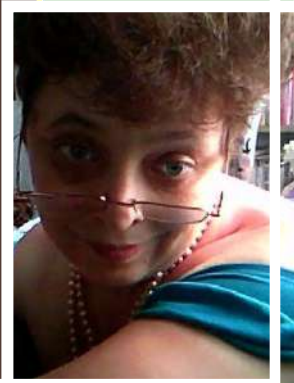
- Подожди. Дай припомнить. Я рисовала прутиком на снегу. Чуть не попала на весеннюю проталинку. Так светило солнце! Проталинок было много.

- И, что у тебя получилось?

- Профиль Пушкина. Рисунок снимали на камеру. Снимали фильм о Пушкине. Это было в Царскомелье.

Надежда Рушева

Светлана
Астрикова-
Макаренко

Мастер и Маргарита

- Царскоселье. Какое сказочное название! – мечтательно произнес Грустный Лис. - А трудно рисовать, когда тебя снимают на камеру? - поинтересовался он вдруг.
- Нет. Ведь рисовать - это как дышать. Разве дышать - трудно? Ты замечаешь, как дышишь?
- Нет, – тихо сказал Грустный Лис. - Но дышать иногда - трудно.
- Когда? - Перо в руке художницы на минуту замирает удивленно.
- Когда кого–нибудь любишь.
- Да, ты, пожалуй, прав. – Художница осторожно дует на рисунок, чтобы он высох.
- А ты любила когда–нибудь? – спрашивает тихо Лис, не отводя от нее глаз.
- Я? Да, конечно. Маму, отца, книги, рисунок.
- Нет. Не так. А чтобы было совсем трудно дышать.
- Не знаю. Я не успела. Может быть - Алик? – художница вздыхает и неуверенно пожимает плечами.

Смятение. Скорбящая

- Алик? – вопросительно смотрит на нее Грустный Лис. - Ты не рассказывала о нем.
 - Это мальчик, с которым я подружилась в Артеке. Я писала ему. Потом, после опубликовали мои письма в журнале «Юность», и все вздыхали, мечтая, а какой бы я была, став взрослой? Что-то из будущей меня, должно быть, уже прорывалось в этих письмах...
 - Но ты не стала взрослой. Ты пришла сюда.
 - Откуда мне знать? – девочка-девушка вновь пожимает плечами, и восточные глаза ее влажно темнеют. – Может быть, у художника и вовсе нет возраста? Я - была. Я – есть.
 - Может быть, - эхом вторит ей грустный Лис. - Твое имя по-тувински «Найдан», значит «Вечно живущая»...

2.

Нет-нет, и сказка никак здесь не годится!
 Мне лучше написать о ней рассказ. Или - притчу. С неким элементом мистики, чуда, озарения.
 О ней, маленькой девочке, родившейся в семье художника и балерины, где-то далеко, в городе со странным, гулким названием: Улан-Батор.
 Потом семья переехала в Москву. Рисовать девочка начала с трех лет, много раньше, чем читать. Все правильно, для маленькой феи рисунка – самый обычный срок!

Я записываю несколько первых строк, и вдруг понимаю, что и притча здесь – неуместна.
 Ведь Наденька Рушева, почти моя современница, которой не так давно исполнилось бы пятьдесят лет, была самой настоящей, живой, теплой девочкой, а никакой ни загадочной крохотной феей с крылышками. И история о ней должна быть самой обычной. Живой, теплой.
 Вот только рисунок... Каприз пера. Дар богов. Ее вожжа. Ее магия. Ее чародейство.
 Рисунок. Это был как бы еще и ее собственный язык – загадочный, порывистый, легкий. Как дыхание. Она и

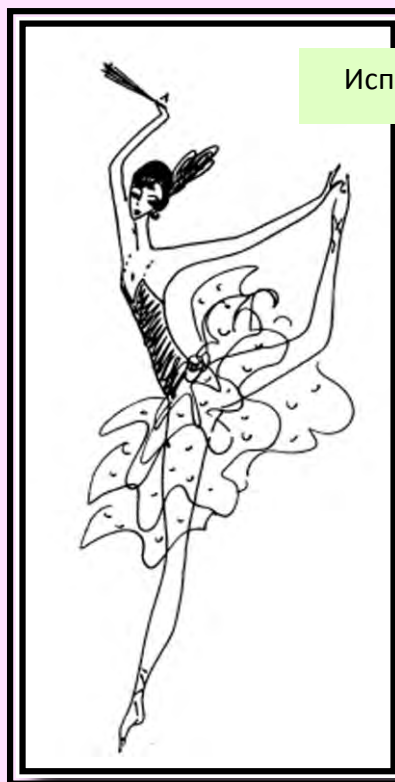
сама была легкой, подвижной, веселой, любила танцы, смех, шутки, безобидное озорство.
 Но над рисунком всегда затихала, замирала. Над рисунком она как бы погружалась в другой мир, неведомый остальным. Она властвовала в рисунке. Она жила в нем. Сама говорила не раз: «Я живу жизнью тех, которых рисую».
 Чем она рисовала? Цветными мелками, карандашом.

Четырехлетний Саша Пушкин
с сестрой

В возрасте шести-семи лет девочка подружилась с пером-ручкой, которым в первом классе все старательно выводили палочки и крючочки. Художники обычно им не рисуют – слишком хрупкий инструмент, да и поправки - исключаются. Надя любила рисовать и фломастером, и карандашами, для нее это было в равной степени легко. Она говорила, что только обводит на листах бумаги внезапно проступившие контуры рисунка лица и фигуры, контуры и сюжеты.
 После ее ухода – не поворачивается язык сказать – смерти, гибели, - столь внезапно все было! – осталось более тысячи рисунков.
 Среди них иллюстрации к «самому родному поэту» Пушкину – триста рисунков.

Первая ее выставка состоялась, когда ей шёл всего-навсего двенадцатый год.
 Она училась в 653-ей московской школе, любила кататься на лыжах, играть в куклы.
 Московский журналист В. Пономарев («Известия») писал 17 апреля 1964 года в своей доброй и чуть ироничной заметке: «Браво, Надя, браво!» - Эти слова написал на одном из рисунков художницы итальянский поэт и сказочник Джанни Родари.

Испанский танец

На выставке ее работ в МГУ было видно, что Художницу интересует очень многое. Об этом свидетельствовали названия разделов: «Русский балет», «Мир животных», «Космос и наука», «Сказки и фантазии», «Моды вчера и сегодня», «Эллины и рабы», «Мир детей», «Сила и грация».

Там, в МГУ, должна была состояться встреча автора с посетителями выставки. Но она не получилась. Увидев переполненный зал, автор растерялся, расплакался и убежал... под бурные аплодисменты зрителей».

3.

За пять последних лет жизни Рушевой (никто, разумеется, не знал, что они последние), у нее состоялось пятнадцать персональных выставок: в Москве, Варшаве, Ленинграде, Артеке.

Пришла известность, слава, признание. Правда, гонораров из-за возраста Нади ей почти не платили – не принято было в те времена выплачивать деньги ребенку. Все уходило в карманы вышестоящих организаторов выставок, взрослых дядей и тетенок, в неведомые союзы и комитеты. Впрочем, о деньгах никто и не спрашивал, это было не принято в советском обществе.

Лишь однажды, на скудно выплаченную часть какого-то гонорара, родители Нади смогли купить ей демисезонное детское пальто.

Но вот любопытный и трогательный штрих. На многих рисунках Надя Рушева изобразила себя в джинсах. На самом деле у нее их не было. Семья со

скромным достатком не могла позволить себе купить дочери, пусть и «самой лучшей девочке в Союзе», очень модную вещь. И Надя позволяла себе изредка мечтать о ней - хотя бы в рисунках!

4.

Слава летела за Надюшей по пятам. Ее узнавали на улицах, брали интервью, расспрашивали, допытывали о Вдохновении, сравнивали с «Моцартом в живописи».

А Надя оставалась все такую же обычной. Спокойной, веселой, доброжелательной, совершенно «незвездной» девочкой.

Одноклассники Рушевой очень долго не подозревали, что в ней кроется что-то некое, особенное. - «Ну, подумаешь – стенгазету оформила, мало ли кто хорошо рисует!».

Детям такое неведение, не виденье Таланта - вполне простительно.

Взрослым в их каждодневной, жесткой суете тоже не всегда открывалось то волшебное, мгновенное, необъяснимое, что неслышно присутствовало в ее Даре.

Несколько редких, минутных случаев, когда взрослым все-таки становилось доступным и очевидным такое – «нечто».

Маргарита выхватывает
рукописи из печи

Пушкин танцует
с Амалией Ризнич

Они зафиксированы в подробном дневнике Надиного отца, московского театрального художника Николая Константиновича Рушева.

Приведем только два из них. Вскоре после посещения Пушкинского дома-музея на Мойке 12, в Ленинграде, отец девочки, сопровождавший ее, взволнованно записал: «...Главный хранитель музея-квартиры, Нина Ивановна Голлер, разрешила Наде сесть на пуфик, чтобы виднее был плотный лист, на котором она (Надя) начала рисовать. Камера запечатлела рождение на наших глазах композиции: Наталья Николаевна собрана на бал, сидит здесь так же на пуфике, у своего туалетного стола с флаконами, а поэт в рубашке, опираясь на подлокотники

кресла, грустно смотрит перед собой сквозь пальцы и отговаривает жену:

*Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит -
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоём
Предполагаем жить... И глядь - как раз - умрём.*

Мы все переглянулись, понимая Надину прозорливость... У меня стало тоскливо на сердце, и я спросил:

- Дочка, ты что это. Очень устала?

- Нисколечко! Просто я увидела их, ясно-ясно, за сокровенной беседой...

Мне оставалось лишь обвести фломастером...».

А вот другой эпизод, связанный с прочтением Надей романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита».

В те далекие уже от нас годы творение Булгакова свободно приобрести было невозможно; чтобы прочесть затрепанные синие томики «Нового мира» с главами романа, люди выстраивались в библиотеках в очередь.

Николай Константинович все же принес домой заветный потрепанный номер с текстом «Мастера» - дали друзья.

Он никак не думал показывать журнал дочери, считая, что юная девочка-пионерка мало что сможет разобрать в сложной нравственно-философской, психологической коллизии романа. А через несколько дней, войдя в комнатку дочери, был ошеломлен: весь стол завален рисунками, на которых изображены сцены из романа, портреты главных героев!

Рисунки не умещались на столе, падали на пол. С изумлением отец уяснил, что она поняла все, или - почти все.

Особенно привлекала ее тема борьбы добра и зла, столь полно выраженная в романе, и тема чувства Маргариты и Мастера.

Как ни грустно, родители до конца поняли способность Нади к такому вот «за мороженному, очарованному», почти мгновенному проникновению душой внутрь любого пласта времени, эпохи, внутрь любого сердца, слишком поздно. Уже после ее ухода.

Поняли - после того, как показали цикл рисунков к роману вдове Михаила Булгакова, Елене

Сергеевне. Она была потрясена увиденным не меньше, чем они.

Долго перебирала рисунки, всматриваясь в тонкие, начертанные пером-ручкой контуры, лица, фигуры, силуэты.

Оказалось, что перстень на пальце Мастера - это точная копия фамильного перстня Михаила Афанасьевича Булгакова, а женский портрет и старая фотография жены писателя - это одно лицо. Ни перстня, ни фотографии Нади, конечно, физически не могла видеть! Но она создала уникальный цикл рисунков, и все они говорили действительно о том, что юная художница полностью владела материалом и понимала его досконально. Каждый рисунок вызывал у Елены Сергеевны восклицание и удивление: «Какая амплитуда чувств... Маргарита - хороша!... Азazelло - великолепен... Какая сложность чувств!... Это потрясающе... Девочка в 16 лет прекрасно всё поняла...».

Елена Сергеевна поклялась, что добьется отдельного издания булгаковского «Мастера» только с Надиными рисунками. Слово свое она сдержала. Книга вышла. Не в Москве, как было обещано, а в Барнауле. Из-за плохого качества бумаги великолепные рисунки, признанные лучшими в мире, (!) были почти полностью смазаны, а издание - безнадежно испорчено.

Так в грезы «легкого гения кисти» вмешалась безжалостная реальность.

Нимфа и сатиренок

Ева

5.

Надя любила рисовать и не мыслила жизни без рисования.

Когда она упоенно создавала свои циклы рисунков к разным темам, то чрезвычайно много читала и занималась, кроме этого любила поездки и путешествия, даже небольшие: на автобусе в парк, сквер, на реку, в лес... Ее мало привлекало пустое времяпрепровождение, а на первом месте для нее всегда были какие-то сложные духовные интересы и переживания: новые песни Владимира Высоцкого, стихи Евтушенко, поездка в музей Пушкина, билеты на балетный спектакль, книга об античном искусстве.

Она могла спорить с любым по возрасту человеком о том, что считала важным и необходимым для верного понимания явления, вещи, искусства, поступка.

Сохранилась дневниковая запись Н. К. Рушева об одном из таких споров дочери с учителем.

«11 апреля 1968 г.

Сегодня Надя рассказала нам о споре. Она спросила своего учителя по литературе Николая Петровича Ярмульского: «Кто из героев прекраснее - князь Андрей или Пьер?».

Николай Петрович, вернувшийся с Великой Отечественной войны в чине старшего лейтенанта, в орденах, ответил, что его идеалом всегда был князь Андрей. Надя возражала: «Какой же он герой, если отец запретил ему жениться, если он подверг любимую Наташу годичному испытанию и при первой же ошибке - вернул ее письма. Это не по-рыцарски. Он храбр, но это долг каждого солдата. А вот Пьер - он герой. Никто не призывал его на Бородинское сражение, в самое пекло, на батарею Раевского! Никто не упрашивал его спасти ребенка из огня и женщину от грабителя-француза. За это он под расстрел угодил.

И когда Наташе было очень плохо, то он один ее поддерживал...»

Она мало интересовалась политикой, но упорно и упрямо называла 1968 год тяжелым и трудным, хотя не могла до конца объяснить своего ощущения. Да это и невозможно было. Ведь все шло оттуда, изнутри, из Души, в которой постоянно шла кипучая и неутомимая работа. Невидимая глазами, и часто – неслышимая сердцами.

Работа души, полной прелести и обаяния. Быть может, немного угловатой, сдержанной прелести подростка, но души, бывшей как бы ключом, камертоном всей ее непостижимой натуры. В быту она была столь не капризна, а в Искусстве, понятии и постижении Жизни – столь легко гениальна.

Наконец – то я нашла точное определение Дара Рушевой – легкость гения!

Как долго оно не давалось мне в руки, не шло на ум, не слетало на кончик клавиши!

Адам и Ева

6.

Дмитрий Быков, поэт, театральный критик и современник Рушевой, пишет о ней поразительно точно и ярко, как бы выхватывая суть всей ее странной, неповторимой, недостижимой гениальности, очарования, обаяния, притягательности:

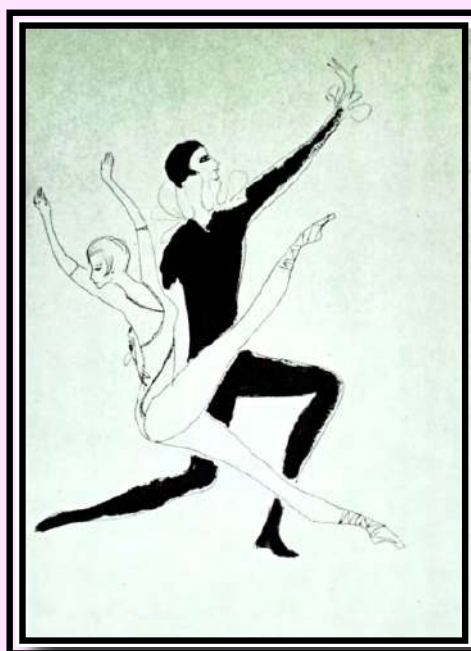
«Надя Рушева - это не только тысячи рисунков. Книжная графика отца и сыновей Траугот не уступает им. Да и Бердслей, в конце концов, - это не только и не столько лучший рисовальщик викторианской Англии. Есть именно чудо Судьбы и характера. Ими Надя Рушева и дорога всем нам. Я не стремлюсь принизить ее творчество - даже теперь оно неотразимо обаятельно. Я говорю только о том, что без одержимости и мученичества, легкости и доброжелательности «рушевский феномен» был бы невыносим. И я сомневаюсь, что такого ребенка смогло бы сформировать наше жесткое, неумолимое, насмешливое, ломающее всех время!

Талант Нади Рушевой возрос на советской почве - без этой почвы его, как ни старайся, не выразишь. Она, как многие гении, была ребенком от межнационального брака....

С детства ей постоянно читали мифы в прекрасных советских переложениях; она росла в дружной и артистической семье, где никогда не работали для заработка, а всегда - для искусства».

Маленький принц с Розой

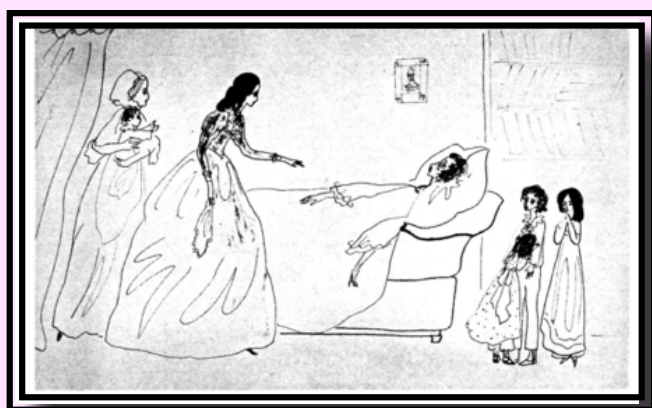
Танец Пьеро и Колумбины

7.

Да в ней было абсолютно все, что присуще тонкому, истинному, блестящему художнику и о чем все еще пишут критики и исследователи ее работ.

В Рушевой-художнице была заложена огромная потенциальная возможность творческого роста и некий Абсолют Судьбы и Характера.

Абсолют ухода, если хотите.

Умиравший Пушкин

Обратимся к тем печальным обстоятельствам.

Все произошло ошеломляюще, пугающе быстро!

Никогда она не болела и не жаловалась.

Вот как рассказывала о трагедии 6 марта 1969 года мама Нади, Наталья Дойдаловна Ажикмаа – Рушева:

«5 марта 1969 года дочь с отцом приехали из Ленинграда. Они на несколько дней ездили на съемку документального фильма про Надюшу. Приехала моя доченька веселой, рассказывала о своих впечатлениях.

Утром на следующий день я засобиравалась на работу, а Надюша - в школу. Приготовила девочке антрекот и яичницу, она выпила стакан кофе. Я ушла, а через несколько минут она потеряла сознание. Николай Константинович в соседней комнате почувствовал неладное. Телефона не было. Он в домашних тапочках побежал в больницу. Там его долго расспрашивали. Наконец приехали, увезли мою девочку на «скорой помощи» в больницу. Через несколько часов она, не приходя в сознание, умерла. У нее оказался врожденный дефект одного из сосудов головного мозга. Сейчас это можно оперировать. Тогда не смогли. От кровоизлияния в мозг Надюши не стало».

Надя умерла шестого марта. А на следующий день мальчишки решили поздравить одноклассниц с 8 Марта. Всем девочкам поставили на парты какие-то игрушки. А Надя не пришла. Класс был потрясен известием о ее смерти.

Бывает, что в классе кого-то любят. Её любили...

Незадолго до этого она гуляла с подругой по улице и заметила похоронную процессию. Печальная музыка...

И она сказала: «Ну как же? И так тяжело - человек умер, а тут вдруг такая музыка. Еще больше людей добивают. Вот, - говорит, - если я помру, я бы хотела, чтобы меня похоронили в артековской форме (ее любимой форме) и чтобы играли «Битлз».

Так и было...

Она ушла под музыку Битлз...

Оставила нам легкость пера, воздушность рисунка, Загадку своей Судьбы.

В ней всегда, даже сквозь флер нежной улыбки, присутствовала нотка грусти, трагичности. Светлая печаль истинного художника. Это всегда настораживает. Это – непонятно людям.

Обыденности хочется радости, радости всегда, пусть даже она будет примитивной по сути.

Почему Надюша рисовала так, а не иначе?

Вопросы терзали не только маститых знатоков графики, но и публику.

Люди постоянно шли на выставки Рушевой, книги посещений заполнялись не только восторженными отзывами, но и вопросами к художнице – о смысле и сути ее Дара. В нескольких интервью Надя позволила себе искренность и глубину размышлений. Это так несвойственно ребенку. Это так уместно для гения. Для одаренного, мыслящего, живого человека.

Это так пугает обычность и обыденность мертвящей и мертвой серости...

Аполлон и Дафна

8.

Трудно, ох, как трудно вообразить судьбу Нади Рушевой в восьмидесятые годы, да даже и три года спустя, в ее так и несбывшееся двадцатилетье! Судьбу счастливую, полную...

Вселенная уберегла Надежду Николаевну Рушеву от трагедии зеркального повторения чужих дорог, вечных трагедий кричащего из пустоты одиночества, непростительных, вечных ошибок.

Она просто не допустила превращения маленькой, хрупкой «волшебницы пера» в обычную, опустошенную невзгодами и потерями, напуганную ускользанием Дара и холодом неприкаянной Пустоты Девушку. Женщину... Не допустила разрушения Личности.

Теперь нам трудно представить ее возраст, хотя в 2002 году ей исполнилось бы целых пятьдесят лет! Но в тех Мирах, где она сейчас, возраста - не существует....

9.

Я так хотела закончить свой короткий и неуклюжий рассказ о ней притчей! Сказкой! Мифом!

Но внезапно поняла, что ничего этого – не нужно. Нужно лишь короткое прикосновение сердцем в конце строки, которое кого-то - обожжет пламенем признания, кого-то кротко обвеет печалью...

В наше время, которое все чаще и чаще пытается признать нормой жестокость и патологическую страсть к убийству и унижениям, до рисунков ли? До выставок?

Но тогда до чего нам, ее современникам, достигшим зрелости и даже поздней осени жизни - вообще?!

Грустный Лис по-прежнему доверчиво прижимается к хрупко-острым коленям художницы, сгибает преданным калачиком хвост и пытается заглянуть в лист бумаги, над которым волшебю летает перо.

Что рисует она там, где нет времени?

Улыбку Вечности?

Тень скорби на Ее величавом челе?

Насмешку Ее?

Холод космического пространства с вечным сиянием звезд?

Или по-прежнему – смешную нежность Маленького принца, тонкие пальцы которого осторожно дарят любовь хрупкой и капризной Розе?

Я не знаю.

Автопортрет (рисующей на полу)

Мне остается только воображать, гадать. А Вам – читать. Страницы - неуклюжие и немного грустные страницы моего очерка. В нём так мало деталей, подробностей, но так много неизбывной жажды одного, самого главного, пожалуй, для любого биографа – жажды открытия, узнавания, понимания.

Просто, наконец, – не забвения

Письмо Татьяны

Культура

Николай Аргунов (1771 — 1829)
Портрет Ивана Якимова в костюме Амура

Странно и печально

Серпом по...

Первые серии вампирско-пионерского сериала «Пищеблок» нешуточно интриговали зрителя. Фильм о дружбе, взрослении, первой (и не первой тоже) любви, хулиганстве, ужасах потустороннего мира и вампирах, а ещё... о гражданской войне. И всё в одном! В общем, встретились Гоголь с Троцким на перевале Дятлова.

Яркий и не вызывающий отторжения натурализм, чувственность и эротичность, напряжённая атмосфера тревожного ожидания чего-то ужасного... Всё настолько притягательно, что каждую новую серию поначалу ждёшь с нетерпением. Но и с каждой новой серией нарастает недоумение от всего происходящего на экране...

И каким же кошмаром всё оборачивается к финалу! Нет, не потусторонним, а вполне земным, переворачивающим историческую действительность и память о ней с ног на голову, меняющим добро и зло местами.

Ещё в самом начале фильма поражает, что нет в нём издевательской сатиры на советскую действительность, к чему все уже давно привыкли. Напротив, присутствует даже какой-то, как кажется, неуместный героический пафос в виде воспоминаний пенсионера «о боях, пожарищах». Много красных галстуков, пионерских значков, пилоток и нашивок с костром на рубашках, гордо развевающийся на торжественной линейке красный флаг с серпом и молотом, олимпийские кольца... Оказывается, обилие красного здесь неспроста. Это вам не пустые прилавки и дефицит, не тупые вожатые и бездарные учителя, здесь всё гораздо глубже, здесь свой сатанинский смысл.

Кто же мог подумать, что к финалу создатели фильма (вслед за автором романа Алексеем Ивановым) скатятся в такой изощрённый антисоветизм, что станет совсем не смешно и уж тем более не страшно, а только грустно. Ведь подобные представления о советском прошлом укоренились в массовом сознании настолько сильно, что показанное в «Пищеблоке» уже и не вызывает особого раздражения у неприязнательного зрителя.

*Александр
Токарев*

Кадр из фильма

Выясняется, что и пионерские галстуки, и красное знамя, и звезда-«пентаграмма» — не символы советского государства, а вампирские обереги, защищающие кровопийц. Те, кого считали революционерами, — всего-то заурядные грабители, а история страны — сплошная ложь. Выходит, что и весь Союз, а не только пионерлагерь, это — пищеблок для подпитки вампиров-стратилатов во главе с Князем тьмы.

Лунный серп светит в вампирскую ночь, а молотом забивают осиновый кол в сердце нежити. И действительно, кто же ещё мог оказаться главным вампиром, как ни герой гражданской войны (который оказался совсем не герой) да ещё и бывший офицер НКВД Серп (!) Иванович Иеронов. Колоритный такой персонаж, превращающийся в настоящего монстра из голливудского ужастика. А брат его Молот (!) — тоже вампир-стратилат — и вовсе мечтает в 1934 году о создании новой расы. Ау... друзья-товарищи Подгаевский и Талал (режиссёр и сценарист), а вы ничего не перепутали? В 34-м году новую расу и её претензии на выдающуюся роль в истории провозглашали совсем другие ребята и в другой стране. И на фуражках у них были вовсе не серп с молотом и звезда.

Да нет, не перепутали, отвечают Иванов и Цекало (сценарист и продюсер). А Серп, после своего фатального поражения обливающий себя бензином, подтверждает: «Ни о чём не жалею. Посмотрите, какую страну построили!» Кто построил? Вампиры, затаившиеся под советскими символами?! Они её ещё и защитили, это же их пищеблок.

Дисциплинированный, аккуратный, «тычет в книжку пальчик» — значит, точно вампир! Нравится «Куда уходит детство», а не «Шизгара» — с ним явно что-то не то. Носит пионерский галстук, даже когда это не требуется правилами, — без вариантов «пиявец».

Обильно забрызганные кровью пионерские рубашки с ярко выделяющимися на них пионерскими и комсомольскими (у вожатых) значками прямолинейно указывают на характер того самого кровавого режима, при котором вечно голодные вампиры покрупнее сидят себе на пищеблоках и пьют кровь своего же народа, а мелюзга подвампирская их обслуживает.

Зрителю, мало-мальски знакомому с советской и мировой историей, и с не вывернутыми наизнанку мозгами весь этот «Пищеблок», как серпом по... Взять бы, да и забить пролетарским молотом осиновый кол в сердце сочинителям подобного трэша. Да жаль, руки коротки.

Кадр из фильма

Андрей Тарковский без глянца

Андрей Тарковский стал чем-то вроде иконы еще 80-ые. Мало кто понимал и понимает его фильмы, но борьба режиссера с советским режимом сделала его святым мучеником за идеалы кинематографа.

Решил я снять глянец с образа Тарковского, вернуть к реальности фанатов и здравомыслящих людей.

Начну, пожалуй, с легендарного фильма «Сталкер». Хотя, если писать про фильм подробно, то получится талмуд Я же не буду уводить моих читателей от сути, а попробую раскрыть загадку фильма.

Вот кто из вас, смотревших, понял смысл фильма? Честно, кто?

А загадку фильма разгадали индусы.

В 1981 году СССР повез «Сталкера» на делийский кинофестиваль, в его внеконкурсную программу. В один из последних дней давали пресс-конференцию. На вопрос про «Сталкер» главный редактор «Советского экрана» Даль Орлов ответил следующее: «Это - научная фантастика, талантливый режиссер сложно и глубоко исследовал проблему места человека в жизни..., что никакие волшебные комнаты не дадут человеку счастья, если он не будет его добиваться самостоятельно». Ответ не устроил молодых индусов. После конференции они подошли к Орлову и заявили:

- Нам показалось, что «Сталкер» - сугубо антисоветский фильм.

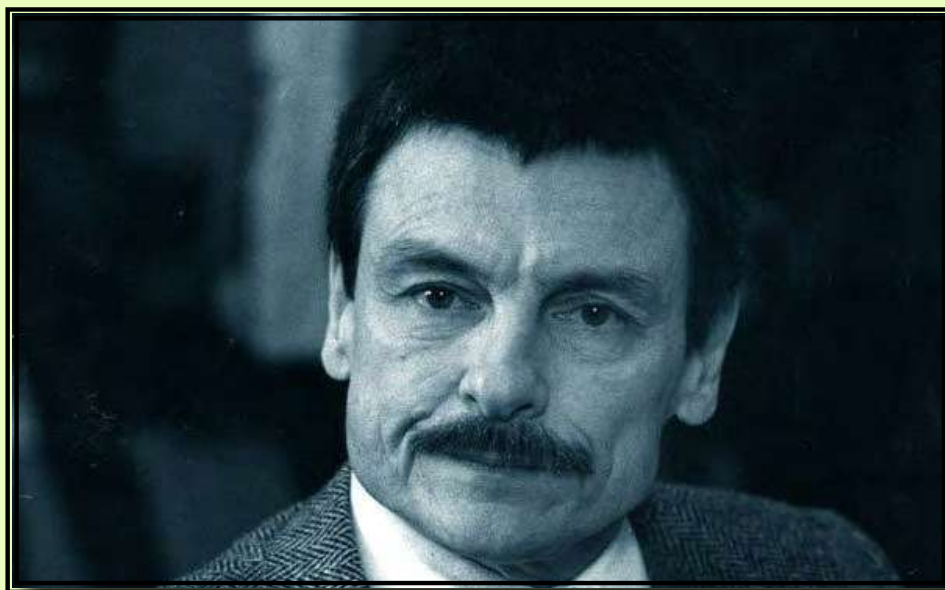
- Почему вы так решили?

- Ну, как же: показан Советский Союз, все в грязи, в запустении, колючая проволока, сторожевые вышки. Зона - это ЦК КПСС, а комната, где исполняются желания, - Политбюро ЦК, высший ареопаг, от которого всё зависит... Кто такой Сталкер? В Комнату ему заходить запрещено. Он партийный функционер среднего звена. Завлекает интеллигентов обещанием благ, которые можно получить в Зоне. И этим живет».

Ещё одна тема, которую предпочитают обходить стороной эксперты по нашему классическому - конфликт или даже скандал «Андрей Тарковский - Ольга Суркова». Кто такая Ольга Суркова? Она киновед, кинокритик, дочь главного редактора журнала «Искусство кино» Е. Д. Суркова, т.е. потомственный киновед. Познакомилась с Тарковским в 1966 г, во время съемок «Андрея Рублева», когда он и его будущая жена Лариса Кизилова только женихались, а законной супругой мэтра была Ирма Рауш.

Александр
Макеев

Андрей Тарковский

В дальнейшем Ольга Суркова не только вошла в семью Тарковских практически членом семьи, но и стала вместе со своим отцом главным лоббистом публикаций о нем в советской и зарубежной печати. Дело доходило до того, что именно она отвечала на вопросы западных репортёров, а Тарковский лишь визировал написанный ею текст.

В 1975 году Тарковский предложил Сурковой написать совместную книгу о кино под рабочим названием «Книга сопоставлений», и она согласилась. Был подписан договор с издательством «Искусство», получен аванс в 1200 рублей на двоих и свою долю в 600 рублей Ольга... отдала Тарковскому. Подарила по просьбе его жены Ларисы. Что такое 600 р. в 1975 году?

Около 3 р. была квартплата, 10-12 руб. - обед на двоих в престижном ресторане «Прага», 1 рубль - полноценный обед из 3 блюд в учрежденческой столовой, 16 коп.- батон хлеба, 5 коп.- проезд в метро, 40 коп.- билет в кино, а минимальная зарплата в то время - 120 рублей.

Таким образом Суркова начала работать «за спасибо». Работа длилась долго, Тарковский был очень занят, приходилось самой обрабатывать текст и разговоры с ним, чтобы получилась книга.

Андрей Тарковский

Издательство дважды пролонгировало сдачу материала, и вот наконец-то в 1978 году на стол рецензента книги Даля Орлова легла рукопись «Сопоставлений». Цитирую Орлова: «Сочинение Тарковского и Сурковой может стать интересной и полезной книгой. Над ней стоит еще поработать и потом издать. В литературном смысле она написана хорошо, местами - великолепно...». Одно замечание было чисто драматургического свойства:

«Случается, что Суркова говорит об одном, Тарковский говорит о другом, не реагируя на прозвучавшую реплику, продолжает начатую им раньше мысль».

Следующие замечание: «Наши (режиссеры) упоминаются в редких случаях, а когда упоминаются, то им крепко достается. Достается и Эйзенштейну, и Герасимову, и Шукшину, и Шепитько, и Михалкову-Кончаловскому. Благоклонно упоминается только Довженко... да еще Иоселиани. Справедливо ли?»

Рецензия была отослана, и авторы книги, прочитав ее, два года ничего не делали. Странно, правда?

В 1980 Тарковский дал понять Сурковой, что он уезжает на Запад, контракт лучше расторгнуть обоим, чтоб издать книгу за рубежом. По просьбе режиссера Ольга дописывает две главы – «Ностальгия» и «Заключение».

Тарковский попросил ее снять свою фамилию из заглавия немецкого варианта книги, она согласилась. Книга вышла под названием «Запечатленное время», и Суркова вообще не получила денег за свой труд. Вообще! По-русски это называется «кинуть». Но дама подает в суд на Тарковского и выигрывает его. А иначе и быть не могло.

Приглашенные эксперты дали заключение, что г-жа Суркова могла требовать даже не половину гонорара, а все 100%. Настолько совпадали тексты «Сопоставлений» и «Запечатленного времени».

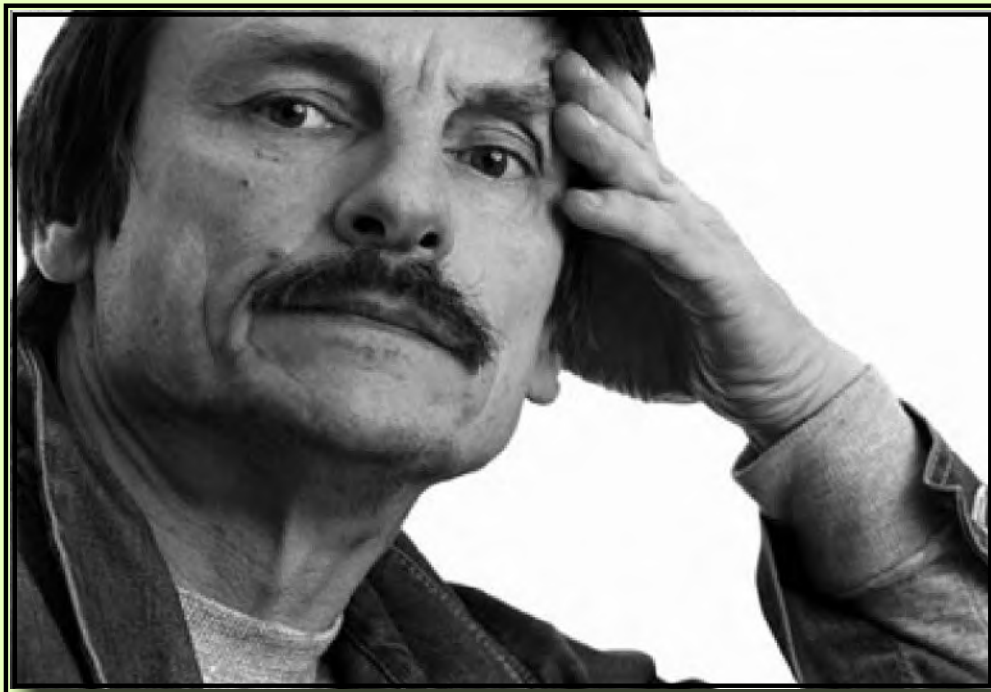
Еще больше фактологии изложено Сурковой в книге «Тарковский против Тарковского. Дневник пионерки». Автор снимает ретушь с образа «Святого Андрея». Тем, кто хочет знать правду о том времени, о кинематографе, которого больше нет и, скорее всего, больше не будет, рекомендую эту книгу. Поверьте, она открывает глаза на реальность. А реальность сильно отличается от стереотипов, вдолбленных в наши головы электоральными СМИ.

О том, что Тарковский собирается остаться на Западе, знали все, кому положено, а не только друзья режиссера.

На аудиенции у зам.пред. Госкино СССР Бориса Павлѐнка в 1979 году Тарковский сказал:

- А вот Коппола, поставив «Апокалипсис», получил гонорар, на который купил гостиницу... Павлѐнок ответил:

- У нас, Андрей Арсеньевич, другая социальная система, и гостиницы не продаются. А Ваши работы всегда оплачиваются по самой высшей ставке, существующей у нас. Тарковский парировал жестко: - Значит, у нас плохая система...

Кстати, насчёт системы.

Власть шла навстречу Гению. Тарковский получил ДВЕ квартиры на одном этаже жилого дома в районе Мосфильмовской улицы. Получил бесплатно. Соединил их. В бывшую двухкомнатную поселил тещу, сына и приемную дочь, а в трехкомнатной жил с женой Ларисой.

Однако он не смог отделиться дверью от лифтового холла. На этой почве у него возникли трения с Управляющей организацией, а заодно и с советской властью, как вы понимаете. Скандалить Андрей умел и любил.

Кроме того, Госкино СССР дважды профинансировало его фильм «Сталкер». Голливуд на такую щедрость был неспособен. Но Тарковский думал иначе - на Западе его гениальность оценят гораздо щедрее.

В 1981 когда режиссер написал сценарий фильма «Ностальгия» для итальянцев и получил разрешение на выезд. Председатель Госкино СССР Ф. Т. Ермаш предпринял последнюю попытку удержать Тарковского. Он предложил ему снять «Идиота» по Достоевскому, на что ранее гениальный режиссер и претендовал. Андрей ответил, что вернется к этому вопросу после возвращения из Италии.

Но, уехав на съемки в Италию, режиссер почти сразу стал просить выехать к нему сына и тещу. Наши ещё раз попытались вразумить Гения, отправив к нему на переговоры директора «Мосфильма» Сизова. Режиссер назначил встречу в римском кафе, а не в посольстве, и пришел на неё...с охраной. Сизов подтвердил предложение министра снять фильм по Достоевскому и обещал режиссеру самые комфортные условия. Москва располагала информацией, что перспективы дальнейшей работы на Западе у Тарковского неважные. Он ищет контактов и с Голливудом, и с европейцами, но ни те, ни другие не торопятся.

К удивлению представителя СССР Андрей Тарковский попросил гарантий... М.С.Горбачева. Лично. Читатель поймет, что при всей сердобольности последнего Генсека звонить гению кино он не стал.

Строго говоря, статья Тарковского «невозвращенцем» заставила его жена Лариса Кизилова. У нее была теория:

Андрей, если мы уедем на Запад, то тебя там оценят как Гения.

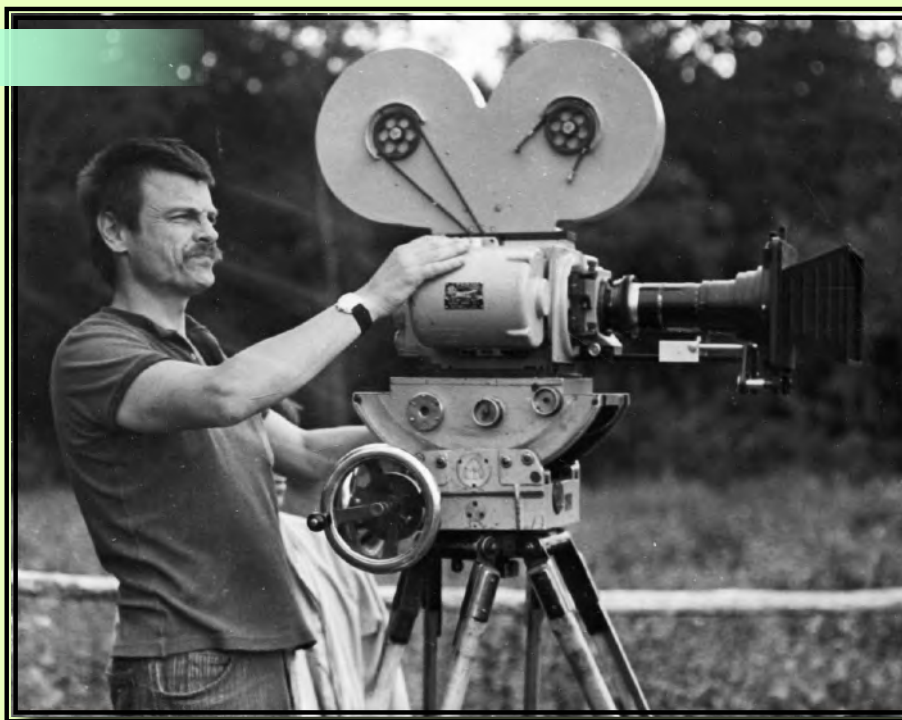
1. Ты сможешь снимать ВСЁ, что захочешь.

2. Получишь за это достойную оплату.

3. Мы купим с тобой квартиру с видом на Эйфелеву башню или дом с бассейном в большом Париже.

Что получилось по факту?

За съёмкой

После окончания съемок второго зарубежного фильма «Жертвоприношение» шведы отказались выплачивать вторую часть гонорара режиссеру. Тарковский нарушил контракт! Вместо двух часов пяти минут снял 2 часа 30 минут. Шведы требовали сокращений, Тарковский объяснял, что не может этого сделать потому, что он гений, он так видит.

Тогда сторона инвестора предложила компромисс. Из Франции приглашается гурю монтажа, который даст заключение - можно сокращать фильм или нет. Тарковский согласился.

Француз посмотрел фильм и сказал режиссеру:

- Нет, фильм резать нельзя!

Приехав к оппонентам он сказал:

- Да, резать можно.

Несколько недель стороны выясняли, кто что сказал.

В этот момент мэр Флоренции объявляет, что дарит Тарковскому квартиру в 120 кв. метров!

Мечта Ларисы, казалось, сбылась. Ура! Но квартира в доме без...лифта, электричества и ... удобств! Тарковский летит в Швейцарию к своему банкиру, а тот ему говорит:

- Вы можете закрыть банковский счет от жены?

- Но у нас в СССР так не принято. Все семейные доходы общие - отвечает Андрей.

- Здесь не СССР, а Европа, вы рискуете остаться без денег - парирует банкир.

Тогда Тарковский в поисках денег предлагает шведам свой вариант компромисса: создать нечто вроде худсовета для решения вопроса по его фильму, а возглавит его режиссер Ингмар Бергман. Шведы отвечают - ОК, связываются с Бергманом. Тот отвечает, что никакой худсовет возглавлять не будет, но неофициально фильм посмотрит. Смотрит. Вердикт кумира Тарковского Бергмана - фильм «Жертвоприношение» зятанут. Увы.

Примерно в это время Тарковскому ставят диагноз. Денег особо нет, но какую-то сумму подбрасывает Андрон Кончаловский, а Марина Влади устраивает в клинику своего мужа - главного французского эксперта по этому заболеванию.

Споры заканчиваются, режиссер идет на уступки шведам.

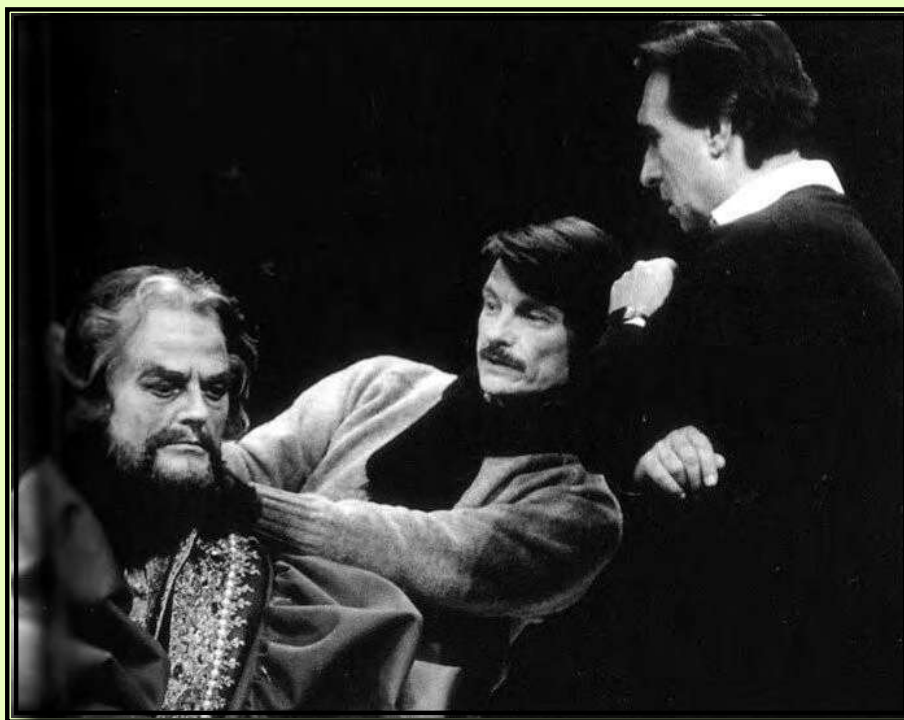
Хорошо известно, что фильм «Жертвоприношение» снимался специально для Каннского кинофестиваля. И так, май 1986-ого. В Каннах разносится слух, что Тарковский поправился. 12 мая состоялась долгожданная премьера. Фильм принят и зрителями, и критиками. Но....главный приз получает американский блокбастер «Миссия». Причем никто из СССР не входил в тот год в состав жюри. Козней со стороны бывшей Родины чинить никто не мог. Для Тарковского это был удар чудовищной силы. Такого от западного общества он не ожидал. Этого пережить экс-советский режиссер уже не смог и скончался в декабре 1986 года.

Ну, а что ждало Тарковского, если бы он выжил? Какие перспективы как режиссера?

Мечтой Андрея было снять «Гамлета». Он обегал с этой идеей пороги киностудий и продюсеров. Но никто не хотел вкладываться в заранее убыточный проект.

Ковент-Гарден предложил поставить оперу на своей сцене. Место престижное, но масштаб не тот. Да и деньги не те, что ожидала жена Лариса. Датчане очень хотели, чтобы Андрей снял кинофильм про их философа. Очевидно, что фильм был бы малобюджетный. Выбор был таким и только таким.

Как видим - ни квартиры с видом на башню Эйфеля, ни дома с бассейном Тарковские не купили. Интриги, что были в СССР, что в Европе - одинаковы.

Андрей Тарковский на постановке Бориса Годунова

Был ли правильным выбор с эмиграцией? «Тарковскоеды» обсуждают эту тему неохотно. В моде у них тема «Художник и Империя зла».

Вернусь к теме «Сталкера». Расскажу о том, чего не знает большинство кинозрителей, потому как «тарковскоеды» эту информацию предпочитают не обсуждать.

Сошлюсь на взгляды двух людей, волею судеб имевших отношение к «Сталкеру».

Первый - это Борис Павленок (1923-2012), один из тех, кого выставили за дверь и заткнули рот в «перестройку». К счастью, не навсегда. В начале нулевых вышли его мемуары «Кино. Легенды и бль». Автор был заместителем председателя Госкино СССР.

Вот что у Павленка о сценарии «Сталкера»:

«Даже при беглом прочтении бросалась в глаза убогость философии, обилие общих мест и прописных политических истин, непомерная заговоренность и, если хотите, замусоренность диалога - не сценарий, а радиогазета».

И далее:

«Руководство министерства устами министра сказала это Тарковскому, но он не услышал. Отсняв весь фильм, а это 2 серии, Тарковский сообщил, что вся пленка - брак».

Павленок по поручению министра отсмотрел 7000 метров пленки и убедился, что претензии Тарковского безосновательны, оператор Георгий Рерберг всё снял в соответствии с задачей, поставленной режиссером.

Стало ясно, что Тарковский ищет скандала, ведь «в соответствии с установленным порядком режиссер лично принимал каждую партию пленки от лаборатории без единого замечания. Акты с его расписками хранились в лаборатории» - снова цитата из Павлёнка.

В Госкино проиграли все варианты и поняли, что с Тарковским лучше не связываться - ВВС, «Голос Америки», «Свобода», пресс-конференции на тему: «Караул, цензура!».

Было принято решение:

- выделить 500 000 руб. По тогдашнему курсу к доллару - 64-68 коп за 1 у.е.; - выделить плену «Kodak»; - Рербергу объявить выговор.

Ольга (Лялька) Кизилова - крайняя слева. Далее Андрей Тарковский-ст, сын Андрей, жена Лариса Кизилова.

Новый оператор Княжинский переснял фильм один в один с Рербергом. Павлёнок не пожалел времени и сравнил оба варианта. Какой бы продюсер, в какой стране мира дал бы такую подачку капризу режиссеру?

Бондарчук, снявший с итальянцами «Ватерлоо», хотел переснять один эпизод, на что получил ответ: - Если хотите, за свой счет...

Но это не всё. Борис Павлёнок отмечает еще один интересный момент. Оказывается французы, покупавшие все картины Тарковского, этот фильм не взяли, а их пресса обозвала его «длинное русское кино».

Это я поделился взглядом с «колокольни» чиновника (продюсера).

Продолжу истории о Тарковском весьма занятным эпизодом, описанным в книге Даля Орлова «Реплика в зал. Записки действующего лица».

Даль Орлов прилетает в Рим в командировку, а его никто не встречает. Языка он не знает, в Риме первый раз. Минут через 40 прибегает взмыленный экспорт-фильмовец. Он извиняется за опоздание, объясняет его тем, что занимается отправкой Янковского, с которым следует багаж Тарковского. Итальянцы обещали оплатить гигантский перевес, но не оплатили – «кинули» мэтра кино, выражаясь современным языком. В результате Янковского не пропускают на посадку. А представляете, если б Госкино СССР что-то не оплатило Тарковскому? Крик бы стоял на весь мир!

Орлов бежит следом экспорт-фильмовцем, потому, что проблема не решена. Оба спешат помочь Янковскому. Народный артист обнаруживается, а рядом с ним - несколько грузовых тележек с нагроможденными коробками и тюками. Багажные небоскребы выше самого артиста! А он не маленький.... Несчастный Олег Янковский хватается за фалды гордо проходящего мимо красавца-аэрофлотовца и бормочет ему в затылок: «Вы только пропустите! Да Вы у нас в театре первым человеком будете, не дальше третьего ряда, клянусь!»

Представили сцену? Смачно, правда?

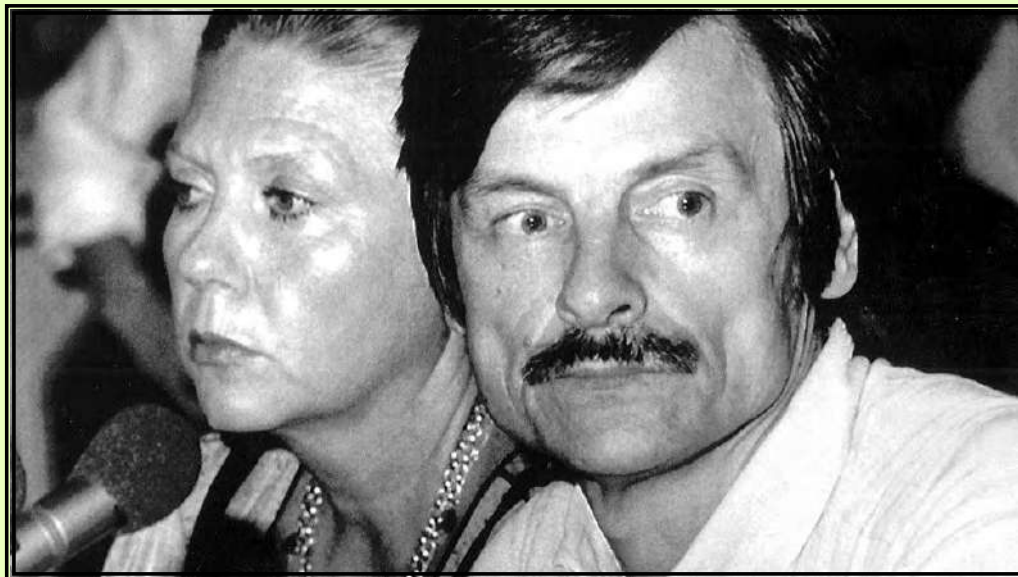
Затем Даль Орлов подводит итог, лучше него я не сформулирую, поэтому процитирую бывшего главного редактора журнала «Советского экран»:

- То, что русский человек, изможденный...дефицитом, накопил столько всего и переправляет с оказией, при содействии другого большого художника - это нормально...Только странные мысли и о не самых возвышенных причинах того шумного невозврата возникают в голове...

Как хотите, а мне в тот момент показалось негармоничным...соединение в одном жизненном кадре воровбы «Иванова детства» или «Андрея Рублева» и тусклого навала коробок в итальянском аэропорту». (Даль Орлов, «Реплика в зал», стр. 201-202).

Возможно, кто-то скажет: - Ну, это мелочь.

Во-первых. Для полноты характеристики наших кумиров не повредят и мелочи. Из них складывается полная мозаика любого человека. Мы же с вами за правду. Иконы пусть пишут с других.

Лариса Кизилова и Андрей Тарковский

Далее мой рассказ о Тарковском будет построен на воспоминаниях его официального биографа Ольги Сурковой. Они были изданы под названием «Тарковский против Тарковского. Дневник пионерки».

Прежде чем приступить к цитированию, я должен пояснить, кто есть кто.

Лариса – жена Тарковского Лариса Кизилова. Лялька – дочь Кизиловой от первого брака. Мясное – дача Тарковских в Рязанской области.

Теперь поехали. Страница 236 книги:

«Отсутствовала также Ларисина Лялька, взаимоотношения с которой, увы, требуют особого комментария.

Как я уже писала, художественное воображение Маэстро рыжеволосая кудрявая Лялька поражала с самого начала. Она выросла в статную, всегда как будто немножко сонную девушку с припухшими губами. Особенно помнится один из дней рождения уже на Мосфильмовской, когда Ляльке было лет 16.

Я была тогда на празднике с мамой и скорее она, чем я, обратила внимание, что Ляля сидела неотлучно по правую руку Андрея, чья рука время от времени соскальзывала, не без ее попустительства, на ее коленку....Я не имею понятия, как и что происходило между ними, тем более не могу себе представить, как это могла не заметить такая ревнивая Лариса....Я не знаю, но дальнейшие события тоже выходили за рамки нормы, если рамки норм и сами нормы существуют вообще в нашей жизни...»

Как вам этот пассаж? Дальше – больше:

«Потом наступил момент, когда Андрей привез из Мясного другую Олю Лялиного возраста.

Прямо, как в «Рублеве» – грех свой с собою возил, но не для покаяния... Лариса назвала эту Олю какой-то своей дальней родственницей, но кто знает...

Андрей, как я уже рассказывала, не позволял Ляльке, к тому моменту девочке семнадцати-восемнадцати лет, возвращаться домой позднее то ли девяти, то ли десяти часов. И вдруг однажды я узнала, что Ляля ушла из дома... Вдруг? Что случилось? Постепенно выяснилось следующее: как-то она вернулась домой в 12, и Андрей...жестоко отстегал ее ремнем... Андрей?! Это было немыслимо, но это была правда. В этой квартире Ляля вовсе не появлялась последний год или более...»

Вот так. Вы о чем подумали? О домашнем насилии?

Кстати, Ольга (Лялька) Кизилова (1958 г.р) снялась в двух фильмах Андрея Тарковского – «Зеркало» (1972) и «Солярис» (1974). Сейчас проживает во Франции. Общения с прессой избегает. Тем, кто интересуется историей культуры и кино, будет интересно прочесть эту книгу, снимающую глянец с гениального режиссера. Увы, у нас любят обожествлять некоторых творцов, делая из них иконы, а других наоборот - втоптывать в грязь. Деление на черное и белое одномерно и не дает реальной картины. Правда всегда где-то посередине. Вот книга Сурковой и представляет многочисленную фактуру реальной жизни Андрея Тарковского и его семьи. Ей стоит верить, поскольку с конца 60-ых и до начала 80-ых Ольга была соратником и биографом режиссера.

Давайте вернемся в период эмиграции Тарковского. Ольга Суркова добавляет ряд штрихов к портрету, считая, что Гений и Злодейство очень даже совместимы.

Сначала Лондон. Постановка «Бориса Годунова» в Ковент-Гардене. Цитирую:

«А вся эта бесконечная уже почти неприличная торговля по телефону с директором Ковент-Гардена об оплате постановки «Бориса Годунова», которая и так уже по тем временам достигла высшей планки. Но Тарковский продолжал требовать к этой сумме еще наши, родные «суточные и командировочные», не желая понимать, что они выплачивают только гонорар, а его дело распорядиться им по своему усмотрению....»

Раньше он говорил о недостаточности денег, в сравнении с Бондарчуком или Озеровым... Но теперь я оказалась в Италии свидетелем того, как ревностно сравнивал Андрей своё материальное положение с доходами от фильмов Феллини или Антониони...» (стр.350)

Комментировать не надо?

Тарковский (в центре) на съемках фильма Жертвоприношение

Продолжим. Художником-постановщиком спектакля «Борис Годунов» Андрей взял Николая Двигубского. Перед генеральной репетицией прошел худсовет. Цитирую Суркову:

«Дело всё в том, что в процессе работы над спектаклем Тарковскому приходили разного рода новые идеи, касавшиеся мизансцены или сценического дизайна. На...худсовете он заявил, что хочет поставить статистов в саду у Мнишек, которые изображали скульптуры, неожиданно меняющие свои позы. Это в очередной раз то ли что-то меняло в сценическом дизайне Двигубского, то ли усложняло его работу, так что он пытался возразить. Но в ответ на глазах у изумленных членов благородного английского заседания Тарковский громко, на чистом русском языке и «по-нашему» послал Двигубского к одной маме...».

Но этого маститому режиссеру показалось мало. Он решил проучить Двигубского «по полной». Цитирую снова Ольгу Суркову: «Андрей требовал, чтобы Двигубский не смел даже выходить на поклон. В ином случае он не выйдет сам...» (стр.360)

Тема жадности Тарковского ярко проявила себя в Нидерландах. Дело в том, что кинофестиваль в Роттердаме поставил себе целью заполучить знаменитого советского невозвращенца. Тарковский стал первым русским, прилетевшим на кинофестиваль.

Ольга Суркова: ЯЯ с огромной радостью встречала Тарковских в Схипхоле (амстердамский аэропорт) с машиной и переводчиком, которые ему были выделены персонально. Кроме того, их поселили в люксовый номер отеля «Хилтон» и дали открытый счет на рестораны и все поездки по Голландии, которые мы захотим совершить... Но первое, что он попросил меня объявить им всем, что я НЕ даю интервью бесплатно. И спросил: - Они организовали мне какие-нибудь платные лекции? Журналисты опешили и не взяли ни одного интервью с долгожданным гостем».

Тарковский любил говорить, что в человеке следует воспитывать прежде всего «достоинство и чувство чести».

Слова у него, как у большинства художников, часто расходились с делами...

Судя по комментариям моей серии статей о Тарковском киноэстеты очень любят его фильм «Зеркало». У меня даже сложилось впечатление, что этот фильм самый-самый любимый у членов фан-клуба Андрея Тарковского. Поэтому обойти стороной кинофильм «Зеркало» было бы неправильно.

Начну с версии Андрона Кончаловского, многолетнего друга Тарковского, человека, который дал денег на решение советского Гения, после того, как последнему был поставлен трагический диагноз. В среде киношной такая жертвенность редкость. Киношные друзья дружбу ограничивают тостами на юбилеях, а когда речь доходит до денег, их и след простыл...

Поэтому я склонен доверять его версии.

Итак, в интервью журналу «Искусство кино» (4, 2007) Кончаловский замечает, что с определенного момента собственного пути Тарковский просто-напросто хотел «заморочить» зрителя.

Цитирую Кончаловского: «Сцены, взятые из разных мест сценария, он хотел сложить в какую-то систему видения, но они не складывались. Посмотрев рабочий материал, я сказал ему, что картина распадается на фрагменты. «А я сейчас переставлю все эпизоды, и уже никто ничего не поймет!» - сказал он и хитро улыбнулся. Я ответил: «Да ты авантюрист!».

А теперь прочтите, что говорили о фильме коллеги Тарковского, не знавшие, что Гений им морочит голову, на первом худсовете, в мае 1974, когда обсуждалось «Зеркало».

Всеволод САНАЕВ: «Я понимал, что очень хорошо снято, что каждый кадр насыщен смыслом, следил за актрисой Тереховой - настолько глубоко, эмоционально она сложила роль... Но о чем фильм - разобрать трудно. Какие-то мальчишки, дети... Я вижу, что кинокартина сделана талантливым человеком, но что происходит на экране? Ведь фильм будут смотреть не только в Доме кино, но и более широкий зритель...».

Режиссер Юлии РАЙЗМАН: «В картине есть эмоциональный ряд, который очень завораживает от встречи с людьми, от ритма рассказа... Но эта радость восприятия борется с непониманием того, что происходит. Эта сцена понятна, пока поймешь другую - отстанешь, возникает раздражение. Часто оказывается, что всё-таки не понял».

Так что должны были делать в такой ситуации киночиновники (читай - продюсеры), которые от лица государства выделили Тарковскому денег на «Зеркало» и захотели их вернуть с прибылью? Казалось бы, нормальное желание..., но в НАШИ ДНИ.

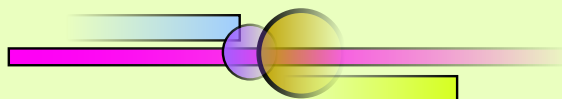
Ха-ха. Это в наши дни, а тогда - караул, не пускают фильм большого художника!

Но это не всё. Вишенка на торт - комментарий бывшего заместителя Председателя Госкино СССР Бориса Павлѐнка:

«Один из эпизодов «Зеркала» я считал фальшивым. Речь идет о мальчишке-пацифисте, отказавшемся в школе на военных занятиях взять в руки оружие. Даже при всей условности некоторых ситуаций сюжета этот мотив был надуманным, притянутым из современности. Я отвоевался, едва выйдя из мальчишеского возраста, и хорошо знал ребячью психологию времен Отечественной войны. Пацана, который не захотел взять в руки винтовку, когда каждый мечтал убить фашиста, другие пацаны объявили бы фашистом, и его жизнь среди сверстников стала бы невыносимой. В глухом российском городишке могли и прибить. Мою претензию Тарковский отверг: - Я так вижу своего героя...»

Тарковский своего добился - упомянутый эпизод в картине остался. Пацифисты торжествовали». И не только пацифисты. Мы видим, что власть шла на уступки. Пошел бы на уступки американский продюсер в аналогичной ситуации? Сомневаюсь.

Вы, мои читатели, всё еще считаете «Зеркало» шедевром?

Ха-ха-ха

Михаил Иванов (1748 — 1823)
Ответа жду

Смеяться разрешается

Разговор с молдавским радио

Жены их собирали в командировку всегда, как на войну, которой, слава Богу, не было, зная: что бы им они ни говорили, в одно ухо у них влетало, в другое вылетало, и в итоге они все равно начудят. Да так, что «хоть стой, хоть падай» то ли от смеха, то ли от злости. Что они отчебучат в этот раз, причем уже на чужой земле, было известно только одному Богу.

Самолет ТУ-154 сообщением Москва – Кишинев приземлился в аэропорту точно по времени. Аэропорт так и назывался «Кишинев». Этим рейсом прилетели два опера из удмуртского УБОПа Жека и Славик в свою очередную командировку. Надеюсь, что пройдет она благополучно. На дворе стоял 1992 год, в стране еще недавно с гордым названием СССР произошел распад на якобы суверенные государства, к которым, видимо, можно отнести и Молдову.

В аэропорту было многолюдно. Большинство жителей Молдовы носились с чемоданами и баулами не для того, чтобы отправиться в захватывающее путешествие. Люди покидали Молдову в поисках заработка – такова печальная проза жизни, которая настала после распада СССР.

А этим двум «гастролерам» не привыкать к командировкам, они объездили весь Советский Союз, но в Молдавии были впервые, поэтому решили из аэропорта сразу ехать в МВД Молдовы. Ведь кроме того, что есть такое вино «Букет Молдавии», они ничего про эту маленькую страну не знали, они бы на глобусе ее не нашли. Шучу, нашли, и она оказалась меньше Удмуртии.

– Жека, пистолеты-то забыли у командира корабля, – вспомнил Славик, спускаясь по трапу самолета.

– Семен Семеныч! Хорошо, что сейчас вспомнил, а не когда самолет улетел, – сказал Жека, и эти два чудика, расталкивая народ на трапе, побежали в кабину пилотов. В Аэрофлоте так положено: поднялся в салон самолета, будь любезен разряди «магазин» и сдай пистолет вместе с обложкой командиру корабля на весь срок полета.

– А я уже хотел бежать за вами. Жду, жду, а вас нет, – сказал командир корабля, возвращая им табельные пистолеты Макарова.

– На фиг мы их вообще взяли, сейчас с ними у нас одна морока будет. А не дай Бог, потеряем, всё, хана нам с тобой, – пряча ПМ в скрытую кобуру, ворчал Славик, который вообще не любил оружие, так как много лет проработал в ОБХСС, и главным оружием у него была простая шариковая ручка.

– С «Макаром» как-то спокойнее на душе, – ответил Жека, считая патроны в магазине. – Всё нормально, все на месте, – подытожил он.

Раньше Жека работал прокурором и из-за нехватки там романтики перешел на оперативную работу в МВД, где ее до... самых мест. Вот он с оружием и не расстается.

Уже в такси по дороге из аэропорта в Кишинев Жека толкнул спящего Славика в бок:

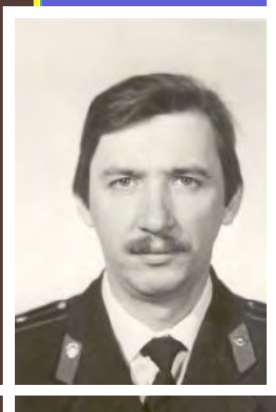
– Я вспомнил, когда служил в погранвойсках в Москве, пошел как-то в увольнение, денег было мало и вот тогда я первый раз попробовал молдавский портвейн, потом, Слава, мне было так плохо! Я или отравился им, или слишком много выпил.

– Ну, а в этот раз ты попробуешь его второй раз, и тебе будет так хорошо! – ответил Славик каким-то каламбуром. – Вообще, Жека, зачем ты стал вспоминать молдавские вина, ностальгия, что ли, армейская тебя пробила?

– Ну, мы же в стране, где вино основной продукт ихней продукции. Фу ты, что-то я тоже стал каламбурить. Не к добру это, видимо, напьемся сегодня этого молдавского вина, мне так кажется. Ты, Славик, меня контролируй, чтобы я не перебрал.

Незаметно за разговорами подкатили к зданию МВД Молдовы и поднялись в УБОП, где их радушно принял зам.начальника и выделил местных оперов для оказания им практической помощи по уголовному делу и размещения в гостиницу. Уже в кабинете местных оперов Андриана с Мирчей Жека со Славиком почувствовали все гостеприимство молдаван, когда те открыли свои сейфы и поочередно стали угощать их домашним вином, повторяя: «Это вино моего деда из винограда сорта Шардонне, а это вино моего отца из винограда сорта Изабелла».

Жеке со Славиком было трудно разобрать все прелести вина, оно им казалось на один вкус, так как большими любителями вина они никогда не были, однако по два стакана махнули, в голове сразу зашумело. Молдавские опера вызвали на допрос по удмуртскому уголовному делу трёх

Евгений
Татарников

человек и одного на вечер прямо в гостиницу, так как этот свидетель был из другого города. Когда Жека и Славик допросили этих трёх, как раз настало обеденное время. Жеку и Славика повели в столовую, которая находилась в этом же здании, что и УБОП. В столовой Жека не поверил своим глазам. На каждом столе стояло по три бутылки вина «Столовое». Жека шепотом спросил Мирчу:

– А что, его пить-то можно и сколько платить надо?

– Пить можно, а платить не надо, это наша молдавская традиция в обед пропустить немного вина перед едой. «Какая хорошая традиция», – подумал про себя Жека и пропустил стаканчик сухонького вина. Он бы еще долго тут сидел в столовке в обнимку с бутылкой, если бы их со Славиком не позвали в кабинет начальника УБОП. Жека немного испугался, так как у него стал уже слегка заплетаться язык.

«А в ресторане, а в ресторане...»

Вечером в ресторане «Центральный» города Кишинева состоялся банкет, где присутствовали опера из Молдовы, Украины, Узбекистана, Латвии, Эстонии и еще два опера из Удмуртии, которые туда под шумок затесались. В честь чего был банкет, никто не знал, может, в честь приезда Жеки и Славика. Ну, это много им чести!.. Видимо, в честь независимости Молдовы, поэтому так было много оперов из бывших союзных республик СССР. Были накрыты столы с национальными блюдами: редис с брынзой и маслом, рагу из овощей по-молдавски, костица дэ пурчел ку кляр (свиная отбивная в тесте), гуляш из свинины с мамалыгой и молдавская водка сливовица. Жека не любил мамалыгу с детства, потому что никогда ее не ел, да и вообще не знал и знать не хотел, что такое мамалыга. Вот он и ковырял ее лениво вилкой. А Славик все быстро смолол, сидел с пустыми тарелками, смотрел по сторонам. Нет, не принесут ли добавки, а просто смотрел, кто что делает.

Мирчу за столом стал рассказывать анекдот про спиртные напитки:

«Текила – лизнул, выпил, куснул;

– мартини – заказал, выпила... дала;

– коньяк «Десна» – открыл, закрыл, выбросил;

– молодое молдавское вино – выпил, вскочил, побежал... не успел;

– дорогое французское вино – купил, поставил... любуюсь;

– водка – выпил, захотел, соблазнил... опозорился, уснул;

– турецкая водка – привез, открыл, попробовал, закрыл... подарил;

– пиво – выпил, сходил, выпил, сходил... выпил, выпил, уснул... сходил».

После этого анекдота Жека зачем-то вспомнил удмуртскую водку – кумышку, выпив которую не то, что добежать не успеешь, а встать не сможешь, ноги ватными становятся, и начал рассказывать:

– У нас водку коренных жителей Удмуртии, вотяков, принято называть кумышка. Екатерина II во время путешествия по матушке Волге позволила удмуртам свободно варить кумышку. Как это случилось, сейчас расскажу. Корабль с царицей на борту сел на мель и никто, даже самые именитые силачи, не могли поднять его со дна. На помощь пришел люд людской, навалились всем миром, но силы были потрачены зря! И тут появились вотяки, они помолились лесным богам, плеснули в жаркий огонь кумышки и все увидели, как с паром появляется и корабль! Благодарности царицы не было предела! К моменту правления Александра I удмуртская водка стала популярным напитком. И народ оказался слаб! Тогда император издал указ, согласно которому варить кумышку можно было только для домашней нужды в ограниченном количестве. Так царь пытался спасти народ от повального пьянства!

Потом стали исполнять национальные танцы: хохлы – гопак, молдаване – жок, латыши – ойра... Жека хотел было исполнить татарский танец, но вовремя вспомнил, что здесь он представляет Удмуртию. К сожалению, удмуртского танца он не знал, поэтому они со Славиком дуэтом за-

тянули удмуртскую песню: «Ой, ты чумай нильес, молоко чие...». При слове чумай официанты принесли бутылку вина «Чумай» и сделали нильес, то есть налили по стаканам «Чумая», а при слове молоко принесли рыбы молоко. Жека, сделав глаза, как у окуня, спросил их:

– Вы чего нам принесли?

– Чего заказывали, то и принесли, кроме Ойты, у нас нет такого вина Ойты, и никогда его не было, – был их ответ.

– Ну, хорошо, – сказал Жека и выпил стакан «Чумая», закусив его молоком. Нет, не коровьим молоком, рыбьим. Хотел опять запеть: «Ой ты.....», – но вовремя спохватился и стукнул себя по губам. Потом были тосты за страну, которой уже нет, за республики, из которых приехали опера, и которых (республик) никто в мире еще не знает, за народы, которые друг друга не любят, и за оперов, чье братство не знает границ.

Жека смотрел в стакан и видел там себя, как он барахтается в Красном море, и ему весело и хорошо, и это море выталкивает его из стакана.

– Может, я уже в Египте на Красном море, – подумал он и лизнул свои губы, соли на них не было, был вкус коньяка.

- Славик, посмотри в мой стакан. Что ты там видишь? Море Красное есть?
– Жека, я ничего там не вижу, он пустой, как твоя башка, – ответил Славик и насторожился.
– Ну, тогда плесни мне, брат, молдавского «Белого аиста», – и Жека запел:

*Белый аист летит,
Над белёсым Полесьем летит,
Белорусский мотив,
Зубр куда-то бежит.
Заповедный напев, заповедная даль.
Свет хрустальной зари, свет, над миром встающий.
Мне понятна твоя вековая печаль,
Беловежская пуца, Беловежская пуца...*

Белорусы как-то нехорошо посмотрели на Жеку, но промолчали.

– Жень, перестань уже пить, вечером нам еще в гостинице надо допросить молдаванина. Забыл, что ли?

Хорошо, что закончился банкет, все стали расходиться, в том смысле, что поехали в гостиницу. Подходя к гостинице, Жека сразу приметил странного молдаванина с плетеной бутылкой вина в руках. Было видно, что этот мужик стоит здесь уже давно и, видимо, кого-то ждет. Жека подошел к нему и спросил: «Снегур?» Тот только кивнул в ответ, и они втроем зашли в гостиницу и поднялись в номер. Этого Снегура надо было допросить по уголовному делу.

«Утром...»

Уже утром следующего дня, протирая свои красные глаза, Славик случайно наткнулся на какой-то протокол допроса, с которым он, видимо, и спал. Зевая, спросил:

– Жень, я вчера кого-то допрашивал? Увидев утвердительный кивок Жеки, Славик добавил: – Вот ведь, не помню ни фига...

Жека стал ему помогать вспоминать вчерашний вечер в гостинице:

– Да этого молдаванина ты допрашивал из Гладяну, откуда он приехал. Он еще по-русски ни белмеса не понимал и имя у него странное такое, как у внучки Деда Мороза.

– Снегурочка что ли?

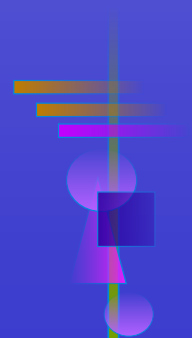
– Да. Снегур... Снегур Лупяну. Красиво звучит, да?

– Ну, Жека, и дела. Как я его мог допрашивать, если он по-русски, говоришь, не понимает. У нас что, переводчик был, что ли? Снегур Лупяну... хм, я его случайно не лупил вчера?

– Слава, переводчиком были твои пальцы и твое лицо, я и сам ни черта не понял, как ты его допрашивал, хотя я рано вчера уснул. Свалил меня все-таки этот молдавский розовый портвейн и «Белый аист», а виноват всё ты, в такси кто накаркал, что напьемся? На вот, посмотри на свой допрос, он аж на шести листах. Я читал, когда ты еще спал, там русские слова, но попадают и непонятные, может, они и молдавские. Там такая хрень понаписана! Я, когда читал, чуть сам не описался, так плакал от смеха, что живот разболелся. В туалет на четвереньках полз и полчаса там сидел, пока не успокоился. Потом ты проснулся. Болеешь, Славик, да? Я больше читать твой допрос не буду, здоровье свое побережь надо, а ты почитай.

И Слава стал читать: «Одним из итогов «холодной войны» стал распад СССР, одного из непосредственных ее участников. Распад Советского Союза происходил на фоне общего экономического и внешнеполитического кризиса. Сырьевая экономика, достаточно слабая, ориентированная на экспорт природных ресурсов, пошатнулась после инициированного Вашингтоном снижения мировых цен на нефть. Ай заибит популяция. Некомпетентность союзного руководства, деградация властных элит, центробежные националистические тенденции, приведшие к возникновению межнациональных конфликтов в союзных республиках, неудачные попытки реформирования советской системы, так называемая «перестройка», война в Афганистане, непрекращающаяся финансовая помощь странам соцлагеря, а также подрывная деятельность стран Запада и США, являвшаяся составной частью «холодной войны», привели к тяжелому кризису советской экономики.

– Что за хрень, – подумал Славик и стал читать дальше: «Включеште радио. М-о писдит менций. Я пришол ну штю за щи. Ослабление центральной власти выразилось в объявлении ЦК КПСС об ослаблении монополии на власть и постановлении о проведении первых конкурентных выборов в правительства союзных республик. Это привело к тому, что власть в республиках перешла в основном к либерально или националистически настроенным политическим деятелям. Итогом явился «парад суверенитетов» Амуш кынд ц-ой звездани уна, те-й рэстурна ку педалиле-н сус! Все союзные, а РСФСР одна из первых, и часть автономных республик приняли Декларации о суверенитете, в которых они оспорили приоритет общесоюзных законов над республиканскими. Это существенно ослабило экономическую и политическую ситуацию в СССР, т.к. новые республиканские элиты предприняли решительные действия по контролю над местными экономика-ми, от чего пострадали всесоюзный и федеральный российский бюджеты. Ештэ ун мужык бун.

Кастюм киздос. Ту ешьт просто далбайоб, да ну молдаванин дя ностру...»

– У-уф, Жека, я ничего не понимаю, и не хочу больше это читать. Какая-то политинформация вперемежку с молдавской матерщиной, что мне делать-то теперь?

– Знаешь, Слав, я, когда вчера засыпал хмельным сном, что-то подобное про развал СССР, ослабление центральной власти и экономики, по-моему, по радио слышал. Ты сидел за столом и быстро что-то писал, а этот молдаванин сидел напротив тебя и изредка на своем языке издавал какие-то реплики, но я его не понимал.

– Слушай, Жека, а куда этот молдаванин делся?

– Домой, наверное, уехал. Куда больше-то.

Через полчаса заработало радио и Славик с Жекой услышали знакомый текст: «Одним из итогов «холодной войны» стал распад СССР, одного из непосредственных ее участников. Распад Советского Союза происходил на фоне общего экономического и внешнеполитического кризиса. Сырьевая экономика, достаточно слабая, ориентированная на экспорт природных ресурсов, пошатнулась после инициированного Вашингтоном снижения мировых цен на нефть»

Два удмуртских чудика, а, вернее, охламона сразу смекнули, что вчера Славик вместо Снегура допросил молдавское радио и у них у обоих начались смеховые колики. Жека опять упал на колени и на корячках пополз к туалету, а Славик побежал к бутылки с вином, которая тихо стояла в углу, видимо, оставленная Снегуром для этих непутевых оперов с Удмуртии, но она почему-то была пуста.

Уже в Ижевске следователь Алевтина, которая отправляла их в командировку в Кишинев, разбирая их материалы, что они там наработали, наткнулась на этот странный допрос Снегура Лучано и, прочитав его, была дико удивлена. Она сразу вызвала Жеку и Славика и устроила им допрос с пристрастием.

– Это что за допрос? Вы кого там допрашивали и по каким вопросам? По вопросам внешней и внутренней политики СССР в период его распада? Вы что, опера КГБ СССР? А нет, я поняла, вы тайные агенты ЦРУ США!

Жека со Славиком сделали странные глаза и стали похожи на удмуртских бобров, у которых сломали плотину. А Алевтина продолжала:

– У меня сложилось такое впечатление, что вы законспектировали доклад какого-то политика, находясь под градусом так сорок, но не жары, а сами понимаете чего.

Может, так совпало, но это была их последняя совместная командировка куда-либо...

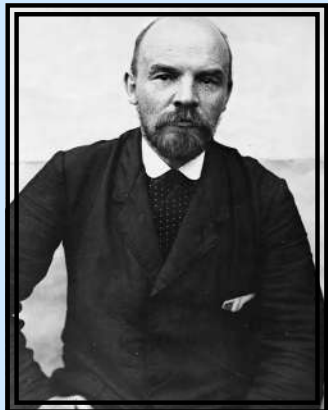

Лев Толстой как зеркало

Перечень правителей русской земли последнего столетия

НИКОЛАЙ II. Последний русский царь. Курил. Пил, начиная с завтрака. В итоге праведного старца Льва Толстого отлучил, а окаянного лжестарца Григория Распутина прилучил. Все войны как с врагом наружным, так и с внутренним проиграл, страну продул, казну растратил и ушел по собственному. Но своей мученической смертью заслужил в потомстве популярность и величие, не снившиеся его бледной жизни. По действующей ныне версии считается, что все слезы по невинно убиенным им (Кровавое воскресенье, Ленский расстрел и пр.) должны быть перечислены в пользу казненного казнителя. За что такая милость непутевому монарху – загадка уже современной демократии.

ЛЕНИН. Не курил. Не пил. Все войны как с врагом наружным, так и с внутренним выиграл, восстановил империю – за что особенно не популярен в пору избавления нас от имперских пут в пользу пошедшей ленинским путем Америки. Вернул былую славу Льву Толстому, будучи и сам писателем. Но по действующей ныне версии, что не царское это дело – собственноручно братья за перо, выброшен из всех библиотек вместе с самими библиотеками.

СТАЛИН. Курил и пил. Лишил вновь славы Льва Толстого, будучи и сам писателем. Поскольку принял смерть не мученическую, за учиненные им казни возведен в святые не был. И так как еще больше Ленина напобеждал во внутренних и внешних войнах, вовсе предан, по законам нынешнего времени, анафеме.

В пиущей братии посеял такой страх, что та взялась его топтать лишь через 30 лет после смерти, кирпичом стерев с лица слезы, пролитые на его похоронах. Сегодняшняя версия велит для полного расчета с прошлым вонзять в его прах ритуальный кол по всем двенадесатым праздникам – не исключая и просветов между ними.

ХРУЩЕВ. Не курил, но пил. О Льве Толстом сначала даже не имел понятия и начал с ним тягаться, только будучи отправлен в заточение, напомилавшее яснополянское, путем своих крамольных мемуаров. Вошел в историю тем, что боролся с культом предыдущего тирана, исподволь втирая свой. Но разделил участь Снегурочки, растаяв от самим же разведенной оттепели.

Тот же догмат избрал по отношению к нему, не замававшему свое правление особыми победами, умеренную благосклонность. Слез по убитым им ему, как Николаю, не перепосвятили – но и не возвели, как Сталину, в большой укор.

*Александр
Росляков*

БРЕЖНЕВ. Курил и пил. Соперничать со Львом Толстым, о графском литературстве которого узнал от референтов, решил путем своей исповедальной прозы. Но так как сам пером по-царски не владел, привлек к ней всегда готовых услужить совписов. О чем они потом, отдав уже другим свою изменчивую верность, предпочитали не вспоминать. Врагов как внутренних, так и внешних старался по возможности не трогать. За что топтать его положено негневно и без ритуальных вил – в виде невинных издевательств над его невнятной речью и кустистыми бровями. Огромное количество построенных при нем железных дорог, космических кораблей, заводов и санаториев народ за этими его бровями своевременно не разглядел, о чем потом сам горько плакал.

АНДРОПОВ. Не курил, не пил, даже почти не ел – до того извел себя на службе. Знал не только Льва Толстого, но и все его обширное потомство – по бывшей работе в КГБ. Однако сам за недосугом длинной прозы не писал, лишь изредка и на ходу грешил стихами.

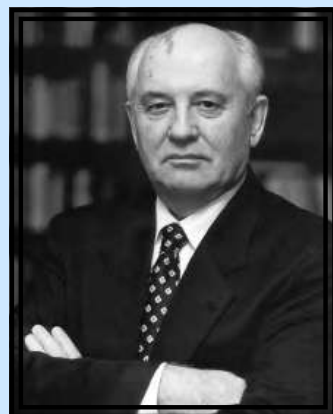

Стал наводить в стране порядок строго, но без казней – на что народ сейчас же отозвался всей душой. Но воспротивилась сама немилостивая к нам судьба – и быстро унесла из жизни благородного чекиста. А так как он еще и не имел каких-то выдающихся бровей, не дирижировал по пьяной морде и ботинком по трибуне не стучал – историки в дальнейшем отнеслись к нему без интереса.

ЧЕРНЕНКО. Об этом вообще науке неизвестно ничего кроме истории его болезни. Знал ли он, уже доставшийся нам в виде полутрупа, что-либо о Льве Толстом, хотел ли с ним или с кем-то еще тягаться на литературной ниве, – из его краткого правления не уясняется. Единственное: своим трупным семенем удобрил борозду, на которой следом взмошел уже радикально перестроивший все Горбачев.

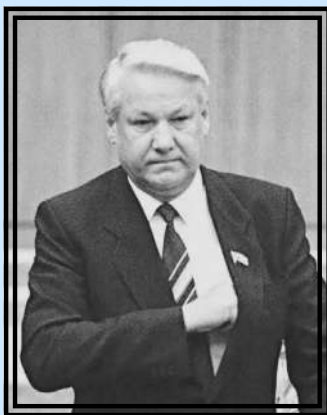

ГОРБАЧЕВ. Не только не пил сам, но и другим не дал, за что сразу почувствовавший нечистое народ присвоил ему кличку «Меченый». Все его радикальные шаги несли какой-то двойственный характер. Ввел долгожданную свободу – оказалось безначалие и бандитизм. Расправил крылья экономике – упала вовсе. Развел среди врагов друзей, открылся перед целым миром – целый мир и напал на нас по открытой заднице.

То есть все делал вдоль – а выходило непременно поперек, – что уже пахнет не толстовщиной, а какой-то Достоевщиной. Засим так и осталось невдомек: он ли под видом настоящей пищи потчевал страну каким-то ложным, западного образца, эрзацем? Или уж наш кишечный тракт таков, что любой корм способен обращать только в одно?

Пинать его было положено несильно и недолго – в основном за намозолившую всем глаза жену Раису, которая сыграла для него роль брежневских бровей. Наш народ и своих-то жен видеть не может, а этот перегиб с мельканием везде чужой и вовсе не простил.

ЕЛЬЦИН. Апофеозная фигура века. Соединил в одном, как головной шампунь, самые разные черты предшественников. К примеру, не курил – но напивался в дым. Крови пролил не меренно, даже, как Иван Грозный, брал с боем свои города – зато и оттепель довел до градуса египетской пустыни.

О каком-то его состязании с писателем Толстым говорить не приходится, скорей он состязался с пирамидчиком Хеопсом, какового и уделал начисто. Ибо если все финансовые пирамиды и пирамидки на могилах убиенных, отметившие его царствие, сложить, – известному своей пирамидой египтянину там близко делать нечего.

При этом все войны проиграл, страну развалил, казну растратил – и, закольцовывая вековой круг, ушел по собственному от возможного возмездия. Но извлекая опыт из судьбы далекого предтечи, в финале прилучил сугубо правильного Путина – а там и вовсе посадил вместо себя на трон.

ПУТИН. Уникум, не схожий ни одной чертой с предтечами, по праву открывающий список владык нового века. Не пьет, не курит, даже, судя по его постному лицу, не спит с женой – предпочитая выставлять вместо нее свою собаку лабрадора. Смог накормить страну, подсадив Европу на нашу нефтяную иглу и заставив ее автомобильные концерны в поту лица пахать на нас. Извечную коррупцию в верхах побил коррупцией везде. Дал материнский капитал освобожденным от работы матерям, пригнав на их рабочие места дешевых иностранцев – на которых мы и пересели, как на иномарки. Тем же путем избавил от работы и отцов – и прежде только умножавшая печали, с ее ростом, нация стала при нем буквально умирать от счастья.

Понял самое главное: что во всех наших бедах виноват не Александр Сергеевич Пушкин, как считалось ранее, а Лев Николаевич Толстой, в чье зеркало глядеть – одно расстройство и горе от ума. Решительно разбил его и выкинул – и все стали глядеть в кривое Петросяна, давась от смеха и уже не зная названного горя.

P.S. Проект с подставой за себя псевдоправителя Медведева не изменил в его случае ровно ничего.

roslyakov.ru

Пародии

Куриный рай

Эпиграф:

Ты смотришь на меня.

*Фашист так смотрит на ребёнка,
который смотрит на его запечённую курицу —
пнул бы, да ботинок жалко замарать.*

*Курица ничего не чувствует,
ребёнок ничего не хочет, только глаза отвести не может.*

Господи, дай каждому то, чего они сильно хотят.

*Дай курице небо,
ребёнку сытость,
тебе добрый взгляд,
а мне удивленье...*

Завтра буду монахиней исповедовать аскезу...

Виктория Соловьёва. Не смотри

Фашист домашний смотрит на меня,
как будто кто-то у него украл
куриный плов и мексиканский кофе.
Коричневое море коньяка
опасно булькает в стеклянном штофе.
Корицей пахнет,
дремлет шмель на розе,
а я на гриль трагически смотрю,
где курья тушка, нежная такая,
на золотой фольге почила в бозе.
А я как дура, эту жизнь терплю!

Погибла кура, а могла б летать!
Бесчувственна, как сорок тысяч трупов,
она в духовке мёртвая лежит!

Я, как ребенок — кушать не хочу,
но вот на тушку всё глядела б и глядела б
фашисту недобитому назло!
Чтоб подавился курицей, зараза...

Майн Готт, как горько мне и тяжело.
Отправь ее на небеса, в куриный рай,
и добрые глаза пришей тирану.

И дай
голодному ребёнку что-нибудь,
чтоб он во мне не ныл и не канючил
(да, внутренний, с которым на гештальт
хожу я, вся в телах копясь тонких,
и даже забываю покормить
и кошку, и собаку, и его,
и про себя я тоже забываю!)

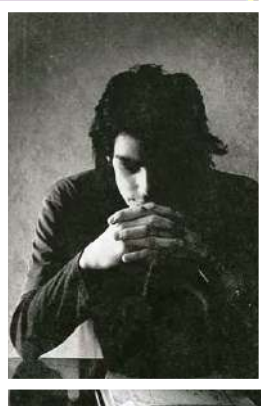
Короче, помоги, мой добрый Бог,
а я потом монахиней, быть может,
шить научусь, и беспечально жить,
и вызубрю догматы и аскезы,
и может, даже откажусь грешить.

А может быть, и нет.

Такая жизнь,
что я сегодня схимница-монашка,
а завтра — бац! — тибетский я монах.

Тебе, майн Готт, нас, умных, не понять —
все зеркала вдруг отразили страх,
подобный липкой нити шелкопряда,
как время, скользкий,
прочный словно сон,
как цианид, насквозь пропитан ядом,
холодный как пингвины всех антарктик,
что мерзнут кучкой на бумажной карте.

Повинен в страхах... ну конечно — он!
Ведь никого же больше нету рядом.
Есть не хочу... Хотя кусочек... с помидором.
И то — чтоб ходу не давать раздорам.
Кладу я ножку на фарфор эпохи Минь.
Всё. Не смотри!
Она в раю.
Аминь.

**Юрий
Фрагорийский
(Птицелов)**

Медуза**Эпиграф:**

*Печаль вливает тихая, немая.
Колышется медузой.
Входит в душу,
<...>
Усталость, как петля.
<...>*

*Клубится пелена воспоминаний.
Печаль в душе. Душа ль в печали...
Как близнецы сиамские, срослись.
И не поймешь, кто был из них в начале...
А я лишь тихий омут для медузы,
скрывающейся в глубине.*

Елена Картунова. Печаль-медуза

Влюблённости не вечна эйфория.
Висит любовь верёвкой бельевой.
И пусто так, потухли фонари, и
финита ля комедия - хоть вой!

А в доме скука. Рай давно разрушен.
И тихий омут полон мелодрам.
И нагло лезет ностальгией в душу
воспоминаний целая гора.

Не замечал, дурак, печали дамской,
и от любви тебя бросало в дрожь.
Потом прирос к любви близнец сиамский:
и кто главней - уже не разберешь.

Срослась навек природа со смартфоном,
уносит ветер счастье-конфетти.
Сидит впотьмах надутая Горгона -
и так домой не хочется идти...

Придёшь с работы, битый жизнью лузер,
она в печали и не хочет спать...
Заглянешь вглубь - а там... сидит медуза!
Фильм ужасов: «Медуза - 35»!

Раскусила!**Эпиграф:**

*Ты на меня сначала бросил взгляд,
потом очки протёр, смотрел под лупой,
глазам своим не веря (странный? глупый?).
Наверно, близорук, не виноват.*

*Возьми еще покровное стекло.
Я в капле буду дергаться амебой.
А ты, корпя над пойманной особой,
поморщи гениально-умный лоб.
<...>*

*Заполни результаты наблюдений.
Поставь число (возможно, понедельник).
Я знаю, ты не понял ничего.*

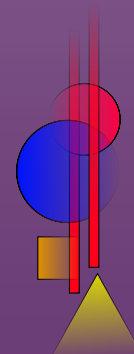
Елена Картунова. Близорукий

Бесперспективный, в общем-то, ботаник.
Салфетка, запотевшие очки.
В его пробирках Светы, Оли, Тани -
амёбы с напомаженными ртами.
Он - гений, а вокруг все дурачки...

Вздыхаю в тишине лабораторий
я в тувельках на шпильках - от New Look:
вот это ум! Не мозг, а лепрозорий!
Не отличил меня от инфузорий -
размазал по покровному стеклу.

Ни ревности, ни шуток, ни страданий,
ни мексиканских бешеных страстей.
Ходячий повод для разочарований.
Понятно всё! Ты близорук, ботаник!
Моллюск во льду - в лимонной кислоте.

*New Look - «Новый взгляд» - американская фирма по производству обуви

**Юрий
Фрагори́йский
(Птицелов)**

Маркиз и Бобби

История страсти и мести

Эпиграф:

*Я не сказал тебе этого, струсил.
Дорого стоил поджатый мой хвост.
Было больнее от яда в укусе,
Годы спустя. Норов правды не прост.
Терпит он долго, но мстит без пощады,
Топит любовь, ей давая вдохнуть.
Стоны умолкли, а бранью площадной,
Только со дна поднимается муть.*

Сергей Медведев (Таксист).**Я не сказал тебе этого...**

Как-то трусил у пруда я, гуляя,
у своего отраженья - завис:
видно недаром мой славный хозяин
дал мне прекрасную кличку - Маркиз.
Хвост мой вилял в ароматах и звуках,
стрелы пускал в облака купидон...
Вдруг увидел я прекрасную суку -
вздыбился враз кобелиный гормон!

Страстью в любовный капкан будто загнан,
зверского полон и злого огня,
быстро пристроился сзади... Внезапно
блохи буквально вцепились в меня!
Между чесоткой от блох и любовью
сердце моё разрывал острый зуд!
Как мне объять необъятное, Бобби?
В общем... накрылся весь наш Болливуд.

Ты укусила меня от досады.
Хвост я поджал аж до самой зимы -
с мыслью о мести похлеще де Сада.
Бобби! У проруби встретились мы!
Ты заплатила за прошлые муки -
блюдо из мести мороз преподнёс!
Я утопил тебя, жалкая сука -
это цена за поджатый мой хвост!

Американские альфонсы

Эпиграф:

Из анонимного объявления
на «столбе» литературного сайта:

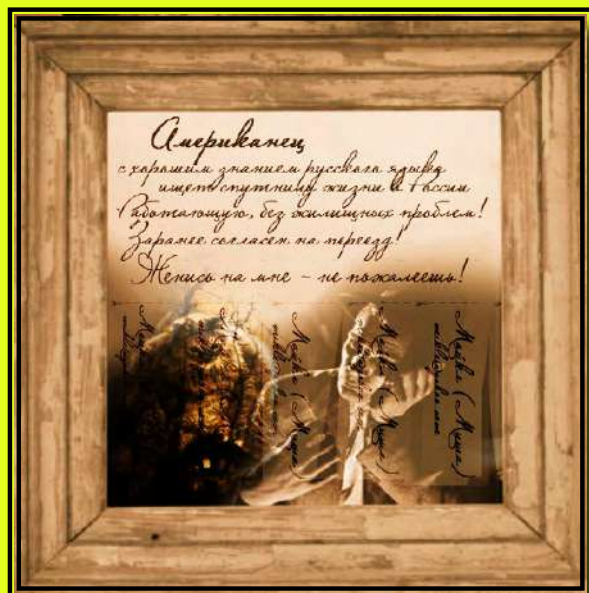
*Девчонки, закатайте губки
Американцы выбирают равных себе
женщин, им точно не нужно нахлебни-
цы, которые будут выкачивать из них
деньги. Так что если вы мечтаете о же-
нитбе на иностранце и безоблачной,
беззаботной жизни домохозяйки, пора
бы об этом забыть.*

(Конец цитаты)

Американские альфонсы
надменно ищут русских баб:
поизносились билли-бонсы,
поистошился баоаб,
уже не сладко жить «по фрэйду» -
и перегружен местный ФСИН,
и стыдно уличному флойду
лизать подошвы мокасин.

Пора прикинуться «мессией»,
чья сила - спесь и похвальба,
и колотить понты в России...
Совсем, видать дела - труба.

Липучий, цепкий, что омела,
злой перестарок в неглиже!

Увы, Россия поумнела -
её не разведёшь уже.

Попридержи альфонсов гонор
из лени, пива, табака.
В России женщина не донор,
не «женится» на слабаках.
Котяры в стрингах и в пижаме
уже не в моде, и давно.
Здесь женщины выходят замуж -
в России так заведено.

Классики во снах

*Цедила классику ты между снов,
и выпирала, блёклая вначале,
тригоринская клетчатость штанов
красноречивей убиенных чаек.*

Наталья_Матвеева. Цедила классику

Почитывала на ночь я романы
И классику цедила между снов.
Битком набиты памяти карманы
фундаментом инстинктов и основ.

Во снах всё шастал клетчатый Тригорин,
в одних штанах ходил вокруг стола,
и выпирал - вне всяких категорий -
его харизматический талант.

О снах писала я в дневник записки -
читая их, краснел порочный Фрейд,
на землю чайка падала без писка,
Набоков не попал с Лолитой в тренд.

От гениев, как в бане, было тесно -
во снах они сновали без порток...
Я сны смотреть уже стесняюсь, честно!
Показывают, право, чёрт-те что.

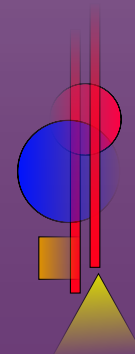
Ушла

Эпиграф:

*пустая голова, пустой вагон,
пустые мысли по пустому полю,
пустые окна и пустой перрон;
зачем я только прошлое неволю?
пусть уезжает; только утром мгла
алеет у черты слиянья с небом.
и греет тостер краешек стола,
терзая память подгоревшим хлебом.*

Виктор Ка. Она любила тосты и...

Сбежала, всё! Уехала, ушла!
Пуст шифоньер, а также холодильник.
Жизнь — вдребезги, и не идут дела —
газ не горит, не тикает будильник.
Грызу сухарик черствый, воду пью,
печаль такая в отощавшем пузе!
И голову несчастную мою
Терзает память, будто грелку Тузик.
Не могут мою бывшую найти
Ни Шерлок Холмс, ни даже доктор Ватсон.
Я б пожелал ей доброго пути —
Мон шер, но где ж теперь мне харчеваться?!

Ушла, зараза...

Эпиграф:

*Ушла любимая... Печальный этот факт
Потряс моё бесхитростное Эго,
<...>*

*Ты мало что ушла — ты и пошла,
И двоедушна, и властолюбива.*

Бакенщик. Ушла любимая

Сидят бабульки, и шепчась и зыряка,
кивая в такт размеренным шагам.
Ушла, зараза, цокая и фырка,
на длинных вызывающих ногах.
И пусть милы погоны и бушлаты
моей зазнобе — я грустить привык.
От всей души скажу ей: да пошла ты... —
чистосердечно так, и напрямик.

Борзый

Эпиграф:

*Белые берёзы,
Жёлтые стога.
<...>*

*В городах-деревнях
Как и прежде, грязь.
<...>*

*Гибель для насилия
Мирный нрав славян.
Милая Россия,
Я твой сын - боян.*

Андрей Колотушкин

*Белая берёза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

Сергей Есенин

- Здравствуй, друг Есенин!
Хау ду ю ду?
Я тебе на смену -
слышь, гони дуду!

Но пижон эстетский
холоднее льдин!
В рот его поэтский
палец не клади...
Смерил взглядом метко,
сгрёб мой френч рукой,
усмехнулся едко:
- Эй, ты кто такой?

- У меня мандаты,
финка и ружьё!
На башке рогатой -
злое вороньё!
Подменяю сказ твой:
где добро - там зло.
Крашу черной краской
всё, что здесь - бело.

Станешь в песнях пьянью,
Люди станут - пьянь!
Не простой «боян» я -
чёрен мой «баян».
Смыслы наизнанку
выверну, как вор,
и прочту России
бесов приговор.

Что ты кривишь рожу?
Хлопнем коньяка?

Поглядел Серёжа -
как на дурака.
Опрокинул краски,
пнул ногой под зад,
и на уши каску
нахлобучил, гад.

Шепчутся березы,
будто дело шьют:
«С кем попало, борзый,
на Руси - не пьют...»

Эпохе каждой - по пииту!

Эпиграф:

Любому веку нужен свой пиит...

*Ах, не все-то масленица коту,
настает ему и великий пост,
настает расплата за светлый грех...*

*Может, в жизни главное — трепет век,
перелет зрачка, разворот бровей...*

*Не убивайся — когда оглох
Бетховен, забыл ли он,
что после эха следует вдох
и после молчанья стон?*

(Бахыт Кенжеев, стихи)

Обрюзгла муза. Жуткий целлюлит.
Плодятся не стихи, а недомерки.
Словам без смысла повелел пиит
Скакать, как ста чертям из табакерки.

Во тьме грехов - поэта светел грех:
грехом особенным грешит поэт бумажный...

Перелетел зрачок... Вслед многих эх
забыл Бетховен застонать...

Не важно,

что все слова мертвы, неведом стыд
актёру бреда на подмостках шатких.

Эпохе соответствует пиит.

Какие «сеньки» — таковы и «шапки»..

Порфирия

*Я сижу возле окна
И смотрю на дождь.
Выпиваю всё до дна —
И бросает в дрожь.*

<...>

*Дрожь проходит, за окном
Дождь уже молчит.
Я впадаю в вечный сон,
Сердце не стучит.*

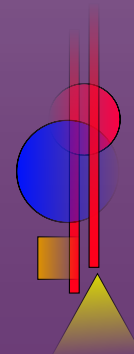
Владислав Пучинский. Дрожь

Утихает эйфория.
За окном унылый дождь.
От жестокой порфирии
сотрясает кости дрожь.

Отхлебнувши из стакана
теплой кровушки глоток
вспоминаю суть романа:
локон, шею, завиток,
ночь, причёску в беспорядке,
соль на лезвии ножа...
Было весело и сладко,
было некуда бежать.

Нет тебя — и делать неча.
Сердце не стучит — века.
Засыпаю.
Сон мой вечен.
Подпись: Дракула.
Тчк.

*Порфирия — болезнь, которая делает человека п
охожим на вампира — в первую очередь, внешне.

**Юрий
Фрагориийский
(Птицелов)**

Игры

ЛИТЕРАТУРНЫЕ

Алексей Харламов (1840 — 1925)
Подруги

*Просто?
Совсем не просто*

Игра ассоциаций ТиС

Загадочные поэзо-пиктограммы

№1

Подсказки

Стихи написаны между 1821-1877 годами

ПРАВИЛА

Это первый уровень Игры ассоциаций ТиС.

Предлагаем принять участие в этой игре всем, кто читает много стихов и хорошо знает мир поэзии.

Эти загадочные поэзо-пиктограммы включают в себя несколько картинок, которые могут вызвать определенные ассоциации, связанные с прекрасными стихами известных поэтов.

Вам необходимо разгадать эти стихотворения и их авторов.

№2

Стихи написаны между 1892-1941 годами

PS
Все права на игру ассоциаций ТиС принадлежат литературному альманаху «Гражданинъ».
Игра ассоциаций ТиС публикуется впервые и только в литературном альманахе «Гражданинъ».

№3

Стихи написаны между 1886-1921 годами

Подсказки

Стихи написаны между
1915-1979 годами

№4

Стихи написаны между
1907-1989 годами

№5

Стихи написаны между
1924-1991 годами

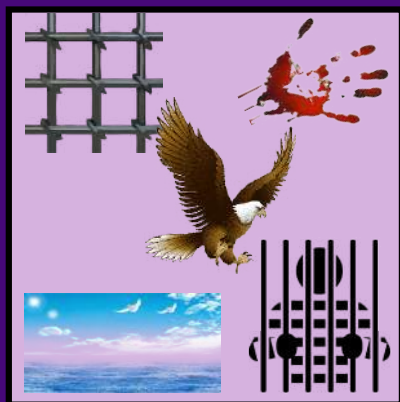

№6

Ответы на поэзо-пиктограммы из #4

№1

№4

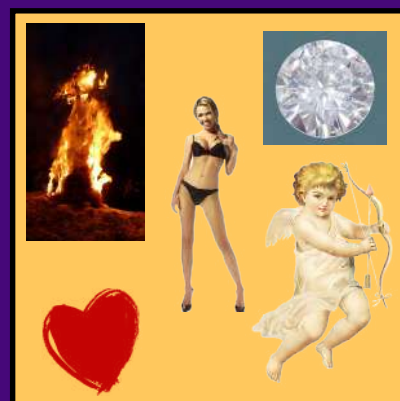
№2

№5

№3

№6

№1 Александр Пушкин
Узник

№4 Анна Ахматова
Песня последней встречи

№2 Михаил Лермонтов
Осень

№5 Сергей Есенин
Колдунья

№3 Александр Блок
Девушка из Spoleto

№6 Борис Пастернак
Поэзия

Почта

Николай Богданов-Бельский (1868 – 1945)
Воскресное чтение в сельской школе

*Чтение
для размышлений*

Отзывы читателей о №4

Спасибо за журнал! Думаю, что все получилось достойно! А журнал прелесть, как издан и оформлен!

Татьяна Дробжева

Дорогой Геннадий, огромное спасибо!

Оформлено просто великолепно! Скачала, сохраню и поделюсь публикацией с читателями! Всех благ!

Эмилия Песочина

Это лучшее сегодня литературное издание и по качеству исполнения, и по содержанию!

Владимир Зангиев

Вчера вернулся в Москву из Мещёры. Благодарю за альманах, спасибо. Много знакомых, а значит, читать буду с интересом.

Евгений Юшин

Номер выглядит просто роскошно! И материалы очень интересные!

Но их так много — просто не осилить всё...

Сил Вам и удачи!

С уважением —

Людмила Клёнова

Альманах получил и прочитал. Замечательный журнал!!! Спасибо!

Борис Свердлов

Журнал, судя по названию, надеется последовать дорогой консервативного дореволюционного журнала-тезки, последним главредом которого был князь Мещерский, а среди авторов Лесков и Писемский, Апухтин и Майков... И это интересно. Пусть будут журналы разных направлений: и либеральные, и консервативные. Иначе несправедливо и очень скучно.

В этом 4 номере стихи Леонида Мартынова — хорошая публикация. Из современных — большая подборка Станислава Ливинского (с довеском — литературно-критическим эссе). Об остальных авторах пока сказать ничего не могу: не посмотрела.

Удивило меня в одном из прежних номеров то, что Достоевский помещен под рубрику «Ретро-проза». Я возмутилась и даже не стала смотреть, что там опубликовано. По-моему, Достоевский — это проза будущего, поскольку Федор Михайлович вышел на такие слои подсознания и коллективного бессознательного (вспомним Юнга), какие мало кому и сейчас под силу даже разглядеть.

Мария Бушуева

Номера у вас отличные... меня восхитил дизайн и выбор фотографий, нравится раздел поэзии.

Спасибо, что верны традициям русского языка, культуры. Я знаю, что такое подбор материалов в журнал и могу оценить труды.

С уважением, искренним

Svetlana (Lana) Astrikova

Да будет долгим, славным, чинным в миру явленье «Гражданина»!

Анатолий Павловский

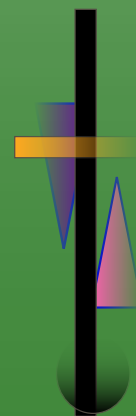
Грандиозный проект! Замечательный результат!

Удачи и дальнейших успехов и многочисленных читателей!

Игорь Мальцев

Спасибо за титанический труд! Очень интересный номер альманаха получился.

Дина Немировская

На обложке очередного «Гражданина» неспроста изображен М.Ю. Лермонтов. 27 июля исполнилось 180 лет со дня его гибели, которая до сих пор покрыта мраком.

О том, что не было никакой дуэли, а было обычное убийство, говорится в работе-исследовании писателя Попова https://rospisatel.ru/popov_m-lerm.html

Анатолий Воронин

Благодарю за 4 номер альманаха, проштудировала до корочки, очень достойные авторы и художественная подача, как, впрочем, и три предыдущих.

С пиететом, **Татьяна**

Уважаемая редколлегия! Познакомился и с альманахом, и с вашими литературными трудами. Уровень настоящего профессионализма. После сплошной литсайтовской белиберды, всяческих склок и бесконечных окриков банщиков попал в совершенно иной, тихий, спокойный и рассудительный мир образованных людей, с которыми не общался с советских времён. С сегодняшнего дня вместо форума трачу своё время на прочтение вашего альманаха.

Спасибо!

Валерий Гладышев

Здравствуйте, Геннадий!

Приношу извинения, что отвечаю с задержкой. Но причиной тому присланный вами журнал «Гражданин» и его публикации. Очень интересный и насыщенный номер!

Динамичный характер альманаха, его настрой на разговор с читателем, расположение материала, продуманность его разделов заражает своей энергией, тщательно проведенной работой, подбором материала и современным визуальным решением.

Замечательно!!!

Хотя мне кажется, объем выпуска чересчур велик, его можно было развить на 3-4 выпуска.

= = =

Геннадий, я не предполагал что-либо писать, но после экспрессивных высказываний Леонида в редакционной статье не смог удержаться. Мне понравилось общее решение. Но воинственный характер вступительной статьи Леонида вызвал оторопь. Вот это место:

«Мы хотим донести до нашего читателя очень простые понятия, связанные с настоящей профессиональной литературой:

- 1) литература не может существовать вне идеологии;
- 2) литература не может существовать вне морали;
- 3) литература не может существовать вне цензуры.»

= =

1. Литература не может существовать вне идеологии.

А какая идеология была у Гоголя, Чехова, Фета, Есенина? А стихи написанные ради самой поэзии, а тысячи стихов о любви, о закатах и рассветах, о красоте своей земли? Их тоже нет? В каких формулах она ими изложена? Стремление Гоголя попасть в русло государственной политики, проявить верноподданические чувства и создать положительных героев, угодных, по его мнению, власти, привело только к уничтожению второго том «Мертвых душ». И тем он пошел против своей профессиональной задачи — писать, чтобы тебя читали.

А вот отношение Пушкина:

Иная, лучшая, потребна мне свобода:

Зависеть от царя, зависеть от народа —

Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь самому

Служить и угождать; для власти, для ливреи

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи;

По прихоти своей скитаться здесь и там,

Дивясь божественным природы красотам,

И пред созданьями искусств и вдохновенья

Трепеща радостно в восторгах умиленья.

Никому отчета не давать!

— Вот счастье, вот права.

Поэзия полна стихами, не касающимися политики. А идеология — это дух политики, её концентрированное выражение.

2. «Литература не может существовать вне морали»

Конечно. Но тут ничего нет ни нового, ни особенного. Литература отражает отношения между людьми, которые регулируются моралью. Потому её произведения не могут быть вне морали. Это очевидно.

Наверное, автор ведет речь идет о содержании моральных постулатов и норм? Литературное произведение, безусловно, отражает умонастроение автора, и потому оно может быть и высокой, и хамской, одухотворенной и низменной. К примеру, Де Сад и «Лолита» Набокова.

А разве Иудушка Головлев, Печорин, герои «Бесов» — это носители высокой морали? Можно еще на Избу зайти в раздел «Матерные стихи». И много других примеров можно привести.

3) Литература не может существовать вне цензуры.

Этот тезис мне кажется саморекламой собственной крутизны.

И какая же цензура понадобилась Булгакову, Платонову и сотням авторов Самиздата, отразивших в своих сочинениях уклад и характер жизни советского периода?

А вот Радищева Екатерина отцензуровала ... на 10 лет ссылки за то, что «знания имеет много, умные книги читал, но все видит в черном свете».

Никак не смог разгадать, зачем издателям отличного альманаха, наполненного хорошей литературой, нужна подпись цензора? Казалось бы, все сделано: задумано хорошее издание, собрано, красиво и современно издано. Теперь дело за читателем — пусть покупает, читает, свои вкусы проявляет, новый альманах заказывает.

Так нет, надо перед кем-то спину согнуть, свою преданность показать?

А главное — перед кем? Нашу власть ни книги, ни спектакли, ни телепрограммы, заполненные скандалами и пошлятиной не интересуют. Тут хорошо бы понять, в чем дело — или наша власть не понимает своего счастья ставить разрешения на газеты и журналы или издатели альманаха все еще живут нравами и обычаями полувековой давности?

А у нас ведь на дворе третий десяток нового века пошел! В ходу цветные революции, мир наполнен ложью, фейком (наглой ложью). Шоумены и комедианты в президенты поперли и народ их поддерживает. Мир меняется, теперь ударная сила из ракет и боеголовок переместилась в институты, школы, даже в детсады, где мамы спорят о необходимости прививок детям и с какого возраста начинать сексуальное воспитание?

Западные фонды открыли массу школ, институтов и курсов, где идет борьба за умы молодежи, за которыми, как известно, будущее, и которые составляют передовую часть цветных революций. И эти революции идут так успешно, что у нас в друзьях от бывших союзных республик осталась одна Белоруссия. И та до первых выборов президента.

Умело и тонко организованная «Мягкая сила» эффективнее танковых атак!

Что на этом фоне умный идейный лозунг, который мало кто из сдавших вождеденный ЕГЭ сможет понять? В обществе потребления жизнь постигается не интеллектом, а желудком и телом!

И наша власть не так тупа, как это может кому-то показаться. Если бы понадобилась цензура, завтра же был бы организован Цензурный комитет и штампы для лито под роспись розданы. А вот не надо!! Нужны новые формы работы, главным образом, с молодежью.

Ау, Константин Треплев! Твое время пришло! Изобретай новые формы!!

= = =

Но не помешают и новые темы. На наших глазах при нашем молчании происходит коррозия русского языка. Мы постепенно оказывается в англоязычной среде. На улицах даже сельских магазинов и кафе иностранные вывески и надписи. Импортные товары мы покупаем без перевода на русский язык.

В школах до сих пор не могут наладить качественное написание выпускного сочинения. Программа по русской литературе требует пересмотра, школьники оканчивают школу без глубокого знакомства с русской литературой. Однако, сдают ЕГЭ по иностранному языку.

В последние годы заговорили о втором иностранном в школе. Что это, как не подготовка наших детей и внуков для участи гастрарбайтера?

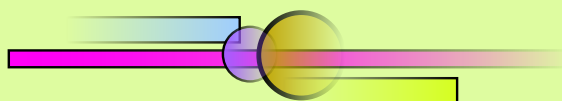
Участники телепередач щеголяют английским, канал Культура» заполняет экран второсортными зарубежными фильмами и спектаклями, долгими сериями передач об истории и географии зарубежных стран. Одна из самых популярных передач на российском телевидении — «Голос» превращена в пропаганду зарубежной музыки, исполняемой на английском языке.

Разговорный язык при активном воздействии радио и телевидения заполняется англицизмами — словами чужого для мелодики и артикуляции русского произношения. В инете открыта масса сайтов поощряющих и пропагандирующих внедрение англицизмов в русский язык. Следующим шагом надо ожидать требование о переходе нашего языка на латинский алфавит?

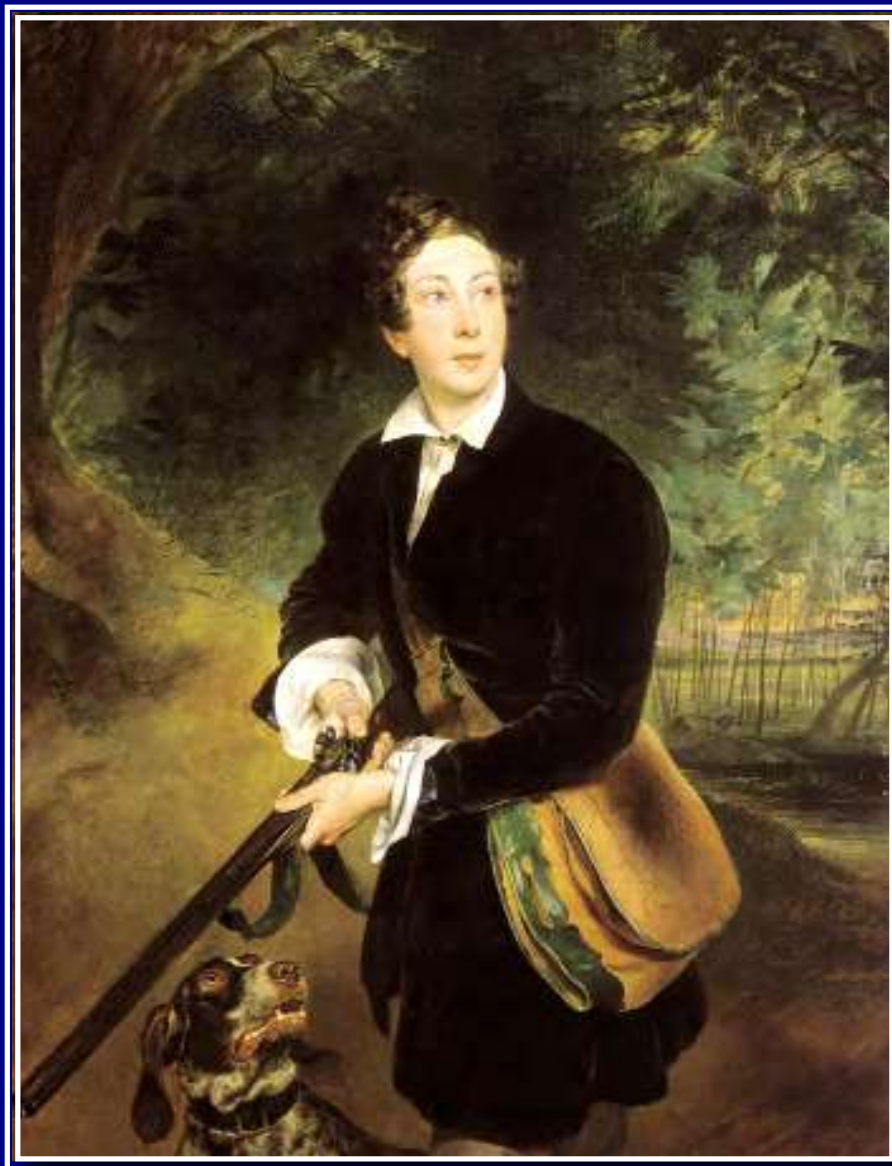
Вот где нужна цензура — в сохранении русского языка!

И если бы новый альманах обосновал и организовал движение за чистоту и сохранение русского языка, это было бы лучшим проявлением реального патриотизма.

Виктор Астраханцев

Наши авторы

Карл Брюллов (1822 – 1799)

Портрет поэта и драматурга Алексея Константиновича Толстого в юности

Высокошалантливые люди

Кто есть кто?

Поэт, переводчик, эссеист, прозаик, публицист, очеркист.

Родился 22 августа 1959 г. в Харькове. Закончил в Белгороде радиотехнический факультет Харьковского института радиоэлектроники (ныне ХНУРЭ). Автор многих книг стихов, прозы, публицистики, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Харькове, Белгороде. Автор-составитель энциклопедии «Храмы России» (Москва: ЭКСМО, 2008, 2010, 2012), а также альбомов «Храмы великой России» (М.: ЭКСМО, 2010), «Святые великой России» (М.: ЭКСМО, 2011) и других книг. В Белгороде изданы две большие книги публицистики и эссеистики Станислава Минакова — «У ограды Бела града» (2013) и «Райские отцветы в земных сумерках» (2017). Публиковался в журналах, альманахах, антологиях, хрестоматиях, сборниках многих стран. Стихи переведены на разные языки. Член Национального союза писателей Украины (принят в 1994, исключен по политическим мотивам в 2014), Русского ПЕН-клуба (2003), Союза писателей России (2006). Лауреат Международной премии им. Арсения и Андрея Тарковских (Киев–Москва, 2008), Всероссийской им. братьев Киреевских (2009), Харьковской муниципальной им. Б. Слуцкого (1998), «Народное признание» (2005), удостоен «Золотого диплома» Международного форума славянских искусств «Золотой витязь» (Москва, 2012), Золотой медали «Василий Шукшин» (2014), медали святителя Иоасафа Белгородского (РПЦ, 2019), медали «Герой Советского Союза писатель В. В. Карпов» (2020). Выступает в печати и как журналист. Автор сотен публикаций на сайтах «Столетие», «Православие», «Русская народная линия», «Русское воскресение», «Одна Родина», «Камертон» и других — на темы Православия, культуры, актуальной политики. С 2014 г. снова живёт в Белгороде.

Родился 26 февраля 1938 года в Тбилиси.

Известный советский и российский писатель. Политический и общественный деятель. Член секретариата Союза писателей России. Главный редактор газеты «Завтра». Лауреат премии Ленинского комсомола (1982).

В 1990-х — начале 2000-х годов были написаны романы «Последний солдат Империи» (1993), посвященный трагическим событиям августа 1991 года, «Красно-коричневый» (1999) о событиях осени 1993 года, «Чеченский блюз» (1998) и «Идущие в ночи» (2001) — о событиях в Чечне. Роман писателя «Господин Гексоген» (2001) был удостоен литературной премии «Национальный бестселлер» (2002). В последние годы были опубликованы романы «Крым» (2014), «Востоковед» (2016), «Губернатор» (2016), и др. Александр Проханов является автором сценариев к фильмам «Место действия» (1983), «За все заплачено» (1988), «Шурави» (1988), «Ущелье Духов» (1991), «Охотники за караванами» (2010), «Убийство городов» (2016). Проханов — председатель и один из учредителей Изборского клуба (сообщества экспертов, изучающих внутреннюю и внешнюю политику России). Член Общественного совета при министерстве обороны РФ. Соучредитель Международной литературно-медийной премии имени Олеса Бузины. Александр Проханов награжден орденами «Знак Почета», Трудового Красного знамени, Дружбы народов, почетным знаком «За службу на Кавказе».

Известный русский писатель, общественный деятель, журналист. Один из самых читаемых авторов России, прозаик, публицист, драматург и поэт, чье творчество вот уже более тридцати лет привлекает к себе всеобщее внимание. Член Союза писателей с 1981 года. Почетный профессор МГОУ.

Почти вся проза Полякова экранизирована, снято 15 полнометражных и телевизионных фильмов, в том числе: «Работа над ошибками» (1987), «ЧП районного масштаба» (1988), «Сто дней до приказа» (1989), «Левая грудь Афродиты» (1999), «Игра на вылет» (2000), «Замыслил я побег...» (2003), «Козленок в молоке» (2004), «Парижская любовь Кости Гуманкова» (2006), «Небо падших» (2012), «Грибной царь» (2013), «Золото партии» (2016), «В ожидании сердца» (2020) и др. Ю.Поляков является соавтором сценария известного фильма С. Говорухина «Ворошиловский стрелок» (1997).

Член СП России. В период с 1972 по 1997 г.г. служил в органах внутренних дел. В 1986 г. с должности заместителя начальника отдела УР УВД Астраханской области откомандирован в распоряжение Представительства МВД СССР в ДРА. На протяжении двух лет был советником спецотдела Царандоя Кандагарской провинции. Последние четыре месяца афганской командировки исполнял обязанности старшего советника МВД СССР в провинции Кандагар. Принимал непосредственное участие в 26-ти боевых операциях, в том числе - девяти крупномасштабных. В феврале 1995 г. и октябре 1996 г. командировался в Чечню для выполнения спецзаданий. В 1997 году в звании подполковника вышел в отставку. Награжден правительственными наградами, в том числе, орденом Красной Звезды, орденом Слава (ДРА), медалями СССР, ДРА и РФ.

Станислав
Минаков

Александр
Проханов

Юрий
Поляков

Анатолий
Воронин

**Рафаэль
Басыров**

Родился в 1965 году в Астрахани. Прозаик, блогер, журналист. На нескольких литературных сайтах опубликовал роман, повесть, рассказы и др. Тематами своих работ неизменно выбирает нашу современную жизнь со всеми её особенностями и сложностями.

**Людмила
Клёнова**

Профессиональный музыкант, пианистка, поэт, концертмейстер, педагог, член СП России, член Союза русскоязычных писателей Израиля, член Международного Союза Писателей «Новый Современник» и Международной Творческой Ассоциации «Тайвас» (Финляндия), член общественного совета и редколлегии литературного альманаха мировой русскоязычной диаспоры «Под небом единым», Судья с серебряной мантией Международной Судейской Коллегии, лауреат международных конкурсов поэзии и прозы. Девять изданных сборников, публикации в международных альманахах.

Людмила о себе:

«Собаки, кошки, Драконы и лошади - мои давние друзья :-)

Люди - умные, талантливые, тактичные - моя любовь...»

**Мария
Знобичева**

Родилась в Тамбове в 1987 году. В школьные годы занималась в литературно-творческом объединении «Тропинка» при областной детской библиотеке.

Окончила институт филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, защитила кандидатскую диссертацию «Гоголь в художественном сознании Есенина: философия и поэтика русского пространства».

В 2005, 2008, 2012 и 2015 годах участвовала в Форумах молодых писателей в Липках и Звенигороде (семинар журнала «Наш современник»).

Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Вертикаль», «Введенская сторона», «Волга XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Веретено», в интернет-журнале «Молоко», в «Литературной газете», в «Роман-газете» и других изданиях.

Лауреат Всероссийской премии имени М. Ю. Лермонтова, литературной премии имени Ю. П. Кузнецова журнала «Наш современник», литературной премии «В поисках правды и справедливости».

Работала в школе, университете. В настоящий момент руководит Центром творческого развития детей «Мир слова» при Центральной детской библиотеке им. С. Я. Маршак г. Тамбова.

**Вероника
Сенькина**

Родилась в 1976 г в Москве. Поэт, переводчик, член СП России.

Автор 5 книг стихотворений. Публикации: в «Литературной газете», журнале «Работница» и других периодических изданиях.

Победитель интернет-конкурса Всероссийского фестиваля авторской песни им. Валерия Грушина в номинации «Поэзия», призёр конкурса «Супердесятка - поэзия» (Кубок мэра города Королёв), победитель конкурса «Национальная литературная премия Золотое Перо Руси» в номинации «Поэзия», победитель международного литературного фестиваля «Славянские традиции» (второе место в номинации «О любви»), лауреат литературной премии им. Петра Вегина и литературной премии им. Ю.Г.Каплана,

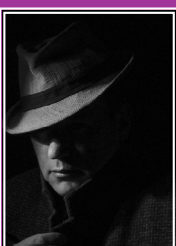

**Андрей
Кулюкин**

27.02.1987 г.р., член Мурманской региональной организации Союза писателей России. Участник IV Всероссийского совещания молодых литераторов в Химках, лауреат литературной премии политической партии «Справедливая Россия» за 2019, 2020 годы, премии «Мурманский берег» за 2020 год, всероссийского литературного фестиваля «Осиянное слово» в 2021 году, литературного фестиваля «Капитан Грэй» (г. Мурманск) в 2019, 2020 годах.

Два опубликованных сборника стихов: «Стихи на бересте», 2019 год, «Небеса нарасташку», 2020 год.

Произведения публиковались в литературных журналах: Роман-газета, Сибирские огни, Приокские зори.

**Сергей
Горцев**

Как писатель и поэт представлен своими произведениями в Прозе.ру и в Стихи.ру. О себе он пишет:

«В разные годы издано три моих книги, ещё несколько (на музыкальные и исторические темы) написал в соавторстве с друзьями. Тиражи небольшие, но время от времени мне приходят письма от читателей. Чаще пишут женщины, и их интересует не собственно творчество, а то, что окружает автора: его семейное положение, возраст, профессия, хобби... О творчестве, литературе обычно спрашивают мужчины.

На моё увлечение литературой повлияли мама, которая, закончив с отличием педагогический институт, около тридцати лет работала библиотекарем, а также прекрасные учителя в школе. Проводить время среди книг и читать нравилось всегда. Любимыми писателями являются Л.Толстой, М.Горький, А.Чехов, И.Бунин, С.Цвейг...»

Член Союза писателей РФ, заместитель председателя Астраханского отделения Союза писателей России. Автор нескольких сборников стихотворений, изданных в разные годы в Москве, Волгограде и Астрахани. Лауреат Всероссийских литературных премии имени В.К. Тредиаковского и «Русское поле», других литературных премий. Награждён медалью «Навеки вместе» Республики Калмыкия и памятным орденом Сергея Есенина. Публиковался в журналах «Наш современник», «Смена», «Отчий край», «Идель», в «Литературной газете» и «Комсомольской правде».

*Борис
Свердлов*

ИЛЬИН Владимир Борисович – родился 29 мая 1950 года. Проживает в Козельске. Работал главным редактором районной общественно-политической газеты «Козельск». Был членом Общественной палаты Калужской области, советником губернатора. Ныне на пенсии. Почётный гражданин Козельска.

Член Союза писателей России. Автор 10 книг. За честное служение русской литературе на благо Отечеству награждён Благодарственным письмом Союза писателей РФ. За высокое служение современной русской литературе, русской земле и русским людям награждён Грамотой Союза писателей РФ. Является лауреатом национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (оргкомитет премии «Золотое перо Руси», МГО Союза писателей РФ, Фонд русской словесности). Обладатель звания «Лучший автор тысячелетия» (оргкомитет премии «Золотое перо Руси», МГО Союза писателей РФ, фонд русской словесности). Награждён Дипломом А.Т. Твардовского (за прозу о войне). Редактор альманаха «Злой град» со дня создания Козельского общества русских литераторов. Второй председатель КОРЛ, 10 лет возглавлял организацию.

*Владимир
Ильин*

Тима Ковальских (настоящее имя Дмитрий Акиншин), 30 лет. Окончил журфак Алтайского государственного факультета, работал в изданиях краевого и федерального уровней. Проживает в Барнауле. Литературное творчество считает хобби, которое помогает ему сублимировать эмоции и чувства. В разное время публиковался в журналах и альманахах «Esquire» (Москва), «Ротонда» (Киров), «Причал» (Ярославль), «Литерга», «Этажи» (Москва), «Ликбез» (Барнаул), «Первоцвет» (Иркутск), «Новый орел» (Орел), «Молоко» и др. Был участником Всесибирского семинара молодых литераторов, лауреатом литературных конкурсов «Сестра таланта», «Жемчужное ожерелье», «В будущее возьмут не всех». Готовит к изданию сборник рассказов.

*Тима
Ковальских*

Родился в 1982 году в Астрахани. Проходил военную службу в «горячей точке». Член Союза писателей России. Автор четырёх книг прозы. Лауреат общероссийской литературной премии «В поисках правды и справедливости», литературной премии имени Павла Бляхина, литературных конкурсов «С Тредиаковским – в 21 век!», «День Победы», имени Мусы Джалиля. Публиковался в журнале «Русский колокол», в газетах «Литературная Россия» и «День литературы», в еженедельнике «Секрет» (Израиль).

*Максим
Жуков*

Публиковался в газетах «Республика Крым», «Южная Столица», «Советский Крым», «Полуостров сокровищ», в журналах «Золотой Грифон», «Камуфляж» (Киев), «Физкультура и спорт» (Москва) Автор книг: серия изданий «Подземный Крым», «Очарованные Крымом». Автор книг прозы «Прыжок», «Доля», и поэтического сборника «Короткий сон». Дмитрий Тарасенко - автор, можно сказать, универсальный. Стихи и песни, рассказы, статьи, очерки, легенды, крымоведение - вот жанры, в которых он выступает в печати. Коренной крымчанин, член СП России, автор многих книг о природе, об истории, о городах, горах, пещерах и тропинках Крымского полуострова, главы своих книг он старается украшать и оживлять стихотворениями.

*Дмитрий
Тарасенко*

Родилась в 1992 году в городе Удомля Тверской области. Окончила экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и Литературный институт им. А. М. Горького (семинары Михаила Лобанова и Руслана Киреева). Публиковалась в журналах «Наш современник», «Роман-газета», «Традиция & Авангард», «Литература», «Подъем», «Волга – XXI век», «День и ночь» и др. Лауреат различных литературных премий, в том числе премии сайта «Русский писатель» в номинации «Новое имя» (2015), Южно-Уральской литературной премии (2017), премии «Русское слово» (2018), премии «В поисках правды и справедливости» (2019). Участник Форумов молодых писателей России и Китая (2018, 2019). Член Союза писателей России. Работает главным бухгалтером. Живет в г. Одинцово Московской области.

*Алёна
Белоусенко*

**Владимир
Безладнов**

Что я могу рассказать о себе? Режиссёр. Актёр. Художник. Литератор (член Союза писателей России). Родился в Ленинграде через полгода после прорыва блокады, и моё сознательное детство пришлось на тяжелейшие послевоенные годы, что в будущем не могло не сказаться на всём моём творчестве, как театральном, так и литературном. Свои ранние стихи опубликовал впервые в начале шестидесятых годов прошлого века, а потому совершенно убежденно отношу себя к весьма противоречивому поколению «шестидесятников»

**Виктор
Карпушин**

Родился в подмосковной Балашихе 11 февраля 1954 года. После окончания школы поступил в Первый Московский медицинский институт (фармацевтический факультет). Работал в аптеке, во Всесоюзном научно-исследовательском институте противопожарной обороны МВД СССР, на городском радио. Член СП России с 1995 года. Автор пяти книг стихотворений. Печатался в журналах «Юность», «Молодая гвардия», «Литературной газете», «Литературной России», газете «День литературы» и других изданиях. Награждён памятной медалью в честь 200-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова.

**Андрей
Данильсон**

55 лет. Родился в Новосибирске. После окончания школы поступил в Находкинскую мореходку, постигал премудрости профессии моториста. Был призван на воинскую службу в ВМФ, полгода обучался в Ленинградском УКОППе, получив специальность гидроакустика. Основной срок службы проходил в бригаде гидрографических судов Черноморского флота. Корабль входил в оперативную эскадру флота, выполняющую боевые задачи в Средиземном море. После службы вернулся в Новосибирск, получил профессию фотографа широкого профиля, большую часть жизни занимался именно этим. Двенадцать лет из тридцати был фотокором в известных новосибирских печатных изданиях. Стихи пишу с двенадцати лет. Многократно участвовал в различных сетевых конкурсах, достаточно часто занимал призовые места. Жизнь и поэзия для меня одно целое. Стихи - часть моей души и без них ее не существует. Член Союза журналистов России и член Российского Союза писателей.

**Евгений
Харитонов**

12.11.1985 г.р. Живет в г. Белгороде. Член союза Белгородских литераторов.

Лауреат Всероссийских и Международных литературных конкурсов. Публиковался в журналах: «Берега», «Александръ», «Таврия литературная», «Звезда Востока», «Бийский Вестник», «Краснодар литературный», «Пять Стихий», «Северо-Муйские огни», «Наша Молодежь», «Litterra», «Белая скала», «Сибирский Парнас», «Причал», «Ротонда», «Рассвет» и т.д.

**Александр
Рыжков**

Поэт, предприниматель, общественный деятель. В период 2003-2009 гг. написал около сотни стихотворений, тетрадь с которыми не нашел после возвращения с воинской службы, восстановив лишь несколько стихов по памяти. Далее активно занимался бизнесом и стихи не писал. Вернулся в поэзию в 2019г. Руководитель Рыбинского отделения совета молодых литераторов при Союзе писателей России с 2020г. Участник Всероссийского совещания молодых литераторов при Союзе писателей России «Химки-2021». Публикации: сайт «Российский писатель» 2020-2021гг. Сборник финалистов конкурса современной поэзии «Собака Керуака» 2020г. Сведущий литературной страницы в газете «Рыбинская неделя». Финалист конкурса современной поэзии «Собака Керуака» 2020г. г.С-Петербург Конкурс «Пером и кистью» в честь празднования 950-летия г.Рыбинска (выигран областной грант). «Фестиваль им. Льва Ивановича Ошанина» (первое место по результатам проектной школы Химки 2021) Литературный видео-проект «Люди в переплете» (соведущий, участник)

**Владимир
Родионов**

Родился 19 ноября прошлого века, в старинном городе Кашира, Московской области, пишу стихи с 19 лет. Печатался в альманахах Ступинского Литобъединения «Родники», в 2019 г. вышла моя пока единственная книга. Живу в Москве.

Родилась и живу в Подмосковье. С детства была очарована красотой и поэтичностью родных мест. Поэзия, несомненно, произрастает из детства. Первые стихи были напечатаны в журнале «Пионер». Дело жизни выбирала сердцем, а потому - педагогика, дети, распахнутые, доверчивые, пытливые души. Любимая семья, творчество, жизнь во всех ее проявлениях, не всегда светлых и радужных, - то, чем наполнена сейчас. И, конечно, с постоянной надеждой на доброе будущее...

*Надя
Турева*

Родилась в 1979 году в Новосибирске, там же прошло детство. Отец был военным, поэтому школьная юность пришлось на суровое, но от этого не менее любившееся Заполярье, где и окончила школу. После чего вернулась в Новосибирск, отучилась в ВУЗе и начала трудовую деятельность в банковской сфере. В 2009 году совершила личный жизненный переворот и переехала в Сочи, где и живу, никуда больше переезжать не планирую. Мне часто говорят, что в моих стихах много снега и много чаек – это на самом деле так, потому что я помню свой север и люблю свой юг.

Стихи начала писать около пяти лет назад, неожиданно для себя – по случайной просьбе. А после это стало целым отдельным миром, где мне до сих пор интересно и поэтому я продолжаю писать.

*Лана
Юрина*

Родился в Грозном (21 ноября 1944), окончил Ставропольский медицинский институт, работал врачом «Скорой помощи», служил военным врачом на Сахалине. По возвращению в Ставрополь 10 лет провел на комсомольской и профсоюзной работе, в политорганах МВД. Печататься начал с 1987 г. Первая публикация – «Уик-энд на берегу» (1987).

Василий Звягинцев, по мнению многих любителей научной фантастики, является одним из лучших российских писателей этого жанра. Он стоял у истоков альтернативно-исторической фантастики.

Самым большим трудом В. Звягинцева стала эпопея «Одиссей покидает Итаку», которую по достоинству оценили не только читатели, но и критики.

Скончался в 2016 году на 72 году жизни вследствие инсульта.

*Василий
Звягинцев*

Член Союза писателей России, автор 16 опубликованных книг стихов и документально-исторической прозы, участник восьми коллективных сборников, изданных в Москве, Астрахани и Волгограде.

Лауреат литературной премии имени Михаила Луконина.

Победитель Всероссийского конкурса «Твои, Россия, сыновья!», победитель Астраханского областного поэтического конкурса «С Третьяковским – в XXI век!». Автор текста гимна города Знаменска.

*Геннадий
Ростовский*

Я – Светлана Анатольевна Лихолёт. Муж называл меня Лана. Я инженер энергетик, почти 50 лет занималась проектированием сетей природного, коксового, доменного газа, кислорода, сжатого воздуха, пара, насосных и компрессорных станций на Донецком металлургическом заводе. С февраля этого года ушла на пенсию.

*Светлана
Лихолёт*

Эксперт философии и психологии, блогер, писатель,

автор десятка книг. Наиболее популярными стали книги «Доктор Жизнь» и «Опыты жизни». В них описываются психологические аспекты жизни человека и вся многогранность бытия.

В Уральском госуниверситете получила два высших образования: философское и психологическое. Член Союза писателей и Литфонда России. Лауреат литературной премии журнала «Урал» за роман «Охота Сорни Най». Ведет личный блог, где рассказывает о важных психологических аспектах жизни каждого человека. Часто выступает на региональных телеканалах в качестве эксперта. Проводит частные консультации, тренинги и семинары. В 2020 году её авторский YouTube канал превысил отметку в 450 тысяч подписчиков.

*Анна
Кирьянова*

**Геннадий
Васильев**

Родился в 1959г. в Томске. Служил в армии. После службы работал на последней ударной стройке коммунизма - Канско-Ачинском топливно-энергетическом комплексе (КАТЭК, г. Шарыпово Красноярского края). Там же стал работать в районной газете.

С 1987 года - в Красноярске, и до сих пор профессионально занимаюсь журналистикой. С 2011г. - член организации «Писатели Сибири», с 2015г. - член Союза российских писателей. Пишу стихи, прозу (есть три романа и рассказы), с недавних времен пьесы. Активно публикуюсь в журналах «День и ночь», «Енисей», «Байкал», в коллективных сборниках, опубликовано три книги стихов и столько же - прозы. В настоящее время готовлю к изданию очередную книгу, куда войдут стихи, рассказы и две пьесы.

**Вячеслав
Кислицын**

Родился 28 ноября 1963 года. Окончил Свердловский строительный техникум в 1983 году. Работает в крупной российской строительной компании ведущим механиком. Первое стихотворение написано в 1979 году. Первая публикация в газете «Свердловский строитель» состоялась в 1981 году. В конце восьмидесятых был участником «Литобъединения им. М.М. Пилипенко» при областной молодёжной газете «На смену». В период с 1981 по 1992 год печатался в газетах «Свердловский строитель», «Советский воин» - газета Краснознамённого Сибирского Военного Округа, «На смену», в журнале «Пастор Шлаг». С конца 1992 года работал с молодыми музыкантами Екатеринбурга, пишет стихи к песням. В 2017 г. опубликована первая книга: «В муравейниках спят муравьи», в 2018 г. – вторая: «Караваны идут по пустыне», в декабре 2020 года третья - «Как просто». Публикуется в газете «Литературный Крым», журналах «Белая Скала» и «Московский Парнас». Участвует в различных региональных и всероссийских конкурсах. Победитель, призёр, дипломант, финалист нескольких литературных конкурсов, премии «Наследие - 2018». Лауреат 1 степени в номинации «Поэзия» Всероссийского творческого фестиваля-конкурса «Русский Лад» - 2021. Член РОО «Союз писателей Крыма».

**Юрий
Табачников**

Литературный псевдоним Юриэль. Родился 27.03.1959 в г. Львов. Жил и учился в гг. Владивосток и Иркутск. Окончил театральное училище и Институт Искусств по специальности. Работал в театрах кукол, драмы, руководил театральной студией при С.Т.Д. Член Международной актёрской ассоциации «Э.М.И.» С 1991 г. в Израиле. Жил в Тель-Авиве, где руководил театром эстрадной куклы «Бубидур» с 1991-1993 гг. Ныне – в городе Ариэль. Публикации в сборниках, журналах и альманахах: дайджест лучших пьес на русском языке за 2017 год. По итогам международного конкурса «Время драмы»; русско-израильский сборник по итогам конкурса им. Шалом Алейхема. Москва, 2017 год. Том 2; «Северо-Муйские огни» (4 выпуска); авторский литературный журнал Россия-Германия. Новосибирск; «Строки Ариэля» (2 выпуска); «Лучшие стихи об осени». Москва (2018); Драматургия, Израиль, «Понедельник», Израиль, No№3, 4, 6; «Роза ветров», No 4, повесть (2001 год). Тель-Авив; интернет-журнал «Драматург», Киев (2013 и 2014 гг.); «Крым», No 1 (2017); сборник по результатам международного фестиваля комедийного искусства Га Шо Тюю. Киев (2018); сборник пьес «Сюжеты в ожидании постановки», том. 2. Изд-во Хелен Лимонова. Тель-Авив (2019). Диплом. Поэзия. В номинации «Духовное развитие? Прага. 2028 г. Награжден дипломами Международного литературного конкурса «Центр Европы» г.Псков; Союза писателей Крыма им. Куприна. г. Симферополь. 2016 г.; и звание лауреата в номинации «Проза». Германия-Израиль. 2 мая 2019 г.; и номинация «За поэтическое мастерство». Израиль-Германия. 2019 г.; Международного конкурса им. Дюка де Ришелье в номинации «Драматургия». Германия-Украина. 2017 год.; Международного конкурса им. Дюка де Ришелье в номинации «Поэзия». Германия-Украина. 2018 год. Библиография: 2017 – «Психо-блюз». Мини роман и рассказы. Изд-во «Альгасфера». 548 стр. Канада. Награды: 1 место, диплом и статуэтка международного конкурса «Русский стиль в Париже» за рассказ «Реквием по Иуде» 2019 год.

**Валерия
Салтанова**

Поэт, публицист, переводчик, литературный критик, композитор, автор-исполнитель, редактор, издатель. Член Союза писателей России, Союза журналистов России. Окончила Воркутинское музыкальное училище по классу «Фортепиано» и московский Литературный институт им. Горького, факультет «Поэзия».

Автор семи поэтических книг, более 150 песен, написанных на собственные стихи, а также на стихи поэтов Республики Коми, классических и современных русских поэтов. Более 10 лет возглавляла воркутинское литературное объединение «Сполохи», выпускала литературную страницу в воркутинской газете «Заполярье». После окончания Литинститута активно занимается составлением, редактированием, изданием книг самых разных авторов. Лауреат и дипломант ряда международных конкурсов, фестивалей и форумов.

**Светлана
Макаренко-
Астрикова**

Светлана Анатольевна Макаренко-Астрикова (также Лана Астрикова).

Писательница, поэтесса, эссеист. Родилась в 1967 году в Казахстане. Доктор наук, преподаватель, филолог. Член Международного Союза Писателей, Клуба мастеров современной прозы «ЛИТЕРА К». Автор нескольких романов, повестей и рассказов, сборников стихов, опубликованных в России и других странах, в сети Интернет. Окончила в 1988 году Семипалатинский государственный педагогический институт. Защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук по творчеству Марины Цветаевой. Живет в городе Астана, Казахстан.

**Тамерлан
Техов**

Член Союза писателей России, член правления Северо-Осетинского регионального отделения Союза писателей России, главный редактор Национального книжного издательства «Ир» РСО – Алания Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ

Евгений Чупров родился в Красноярске-26 (Железногорске). С 2010 жил в Азове (Ростов-на-Дону), с 2014 обитает в Крыму. Стихи представлены в Интернете (под псевдонимом Юджин Велос), были опубликованы в таких изданиях, как «Журнал ПОэтов», литературно-художественное издание «Ковчег» (XXXI), литературный журнал «День и Ночь», литературный альманах «Серебряный стрелец: Поэзия» (2008, 2009), в газетах и журналах Красноярского края, в ряде коллективных поэтических сборников.

Дипломант (2008 г.) и Лауреат международной литературной премии «Серебряный Стрелец» 2009 г. Победитель в номинации «Серебряный голос» (Лос-Анджелес, Калифорния, США)

В 2011 году в некоммерческой ознакомительной серии Ростовского регионального отделения Союза российских писателей «32 полосы» вышел авторский сборник стихов «АммонитЪ».

*Юджин
Велос*

Бабушка Арина проживает в городе Великие Луки, Россия. Девичья фамилия (фамилия до вступления в брак) - Калинина-Лариса-Петровна. Рождена в год Собаки по китайскому гороскопу, знак зодиака Скорпион.

*Лариса
Калинина*

Член Союза российских писателей, филолог-русист.

Публикуюсь время от времени, размещаю стихи на нескольких сайтах, но в смысле поэзии по большей части живу одиночкой и считаю это самым верным для себя способом «поэтического существования» (не люблю тусовок - люблю тишину). Издано 7 сборников стихов: «В одиночку не веря...» (2008) и «Детерминизм гендера, или Исповедь лирической героини» (2011), «Многогочие...» (2014), «Зеркала» (Новокузнецк, 2015, издана по проекту Фонда авторской поддержки «Народная книга»), «Адреса» (2017), «Два имени» (Новокузнецк, 2018. – 24 с. – (Союзники ; книга 12. Проект популяризации современной поэзии) «Личное дело» (2018).

Стихи публиковались в альманахах «Муза» (Москва, 2019), «45 параллель» (2020, 2021) «Зелёная среда» (Санкт-Петербург), «Наше слово» (Ростов-на-Дону), «Созвездие БелГУ» (2016- 2021 гг.); в сборниках «Поэт года-2014», «200 поэтов-2014», «24» (г. Москва) и др., в журнале «Союз писателей» (Новокузнецк), в региональных изданиях. Выступления с чтением стихов на Белгородском радио, в программе «Аурум» (г. Москва). Обладатель Гран-при и Первой премии в поэтической номинации Международного Тютчевского литературного конкурса (Овстуг, 2018), серебряный призёр Международного литературного конкурса «Есенинцы» (Москва, 2018), лауреат поэтического конкурса имени И. Григорьева (СПб, 2015), дипломант Открытого международного поэтического конкурса «Поэтическое определение перевода» (Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России, 2016) и др.

*Лана
Яснова*

Юрист, кандидат юридических наук. Публиковалась в «Авроре», «Южной звезде», «Литературной газете», «Сибирских огнях», «Молоко», «Русский Переплёт», «Юность», «Формаслов», «ЛИТТЕРА», «Подъеме», «Вторнике», «Эдита», «Север», «Литературный ковчег», в альманахах «45 параллель», «Неман», «Притяжение», серии альманахов издательства «Перископ», «Млечный путь», «Горизонт» и др.

Победитель номинации «Проза» международной премии «Антоновка сорок плюс» первого сезона, 2019 г., лауреат фестиваля «Капитан Грей» 2020, серебряный призёр фестиваля фантастов «Волгакон» 2020, победитель конкурсов: «В духе Стивена Кинга» в рамках «Неделя современного писателя 2020 г. Санкт-Петербург», «Север – страна без границ» 2021, «Ковдория» - 2021, 8 Всероссийского конкурса короткого рассказа «Сестра таланта» -2021, «Стилисты добра».

*Ирина
Соляная*

Всегда мечтала быть актрисой, но стала учителем. Хотя педагогическая деятельность тоже своего рода театр.

Пишу стихи, прозу, статьи по разным темам, иногда рисую иллюстрации к произведениям других авторов.

Мои произведения публиковались в ряде сборников.

Люблю читать хорошую литературу.

*Наталья
Сергеева*

Светлана Ивановна Скорик - поэт, литературный критик, главный редактор сайта Школа поэзии Стихи.про., автор восьми поэтических книг, методики оценки стихотворений, исследований по современным поэтическим приемам и распространенным ошибкам в поэзии. Участвовала в подготовке новой, полной академической редакции «Тихого Дона» Шолохова в издательстве «Московский писатель». Публиковалась в международных сборниках (США-Киев), в Москве, в Петербурге, на Дальнем Востоке и по всей Украине.

Выпускала международный литературный альманах «Провинция». Награждена Почётной грамотой председателя исполкома Международного Сообщества писательских союзов Сергея Михалкова за большой вклад в укрепление духовного единства народов России и Украины.

Пишет стихи, эссе, литературно-критические статьи, литературоведческие статьи, теоретические статьи по поэзии, учебные статьи в помощь молодым авторам, стихи для детей, литературную публицистику, научно-популярные статьи исторической и духовной тематики. Занимается теоретическим и критическим исследованием современной поэзии, анализом и пропагандированием её лучших достижений на своих сайтах.

Проводила работу по восстановлению распавшихся после 1991 года творческих связей, способствуя постепенному объединению литературных сил в союзы – Всеукраинское «Русское собрание», Международный Союз писателей (МСП), Конгресс литераторов Украины (КЛУ). Председатель Запорожского областного отделения МСП и второй заместитель председателя МСП, член КЛУ.

*Светлана
Скорик*

*Надя
Делаланд*

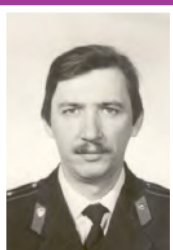
*Юрий
Фрагорийский
(Птицелов)*

*Александр
Токарев*

*Александр
Росляков*

*Евгений
Татарников*

*Леонид
Кутырëв-
Трапезников*

Надежда Всеволодовна Черных — русский поэт и филолог, литературный критик, арт-терапевт, кандидат филологических наук. Автор четырнадцати поэтических книг. Член Союза российских писателей и Южнорусского союза писателей.

Ю. Фрагорийский (псевдоним). В сети известен еще как Птицелов, Юрий Юзов. Родился в России (1968), до 2014 года жил на Украине (Донбасс). Высшее гуманитарное образование. Автор поэм, стихов, песенных текстов, прозаических миниатюр, рассказов, заметок, эссе. Темы - философия, политика, культура, творчество, литературная критика. Автор текстов песен разных исполнителей. Один из последних проектов – рок-группа «Гоша и Птицелов» в соавторстве с композитором и исполнителем Игорем Костиным. В настоящее время живет в России.

Родился 17 января 1978 года в Астрахани. Окончил Астраханский государственный педагогический университет в 1999 году по специальности «учитель истории и права». Семь лет проработал в средней школе учителем истории и обществознания. В настоящее время является главным редактором областной газеты «Астраханская правда». Публиковался в газетах «День литературы», «Советская Россия», «Правда», журнале «Российский колокол», региональных печатных изданиях. С 2015 года - член Союза писателей России. С 2018 года – член Союза журналистов России. Лауреат литературных премий имени Павла Бляхина (2016 год) и Олега Куликова (2017 год), «Чистое небо» (2019 год). Опубликовал книги публицистики «Между прошлым и будущим», «Против течения», «Искусство правды».

Писатель, журналист. Окончил филологический факультет МГУ.

Автор книг «Черный доктор», «Пять шагов», «Роман с урной», многочисленных публицистических публикаций в Сети. В интернете есть его сайт Росляков.ру.

Родился в Удмуртии в 1959 году. После школы в 1976 году поступил МВТУ им. Баумана, которое закончил в 1982 году и работал на ПО «Ижмаш» в отделе главного технолога, печатался в заводской многотиражке «Машиностроитель» на производственные темы. В 1988 году закончил высшие курсы МВД СССР и был направлен в МВД Удмуртии на оперативную работу, где и проработал до пенсии. Подполковник милиции в отставке. Проживает в Ижевске. Печатался в журналах «Литкультпривет», «Чайка» (США). Любимый жанр – юмористические рассказы. Любимые писатели: Шукшин и Гоголь.

Литератор, журналист, филолог, кандидат педагогических наук, член Международной ассоциации писателей и публицистов. Родился в городе Усурийске (Дальний Восток). Работал учителем русского языка и литературы, старшим научным сотрудником НИИ общей педагогики АПН СССР, заместителем директора школы по науке, главным редактором муниципальной и региональной газеты, заместителем гл. редактора газеты «Российский писатель», пресс-секретарем Союза писателей России. Автор нескольких книг, многочисленных журналистских материалов в отечественной и зарубежной периодике, а также стихов и прозы в литературных сборниках, газетах и журналах СССР и РФ.

Публицист. Остальная информация отсутствует.

*Юрий
Юзов*

Автор не предоставил альманаху биографическую справку. Информация об этом авторе отсутствует.

*Юрий
Антонов*

Литератор, критик. Живет в России.

*Роман
Тихонов*

Живет в Санкт-Петербурге. 44 года. Кандидат филологических наук. Литературный критик. Свободный художник. Холостяк. Избегает публичности.

*Арсений
Кшевинский*

Родилась в Екатеринбурге. Журналист. Художник. Фотограф. Живу и работаю в Москве. Не замужем.

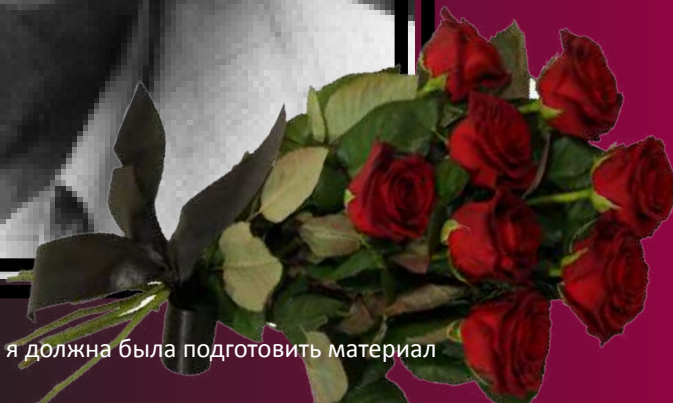
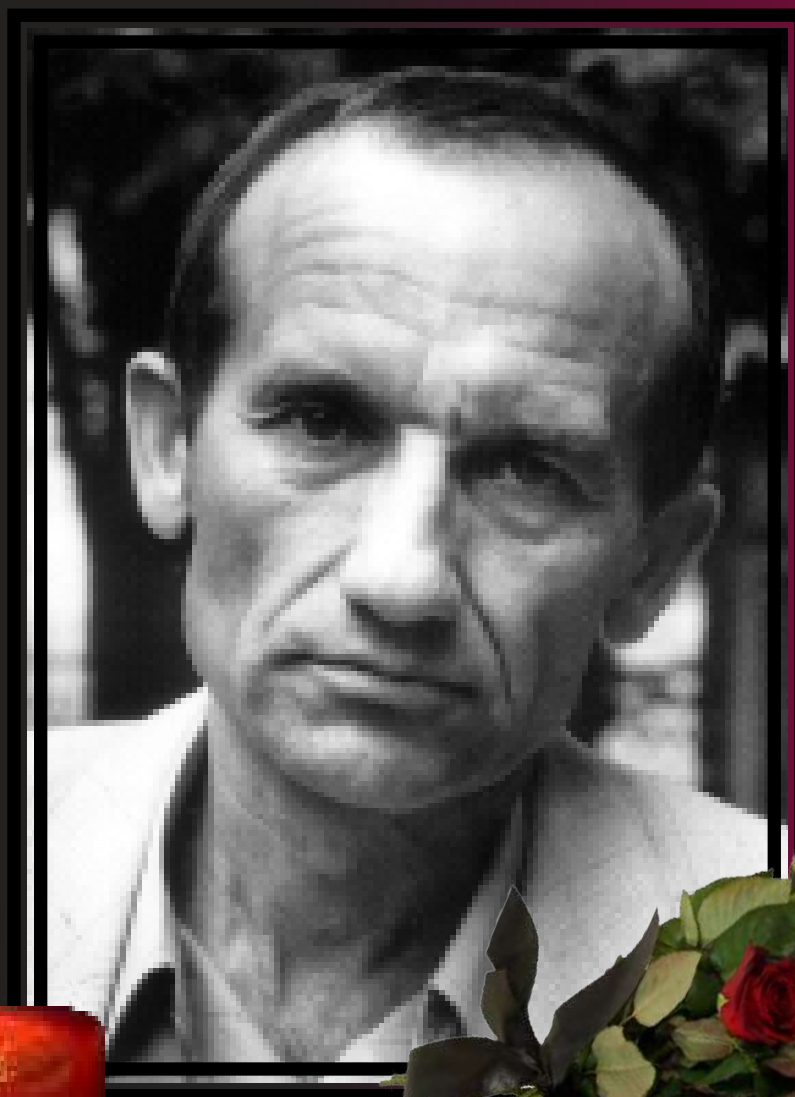
*Вероника
Астрова*

Родился, вырос, учился, женился в Москве. Здесь же и работает.

*Александр
Макеев*

Памяти Игоря Шкляревского...

Так получилось, что по заданию шеф-редактора альманаха я должна была подготовить материал об Игоре Шкляревском.

Из-за пандемии нам так и не удалось встретиться. Много раз и подолгу мы разговаривали с Игорем Ивановичем по телефону и часто наши беседы выходили за рамки моего задания. Трудно передать эмоции, которые рождали эти разговоры. Я как будто переносилась в леса Белоруссии, то смотрела на реку с плещущимися рыбками, то на облака в небе. Он был щедрым и отзывчивым человеком и много сделал для родной Белоруссии.

Его девизом по жизни можно считать вот эти строчки:

«Дай мне всё! Я не стану богаче. Всё возьми! Я не стану бедней».

Такое не всем дано и не все поймут.

Теперь уже можно раскрыть его маленькую тайну: в последние годы он очень плохо видел и жил одиноко. Иногда приходил друг Михаил Синельников и женщина, которая помогала по хозяйству. Так получилось, пандемия оборвала многие связи, в том числе и те, которые приносили небольшой доход. Но, в отличие от некоторых наших потенциальных авторов, он даже в мыслях не имел спросить об оплате за публикацию у нас.

Меня поразило, что он читал мне свои стихи наизусть. Для него они носили некий сакральный смысл. Он четко выстроил последовательность своих произведений для нашего альманаха, и мы выполнили его пожелание.

Наши беседы были удивительно душевными, и, казалось, между нами наладилась невидимая нить понимания. Игорь Иванович стал другом. Он помог нам познакомиться с Валентином Курбатовым, пытался помочь в издании альманаха «Гражданин» на бумажном носителе, но... не сложилось.

Мы сохраним самые теплые воспоминания об Игоре Ивановиче Шкляревском.

Светлая ему память.

Наталья Сергеева,

Ответственный секретарь литературного альманаха «Гражданин»

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ ТВОРЧЕСТВУ! К вам обращается редакционный коллектив литературного альманаха «Гражданинъ»

Мы приглашаем всех вас в наше профессиональное литературное содружество, которое включает в себя литературные сайты «ЛИТПОЭТОН» и «ГРАЖДАНИНЪ», а также группы ВКонтакте, Facebook, Твиттер, Одноклассники, Яндекс-Дзен, МирТесен, Telegram. Недавно мы открыли два литературных сайта «ЛИТПОЭТОН» и «ГРАЖДАНИНЪ», отныне являющимися базовыми для нашего главного общероссийского электронного некоммерческого издания – литературного альманаха «Гражданинъ».

Приглашаем вас зарегистрироваться на сайтах «ЛИТПОЭТОН» и «ГРАЖДАНИНЪ». Этим шагом вы открываете для себя двери в наше профессиональное литературное содружество, где встречаются и общаются люди, для которых РУССКИЙ ЯЗЫК является родным, а понятие ГРАЖДАНИН было, есть и будет важнейшим качеством человека, неразрывно связанного любовью к нашей стране – к большой и непобедимой Родине, вобравшей в себя все эпохи и всю историю нашего государства: и грандиозную Российскую Империю, и бесконечно великий Советский Союз, и современную Россию с её нелегкой судьбой, но устремлённой к новым высотам развития и ослепительным горизонтам будущего!

Литературный сайт «ЛИТПОЭТОН» – это портал свободного общения и публикаций всех авторов, которым близки идеи и направление литературного альманаха «Гражданинъ». Здесь можно демонстрировать свои творческие работы, а также высказывать свои взгляды и критические замечания на творчество других авторов. На этом сайте существует мягкая модерация, не допускающая ссоры и обидные высказывания в адрес других авторов. На этом сайте редакционная коллегия альманаха «Гражданинъ» будет искать новых авторов, творчество которых будет рекомендоваться к публикациям в нашем альманахе.

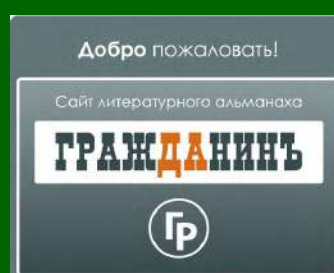
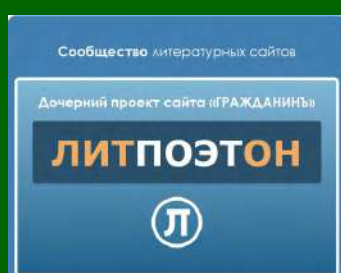
Литературный сайт «ГРАЖДАНИНЪ» – это портал для авторов литературного альманаха «Гражданинъ», для тех, кто уже был опубликован в альманахе, а также для всех тех, кто хотел бы более серьезно знакомиться и общаться с авторами альманаха.

Эти два литературных сайта, а также наш альманах «Гражданинъ» со всеми группами в соцсетях – это и есть наше профессиональное литературное содружество, единое целое и неразрывное друг от друга пространство для творческих личностей как в России, так и в русскоязычном зарубежье.

Наше профессиональное литературное содружество с огромной радостью примет всех тех людей, для которых русские культура, искусство и литература всегда будут необходимыми условиями для жизни точно так же, как воздух и вода, как хлеб насущный, как явление Бога в душе русского человека.

Редакционная коллегия и редакция литературного альманаха «Гражданинъ»

Нажмите на картинку и перейдите на наши сайты!

Скачать альманах

№1

№2

№3

№4

Читать альманах

№1

№2

№3

№4

Литературный альманах
ГРАЖДАНИНЪ на сайтах

Добро пожаловать!

Сайт литературного альманаха

ГРАЖДАНИНЪ

Гр

Сообщество литературных сайтов

Дочерний проект сайта «ГРАЖДАНИНЪ»

ЛИТПОЭТОН

Л

Литературный альманах
ГРАЖДАНИНЪ в соцсетях

ВКонтакте

Facebook

Одноклассники

Дзен

Twitter

МирТесен

Telegram

интерактивные кнопки

Нажать на кнопку!

